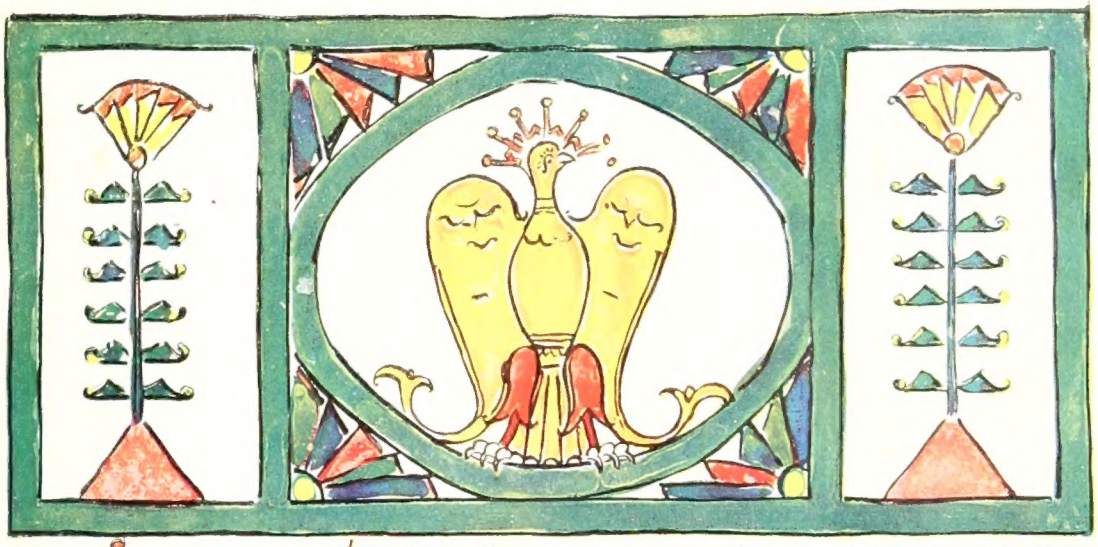
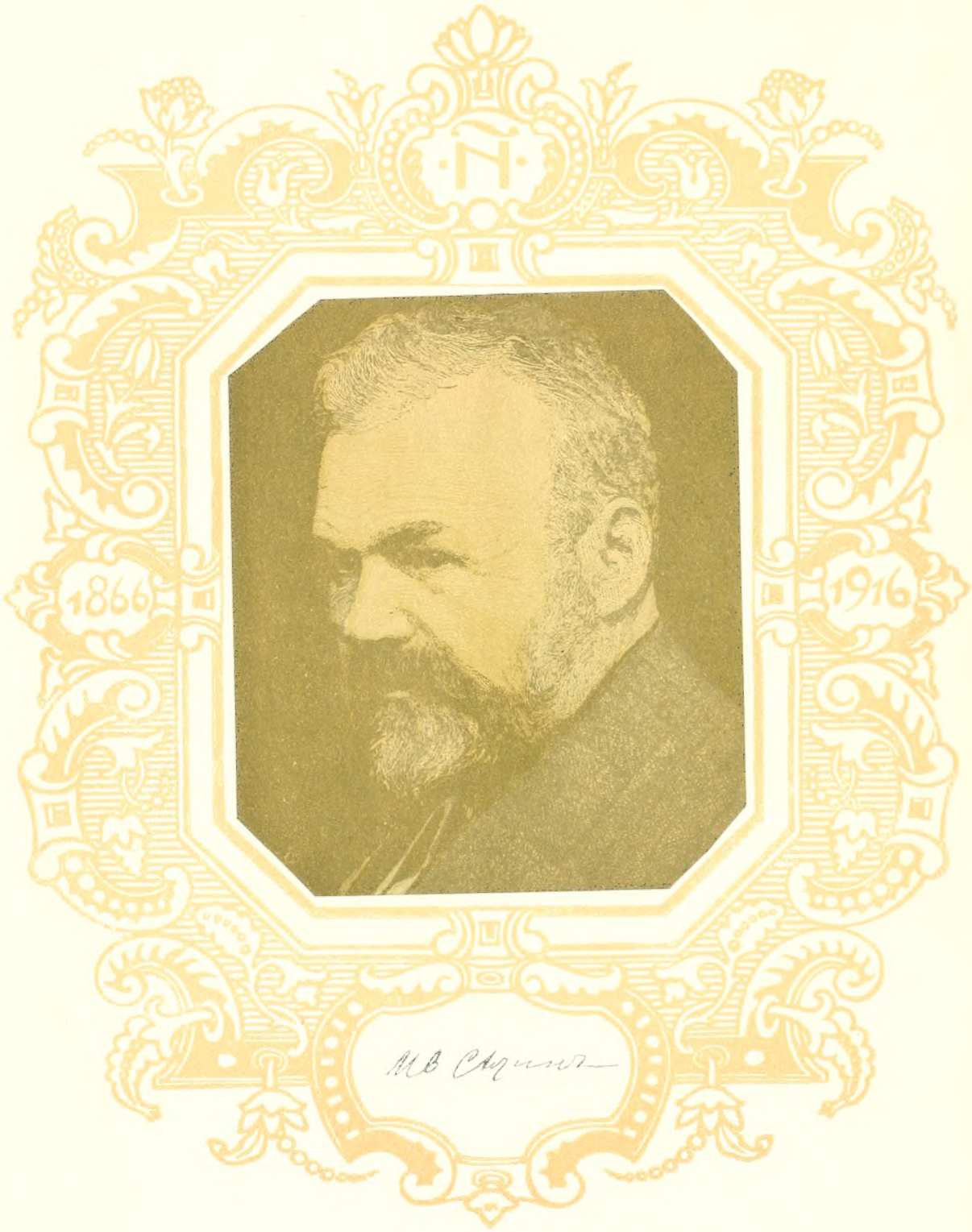
Presented to
The Library
of the
University of Toronto
by
ESTATE OF HE LATE
JOHN B. C. WATKINS



ПОЛВѢКА ДЛЯ КНИГИ

Типографія Т-ва И. Д. Сытина, Пятницкая ул., соб. домъ.
МОСКВА.—1916.



Авто-граєюра Ивана Павлова

1866 1916

ПОЛВѢКА ДЛЯ КНИГИ

ЛИТЕРАТУРНО-
ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
СБОРНИКЪ,
ПОСВЯЩЕННЫЙ
ПЯТИДЕСЯТИЛѢТІЮ
ИЗДАТЕЛЬСКОЙ
ДѢЯТЕЛЬНОСТИ
И. Д. СЫТИНА

МОСКВА

С. ГЕРАСИМОВЪ.

LIBRARY
DEC 8 1965
UNIVERSITY OF TORONTO
363
.96
103613

Изданіе настоящаго сборника пріурочено ко дню 50-лѣтняго юбилея Ивана Дмитріевича Сытина.

Цѣль сборника:

а) дать характеристику личности и дѣятельности юбиляра,

б) представить исторію возникновенія и развитія созданнаго имъ книгоиздательства,

в) выяснить взглядъ представителей современнаго общества на роль и значеніе въ настоящій моментъ печатнаго слова, книги, книжнаго и книгоиздательскаго дѣла.

Въ сборникѣ приняли участіе 173 лица—представителей науки, искусства, литературы, промышленности и общественныхъ дѣятелей, любезно откликнувшихся на обращеніе юбилейной комиссіи высказаться по названнымъ вопросамъ.

Полувѣковая дѣятельность юбиляра протекала въ близкомъ соприкосновеніи съ нашей общественной жизнью и въ значительной степени подъ ея вліяніемъ. Тѣ теченія и направленія, которыя намѣчались и выявлялись на фонѣ нашей общественности, за послѣдніе полвѣка, несомнѣнно, сказались и на направленіи дѣятельности книгоиздательства. Особенно ярко это сказалось въ области народнаго образованія вообще и школьнаго дѣла въ частности. По изданіямъ фирмы до нѣкоторой степени можно судить о направленіи, въ которомъ шли и развивались наше школьное дѣло и работа просвѣтительныхъ организацій въ интересахъ просвѣщенія народныхъ массъ.

Съ другой стороны, масштабъ дѣятельности Т-ва даетъ возможность съ значительной вѣроятностью судить вообще о положеніи и условіяхъ, въ которыя поставлено у насъ книжное дѣло. Исторія развитія предпріятій фирмы, несомнѣнно, составитъ одну изъ значительныхъ и интересныхъ страницъ въ исторіи книжнаго дѣла въ странѣ.

Все это даетъ основаніе полагать, что сборникъ „Полвѣка для книги“ по своему содержанію долженъ представить интересъ не для однихъ только узкихъ спеціалистовъ книжнаго дѣла или лицъ, непосредственно работающихъ въ Т-вѣ, но и для болѣе широкой публики.

Этими соображеніями и руководилась юбилейная комиссія, предпринимая настоящее изданіе.

Въ составъ комиссіи, въ которой зародилась мысль объ изданіи сборника и намѣчался общій планъ изданія, входили слѣдующія лица: Ѳ. И. Благовъ, Д. Д. Варапаевъ, В. М. Дорошевичъ, М. Н. Макаревскій, Н. А. Никольскій, В. В. Поповъ, М. Т. Соловьевъ, Н. И. Сытинъ, Н. В. Тулуповъ, И. И. Флоръ, В. П. Фроловъ.

Самое изданіе осуществлено при непосредственномъ участіи и наблюденіи главнаго редактора сборника, предсѣдателя юбилейной комиссіи Н. В. Тулупова.

Сборникъ напечатанъ въ ограниченномъ числѣ экземпляровъ. Весь доходъ отъ его изданія поступаетъ въ фондъ по созданію въ Москвѣ „Дома книги“ имени юбиляра.

Въ заключеніе юбилейная комиссія считаетъ своимъ долгомъ принести глубокую благодарность всѣмъ лицамъ, принявшимъ участіе въ сборникѣ присылкой своихъ произведеній, а также и тѣмъ, кто личнымъ трудомъ, совѣтами и указаніями помогалъ осуществить это начинаніе.

H. Sienkiewicz

И. Д. СЫТИНЪ

I.

Достоевскій, опредѣляя различное отношеніе читателей къ книгѣ, отмѣчалъ три степени оцѣнки. Одни читатели, интересуясь книгою, только читаютъ ее, смотрятъ на нее, какъ на временнаго собесѣдника. Другіе не только читаютъ книгу, но и покупаютъ ее, желая имѣть книгу постоянно подъ рукою. Третьи, наконецъ, покупая книгу, еще и переплетаютъ ее, наряжаютъ, какъ любимую женщину.

Соотвѣтственно этому и путь книги въ руки читателя имѣетъ три ступени. Книгу надо написать, затѣмъ доступно издать и, наконецъ, умно распространить,—приблизить книгу къ читателю. Первое—дѣло писателя, работа авторскаго таланта. Второе и третье—задача и заслуга издателя. Чтобы сдѣлать и хорошую книгу легкою на подъемъ, способною долетѣть до самыхъ глухихъ и далекихъ угловъ, нужно удешевить ее и проторить ей широкіе и доступные пути. Для этого требуются большая любовь къ книгѣ и глубокая вѣра въ свѣтлое дѣйствіе ея на читателя, — свойства, такъ сказать, идеалистическія. Вмѣстѣ съ тѣмъ не менѣе необходимы и своеобразный большой даръ дѣловитости, умѣнье пустить книгу автора въ путь и возможно скорѣе доставить ее въ руки читателя.

Мы, русскіе люди, даже и призванные къ строительству жизни, къ сожалѣнію, менѣе всего богаты талантомъ дѣловитости. Въ силу своеобразныхъ историческихъ условій прошлаго, мы были устранены отъ дѣятельнаго участія въ строительствѣ жизни и потому у насъ даже лучшіе люди,—самые просвѣщенные умы и благородныя сердца,—чаще всего оказывались и оказываются несостоятельными при воплощеніи своихъ великихъ идей и свѣтлыхъ мечтаній въ живую дѣйствительность. Иногда и удается преодолѣть преграды, но въ итогѣ все же неудача: не хватаетъ дѣловитости, нѣтъ умѣнья и настойчивости осуществить добрый и прекрасный замыселъ.

Намъ, русскимъ людямъ, богатымъ и высокими идеями и яркимъ идеализмомъ, прямо необходимо учиться дѣловитости, твердить себѣ о необходимости ея во всѣхъ дѣлахъ и рамкахъ нашей дѣятельности, радостно отмѣчать всѣ замѣтныя и благотворныя проявленія ея. Я бы сказалъ, что намъ, русскимъ людямъ, болѣе, чѣмъ кому другому, необходимо спуститься съ заоблачныхъ воздушныхъ мечтаній на жесткую землю. Не затѣмъ, чтобы, выражаясь образно, ради грубой земли забыть свѣтлое небо, а чтобы пріобщить небо землѣ. Не вѣрить лишь въ рай за гробомъ, а строить рай здѣсь, въ окружающей насъ дѣйствительности, поскольку у кого на то хватитъ силъ, охоты и умѣнья. Намъ надо понять, что если велики и цѣнны идейные мечтатели, то имѣютъ свою немалую цѣнность и воплотители этихъ мечтаній, хотя бы и рожденныхъ геніемъ другихъ. Когда-то нѣкій французскій король желалъ, чтобы у каждаго французскаго крестьянина была курица въ супѣ. Не менѣе прекрасно желаніе, чтобы у всѣхъ и у каждаго была и книга въ домѣ, чтобы всюду были и уголь, и керосинъ, и сахаръ, и дешевая одежда, и обувь, чтобы всѣ удобно, скоро и дешево могли сообщаться, освѣщаться, питаться, учиться и даже веселиться. Но если умно и благородно желать этого, то слѣдуетъ признать, что дѣлаютъ свое великое общественное дѣло и тѣ, кто только помогаетъ этимъ прекраснымъ желаніямъ воплотиться въ окружающей насъ дѣйствительности. Съ этой стороны я всегда завидовалъ, видя, какъ въ Западной Европѣ высоко чтутъ и ставятъ въ примѣръ людей дѣятельнаго генія. Тамъ ярко отмѣчаютъ не только людей науки, художественнаго творчества и соціально-политической борьбы, но и творцовъ новой промышленности. Тотъ создалъ міровое производство оптическихъ приборовъ, фабричныхъ машинъ, сельско-хозяйственныхъ орудій, паровиковъ, судовъ. Этотъ небывало развилъ добычу угля, руды, сѣры, искусственныхъ удобреній. Третій основалъ міровую фабрику анилиновыхъ красокъ, или литья

орудій, нотопечатанія, чернилъ, карандашей и такъ далѣе, и такъ далѣе. Бинокли Цейса и Герца, карандаши Фабера, вагоны Пульмана, швейныя машины Зингера, фирма Сименса и Гальске завоевали, напримѣръ, почти полміра. Развѣ это не Наполеоны своего рода! И развѣ это не примѣръ того, что и карандашомъ, банкою чернилъ, тормазомъ Вестингауза, бочкою красокъ, головою сахара, кускомъ рельса или даже мыла, парою калошъ и кипою хлопка можно вести міровую борьбу, завоевывать цѣлыя страны и служить славѣ и благу родной земли? Полагаю, не ошибусь и не преувеличу, если скажу, что было бы большимъ благомъ для Россіи, если бы у насъ, въ дополненіе къ нашимъ Толстому, Достоевскому, Глинкѣ и Рѣпину, появились и свои русскіе мыловары Пирсы, оптики Цейсы и Герцы, Зингеры, Фаберы, Пульманы, Вестингаузы, Круппы, Сименсы, Шуккерты, Ремингтоны и Макъ-Кормики, то-есть люди, которые бы и въ Россіи создали и подняли на міровую высоту цѣлый рядъ промышленностей: производство мыла, сахара, красокъ, машинъ, клея, бумаги, тканей, металловъ, электрическихъ и оптическихъ приборовъ. Стыдно вѣдь писать, но до войны для земледѣльческой Россіи Австрія поставляла косы для косарей. Всѣ почти ноты нашихъ композиторовъ до войны печатались въ Лейпцигѣ. Почему все это? Потому, что народы, живущіе западнѣе насъ, настойчиво развивали и развиваютъ дѣловитость. Высоко цѣнили и цѣнятъ ее. Считаютъ людей широкой и плодотворной дѣловитости, у какого бы дѣла они ни стояли, большою и цѣнною общественною силою. Подъ угломъ подобныхъ соображеній полувѣковая работа И. Д. Сытина на русскомъ книжномъ рынкѣ является, несомнѣнно, большимъ и цѣннымъ общественнымъ дѣломъ, какъ и самая личность его, ростъ и выработка ея являются незаурядно интересными.

II.

Иванъ Дмитріевичъ Сытинъ—въ полномъ смыслѣ слова сынъ народа, уроженецъ глухой Костромской губерніи. Родился и росъ въ бѣдной крестьянской средѣ,—отецъ его былъ волостнымъ писаремъ. Все образованіе его состояло въ слабомъ обученіи начальной грамотѣ, а чуть мальчикъ подросъ, ему пришлось уже съ дядей отправиться на отхожіе заработки. Встрѣча съ новыми и новыми людьми сослужила маленькому Ивану Сытину большую службу. Вывели его изъ соннаго угла родной деревни, расширили жизненный кругозоръ, дали сильный толчокъ природному,

острому и пытливому уму. Работа съ дядею по деревнямъ стала скоро тѣсною,—мальчика потянуло дальше, за предѣлы знакомыхъ деревень, его сталъ манить къ себѣ городъ. Дядя также понялъ, что маленькому Ивану надо дать больше простора, и онъ отправилъ мальчика въ Москву. Здѣсь съ хлопотами вышла заминка, и, послѣ долгихъ поисковъ, И. Сытинъ узналъ, что можно поступить пока только мальчикомъ въ книжную лавку Шарапова.

Маленькая, тѣсная, въ одно окно, заваленная книжною дешевкою рыночнаго издѣлія, лавка Шарапова находилась на Лубянской площади. Помимо торговли въ лавкѣ, мальчику-подручному приходилось нести еще большую службу по дому хозяина: утромъ и вечеромъ ставить самовары, чистить старшимъ служащимъ сапоги, быть у всѣхъ на побѣгушкахъ. Путь И. Д. Сытина отъ шараповскихъ прилавка и кухни съ чисткой сапогъ до идейно-дѣлового общенія съ учеными, авторами и редакторами научныхъ изданій и чуть ли не со всѣми современными русскими писателями, если бы его подробно изобразить по живымъ разсказамъ самого бывшаго мальчика-скорняка, далъ бы захватывающе-интересный матеріалъ для яркой и вразумительной исторіи-сказки, не менѣе чудесной и цѣнной, чѣмъ и сказка жизни М. Горькаго и Ѳ. Шаляпина. Какая длинная и многоцвѣтная, чисто радужная дуга восхожденія! Какое богатство и поразительное разнообразіе пережитыхъ впечатлѣній, встрѣчъ и, хотя бы порою, временныхъ, но часто и очень тѣсныхъ духовныхъ общеній! Первый учитель, покровитель, а потомъ и другъ — Шараповъ, мелкій рыночный книжникъ, въ душѣ сильно тяготѣвшій къ старообрядчеству. Первые сотрудники И. Д. Сытина, его друзья-пріятели—офени, деревенскіе книгоноши, костромскіе и владимирскіе крестьяне. Далѣе идутъ длинными рядами Ѳ. Н. Плевако, солнце московской адвокатуры, темные лики Берга, историка Иловайскаго, толстовецъ Чертковъ съ кружкомъ „Посредника“ и самъ великій Левъ Толстой, К. Побѣдоносцевъ и баронесса Варвара Икскюль, Нижегородская ярмарка и Ясная Поляна, А. Чеховъ, М. Горькій, Мережковскій, профессора университетовъ, такіе дѣятели по народному образованію, какъ А. В. Погожева, Н. А. Рубакинъ, В. П. Вахтеровъ и Н. В. Тулуповъ, художники, скульпторы, министры Плеве и Витте, десятки крупныхъ общественныхъ, газетныхъ, земскихъ и банковскихъ работниковъ. Все это ждетъ и требуетъ живыхъ и подробныхъ описаній, и, конечно, большая біографія И. Д. Сытина, вѣрнѣе, картины всѣхъ тѣхъ круговъ русской жизни, среди которыхъ и съ которыми ему пришлось работать пятьдесятъ лѣтъ, когда онѣ будутъ пи-

саться, смогутъ привлечь какъ перо художника-писателя, такъ и ученаго историка. Очень ужъ многихъ людей и дѣлъ свидѣтелемъ жизнь поставила И. Д. Сытина.

III.

Самъ И. Д. Сытинъ съ большою пріязнью и даже благодарною любовью всегда вспоминаетъ своего перваго руководителя въ книжномъ дѣлѣ въ Москвѣ, Шарапова. Вспоминаетъ добромъ, не какъ лишь добраго хозяина, а потомъ и пособника стать на собственныя ноги, начать свое небольшое дѣло, а, главнымъ образомъ, какъ человѣка, какъ учителя жизни, хотя, можетъ-быть, и безсознательнаго. Обративъ вниманіе на толковаго и расторопнаго, умѣющаго и готоваго всѣмъ угодить мальчика-крѣпыша, Шараповъ сталъ приближать его къ себѣ. Началъ втягивать подростка-Сытина въ свое любимое чтеніе, а, тяготѣя сильно къ старообрядчеству, Шараповъ и книгу любилъ болѣе старопечатную, церковную, творенія святыхъ отцовъ. Годы шараповскаго ученика были юношескіе, въ душѣ молодого парня вставали и бродили новые и новые духовные запросы. Чтеніе святоотеческихъ твореній давало, казалось, отвѣты на эти вопросы, вносило душевный миръ. И будь юноша натурою болѣе мягкою, мечтательною, увлеченіе твореніями подвижниковъ могло бы повести его въ сторону чуть ли не монастыря, но крѣпкій, здоровый и дѣятельный духъ великоросса преодолѣлъ византійское отрѣшеніе отъ жизни, и годы чтенія съ Шараповымъ духовныхъ твореній только обвѣяли внутренній міръ юноши своимъ особымъ ароматомъ. Гдѣ-то глубоко въ душѣ молодого человѣка, какъ въ потайной моленной, зажгли свою лампадочку. И какъ съ годами росло сытинское дѣло, какъ начальный, отъ Шарапова унаслѣдованный, скромный книжный прилавокъ, обросталъ типографіями, складами, магазинами, новыми большими издательствами, такъ и потаенная часовенка съ зажженной въ шараповской лавкѣ лампадою обростала дѣловыми кабинетами, конторами и кассами, но юношески-зажженный далеко во внутренней молельнѣ огонекъ не потухалъ. Какимъ-то своимъ внутреннимъ маякомъ свѣтилъ, давалъ основную линію издательской дѣловитости. Въ издательской работѣ И. Д. Сытина на всю жизнь остался особый привкусъ, дума о томъ, чтобы издать не только лишь выгодно, а если можно, то и дѣловито-красиво: возможно дешевле, доступнѣе широкимъ массамъ читателя и тѣмъ сильнѣе увеличить изданіе. Подходитъ, напримѣръ, срокъ выхода сочиненій Гоголя изъ частныхъ

собственническихъ рукъ,—можно издавать кому угодно. И. Д. Сытинъ хотѣлъ бы дать народу полное собраніе сочиненій Гоголя за 50 копеекъ. Контора подсчитываетъ точно и выходитъ, что полтинникъ съ трудомъ покрываетъ издательскіе расходы,—выгоды никакой.

— Пусть такъ, — отвѣчаетъ И. Д. Сытинъ,—но зато какъ красиво: весь Гоголь за 50 коп.! Издаемъ за полтинникъ.

Среди почитателей Льва Толстого въ срединѣ восьмидесятыхъ годовъ зарождается мысль дать народу за самую дешевую цѣну разумное и художественно-изданное чтеніе. Самъ Л. Толстой пишетъ рядъ дивныхъ народныхъ разсказовъ. Къ нему примыкаютъ другіе писатели-народолюбцы. Большіе художники даютъ свои рисунки къ повѣстямъ и разсказамъ. Остается издавать и распространять въ народныхъ массахъ. Образовывается издательство „Посредникъ". Идейно-художественное дѣло задумано прекрасно, но нѣтъ умѣнья практически осуществить свой замыселъ. Обращаются къ разнымъ народнымъ издателямъ,— отказъ: не стоитъ возиться съ грошовымъ дѣломъ, напрасныя хлопоты. Обращаются къ И. Д. Сытину—и онъ, буквально милліонами, распространяетъ по Россіи книжки „Посредника". Каждая книжка по 36 страницъ, съ обложкою, украшенною часто рисункомъ Кившенко, а то и Рѣпина. Цѣна за сотню по 90, а то и 75 копеекъ. Во Франціи на выставкѣ даютъ особую награду за поразительную дешевизну народныхъ сытинскихъ изданій. Выгоды въ иныхъ случаяхъ почти никакой, но радость всегда большая: красиво. Въ общемъ, умѣло поставленное дѣло растетъ, приноситъ большіе доходы, но главная забота, основное направленіе дѣловитости, освѣщаемое, безспорно, часто, можетъ-быть, и безсознательно, огонькомъ далекой лампадочки,—не увеличеніе одной лишь прибыли, а расширеніе дѣла, увеличеніе числа новыхъ и новыхъ милліоновъ печатныхъ листовъ, будь то народныя изданія — листовки, общедоступный календарь, сочиненія большихъ русскихъ писателей, номера газеты, научныя сочиненія профессоровъ, или учебныя книги многихъ видныхъ педагоговъ и дѣятелей по народному образованію.

IV.

Когда на первыхъ порахъ моего знакомства съ И. Д. Сытинымъ мнѣ приходилось ходить съ нимъ по книжнымъ складамъ и мастерскимъ издательства, то, помню, мнѣ бросалось въ глаза, съ какою своеобразною „жадною" любовью И. Д. Сытинъ смотрѣлъ на тюки увязанныхъ уже

для отправки книгъ, или на груды только что сложенныхъ, снятыхъ съ машины печатныхъ листовъ. Я невольно вспомнилъ тогда пушкинскаго скупого барона, который, спускаясь ночью въ подвалы своего замка съ сундуками, полными золота, радостно говорилъ:

„Хочу себѣ сегодня пиръ устроить:
Зажгу свѣчу предъ каждымъ сундукомъ,
И всѣ ихъ отопру, и стану самъ
Средъ нихъ глядѣть на блещущія груды“.

Только здѣсь радость была не тому, что чрезъ груды этихъ увязанныхъ тюковъ книгъ, листовокъ и народныхъ картинъ можно было полнѣе набить издательскій сундукъ, а тому, что издательство, какъ нефтяной фонтанъ какой, бьетъ мощною струею, шире и дальше разливаетъ свои струи. Здѣсь были радость и гордость полководца-завоевателя, который шлетъ во всѣ стороны новые и новые батальоны, полки, корпуса печатныхъ изданій. Будетъ ли это книгоноша изъ волжскихъ водоливовъ съ барки, дядя Яковъ, который началъ свою торговлю съ оборотнаго капитала въ 50 копеекъ и довелъ закупку книгъ и картинъ у Сытина до сотни рублей въ каждый пріѣздъ. Будетъ ли это профессоръ политической экономіи, Желѣзновъ, курсъ лекцій котораго выходилъ изданіе за изданіемъ. Или дѣятель въ области начальной школы, потребляющій на свои книги въ издательствѣ И. Д. Сытина гору бумаги. Безымённый ли народный календарь, идущій ежегодно по пять, шесть, чуть ли не семь милліоновъ. Всѣ они—предметъ одинаково сильной особой любви И. Д. Сытина. Они вытягиваютъ изъ печатныхъ машинъ новыя и новыя горы бумаги и сыплютъ ихъ безъ конца сквозь издательство въ народъ. Чѣмъ больше тюковъ, коробовъ, посылокъ уходитъ изъ складовъ, тѣмъ сильнѣе радость и хорошая гордость. Хочется отправлять ихъ больше и больше, все въ новыя и новыя мѣста. Растетъ, не знающая мѣры, своеобразная жадность, жадность на расширеніе дѣла. Одно новое дѣло еще только налаживается, а въ головѣ роятся и родятся уже новые и новые планы, хочется открыть новые книжные склады въ новыхъ мѣстахъ. Хочется расширить старыя производства, пріобщивъ въ одно цѣлое смежныя чужія предпріятія, хочется создать новыя отрасли издательскаго дѣла. Хочется начать новыя изданія—книжныя, газетныя и журнальныя. Хочется дѣлать сразу хоть сотню большихъ дѣлъ, имѣть сотню рукъ, полсотни головъ, тысячи нужныхъ, умѣлыхъ, усердныхъ работниковъ, пособниковъ, а если найдутся, то и совѣтниковъ, руководителей. Идетъ седьмой де-

сятокъ лѣтъ, а крѣпкій еще, кряжистый И. Д. Сытинъ полонъ рабочей энергіи, полонъ юношески смѣлыхъ и широкихъ новыхъ замысловъ, не знаетъ ни отдыха, ни покоя. И оторванный тою или другою поѣздкою отъ всѣхъ своихъ дѣлъ, тѣмъ усиленнѣе со стороны, издалека думаетъ и волнуется о нихъ.

Такъ человѣкъ горитъ за своимъ дѣломъ ровно пятьдесятъ лѣтъ. За это время онъ создалъ громадное, единственное, пожалуй, не въ Россіи лишь издательство. Конечно, въ работѣ его, какъ во всякомъ живомъ и сложномъ дѣлѣ, были и есть свои промахи и ошибки, но при всемъ томъ, окинувъ глазомъ пройденный пятидесятилѣтній путь работы въ книжномъ дѣлѣ, не только самъ И. Д. Сытинъ и его соработники могутъ заслуженно гордиться сдѣланнымъ и достигнутымъ, но и русская творческая жизнь въ ея цѣломъ, несомнѣнно, признаетъ за И. Д. Сытинымъ законное право, на, можетъ-быть, скромное, но, безспорно, свое почетное мѣсто въ ряду тѣхъ, кто клалъ крѣпкій фундаментъ и прочныя стѣны грядущей разумной и свѣтлой жизни русскаго народа.

П. Петровъ.

ИЗЪ ПЕРЕЖИТАГО

(Автобіографическіе наброски).

Я родился въ селѣ Гнѣздниковѣ, Костромской губ., Солигаличскаго уѣзда. Крещенъ въ церкви свв. Бориса и Глѣба въ Солигаличѣ.

Родитель, изъ экономическихъ крестьянъ, какъ лучшій ученикъ, былъ взятъ изъ начальной школы въ городъ для подготовки въ волостные писаря и всю жизнь былъ въ округѣ образцовымъ старшимъ писаремъ. Умный и способный, онъ страшно тяготился однообразнымъ положеніемъ, съ горя временами пилъ. Въ семьѣ я былъ старшій сынъ. Кромѣ меня, въ семьѣ были еще двѣ сестры и младшій братъ.

Родители, постоянно нуждаясь въ самомъ необходимомъ, мало обращали вниманія на насъ. Учился я въ сельской школѣ здѣсь же, при правленіи. Учебниками были: славянская азбука, часовникъ, псалтирь и начальная ариѳметика. Школа была одноклассная, преподаваніе—полная безалаберность, временами—строгость со включеніемъ наказаній поркою, постановкой на колѣна на горохъ и подзатыльниками, часами—стояніе

въ углу на колѣняхъ. Учитель появлялся въ классъ иногда въ пьяномъ видѣ. Въ результатѣ всего этого была полная распущенность учениковъ и пренебреженіе къ урокамъ. Я вышелъ изъ школы лѣнивымъ и получилъ отвращеніе къ наукѣ и книгѣ—такъ опротивѣла за три года зубрежка наизусть всѣхъ уроковъ. Я зналъ отъ слова до слова весь псалтирь и часовникъ, и ничего, кромѣ словъ, въ головѣ не осталось.

Волостное правленіе въ с. Гнѣздниковѣ.

Въ періодъ моего ученья съ отцомъ начались припадки какъ бы тихаго помѣшательства. Для семьи это было тяжкое время: были прожиты всякія излишнія сбереженія. Лѣчить больного было нечѣмъ и не у кого. Онъ былъ предоставленъ самому себѣ: уходилъ изъ дома, гулялъ, дѣлалъ большія путешествія, въ пути ночевалъ и недѣли проводилъ внѣ дома. Эта своеобразная свобода на время совершенно излѣчивала его. Проходили тоска, скука, ненормальность, и онъ являлся домой свѣжимъ, умнымъ, спокойнымъ человѣкомъ.

А въ семьѣ въ это время все разлагалось. Вставалъ мучительный вопросъ, что будетъ дальше, какъ и чѣмъ жить? Поѣздки къ угодникамъ Божіимъ и знахаркамъ еще больше усиливали лишенія, мы со страхомъ смотрѣли на будущее. О дѣтяхъ думать было некогда.

Тѣмъ временемъ я подрасталъ. Мнѣ было 12 л. Надо было искать дѣла. Во время одного довольно продолжительнаго припадка отецъ поте-

рялъ мѣсто. Надо было устраиваться въ другомъ дѣлѣ. Семья переѣхала въ Галичъ. Это было въ годъ основанія земства. Отецъ поступилъ письмоводителемъ въ галичскую земскую управу на жалованье 22 руб. въ мѣсяцъ. Это было самое счастливое для него время. Новая среда и дѣло пробудили въ немъ новые интересы. Жизнь стала лучше.

Измѣнилось и мое положеніе. Дядѣ поручили везти меня въ Нижній на ярмарку. Здѣсь я помогалъ ему торговать въ разносъ мѣховыми

Видъ города Галича.

вещами. Дѣло это у меня клеилось: я былъ услужливъ, боекъ, предупредителенъ, много работалъ, чѣмъ услужилъ дядѣ и тому хозяину, у котораго брали для продажи товаръ. Я получилъ первый заработокъ — 25 рублей.

Послѣ ярмарки мнѣ предстояло поступить въ мальчики къ маляру въ Елабугу, но дядя посовѣтовалъ подождать еще годъ и выбрать мѣсто получше.

Въ слѣдующемъ году я снова поѣхалъ въ Нижній. Ярмарка мнѣ была уже привычна и знакома. Дѣла шли еще лучше. Въ концѣ ярмарки мой хозяинъ, коломенскій купецъ Василій Кузьмичъ, сказалъ мнѣ:

Что тебѣ ѣхать домой и болтаться тамъ безъ дѣла,—поѣдемъ, я устрою тебя въ Москвѣ.

Я съ радостію поблагодарилъ моего благодѣтеля и поѣхалъ съ нимъ сначала въ Коломну. Заработокъ свой въ 30 руб. подѣлилъ пополамъ: половину отдалъ хозяину за дорогу, а половину послалъ семьѣ. Уѣзжая изъ Коломны, хозяинъ сказалъ мнѣ:

— Ну, вотъ я ѣду въ Москву, у меня тамъ дѣла съ мѣховыми торговцами, постараюсь тебя пристроить, а ты оставайся и жди моего возвращенія.

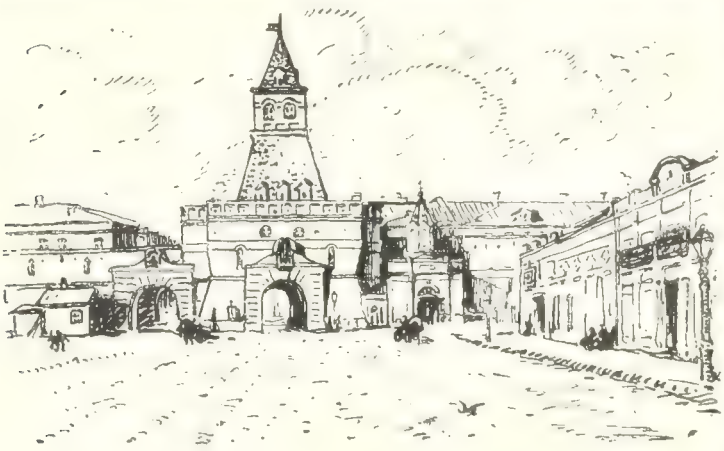
Черезъ три дня онъ вернулся.

— Сожалѣю тебя, Ваня,—сказалъ онъ, —поздновато мы съ тобой пріѣхали: у моихъ друзей мѣста въ мѣховой торговлѣ нѣтъ, а есть въ книжной лавкѣ у Шарапова (у Шарапова было двѣ торговли: мѣхами и книгами). Поступай къ нему, посмотримъ,—понравится—хорошо, а то въ мѣховую переведетъ. Главное, служи честно, будь старателенъ, а старикъ не обидитъ.

Далъ мнѣ письмо и провожатаго. Мы поѣхали въ Москву.

* * *

13 сентября 1866 года, въ 6 часовъ вечера, мы вышли изъ вагона Рязанской ж. д. Съ радостью и трепетомъ шли мы въ Таганку переночевать у знакомой моего вожатаго, служившей въ нянькахъ. Навстрѣчу намъ, заполняя тротуары, шли изъ города приказчики. Торжественно гудѣли колокола ко всенощной (былъ канунъ Воздвиженія, послѣдняя всенощная съ краснымъ звономъ). Скоро пришли на Швивую горку. Няня жила въ домѣ гимназіи. Она напоила насъ чаемъ и дала ночлегъ въ кухнѣ.



Ильинскія ворота въ Москвѣ въ 60-хъ годахъ.

На другой день рано утромъ, въ день Воздвиженія Честнаго Креста, пошли мы къ Ильинскимъ воротамъ. Здѣсь прежде всего зашли въ часовню къ преподобному

Сергію. Я молилъ его о покровительствѣ. Лавка Шарапова была противъ часовни. Черезъ полчаса лавку открыли. Я робко вошелъ и подалъ письмо приказчику. Пришлось подождать прихода хозяина. День былъ праздничный. Старичку хозяину близкіе знакомые и друзья оказывали почетъ: приходили къ 10 часамъ утра и всѣ вмѣстѣ шли въ трактирчикъ на чай.

До прихода хозяина меня экзаменовалъ милый старичокъ — приказчикъ Яковлевъ Ефимъ Яковлевичъ:

— Ну, что, братъ, служить пришелъ? Служи, братъ, усерднѣе. Себя не жалѣй, работай — не лѣнись, раньше вставай, позднѣе ложись. Служи всѣмъ; будь самымъ малымъ, чтобы быть большимъ. Грязной работы не стыдись, себѣ цѣны не уставляй,—жди, когда тебя оцѣнятъ. Базаръ цѣну скажетъ.

Пришелъ хозяинъ, старецъ почтеннаго вида, истово помолился на образа. Ему подали мое письмо. Посмотрѣлъ.

— Ну, что же, ладно. Возьмите его, Василій Никитичъ. Что-то онъ больно великъ ростомъ? Эй, парнюга, вотъ тебѣ наставникъ В. Н. Служи честно и усердно,—будетъ хорошо.

Я низко поклонился и всталъ на указанное мѣсто къ двери, гдѣ и стоялъ безсмѣнно четыре года.

— Ну, съ обновой, Петръ Николаевичъ, —сказалъ мой старичокъ Яковлевъ,—пойдемъ, угощай чаемъ.

Проходя мимо меня, хозяинъ сказалъ:

— Сегодня день Воздвиженія Честнаго Креста Господня. Помни это, неси свой крестъ съ терпѣніемъ и усердіемъ.

* * *

Мнѣ было 14 лѣтъ. Я былъ великъ ростомъ и здоровъ физически. Всякій трудъ мнѣ былъ по силамъ. Моя обязанность была быть „мальчикомъ“. Вся самая черная работа по дому лежала на мнѣ: вечеромъ я долженъ былъ чистить хозяину и приказчикамъ сапоги и калоши, чистить ножи и вилки, накрывать приказчикамъ на столъ и подавать кушанье; утромъ—приносить съ бассейна воду, изъ сарая—дрова, выносить на помойку лахань и отбросы, ходить на рынокъ за говядиной, молокомъ и другими продуктами. Все это выполнялось мною чисто, аккуратно и своевременно, за что черезъ годъ я былъ уже камердинеромъ хозяина, служилъ въ его покояхъ вмѣстѣ съ его близкимъ слугой и допускался въ

древнюю молельню—счищать пыль и чистить серебряныя и золотыя части ризъ и лампадъ, которыхъ были десятки. Здѣсь я часто слушалъ духовное назиданіе хозяина:

— Ну, вотъ, видишь, какая предъ тобою благодать Господня! Это

Петръ Николаевичъ Шараповъ.

вотъ — образъ Царицы Небесной, написанъ евангелистомъ Лукой. Это вотъ Іоаннъ Богословъ, писанъ Андреемъ Рублевымъ. Все, что онъ иконописалъ, мѣняли рублемъ, поэтому и именовали его Рублевымъ. Вотъ, сударь ты мой (это постоянная поговорка Шарапова), въ свободные часы читалъ бы для души хорошія книги, особенно передъ сномъ или въ

большіе праздники, когда раненько запрутъ лавку. Вмѣсто пустыхъ книгъ читай вотъ, я тебѣ дамъ, св. Іоанна Златоуста—это великій святитель, столпъ церкви Божіей, имя котораго ты носишь. Онъ глубокій мыслитель, борецъ за правду, сильный духомъ. Читая его, укрѣпляешься силою, крѣпостію, твердостью на подвигъ чистый и смѣлый. Это—истинный воинъ Господа. А вотъ другой, читай и поучайся,—Ефремъ Сиринъ. Этотъ учитъ терпѣнію, милосердію, добродѣтели, труду. А вотъ третій—Петръ Могила, этотъ учитъ, какъ избѣжать грѣха и въ чемъ грѣхъ. Онъ дастъ тебѣ очертанія всѣхъ грѣхопаденій. Вразумляйся и избѣгай ихъ Если Богу будетъ угодно и Онъ сподобитъ тебя черпать отъ этихъ святителей силу для жизни—счастье тебя не минуетъ.

Получалъ я эти книги въ извѣстномъ порядкѣ и послѣдовательности. Старичокъ украдкой слѣдилъ, какъ я исполняю его завѣтъ. Разрѣшено мнѣ было жечь до 10 ч. веч. сальную свѣчку, но строго приказано не окапать рѣдкія древнія книги, которыя стоили большихъ денегъ.

На этомъ наша дружба спаялась еще ближе. Въ торжественные праздники мы ходили съ хозяиномъ въ Кремль, въ Успенскій и друг. соборы къ утренѣ. Однако, часто, по старости, онъ не могъ ходить, меня же это ужасно захватило. Въ Успенскомъ соборѣ мы составили небольшой кружокъ усердныхъ посѣтителей утрени въ теченіе не менѣе трехъ дней въ недѣлю. Въ этомъ кружкѣ былъ и Ѳ. Н. Плевако, который увлекалъ насъ чарующей бесѣдой передъ утреней въ сборной избѣ. Не забуду его вдохновенныхъ рѣчей:

— Господа, самыя счастливыя минуты въ жизни мы проводимъ здѣсь, въ этомъ великомъ святомъ и древнемъ соборѣ. Вотъ, сейчасъ, съ ключаремъ мы пойдемъ и вмѣстѣ отворимъ врата храма. Какое великое неземное чувство испытаемъ мы въ моментъ входа въ эту мрачную древнюю святыню! Не похоже ли это на жизнь древнихъ христіанъ? Они тоже съ маленькимъ свѣтильникомъ входили въ пещеры славить Господа. Мы должны мыслью и чувствомъ приближаться къ нимъ. Встанемъ каждый въ особый уголокъ при скудномъ освѣщеніи. Что можетъ быть выше момента, когда откроются царскія врата и нашъ милый Ефимовъ сдѣлаетъ возгласъ: „Возстаните, Господи, благослови!“ И общій хоръ іереевъ и протодіаконовъ посреди храма вознесетъ хвалу Господу: „Благослови, душе моя, Господа, благословенъ еси Господи! Вся премудростію сотворилъ еси. Слава ти, Господи, сотворившему вся!“ Перечувствуйте это, и все остальное покажется вамъ суета суетъ.

* * *

Такъ юная жизнь текла своимъ порядкомъ. Прошло 4 года. Мнѣ было 18 лѣтъ. Я сталъ получать жалованье. Мнѣ положили 5 руб. въ мѣсяцъ. Это былъ самый счастливый моментъ. Я почувствовалъ, что я уже не мальчикъ, а то было ужасно стыдно, когда товарищи на площади кричали:

— Смотрите, вонъ какой „мальчикъ“ идетъ!

Приказчикомъ мнѣ повезло съ самаго начала. Меня назначили въ Нижегородскую ярмарку помощникомъ завѣдующаго. Торговые обороты Шаранова въ ярмаркѣ были всего на 4 т. рублей. Дѣлать было почти нечего. Товару было мало. Въ лавкѣ приходилось больше стоять безъ дѣла. Нужно было „выдумывать“ купцовъ.

Воскресенье. Вотъ идетъ сѣрый мужикъ, типа некрасовскаго Власа, въ сермягѣ, крестится на выставленныя духовныя картины и ужасается вслухъ на чертей и Ѳеодорино мытарство.

— Что, старецъ, ужасъ, знать, беретъ,—говорю ему.

— Да, дѣтко, боязно умирать, если такимъ вотъ въ лапы попадешь.

— А ты что дѣлаешь? спрашиваю.

— Я водоливъ на баржѣ. Дѣла здѣсь мало, сидимъ всю ярмарку на одномъ мѣстѣ, отливаемъ воду изъ баржи.

Хочешь, я выучу тебя торговать божественными картинами.

— Ну, поучи, милый! Да только, какъ ты выучишь: я неграмотный, до старости дожилъ,—и къ торговлѣ не привыченъ.

— Пойдемъ въ лавку, я подберу тебѣ картинъ на полтину серебра, будешь купецъ: продашь своимъ водоливамъ и барышъ получишь.

Такъ мы согласились начать торговлю съ дядей Яковомъ. Прошла недѣля. Въ слѣдующее воскресенье вдругъ въ лавку весело влетаетъ онъ, молится Богу, жметъ руку.

— Спасибо, молодецъ, ты меня утѣшилъ, старика: вѣдь я какъ бы и Богу послужилъ и себѣ прибыль сдѣлалъ. Ребятенки мои все раскупили. Давай теперь на весь рубль.

Такъ дядя Яковъ за ярмарку приходилъ разъ пять, все увеличивая покупку, и дошелъ до 5 руб. Картины продавалъ все своимъ же водоливамъ на большомъ караванѣ барокъ. Въ концѣ ярмарки дядя Яковъ пришелъ уже съ товарищемъ Леонтіемъ, николаевскимъ солдатомъ, человѣкомъ грамотнымъ. Друзья рѣшили купить товару на зиму, чтобы торго-

вать въ деревнѣ. Яковъ отобралъ на 15 рублей, Леонтій—на 8. Подборъ надо было сдѣлать умѣло. Пришлось измѣнить и самый характеръ товара. Все было сдѣлано по дружбѣ.

Черезъ пять лѣтъ дядя Яковъ и Леонтій ознакомили и обучили торговлѣ картинами и книгами болѣе ста человѣкъ. Торговали по всему Орловскому уѣзду, Вятской губерніи. Торговля шла въ разносъ и развозъ. Скоро они были лучшіе покупатели въ ярмаркѣ. Кромѣ того, они понудили торговать картинами и книгами и другихъ торговцевъ въ Вяткѣ, Слободскомъ, Котельничѣ, Яранскѣ и Кукаркѣ. Дядя Яковъ пользовался у своихъ учениковъ особымъ почетомъ и уваженіемъ. Въ ярмарку пріѣзжали ужъ цѣлой компаніей. По обычаю имъ прежде всего предлагалось угощеніе. Купцы разсаживались за огромнымъ столомъ, начинался пиръ. Въ разгаръ веселой бесѣды дядя Яковъ кричалъ:

— Иванъ Дмитріевичъ, понимаешь ли ты, кто теперь дядюшка Яковъ? Угадай? Ребятенки, —обращался онъ къ остальнымъ, — кто у васъ дядя Яковъ?

И весь хоръ въ нѣсколько десятковъ голосовъ кричалъ:

— Дядюшка Яковъ—баринъ!

— Иванъ Дмитріевичъ! Вотъ кто твой дядюшка Яковъ—баринъ!

Офени прежде всего нуждались въ умѣломъ подборѣ товара, который бы имѣлъ вѣрный сбытъ въ деревнѣ. Съ каждымъ годомъ торговля въ ярмаркѣ расширялась, и за шесть лѣтъ моего управленія дошла до ста тысячъ рублей. Своего товара не хватало. Мои же друзья, офени, скупали для меня недостающій товаръ у другихъ торговцевъ. Дѣлалось это для того, чтобы не упустить покупателя въ другую лавку.

По мѣрѣ развитія дѣла, росла и моя дружба съ хозяиномъ. Были у меня и завистники. Товаръ въ это время шелъ исключительно лубочный, самый дешевый: мелкія житія святыхъ, сказки, пѣсенники, оракулы-соломоны. Благополучіе наше росло. Хозяинъ не разъ мнѣ говаривалъ:

— Работай, хлопочи, — все твое будетъ. Я передамъ тебѣ лавку по духовному (дѣтей у Шарапова не было).

Вмѣсто жалованья я могъ брать денегъ, сколько нужно, на мелкіе расходы. Помѣщеніе, столъ и платье были хозяйскіе.

Въ 1876 году я попросилъ у хозяина позволенія жениться и получилъ согласіе. Совмѣстная жизнь съ женой въ квартирѣ хозяина скоро оказалась невозможной. Пришлось жить самостоятельно. Содержанія не хватало. Я завелъ свою литографію въ кредитъ, съ поручительствомъ хозяина на половину стоимости. Это было какъ разъ въ годъ

русско-турецкой войны, которая блестяще насъ выручила. Самыя лучшія, интересныя картины изъ военныхъ событій были наши.

Любопытное было время.

Въ день объявленія войны, въ апрѣлѣ 1877 года, я побѣжалъ на Кузнецкій Мостъ, купилъ карту Бессарабіи и Румыніи и велѣлъ мастеру въ теченіе ночи скопировать часть карты, съ обозначеніемъ мѣста, гдѣ наши войска перешли черезъ Прутъ. Въ 5 ч. утра карта была готова и пущена въ машину съ надписью: „Для читателей газетъ. Пособіе". Карта была моментально распродана. По мѣрѣ движенія войскъ измѣнялась и карта. Въ теченіе трехъ мѣсяцевъ я торговалъ одинъ. Никто не думалъ мнѣ мѣшать.

Конкурентовъ вообще было мало. Другіе торговцы на рискъ не шли. На улучшеніе производства затратъ не дѣлали. Я въ своемъ начинающемся дѣлѣ поступалъ по-новому: приглашалъ способныхъ рисовальщиковъ и преданныхъ дѣлу печатниковъ, платилъ имъ дороже, но требовалъ и лучшей работы, изучалъ вкусы народа. Результаты были блестящіе. Мои народныя картины были самыя ходкія. Купцы торговались со мной въ количествѣ, а не въ цѣнѣ. Для всѣхъ товару не хватало.

Въ 1882 году я впервые выставилъ наши лубки на выставку, какъ работу своей литографіи. Выставка дала мнѣ новыя знакомства и матеріалъ для дальнѣйшей работы. Я сталъ пользоваться копіями съ картинъ лучшихъ художниковъ. Завѣдывавшій художественнымъ отдѣломъ выставки академикъ Боткинъ удѣлялъ много вниманія отдѣлу народныхъ картинъ, моимъ особенно. За выставку мнѣ дали серебряную медаль на станиславской лентѣ. Большей награды я, какъ крестьянинъ, получить не могъ.

Послѣ выставки дѣла пошли еще лучше. Дѣло приходилось ставить по-новому, расширять производство. Я спросилъ старика хозяина, какъ онъ смотритъ на дальнѣйшую работу. По-моему, для расширенія дѣла, было необходимо составить компанію въ видѣ товарищества. Шараповъ на это не шелъ.

— Ты, братъ, неугомонный, говорилъ онъ, — тебѣ лучше одному работать. Духъ у тебя строптивый, требовательный. Ты будешь все дальше и дальше шагать. Мнѣ это не въ пору. Я буду потихоньку вести свое дѣло. Лучше, давай, разойдемся. Открывай свою лавку. Я тебѣ помогу, дамъ товару, благословлю, и дѣлай свое дѣло.

1 января 1883 года я открылъ свою торговлю. Хозяинъ поддержалъ меня товаромъ на 5 т. рублей. Лавка была на Старой Площади. Помѣщеніе — мизерное: 5 арш. въ ширину и 10 въ длину.

* * *

Шелъ ноябрь 1884 года. Въ одинъ счастливый день въ лавку зашелъ молодой человѣкъ въ изящной дохѣ и предложилъ, не хочу ли я издавать для народа болѣе содержательныя книжки. Посредничество между авторами и издателемъ онъ беретъ на себя. Книжки эти будутъ произведенія лучшихъ авторовъ—Толстого, Лѣскова, Короленки, Гаршина и др. Издателю обойдутся онѣ дешево. Часть литературнаго матеріала будетъ безплатная. Но издавать ихъ обязательно въ одну цѣну съ дешевыми народными книжками. Если народныя листовки продаются по 80 коп. за сотню, то и эти должны быть въ ту же цѣну. Онѣ должны имѣть дешеваго потребителя и итти взамѣнъ существующихъ пошлыхъ изданій. Предлагавшій эти условія былъ В. Г. Чертковъ.

Съ большимъ интересомъ выслушалъ я это предложеніе. Поблагодарилъ его за такое милое вниманіе къ читателю лубка. В. Г. предложилъ мнѣ сейчасъ же издать книжки: «Чѣмъ люди живы», «Богъ правду видитъ» Л. Н. Толстого, «Христосъ въ гостяхъ у мужика» Лѣскова и еще одну. Эта первая серія шла безплатно. Дальнѣйшія книжки могли быть платными, при чемъ авторскій гонораръ долженъ быть выше существовавшаго тогда гонорара для дешевыхъ народныхъ книгъ. Въ то время авторамъ за печатный листъ народныхъ листовокъ платили отъ 3 до 5 руб., при этомъ рукопись пріобрѣталась въ полную собственность. Печать, бумага и др. расходы по изданію составляли 65 к. на сотню листовокъ, а продавались по 80 коп. за сотню. Дальнѣйшія условія съ В. Г. Чертковымъ были такія: издатель обязанъ уплачивать авторамъ гонораръ, если матеріалъ платный, также и художникамъ за рисунки. На Чертковѣ лежала работа по редакціи, корректурѣ и художественной части изданій. Здѣсь онъ былъ полный хозяинъ. Расходы по оплатѣ гонорара уравновѣшивались безплатнымъ матеріаломъ, благодаря чему книжки можно было продавать не дороже лубочныхъ. Книжки, поступившія черезъ Черткова, были всеобщей собственностью. Издатель права собственности на нихъ не имѣлъ. Достояніе было общее.

Такъ начались изданія „Посредника“.

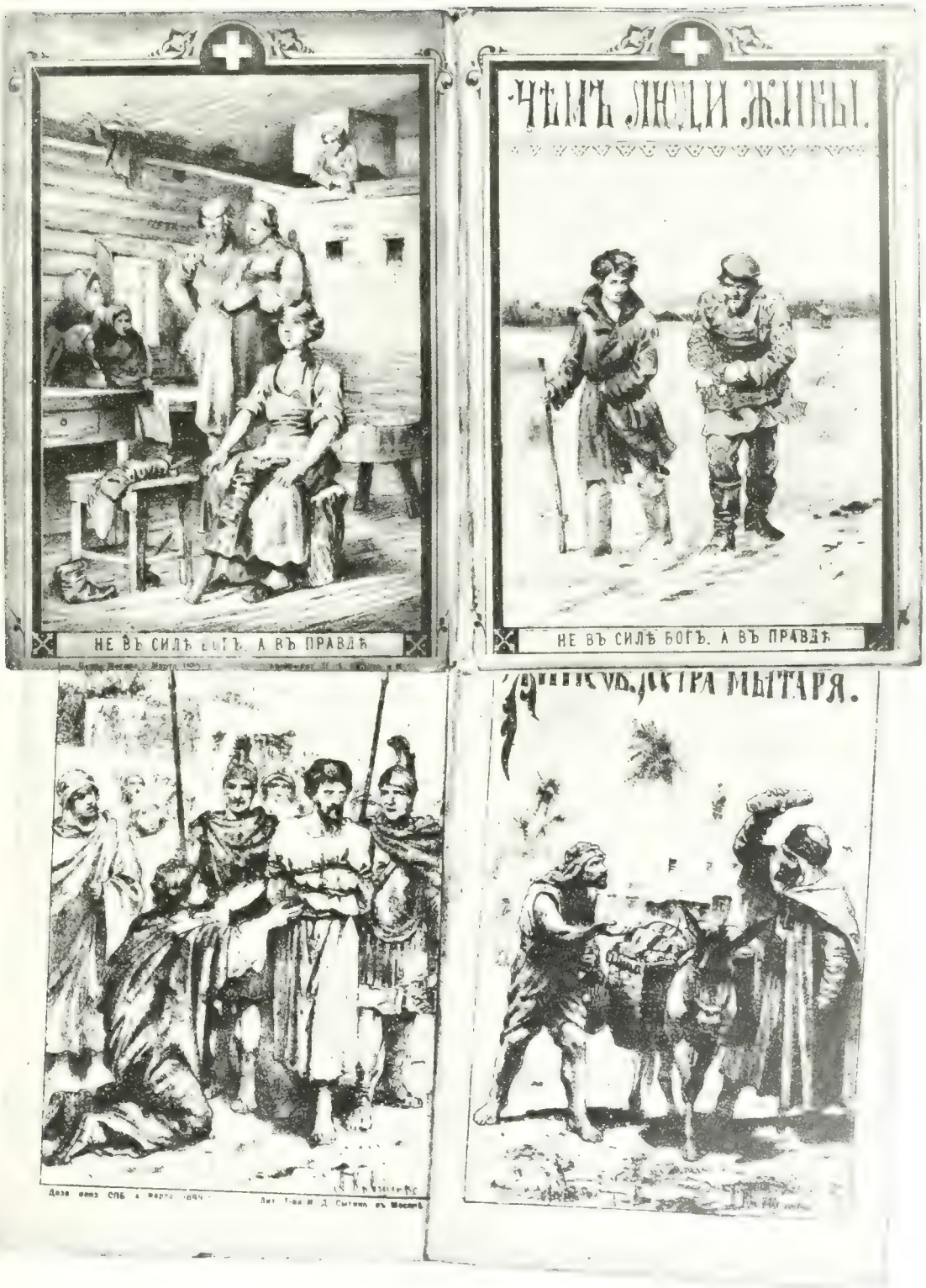
Дѣлу этому я посвятилъ всю мою любовь, вниманіе и интересъ. Книжки по тому времени вышли необыкновенныя: дешевыя, изящныя, съ рисунками Рѣпина, Кившенко и др. Дешевизна ихъ сильно вліяла на распространеніе. Предъ этимъ подобныя книжки началъ издавать Петроградскій Комитетъ

Грамотности, но по цѣнѣ 7 коп. за книжку. Мы выпустили по 80 к. за 100 шт. Успѣхъ изданія увлекъ и Черткова. Онъ всей душой отдался этому дѣлу: открылъ въ Петроградѣ контору и складъ „Посредника“ и привлекъ большую группу работниковъ и вообще сочувствующихъ. Изданіемъ дешевыхъ книгъ для народа интересовались и другія просвѣтительныя учрежденія, близкія нашему издательству. Многимъ хотѣлось дать народу хорошую книгу. Но всѣ начинанія кончались малыми результатами. Выходило 5—6 книжекъ, недоступныхъ по цѣнѣ для народа, затѣмъ начинаніе прекращалось. „Посредникъ“ же неутомимо работалъ и въ короткое время далъ народу колоссальную серію великолѣпныхъ, дешевыхъ изданій, чистыхъ по своей идеѣ.

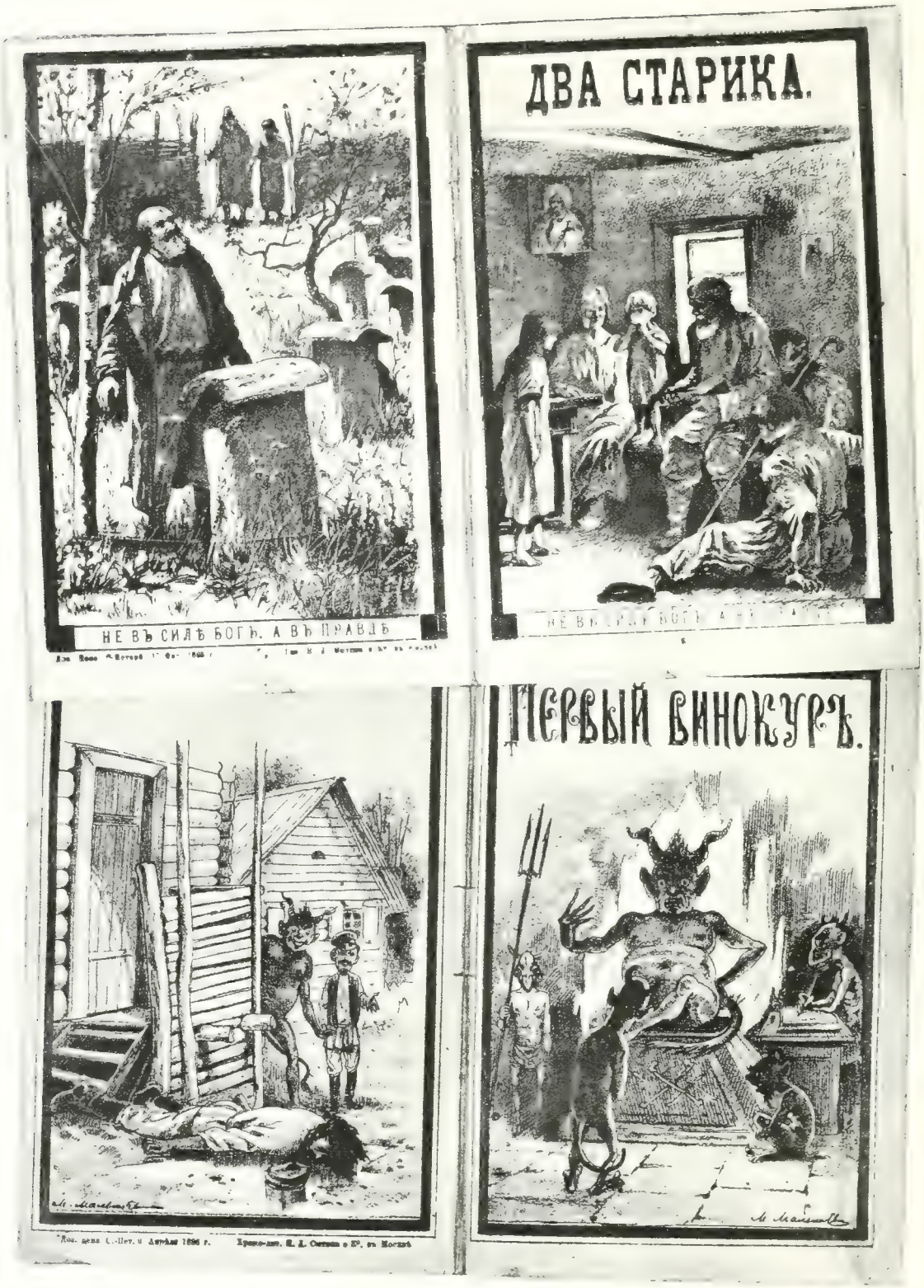
* * *

Наша совмѣстная работа съ В. Г. продолжалась лѣтъ 15. Что это было за время! Это была не простая работа, а священнослуженіе. Я велъ свое, все развивающееся, дѣло. Рядомъ шло дѣло „Посредника“. Я былъ счастливъ видѣть интеллигентнаго чистаго человѣка, такъ преданнаго дѣлу просвѣщенія народа. Чертковъ строго слѣдилъ, чтобы ничто не нарушило въ его изданіяхъ принятаго направленія. Выработанная программа была святая святыхъ всей серіи. Всѣ сотрудники относились къ этому начинанію съ такимъ же вниманіемъ и любовію. Л. Н. Толстой принималъ самое близкое участіе въ дѣлѣ печатанія, редакціи и продажи книгъ. Много вносилъ цѣнныхъ указаній и поправокъ. Любилъ онъ ходить ко мнѣ въ лавку, особенно осенью, когда начинался „слетъ грачей“, какъ мы называли офень, которые съ первопуткомъ трогались въ путь на зимній промыселъ — торговлю книгами и иконами. Въ это время въ лавкѣ часто за разъ собиралось ихъ до 50 человѣкъ. Сами отбирали кучками книги и картины. Цѣлый день шла работа, слышались шутки, анекдоты. Въ это время любилъ заходить въ лавку Л. Н. Толстой и часто подолгу бесѣдовалъ съ мужичками. Онъ ходилъ въ русской одеждѣ, и офени часто не знали, кто ведетъ съ ними бесѣду. Льва Николаевича всегда дружески встрѣчалъ нашъ кассиръ Павлычъ, большой балагуръ.

— Здравствуйте, батюшка, Л. Н., — встрѣчалъ онъ великаго писателя. — А сегодня у насъ, касатикъ, грачи прилетѣли. Ишь, въ лавкѣ какую шумиху несутъ. Ужъ очень шумливый народецъ-то. Ив. Дм. имъ языки-то размочилъ, — хлебнули, теперь до вечера будутъ галдѣть, а къ вечеру, батюшка, въ баню будутъ проситься. И водимъ, касатикъ, водимъ.



ПЕРВЫЯ ЛИСТОВКИ „ПОСРЕДНИКА". (Обложки).



ПЕРВЫЯ ЛИСТОВКИ „ПОСРЕДНИКА“. (Обложки).

Левъ Николаевичъ смѣется, отходитъ къ прилавку, въ толпу:

— Здравствуйте! Ну, какъ торгуете?

— Ничего, торгуемъ помаленьку. А тебѣ, что же, поучиться хочется? Старъ, братъ, опоздалъ, раньше бы приходилъ.

Павлычъ суетится, видитъ, что они дерзятъ ему, какъ простому мужику.

— Вы, ребята, понимаете, съ кѣмъ говорите? Это вѣдь самъ Л. Н. Толстой!

— Такъ зачѣмъ же онъ одѣлся по-мужицки? Иль барское надоѣло? Далъ бы намъ, мы бы поносили.

Искренно, отъ души смѣется Л. Н.

— Ну, Л. Н., побесѣдуй съ нами. Мы, братъ, работники, труженики. Мучаемся, таскаемъ вотъ сытинскій товаръ всю зиму, а толковъ мало: грамотеевъ-то въ деревнѣ нѣтъ. Картинишки еще покупаютъ, а вотъ насчетъ книгъ плохо.

Л. Н. интересуется, какъ идутъ книги подъ девизомъ „Не въ силѣ Богъ, а въ правдѣ“.

— По новости плохо. Таскаешь ихъ въ каждый домъ. За зиму даже надоѣстъ. Спрашиваютъ вездѣ все пострашнѣе да почуднѣе. А тутъ все жалостливыя да милостивыя. Въ деревнѣ и безъ того оголтѣлая скучища. Только и ждутъ, какъ нашъ братъ, балагуръ, придетъ,—всю деревню взбаламутимъ. Только и выѣзжаемъ на чертякѣ. Во какого изобразилъ Стрѣльцовъ [1])—зеленаго и краснаго! Цѣлую дюжину чертякъ! На весь вечеръ бесѣды хватитъ. Старухи каются, подъ образа вѣшаютъ, молятся и на чертяку косятся. Кому не надо, и то продадимъ. Пишите-ко, Л. Н., книжечки пострашнѣе. Ваши берутъ, кто поумнѣе: попы, писаря, мѣщане на базарѣ. Въ деревнѣ развѣ только большому грамотею всучишь.

— А гдѣ вы торгуете?—интересуется Л. Н.

— Мы-то? Вездѣ. По всей матушкѣ Россіи. Я Калужскую, онъ Курскую, этотъ Орловскую, Смоленскую, Тверскую колеситъ. Гдѣ кто привыкъ. По знакомымъ мѣстамъ, деревнямъ и ярмаркамъ ѣздимъ.

Много разъ такія бесѣды велъ Л. Н. съ офенями.

Дѣла „Посредника“ между тѣмъ развивались. Въ лавкѣ Т-ва книжки его имѣли свой „иконостасикъ“, совершенно особое филіальное отдѣленіе. В. Г. Чертковъ неустанно работалъ. Онъ посвятилъ всего себя этому дѣлу. Я часто бывалъ съ нимъ у нашихъ литературныхъ корифе-

---

[1]) Старинный московскій издатель народныхъ картинъ.

евъ: Л. Н. Толстого, Н. С. Лѣскова, В. М. Гаршина, В. Г. Короленки и др.

Изданія „Посредника“ для издательства были первой дружественной ласточкой сближенія народной издательской фирмы съ интеллигенціей. Мнѣ было тогда 25 лѣтъ. До 18 лѣтъ я жилъ въ мальчикахъ, 7 лѣтъ затѣмъ велъ живое торговое дѣло, которое, кромѣ практическихъ торговыхъ навыковъ и физической работы, ничего не давало. Сознаніе важности книжнаго дѣла, его великаго значенія было развито слабо. У каждой фирмы былъ одинъ или нѣсколько своихъ поставщиковъ литературнаго матеріала. Авторы по заказу писали на разныя темы. Содержаніе книжекъ часто заимствовали изъ злободневныхъ газетныхъ фельетоновъ или боевыхъ романовъ, которые появлялись въ разныхъ передѣлкахъ и въ дешевыхъ изданіяхъ. Писатели, уважающіе себя, считали за стыдъ не только печататься, но даже имѣть какую бы то ни было близость къ Никольскому рынку. Это считалось чѣмъ-то недопустимымъ. И вдругъ Чертковъ, а за нимъ Л. Н. Толстой, Н. С. Лѣсковъ и вся старая благородная гвардія потянулась на этотъ историческій рынокъ лубка. Все это меня страшно захватило. Я старался всѣми силами отвѣтить на душевныя желанія нашего новаго, чистаго апостола В. Г. Черткова. Дѣло шло. Онъ ликовалъ и радовался удачѣ и огромнымъ результатамъ дѣла, его широтѣ. Милый, дорогой В. Г.! Только теперь, когда я внимательно оглянулся назадъ, чуть-чуть приподнялъ завѣсу пережитаго, я почувствовалъ, какіе райскіе дни, мѣсяцы и годы были пережиты мною среди Васъ. Вы—мой духовный учитель, вдохновитель, воспитатель. Съ Вами, при Васъ и вокругъ Васъ росла, ширилась и крѣпла связь съ народнымъ издательствомъ лучшихъ литературныхъ и художественныхъ силъ. Благодаря Вамъ, Вашимъ наставленіямъ и указаніямъ, я понялъ, что такое литература и что значитъ быть издателемъ книгъ для народа. Какая невознаградимая утрата была для меня Вашъ невольный переѣздъ въ Англію! Я утратилъ свою надежную духовную опору, къ которой я такъ привыкъ за 15 лѣтъ.

* * *

Вторымъ важнымъ начинаніемъ, имѣвшимъ громадное значеніе для фирмы, было изданіе „Библіотеки для самообразованія“. Сердечная и глубокая благодарность ея редакторамъ! Эта прекрасная серія давала фирмѣ послѣ „Посредника“ огромное нравственное удовлетвореніе. Я живо помню первые шаги этого издательства. Для начальныхъ соглашеній и перегозо-

ровъ Комиссіей былъ избранъ П. Н. Милюковъ, тогда еще молодой приватъ-доцентъ. Съ нимъ велись переговоры. Онъ былъ первымъ редакторомъ. Затѣмъ въ теченіе долгихъ лѣтъ непрерывно, усиленно и любовно работалъ, какъ редакторъ всего изданія, В. Д. Соколовъ.

Далѣе матеріальному успѣху фирмы много содѣйствовалъ народный календарь. До этого времени исключительный успѣхъ имѣлъ календарь Гатцука. Я рѣшилъ издавать свой календарь, совершенно новый, разсчитанный, главнымъ образомъ, на народнаго читателя. Въ нашемъ календарѣ впервые появились популярныя статьи по разнымъ отраслямъ знанія. Онъ выгодно отличался яркой внѣшностью и обиліемъ рисунковъ въ текстѣ. Онъ быстро сталъ распространяться. Въ немъ печатались статьи Рубакина, священника Петрова, Попова и др. Скоро календарь имѣлъ колоссальный сбытъ — до 2 милліоновъ въ годъ и сдѣлался настольной книжкой въ крестьянской семьѣ. Много трудовъ и заботъ положено было мною на созданіе отрывного календаря. Я просилъ Л. Н. Толстого рекомендовать мнѣ человѣка, способнаго посвятить себя всецѣло этому дѣлу.

Онъ указалъ мнѣ Полушина—народника, типа шестидесятниковъ. Этотъ человѣкъ отдалъ новому дѣлу всего себя и въ теченіе 15 лѣтъ положительно священнодѣйствовалъ. Каждый листокъ былъ для него святыней. Изготовивъ матеріалъ на мѣсяцъ, онъ приходилъ въ типографію и здѣсь прочитывалъ всякую строчку въ присутствіи нашей редакціи, состоящей изъ меня и И. К. Иванова, управляющаго типографіей, человѣка, всей душой преданнаго нашему дѣлу. Доставленный матеріалъ мы строго просматривали, прочитывали, спорили и только послѣ этого сдавали въ наборъ. Скоро нашъ отрывной календарь получилъ огромный спросъ со стороны потребителя и сдѣлался на рынкѣ единственнымъ по своему распространенію изданіемъ. За послѣднее время онъ расходится въ количествѣ 10 милл. экземпляровъ въ годъ. Послѣднимъ редакторомъ его былъ недавно скончавшійся А. Н. Гусевъ, рекомендованный мнѣ А. Н. Калмыковой.

* * *

Въ очень дружескихъ отношеніяхъ я былъ съ М. А. Саблинымъ. Вокругъ него ютилось много молодыхъ талантовъ. Веселый и радушный, онъ привлекалъ къ себѣ много молодежи. У него я познакомился съ А. П. Чеховымъ. Онъ предложилъ мнѣ издать томикъ его разсказовъ.

Съ этого началась наша близость. А. П. часто просилъ меня заходить къ нему, когда онъ пріѣзжалъ въ Москву. Онъ останавливался въ 5 номерѣ Б. Московской гостиницы. Номеръ этотъ онъ особенно любилъ. Окнами онъ выходилъ къ Иверской часовнѣ. Въ ночной тишинѣ А. П. часто подолгу смотрѣлъ на толпу народа, стекавшагося къ часовнѣ въ полночь, къ общему молебну Богоматери.

Я захаживалъ къ А. П. почти каждый день къ утреннему чаю, потомъ мы спускались завтракать въ ресторанъ, гдѣ былъ его любимый столикъ. Комнату эту мы звали *Чеховской*. Помню, во время одного изъ завтраковъ къ намъ подошелъ Ѳ. И. Шаляпинъ съ молоденькой дамой.

— Поздравь насъ, А. П., мы—женихъ и невѣста, пришли къ тебѣ излить свою радость.

Нужно было видѣть свѣтлую радость на лицѣ А. П.! Привѣтствія его жениху и невѣстѣ лились безъ конца.

А. П. всегда любилъ деревню. Подолгу жилъ у себя въ Мелиховѣ. Это былъ прелестный уголокъ, гдѣ гости часто жили цѣлыми недѣлями. Съ А. П. жили его мать и отецъ, послѣдній любилъ духовныя старыя книги. Мы часто бесѣдовали съ нимъ на эту тему. Въ деревнѣ у Чехова я бывалъ часто. Много пріятныхъ минутъ провелъ я въ его милой семьѣ. Близость къ А. П. имѣла для меня огромное значеніе. Онъ давалъ мнѣ указанія и совѣты, которые почти всегда оправдывались. Онъ настойчиво рекомендовалъ мнѣ издавать газету и всѣми способами содѣйствовалъ этому. Въ минуты тяжелыхъ невзгодъ для издательства онъ поддерживалъ и ободрялъ меня. Его совѣтами пользовался я также и при приглашеніи газетныхъ работниковъ. Время тогда было тяжелое, и многое изъ того, что совѣтовалъ А. П., нельзя было провести въ жизнь. Нужно отдать справедливость: самъ А. П. былъ талантливый и вдумчивый газетчикъ. Не могу не указать на одну любопытную частность: А. П. особенно настаивалъ, чтобы домъ для редакціи газеты былъ пріобрѣтенъ непремѣнно на Тверской.

Какъ и Л. Н. Толстой, А. П. любилъ бывать у насъ въ оптовомъ складѣ на Старой Площади, гдѣ всѣ его обожали. Особенно усердно услуживалъ ему, исполняя мелкія порученія, тотъ же Павлычъ: „Ахъ, касатикъ, сударь мой батюшка, А. П., какъ радъ васъ видѣть. Посѣщай, касатикъ, насъ почаще, больно мы васъ любимъ. Съ радостью готовъ вамъ послужить, нѣтъ ли какихъ порученій“.

Вотъ образчикъ разговора Павлыча съ А. П.

Въ одинъ изъ своихъ пріѣздовъ А. П. вмѣсто „Большой Московской“ остановился въ гостиницѣ „Дрезденъ“ на Тверской улицѣ. Я пришелъ

W. D. Cleveland

къ нему, удивленный такой перемѣнѣ. Сижу у него, не спѣшу. А. П., немного стѣсняясь, говоритъ:

— Вы хотите завтракать? Часа черезъ три приходите въ „Славянскій Базаръ", тамъ соберется большая компанія.

Къ указанному времени собралось нѣсколько человѣкъ — ждемъ. А. П. нѣтъ. Велико было наше удивленіе, когда вдругъ получаемъ телеграмму: „Поздравьте меня—я женатъ. Желаю весело завтракать!"

Послѣдній разъ я видѣлъ А. П. Чехова въ Москвѣ за годъ до его смерти. Мы были у него съ Г. С. Петровымъ. Онъ чувствовалъ себя плохо. Собирался за границу. „Прощайте, я скоро умру", говорилъ онъ намъ. Мы старались утѣшить его. „Не говорите. Я это чувствую, какъ врачъ".

Это была моя послѣдняя встрѣча съ А. П.

* * *

Съ глубочайшей благодарностью вспоминаю я еще дружбу съ Александромъ Ивановичемъ Эртелемъ. Знакомство съ нимъ началось черезъ „Посредника". Я очень сожалѣю, что онъ не вступилъ въ дѣло нашего издательства при нашемъ первомъ знакомствѣ. Объ этомъ тогда велись продолжительные переговоры. Впослѣдствіи наши отношенія были еще ближе. Вопросъ объ его вступленіи въ дѣло былъ почти рѣшенъ. Помѣшала его болѣзнь. По его совѣту и приглашенію принимала у насъ участіе въ дѣтской литературѣ, теперь тоже покойная, А. В. Погожева, въ то время большая дѣятельница по народному образованію.

Долгіе годы я былъ связанъ дружбою съ Д. И. Тихомировымъ. Знакомство наше началось въ Комитетѣ Грамотности въ первую эпоху его дѣятельности. Дружба эта продолжалась до послѣднихъ дней жизни Д. И. Съ сердечнымъ сочувствіемъ относился онъ къ многимъ нашимъ начинаніямъ, и я не разъ пользовался его совѣтами и указаніями.

Милымъ, вѣчно радостнымъ, освѣжающимъ вдохновеніемъ многіе годы, особенно въ часы унынія, дарилъ насъ Викторъ Александровичъ Гольцевъ. Съ грустью вспоминаю, что даже такой жизнерадостный человѣкъ не могъ побороть общаго унылаго настроенія недавняго прошлаго. Все тихо дремало кругомъ. Не забуду я словъ Ан. П. Чехова: „Сѣрое время, сѣрые люди живутъ теперь", часто говаривалъ онъ.

Много и другихъ видныхъ дѣятелей принимало участіе въ нашемъ дѣлѣ своими совѣтами и указаніями и помогало двигать все предпріятіе впередъ. Здѣсь я упомянулъ только о наиболѣе близкихъ нашихъ друзьяхъ, теперь уже покойныхъ.

О живыхъ, а ихъ немало, я не говорю. Не беру на себя смѣлости... Но всѣмъ имъ низкій поклонъ и глубокое спасибо отъ лица того народа, которому служили и служатъ они своимъ умомъ, своими знаніями и трудомъ. Мы же только помогали имъ сѣять добрыя сѣмена на ниву народную. Объ ихъ заслугахъ говорятъ и долго будутъ говорить труды ихъ.

И. Сергѣевъ

Русскій человѣкъ—плохой работникъ. Навѣрное, это мое сужденіе обидитъ соотечественниковъ, и особенно задѣнетъ тѣхъ, которые считаютъ профессіей своею восхищеніе русскимъ человѣкомъ.

Но мой жизненный опытъ, мои наблюденія надъ работой русскаго человѣка даютъ мнѣ право судить о немъ по-своему, — я съ грустью повторю еще разъ: русскій человѣкъ въ огромномъ большинствѣ—плохой работникъ. Ему невѣдомъ восторгъ строительства жизни, и процессъ труда не доставляетъ ему радости; онъ хотѣлъ бы, — какъ въ сказкахъ — строить храмы и дворцы въ три дня и вообще любитъ все дѣлать сразу, а если сразу не удалось — онъ бросаетъ дѣло.

Однако, я увѣренъ, что у русскаго человѣка и нѣтъ возможности быть хорошимъ работникомъ, — условія нашего политическаго и соціальнаго бытія не могли и не могутъ воспитать его таковымъ.

Кто и когда училъ его, что трудъ—основа культуры, что трудъ не только обязанность человѣка, но и наслажденіе? Кто внушалъ ему простую истину: всякій трудъ—на украшеніе земли и ради будущаго?

Русскому человѣку слишкомъ часто и настойчиво внушали и внушаютъ восточную мысль, которая ослабляетъ волю къ жизни, къ творчеству,—мысль о томъ, что земная жизнь — только переходная ступень къ иной, болѣе совершенной жизни. Если меня гдѣ-то за могилой ждутъ радости, которыхъ я не могу испытать на землѣ,—земные интересы или совсѣмъ не имѣютъ для меня цѣны или имѣютъ цѣну только на время моего бытія и только для меня. При такомъ взглядѣ на жизнь человѣкъ не можетъ воспитать въ себѣ любви и вкуса къ творчеству.

Если жизнь для меня—благо, несмотря на всѣ ея мерзости, и если я чувствую себя на землѣ хозяиномъ, творящимъ все ея доброе, отвѣтственнымъ за все злое, — я могу испытать великое счастье труда и работая надъ книгой, и прокладывая по болотамъ новую дорогу, занимаясь изысканіями въ области медицины и возводя новый домъ. Возводя не для себя — для кого-то другого, — такъ. Но, вѣдь, въ концѣ-концовъ, все культурное творчество, все общечеловѣческое дѣло дѣлается не для себя, а на годы и вѣка, для будущихъ поколѣній.

Въ основѣ всякаго искусства, всякаго творчества лежитъ не только необходимость, но должна жить и любовь къ труду. Стулъ, сдѣланный съ любовью, остается въ жизни вѣка, ибо онъ является художественной вещью. Душа всякаго искусства—любовь, мы знаемъ, что часто она дѣлаетъ бытіе вещей болѣе длительнымъ, чѣмъ имена творцовъ ихъ.

На святой Руси трудъ не даетъ радости еще и потому, что онъ подневоленъ, ограниченъ надзоромъ со стороны командующихъ нами людей, имъ же нѣсть числа. Свобода дѣятельности уродливо стѣснена, и это внѣшнее стѣсненіе, почти необоримое при нашей лѣни, уродуетъ всѣхъ насъ. Для того, чтобы трудъ человѣка былъ пріятнѣе и продуктивнѣе, человѣку необходимо чувствовать себя свободнымъ гражданиномъ своей страны, хозяиномъ ея природныхъ силъ и богатствъ.

Русскій человѣкъ не гражданинъ, онъ не такъ прочно стоитъ на землѣ, какъ люди Европы, и потому его отношеніе къ труду—воловье. Свободный трудъ — вотъ точка опоры, которую требовалъ Архимедъ, чтобы перевернуть міръ.

Въ русскомъ человѣкѣ еще крѣпко сидитъ память о недавнемъ рабьемъ, крѣпостномъ трудѣ. Онъ еще не увѣренъ въ томъ, что созданное имъ не можетъ быть отнято у него, искажено, разрушено. Онъ

живетъ во власти капризныхъ воль и силъ, которыя относятся къ нему, какъ существу несовершеннолѣтнему, неразумному и неотвѣтственному за свои проступки.

До извѣстной степени это такъ и есть. мы культурно несовершеннолѣтни и очень неразумно относимся къ судьбамъ нашей страны, другъ къ другу. Управляющіе нашей жизнью — тоже люди, не болѣе насъ энергичные и не болѣе умные, но, кажется, даже и они начинаютъ сознавать, что воспитали въ народѣ свойства, съ которыми необходимо бороться.

Эти свойства—слабое развитіе инициативы, подъяремное отношеніе къ труду, нечестное къ общественнымъ средствамъ и отсутствіе у людей сознанія личной ихъ отвѣтственности за хаосъ, безобразіе и грязь нашей жизни.

Чтобы вылѣчиться отъ этихъ пагубныхъ недостатковъ, необходимо имѣть возможность свободной личной и общественной дѣятельности. И если мы не вылѣчимся отъ азіатскихъ привычекъ, мы, возможно, окажемся совершенно лишними на землѣ.

Иногда изъ тѣстообразной, безформенной массы русскаго народа выбираются на поверхность жизни какіе-то особенные, крѣпкіе, очень трудоспособные люди. Эти люди цѣнны не только своей работой, но, быть-можетъ, гораздо больше тѣмъ, что они указываютъ намъ на существованіе въ народной массѣ энергіи очень богатой, гибкой и способной къ великому труду, къ могучимъ достиженіямъ. Для меня лично это—самые цѣнные русскіе люди какъ по ихъ любви къ дѣлу, такъ, главнымъ образомъ, потому, что они выходятъ изъ демократіи, изъ самой глубины темной народной массы.

Мнѣ хорошо извѣстно, какъ чудовищно труденъ путь этихъ выходцевъ изъ народа. Невѣроятная трата энергіи, разсѣянной этими людьми по пути съ низу на верхъ,—по пути съ низу, гдѣ человѣкъ въ глазахъ ближнихъ своихъ имѣетъ цѣну не большую, чѣмъ цѣна таракана,—эта энергія тратится безполезно для общества, ибо ее тратятъ именно на преодолѣніе общественнаго равнодушія къ человѣку, къ его поискамъ точки приложенія своего труда, къ поискамъ мѣста въ жизни. Лучеиспусканіе человѣческой энергіи въ пустоту общественной косности—огромный убытокъ, который ничѣмъ и никѣмъ не возмѣщается. Нигдѣ не относятся къ человѣку столь безразлично, какъ у насъ на Руси.

при внѣшней мягкости и московскомъ радушіи, за которымъ всегда чувствуется звѣриная подозрительность.

Не преувеличивая, можно сказать, что у насъ человѣкъ подходитъ къ дѣлу, облюбованному имъ, уже протертымъ сквозь желѣзное рѣшето разныхъ мелкихъ препятствій, искажающихъ его душу. Помѣшать работающему всегда легче, чѣмъ помочь ему; у насъ мѣшаютъ работать съ особеннымъ удовольствіемъ.

Тому, кто можетъ и хочетъ работать, приходится побѣждать, кромѣ равнодушія азіатски-коснаго общества, еще острое недовѣріе администраціи, которая привыкла видѣть въ каждомъ сильномъ человѣкѣ своего личнаго врага.

Здѣсь человѣку дѣла неизбѣжно всячески извиваться, обнаруживая гибкость ума и души,—гибкость, которая иногда и самому ему глубоко противна, но безъ примѣненія которой дѣла не сдѣлаешь. И человѣкъ расточаетъ цѣнную энергію свою на преодолѣніе пустяковъ.

Это очень смѣшно и печально, но люди, управляющіе нашей жизнью, почти всегда считаютъ культурную работу — революціонной, ибо она разрушаетъ тотъ налаженный ими строй жизни, имя которому— хаосъ и анархія.

Вотъ, въ какихъ условіяхъ живутъ и работаютъ тѣ рѣдкіе русскіе люди, которые видятъ въ работѣ смыслъ жизни и любовно чувствуютъ огромное значеніе труда.

И если, вопреки всѣмъ препятствіямъ, которыя ставитъ на пути такихъ людей фантастическая русская жизнь, людямъ все-таки удается сдѣлать крупное дѣло, — я лично очень высоко цѣню людей, создавшихъ его.

Однимъ изъ такихъ рѣдкихъ людей я считаю Ивана Дмитріевича Сытина, человѣка, весьма уважаемаго мною. Онъ слишкомъ скроменъ для того, чтобы я могъ позволить себѣ говорить объ его полувѣковой работѣ и расцѣнивать ея значеніе, но все-таки я скажу, что — огромная работа. Пятьдесятъ лѣтъ посвящено этой работѣ, но человѣкъ, совершившій ее, не усталъ и не утратилъ своей любви къ труду. Это рѣдко встрѣчается въ нашей жизни, бѣдной крупными дѣлами и крупными людьми.

И я горячо желаю Ив. Дм. Сытину добраго здоровья, долгой жизни для успѣшной работы, которую его страна со временемъ оцѣнитъ правильно. Ибо, надо надѣяться, что мы когда-нибудь все-таки научимся цѣнить и уважать трудъ человѣка.

М. Горькій

„МЕЧТА“ И. Д. СЫТИНА.

Жизнь и мечта о жизни рѣдко когда сочетаются вмѣстѣ, и рѣдко кому дано въ себѣ ихъ вмѣстить. Строящій зданіе, кладущій въ потѣ лица кирпичъ за кирпичомъ, не всегда умѣетъ видѣть твореніе рукъ своихъ; а умѣющій видѣть перспективу, не умѣетъ класть кирпичи...

Въ И. Д. Сытинѣ своеобразно сплетается и неугомонный работникъ и, алчущій предѣловъ, мечтатель.

Вѣчная мечта гонитъ его къ людямъ, въ которыхъ онъ думаетъ найти вершины человѣческой правды: и въ осеннюю распутицу черезъ Неву къ Іоанну Кронштадтскому, и въ Ясную Поляну къ Толстому, и къ схимнику въ Троице-Сергіево, и къ Горькому на Капри...

Эта же мечта пронизываетъ всю его жизнь: работая надъ единымъ— „сейчаснымъ“, онъ всегда мечтаетъ обо всемъ. И работа и мечта идутъ въ одномъ направленіи: помочь Россіи стать грамотной и издавать для этой грамотной Россіи печатныя произведенія.

* * *

Помню зарю нашихъ встрѣчъ—1906 годъ.

И. Д. Сытинъ носился тогда съ обширнымъ планомъ созданія универсальнаго общества, которое должно было объединить, въ цѣляхъ просвѣщенія, земства, города, лиги образованія, общины, частныхъ лицъ,— словомъ, всѣхъ. Уставъ Общества былъ утвержденъ, называлось оно „Школа и Знаніе“. Учредителями его были И. Д. Сытинъ, В. А. Морозова, М. М. Ковалевскій, А. И. Эртель, В. И. Ковалевскій. Въ первые члены записались, въ числѣ другихъ, кн. П. Долгоруковъ, кн. Г. Львовъ, М. Стаховичъ, кн. С. Шаховской, Н. Щепкинъ.

По проекту Сытина въ задачи Общества входило: „не только выстроить сотни тысячъ училищныхъ зданій, создать трехсоттысячную

армію учащихъ, но и оборудовать школы, снабдить ихъ учебниками, учебными наглядными пособіями, книгами для чтенія, стоящими въ уровнѣ выросшихъ потребностей школы, создать курсы и библіотеки для пробудившейся и просвѣтленной знаніями народной массы". Намѣчалось колоссальное строительство, для котораго нужна была общая напряженная работа ученыхъ-популяризаторовъ, лучшихъ педагоговъ, всевозможныхъ авторовъ и техниковъ разной спеціальности. Общество ставило себѣ задачей прійти на помощь преимущественно въ технической области: удешевляя до возможнаго предѣла изданіе лучшихъ учебниковъ, книгъ, учебныхъ пособій и изготовленіе наглядныхъ пособій и коллекцій для школьныхъ музеевъ, а также классной мебели, равно какъ и постройку школьныхъ зданій.

И. Д. Сытинъ кипѣлъ и горѣлъ этими идеями. Онъ теребилъ массу лицъ, стучался въ тысячи дверей. Своихъ ближайшихъ помощниковъ загонялъ до полусмерти. Но русское общество не такъ легко расшевелить. Дѣло подвигалось туго. Къ тому же скоро выросли во весь ростъ и „независящія обстоятельства..."

* * *

Но если „практикъ" Сытинъ отъ неудачъ часто падаетъ духомъ, дѣлается сугубо осторожнымъ, колеблется, то „мечтатель" Сытинъ не унываетъ ни минуты. Для мечты не чувствительны ни удары, ни неудачи, ни препятствія.

Черезъ годъ И. Д. Сытинъ уже составлялъ подготовительную работу къ грандіозному плану превратить всѣхъ народныхъ учителей Россійской Имперіи въ активныхъ проводниковъ книги въ народъ. Книга у насъ не имѣетъ путей въ массу. Чтобы въ глуши достать книгу, надо проявить много активности, энергіи, подчасъ находчивости. Всякій товаръ идетъ навстрѣчу потребителю, здѣсь же потребитель не только долженъ итти навстрѣчу, но долженъ разыскивать товаръ. Книга почти не имѣетъ доступа въ деревню. Прежде офени были проводниками книги и прививали вкусъ къ чтенію. Теперь „офенству" нѣтъ мѣста. И вотъ по мысли — мечтѣ И. Д. Сытина надо было изъ арміи россійскихъ народныхъ учителей создать новыхъ офеней. Снабдить каждаго телѣжкой съ лошадью, дать комплектъ народныхъ изданій и заставить въ свободное время заняться разъѣздной торговлей по округѣ печатными произведеніями. Для народнаго учителя съ его нищенскимъ жалованьемъ создался бы прекрасный подсобный заработокъ. Для книги открылись бы пути въ народъ. Парал-

лельно въ одной изъ столицъ, мечталъ И. Д. Сытинъ, надо создать особый дворецъ—университетъ, гдѣ устраивались бы и курсы для народныхъ учителей и куда поочередно ѣздили бы партіи этихъ тружениковъ для полученія руководящихъ знаній и развитія образованія. Проектировалось созданіе особаго отдѣла книговѣдѣнія. Эта основная мысль обвивалась чудесными планами о колоссальномъ ростѣ спроса на просвѣщеніе, о милліонахъ книгъ, которыя дождемъ должны хлынуть въ народъ, о созданіи въ нѣсколько лѣтъ грамотной Россіи.

Если выполненіе этой благородной мечты было не подъ силу одному человѣку, то въ самой мечтѣ онъ черпалъ силы для дальнѣйшаго бодраго строительства, для дальнѣйшей неугомонной и неукротимой работы мысли.

* * *

Сколько за 11 лѣтъ я перевидалъ и пережилъ этихъ „сытинскихъ" мечтаній!..

И при всемъ разнообразіи ихъ черезъ всѣ мечтанія проходила одна и та же основная мысль, варьируемая на разные лады. Тутъ и кустарное дѣло съ планомъ связать кустарныя ремесла съ идеей нагляднаго обученія и съ мыслью начинать воспитаніе съ кустарной игрушки, служащей дѣлу первичнаго обученія.

Тутъ и военная энциклопедія, начатая въ виду соображеній объ огромномъ значеніи популярнаго военнаго образованія для офицерства и въ виду того, „какое рѣшающее значеніе на духъ войска и ихъ подготовленность къ современной войнѣ имѣетъ образовательный уровень арміи".

Многое изъ этихъ начинаній вошло прочно въ жизнь, но многіе ростки этихъ плановъ завяли и погибли въ суровыхъ условіяхъ нашего климата.

* * *

Года три тому назадъ И. Д. Сытинъ въ новой формѣ поднялъ вѣчно живую для него тему о книгѣ для народа, о необходимости дешеваго доступнаго учебника.

Онъ печатно поднялъ вопросъ о монополіи учебниковъ, и какъ характерна постановка этого вопроса для „сытинской" мечты!

Онъ поднялъ бунтъ противъ монополіи книгоиздателей и привилегированныхъ авторовъ учебниковъ.

Основная его мысль, что зло, вообще говоря, не въ одномъ вопросѣ о забронированной монополіи учебниковъ. Зло шире. Въ забронированности книги вообще. Въ запретѣ, который лежитъ у насъ до сихъ поръ

надъ книгой, какъ проводникомъ просвѣщенія. И съ этимъ зломъ надо вести борьбу упорную, не покладая рукъ.

Къ книгѣ у насъ относятся подозрительно. Книгу считаютъ запретнымъ плодомъ. Для книги нѣтъ путей. Для книги нѣтъ должнаго сбыта. Нѣтъ нормальнаго рынка. Доступной по цѣнѣ книги нѣтъ. По книгѣ учиться дорого.

Но къ общимъ затрудненіямъ по проведенію книги въ жизнь прибавился барьеръ между жаждущимъ ученія и учебной книгой. Если въ борьбѣ за книгу приходилось бороться съ общими условіями русской жизни, съ мракобѣсіемъ, косностью, боязнію просвѣщенія, то здѣсь приходится бороться съ еще болѣе серьезной силой: съ организованнымъ синдикатомъ, съ организованной монополіей книгоиздателей и привилегированныхъ авторовъ учебниковъ. Учебники безмѣрно дороги, недоступны по цѣнѣ, они сосредоточены въ немногихъ рукахъ. Дороговизна книги создала огромный налогъ на ученіе. Въ средней школѣ, гдѣ платятъ въ годъ за ученіе 50 рублей, ученикамъ приходится за школьныя книги платить отъ 15 до 20 рубл. въ годъ. Такъ же обстоитъ дѣло въ начальныхъ школахъ. Ни одна отрасль труда не даетъ такого колоссальнаго процента заработка. Книга, стоившая себѣ (до войны) 15—20 коп. (бумага и печать), продавалась по 1 р.—1 р. 25 к. На кого же ложится бременемъ этотъ налогъ? На бѣднаго, забитаго, безграмотнаго, жалкаго, полуголоднаго, темнаго крестьянина. Главной тяжестью ложится на „кухаркина сына". Издатели наживали колоссальные доходы; съ ними вкупѣ и влюбѣ оказались авторы учебниковъ. Заработокъ въ 20—50 тысячъ руб. въ годъ для одного автора за одну книгу сталъ нерѣдкимъ явленіемъ. Всю эту вакханалію благосклонно прикрывала и трогательно защищала одна сила, одинъ таинственный ключъ, раскрывавшій для учебниковъ золотыя двери. Имя этого таинственнаго ключа одобреніе. Тѣми или иными путями учебникъ получалъ одобреніе, и съ этого момента судьба его была на долгіе годы обезпечена. Безъ этого магическаго ключа учебникъ погибалъ. Ни школа, ни общество, ни земства, ни города не рискнутъ покупать и проводить въ жизнь неодобренный учебникъ. Макулатурный учебникъ, но одобренный,—золотое дно; прекрасный учебникъ, но не одобренный,—для рынка макулатура. И таковы всѣ учебники, всѣ безъ исключенія. Авторами подчасъ оказывались тѣ же члены Ученаго Комитета, отъ коего исходитъ одобреніе. Создалась единая нераздѣльная монополія. Монополія книгоиздателей и привилегированныхъ авторовъ учебниковъ. Монополія недоступныхъ по цѣнѣ и ограниченныхъ въ производствѣ учебниковъ.

Вотъ съ этой-то монополіей Сытинъ вступилъ въ борьбу.

Онъ мечталъ пробить брешь въ монопольномъ царствѣ, свести цѣну на учебники до минимума. Дать доступный и нужный, прошедшій черезъ горнило цензуры и одобренія учебникъ, дать просторъ творческимъ силамъ учителей—педагоговъ.

Первые же шаги въ этомъ направленіи встрѣтили невѣроятный шумъ и протесты. Заговорили о томъ, что Сытинъ хочетъ создать свою собственную „сытинскую" монополію. Дѣло стали тормозить съ первыхъ же шаговъ.

Но мечтатель Сытинъ не упалъ духомъ. Онъ такъ же упрямо вѣрилъ и вѣритъ въ свою мысль.

* * *

Заговорите съ нимъ сейчасъ, и онъ вамъ тѣмъ же сочнымъ языкомъ, гдѣ мысль обгоняетъ слова, а слова путаются въ пляскѣ, заговоритъ о томъ же и на ту же тему:

Какъ онъ купилъ „Ниву", какъ онъ мечтаетъ, пользуясь этимъ издательствомъ, создать дѣло обновленія школы, создать при посредствѣ конкурсовъ и спеціальной программы образцовую хрестоматію начальнаго чтенія, чтобы съ первыхъ же шаговъ, съ первой же книги чтенія въ душѣ ребенка отпечатлѣвались начала добра и правды, любви къ родинѣ, упорнаго труда и долга.

Заговоритъ о томъ, что Россія должна стать грамотной...

* * *

Почему не всѣ „сытинскія мечты" претворяются въ жизнь?

Приведу небольшую сценку, которая даетъ отчасти на это отвѣтъ.

Сидѣли мы у А. В. Кривошеина (когда онъ былъ еще министромъ), и И. Д. Сытинъ разсказывалъ о тѣхъ огромныхъ затрудненіяхъ, которыя онъ встрѣчалъ, какъ издатель, на своемъ пути.

Въ бытность К. П. Побѣдоносцева у власти, разсказывалъ И. Д. Сытинъ, когда народную книжку гнали, какъ самое вредное начало, онъ Сытинъ, пріѣхалъ къ нему просить дать просторъ издательству, хотя бы въ одной только области: развитія религіознаго сознанія.

— Пусть правительство разрѣшитъ хотя бы только книжки, разъясняющія народу смыслъ богослуженія, которое онъ слышитъ въ церкви, чтобы непонятный ему церковно-славянскій текстъ разъяснялся простымъ и доступнымъ языкомъ.

Побѣдоносцевъ рѣзко оборвалъ И. Д. Сытина, заявивъ, что никогда, ни при какихъ обстоятельствахъ правительство этого не позволитъ:

— Мужику и не надо понимать, что онъ слышитъ въ церкви. Предъ непонятными ему словами онъ чувствуетъ священный трепетъ, и это священное, благоговѣйное настроеніе и есть единственное, что намъ надо. Никакого пониманія его мы не допустимъ.

Съ тѣмъ И. Д. Сытинъ и ушелъ.

Прошли года, и съ аналогичнымъ дѣломъ И. Д. Сытинъ пріѣхалъ къ С. Ю. Витте, бывшему тогда всемогущимъ министромъ финансовъ и считавшемуся покровителемъ народнаго образованія.

И. Д. Сытинъ просилъ нѣкотораго простора для народнаго издательства.

Витте отвѣтилъ:

— Народную книжку мы терпимъ, но и только. Смотримъ на нее сквозь пальцы. Помогать же вамъ ни въ чемъ не будемъ...

А. В. Кривошеинъ выслушалъ разсказъ и съ улыбкой замѣтилъ:

— Видите, какъ жизнь идетъ впередъ. Отъ Побѣдоносцева вы услышали категорическое „нѣтъ", отъ Витте полу „да", а я вамъ говорю, что близокъ часъ, когда не будетъ группы, не будетъ лицъ и не будетъ направленій, которыя не будутъ помогать дѣлу народнаго образованія...

Такъ, все ближе и ближе день, когда „мечта" И. Д. Сытина начнетъ претворяться въ дѣйствительность.

А. Румановъ

САМЪ СВОЙ ПРЕДОКЪ.

Въ сплошной, податливой, разступающейся протоплазмѣ нашего общества поневолѣ на первое мѣсто приходится ставить волю и характеръ тѣхъ именно, кто выползаетъ изъ вязкихъ и цѣпкихъ болотинъ и, ни на кого не разсчитывая, никому не обязываясь, умѣетъ самъ дорости до тѣхъ высотъ, гдѣ онъ уже невозбранно творитъ великое родное дѣло. Никто въ его прошломъ не создавалъ ему преимущественныхъ положеній. Не было ни одной ворожившей ему бабушки. Въ его портретной галлереѣ, если онъ и заведетъ такую, не окажется ни выпяченныхъ съ глазами на вылетъ и воротниками, подпирающими уши, генераловъ Николая I, ни напудренныхъ, въ мушкахъ и развратно оголенныхъ тетушекъ въ робронахъ и тюрбанахъ или во образѣ Юнонъ и Діанъ. Это—самъ свой предокъ, и родъ его идетъ отъ него самого. Онъ самъ себя сдѣлалъ и, если, выбиваясь изъ отечественныхъ топей, еще не совсѣмъ отряхнулся отъ мелкой ветхозавѣтной слякоти—такъ это ужъ

не его, а нашъ общій первородный грѣхъ. На его памяти нѣтъ крестьянскихъ слезъ. На мужицкомъ потѣ онъ не создавалъ себѣ преступныхъ милліоновъ,—потому что и отцы его и дѣти полили этимъ мужичьимъ потомъ страдныя поля великой мученической Россіи. Насъ всѣхъ выкормилъ народъ и выпустилъ въ настоящую жизнь во всеоружіи наукъ и воспитанія. „Самъ свой предокъ“ учился только букварю. Его профессорами были дьячки—и то еще, слава Богу, если не отставные служивые или бѣглые пьяные послушники. И когда „самъ свой предокъ“ становится во главѣ могучаго образовательнаго теченія или своими богатырскими плечами подпираетъ отечественную промышленность, отвоевывая отъ исконныхъ нашихъ враговъ свои и заружебные рынки, когда въ тухлую, душную, окраенную затворами и всякими рожнами старь онъ бросаетъ свѣтъ и радость воскрешающихъ идей и дѣлъ—ему за это не кого благодарить. Ему никто не помогалъ. Никому и въ голову не приходило взять его за руку и слѣпотствующаго, только смутно угадывающаго яркую даль, вести къ ней по проторенной другими дорогѣ. „Самъ свой предокъ“ самъ торилъ себѣ эту дорогу, хоть рядомъ была готовая, легкая. По ней свободно и весело шли другіе „благорожденные“, а онъ исходилъ кровавымъ потомъ на кремнистой, рвавшей ему ноги цѣлинѣ. Задыхался отъ устали, порою падалъ, теряя вѣру въ себя и въ свои силы. Дѣло такихъ „самъ себѣ предокъ“ за рубежами куда какъ трудно, но оно кажется легче легкаго въ сравненіи съ тѣми терніями и дебрями, сквозь которые приходится пробиваться русскому уму и русской волѣ... „Самъ свой предокъ“, урывая гроши у своего желудка, а иногда и у ранней семьи, послѣ труднаго, истомнаго на глупой и дикой работѣ дня, прячется куда-нибудь на чердакъ съ сальнымъ огаркомъ и чутко учится, работаетъ, думаетъ, чутко и осторожно, потому что со всѣхъ сторонъ тянутся къ его шеѣ и спинѣ желѣзные кулаки желѣзной нежелающей умирать стари. Въ кулакѣ нѣтъ мозгу и „самъ себѣ предокъ“ всѣми своими большими способностями, часто геніемъ, долженъ бороться прежде всего съ этимъ безмозглымъ кулакомъ. Мало ума, мало характера, чтобы одолѣть эти русскіе Каудинскія ущелья, надо, чортъ знаетъ, какое здоровье, чтобы всему въ синякахъ и ссадинахъ выйти, наконецъ, на желанный просторъ... Правда, большіе люди изъ протоплазмы, изъ безвольной, но вязкой топи всю жизнь вмѣстѣ съ ими самими созданными плюсами сохраняютъ и минусы прежней среды, но „самъ свой предокъ“ можетъ съ гордостью сказать: „мои грѣхи, мои мелочные унижающіе“ меня пороки, вся скверна, въ какой вы меня

Д. Осипов. Из моей [illegible] жизни.

видите,—это соки, питавшіе мое дѣтство. На нихъ чудомъ выковалось мое богатырское тѣло, а мой геній, талантъ, воля и сила, и рѣшимость, и широта пониманія, и гигантскіе масштабы смѣлыхъ замысловъ—это ужъ мое личное, мною выработанное и созданное, этимъ я обязанъ самому себѣ и никому другому. Я какъ дерево. Корни его невидимыми змѣями вьются въ черной грязи, въ потемкахъ, въ творческихъ, но неприглядныхъ нѣдрахъ; питаются смрадными отбросами—а вершиною я рвусь къ небу, первый встрѣчаю его творческіе солнечные лучи, чувствую и вижу безконечныя дали. Можетъ-быть, чтобы быть гигантомъ, надо вырасти именно въ нѣдрахъ, въ потемкахъ. Я не даромъ сказалъ, что эти нѣдра, это наивное, ветхозавѣтное, потомъ и кровью пропитанное невѣжество—являются творческою средою. Тепличныя деревья высоко не растутъ и долго не живутъ. Они—барская, великому простору ненужная затѣя!.. „Сами себѣ предки" движутъ народъ. Они плоть отъ плоти его, кость отъ костей. Въ нихъ, какъ въ завязи и плодѣ, сила народа, его геній. Они только, выгребаясь изъ протоплазмы и топи, впитали въ себя эту пищу боговъ—творческій геній и некрушимую волю. И слава тѣмъ „самимъ себѣ предкамъ", которые не успокоятся въ упоеніи своими личными побѣдами, не отгородятся отъ вязкой топи, а вернутъ ей все, что она дала имъ, питая ихъ темное дѣтство. Пусть „самъ свой предокъ" дренируетъ эти болота, сушитъ ихъ, проводитъ и вдаль и въ ширь благодатную новь, подымаетъ народъ до своей нравственной мощи, продуваетъ ему ухо, омываетъ слѣпящіеся глаза, чтобы и онъ пошелъ за нимъ по проторенной имъ дорогѣ. Почтимъ ихъ на ихъ народной страдѣ, когда придетъ пора подводить итоги ихъ жизни, а если съ великою печалью убѣдимся, что они измѣнили своему народному дѣлу — проклянемъ ихъ память. Къ счастью, „сами свои предки" на озирисовомъ судѣ будутъ имѣть почти всегда за себя свидѣтельства тысячей людей и несмѣтныхъ дѣлъ. Они не даромъ прошли тяжкую земную работу и къ концу ея отрясли прахъ зла, корысти, мелкихъ чувствъ и срамныхъ вожделеній,—войдя въ таинственныя области смерти съ чистыми сердцами и неослабѣвшею волей. Ходатаями за нихъ — ихъ воскрешенная родина и ихъ прозрѣвшій народъ, а этимъ предстателямъ нѣтъ отказу у неизреченнаго и во всю долготу дней не гаснущаго престола великой божественной правды.

Вас. Петровичъ Боткинъ

I.

„Будьте не лѣнивы на дѣла, достойныя человѣка“ (Изъ поученій Влад. Мономаха).

О результатахъ полувѣковой дѣятельности И. Д. Сытина по распространенію у насъ печатнаго слова прежде всего говоритъ созданное имъ предпріятіе. По своимъ размѣрамъ, обороту, гигантскому размаху и быстрому росту оно не имѣетъ себѣ равнаго не только въ Россіи, но, пожалуй, и въ Европѣ. Но величина предпріятія, его размѣры — это лишь внѣшняя сторона дѣла, указывающая на исключительную дѣловитость его создателя и руководителя. Гораздо важнѣе другая сторона — внутренняя, идейная. Подводя итогъ 50-лѣтней работы столь недюжиннаго дѣятеля, каковымъ является И. Д., интересно выяснить задачи и цѣли, которыя преслѣдовалъ онъ на трудовомъ пути, мотивы, которыми руководился въ своей дѣятельности. Въ этомъ случаѣ лучшимъ судьей является само общество. Его приговоръ, свободный и независимый, въ одно и то же время можетъ быть и лучшей, самой цѣнной наградой общественному работнику и живымъ укоромъ, который не искупятъ никакія матеріальныя

блага, никакіе внѣшніе видимые успѣхи. Въ зависимости отъ этого приговора имя дѣятеля или переходитъ въ потомство и служитъ примѣромъ, достойнымъ подражанія, или забывается, иногда даже при жизни его носителя.

Въ нашемъ распоряженіи имѣется интересный и богатый матеріалъ, дающій возможность безошибочно судить объ отношеніи къ самому И. Д. и его дѣятельности русскаго общества въ лицѣ его видныхъ представителей. Мы имѣемъ въ виду тѣ многочисленные адреса и привѣтствія, которые были принесены юбиляру 15 лѣтъ тому назадъ, въ октябрѣ 1901 года, когда праздновался 35-лѣтній юбилей его дѣятельности. Въ праздникѣ приняли участіе многіе писатели, художники, педагоги, общественные дѣятели и представители торговли и промышленности. Въ привѣтственныхъ рѣчахъ, обращенныхъ къ юбиляру, въ адресахъ, поднесенныхъ ему, подводился итогъ его 35-лѣтней работы, въ интересахъ развитія книжнаго и вообще печатнаго дѣла въ странѣ и тѣсно связаннаго съ нимъ просвѣщенія народа. Дѣятельность юбиляра въ то время далеко не получила еще того размаха, какой мы наблюдаемъ теперь, тѣмъ не менѣе и тогда она отмѣчалась, какъ выдающееся, исключительное явленіе русской дѣйствительности, что дало основаніе одному изъ ораторовъ, нынѣ покойному, профессору А. И. Кирпичникову, назвать юбиляра „Наполеономъ книжнаго дѣла". Съ тѣмъ большимъ правомъ могъ бы сравнить покойный А. И. юбиляра съ Наполеономъ въ настоящее время, когда результаты, достигнутые имъ въ дѣлѣ распространенія печатнаго слова, превзошли самыя смѣлыя ожиданія.

Интересно, что эта внѣшняя, матеріальная, количественная сторона дѣла не заслонила собой передъ участниками юбилея той идейной, внутренней стороны, о которой мы говорили выше. И это—не случайность. При безпристрастной оцѣнкѣ дѣятельности И. Д. обойти молчаніемъ эту сторону было нельзя: это такъ очевидно для всѣхъ, кто близко присматривался къ юбиляру и его работѣ. На ней, главнымъ образомъ, и остановилась въ своемъ адресѣ группа интеллигенціи, заключавшая въ себѣ такихъ видныхъ представителей науки, литературы, искусства и общественной дѣятельности, какъ академикъ И. А. Бунинъ, художникъ В. В. Верещагинъ, профессора П. Г. Виноградовъ, публицистъ В. А. Гольцевъ, профессора А. А. Кизеветтеръ и А. И. Кирпичниковъ, писатели Н. Д. Телешовъ, А. П. Чеховъ и многіе другіе представители нашей передовой интеллигенціи.

Вотъ что читали мы въ ихъ адресѣ:

„Многоуважаемый
Иванъ Дмитріевичъ!

„Прошло тридцать пять лѣтъ съ того дня, когда Вы явились въ Москву. Эти годы были годами непрерывнаго и плодотворнаго труда. Вы избрали своею спеціальностью книжное и издательское дѣло, сопряженное съ особенными трудностями. Вашей энергіи и *Вашей ищущей*

правды мысли удалось достигнуть многаго. Вы широко, въ милліонахъ экземпляровъ, распространили по родной странѣ и учебники и календари и, что особенно цѣнно, много хорошихъ книгъ для народнаго чтенія. *Вы дали доступъ въ народныя массы многимъ изъ лучшихъ нашихъ писателей.* Своими картинами *Вы подняли художественный вкусъ въ нашемъ народѣ.* Вы обратили также серьезное вниманіе и на изданіе книгъ для дѣтскаго чтенія; въ короткое сравнительно время и въ этой области Вами сдѣлано уже немало.

„*Васъ не останавливали* также *затраты* и тогда, *когда дѣло шло о поддержкѣ* такихъ, напримѣръ, *солидныхъ предпріятій*, какъ „Библіотека для самообразованія". Сильно удешевивъ производство книгъ и картинъ, Вы тѣмъ самымъ дали имъ доступъ въ наиболѣе далекіе и глухіе уголки нашего великаго отечества. Писатели, которые имѣли съ Вами дѣло, вели сношенія, и писатели, наблюдавшіе за Вашею издательскою дѣятельностью, считаютъ поэтому своимъ долгомъ сказать Вамъ сердечное спасибо и *пожелать Вамъ потрудиться еще много лѣтъ на благое просвѣщеніе*".

Непрерывные плодотворные труды на благое просвѣщеніе, ищущую правды мысль, крупныя затраты на поддержку солидныхъ научныхъ изданій—вотъ что выдвинули на первый планъ въ своей оцѣнкѣ дѣятельности И. Д. видные представители науки, литературы и искусства того времени.

Сотрудники „Русскаго Слова" и другихъ періодическихъ изданій Т-ва въ своемъ адресѣ, между прочимъ, говорили:

„35 лѣтъ Вы исполняли нелегкую, но плодотворную работу посредника между источниками научнаго и художественнаго творчества и той массой, которая одна только можетъ придать ему силу и значеніе. Въ этомъ сближеніи литературы съ народомъ, имѣющимъ своимъ послѣдствіемъ взаимное оживленіе и одухотвореніе, мы, посильно служащіе тому же дѣлу просвѣщенія нашей родины, видимъ Вашу безспорную заслугу передъ русскимъ народомъ... *Неизмѣнно идя навстрѣчу разнообразнымъ духовнымъ запросамъ народа, Вы инстинктивно постигали въ нихъ самое прочное и существенное*, и въ этомъ была основа Вашего успѣха, какъ теперь—залогъ будущаго процвѣтанія Своей выдающейся по энергіи и талантливости работой Вы сумѣли соединить себя съ родиной неразрывными узами".

Общество дѣятелей печатнаго дѣла въ своемъ привѣтствіи назвало И. Д. однимъ „изъ *самыхъ почтенныхъ дѣятелей* въ области печатнаго и издательскаго дѣла", который не останавливается ни передъ какими затратами, „*заботясь лишь объ улучшеніи и развитіи излюбленнаго дѣла*". Заканчивая привѣтствіе, Общество особенно подчеркивало то, что „въ нашемъ обширномъ отечествѣ нѣтъ такого уголка, гдѣ бы не было плодовъ дѣятельности И. Д.—его изданій".

Общество книгопродавцевъ въ особую заслугу И. Д. ставило его труды по изысканію новыхъ и оживленію прежнихъ рынковъ книжной торговли: „Блестяще разрѣшивъ эту нелегкую задачу, — говорило оно

въ своемъ адресѣ,—Вы тѣмъ самымъ оказали немалую услугу и всѣмъ товарищамъ по профессіи, открывъ новые и улучшивъ старые пути для сбыта не только своихъ, но и чужихъ изданій... Вы обогатили книжный рынокъ многочисленными изданіями, которыя пріобрѣли добрую славу какъ *за свои внутреннія*, такъ и внѣшнія достоинства. Высшія награды, которыми отмѣчены Ваши произведенія, какъ на всероссійской такъ и на послѣдней всемірной выставкѣ въ Парижѣ, свидѣтельствуютъ о томъ, что *установившаяся* ранѣе этого *репутація Вашей достойной дѣятельности* получила лишь вполнѣ заслуженную оцѣнку со стороны этихъ компетентныхъ учрежденій".

Прекрасную, глубоко справедливую характеристику личности И. Д. находимъ въ адресѣ служащихъ въ типо-литографіи Т-ва. Вотъ нѣсколько выдержекъ изъ него: „Для Васъ, И. Д., жить — значитъ работать; работать—значитъ итти впередъ по пути усовершенствованій и улучшеній... Но не однимъ трудомъ и энергіей отмѣчена Ваша личность: ей не въ меньшей степени присуще и еще одно драгоцѣнное качество — *это постоянное стремленіе впередъ*. Сдѣланное не удовлетворяетъ Васъ, умственный взоръ Вашъ проникаетъ дальше; творческая фантазія рисуетъ новые горизонты. Этимъ-то рѣдкимъ качествамъ Вашей личности все предпріятіе обязано современнымъ его положеніемъ, въ нихъ же—и залогъ будущаго его процвѣтанія... Достойны вниманія и Ваши отношенія къ служащимъ: въ работникѣ, кто бы онъ ни былъ, Вы прежде всего цѣните трудъ и добросовѣстное отношеніе къ своимъ обязанностямъ. Работать съ Вами—значитъ работать дѣлу, а не угождать людямъ. Ваши сердечныя и теплыя отношенія къ служащимъ,—сердечныя не по формѣ, а по сущности, что особенно дорого,—указываютъ, что въ людяхъ *Вы видите не одну только рабочую силу, но и человѣка*"...

II.

Въ 80-хъ годахъ прошлаго столѣтія Л. Н. Толстой, какъ извѣстно, выступилъ съ горячею проповѣдью о необходимости изданія для народа лучшихъ произведеній нашей литературы, при чемъ самимъ имъ было написано спеціально для народа нѣсколько книжекъ. Чтобы провести это пожеланіе въ жизнь, нужно было найти издателя, который вложилъ бы въ него средства и помогъ бы широкому распространенію новыхъ книжекъ въ народѣ, главнымъ образомъ, путемъ ихъ удешевленія. На призывъ Л. Н. Толстого и его друга В. Г. Черткова первымъ

откликнулся И. Д. Съ горячей вѣрой въ успѣхъ дѣла, съ сознаніемъ всей важности для духовнаго развитія народа предпринимаемаго, по призыву и почину великаго писателя земли русской, издательства дешевыхъ народныхъ книгъ, И. Д. положилъ начало новому издательству. Подъ девизомъ „Не въ силѣ Богъ, а въ правдѣ" въ срединѣ 80-хъ годовъ вышли первыя книжки „Посредника". Назначеніе цѣны книжекъ въ 90 коп. за сотню листовокъ было неслыханнымъ дотолѣ дѣломъ, произведшимъ цѣлый переворотъ въ народной литературѣ. Просвѣтительныя общества, земства, отдѣльные дѣятели, народные учителя прямо съ энтузіазмомъ принялись за распространеніе въ народѣ изданій „Посредника". Въ короткое время книжки разошлись въ милліонахъ экземпляровъ. Заслуги И. Д. въ этомъ дѣлѣ громадны. Онѣ ждутъ еще безпристрастной оцѣнки будущаго историка народной литературы. Лично я думаю, что одного этого достаточно, чтобы потомство сохранило имя Сытина на долгія времена.

Редакторъ изданій „Посредника" П. П. Горбуновъ-Посадовъ въ юбилейномъ привѣтствіи И. Д. говоритъ слѣдующее: „Въ 1884 году къ Вамъ обратились за содѣйствіемъ люди, направившіе въ то время всю свою любовь и заботу на то, чтобы дать, наконецъ, русскому заброшенному народному читателю новую, истинно достойную его души, духовную пищу для его ума и сердца. (Я говорю, конечно, о Владимирѣ Григорьевичѣ Чертковѣ и Львѣ Николаевичѣ Толстомъ). Вы пошли *съ большою чуткостью* навстрѣчу ихъ стремленіямъ, оказавъ прекраснымъ начинаніямъ ихъ всевозможное содѣйствіе своей издательской и распространительной опытностью и энергіей. Дѣйствуя въ одной дружной работѣ съ этими основателями „Посредника", *вы способствовали въ значительной степени тому, что, наконецъ-то, всколыхнулось, посвѣтлѣло и оживилось сонное, застоявшееся, затянувшееся тиной лубочнаго хлама, темное море народной литературы*".

Такъ говорилъ тогда непосредственный свидѣтель возникновенія „Посредника" и безсмѣнный до настоящаго времени редакторъ его изданій.

Нѣсколько позже (въ началѣ 90-хъ годовъ) И. Д. выступилъ, какъ издатель народныхъ книгъ Московскаго Комитета Грамотности, широко развившаго тогда свою просвѣтительную дѣятельность. Редакторомъ изданій Комитета былъ въ то время А. Е. Грузинскій, нынѣшній предсѣдатель Общества Любителей Россійской Словесности. Въ своемъ привѣтственномъ письмѣ юбиляру онъ, между прочимъ, писалъ: „Десять

лѣтъ назадъ мнѣ въ первый разъ пришлось познакомиться съ Вами, какъ съ издателемъ книжекъ Комитета Грамотности, редакторомъ которыхъ я тогда сдѣлался. Сношенія эти длились нѣсколько лѣтъ, а когда они прекратились, то начались другія дѣла, и не проходило года безъ того, чтобы я или участвовалъ въ Вашихъ изданіяхъ самъ лично, или обращался къ Вамъ по поводу изданія чужихъ работъ. За это время я составилъ себѣ опредѣленное мнѣніе о Вашей личности и дѣятельности. Мнѣ захотѣлось въ эти дни, когда Ваша дѣятельность получитъ публичную оцѣнку, сказать Вамъ просто, откровенно, *что* я цѣню въ Васъ и ставлю выше прочаго. Я не буду говорить о Вашей крупной дѣловитости и объ огромной энергіи въ работѣ и о томъ, какъ широка и разнообразна Ваша дѣятельность. Объ этомъ будутъ много говорить другіе и Вы сами это все прекрасно знаете. Я больше всего цѣню въ Васъ, что Вы никогда не останавливаетесь на томъ, чего достигли, а постоянно ищете новаго и лучшаго, что Вы до сихъ поръ идете впередъ, а кто идетъ впередъ, тотъ живъ. *Затѣмъ я убѣжденъ, что тотъ червякъ, который толкаетъ Васъ впередъ, питается не однимъ только рублемъ, какъ думаютъ нѣкоторые, а желаетъ себѣ иной пищи, повыше рубля.* Однимъ словомъ, я думаю, что Вы часто искренно стремитесь къ лучшему въ Вашемъ дѣлѣ и съ любовью служите ему".

Готовность приходить на помощь общественнымъ организаціямъ и отдѣльнымъ кружкамъ дѣятелей по народному образованію въ ихъ стремленіяхъ издавать для народа хорошія дешевыя книги красною нитью проходитъ черезъ всю издательскую дѣятельность И. Д. Я укажу здѣсь, между прочимъ, на изданіе серіи дешевыхъ народныхъ книжекъ подъ девизомъ „Правда". Въ свое время (середина 90-хъ годовъ) серія эта получила широкое распространеніе. Инициатива по изданію этой серіи принадлежала баронессѣ В. И. Икскуль и В. П. Вахтерову. Ниже читатель найдетъ интересныя воспоминанія В. И. Икскуль о первомъ знакомствѣ ея съ И. Д., когда она въ поискахъ издателя задуманной серіи обошла всѣхъ московскихъ издателей народной литературы. Всюду и вездѣ встрѣчала она недовѣріе, обидное полунасмѣшливое отношеніе, и только одинъ И. Д. отнесся серьезно, внимательно и съ первыхъ словъ согласился помочь симпатичному начинанію.

Теперь, спустя 20 лѣтъ послѣ описаннаго, В. И. съ благодарностію вспоминаетъ это отношеніе И. Д. и говоритъ, что „съ его именемъ связано у нея много свѣтлыхъ впечатлѣній ея жизни".

Благія послѣдствія по своимъ результатамъ имѣло содѣйствіе И. Д. изданію трудовъ харьковскихъ дѣятелей по народному образованію („Книга взрослыхъ", „Что читать народу", „Народная Энциклопедія"). По этому вопросу совсѣмъ на-дняхъ въ письмѣ по поводу предстоящаго юбилея пишетъ мнѣ маститая дѣятельница по народному образованію, глубокоуважаемая Х. Д. Алчевская: „Какъ много обязаны мы Ивану Дмитріевичу за его сочувствіе къ нашимъ изданіямъ и широкому распространенію ихъ. Все это *помогло* намъ создать Попечительный Комитетъ о нуждахъ Харьковской Частной женской Воскресной Школы. *Это обезпечиваетъ школу навсегда.* Мало того, нѣкоторыя другія воскресныя школы создали уже подобные комитеты и тѣмъ самымъ обезпечили себя въ будущемъ

„Все это имѣетъ большое значеніе для дѣла и сулитъ ему прочное положеніе".

Не могу не упомянуть здѣсь еще объ одномъ изданіи, осуществленію котораго содѣйствовалъ И. Д. Я говорю о хрестоматіи „Изъ родной литературы", часть дохода съ которой дала возможность Обществу Взаимной Помощи при Московскомъ Учительскомъ Институтѣ построить въ Москвѣ первый въ Россіи Учительскій Домъ. (Самимъ И. Д. въ фондъ на постройку Дома было сдѣлано крупное денежное пожертвованіе).

III.

Яркую характеристику И. Д., какъ изумительнаго по энергіи работника на избранномъ имъ поприщѣ, даютъ въ своемъ адресѣ лица, вложившія въ предпріятіе свой капиталъ (пайщики). Вотъ что читаемъ мы тамъ: „Планомѣрно, изъ года въ годъ, Вы развиваете и совершенствуете созданное. Маленькая, въ одну машину, мастерская превращается въ громадное типо-литографское заведеніе, снабженное лучшими машинами и новѣйшими усовершенствованіями, скромная книжная торговля вырастаетъ въ солидное, съ милліоннымъ оборотомъ, книгоиздательское и торговое предпріятіе; милліоны книгъ и картинъ, изданныхъ фирмой, расходятся по лицу земли русской, проникая въ самые глухіе ея уголки; лучшія литературныя и художественныя силы, сотни скромныхъ тружениковъ пера и кисти принимаютъ участіе въ обширной работѣ предпріятія; тысячи работниковъ типографскаго, литографскаго, цинкографскаго, переплетнаго и механическаго производства сплачиваются вокругъ созданнаго Вами дѣла. Кому, какъ не Вамъ, многоуважаемый

Иванъ Дмитріевичъ, обязано все наше товарищеское дѣло своимъ процвѣтаніемъ? Въ него Вы вкладываете свой трудъ, свои знанія, свой умудренный годами опытъ, свою душу.

„Лица, близко наблюдающія Вашу дѣятельность, хорошо знаютъ, какихъ неимовѣрныхъ усилій, упорной настойчивости, безсонныхъ ночей стоитъ иногда то или другое нововведеніе, тотъ или другой поступательный шагъ впередъ. Вы — богатырь въ избранной Вами области,— богатырь, не знающій, что значитъ отступать передъ препятствіями, которыя ставитъ жизнь. Вы, какъ опытный, закаленный годами, кормчій, привычной рукой, смѣло и увѣренно, ведетъ свой корабль среди видимыхъ скалъ и невидимыхъ мелей, направляя его на свѣтлую, широкую дорогу. Родина должна дорожить такими сынами, какъ Вы, отечественная промышленность — гордиться такими дѣятелями. Мы, товарищи Ваши, гордые сознаніемъ, что имѣемъ въ лицѣ Васъ своего директора-распорядителя, ни на минуту не сомнѣваемся, что, пока Вы стоите во главѣ дѣла, успѣхъ его и процвѣтаніе прочно обезпечены на многіе годы“.

Въ заключеніе я приведу здѣсь рѣчь, сказанную на юбилеѣ предсѣдателемъ Славянскаго Общества. Красивая по формѣ и глубокая по содержанію, она указываетъ, какая громадная сила присуща „подвластному“ И. Д. печатному станку, и призываетъ юбиляра употребить эту силу на служеніе общечеловѣческимъ идеаламъ, на служеніе дѣлу сближенія между собой братскихъ славянскихъ народностей для „самосохраненія каждаго отдѣльнаго народа отъ обезличенія и политико-экономическаго порабощенія“.

Вотъ эта рѣчь.

„На рубежѣ среднихъ вѣковъ, два великія открытія прорвали своими лучами густой мракъ невѣжества и стали навсегда орудіями цивилизаціи, возродившейся при ихъ яркомъ блескѣ: печатный станокъ и порохъ, то борясь между собой, то идя рука объ руку, преобразили весь міръ, но желательная побѣда осталась за станкомъ. Когда порохъ побѣждалъ станокъ, являлась анархія, войны, кровь текла ручьемъ, гибли произведенія искусства и труда, наступали всѣ ужасы, и прогрессъ человѣчества останавливался и даже поворачивалъ назадъ. Какъ только одолѣвалъ станокъ — тотъ же порохъ превращался въ покорное орудіе: взрывалъ горы для проведенія удобныхъ дорогъ и для добычи подземныхъ богатствъ. Почтенна обязанность людей, стоящихъ у станка и управляющихъ имъ, и вы одинъ изъ нихъ. Вы, настоящій русскій самородокъ, всю жизнь проработавъ у станка, составивъ себѣ состояніе и положеніе, исключительно благодаря уму и трудолюбію, можете много

сдѣлать теперь для проведенія въ жизнь завѣтныхъ, дорогихъ сердцу вашему, идей. Теперь вы имѣете эту возможность удовлетворить вашу потребность, поработать для духа, выразившуюся, между прочимъ, и во вступленіи вашемъ въ число членовъ Славянскаго Общества, вся дѣятельность котораго обращена на безкорыстное и посильное служеніе родинѣ, на созданіе великаго славянскаго единенія, и на сплоченіе вокругъ русскаго знамени нашихъ естественныхъ союзниковъ-братьевъ славянъ, что обезпечило бы насъ отъ дружнаго натиска всѣхъ враговъ извнѣ.

„Общество радостно привѣтствуетъ васъ на этомъ праздникѣ,—праздникѣ идеи и труда, и проситъ направить подвластный вамъ станокъ на выполненіе задачъ Общества. Задача же Славянскаго Общества состоитъ въ томъ, чтобы, духовно сближаясь съ братскими народами, выяснить имъ необходимость прекращенія вражды и распри, обезсиливающихъ и позорящихъ славянство, и создать славянскій мощный союзъ для самосохраненія каждаго отдѣльнаго народа отъ обезличенія и политико-экономическаго порабощенія Подъ мирной сѣнью славяне могутъ спокойно развиваться и наверстать все упущенное ими за время долголѣтняго татарскаго, турецкаго и нѣмецкаго ига.

„Въ то время, какъ нѣмецкій порохъ проповѣдуетъ захватъ помощью желѣза и крови, вашъ станокъ пусть сѣетъ любовь и уваженіе къ Россіи—носительницѣ мира. На почвѣ взаимнаго ознакомленія и изученія славяне, наконецъ, поймутъ, что всѣ они—родные братья, но разъединенные и поэтому порабощенные порохомъ. Они могутъ сплотиться, вновь окрѣпнуть, освободиться и развиваться лишь при условіи братскаго единенія подъ защитой могучей Россіи, а это единеніе и ихъ будущее благополучіе долженъ создать печатный станокъ.

„Въ результатѣ я выражу завѣтную мысль Славянскаго Общества, осуществленію коей вы можете и должны много посодѣйствовать. Прежде всего распространеніемъ сочиненій геніальныхъ нашихъ авторовъ среди зарубежныхъ славянъ, а во-вторыхъ, удѣленіемъ въ вашей обновленной газетѣ почетнаго мѣста извѣстіямъ изъ славянскихъ странъ для ознакомленія съ ними нашего общества, чѣмъ возбудится живой интересъ его къ меньшей братіи, и воскреснутъ прежнія вдохновенныя симпатіи, охлажденныя нѣмецкими интригами".

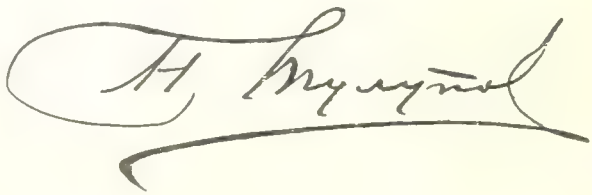
IV.

Мы привели здѣсь мнѣнія о личности Н. Д., взгляды на его работу и ея результаты цѣлаго ряда лицъ, стоящихъ по своему положенію на

разныхъ ступеняхъ общественной лѣстницы. Единодушіе въ признаніи исключительныхъ заслугъ И. Д. передъ родиной, народомъ, страной *полное*. И если этотъ приговоръ общества, въ лицѣ его видныхъ представителей, былъ сдѣланъ 15 лѣтъ тому назадъ, то онъ съ большимъ еще основаніемъ можетъ и долженъ быть сдѣланъ въ настоящее время. За истекшія 15 лѣтъ И. Д. ни на іоту не утратилъ драгоцѣнныхъ качествъ своей духовной природы—трудолюбія, энергіи, здоровой русской смѣтки, постояннаго стремленія впередъ. Его „ищущій правды умъ“ попрежнему ищетъ новыхъ, широкихъ путей для книги и печатнаго слова, попрежнему занятъ вопросомъ о широкомъ распространеніи его въ интересахъ „благого просвѣщенія“. Попрежнему на первомъ планѣ у него интересы дѣла, которому отдалъ онъ свою трудовую жизнь. Въ своихъ исканіяхъ, мечтахъ и планахъ попрежнему онъ — пылкій юноша, смѣлый новаторъ, неисправимый оптимистъ. Такими людьми движется и строится жизнь.

Нужно, чтобы заслуги такихъ людей получали должную оцѣнку общества и притомъ не тогда, когда они уже сойдутъ съ арены жизни, а при нихъ самихъ, дабы они еще *при жизни* воочію могли убѣдиться, какъ общество умѣетъ цѣнить ихъ труды. Учрежденіе въ Москвѣ Дома Книги имени Ивана Дмитріевича Сытина, какъ это проектировано въ связи съ полувѣковымъ его юбилеемъ, будетъ лишь актомъ справедливости.

Достойному—достойное! Пусть имя того, кто всю свою трудовую жизнь отдалъ для книги, работая не покладая рукъ, творилъ дѣла, „достойныя человѣка“, кто заботой и трудами помогалъ сѣять просвѣщеніе по лицу необъятной родины-матери, украшаетъ собою учрежденіе, долженствующее всемѣрно пещись о книгѣ, этой, по выраженію Герцена, „хранительницѣ знаній и откровеній, найденныхъ страданіями, облитыхъ иногда кровавымъ потомъ“.



И. Д. СЫТИНЪ И НАРОДНЫЙ УЧИТЕЛЬ.

Болѣе 20 лѣтъ существуетъ въ Москвѣ Общество съ очень длиннымъ и ничего не говорящимъ ни уму ни сердцу названіемъ—Общество Взаимной Помощи при Московскомъ Учительскомъ Институтѣ. Члены этого Общества разсѣяны буквально по всей Россіи, „отъ Бѣлыхъ водъ до Черныхъ". Это все—учащіе въ высшихъ начальныхъ училищахъ, которыя воспріяли свое начало въ тѣ приснопамятныя времена, когда во главѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія стоялъ графъ Д. А. Толстой, и первыя сорокъ лѣтъ своего существованія именовались городскими, по Положенію 1872 года, училищами. Созданныя въ пору жестокаго безвременья, новыя училища оказались, однако, вполнѣ жизнеспособными и въ первые же годы своего возникновенія пріобрѣли прочныя симпатіи самыхъ широкихъ слоевъ населенія,—явленіе далеко не заурядное въ исторіи русской школы. Этимъ успѣхомъ они были обязаны своему прекрасному преподавательскому персоналу, который почти всецѣло выходилъ изъ среды простого на-

рода, получалъ солидную педагогическую подготовку въ учительскихъ семинаріяхъ и институтахъ и съ горячимъ энтузіазмомъ отдавалъ свои силы великому дѣлу просвѣщенія родной земли. Естественно, что эти новые культурные работники, разбросанные по далекимъ отъ просвѣтительныхъ центровъ захолустьямъ, одинокіе, часто безпомощные въ борьбѣ съ окружающимъ зломъ, всегда чувствовали необходимость объединиться. Такъ зародилось названное Общество. Но оказалось, что мало учредить Общество: надо вдохнуть въ него жизнь, намѣтить опредѣленныя цѣли его существованія, чтобы всѣмъ было ясно, возлѣ чего и ради чего стоитъ объединяться. Первые годы Общество влачило жалкое существованіе: количество членовъ не превышало нѣсколькихъ десятковъ; вся дѣятельность его сводилась къ выдачѣ мизерныхъ ссудъ и еще болѣе мизерныхъ пособій. Конечно, такая „дѣятельность" никого не привлекала, и количество членовъ Общества, и безъ того ничтожное, пошло на убыль. Общество явно умирало... Отъ времени до времени дѣлались попытки оживить его, но всѣ онѣ оказывались безплодными. Но вотъ во главѣ Правленія сталъ извѣстный общественный дѣятель и педагогъ Н. В. Тулуповъ. Онъ сумѣлъ возсоздать разрушавшееся учрежденіе, вдохнуть въ него жизнь, заразивъ своимъ энтузіазмомъ, вѣрою въ свѣтлое будущее русскаго учителя сначала ближайшихъ своихъ сотрудниковъ по Обществу, а затѣмъ и всѣхъ его членовъ. Именно ему принадлежитъ идея создать первый въ Россіи Учительскій Домъ. На первыхъ порахъ, однако, эта мысль была встрѣчена полнымъ недовѣріемъ: надъ ней смѣялись, называли чистѣйшей утопіей и относили къ числу тѣхъ благихъ намѣреній, которыми, какъ извѣстно, вымощенъ адъ. Да и какъ было повѣрить въ возможность осуществленія подобной мысли! Легко сказать: „создать Домъ"; но какъ это сдѣлать Обществу, всѣ капиталы котораго не превышаютъ нѣсколькихъ сотъ рублей? Несмотря на всю несбыточность, мысль о Домѣ все же не была оставлена. Члены Правленія образовали комиссію, которая задалась цѣлью составить рядъ учебныхъ пособій съ тѣмъ, чтобы доходъ отъ ихъ изданія шелъ въ фондъ на постройку Дома. Первая работа комиссіи — хрестоматія „Изъ родной литературы"—вышла въ свѣтъ въ 1904 году и вскорѣ получила широкое распространеніе въ школѣ. Хрестоматія была издана И. Д. Сытинымъ на исключительно-выгодныхъ для Общества условіяхъ, такъ какъ идея созданія Учительскаго Дома съ самаго момента своего возникновенія встрѣтила съ его стороны самое горячее сочувствіе. Комиссія усердно продолжала такъ удачно начатую работу... Прошло 5—6

лѣтъ, и въ распоряженіи Общества оказался уже фондъ на постройку Дома въ нѣсколько тысячъ рублей. Но что значили эти тысячи въ сравненіи съ тѣми десятками тысячъ, которыя были нужны для осуществленія завѣтной мечты! Въ сердца даже наиболѣе вѣрившихъ въ успѣхъ дѣла закрадывалось невольное сомнѣніе, опускались руки; только иниціаторъ всего предпріятія, И. В. Тулуповъ, шелъ твердо, неуклонно по намѣченному пути и энергично работалъ, работалъ неустанно, не жалѣя силъ, для воплощенія своей прекрасной идеи... Результаты не заставили себя ждать; пришла неожиданная помощь. Въ фондъ на постройку Учительскаго Дома поступило щедрое пожертвованіе въ количествѣ 15 тысячъ рублей отъ И. Д. Сытина. Недурно было пожертвованіе, еще лучше были слова, которыми оно сопровождалось: „Своимъ благосостояніемъ я обязанъ народному учителю,—сказалъ Иванъ Дмитріевичъ:— я неоплатный его должникъ". Дѣло, однако, этимъ не ограничилось: вскорѣ Иванъ Дмитріевичъ далъ средства для напечатанія „Чеховскаго юбилейнаго сборника", весь доходъ отъ продажи котораго также поступилъ въ фондъ на постройку Дома. Мечта близилась къ своему осуществленію. Съ легкой руки Ивана Дмитріевича со всѣхъ сторонъ начали стекаться пожертвованія. Популярность идеи Учительскаго Дома быстро росла... Теперь Общество смѣло приступило къ дѣлу. 16 мая 1910 г. происходила торжественная закладка перваго въ Россіи Учительскаго Дома, а черезъ полтора года онъ былъ уже готовъ. Сонъ свершился наяву! Въ Домѣ теперь имѣется обширный залъ имени И. Д. Сытина, украшенный его портретомъ, для спектаклей, лекцій, дѣтскихъ праздниковъ; большая библіотека, содержащая болѣе 12 тысячъ названій; дѣтская библіотека съ 10 тысячами книгъ [1]); педагогическій музей, кото-

Зданіе Учительскаго Дома.

[1]) Обѣ библіотеки постоянно пополняются книгами, издаваемыми фирмою Т-ва И. Д. Сытина.

рый, несмотря на очень недолгіе годы своего существованія, уже издалъ нѣсколько цѣнныхъ изслѣдованій по вопросамъ дѣтской психологіи, и проч. Ежегодно въ Учительскомъ Домѣ устраиваются курсы для учащихъ начальныхъ училищъ на проценты съ капитала, завѣщаннаго на просвѣтительныя дѣла А. И. Копейкиной и переданнаго Обществу ея сыномъ А. С. Байракомъ.

Растетъ дѣятельность Общества, растетъ и количество его членовъ: есть, гдѣ объединиться, къ чему приложить свои силы. Общество занимаетъ теперь видное мѣсто среди просвѣтительныхъ учрежденій, работающихъ на благо всей Россіи. Передъ нимъ разстилается широкій и свѣтлый путь плодотворной дѣятельности, и въ началѣ этого пути красуется имя Ивана Дмитріевича Сытина. Это имя всегда будетъ дорого Обществу. Не забудетъ его и народный учитель.

М. Семенова.

И. Д. Сытин и его заслуги перед родиной

В. АНАНЬИНЪ.

Иванъ Дмитріевичъ Сытинъ не принадлежитъ къ обычному типу предпринимателя, которымъ руководитъ исключительно частный коммерческій интересъ. Иванъ Дмитріевичъ—поэтъ широкой дѣятельности; его манятъ широкія дали, передъ нимъ открываются новые и новые горизонты. И малое дѣло онъ умѣетъ развить въ большое.

Въ крупномъ и многостороннемъ дѣлѣ онъ—всевидящее око. Хорошая дѣльная мысль, кѣмъ бы она ни была высказана, подхватывается Иваномъ Дмитріевичемъ налету и претворяется немедленно въ дѣло. Разумный рискъ и осторожность сочетаются гармонично въ его дѣятельности. Я люблю въ Иванѣ Дмитріевичѣ талантливаго и энергичнаго великоросса.

М. АДЖЕМОВЪ.

У насъ, въ Россіи, почитаніемъ религіознымъ окружено печатное слово.

Просвѣщеніе массъ для нашей интеллигенціи была и остается своего рода миссіей.

Увы, идеалистическое всегда было лишено практическаго обоснованія.

Иванъ Дмитріевичъ одинъ изъ рѣдкихъ—онъ сумѣлъ дать практическую почву для идейной работы, въ то же время ничѣмъ не жертвуя идейнымъ ради практическихъ цѣлей.

Ю. БАЛТРУШАЙТИСЪ.

Горячо привѣтствую „Домъ Книги“ имени Ивана Дмитріевича Сытина. Отдавъ свою жизнь служенію книгѣ, онъ прямо и косвенно служилъ нашей свободѣ и всей русской мощи народной.

Ю. Балтрушайтис

П. БУРЫШКИНЪ.

Если каждый юбилей вообще заставляетъ насъ обращать свой взоръ къ страницамъ прошлаго, то особенно отрадно сопоставить прошлое съ настоящимъ, отмѣчая знаменательную дату въ жизни Ивана Дмитріевича Сытина. Вся жизнь его можетъ почитаться служеніемъ дѣлу просвѣщенія, а развитіе созданнаго имъ дѣла знаменуетъ собой распространеніе книгъ и печатнаго слова.

Павел Бурышкин

Ѳ. БЛАГОВЪ.

Многіе будутъ говорить на этихъ страницахъ объ удивительной энергіи И. Д. Сытина, объ его постоянной жизни въ трудѣ, о жизни почти— даже не почти, а совсѣмъ безъ отдыха, о широтѣ его замысловъ, вѣчной думѣ о новыхъ и новыхъ предпріятіяхъ, объ его организаторскомъ талантѣ.

Мнѣ хочется отмѣтить совсѣмъ иную сторону его натуры—отсутствіе въ немъ именно тѣхъ элементовъ коммерческаго дѣятеля, которые придаютъ, особенно въ наши дни, какое-то обидное значеніе слову „купецъ".

Вся энергія, творческія силы духа Сытина направлены въ сущности къ цѣли — созданію новыхъ доходныхъ отраслей въ дѣлѣ, увеличенію прибылей руководимаго имъ товарищества. Сытинъ, конечно, не былъ бы коммерсантомъ, если бы поступалъ иначе. Но и заботясь о прибыляхъ, онъ остается коммерсантомъ совершенно особаго типа, потому что въ этой сытинской заботѣ о прибыляхъ абсолютно отсутствуетъ характеризующій всякаго купца элементъ—мысль о личныхъ доходахъ, о собственномъ обогащеніи.

Въ увеличеніи доходности дѣла Сытинъ всегда видѣлъ и видитъ одну лишь возможность поставить это дѣло еще шире, захватить новыя области, осуществить новые планы. Для него никогда не наступитъ и не можетъ наступить того естественнаго во всякомъ дѣлѣ момента, когда оно достигаетъ апогея своего развитія. Какъ бы грандіозны ни были размѣры созданнаго Сытинымъ дѣла—оно все еще мало для него. И чѣмъ доходнѣе это дѣло, чѣмъ больше

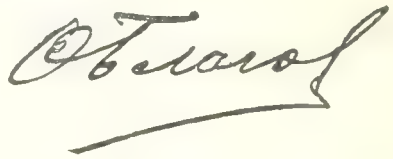
его обороты и его чистая прибыль, тѣмъ шире перспективы будущаго, тѣмъ настойчивѣе мысль о необходимости отдать всѣ прибыли на организацію новыхъ и новыхъ предпріятій.

Въ многообразной дѣятельности созданнаго Сытинымъ товарищества есть рядъ предпріятій, прочно организованныхъ и давно ставшихъ „на ноги". Сытинъ можетъ попрежнему любить ихъ, такъ же близко интересоваться ихъ ходомъ и развитіемъ, но ему скучно жить и работать въ дѣлахъ уже налаженныхъ, ему нужны новыя дѣла, новыя муки организатора, новое кипѣніе, тревоги, новыя безсонныя ночи въ думахъ о предстоящемъ дѣлѣ, объ его опасностяхъ и сопряженномъ съ этимъ рискомъ именно для предпріятій старыхъ, налаженныхъ. А когда онъ создаетъ эти новыя дѣла—его томитъ новая забота: упрочить ихъ существованіе.

Сытинъ, можетъ-быть, иногда бываетъ и скупъ, но и эта скупость у него своя, особенная, потому что онъ всегда хочетъ сберечь какъ можно больше средствъ на созданіе новыхъ дѣлъ, на организацію новыхъ отраслей своего предпріятія.

Онъ въ каждый моментъ своей жизни, даже теперь, пройдя полувѣковой трудовой путь, все еще весь въ будущемъ, въ томъ, что предстоитъ ему создавать, мыслью о чемъ онъ еще мучится. И въ самой его торопливости, въ вѣчной его озабоченности, сказывающейся во всемъ, вплоть до походки, запечатлѣлась эта его вѣчная неудовлетворенность, этотъ вѣчно клокочущій въ немъ потокъ творческихъ идей, въ которомъ мысль объ извлеченіи новаго дохода неизбѣжно является и мыслью объ еще новомъ предстоящемъ дѣлѣ, которое должно поглотить эти доходы и, въ свою очередь, создать новый притокъ матеріала для осуществленія новыхъ замысловъ.

А мысль о самомъ себѣ, о своемъ благосостояніи у него всегда гдѣ-то тамъ, на второмъ планѣ.



В. БРЯНСКІЙ.

Иванъ Дмитріевичъ Сытинъ одинъ изъ первыхъ началъ издательство книгъ для народа. Поставивъ высоко свое собственное издательство, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ положилъ основаніе для тѣхъ крупныхъ успѣховъ, которыхъ достигло въ настоящее время издательское дѣло въ Россіи.

Широкимъ потокомъ вливая въ народную среду печатное слово, Иванъ Дмитріевичъ совершалъ неизмѣнно и безшумно великое дѣло: вводилъ хорошую книгу въ повседневный обиходъ народа.

Заслуги Ивана Дмитріевича пріобрѣтаютъ тѣмъ большее значеніе, что ему пришлось, создавая свое издательское дѣло съ малыми средствами, создавать въ то же время и опредѣленные круги читателей въ средѣ народа, долгое время знавшаго только лубокъ.

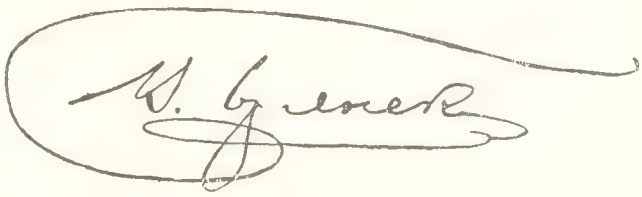
Иванъ Дмитріевичъ не остановился передъ этими трудностями.

Самъ выйдя изъ народа, онъ хорошо зналъ его умственные запросы, вѣрилъ въ успѣхъ дѣла и, благодаря неуклонной, полной неутомимаго труда и энергіи, дѣятельности въ теченіе 50-ти лѣтъ, достигъ на этомъ поприщѣ блестящихъ результатовъ.

Ивану Дмитріевичу обязана своимъ возникновеніемъ и самая распространенная газета въ Россіи, вслѣдствіе полнаго и безпристрастнаго освѣщенія событій русской и міровой жизни, привлекшая къ себѣ читателей какъ въ городскихъ центрахъ, такъ и въ отдаленнѣйшихъ углахъ нашей обширной родины.

Такая многополезная дѣятельность сохранитъ навсегда имя Ивана Дмитріевича на страницахъ исторіи русской культуры, и мы, общественные дѣятели, съ чувствомъ особаго уваженія относимся къ „золотому“ юбилею Ивана Дмитріевича.

Товарищъ Московскаго
Городского Головы



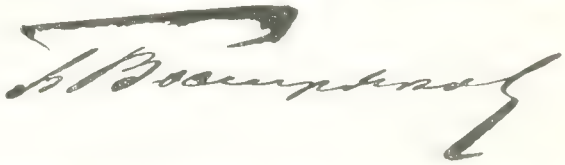
А. БУДИЩЕВЪ.

Ты въ жизни путь избралъ нелегкій и неторный,
Ты новую стезю прокладывалъ собой,
Ты памятникъ воздвигъ себѣ нерукотворный
Изъ милліоновъ книгъ, что изданы тобой!
Учившійся на грошъ въ слѣпое, злое время,
Какія груды книгъ ты разбросалъ вокругъ.
Расти, скорѣй расти, премудрыхъ знаній сѣмя,
О, зацвѣтай пышнѣй, обсѣмененный лугъ!
А ты, ты сѣятель, ты богатырь изъ сказки,
Отъ тягостныхъ заботъ почій хотя бъ въ день сей!
И пусть тебѣ весь день поетъ хвалы и ласки
Сердечно радостный, стоустный юбилей.
Зане ты намъ явилъ, сынъ сельскаго прихода,
Что мудръ и зрячъ еще нашъ непреклонный рокъ,
Что геній русскаго великаго народа
И мощенъ, и живучъ, и ярокъ, и высокъ!

Б. ВОСТРЯКОВЪ.

Страна, народъ которой даетъ такихъ дѣятелей, какъ Иванъ Дмитріевичъ Сытинъ, заслуживаетъ быть великой и независимой. Былъ бы только надлежащій просторъ для работы „Сытиныхъ" и никакія невзгоды и потрясенія не будутъ страшны нашей родинѣ.

Счастливъ имѣть возможность сердечно привѣтствовать Ивана Дмитріевича съ его полувѣковой дѣятельностью въ области книгоиздательства и книжной торговли, способствовавшей развитію самосознанія русскаго народа.



Д. ВАРАПАЕВЪ.

Россія, волею судебъ значительно отставшая отъ другихъ культурныхъ странъ, особенно нуждается въ просвѣщеніи своихъ широкихъ народныхъ массъ, ищущихъ хлѣба духовнаго. Какія силы таятся среди этихъ непросвѣщенныхъ массъ, показываетъ появленіе мощныхъ самобытныхъ талантовъ, которымъ удалось, невзирая на чрезвычайно тяжелыя условія, найти свое призваніе и отдаться ему. Имена Антокольскаго, Крамского, Рѣпина, Горькаго, Шаляпина слишкомъ краснорѣчиво свидѣтельствуютъ объ этомъ. А сколько такихъ дарованій загублено тьмою невѣжества. Велика заслуга тѣхъ, кто хотя бы малую ленту внесъ въ дѣло просвѣщенія народа. И. Д. Сытинъ не только внесъ свою ленту въ это великое дѣло, но и посвятилъ ему всю свою удивитель-

ную творческую энергію и исключительное дарованіе. Прогрессъ въ наукѣ, литературѣ, искусствѣ и другихъ отрасляхъ человѣческой дѣятельности, знаменуется появленіемъ яркихъ индивидуальныхъ талантовъ, имѣющихъ сказать свое новое слово, реформаторовъ на томъ или иномъ поприщѣ. Такимъ реформаторомъ въ своей издательской дѣятельности является И. Д. Сытинъ, сумѣвшій полезную книгу, этотъ источникъ знаній и свѣта, сдѣлать доступной народу. 50 лѣтъ многообразной творческой дѣятельности, полезной и неутомимой, и грандіозные результаты ея, несомнѣнно, даютъ имени И. Д. Сытина выдающееся мѣсто на скрижаляхъ исторіи народнаго просвѣщенія въ Россіи.

Д. Варенцовъ

ИП. ВАСИЛЕВСКІЙ—БУКВА.

Маститый юбиляръ избралъ народную книжку своимъ самымъ раннимъ и ближайшимъ удѣломъ. Онъ отдалъ ей все свое разумѣніе, все полувѣковое трудовое усердіе, всю свою любовь къ ней и всю свою издательскую гордость.

Онъ сдѣлалъ эту книжку по виду нарядною и праздничною, ласкающею и радующею глаза читателя яркостію и гармоніей своихъ красокъ и картинокъ.

Онъ наладилъ и упрочилъ для ея распространенія широкіе пути вдоль и поперекъ всей страны.

И онъ годами вкладывалъ въ эту копеечную народную книжку „разумное, доброе, вѣчное“, полезное и необходимое, достойное и желательное для неутомимаго русскаго хлѣбороба, для просыпающагося отъ вѣкового сна русскаго человѣка и для будущаго русскаго гражданина.

И теперь милліоны книжекъ, имъ за пятьдесятъ лѣтъ изданныхъ, несутъ по градамъ и весямъ, по деревнямъ и селамъ все то, что можетъ доставить народу хорошее и честное книжное слово: онѣ несутъ знанія, свѣдѣнія, указанія, совѣты, мечтанія, переживанія, настроенія, восторги, сладкія грезы и слезы.

Въ этихъ несмѣтныхъ грудахъ печатныхъ листовъ есть живое и вѣрное отраженіе красоты, величія, поэзіи и вдохновеній правды русскаго духа и русской земли.

Маститому юбиляру „спасибо скажетъ сердечное русскій народъ“.

Ип. Василевскій-Буква.

Б. ВЕСЕЛОВСКІЙ.

Начальная народная школа у насъ—продуктъ прежде всего общественности, работавшей на земской нивѣ. Одно изъ первыхъ мѣстъ въ ряду работниковъ на этой нивѣ народной по праву должно быть отведено тому, кто, не покладая рукъ, въ теченіе 50 лѣтъ смѣлой и широкой рукой бросалъ сѣмена, давшія нынѣ обильные всходы. Сытинскій учебникъ, сытинская народная книжка—это неотъемлемые элементы въ развитіи народной школы на протяженіи ея полувѣкового развитія. Пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ былъ заложенъ земствомъ фундаментъ народной, въ истинномъ смыслѣ слова, школы; этой школѣ недоставало тогда очень многаго и прежде всего учебниковъ, учебныхъ пособій. На помощь земству въ его работѣ по просвѣщенію крестьянства пришелъ крестьянинъ Сытинъ и помогъ разрѣшить одну изъ труднѣйшихъ задачъ въ дѣлѣ школьнаго строительства.

Ни народъ, ни земство никогда не забудутъ этой заслуги Ив. Дм. Сытина предъ русской школой.

І. ГОЛЬДШТЕЙНЪ.

Если бы въ каждой отрасли русской промышленности имѣлось нѣсколько лицъ, обладающихъ энергіей, настойчивостью, любовью къ труду, дѣловитостью, смѣткой, умѣніемъ найти толковыхъ сотрудниковъ и надежную точку опоры для своихъ начинаній и другими достоинствами Ивана Дмитріевича Сытина, то намъ не пришлось бы пережить столько тяжелыхъ разочарованій и разыгрывать унизительную для великой державы роль экономической „колоніи“ Германіи.

Искренне желаю, чтобы учреждаемый въ честь юбиляра „Домъ Книги“ далъ трудовымъ классамъ Россіи, для просвѣщенія которыхъ такъ много сдѣлалъ Иванъ Дмитріевичъ, возможность выдвинуть побольше такихъ талантливыхъ самоучекъ, смѣло выковывающихъ своимъ упорнымъ трудомъ могучій фундаментъ для свѣтлаго и славнаго будущаго великой Россіи.

проф. І. М. Гольдштейнъ.

Г. ГУРИНЪ.

Иванъ Дмитріевичъ Сытинъ, какъ истинный сынъ народа, своимъ недюжиннымъ природнымъ умомъ понялъ великое значеніе сельско-хозяйственныхъ знаній для народа и старался неустанно проводить ихъ въ жизнь.

„Для Книги" его имени будетъ лучшей наградой, какая можетъ выпасть на долю смертнаго.

Петровскъ-Разумовскъ.

Магистръ ветеринарныхъ наукъ

Гавр. Ив. Гуринъ.

С. ДОЛГОВЪ.

Если благо тому, кто на данные ему пять талантовъ пріобрѣлъ давшему другіе пять талантовъ, то тѣмъ большее благо тому, кто обогатилъ свою великую родину множествомъ самыхъ крупныхъ цѣнностей въ видѣ милліоновъ книгъ—на духовную пользу милліонамъ своихъ согражданъ.

Е. ДОЛГОВА.

Всегда, съ ранней юности, *книга* была моимъ любимымъ спутникомъ.

Съ любовью предавалась я всегда и книжнымъ занятіямъ. Поэтому съ особымъ, глубокимъ уваженіемъ и съ чувствомъ искренней признательности отношусь я къ свѣтлой личности Ивана Дмитріевича Сытина, благодаря отзывчивости и неутомимой издательской дѣятельности котораго увидало свѣтъ такое множество полезныхъ изданій книгъ дѣтскихъ, учебныхъ, народныхъ, кончая книгами научнаго и художественнаго содержанія. Какая масса цѣнныхъ переводовъ обязана ему своимъ появленіемъ на свѣтъ.

Изъ числа многочисленныхъ признательныхъ ему авторовъ я лично обязана ему выходомъ въ свѣтъ моей книги *„Флоренція“*, за что останусь ему признательной до конца моихъ дней.

Н. ДУЧИНСКІЙ.

Справедливы ли разсужденія о пассивности русской натуры, когда изъ нѣдръ нашего народа выходятъ такіе неутомимые дѣятели на почвѣ родной культуры, какъ Иванъ Дмитріевичъ Сытинъ?

Сытинъ творитъ непрерывно, въ какомъ-то вихрѣ, не удовлетворяясь ни достигнутыми успѣхами, ни хорошо налаженными дѣлами. Почивать на лаврахъ—не въ его натурѣ. Онъ безъ-устали стремится развить и усовершенствовать старое и создать новое.

Его идеалъ: впередъ—къ прогрессу, къ лучшему будущему!

Личность Сытина вызываетъ во мнѣ и удивленіе, и восторгъ, и преклоненіе за все, что онъ сдѣлалъ для нашего просвѣщенія,—за все, что онъ внесъ въ сокровищницу родной культуры.

Н. П. Дучинскій

Н. ЖИВАГО.

Огромная заслуга издательства, мнѣ кажется, состоитъ отчасти въ томъ, что оно такъ много способствовало процессу превращенія книги изъ малодоступнаго предмета роскоши—въ общедоступный предметъ первой необходимости.

Дѣти, если бъ могли, несомнѣнно, живо откликнулись бы на юбилей—за книжки съ картинками! Позвольте сдѣлать это за нихъ мнѣ, пожелать и въ этой области безграничнаго успѣха и выразить надежду, что въ ближайшемъ будущемъ всѣ перлы дѣтской литературы попадутъ въ руки маленькихъ, но горячихъ цѣнителей изъ среды народа.

Н. Живаго.

И. ЖИЛКИНЪ.

Талантъ немногихъ, отмѣченныхъ людей, какъ стихія, колеблетъ и перестраиваетъ общую громаду жизни. Окажется знаменательнымъ, что жизнь И. Д. Сытина началась въ костромскихъ лѣсахъ, около Волги. Въ причудливыхъ изломахъ и поворотахъ практическій талантъ Сытина развернулъ стихійную дѣятельность по всей Россійской равнинѣ. И нынѣ уже ясно, что внутренняя, подлинная суть этой работы оказалась національной, русской, народной и общественной. И весь потокъ захваченныхъ здѣсь силъ плавно, какъ Волга, течетъ по народно-общественной равнинѣ къ неизбѣжной цѣли: въ общественно-народное ложе будущей Россіи.

И. Жилкинъ

А. ЗАБОРСКІЙ.

Въ нижеслѣдующихъ строкахъ, навѣрно, скажется учитель русскаго языка, но что за бѣда, если одна страничка въ этой большой книгѣ будетъ страдать такъ называемой узостью взгляда? Притомъ людямъ опредѣленнаго труда такъ извинительна слабость смотрѣть на вещи съ своей профессіональной точки зрѣнія...

При имени Ивана Дмитріевича Сытина въ моей памяти обыкновенно всплываютъ старыя, „знакомыя все лица“: Адуевъ-дядя, Штольцъ, Тушинъ. Но, повнимательнѣе вдумываясь въ это невольное сближеніе, я вижу вскорѣ, что оно справедливо только до нѣкоторой степени: реальный современный образъ въ данномъ случаѣ стоитъ, по-моему, гораздо выше своихъ литературныхъ прототиповъ. Попробую доказать мое положеніе.

Гончаровскимъ героямъ была вовсе чужда хотя какая-нибудь „капля крови, общая съ народомъ“: одинъ изъ нихъ былъ даже нѣмецъ, и всѣ они ровно ничего для народа не дѣлали. Проявляя кипучую практическую дѣятельность, они имѣли въ виду прежде всего собственное житейское благополучіе: богатѣли, становились особами „превосходительными“, и это было въ сущности вѣнцомъ ихъ желаній, недалеко ушедшимъ отъ скалозубовскаго („Мнѣ только бъ въ генералы“).

А гдѣ нужно искать источникъ той энергіи, живымъ воплощеніемъ которой на протяженіи полувѣка является Иванъ Дмитріевичъ Сытинъ?

Отвѣтъ на этотъ вопросъ я нахожу въ словахъ, сказанныхъ какъ-то разъ самимъ нынѣшнимъ юбиляромъ на небольшомъ учительскомъ собраніи: „Я самъ былъ крестьянскимъ мальчикомъ и всѣмъ обязанъ народной школѣ". Въ этихъ словахъ я разглядѣлъ ту *идею,*—идею важной общественной цѣнности, которую, видимо, сознательно преслѣдовалъ говорившій. Какъ нельзя лучше, *служенію* такой идеѣ отвѣчаетъ и самый „продуктъ", который „вырабатывается" въ грандіозномъ учрежденіи на Пятницкой улицѣ. И въ какомъ изобиліи этотъ благородный продуктъ съ названной улицы „выбрасывается на рынокъ" и направляется всюду, особенно въ народную школу и въ народную массу,—ту массу, о кровной связи съ которой не забываетъ глава юбилейнаго предпріятія.

А широкія—и все расширяющіяся—волны печатнаго слова, льющіяся изъ „промышленнаго предпріятія", несутъ въ себѣ сѣмена, взращивающія постепенно свѣтлое будущее нашей родины.

Ан. Вабарсов

А. ИГЕЛЬСТРОМЪ.

Издателей можно раздѣлять лишь на два типа: одни работаютъ на существующій спросъ, другіе создаютъ новыхъ читателей. Первыхъ много, вторые рѣдки. И. Д. Сытинъ принадлежитъ къ числу этихъ немногихъ. Дѣятельность его по широтѣ размаха и культурному значенію—явленіе исключительное не только въ Россіи.

А. В. Игельстромъ

А. КААРАНЪ.

Юбилей полувѣкового культурно-просвѣтительнаго труда человѣка, который удешевленіемъ, демократизаціей книги создалъ новые слои учащихся, полезнымъ содержаніемъ книги, ея доступностью и внѣшней красотой, облагородивъ вкусъ малообразованнаго читателя, вытѣснилъ невѣжественныя лубочныя изданія; распространеніемъ среди многомилліонной массы тысячъ учебныхъ, популярно-научныхъ и художественныхъ изданій возбудилъ въ ней живой интересъ къ пріобрѣтенію знаній и просвѣщенію; простираетъ эту всеобъемлющую культурную работу на всѣхъ безъ изъятія, на всѣ возрасты и классы населенія, обслуживая запросы дошкольнаго, школьнаго и внѣшкольнаго образованія, запросы средняго сословія и трудящейся массы; издаетъ газету и журналы,— глашатаи „могучаго, правдиваго, свободнаго русскаго слова",—юбилей такого общественнаго дѣятеля составляетъ національный праздникъ, всенародное торжество, эпоху въ исторіи духовнаго развитія народа за послѣднія пятьдесятъ лѣтъ.

Побольше бы такихъ *Сытиныхъ,* и жаждущій знаній народъ утолилъ бы свой духовный *голодъ*, побольше бы такихъ творческихъ силъ въ области народнаго просвѣщенія, и даровитый русскій народъ скоро наверсталъ бы не по его винѣ пропущенное, догналъ и обогналъ бы тѣхъ, которые теперь въ сознаніи своего превосходства относятся къ нему свысока, въ лучшемъ случаѣ снисходительно или благожелательно.

Не вѣрится, чтобы народу, обладающему такими идейными дѣятелями-самородками, отдающими пятьдесятъ лѣтъ своей жизни дѣлу народнаго образованія, не предстояло великое будущее.

А. Кааранъ.

Е. КОВАЛЕВСКІЙ.

Долгіе годы я зналъ И. Д. Сытина и всегда удивлялся его кипучей и разнообразной дѣятельности. Болѣе близкое знакомство началось на Парижской выставкѣ 1900 г., гдѣ изданія И. Д. выдержали экзаменъ на всемірномъ состязаніи, заслужили высокую награду и тогда уже показали, какой размахъ можетъ получить правильно поставленное русское дѣло. Въ дѣятельности И. Д. меня всегда поражало удивительное соединеніе широты замысла и умѣлаго выполненія съ практическимъ и здоровымъ пониманіемъ живыхъ потребностей читателя изъ самыхъ разнообразныхъ слоевъ русскаго общества и народа.

Издательство, которое могло дать на ряду съ дешевыми брошюрами и книжечками роскошные фоліанты историческихъ и литературныхъ памятниковъ, которому принадлежитъ самое распространенное повременное изданіе и цѣлый рядъ полезнѣйшихъ книгъ по всѣмъ отраслямъ популярнаго знанія, — внесло такой драгоцѣнный вкладъ въ русскую культуру, что его основатель заслужилъ себѣ общую и глубокую благодарность не только современниковъ, но и слѣдующихъ поколѣній.

Членъ Государственной Думы Евграфъ Ковалевскій

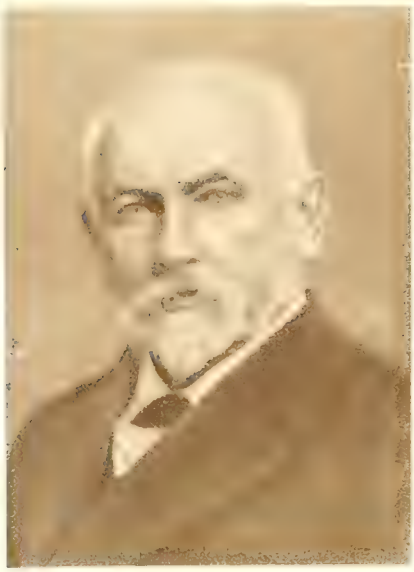
А. КОНОВАЛОВЪ.

И. Д. Сытина — крупное исключительное явление в русской жизни, ибо по своему таланту организатора и практического деятеля, несомненно и по своему вкладу в дело культурного роста и просвещения России, которой мы служим.

Отдав всю свою неутомимую силу делу „благого просвещения", он облегчил народу его тяжкий путь к свету, знанию и свободе. И в благодарной памяти своего русского народа навсегда сохранится имя выдающегося самородка — И. Д. Сытина.

Елена Тверская, Дума

А. Коновалов.



Н. КАШКИНЪ.

Принося уважаемому Ивану Дмитріевичу мои привѣтствія и пожеланія продолженія на многіе годы его полезной, умной дѣятельности, не могу не посѣтовать, что дѣятельность эта до сихъ поръ не касалась музыки и музыкальнаго просвѣщенія. Именно это послѣднее, т.-е. музыкальное, просвѣщеніе, находится въ загонѣ, ибо изъ области книгъ о музыкѣ у насъ печатаются развѣ только учебники. Музыкальные издатели смотрятъ на книги о музыкѣ, какъ на мертвое дѣло, но, мнѣ кажется, одно прикосновеніе къ нему такого человѣка, какъ Иванъ Дмитріевичъ, можетъ дать ему жизнь и значеніе на ряду со всякими другими отдѣлами просвѣтительнаго знанія.

Н. Кашкинъ.

А. КРЫЛОВЪ.

Полсотни лѣтъ назадъ Иванъ Дмитріевичъ Сытинъ выступилъ на трудовое поприще. Не имѣя иныхъ спутниковъ и помощниковъ, кромѣ своей свѣтлой головы и настойчивой воли, онъ неуклонно поднимался въ гору и нынѣ достигъ вершины ея, создавъ величайшее въ Россіи издательское дѣло. Долгій и трудный путь — отъ офени до крупнаго общественнаго дѣятеля — блестяще пройденъ, но Иванъ Дмитріевичъ не останавливается на достигнутомъ: пытливая мысль влечетъ его впередъ, все къ новымъ и новымъ начинаніямъ, и онъ стремится осуществить ихъ изъ любви къ тому искусству, которое именуется творчествомъ.

А. Крыловъ

И. Д. Сытину

А. КУПРИНЪ.

Дорогой Иванъ Дмитріевичъ!
Вся Ваша жизнь — блестящее доказательство того, какая громадная сила здоровый русскій умъ.

А. Куприн

А. КАРТАШЕВЪ.

Отрада и для русскаго народнаго просвѣщенія и для русской культуры вообще—имѣть во главѣ крупнаго книгоиздательства такого человѣка, какъ И. Д. Сытинъ. Это богатая русская душа, которая не укладывается въ рамки шаблоннаго просвѣтительства въ духѣ европейскаго позитивизма. Народу онъ—свой человѣкъ. И онъ чуетъ и знаетъ, что даровитая душа русскаго народа давно требуетъ гораздо болѣе разнообразной духовной пищи, чѣмъ та, которой насыщали ее почтенные труженики на нивѣ народной послѣднихъ десятилѣтій.

Міровая катастрофа этой войны ускоряетъ назрѣвшій переломъ въ міровоззрѣніи руководящихъ слоевъ Европы и Россіи. Наступаетъ неминуемо вѣкъ новаго культурнаго міропониманія. Горе консерваторамъ, но не И. Д. Сытину. Русская душа его по природѣ чужда застоя и шаблона. Она любовно льнетъ ко всему новому, широкому, глубокому. И благо народу, у котораго есть столь чуткій спутникъ его духовнаго развитія и родной слуга его просвѣщенія.

А. Карташев

В. ЛЕВИНСКІЙ.

И. Д. Сытинъ — съ этимъ именемъ соединяются мои лучшія воспоминанія объ отзывчивости симпатичнѣйшаго русскаго человѣка къ маленькимъ издателямъ маленькихъ періодическихъ изданій.

Я, какъ бывшій редакторъ-издатель жур. „Будильникъ“, всегда пользовался совѣтомъ и поддержкой любезнаго Ивана Дмитріевича. Я всегда гордился его дружескимъ довѣріемъ. Въ настоящее время я считаю себя счастливымъ, что дожилъ до пятидесятилѣтія издательской дѣятельности дорогого Ивана Дмитріевича, труды котораго оставили глубокіе слѣды по пути умственнаго народнаго развитія въ государствѣ. Если въ Японіи побѣждаетъ народный учитель, то въ Россіи побѣждаютъ народное невѣжество *сытинскія народныя изданія*. Эта заслуга, какъ яркій свѣточъ, будетъ постоянно горѣть надъ созидаемымъ „Домомъ Книги“ И. Д. Сытина.

Вл. Левинскій

А. ЛЕВЕНСОНЪ.

Сказать объ Ив. Дм. Сытинѣ въ нѣсколькихъ словахъ — это значитъ ничего не сказать. Такъ крупна его дѣятельность.

Занимаясь лично 36 лѣтъ типографскимъ дѣломъ, вездѣ и всюду я видѣлъ проявленіе его дѣятельности, а послѣднія 15 лѣтъ это былъ какой-то циклонъ работъ этого неутомимаго, нестарѣющаго человѣка.

Всегда въ движеніи, большей частью въ вагонѣ, ровный, скромный, постоянно что-то обдумывающій, что-то пишущій за столикомъ въ вагонѣ, этотъ чисто русскій человѣкъ, крестьянинъ по происхожденью, имѣетъ полное право называться американцемъ. Чего-чего онъ только не предпринималъ въ типографско-издательскомъ дѣлѣ, и счастье всегда шло за нимъ.

Всѣ его грандіознѣйшія предположенія проходили въ жизни, иногда изумляя шириной масштаба, иногда вызывая даже улыбку недовѣрія, и смотришь—дѣло сдѣлано и всѣ его мечты обратились въ жизнь, и онъ снова работаетъ надъ чѣмъ-то новымъ, снова вкладывая всю свою душу въ это новое!

„Движеніе есть жизнь“—вотъ что можетъ смѣло сказать Иванъ Дмитріевичъ, и этотъ афоризмъ какъ нельзя больше подходитъ къ нему.

Соединить его имя, въ ознаменованіе его полувѣковой дѣятельности, съ созданіемъ „Дома Книги“—не только блестящая идея, но прямо справедливая: увѣковѣчить имя человѣка, такъ много сдѣлавшаго для книги.

Отъ души желаю скорѣйшаго осуществленія этой идеи и полнаго успѣха истинно нужному благому дѣлу содѣйствія широкаго развитія печатнаго дѣла.

Кн. М. ЛЬВОВА.

Я знаю Ивана Дмитріевича давно, всегда изумлялась его безконечной энергіи, проницательности его ума, удивлялась тому, какъ онъ, невзирая ни на какія препятствія, неустанно трудился, усовершенствовалъ свое дѣло и силою желѣзной воли и выдержки блестяще доводилъ начатое до конца.

Онъ сталъ хозяиномъ печатнаго дѣла въ Россіи. Честь ему и слава и искреннее горячее пожеланіе еще многихъ лѣтъ здоровья и силъ на пользу родинѣ.

Кн. М. А. Львова

К. ЛУКАШЕВИЧЪ.

Если полезною и необходимою, какъ хлѣбъ насущный, признается дѣятельность писателя, то не менѣе полезною надо признать и дѣятельность издателя. Что бы дѣлали писатели безъ издателей? Честь и слава уважаемому Ивану Дмитріевичу Сытину, пятьдесятъ лѣтъ съ любовью трудившемуся для книги! Его доброе имя во всѣхъ концахъ Россіи неразрывно сливается съ его любимымъ дѣтищемъ—русскою книгою, которую онъ съ неутомимой энергіей въ несмѣтномъ количествѣ распространялъ на благо просвѣщенію.

Клавдія Лукашевичъ.

П. МАКУШИНЪ.

Одаренный необычайной энергіей, острымъ умомъ, организаторскимъ талантомъ, любовью къ народу, Иванъ Дмитріевичъ Сытинъ сумѣлъ собрать около себя кружокъ хорошихъ людей, объединить ихъ и при ихъ помощи, вмѣсто лубочной, глупой, литературы, создать хорошую народную книгу. Эту книгу онъ сумѣлъ широкой волной направить въ толщу народную, гдѣ она незамѣтно крушитъ и точитъ кромѣшную тьму и зажигаетъ зорю новой, свѣтлой жизни. Какъ издатель и какъ умѣлый энергичный распространитель печатнаго слова, онъ оказалъ громадную неоцѣнимую услугу дѣлу просвѣщенія въ Россіи. Глубоко чту его, какъ рѣдкаго ревнителя народнаго просвѣщенія, и преклоняюсь предъ его желѣзной энергіей и плодотворной полувѣковой дѣятельностію.

Петръ Макушинъ

Э. МАТТЕРНЪ.

Велико должно быть число лицъ, которыя въ теченіе пятидесяти лѣтъ дѣятельности И. Д. Сытина въ области книгоиздательства и книжной торговли имѣли съ нимъ дѣло, и много между ними такихъ, которыя находились съ нимъ въ самыхъ близкихъ и непосредственныхъ сношеніяхъ, а потому имѣли возможность изо дня въ день, изъ года въ годъ видѣть, какъ работаетъ этотъ выдающійся по своей трудоспособности и энергіи человѣкъ, и отъ этихъ лицъ мы въ правѣ ждать, чтобы они нарисовали намъ вѣрную и яркую картину неутомимой и плодотворной работы почтеннаго юбиляра... Я не принадлежу къ числу этихъ лицъ: мнѣ приходилось сравнительно рѣдко встрѣчаться съ Иваномъ Дмитріевичемъ, хотя знакомство наше давнишнее, и ни въ какихъ дѣловыхъ отношеніяхъ я съ нимъ не состоялъ, но, какъ искренній почитатель его дѣятельности, я неимовѣрно радъ, что выпускаемый юбилейный сборникъ дастъ мнѣ возможность хоть въ нѣсколькихъ

строкахъ коснуться тѣхъ впечатлѣній, которыя я выносилъ отъ моихъ встрѣчъ съ нимъ.

Любимой темой для моего разговора съ Иваномъ Дмитріевичемъ были вопросы о народномъ образованіи. Интересуясь этими вопросами, я всегда съ особеннымъ вниманіемъ выслушивалъ все то, что онъ за послѣднее время издавалъ для народной школы, какія новыя изданія имъ задуманы. Придавая огромное значеніе дѣлу народнаго образованія въ Россіи и изучая его, Иванъ Дмитріевичъ высказывалъ мнѣ иногда такіе широкіе свои планы по этому вопросу, что хотѣлось бы, чтобы они хоть частью сбылись, и чтобы то огромное дѣло, во главѣ котораго онъ стоитъ, не помѣшало ему въ этомъ. Иногда, слушая его, я поражался, какъ онъ можетъ столько работать и какъ онъ, при такой сложной и усиленной работѣ, все съ тою же неизсякаемой энергіей принимался все за новую и новую работу, неустанно расширяя свое и безъ того колоссальное предпріятіе... Помню, какъ онъ, услыхавъ при одной изъ нашихъ встрѣчъ, что я собираюсь ѣхать за границу и намѣренъ посѣтить школьную выставку въ Мюнхенѣ, а равно познакомиться съ послѣдними новинками по наглядному обученію въ Германіи и Франціи, тутъ же въ разговорѣ просилъ меня пріобрѣсти для него все, что я найду интереснаго и новаго, и выслать ему. Мнѣ было, конечно, очень пріятно исполнить такое порученіе Ивана Дмитріевича, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, я сознавалъ, что беру на себя нѣкоторую отвѣтственность передъ нимъ, такъ какъ онъ въ данномъ случаѣ являлся серьезнымъ критикомъ и удовлетворить его требованіямъ было не такъ-то легко...

Въ послѣдній разъ,—это было незадолго передъ войной,—мнѣ пришлось ѣхать за границу въ одномъ поѣздѣ съ Иваномъ Дмитріевичемъ. Мы встрѣтились съ нимъ въ вагонъ-ресторанѣ. И эта поѣздка за границу какъ нельзя болѣе характеризовала его и еще разъ свидѣтельствовала объ его необычайной, неутомимой дѣятельности и энергіи. Оказалось, что онъ ѣдетъ черезъ Берлинъ, не останавливаясь тамъ, въ Италію и ѣдетъ всего... на два-три дня, потому что дней черезъ десять ему необходимо было вернуться въ Москву, такъ какъ онъ долженъ былъ непремѣнно присутствовать на одномъ собраніи. Въ Италію онъ ѣхалъ, чтобы лично повидать одного виднаго беллетриста, котораго онъ имѣлъ намѣреніе лично уговорить встать во главѣ большой газеты для народа.

И Иванъ Дмитріевичъ сталъ меня знакомить съ своимъ новымъ планомъ, съ предполагаемымъ новымъ изданіемъ, которое онъ задумалъ. Подробно, обстоятельно, съ большимъ увлеченіемъ говорилъ мнѣ

о своемъ начинаніи, о томъ, какую пользу можетъ и должно принести такое печатное слово, если въ немъ приметъ участіе намѣченный имъ въ редакторы писатель. И по мѣрѣ того, какъ онъ говорилъ объ этомъ новомъ дѣлѣ, становилось ясно и такъ понятно, что такой человѣкъ, какъ онъ, вмѣсто того, чтобы переписываться съ живущимъ въ Италіи нужнымъ ему лицомъ, ѣдетъ лично къ нему, совершая взадъ и впередъ путешествіе въ нѣсколько тысячъ верстъ, на два-три дня, надѣясь, переговоривъ съ нимъ подробно, тутъ же получить отъ него опредѣленный отвѣтъ. Такіе люди, какъ Иванъ Дмитріевичъ, не привыкли дѣлать дѣло наполовину и не поручатъ его другимъ, разъ они убѣждены, что дѣло можетъ сладиться лишь при ихъ личномъ участіи.

Разговоръ нашъ затѣмъ перешелъ на цѣлый рядъ другихъ вопросовъ, тѣсно связанныхъ съ народнымъ просвѣщеніемъ, въ связи съ дѣятельностью Ивана Дмитріевича, и мы въ этомъ разговорѣ не замѣтили, что вагонъ-ресторанъ давно уже опустѣлъ, что на всѣхъ столахъ уже потушили электрическія лампы, и только нашъ столъ былъ освѣщенъ. Было очень поздно и мы разошлись: вагонъ, въ которомъ ѣхалъ Иванъ Дмитріевичъ, шелъ на Варшаву и Берлинъ, а мой— на Границу и въ Вѣну.

Отмѣтить полувѣковую работу Ивана Дмитріевича Сытина созданіемъ въ Москвѣ „Дома Книги"—мысль въ высшей степени удачная и симпатичная и ее нельзя не привѣтствовать. Мнѣ думается, что учрежденіе „Дома Книги" въ Москвѣ явится заслуженнымъ памятникомъ многосторонней издательской дѣятельности такого почтеннаго труженика, какъ И. Д. Сытинъ.

* * *

В. МИЛОВИДОВЪ.

Привѣтствую юбиляра, а также и настоящее изданіе, посвященное ему. Послѣднее, надо полагать, дастъ полное освѣщеніе тому, какъ русскій простолюдинъ сѣверянинъ сумѣлъ дать нужную книгу каждой семьѣ. Заслуга этого великаго человѣка передъ родиной неоцѣнима, и теперь нѣтъ жителя на Руси, не слыхавшаго имени И. Д. Сытина. Да продлитъ Господь Богъ дни его жизни на долгіе годы!

Д. МЕРЕЖКОВСКІЙ.

Всякій юбилей есть „кормленіе сахаромъ“—чрезмѣрною сладостью. А когда слишкомъ много съѣшь сладкаго, то захочется и солененькаго, и кисленькаго, и даже горькаго. Вотъ такое горькое я хочу предложить Ивану Дмитріевичу Сытину въ день его юбилея.

О достоинствахъ его будутъ, конечно, говорить много; я хочу сказать объ его недостаткѣ.

Кажется, главный недостатокъ его въ томъ, что онъ—*недѣловитъ*.

„Помилуйте, — возразятъ мнѣ, — ужъ если Сытинъ недѣловитъ, то кто же дѣлецъ? Вы только посмотрите, что онъ сдѣлалъ: какое издательство, какую газетищу взбодрилъ. Какими милліонами ворочаетъ“!

А все-таки, мнѣ кажется, что всѣ эти „дѣла“ — не настоящее, не главное дѣло Сытина. О главномъ дѣлѣ его немногіе знаютъ. Знаетъ ли онъ самъ? Можетъ-быть, и знаетъ, но не скажетъ—застыдится, испугается, потому что чувствуетъ, что тутъ падаетъ на него страшная тяжесть, огромная отвѣтственность.

Какое же это главное дѣло его?

Исканіе правды Божьей. Не даромъ вышелъ И. Д. Сытинъ изъ глубинъ русскаго народа, для котораго единственно главное, настоящее дѣло есть неутолимое исканіе, алканіе Божьей правды, — да, нетолько человѣческой, но и божеской,—исканіе *религіозное* по преимуществу. Не даромъ всю жизнь тяготѣлъ Сытинъ къ такимъ великимъ русскимъ и религіознымъ правдоискателямъ, какъ Л. Толстой.

О, конечно, и въ этомъ онъ кое-что сдѣлалъ! Будущій историкъ русской книги отмѣтитъ глубокую внутреннюю связь И. Д. Сытина съ тѣмъ великимъ движеніемъ русской народной религіозной мысли, которая весьма несовершенно и недостаточно обозначается словомъ „толстовство“.

Да, кое-что сдѣлалъ онъ и въ этомъ дѣлѣ. Но все ли, что могъ? Кому много дано, съ того много и спросится. А Сытину много дано. Я думаю, онъ самъ согласится, что и сравнительно съ тѣмъ, что могъ и долженъ былъ сдѣлать, онъ сдѣлалъ недостаточно.

Вотъ почему, мнѣ кажется, я выскажу завѣтное пожеланіе самого Ивана Дмитріевича, пожелавъ ему въ день юбилея сдѣлать это главное настоящее единственное дѣло всей жизни его, какъ слѣдуетъ.

И если я говорю не ясно, такъ что многіе, пожалуй, не поймутъ, то я не сомнѣваюсь, что самъ Иванъ Дмитріевичъ пойметъ, и что слово мое, можетъ-быть, горькое, будетъ ему слаще многихъ сладкихъ словъ.

Д. Мережковскій

А. НАСИМОВИЧЪ.

Непрерывная работа, одинаково и кропотливо-мелкая, и размашистая, связанная съ рискомъ, непрерывное дѣловое творчество и созиданіе— таковы дни Ивана Дмитріевича Сытина, начавшаго съ небольшого кирпичика и выведшаго большое стройное зданіе живого дѣла, около котораго группируется теперь столько разнообразныхъ культурныхъ работниковъ.

Иванъ Дмитріевичъ является представителемъ того типа энергичнаго, бодраго славянина, который въ потѣ лица строилъ и созидалъ нашу русскую жизнь, нашу будничную культуру, собиралъ и налаживалъ большими трудностями повседневное хозяйство наше, пытливо приглядывался ко всему практически полезному у сосѣдей и смѣлымъ піонеромъ проникалъ въ лѣса и захолустья нашихъ медвѣжьихъ угловъ.

Художественная литература наша, остановившая вниманіе на „лишнихъ“, „кающихся“, мечтательно-устремленныхъ, разочарованно-скептическихъ или на смиренныхъ и покорныхъ, почему-то почти совершенно обошла этотъ типъ, не выдвинула, не сумѣла выдвинуть его на должное мѣсто (кое-гдѣ развѣ встрѣтишь его у Мельникова-Печерскаго, у Горькаго, искаженно у Островскаго).

Но исторія, а слѣдовательно и русская жизнь, дала намъ яркіе образцы этого типа, обычно черпающаго свою настойчивую энергію изъ глубинъ простого народа. Въ этомъ типѣ, въ его несокрушимой живучести залогъ нашего будущаго строительства, залогъ преодолѣнія тѣхъ неустройствъ, которыми мы, къ сожалѣнію, еще такъ богаты.

А. Насимовичъ.

А. НЕЧАЕВЪ.

Мое десятилѣтнее знакомство съ И. Д. Сытинымъ не поколебало того яркаго впечатлѣнія, которое произвелъ онъ на меня при первой встрѣчѣ. Это—крупный русскій самородокъ, надѣленный недюжинными силами и огромною инициативой. Всегда живой и возбужденный, онъ существуетъ только для дѣла, въ которомъ почерпаетъ свои радости и которымъ страдаетъ. Его организаторскій талантъ прямо изумителенъ. Съ рѣдкимъ чутьемъ онъ умѣетъ найти нужныхъ для дѣла людей и двинуть ихъ на работу. Чуждый мелочныхъ расчетовъ, онъ охотно идетъ на большія затраты для новаго дѣла, въ успѣхъ котораго вѣритъ. Тонко понимая запросы рынка, онъ нерѣдко умѣетъ дать идею, вдохновить, поддержать и, во что бы то ни стало, добиться осуществленія задуманнаго. Ни одна издательская фирма не можетъ дать автору такого широкаго распространенія, какъ „Товарищество И. Д. Сытина“: многія работы мои, расходящіяся теперь десятками тысячъ экземпляровъ, такъ и лежали бы въ рукописяхъ и журнальныхъ оттискахъ, если бы И. Д. Сытинъ не взялъ ихъ и не пустилъ въ оборотъ; нѣкоторыя весьма распространенныя книги мои („По морю и сушѣ“, „Чудеса земли“ и др.) возникли по идеѣ И. Д. Сытина... Заслуги издательства по отношенію къ русскому читателю и особенно по отношенію къ русской школѣ неизмѣримо велики: оно создало дешевую библіотечную книгу, оно выбросило на рынокъ многіе милліоны учебныхъ книгъ и, что особенно важно, оно всегда умѣло живо отозваться на запросы дня и дать именно то, что въ данный моментъ наиболѣе важно... Вотъ почему въ день пятидесятилѣтія дѣятельности И. Д. Сытина хочется пожелать, чтобы дѣятельность эта продлилась еще многіе годы для развитія и укрѣпленія дѣла, которое въ исторіи просвѣщенія Россіи оставитъ глубокій слѣдъ, а самому И. Д. Сытину создастъ въ потомствѣ неувядаемую славу.

В. НИКОЛЬСКІЙ.

Полувѣковымъ богатырскимъ трудомъ поборолъ И. Д. Сытинъ одну изъ поставленныхъ предъ нимъ самою жизнью огромныхъ задачъ — дать народу въ доступныхъ изданіяхъ творенія великихъ писателей.

Не знающая отдыха жизнь ставитъ теперь предъ побѣдителемъ новую и не менѣе огромную задачу: приблизить къ народу творенія русскихъ художниковъ, проложить имъ такой же торный, вѣрный путь въ деревню, какой пробилъ юбиляръ для русской книги.

Кто вложилъ въ руку крестьянина творенія русскихъ художниковъ слова, тотъ долженъ увѣнчать свое дѣло—дать народу и творенія русскихъ художниковъ кисти. Кто нашелъ въ избѣ мѣсто для Пушкина—найдетъ въ ней красный уголъ и для Сурикова.

Въ честномъ бою одолѣлъ Сытинъ лубочную литературу „Гуака“ и „Францыля Венціана“. Пора ему бороться и съ отравою безыменной, безграмотной лубочной картины, нести въ народъ образцы подлиннаго и великаго русскаго искусства.

Этого чаемъ и въ новую побѣду вѣримъ.

Викторъ Никольскій

Глубокоуважаемый

Д. ОВСЯНИКО-КУЛИКОВСКІЙ. Иванъ Дмитріевичъ!

Вы принадлежите къ числу тѣхъ идейныхъ издателей, для которыхъ „коммерческое предпріятіе“ является общественнымъ служеніемъ. Вы издаете не то, что̀ „ходко“, а то, что̀ отвѣчаетъ требованіямъ просвѣщенія и запросамъ общественнаго развитія. Въ этомъ отношеніи особливо значительна и плодотворна Ваша дѣятельность, какъ издателя педагогическихъ и учебныхъ книгъ. Подъ знакомъ вашей фирмы вышло множество изданій, имѣющихъ цѣлью проложить новые пути въ многотрудномъ дѣлѣ преподаванія, проводящихъ новыя идеи въ педагогикѣ и дидактикѣ, стремящихся такъ или иначе оживить и одухотворить дѣятельность низшей и средней школы.

Честь Вамъ и слава!

Примите мой искренній привѣтъ и лучшія пожеланія.

Душевнопреданный

Д. Овсянико-Куликовскій

В. ПОПОВЪ.

Мы, русскіе, свойственную намъ косность и бездѣятельность любимъ оправдывать и сваливать на несовершенство нашего государственнаго строя, стѣснительность законовъ, произволъ предержащихъ властей, препятствующихъ проявленію дѣятельности личности, и пр., пр., но вотъ Иванъ Дмитріевичъ Сытинъ своею полувѣковою дѣятельностью, къ тому же на поприщѣ, усѣянномъ особенно обильно скорпіонами, блестяще доказалъ, что и при условіяхъ русской дѣйствительности можно достигнуть такихъ изумительныхъ результатовъ, предъ которыми преклонится самый удачливый американецъ, пользующійся свободными законами своей страны.

Э. ПИМЕНОВА.

Въ жизни цивилизованныхъ народовъ книга играетъ величайшую роль. Она заставляетъ говорить о себѣ, и своимъ содержаніемъ можетъ оказывать громадное вліяніе на умы,—просвѣщать или развращать ихъ, возбуждать страсти или умиротворять ихъ, способствовать распространенію какъ великихъ идей, такъ и великихъ заблужденій,—словомъ, это могущественное оружіе въ рукахъ умѣющихъ имъ пользоваться. Книга можетъ принимать всякія формы, мѣнять свои личины и выполнять всякія роли. Это — Протей, не поддающійся опредѣленію, но вліяніе его безмѣрно. На Русь книга пришла вмѣстѣ съ христіанствомъ, но лишь сравнительно недавно она стала крупной общественной силой, и великую благодарность заслуживаютъ тѣ издатели, которые, подобно почтенному юбиляру Ивану Дмитріевичу Сытину, дѣлаютъ книгу доступной для народа. Выпуская дешевыя хорошія изданія и научно-популярныя библіотеки, они вносятъ свѣтъ и знаніе въ самые захолустные углы нашей родины. Широко распространяя свои дешевыя изданія въ народѣ, Иванъ Дмитріевичъ въ теченіе своей полувѣковой издательской дѣятельности пріучилъ населеніе даже глухихъ деревень, не только читать, но и покупать книги и, такимъ образомъ, проложилъ тѣ пути, по которымъ великія идеи прогресса находятъ доступъ къ народнымъ массамъ.

Э. К. Пименова

* * *

А. СОКОЛИНСКІЙ.

Для меня, стараго народника, имя Ивана Дмитріевича Сытина связано съ днями моей молодости, когда впервые появилась на книжномъ рынкѣ хорошая и дешевая книжка для деревни и сразу валомъ повалила изъ маленькой типографіи на Пятницкой „въ народъ".

Я говорю объ изданіи Ив. Дм. цѣлой серіи толстовскихъ разсказовъ, разсказовъ Гаршина, Эртеля и др.

Изумительны по тому времени энергія и размахъ, съ какими И. Д. претворилъ въ жизнь идею великана художественнаго слова—дать народу хорошую книгу. Юбилей издательской дѣятельности И. Д. Сытина—юбилей первой хорошей книжки для народа.

Александръ Соколинскій

В. ПОЛОВЦОВЪ.

Я всегда искренне радуюсь всякому успѣху въ дѣлахъ Ивана Дмитріевича, т. к. твердо знаю, что прежде всего и больше всего его влечетъ къ себѣ самое *„дѣло“*, прибыльность же его предпріятій для него цѣнна не въ качествѣ личной наживы, а какъ поводъ и средство къ дальнѣйшему творчеству путемъ развитія и расширенія любимаго дѣла. Помню, какъ онъ, уже милліонеръ, жилъ въ маленькой скромной квартиркѣ на Тверской, предоставляя свои почти дворцы въ качествѣ помѣщеній для своихъ предпріятій. — „Живу дворникомъ при собственномъ дѣлѣ“, шутя говаривалъ онъ.

Дѣло же, которому служитъ Иванъ Дмитріевичъ, — то же великое дѣло просвѣщенія, которому служимъ и мы всѣ — представители литературы и науки; онъ является въ немъ непремѣннымъ звеномъ между творцами духовныхъ цѣнностей и ихъ потребителями. А потому желаю и „дѣлу“ Ивана Дмитріевича и ему самому, какъ своему дорогому и уважаемому соратнику, самаго широкаго успѣха и процвѣтанія на многія лѣта.

Г. ПУЗЫРЕВСКІЙ.

Ежегодно сотни тысячъ дѣтей и взрослыхъ учились и учатся по книжкамъ, изданнымъ или пущеннымъ въ жизнь глубокоуважаемымъ Иваномъ Дмитріевичемъ. Еще съ юныхъ лѣтъ я всегда удивлялся и благоговѣлъ передъ той необыкновенной энергіей, которую проявлялъ Иванъ Дмитріевичъ, и радовался громадной пользѣ, приносимой имъ дѣлу просвѣщенія родины. Дай Богъ, чтобы на Руси было побольше такихъ работниковъ!

А. ПАВЕЛЬЕВЪ.

Бывши болѣе 28-ми лѣтъ близкимъ свидѣтелемъ всѣхъ распоряженій и дѣятельности Ивана Дмитріевича, очень счастливъ что Богъ привелъ дожить мнѣ до его славнаго юбилея.

Н. РУБАКИНЪ.

Дорогой Иванъ Дмитріевичъ, въ день пятидесятилѣтія Вашей созидательной работы и въ двадцатипятилѣтіе моего сотрудничества, посылаю Вамъ эти строки изъ той свободной страны, гдѣ неграмотные крестьяне и крестьянки—величайшая рѣдкость, гдѣ нѣтъ ни одной деревушки безъ школы и безъ библіотеки, гдѣ сельскія школы—настоящіе дворцы, и гдѣ народному просвѣщенію и самоопредѣленію не только не воздвигается никакихъ преградъ, но никто и не смѣетъ, и не думаетъ ихъ воздвигать. Дойдетъ же когда-нибудь до такого же относительно блестящаго состоянія и наша дорогая, многострадальная родина.

И величайшее счастье — весь свой вѣкъ работать надъ его созиданіемъ. Вы, дорогой Иванъ Дмитріевичъ, по-своему, по-особому надъ этимъ же поработали, и къ тому же по правилу: „дѣлай, чтобы сдѣлать, а не для того, чтобы дѣлать". Вы создали изъ ничего настолько грандіозное дѣло, какое чуть ли еще не вчера казалось совершенно невѣроятнымъ на Руси по своей постановкѣ, по своимъ корнямъ, да и по размаху. И Вы создали его при самыхъ тяжелыхъ условіяхъ, посреди явныхъ и тайныхъ преградъ и препятствій и среди всевозможной травли, до поджоговъ 1905 г. включительно. Но что изъ нихъ вышло? Да ничто. И тѣ, кто воздвиганіемъ преградъ спеціально занимается, что они и кто они? А сытинское дѣло стоитъ да стоитъ, растетъ да крѣпнетъ. Счастливъ безконечно тотъ, кто, выйдя изъ наиболѣе обездоленной среды, для нея-то больше всего и плодотворно и поработалъ на своемъ вѣку, и русское крестьянство не можетъ не сказать о русскомъ крестьянинѣ, костромскомъ самоучкѣ И. Д. Сытинѣ: „Это онъ, крестьянинъ, больше другихъ и лучше другихъ и снабдилъ насъ не только хорошими, но и подходящими книгами". И пусть-ка кто-нибудь теперь попробуетъ выскребетъ изъ всѣхъ этажей народной толщи то хорошее, что внесли туда сытинскія изданія.

Ник. Рубакинъ.

П. СЕРГѢЕНКО.

Образъ Божій запечатлѣнъ неисчезаемо в каждой душѣ человѣческой. И только мерцает кое-гдѣ иногда, что его нѣтъ в иной душѣ. Так: на непроявленной светочувствительной пластинкѣ, какъ будто, совсем нѣтъ извѣстнаго изображенія. Но оно есть там. Все дѣло в проявленіи — в процессѣ проявленія души-пластинки.

П. Сергѣенко

Е. СМИРНОВЪ.

Тысячу лѣтъ назадъ идеаломъ народа былъ могучій земледѣлецъ-пахарь Микула Селяниновичъ. Силу-мощь свою народъ видѣлъ въ земледѣльческомъ трудѣ.

Но не единымъ хлѣбомъ живъ человѣкъ. Съ теченіемъ времени медленно, но неуклонно растутъ духовные запросы народа. Народъ начинаетъ чувствовать, что „доля и счастье его—свѣтъ и свобода прежде всего".

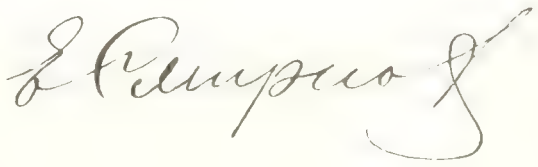
Для удовлетворенія духовной жажды нужны хорошая школа и хорошая книга. И появляются богатыри духа, богатыри слова.

Но чтобы мощный голосъ ихъ раздался по всей необъятной Руси, надо пустить его широкой волной въ народную массу.

Это дѣло многихъ тысячъ работниковъ разной силы и способностей, которые разнообразными способами направляютъ струи живого слова въ народъ.

Въ переднихъ рядахъ этой мирной арміи въ теченіе 50 лѣтъ неустанно идетъ могучій богатырь И. Д. Сытинъ.

До Сытина хорошая книга каплями просачивалась въ народъ, взялся за дѣло Сытинъ—книга хлынула неудержимымъ потокомъ.



Н. ТЕЛЕШОВЪ.

Иванъ Дмитріевичъ Сытинъ — въ области книжнаго дѣла, съ его энергіей и широкой неисчерпаемой инициативой — одинъ изъ тѣхъ крупныхъ русскихъ самородковъ, благодаря которымъ нельзя не вѣрить въ народныя силы, исходящія изъ самыхъ народныхъ глубинъ.

Н. Телешовъ

И. ТОЛСТОЙ.

Я помню Ивана Дмитріевича еще очень давно, когда судьба столкнула его съ моимъ отцомъ въ изданіи народныхъ разсказовъ. Сытинъ былъ тѣмъ работникомъ, энергичнымъ и безкорыстнымъ, который первый пошелъ навстрѣчу усиліямъ отца на поприщѣ облагораживанія народной литературы и вмѣстѣ съ нимъ далъ этому дѣлу могучій толчокъ.

Илья Толстой

* * *

И. ТРОЦКІЙ.

Юбилей И. Д. Сытина—это побѣдный праздникъ книги и слова.

Вмѣстѣ съ Сытинымъ вся мыслящая интеллигенція, вся грамотная Россія празднуютъ этотъ рѣдкій юбилей. Сытинъ претворилъ въ жизнь, облекъ въ плоть и кровь старый завѣтъ „вначалѣ было слово", расчистилъ рѣку и углубилъ русло русской книги, на протяженіи полувѣка сѣя „разумное, доброе, вѣчное".

Сытинъ шелъ къ идейной цѣли не проторенными дорожками богатыхъ западныхъ предпринимателей, а направлялся самобытными русскими путями, черпая вдохновеніе и силы изъ тѣхъ народныхъ глубинъ, изъ которыхъ онъ вышелъ.

Сытинъ началъ въ скромныхъ низахъ маленькаго издательства и достигъ вершинъ его, достигъ Парнаса. Онъ вышелъ изъ народа и отдалъ все народу. Исторія ищущей русской мысли отведетъ издательскому таланту и творчеству Сытина яркую главу.

Если вникнуть въ своеобразный жизненный путь, пройденный этимъ самородкомъ, то къ нему воистину примѣнимы слова поэта:

Умомъ Россіи не понять,
Аршиномъ общимъ не измѣрить...

И. Троцкій

Н. ТУЛУПОВЪ.

Сытинъ приблизилъ къ народу настоящую книгу. Онъ претворилъ въ плоть и кровь благородныя стремленія лучшихъ умовъ нашей интеллигенціи — дать народу здоровую духовную пищу. Въ этомъ величайшая заслуга Сытина, дающая ему право занять почетное мѣсто въ ряду дѣятелей русскаго просвѣщенія.

Н. Тулуповъ.

И. ФЛОРЪ.

Состоя съ самаго начала возникновенія сытинской литографіи ея поставщикомъ машинъ и матеріаловъ, отецъ мой очень цѣнилъ и уважалъ Ивана Дмитріевича и, любя въ кругу семьи дѣлиться своими дѣловыми впечатлѣніями, часто и подолгу говорилъ о немъ.

Иванъ Дмитріевичъ по этимъ разсказамъ представлялся моему воображенію уже съ дѣтства чѣмъ-то чрезвычайно сильнымъ и большимъ.

Отецъ ставилъ Ивана Дмитріевича примѣромъ широкой иниціативы и громадной энергіи, указывая, что дѣлу его предстоитъ большое будущее, и настоятельно рекомендуя своимъ сотрудникамъ, и мнѣ въ томъ числѣ, относиться къ желаніямъ и требованіямъ Ивана Дмитріевича съ особымъ вниманіемъ и оказывать самую широкую поддержку его начинаніямъ.

Когда я вступилъ въ дѣло отца, мнѣ довелось и самому завязать дѣловыя отношенія съ Иваномъ Дмитріевичемъ, и мое личное съ нимъ знакомство только укрѣпило во мнѣ сознаніе, что въ лицѣ его я имѣю дѣло съ однимъ изъ наиболѣе выдающихся дѣятелей нашего времени

Еще ближе подойти къ Ивану Дмитріевичу, узнать и оцѣнить его мнѣ удалось за время совмѣстныхъ путешествій за границу.

Даже здѣсь, когда думалось, что можно было бы и отдохнуть, проявлялась кипучая энергія Ивана Дмитріевича: не позволяя себѣ ни на минуту отвлечься въ сторону, онъ посвящалъ все свое время осмотрамъ заводовъ, посѣщеніямъ графическихъ мастерскихъ, бесѣдамъ съ издателями и дѣятелями печатнаго дѣла.

Досугъ переѣздовъ по желѣзнымъ дорогамъ заполнялся Иваномъ Дмитріевичемъ импровизаціями на любимую тему—о развитіи и расширеніи дорогого ему дѣла; слушать его было страшно интересно и въ то же время жутко: чувствовалось, что онъ высказываетъ свои сокровенныя думы и ждетъ и требуетъ пониманія и сочувствія; въ то же время высказываемые широкіе замыслы и планы не укладывались въ рамки видимыхъ возможностей..., но приходилъ срокъ, и Сытину удавалось мечтанія превратить въ дѣйствительность, осуществить ранѣе казавшееся невѣроятнымъ.

Въ настоящее время Иванъ Дмитріевичъ стоитъ во главѣ громаднаго издательскаго дѣла, самаго большого въ Россіи и, навѣрно, одного изъ крупнѣйшихъ въ мірѣ.

Создана колоссальная организація. Выстроены обширнѣйшія зданія и мастерскія, снабженныя лучшими и новѣйшими орудіями техники. Работаетъ масса людей. Достигаются милліонные обороты по изданію и сбыту книгъ, учебниковъ, календарей, картинъ, журналовъ и газетъ. Успѣхъ колоссальный!

Что же служило юбиляру вдохновеніемъ на протяженіи всей его долгой упорной работы?

Стремленіе къ матеріальнымъ выгодамъ или личное самолюбіе?—Нѣтъ и нѣтъ! Какимъ былъ Иванъ Дмитріевичъ—скромнымъ, непритязательнымъ въ личной своей жизни, такимъ и остался.

Если крупные матеріальные успѣхи и слѣдовали за его начинаніями, то не имъ, во всякомъ случаѣ, онъ отдавалъ свои силы.

На первомъ мѣстѣ у него—его основная задача и исключительное сосредоточеніе на ней было причиной достигнутыхъ Иваномъ Дмитріевичемъ колоссальныхъ успѣховъ: задача эта — созданіе хорошей общедоступной книги-учебника для народной школы, служеніе просвѣщенію, столь близкаго его сердцу.

Осуществленію этой задачи Иванъ Дмитріевичъ отдалъ всѣ свои силы и въ сознаніи, что многое уже сдѣлано, заключается высокая, вполнѣ имъ заслуженная, награда.

М. Флоринский

Д. ЩЕПКИНЪ.

Съ именемъ И. Д. Сытина навсегда останется связаннымъ дѣло широкаго распространенія книги и печатнаго слова въ народѣ. Мы, русскіе, всегда съ удивленіемъ смотрѣли на тѣ грандіозныя по своимъ размѣрамъ предпріятія Западной Европы и Америки, которыя казались трудно осуществимыми для Россіи. На созданномъ И. Д. Сытинымъ книгоиздательствѣ, по размаху не уступающемъ подобнымъ заграничнымъ предпріятіямъ, онъ наглядно показалъ, что можетъ быть сдѣлано умомъ, дѣловой смѣткой и неустанной энергіей русскаго человѣка.

Д. Щепкинъ

Е. ЭРТЕЛЬ.

Преклоняюсь передъ неутомимой энергіей, широтой размаха, умомъ и рѣдкостной личной инициативой Ивана Дмитріевича, оказавшими такія неоцѣнимыя услуги дѣлу истиннаго просвѣщенія.

Елена Эртель.

ВОСПОМИНАНІЯ

О ТОМЪ, КАКЪ И. Д. СЫТИНЪ ИЗДАЛЪ ИЛЛЮСТРАЦІЮ КЪ „СНУ МАКАРА“ В. Г. КОРОЛЕНКО.

(Изъ исторіи цензурныхъ мытарствъ).

Это было въ 1899 году. Ив. Д. Сытинъ, не помню точно по какому случаю, заѣхалъ ко мнѣ и увидѣлъ набросокъ задуманной картины въ стилѣ старинныхъ лубковъ, но художественно выполненный въ деталяхъ,— иллюстрацію къ „Сну Макара“ Вл. Г. Короленко, работы художницъ Елиз. М. Бемъ и В. П. Шнейдеръ. Ивана Дмитріевича очень заинтересовалъ эскизъ, и я пояснилъ ему его происхожденіе: В. Г. Короленко получилъ черезъ знакомыхъ изъ Сибири фотографическую карточку того самаго объякутившагося крестьянина „чалганца“, — по имени Захаръ, — который послужилъ ему, по выраженію художниковъ, „натурой“, или experimentalopfer, для написанія задуманнаго имъ очерка. Желая приноровиться къ представленіямъ о загробной жизни полудикаго обитателя Якутской области, Короленко задавалъ этому Захару рядъ вопросовъ на данную тему и затѣмъ, въ творческой переработкѣ художника, отвѣты Захара послужили базой „святочнаго разсказа“ о снѣ Макара, наполовину имѣющаго этнографическую цѣнность, а въ цѣломъ составляющаго одно изъ лучшихъ произведеній талантливаго беллетриста. Кромѣ фотогра-

фіи имѣлось два рисунка самого Короленко — видъ сибирской деревни, „затерявшейся въ далекой якутской тайгѣ“, и набросокъ якутской могилки. Къ этимъ тремъ рисункамъ, иллюстрирующимъ „земную“ жизнь Макара, художницы присоединили, въ своеобразной разбивкѣ наподобіе изображеній Страшнаго Суда, со зміемъ въ серединѣ, различные эпизоды изъ хожденія Макара по мытарствамъ и его появленіе на первый посмертный судъ передъ лицомъ Тойона. Орнаментъ весь выдержанъ въ якутскомъ стилѣ, а отдѣльные медальоны написаны въ реальныхъ тонахъ. Это сочетаніе реальнаго и фантастическаго, жизненной правды и стилизаціи, въ соотвѣтствіи съ тѣмъ, какъ самъ „чалганецъ“ представлялъ себѣ ирреальный міръ по ту сторону гроба, сообщало картинѣ особую пикантность и все въ ней заволакивалось бѣлесоватой снѣжной мглой, изъ которой выдѣлялись лишь яркіе лучи восходящаго солнца въ томъ мірѣ, гдѣ и „для тебя, бѣдный Макаръ, найдется правда“. Эту цитату, которою заканчивается въ разсказѣ рѣчь стараго Тойона, предлагалось помѣстить длинными буквами въ формѣ лучей въ верху картины. И. Д. Сытинъ сразу загорѣлся желаніемъ издать картину на большомъ листѣ, помѣстивъ вокругъ нея, на поляхъ, текстъ разсказа. „Картину станутъ покупать и это дастъ широкое распространеніе разсказу, — говорилъ онъ. Короленко — популярный писатель, но надо, чтобы онъ повсюду былъ извѣстенъ. Будутъ въ деревняхъ разсматривать картину, а кто-нибудь найдется и почитаетъ текстъ. Да эту вещь станутъ пріобрѣтать и въ интеллигентскихъ кружкахъ—это такъ оригинально, красиво, интересно“. Словомъ, И. Д. Сытинъ взялъ съ меня обѣщаніе выхлопотать ему у художницъ разрѣшеніе напечатать картину, при чемъ завѣрялъ, что для соблюденія полутоновъ, въ которыхъ и онъ находилъ главную прелесть раскраски, онъ не постоитъ за расходами,—„хотя бы и на семнадцати камняхъ пришлось печатать“. Предлагалъ и гонораръ впередъ... Въ послѣднемъ вопросѣ художницы были очень скромны, но разрѣшеніе дали, прося только показать сперва рисунокъ въ корректурѣ. Иванъ Дмитріевичъ успокоился, когда все было слажено, и онъ получилъ форменное обѣщаніе, что картина будетъ закончена и доставлена ему въ Москву.

Мѣсяца черезъ два, когда полученъ былъ первый отпечатокъ, начались цензурныя мытарства. Иванъ Дмитріевичъ мнѣ телеграфировалъ, что московская цензура наотрѣзъ отказалась пропустить картину, передала ее на разсмотрѣніе духовной цензуры и просилъ меня похлопотать въ Петроградѣ о пропускѣ, переславъ мнѣ оригиналъ.

...Злато и для тебя найдется прелда

Въ Петроградѣ духовная цензура также запретила печатаніе. Я ѣздилъ въ лавру и выслушалъ рядъ наставленій о томъ, какъ надлежитъ изображать крылья у ангеловъ, особо для каждаго ангельскаго чина,— что, дескать, не было соблюдено художницами. Изъ-за крыльевъ, главнымъ образомъ, и настаивали на запрещеніи. Между тѣмъ картиной заинтересовались многіе. Бывшій секретарь Общества поощренія художествъ, художественный критикъ Н. П. Собко, увлеченный интереснымъ замысломъ, повезъ показать картину митрополиту Антонію, который очень ее одобрилъ, далъ свое благословеніе, но это не помогло: разрѣшить печатаніе оказалось не въ его власти.

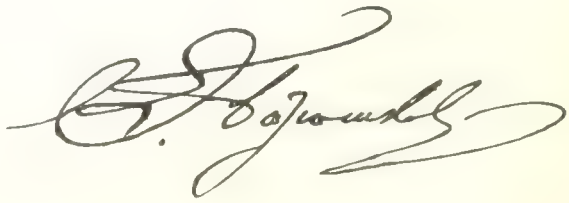
Отъ митрополита картина была отвезена къ всесильному въ ту пору К. П. Побѣдоносцеву, тоже весьма одобрительно отозвавшемуся о самой картинѣ и весьма нелюбезно о цензурѣ, которая никогда не знаетъ, что надо, чего не надо; по комарамъ бьетъ, а крупнаго не замѣчаетъ"... Однако, и онъ отказался дать ей пропускъ, заявивъ, что цензурнаго постановленія отмѣнить нельзя.

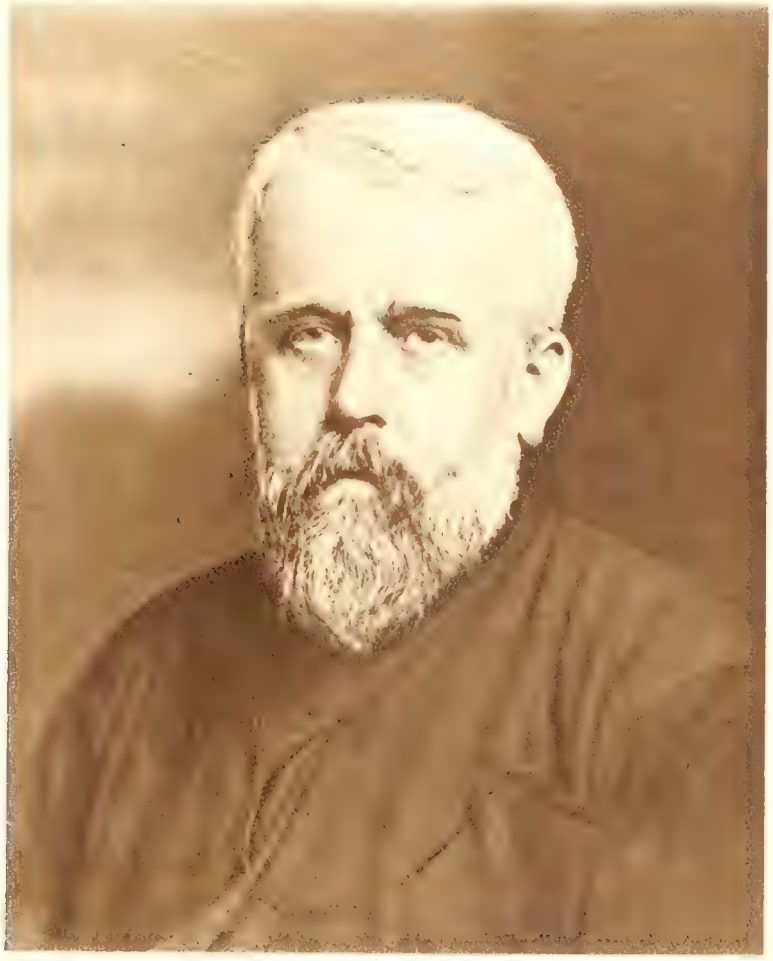
Дѣло казалось проиграннымъ. Ив. Д. Сытинъ все-таки не унывалъ и настаивалъ—не сдаваться. Онъ телеграфировалъ мнѣ и писалъ, чтобы я добился пересмотра въ Главномъ Управленіи по дѣламъ печати. Совѣтъ оказался правильнымъ, хотя на первыхъ порахъ возникло новое и совсѣмъ неожиданное возраженіе. Я подалъ заявленіе въ Главное Управленіе, что на мой взглядъ картина совершенно ошибочно была направлена въ духовную цензуру, такъ какъ преданіе объ „исходѣ души", о мытарствахъ и о первомъ частномъ судѣ надъ душою послѣ смерти—не есть каноническое. Это—народное повѣріе, издревле терпимое Церковью, какъ наводящее на „благочестивыя размышленія", при чемъ въ изображеніяхъ исхода души допускалась вольная трактовка сюжета. Поэтому я и просилъ передать картину на разсмотрѣніе свѣтской цензуры. Такъ и было сдѣлано, но цензоръ, представившій докладъ комитету, почему-то вдругъ заподозрилъ, что въ одномъ изъ ангеловъ, грѣющихся у „камелька", представлено „замаскированное изображеніе Іисуса Христа". Догадка не въ мѣру проницательнаго цензора была лишена всякаго основанія, однако, картина была вновь запрещена.

Къ счастью, въ ту пору начальникомъ Главнаго Управленія по дѣламъ печати былъ назначенъ просвѣщенный и умный человѣкъ, кн. Н. В. Шаховской, которому я могъ разсказать, что „божій работникъ" отнюдь не есть Іисусъ Христосъ, ибо и по контексту явствуетъ, что

„молодые люди въ длинныхъ бѣлыхъ рубахахъ“, у которыхъ „на спинѣ болтались большія бѣлыя крылья“, по представленію Макара, могли быть только ангелами. Кн. Н. В. Шаховской, какъ ученикъ проф. Н. И. Стороженко, начитанный въ апокрифахъ, сразу понялъ суть дѣла: затруднительное постановленіе было отмѣнено и только для того, чтобы соблюсти „приличіе“, Шаховской попросилъ меня вычеркнуть двѣ-три фразы изъ текста разсказа, который и безъ того пришлось сократить, такъ какъ онъ цѣликомъ не умѣщался на поляхъ картины. Почему-то потребовалось также смыть подпись въ лучахъ солнца и перенести ее на верхнее поле. Эту уступку художницы согласились сдѣлать. Такимъ образомъ, послѣ трехъ мѣсяцевъ мытарствъ,—болѣе длительныхъ, чѣмъ тѣ, которымъ, по преданію, подвергается душа послѣ разставанія съ тѣломъ, ибо на седьмой день она уже является на судъ, — картина, наконецъ, получила всѣ нужные пропуски, чтобы появиться въ свѣтъ.

Не знаю, насколько Ив. Дм. угадалъ быстроту ея распространенія „вширь и вглубь“; не знаю, въ какіе новые слои общества она проникла; въ смыслѣ выполненія отпечатки все-таки очень уступали оригиналу, такъ какъ не вполнѣ удалось сохранять тѣ мелочные полутоны, которые съ самаго начала такъ понравились И. Д. Сытину. Но изданіе во всякомъ случаѣ разошлось. А во всей этой исторіи я особенно оцѣнилъ одно свойство характера Ивана Дмитріевича: настойчивость и упорство въ достиженіи цѣли. Случайный посредникъ въ данномъ предпріятіи, я нѣсколько разъ готовъ былъ считать дѣло окончательно проиграннымъ. Ужъ если митрополитъ и оберъ-прокуроръ Синода, „самъ“ К. П. Побѣдоносцевъ, заявляли, выражая свое сожалѣніе, что все-таки ничего не подѣлаешь, то, казалось, гдѣ же въ ту пору было искать выхода? Но Ив. Дм. упорно твердилъ: „Не сдавайтесь! Добьемся!“ И добились. И. Д. Сытинъ вполнѣ подтвердилъ правильность французской поговорки: vouloir c'est pouvoir. Этой поговорки нѣтъ на русскомъ языкѣ, но она глубоко залегла въ русскомъ характерѣ.





И. Д. СЫТИНЪ И ДѢЛО „ПОСРЕДНИКА".

П. БИРЮКОВЪ.

Моя скромная литературная дѣятельность, продолжающаяся уже болѣе 30 лѣтъ, вращалась вокругъ личности, жизни и имени моего великаго друга Л. Н. Толстого. Вотъ на пути этой-то дѣятельности мнѣ и пришлось столкнуться съ крупной фигурой издателя и человѣка Ивана Дмитріевича Сытина.

Въ первой половинѣ 80-ыхъ годовъ Левъ Николаевичъ Толстой со своимъ другомъ Владимиромъ Григорьевичемъ Чертковымъ задумали изданіе хорошихъ дешевыхъ книгъ, которыя могли бы доставить здоровую духовную пищу русскому народу взамѣнъ плохой, доставлявшейся

ему такъ называемой лубочной литературой. Въ самомъ началѣ этого предпріятія я былъ приглашенъ участвовать въ немъ. Конечно, центромъ этого дѣла и главной литературной силой былъ самъ Л. Н-ичъ. Но одна изъ главныхъ задачъ и условій успѣха этого дѣла былъ выборъ исполнителя нашихъ плановъ, какъ со стороны матеріально-технической, такъ и со стороны той духовной энергіи, которая нужна была, чтобы предпринять борьбу за реформу народной литературы.

Левъ Николаевичъ, всегда интересовавшійся народной жизнью, уже задолго до этого посѣщалъ „Никольскій рынокъ" и присматривался къ различнымъ типамъ и дѣятелямъ этого рынка, заходилъ въ книжныя лавки, бесѣдовалъ съ торговцами, разсматривалъ книжки и картины и разспрашивалъ о различныхъ условіяхъ этой торговли. Своимъ вѣрнымъ народническимъ чутьемъ онъ вѣрно угадалъ истинный источникъ свободнаго образованія русскаго народа и рѣшилъ влить въ этотъ источникъ свѣтлую струю живой воды. Выборъ его палъ на Ивана Дмитріевича Сытина. Вскорѣ и я познакомился съ нимъ. Это было, если я не ошибаюсь, въ ноябрѣ 1884 года, почти въ то же время, когда состоялось и мое личное знакомство со Львомъ Николаевичемъ Толстымъ.

Я помню еще скромную лавку у Ильинскихъ воротъ, на Старой площади, гдѣ самъ Иванъ Дмитріевичъ стоялъ за прилавкомъ и велъ все дѣло, отдавая приказанія ловкимъ приказчикамъ, тутъ же въ лавкѣ ворочавшимъ огромные короба-тюки съ книжнымъ товаромъ. Когда мы приходили по дѣлу, требовавшему бесѣды, Ив. Дм. оставлялъ свою лавку и велъ насъ въ сосѣдній трактиръ, попить чайку, и за этимъ чайкомъ прошло много задушевныхъ бесѣдъ, въ которыхъ разныя практическія соображенія перемѣшивались съ самыми глубокими принципіальными вопросами. Часто во время этихъ бесѣдъ являлись кліэнты Ивана Дмитріевича, сѣрые мужички-коробейники, и присоединялись къ чаепитію.

Л. Н-чъ не ошибся въ своемъ выборѣ. Необычайная энергія и чуткая внимательность Ивана Дмитріевича къ нуждамъ „Посредника", такъ называлась наша издательская компанія, его искреннее уваженіе и любовь къ иниціатору этого дѣла обезпечили ему успѣхъ.

Связь „Посредника" съ Ив. Дм. Сытинымъ сдѣлалась столь естественной, что два дѣла питали другъ друга. Тѣ повышенныя, какъ литературныя, такъ и художественно-техническія требованія, которыя мы предъявляли въ исполненіи нашихъ заказовъ, заставляли Ивана Дмитріе-

вича расширять и совершенствовать свое дѣло. А успѣхъ изданій „Посредника“ въ зависимости отъ его содержанія какъ среди народа, такъ и среди прогрессивной интеллигенціи скоро доставили фирмѣ И. Д. Сытина широкую извѣстность. Расширеніе же и развитіе дѣла, руководимаго опытной рукой, доставляло возможность расширять и дѣло „Посредника“. Успѣхъ нашего совмѣстнаго дѣла превзошелъ наши ожиданія.

Условія лубочной печати и торговли не позволяли вести точной статистики. Но по болѣе или менѣе провѣреннымъ минимальнымъ даннымъ мы въ теченіе первыхъ 4-хъ лѣтъ распространили около 12.000.000 брошюръ. Такъ какъ Л. Н-чъ и „Посредникъ“ не утверждали литературной собственности на свои изданія, то вскорѣ другіе издатели стали перепечатывать наши книжки и самостоятельно распространять ихъ, такъ что общая цифра распространенія ихъ можетъ съ большой вѣроятностью быть доведена за это время до 20.000.000. И книжки эти, дѣйствительно, прошли въ народъ. Видя успѣхъ нашего дѣла, многіе интеллигентные кружки обратились за содѣйствіемъ къ Ивану Дмитріевичу, и дѣло его постепенно разрослось до нынѣшнихъ гигантскихъ размѣровъ.

Такова въ краткихъ словахъ внѣшняя сторона нашего общаго дѣла. Но что мнѣ было особенно дорого въ моихъ сношеніяхъ съ Иваномъ Дмитріевичемъ, это сознаніе того, что въ немъ есть Божія искра, влекущая его къ участію въ добромъ, просвѣтительномъ дѣлѣ, эта искра всегда горѣла въ его душѣ и она-то и была источникомъ той энергіи, которая нужна была для борьбы съ темными силами, какъ всегда, старавшимися затемнить свѣтъ, проникающій въ массы народа.

Въ минуты откровенности Ив. Дм. признавался намъ, что общеніе съ „Посредникомъ“ и участіе въ немъ были для него нравственнымъ удовлетвореніемъ среди суетливой коммерческой жизни въ постоянномъ общеніи съ корыстными конкурентами съ одной стороны и представителями духовной и свѣтской администраціи—съ другой; онъ отдыхалъ душой на чистомъ дѣлѣ „Посредника“.

Мнѣ пришлось работать съ Иваномъ Дмитріевичемъ въ теченіе трехъ періодовъ: 1-ый періодъ съ основанія „Посредника“ до конца 80-хъ годовъ. Къ этому времени дѣятельность „Посредника“ начала ослабѣвать вслѣдствіе начавшихся цензурныхъ гоненій. Кромѣ того, мы, главные участники дѣла, разъѣхались изъ городовъ по деревнямъ и предались земледѣлію. Послѣдовавшіе затѣмъ голодные года поглотили

всѣ наши свободныя силы. Но съ осени 1893 года дѣятельность „Посредника“ снова оживляется. Мы съ Ив. Ив. Горбуновымъ поселяемся въ Москвѣ, возобновляемъ всѣ народныя изданія и начинаемъ новый отдѣлъ для интеллигентныхъ читателей. Дѣло Ив. Дмитріевича уже получило къ этому времени значительное развитіе, и участіе его въ „Посредникѣ“ было незамѣнимо. Этотъ періодъ продолжался около 4-хъ лѣтъ, до начала 1897 года, когда меня и Черткова сослали за участіе въ духоборческомъ движеніи.

Третій разъ сошелся я съ Иваномъ Дмитр. для изданія посмертнаго полнаго собранія соч. Л. Н-ча, редактировать которое поручено было мнѣ В. Г. Чертковымъ.

Четыре изданія полнаго собранія сочиненій Л. Н-ча, выпущенныя Тов. И. Д. Сытина, одновременно сдѣлали свое дѣло. Россія узнала Толстого, такъ какъ по всему ея необъятному пространству были разбросаны милліоны томовъ этихъ изданій. Можно смѣло сказать, что одна изъ большихъ заслугъ Ив. Дм. передъ русскимъ народомъ и обществомъ, это ознакомленіе русскаго многомилліоннаго читателя съ твореніями своего генія. И я чувствую глубокую благодарность за это къ Ив. Дм. и горжусь тѣмъ, что мнѣ пришлось быть его сотрудникомъ въ этомъ дѣлѣ.

Отъ души желаю ему еще долгой жизни и дѣятельности на пользу русскаго просвѣщенія.

Павелъ Бирюковъ

Л. БѢЛЬСКІЙ.

Знакомство мое съ Иваномъ Дмитріевичемъ началось въ 1886 г. на засѣданіи Московскаго Комитета Грамотности, гдѣ я читалъ написанныя мною для Комитета народныя сказки въ стихахъ и гдѣ И. Д. присутствовалъ, какъ исполнитель комитетскихъ изданій. Никогда не забуду, съ какимъ искреннимъ удовольствіемъ отозвался И. Д. о моихъ сказкахъ и какъ пріятна была мнѣ сердечная похвала этого человѣка, вышедшаго изъ народа. Съ тѣхъ поръ у меня установились самыя добрыя съ нимъ отношенія.

Около того же времени я былъ свидѣтелемъ способа распространенія книгъ И—мъ Д—мъ.

Однажды засталъ я въ его лавкѣ, въ низочкѣ на Старой площади, типично по-деревенски одѣтаго мужичка, котораго И. Д. очень любезно угощалъ чаемъ въ то время, какъ приказчики усердно набивали для него нѣсколько большихъ коробовъ книгами. Это былъ обычный покупатель И—а Д—а, крупный торговецъ по ярмаркамъ и базарамъ. Онъ былъ неграмотный, и И. Д. по своему усмотрѣнію отпускалъ ему книжки и картинки въ народномъ вкусѣ того времени, присоединяя и болѣе культурныя новыя произведенія. Такъ И. Д. поддерживалъ интересъ къ чтенію и не давалъ угаснуть грамотности въ народѣ, тогда почти лишенномъ библіотекъ и другихъ просвѣтительныхъ учрежденій. Время шло. Явились новыя потребности, измѣнился и характеръ сытинскихъ изданій. Безпримѣрно разрослась дѣятельность И—а Д—а, ободряемая

отзывами критики и писателей. Когда И. Д. издалъ мои два дѣтскихъ сборника, я послалъ ихъ на просмотръ Л. Н. Толстому, отъ котораго получилъ слѣдующій отзывъ: „Благодарю васъ за присланныя книги. Думаю, что сказки и басни должны имѣть успѣхъ въ дѣтскомъ мірѣ. Непремѣнно сдѣлаю опытъ. Левъ Толстой. 15 дек. 1907“. Такъ „великій писатель земли русской“ намѣревался использовать въ своихъ собственныхъ занятіяхъ съ крестьянскими дѣтьми въ Ясной Полянѣ изданіе И—а Д—а.

Немало одобреній своимъ изданіямъ слышалъ И. Д. въ теченіе полустолѣтней дѣятельности и заслужилъ сердечное спасибо своей родины, на пользу которой онъ неутомимо работалъ. Дай Богъ ему силъ для дальнѣйшихъ трудовъ!

Л. Дельскій

Н. ГЛОБА.

Я думаю, что не буду очень далекъ отъ истины, если скажу, что однимъ изъ лучшихъ воспоминаній у И. Д. Сытина должно быть воспоминаніе о Нижегородской выставкѣ.

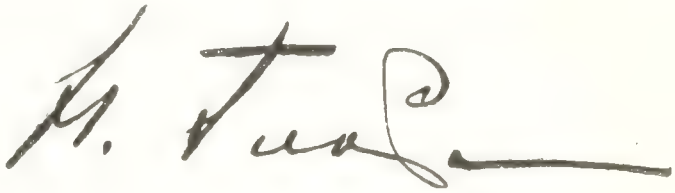
Тамъ впервые, кажется, оцѣнена была по заслугамъ его дѣятельность уже не отдѣльными лицами, а компетентной экспертной комиссіей и массой публики. Павильонъ, въ которомъ было собрано все то, что только могла

дать тогда фирма, былъ однимъ изъ удивительныхъ явленій по смѣлости разрѣшенія задачи, поставленной себѣ Иваномъ Дмитріевичемъ.

Неожиданная художественность, тогда еще почти не культивировавшаяся на рынкѣ во всѣхъ отрасляхъ промышленности, не исключая печатнаго дѣла и въ частности книги, необычайно ярко заблестѣла и вызвала неподдѣльную радость у многочисленныхъ членовъ экспертной комиссіи.

Совершенно справедливо, несмотря на то, что фирма еще не имѣла никакихъ наградъ и вопреки обычаямъ, тогда была присуждена ей сразу исключительная награда государственный гербъ.

Прекрасныя по тому времени иллюстраціи въ изданіяхъ И. Д. Сытина смѣнили грубый лубокъ, уже въ то время потерявшій прелесть наивности и неподдѣльнаго народнаго творчества. Этотъ починъ въ стремленіи къ художественности, конечно, имѣлъ большое значеніе по своему вліянію на другихъ издателей и уже за одно это Иванъ Дмитріевичъ заслужилъ большую благодарность современниковъ, которые справедливо видятъ, что, составляя свое матеріальное благополучіе, онъ стремится въ то же время къ совершенствованію въ издательскомъ дѣлѣ и къ художественной красотѣ.



ИВАНЪ ДМИТРІЕВИЧЪ СЫТИНЪ.

Это было очень-очень давно, но, вспоминая это давнишнее прошлое, отчетливо встаетъ передо мною фигура Ивана Дмитріевича Сытина, съ именемъ котораго связано много свѣтлыхъ впечатлѣній моей жизни.

Въ 90-хъ годахъ прошлаго столѣтія мнѣ часто приходилось бывать въ деревнѣ и, живо интересуясь ея жизнью, я между прочими серьезными и очень важными пробѣлами, пополненіе которыхъ превышало, конечно, мои силы, огорчалась почти полнымъ отсутствіемъ книги для народа. Въ эти далекія времена царствовали почти исключительно лубочныя изданія съ грубѣйшимъ и невѣроятнѣйшимъ содержаніемъ, которыя только извращали и заполняли воображеніе и чувство людей, живущихъ исключительно скучными, безпросвѣтными будничными дѣлишками и заботами. Яркими звѣздочками свѣтились изданія „Посредника", но ихъ тогда было мало и мнѣ казалось неотложной необходимостью дать хорошую и разнообразную умственную и духовную пищу тѣмъ, кто жаждалъ и алкалъ новыхъ свѣтлыхъ впечатлѣній, новыхъ знаній, открытыхъ оконъ на свѣтъ Божій.

Подѣлившись моими мыслями съ хорошимъ моимъ знакомымъ В. П. Вахтеровымъ, исполнявшимъ тогда обязанности инспектора народныхъ училищъ въ Смоленской губ., я нашла въ немъ сердечный откликъ и полное сочувствіе; и не только сочувствіе на словахъ, но и

большую и цѣнную помощь въ надуманномъ мною дѣлѣ. Мы намѣтили вмѣстѣ списокъ произведеній, съ которыми желательно было ознакомить крестьянъ. Помимо чисто утилитарныхъ знаній, мы считали крайне желательнымъ расширить вообще кругозоръ нашихъ будущихъ читателей, дать имъ красочныя литературныя изображенія чисто литературныхъ произведеній, познакомить ихъ съ нашими писателями, не задаваясь никакими партійными или иными цѣлями и выбирая только красоту духовныхъ образовъ и таланта.

Благодаря дружескому ко мнѣ отношенію многихъ нашихъ писателей, я, подѣлившись съ ними моими намѣреніями, получила отъ В. Г. Короленко, Г. И. Успенскаго, П. Д. Боборыкина, Дмитріевой и нѣкоторыхъ другихъ разрѣшеніе выбирать изъ ихъ произведеній, что мнѣ покажется желательнымъ для безвозмездной перепечатки народнымъ изданіемъ, задача котораго должна была быть—наибольшее распространеніе и дешевизна.

Дѣлала я выборки изъ И. С. Тургенева, Достоевскаго, Некрасова, Никитина, Тютчева, гр. А. Толстого, Надсона, Жуковскаго, Фета, Шевченко и др., и составляла маленькіе сборники басенъ Хемницера и Крылова. В. П. Вахтеровъ составлялъ общедоступные очерки по разнымъ предметамъ наукъ, земскіе врачи составляли популярныя описанія нѣкоторыхъ болѣзней. Василій Порфирьевичъ и я искали въ житіи святыхъ самые яркіе образы и подвиги христіанской жизни и составляли на нихъ маленькіе очерки. И. Е. Рѣпинъ далъ рисунокъ для обложки.

Работа шла хорошо—рукописей было уже довольно много; но какъ ихъ издать, гдѣ найти издателя, и не столько издателя, сколько умѣлаго распространителя литературы среди народа?

Въ Петроградѣ я ничего и никого не нашла подходящаго, и, будучи въ Москвѣ, рѣшила обойти съ В. П. Вахтеровымъ всѣ главныя лубочныя издательства. Такъ какъ весь собранный матеріалъ и трудъ были безвозмездны—прибыль отъ продажи книжечекъ предоставлялась издателю, казалось, что въ Москвѣ, въ отзывчивой Москвѣ, найти желаемаго человѣка легко, но оказалось, что мы глубоко ошибались, и я никогда не забуду, съ какимъ разочарованіемъ и огорченіемъ мы переходили изъ одной лавки въ другую, всюду встрѣчая то же апатично-равнодушно-недовѣрчиво-насмѣшливое отношеніе. День былъ блестящій, солнечный, снѣгъ искрился огненными точками, но мнѣ казалось, что непроглядную тьму лубочныхъ издателей Никольскаго рынка ничто не освѣтитъ никогда. Не буду называть имена тѣхъ, кто насъ встрѣчалъ суровыми

отказами: вѣроятно, они давно забыли взволнованную женщину и сдержанно-сумрачнаго мужчину, которые ихъ убѣждали сначала въ полезности предлагаемаго предпріятія, а потомъ, въ его выгодности для предпринимателя. Но доводы эти не проникали черезъ ихъ рутинную броню. Кто просто махнетъ рукой и отвернется, любовно озирая полки, набитыя невообразимо вреднымъ сочинительствомъ. Кто свысока съ надменной увѣренностью въ прочности своей наживы, осматривая насъ съ головы до ногъ, и по мѣрѣ того, какъ мы объясняли причину нашего посѣщенія, недоброжелательно и подозрительно насъ изучали и искали опасной козни, скрываемой подъ нашими простыми словами. Никто даже не интересовался взглянуть на принесенныя нами рукописи. Встрѣтили одно исключеніе: добродушный какой-то старикъ выслушалъ насъ внимательно, съ маленькой иронической улыбочкой, но безъ раздраженія и презрѣнія, перелисталъ одну-двѣ рукописи, и, покачавъ сомнительно головой, согласился издать одну рукопись въ годъ и то въ ограниченномъ количествѣ экземпляровъ. „Какъ еще пойдетъ! Пожалуй—убытокъ“.

А мы-то мечтали о тысячахъ экземпляровъ, о наводненіи рынка нашими изданіями „Правда“ съ обложкой Рѣпина. Разочарованные, усталые, совсѣмъ не освѣдомленные о „царяхъ“ лубочнаго издательства, мы нерѣшительно вышли на улицу, спрашивая другъ друга, итти ли намъ на единственное полученное нами согласіе, низвергающее насъ съ высоты нашихъ вождѣленій въ какую-то безпредѣльную яму.

Оставалась еще одна „неизслѣдованная“ лавка. Рѣшили въ нее толкнуться безъ малѣйшей надежды на успѣхъ. Сразу насъ поразила какая-то иная атмосфера—оживленіе, вмѣсто спячки, наблюдаемой нами въ нашихъ неудачныхъ посѣщеніяхъ другихъ лавокъ того же рода: жизнь, работа, масса людей входящихъ, говорящихъ, выходящихъ, всѣ заняты какимъ-то спѣшнымъ дѣломъ. Помѣщеніе больше и какъ-то свѣтлѣе, чѣмъ другія, приказчики оживленные, услужливые, привѣтливые, быстро движущіеся. Точно попали въ другой міръ. Робко отвѣтили на вопросъ „что вамъ угодно“ и изложили вкратцѣ цѣль нашего посѣщенія. Вмѣсто презрительной, высокомѣрной и насмѣшливой улыбки, серьезная дѣловитость и благожелательное вниманіе.

Приказчикъ попросилъ насъ сѣсть и пошелъ звать хозяина, Ивана Дмитріевича Сытина, который немедленно подошелъ къ намъ, сразу же заинтересовался вопросомъ, сразу постигъ его цѣль и желательность этой цѣли, и тутъ же, безъ малѣйшаго колебанія, согласился напечатать

рукописи „сколько дадите“ и въ количествѣ 10.000 экземпляровъ перваго изданія по цѣнѣ $1^1/_2$ коп. за книжку.

Иванъ Дмитріевичъ объяснилъ намъ, какими онъ располагаетъ громадными средствами распространенія своихъ изданій въ деревнѣ, въ глуши, черезъ большую организацію офеней, проникающихъ въ самые забытые и темные углы Россіи, черезъ ярмарки, особенно въ Нижнемъ-Новгородѣ, куда стекаются люди со всѣхъ концовъ страны. Въ то время Сытинъ согласился тоже издавать книжки „Посредника“.

Я была въ восторгѣ и теперь, спустя такъ много лѣтъ и когда давно прекратила заниматься народными книгами, такъ какъ за „Правдой, изданіе В. И.“ послѣдовала такая масса другихъ прекрасныхъ изданій, что въ „Правдѣ“ уже не было особенной нужды, — я не могу безъ волненія вспомнить о моей первой встрѣчѣ съ Иваномъ Дмитріевичемъ Сытинымъ, такъ чутко, отзывчиво, умно и сердечно отнесшимся къ добрымъ намѣреніямъ и мечтамъ, которыя и остались бы лишь намѣреніями и мечтами, не найди я въ немъ столь благожелательнаго и энергичнаго ихъ исполнителя.

Напечатано было 64 названія, повторявшихся во многихъ изданіяхъ. Распространеніе ихъ было громадное, и русская деревня обязана многими часами свѣтлаго досуга тогда еще скромному хозяину небольшой лавки на Никольскомъ рынкѣ. Шлю ему сердечный и глубокій поклонъ за его поддержку и пониманіе чувствъ заботливой любви къ русскому народу.

Баронесса Варвара Икскуль.

А. ЛЕДНИЦКІЙ.

Съ Иваномъ Дмитріевичемъ Сытинымъ меня связываетъ давнишнее знакомство. У насъ былъ общій пріятель, мнѣ очень близкій человѣкъ, Викторъ Александровичъ Гольцевъ. Когда Вуколъ Михайловичъ Лавровъ отказался продолжать изданіе „Русской Мысли“ былъ собранъ нужный для изданія капиталъ и было рѣшено объявить меня и Ивана Дмитріевича офиціальными издателями. Но встрѣтилось небольшое препятствіе. Меня начальникъ Главнаго Управленія по дѣламъ печати Н. А. Звѣревъ, мой бывшій профессоръ, не утвердилъ издателемъ. Не утвердилъ по распоряженію В. К. Плеве, какъ объ этомъ мнѣ было объявлено. Такъ мнѣ и не пришлось вмѣстѣ съ Иваномъ Дмитріевичемъ издательствовать, но на собраніяхъ пайщиковъ „Русской Мысли“ приходилось часто встрѣчаться и мечтать о томъ, что теперь уже воплотилось въ жизнь, но что заставляетъ итти дальше и неуклонно по намѣченному пути развитія народовъ. „Новоюемъ“, говаривалъ Викторъ Александровичъ Гольцевъ.

Ледницкій.

А. КАЛМЫКОВА.

Мое первое знакомство съ Иваномъ Дмитріевичемъ Сытинымъ мнѣ очень памятно. Я пріѣхала весной 1883 года въ Москву по вызову Л. Н. Толстого, чтобы принять участіе въ работѣ тогда задуманнаго издательства „Посредникъ". Я нашла Л. Н. радостно озабоченнымъ. Онъ тотчасъ сталъ говорить мнѣ о значеніи издательства, для котораго пути распространенія изданнаго для народа будутъ обезпечены черезъ офеней-ходебщиковъ, издавна разносящихъ лубочную литературу и картины по всей Россіи въ самые отдаленные захолустные углы: „Ну, да объ этомъ всемъ еще будемъ много говорить съ вами, а сейчасъ идите познакомьтесь съ тѣмъ человѣкомъ, при помощи котораго мы надѣемся осуществить это хорошее дѣло", сказалъ мнѣ Л. Н. На мой вопросъ, гдѣ же я найду этого замѣчательнаго человѣка, Л. Н. далъ мнѣ слѣдующія указанія: „Идите на Ильинку, тамъ спросите книжную торговлю Сытина. У конторки въ невзрачной лавкѣ увидите человѣка молодого, съ живыми, пытливо всматривающимися глазами, это—и будетъ Сытинъ. Скажите, что пришли отъ меня, что будете работать въ нашемъ издательствѣ". Я пошла и очень скоро нашла лавку и Сытина. Онъ принялъ меня очень привѣтливо; во всей его манерѣ держать себя меня поразили серьезность, дѣловитость и то, что человѣкъ себѣ цѣну знаетъ.

Ближе я узнала и оцѣнила И. Д. черезъ нѣсколько лѣтъ, когда въ Петроградѣ открыла свой собственный книжный складъ, поставивъ себѣ цѣлью составленіе школьныхъ и народныхъ библіотекъ, и когда приняла ближайшее участіе въ издательской Комиссіи Спб. Комитета Грамотности при Императорскомъ Вольномъ Эконом. Обществѣ. Складу моему приходилось закупать большое количество дешевыхъ изданій, почему я и стала въ постоянныя сношенія съ И. Д. Сытинымъ.

Это былъ періодъ, когда его издательство и торговля еще только начинали развиваться. Большимъ собственнымъ капиталомъ И. Д. не обладалъ и пришлось ему вступить въ компанію съ отдѣльными лицами, согласившимися вложить въ дѣло свои деньги. Тутъ-то мнѣ пришлось увидѣть и оцѣнить основныя черты личности И. Д. Сытина. Ему предстояло разрѣшить трудную задачу: здоровымъ практическимъ смысломъ онъ понималъ, что долженъ работать производительно на прежній книжный рынокъ, отправлять лубочный товаръ—книги и картины, для которыхъ сбытъ обезпеченъ, а также прибыль для фирмы. Этого только и требовали компаньоны И. Д. Сытина. Но его душа горѣла желаніемъ расширить дѣло, повести его по новымъ путямъ, создать новый товаръ иной, лучшій, чѣмъ онъ былъ до тѣхъ поръ у издателей, работавшихъ для рынка лубочныхъ издѣлій. На этомъ новомъ пути фирмѣ предстояли не вѣрные барыши, а рискъ, большой рискъ. И. Д. не боялся этого риска, шелъ на убытки, твердо вѣрилъ въ необходимость привлечь на работу сотрудниковъ изъ интеллигенціи и за все это выдерживалъ не легкую борьбу съ компаньонами вплоть до утвержденія Т-ва и до достиженія первыхъ матеріальныхъ успѣховъ, вполнѣ оправдавшихъ вѣрность пути, избраннаго имъ.

Памятно мнѣ то вниманіе и увлеченіе, съ которымъ И. Д. разсматривалъ у меня въ складѣ привезенныя мной изъ-за границы лучшія наглядныя пособія по части картинъ издательскихъ фирмъ Парижа, Вѣны, Лейпцига, Дрездена, Мюнхена, Штутгарта; какъ умно разбирался въ нихъ, быстро опредѣляя, что изъ нихъ можно позаимствовать для издательства въ первую очередь; какъ мечталъ о поѣздкѣ за границу для ознакомленія на мѣстѣ съ техническими пріемами производства и съ лучшими машинами для типографскаго и литографскаго дѣла.

Да, только благодаря этимъ чертамъ личности И. Д. Сытина, фирмѣ Т-ва удалось развить дѣло до той высоты и размѣровъ, какихъ она достигла въ настоящее время. О всемъ этомъ хорошемъ прошломъ въ жизни И. Д. вспоминаю и съ добрымъ чувствомъ свидѣтельствую ко дню исполненія пятидесятилѣтія его дѣятельности.

А. Каменькова

Кн. Г. ЛЬВОВЪ.

Я не знаю исторіи жизни Ивана Дмитріевича Сытина, но съ его именемъ связана у меня въ памяти вся исторія русскаго просвѣщенія за послѣдніе полвѣка. Впервые имя его связано въ моей памяти съ турецкой войной. Помню, какъ всѣхъ обрадовала и освѣтила изданная имъ тогда карта нашего театра военныхъ дѣйствій на Балканахъ. Онъ началъ свою дѣятельность офеней и до конца остался вѣренъ своему любимому дѣлу. Но, неутомимо прокладывая дорогу просвѣщенію въ глушь и дебри необъятной Русской равнины, онъ самъ росъ въ своемъ дѣлѣ и несъ въ народъ все болѣе цѣнный и дорогой товаръ. Лубочныя картины и книжки скоро замѣнились изданіями „Посредника", связавшаго имя Ивана Дмитріевича съ именемъ гр. Льва Николаевича Толстого. Затѣмъ онъ создалъ крупное книгоиздательство и наконецъ газету. Вотъ пути, которые прокладывалъ Иванъ Дмитріевичъ русскому просвѣщенію. Исторія пріобщенія деревни, народныхъ массъ къ печатному слову, къ русской литературѣ, къ просвѣщенію, народная школа и популяризація знанія тѣсно связаны съ его именемъ.

Практическій дѣятель широкаго размаха, Иванъ Дмитріевичъ соединилъ свою творческую работу съ идеей служенія народу въ самыхъ

высокихъ путяхъ его. Онъ создавалъ культурныя орудія для обработки духовной нивы, облегчалъ средства проникновенія въ темную жизнь свѣтлыхъ идей лучшихъ нашихъ умовъ и талантовъ. Заслуги его передъ родиной велики и неоспоримы.

Кн. Г. Львовъ.

М. М. Гермашевъ.

Торговля книгами и картинами на вербномъ базарѣ.

ВОСПОМИНАНІЕ.

К. МАЗИНГЪ.

Это было давно, болѣе 40 лѣтъ тому назадъ. Въ Москвѣ существовалъ Комитетъ Грамотности, основанный просвѣщенными помѣщиками при Московскомъ Обществѣ Сельскаго Хозяйства и закрытый правительствомъ въ годы реакціи. Предсѣдателемъ былъ І. Н. Шатиловъ; составъ активныхъ дѣятелей былъ самый разнообразный. Можетъ даже показаться, что элементы, входившіе въ Комитетъ, были противорѣчивы. Я помню въ засѣданіяхъ Л. Н. Толстого и московскаго цензора Рахманинова, многихъ прогрессивныхъ педагоговъ и помѣщиковъ, еще не забывшихъ крѣпостного права. Дебатировались вопросы и даже дѣлались опыты на фабрикѣ С. В. Ганешина для испытанія того, какъ лучше обучать грамотѣ: по звуковому методу или по буквослагательному. Были члены, высказывавшіе опасеніе, какъ бы распространеніе грамотности не развило поддѣлки паспортовъ, приводились факты въ подтвержденіе этой возможности. Въ это же время Комитетъ заботился о распространеніи хорошихъ книгъ среди населенія. Нѣсколько знаменитыхъ писателей, назову Л. Н. Толстого и И. С. Тургенева, предоставили Комитету выбрать, что онъ найдетъ нужнымъ изъ ихъ произведеній, и распоряжаться по усмотрѣнію Комитета Грамотности. Въ пер-

вую очередь представились затрудненія съ цензурой. На обложкѣ „Севастопольскихъ разсказовъ“ Л. Н. Толстого проектировалась виньетка, часть кремлевской стѣны съ башней. Это было недопустимо: вѣдь на эту башню, по сообщенію цензора и члена Комитета, былъ перенесенъ вѣчевой колоколъ изъ Новгорода! Разсказъ „Муму“ тоже вызвалъ сомнѣніе, часть его нужно было выкинуть, для чего просили разрѣшенія И. С. Тургенева. Но вотъ поставленъ вопросъ о способахъ распространенія изданій въ народѣ и о количествѣ необходимыхъ экземпляровъ. Одни думали печатать 3600 экз., другіе доходили до 7200; сколько помнится, остановились на 6000 экз., какъ предѣлѣ возможнаго распространенія книги для народа. При обсужденіи этого вопроса въ первый разъ познакомился я съ И. Д. Сытинымъ. Пришелъ въ засѣданіе молодой человѣкъ, очень стѣсняющійся въ мало знакомой компаніи, и сталъ говорить, что поле распространенія народныхъ книгъ въ Россіи безгранично. Издатели и книгопродавцы страдаютъ отъ того, что имъ приходится распространять плохую книгу, а не хорошаго автора. Но способы распространенія, которыхъ придерживаются авторы и просвѣтительныя общества, не обезпечиваютъ широкаго распространенія книги. Нельзя ждать, чтобы малограмотный народъ поѣхалъ въ городъ, чтобы купить книгу, ему нужно принести ее такъ же, какъ приносятъ всякій товаръ. Книга, какъ хорошая, такъ и плохая, есть товаръ и не слѣдуетъ думать, что къ книгѣ народъ примѣнитъ другую мѣрку, чѣмъ къ любому товару, что плохую книгу предпочтетъ хорошей. Кромѣ внутренняго достоинства, книга должна быть дешева, чтобы быть доступной покупателю, и должна быть тамъ, гдѣ народъ покупаетъ себѣ другой товаръ. Книга должна быть на любомъ рынкѣ, на ярмаркѣ, въ лавкѣ не только спеціально книжной, но въ лавкѣ всякаго другого товара и въ узлѣ всякаго разносчика. Пока этого не будетъ сдѣлано, будутъ вестись дебаты о 3000 или 6000 экз., а на самомъ дѣлѣ Россія требуетъ, чтобы печатались сотни тысячъ экземпляровъ; но, напечатавъ, не нужно ждать, пока крестьянинъ придетъ за книгою, а преподнести ему на удобныхъ условіяхъ. И. Д. Сытинъ убѣжденъ, что въ народѣ нѣтъ предубѣжденія относительно серьезныхъ и хорошихъ книгъ, напротивъ, онъ уже самъ разбирается въ нихъ. Рекомендація односельчанъ для распространенія книги самое дѣйствительное средство. И скоро придетъ время, говорилось болѣе 40 лѣтъ тому назадъ, что вся литература сдѣлается доступною народу.

Я вспомнилъ эту старину, этотъ зародышъ единенія книгоиздателя и автора. Связь эта уже расширилась и укрѣпилась. Пожелаемъ, чтобы мысли И. Д. Сытина, высказанныя имъ въ его юности, были завѣтомъ для его многочисленныхъ сотрудниковъ въ широко развившемся издательскомъ предпріятіи.

К. Маслинъ

А. Ѳ. Гаушъ. Въ деревнѣ.

СТРАНИЦА ИЗЪ ИСТОРІИ ПРЕОБРАЗОВАНІЯ ЛУБОЧНЫХЪ КНИГЪ.

Имя Ивана Дмитріевича Сытина тѣсно соединено съ начинаніемъ, которое нынѣ уже отошло въ область прошлаго, сдѣлавъ свое дѣло вполнѣ успѣшно. Когда Владиміръ Григорьевичъ Чертковъ приступилъ къ своей просвѣтительной дѣятельности, онъ обратилъ особенное вниманіе на то обстоятельство, что народныя массы главную духовную свою пищу почерпаютъ изъ такъ называемыхъ лубочныхъ книгъ, того, что на языкѣ восьмидесятыхъ годовъ носило не совсѣмъ правильное, но прочно укоренившееся названіе „произведеній Леухиныхъ и Манухиныхъ". Чертковъ не могъ не замѣтить, что всѣ попытки интеллигенціи замѣнить эти плохія „листовки" своими, лучшими книгами не имѣли успѣха. Просвѣтительныя общества и частныя лица совершенно не знали условій деревенскаго книжнаго рынка, и ихъ книжка, зачастую слишкомъ дорогая, а главное—съ обозначенной на ней цѣною, мѣшавшей свободному переходу книжки изъ одной торговой руки въ другую, съ соотвѣтствующей надбавкой, почти не шла дальше школы или одиночнаго, случайнаго читателя. Чертковъ понималъ хорошо, что для успѣшности борьбы съ „лубкомъ" надо было войти въ его среду и, кромѣ того, надо было найти человѣка, который бы понялъ и смыслъ и возможность этой борьбы и вмѣстѣ съ тѣмъ зналъ бы рынокъ лубка. Этимъ

человѣкомъ и былъ Иванъ Дмитріевичъ Сытинъ. Исторія „Посредникъ", который возникъ изъ совмѣстной работы гр. Л. Н. Толстого, В. Г. Черткова, П. И. Бирюкова и И. Д. Сытина, отчасти уже извѣстна, а затѣмъ, очевидно, будетъ освѣщена полностью въ виду того громаднаго значенія, какое „Посредникъ" имѣлъ для русскаго просвѣщенія. Мы не будемъ касаться ея здѣсь, намъ хотѣлось бы только сказать нѣсколько словъ о связи И. Д. Сытина, черезъ В. Г. Черткова, съ небольшимъ кружкомъ молодежи, который подъ вліяніемъ Льва Николаевича увлекся вопросомъ книгъ для народа.

Въ кружокъ этотъ входили: В. Г. Чертковъ, П. И. Бирюковъ, А. К. Дидерихсъ, Ф. Ф. Ольденбургъ, С. Ф. Ольденбургъ, А. Н. Сиротинина (впослѣдствіи кн. Шаховская), Н. Г. Старицкая (впослѣдствіи Вернадская), А. П. Тимоѳеева (впослѣдствіи Ольденбургъ), кн. Д. И. Шаховской. Кружокъ этотъ былъ близокъ съ Б. Э. Кетрицемъ, который самостоятельно издавалъ книжки для народа, Е. И. Свѣшниковой, которая, чтобы доказать возможность изданія листовокъ и въ Петроградѣ издала въ 1886 году свой разсказъ „Козьма Мининъ", а затѣмъ дала нѣсколько книжекъ „Посреднику" и другимъ издателямъ для народа. Близка была къ этому кружку и А. М. Калмыкова, переѣхавшая изъ Харькова, гдѣ она стала извѣстной, какъ одна изъ главныхъ сотрудницъ книгъ „Что читать народу", въ Петроградѣ; здѣсь она много занималась литературою для народа и съ самаго начала примкнула къ „Посреднику".

Упоминаемый мною кружокъ ставилъ себѣ, главнымъ образомъ, цѣлью изученіе литературы для народа, но естественно принялъ участіе въ разныхъ предпріятіяхъ, связанныхъ съ народнымъ образованіемъ: онъ участвовалъ въ учрежденіи первыхъ безплатныхъ народныхъ читаленъ въ Петроградѣ, въ составленіи списковъ „лучшихъ книгъ", въ Комитетѣ Грамотности и т. п. Наконецъ вопросъ о лубочной книгѣ, столь успѣшно двинутый В. Г. Чертковымъ, привлекъ къ себѣ вниманіе и членовъ кружка: черезъ Черткова члены его передали И. Д. Сытину нѣсколько книгъ, которыя онъ издалъ, и новыя изданія, которыхъ мнѣ пришлось видѣть еще и въ послѣдніе годы. Анна Николаевна Сиротинина передѣлала двѣ сказки Андерсена, которыя и вышли подъ заглавіемъ „Царевна-русалка" и „Двѣнадцать братьевъ Лебедей и Царевна Золотая звѣзда"; Наталія Георгіевна Старицкая обработала „Дѣлателей золота" Цшоке, А. П. Тимоѳеева „Мучениковъ" Шатобріана (книжка эта потомъ была кѣмъ-то переведена на польскій языкъ и издана тоже какъ народная

книжка), Сергѣй Ѳедоровичъ Ольденбургъ передѣлалъ индійскую народную сказку изъ средней Индіи подъ заглавіемъ „Индійская сказка о двухъ братьяхъ“. Всѣ эти книжки, конечно, по условіямъ лубочной литературы вышли безъ именъ авторовъ. Теперь лубочная книга отживаетъ свой вѣкъ, деревнѣ сдѣлались доступными много книгъ, о существованіи которыхъ она и не подозрѣвала тридцать лѣтъ тому назадъ. Теперь-то и пожинаются плоды той работы, которая, тогда была начата Чертковымъ и Сытинымъ: Сытинъ угадалъ большую силу и жизненность, лежавшія въ основѣ этого дѣла, — пробуждавшаяся Россія, еще скованная тогда тяжкими условіями жизни, жаждала свѣта и книги. Но нужно было итти впередъ осторожно, пользоваться проторенными лубкомъ путями въ деревню: какъ недовѣрчивая и темная она принимала охотно только то, что ей было извѣстно издавна, и боялась всякаго новшества. И Сытинъ понималъ, что на этотъ новый путь можно уже вступить только въ союзѣ съ силами умственными и культурными, что онъ и сдѣлалъ и въ чемъ великая его заслуга.

Вспоминая теперь, черезъ тридцать лѣтъ, скромную страничку изъ прошлой совмѣстной заботы молодой интеллигенціи съ Иваномъ Дмитріевичемъ, пожелаемъ ему въ день пятидесятилѣтія его дѣятельности продолжать такъ же широко и успѣшно его творчество на пользу русской книги.

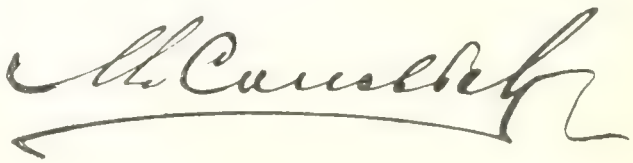
Сергѣй Ольденбургъ.

М. СОЛОВЬЕВЪ.

Я знаю И. Д. Сытина съ 1877 г., когда онъ былъ еще завѣдующимъ книжной торговлей П. Н. Шарапова. Въ 1876 г. въ сентябрѣ мѣсяцѣ И. Д. открылъ въ Москвѣ литографію на имя П. Н. Шарапова, на Воронухиной горѣ, близъ Дорогомиловскаго моста, въ домѣ Кравцова, куда я поступилъ въ январѣ 1877 г. въ качествѣ рисовальщика по камню. Вначалѣ производство было небольшое, литографія имѣла помѣщеніе въ три комнаты съ одной литографской машиной. Небольшая квартира И. Д. помѣщалась рядомъ съ литографіей, такъ что мы, мастера, имѣя тутъ же столъ и квартиру, постоянно встрѣчались съ семьей И. Д. и чувствовали себя какъ бы членами ея, благодаря добрымъ и заботливымъ отношеніямъ къ намъ супруги И. Д., добрѣйшей Евдокіи Ивановны. Послѣ занятій по вечерамъ иногда И. Д. приглашалъ насъ, мастеровъ, къ себѣ и за чайкомъ, который любезно предлагала Е. И., обсуждались наши текущія и будущія дѣла. Е. И. тоже высказывала свои мнѣнія, интересовалась дѣломъ и обсуждала свои хозяйственныя дѣла. Вставалъ И. Д. рано, самъ разрѣзалъ картины, завязывалъ ихъ въ пачки и увозилъ въ городъ въ лавку. Каждую свободную минуту онъ посвящалъ литографіи, обходилъ мастеровъ, смотрѣлъ, что сдѣлано, указывалъ, что и какъ нужно дѣлать. Картины печатались больше духовнаго содержанія, царскіе портреты и изъ жизни народа. По вечерамъ въ общей бесѣдѣ И. Д. нерѣдко посвящалъ насъ въ торговыя дѣла,

сообщалъ намъ, что картины наши идутъ хорошо, покупателямъ нравятся, сокрушался, что мало сортовъ, разнообразія, но съ одной машиной трудно было что-либо сдѣлать большее. Назрѣлъ восточный вопросъ. Объявлена турецкая война. Нужны стали военныя картины и книги. Съ удвоенной энергіей принялся И. Д. за дѣло, приглашалъ художниковъ для составленія оригиналовъ. Усиленный спросъ картинъ заставилъ заказать новую литографскую машину.

Приходилось мнѣ видѣть И. Д. въ лавкѣ среди его покупателей. Покупатели были по большей части офени, не знающіе, чѣмъ имъ торговать и что имъ нужно, многіе изъ нихъ были неграмотные и о достоинствѣ книги судили по обложкѣ. Отношенія ихъ къ И. Д. основывались на довѣріи, и частенько приходилось слышать, какъ сѣрый мужичокъ офеня, обращаясь къ И. Д., говорилъ: „Мнѣ нужно товара на сто или на двѣсти рублей, ты ужъ подбери мнѣ книги и картины, пожалуйста, получше, ты вѣдь лучше знаешь, что мнѣ надо". И. Д. подбиралъ умѣло и многимъ даже отпускалъ въ кредитъ, и офеня, уѣзжая въ дальніе города, разносилъ славу объ И. Д. по всей Россіи. Для каждаго покупателя находилось у И. Д. время поговорить о торговлѣ, о томъ, какой товаръ гдѣ лучше идетъ. А то, бывало, идетъ съ ними въ трактиръ чай пить и угощаетъ ихъ, какъ хорошихъ и добрыхъ друзей. Офени такъ любили И. Д., что по пріѣздѣ въ Москву первымъ долгомъ спѣшили выразить благодарность И. Д. лично отъ себя и отъ читателей далекой Россіи, уплатить долгъ и сдѣлать новый заказъ. Благодаря такому отношенію офени шли безъ конца. Дѣло книжное и картинное развивалось быстро, несмотря на конкуренцію. И вотъ уже пятьдесятъ лѣтъ прошло этой кипучей дѣятельности на пользу просвѣщенія, о чемъ потомкамъ будетъ говорить Домъ Книги, устрояемый въ честь И. Д. его друзьями. Теперь дѣло развилось до громадныхъ размѣровъ, теперь И. Д. король въ своемъ дѣлѣ, извѣстенъ во всемъ мірѣ. Остается только пожелать И. Д. здоровья, бодрости и еще большаго преуспѣянія въ его работѣ.



Е. ТИХОМИРОВА.

Съ особеннымъ удовольствіемъ вспоминаю нашу первую встрѣчу съ Вами, Иванъ Дмитріевичъ, въ Московскомъ Комитетѣ Грамотности въ тѣ времена, когда такъ горячо обсуждались тамъ вопросы о просвѣщеніи народа. Много говорилось тогда о томъ, что долженъ читать народъ, высказывались сожалѣнія, что народъ питается плохой, лубочной литературой. Вы чутко прислушивались ко всѣмъ этимъ рѣчамъ, и Вы первый предложили свои услуги въ изданіи хорошихъ книгъ для народа. Вы первый замѣнили „Милордовъ Англійскихъ" и „Ерусланов Лазаревичей" книжками Толстого и вмѣсто прежнихъ безобразныхъ лубочныхъ картинъ дали народу прекрасныя народныя картины.

Мало того, что Вы издали хорошія книжки и картинки, Вы сумѣли, со свойственной Вамъ энергіей, широко распространить ихъ въ народѣ.

Вы явились въ то время истиннымъ преобразователемъ народнаго издательства.

Много разъ послѣ Вы поражали своей энергіей и своимъ широкимъ размахомъ въ книжномъ дѣлѣ, но все же первыя Ваши выступленія въ Комитетѣ Грамотности направили и опредѣлили Вашу дальнѣйшую дѣятельность, и меня радуетъ, что я была свидѣтельницей этихъ первыхъ Вашихъ шаговъ.

Е. Тихомирова.

В. ЧЕРТКОВЪ.

Съ Иваномъ Дмитріевичемъ Сытинымъ меня связываетъ давнишняя личная дружба, возникшая и утвердившаяся на почвѣ совмѣстной работы въ области народной литературы.

На ряду съ поглощающей насъ лихорадочной внѣшней дѣятельностью, не имѣющею ничего общаго съ нашимъ высшимъ сознаніемъ,— у каждаго, я думаю, существуетъ такая область, въ которой ему удается внѣшне проявлять хотя бы частичку того, что есть въ немъ самаго святого. Все связанное именно съ этой дѣятельностью намъ доставляетъ, разумѣется, совсѣмъ особенное удовлетвореніе. И когда мы впослѣдствіи вспоминаемъ о ней, то она всегда представляется намъ въ видѣ свѣтлаго оазиса среди пройденнаго, слишкомъ духовно безсодержательнаго жизненнаго пути. По крайней мѣрѣ, такимъ радостнымъ воспоминаніемъ является теперь для меня, а также, какъ мнѣ извѣстно, и для Ивана Дмитріевича, наша совмѣстная издательская работа съ самаго времени возникновенія книгоиздательства „Посредникъ“ въ 1885 году.

Душой этого дѣла былъ, какъ извѣстно, Левъ Николаевичъ Толстой, который лично принималъ въ немъ самое дѣятельное участіе, вмѣстѣ съ тѣмъ привлекая къ этой работѣ и лучшія литературныя и художественныя силы.

Но, какъ бы талантливъ и даже геніаленъ ни былъ писатель, работа его можетъ оказаться мало извѣстной милліонамъ его современниковъ, если на помощь къ нему не придутъ печатный станокъ и необходимая организація для распространенія его писаній.

Въ Россіи такимъ распространителемъ писаній Толстого—и притомъ распространителемъ замѣчательно умѣлымъ—былъ И. Д. Сытинъ.

Наши книжки и картинки, предоставленныя ему для распространенія черезъ обширную сѣть его книгоношъ и офеней, сразу стали расходиться среди народа въ милліонахъ экземпляровъ. И въ настоящее время является общепризнаннымъ фактомъ то, что этимъ предпріятіемъ положено начало новой эры развитія русской общедоступной просвѣтительной литературы. При этомъ Иванъ Дмитріевичъ не только прилагалъ къ дѣлу свойственныя ему исключительныя дѣловыя способности, смѣлую предпріимчивость и широкій размахъ, но и относился къ этому новому предпріятію съ особенной любовью и сознаніемъ ея высокой задачи.

Не имѣю возможности входить здѣсь въ подробное изложеніе цѣлей, преслѣдуемыхъ „Посредникомъ“, и въ описаніе того, какъ дѣло это началось и развивалось. Результаты налицо и у всѣхъ передъ глазами. Здѣсь же скажу только, что мнѣ особенно пріятно, что мое общеніе съ Иваномъ Дмитріевичемъ было все сплошь связано съ этой, одной изъ самыхъ для меня радостныхъ, сторонъ моей дѣятельности. Вслѣдствіе этого я съ особеннымъ удовольствіемъ вспоминаю какъ свое первое знакомство съ нимъ, такъ и всѣ наши дальнѣйшія сношенія въ теченіе истекшихъ съ того времени болѣе тридцати лѣтъ,—сношеній, всегда руководимыхъ исключительно одними только интересами нашего общаго дѣла и ни разу не затемненныхъ никакими ни разрывами, ни личными столкновеніями.

Такое же отношеніе я испытывалъ со стороны Ивана Дмитріевича и въ связи съ другими совмѣстно нами осуществленными изданіями: „Посмертныхъ Художественныхъ Произведеній“ Льва Николаевича и удешевленнаго „Полнаго Собранія Сочиненій Л. Н. Толстого“, обезпечившими возможность выкупить у семьи Толстыхъ въ пользу мѣстныхъ крестьянъ часть Яснополянскаго имѣнія.

Очень надѣюсь, что при дальнѣйшемъ добромъ содѣйствіи Ивана Дмитріевича возможно будетъ съ прежнимъ успѣхомъ осуществить и еще нѣкоторыя издательскія задачи, весьма крупнаго значенія, также связанныя съ писаніями Л. Н. Толстого.

Съ особенною радостью пользуюсь настоящимъ случаемъ для того, чтобы выразить дорогому Ивану Дмитріевичу мою самую горячую благодарность за его неизмѣнныя довѣріе и сердечное расположеніе ко мнѣ и пожелать ему еще много лѣтъ прожить среди насъ, продолжая осуществлять въ этой отрасли своего издательскаго дѣла то лучшее, что есть въ его душѣ.

В. Чертковъ.

КНИГА

А. Васнецовъ.

КНИЖНЫЯ ЛАВОЧКИ НА СПАССКОМЪ МОСТУ ВЪ НАЧАЛѢ XVII ВѢКА.

„Великій торгъ“ древней Москвы — современная намъ Красная площадь — имѣлъ для книжной торговли опредѣленное мѣсто, какъ и для всякаго рода товара въ отдѣльности: иконный рядъ, скобяной, ножовый, пряничный и т. д. Книжная торговля производилась на Спасскомъ мосту, у Фроловской башни, и поблизости его, противъ теперешнихъ Спасскихъ или Святыхъ воротъ Кремля. Мостъ этотъ былъ каменный и, судя по сохранившимся изображеніямъ, имѣлъ четыре арки, перекинутыя черезъ ровъ, наполненный водой и заключенный между двумя зубчатыми стѣнами. Сооруженный при отцѣ Грознаго Василіи Іоанновичѣ, онъ просуществовалъ до самаго конца XVIII вѣка, а, быть-можетъ, захватилъ и начало XIX, такъ какъ о книжныхъ лавочкахъ у Спасскаго моста упоминается въ 1811 году. Былъ онъ разобранъ или засыпанъ землей — не-

извѣстно. Ровъ, обложенный кирпичомъ, сохранился, по крайней мѣрѣ, до нашихъ дней подъ землей. Искони городскіе мосты, какъ мѣста наибольшаго стеченія народа, были удобнымъ мѣстомъ для бойкой торговли. На старомъ каменномъ мосту черезъ Москву-рѣку помѣщались лавочки съ краснымъ товаромъ и пивомъ, куда праздные москвичи въ XVIII в. ѣздили нарочно выпить кружку пива и, подъ шумъ водяныхъ мельницъ подъ мостомъ, полюбоваться прекраснымъ видомъ на Кремль. Подобное явленіе—существованіе на мостахъ лавокъ—мы замѣчаемъ и въ Западной Европѣ: мосты древняго Парижа и Лондона были сплошь уставлены деревянными лавками, а Ponto Veccio во Флоренціи до сихъ поръ бойко торгуетъ разной „мишурой" въ живописныхъ своихъ лавочкахъ надъ бурливымъ Арно.

Книжная торговля пріютилась на Спасскомъ мосту не безъ причины. Святыя ворота, особенно чтимое мѣсто, требовали и соотвѣтствующаго содержанія предметовъ торговли; рукописныя и печатныя книги религіознаго содержанія болѣе всего отвѣчали этому назначенію. Впослѣдствіи незамѣтно проникли въ эти лавочки рукописи и произведенія печати и свѣтскаго характера: букварн, травники, пчелы и сборники, пѣсенники и т. д. Здѣсь, вѣроятно, можно было найти рукописныя произведенія, ставшія впослѣдствіи образцомъ народнаго творчества; грамотей, любитель-книгочій могъ отыскать въ этихъ лавочкахъ тетрадь съ повѣстью о „Горѣ и Злосчастіи", „Словомъ о полку Игоревѣ" и былинами объ Ильѣ Муромцѣ и Васькѣ Буслаевѣ. Простымъ народомъ охотно раскупались здѣсь и „печатные листы" — лубочныя картины самаго разнообразнаго содержанія, начиная отъ „оракула" и „Какъ мыши кота хоронили" и кончая изображеніемъ „птицы Сирина", „Егорія Храбраго" и „Страшнаго суда". Хотя такого рода печатными произведеніями торговали больше у „Троицы на Листахъ" на Срѣтенкѣ, гдѣ и печатались и раскрашивались мастерами-кустарями.

Особенно процвѣтала книжная торговля на Спасскомъ мосту въ XVIII вѣкѣ. Здѣсь находилось даже особое учрежденіе, обслуживающее печатное дѣло—библіотека; учрежденіе настолько солидное, что обозначалось даже на планѣ Москвы. Это не была „библіотека" въ значеніи, принимаемомъ теперь, а была обширнѣе другихъ богатая книжная лавка. Въ „Вѣдомостяхъ" восьмисотыхъ годовъ часто помѣщаются публикаціи о продажѣ того или другого изданія.

Первымъ изъ здѣшнихъ торговцевъ книгами сталъ печатать въ „Вѣдомостяхъ" объявленія о своей торговлѣ московскій второй гильдіи ку-

пецъ Михайла Антиповъ, помѣстившій въ № 61 „Вѣдомостей“ 1765 г. августа 2-го извѣстіе, что въ книжной его лавкѣ, состоящей на Спасскомъ мосту, „продается вновь напечатанная книга, называемая „Нравоучительная философія, первый томъ“. Въ 1766 г. онъ опять заявилъ въ № 43 „Вѣдомостей“, что продаются у него новонапечатанныя книги: „Священная исторія“, 2 р. 20 к., и „Философія Нравоучительная“, первая и вторая части, по 1 р. 20 к., при чемъ и уступка въ цѣнѣ быть можетъ.

Въ 1768 г. печатаетъ объявленія и другой книгопродавецъ на Спасскомъ мосту, моск. купецъ Яковъ Аѳан. Добрынинъ, извѣщавшій публику 18 ноября о продажѣ въ его лавкѣ вновь изъ печати вышедшихъ петербургскихъ россійскихъ и нѣмецкихъ календарей на 1769 годъ („М. В.“, 1768 г., № 93, 97), кромѣ другихъ книгъ. Этотъ Добрынинъ находился въ прямыхъ сношеніяхъ съ Академіею Наукъ, которая въ томъ же году, генваря 23, № 7, извѣщала, что ея изданія продаются въ его лавкѣ, а окт. 31 („М. В.“, № 88) извѣщала, что остающіяся въ ея книжной лавкѣ иностранныя на разныхъ языкахъ книги будутъ продаваться черезъ аукціонъ, для чего составлена и роспись тѣмъ книгамъ для раздачи охотникамъ безденежно, присовокупляя, что эта раздача производится на Спасскомъ мосту, въ книжной лавкѣ купца Добрынина.

Съ самаго начала 1769 г. Спасскій мостъ все чаще и чаще сталъ объявлять о своей торговлѣ разнородными книгами. Въ № 4 „Вѣдомостей“, генв. 13, тотъ же Добрынинъ повторяетъ о продажѣ академическихъ календарей и, между прочимъ, о продажѣ полныхъ экземпляровъ Ролленевой Древней и Римской Исторіи. Въ № 7 генв. 23 онъ публиковалъ о продажѣ Пересмѣшника или Славенскихъ сказокъ 4-й томъ.

Въ № 20 марта 10 публиковалъ о продажѣ у него ежемѣсячнаго сочиненія подъ титуломъ „Ни то ни се“, предлагая покупать порознь всякую недѣлю, считая каждый листъ по 3 копейки, такъ и во весь годъ, заплатя впередъ 1 р. 38 коп.—Въ № 24 продаетъ полумѣсячное изданіе подъ титуломъ „Полезное съ пріятнымъ“ по 15 коп., также еженедѣльныя сочиненія „То и се“, по 4 коп. листъ, во весь годъ 2 р. —Въ № 73 продаетъ „Похожденіе Ахиллесово“; сказки стихами, по 27 коп.; еженедѣльные листы „Смѣсь“, 21 коп. листъ; „И то и се“, по 4 коп. листъ; „Всякая всячина“, по 4 коп. листъ, которыхъ можно и впредь получать новые листы по вторникамъ (№ 78).

Въ томъ же 1769 г. сталъ объявлять въ „Вѣдомостяхъ“ и другой книготорговецъ Спасскаго моста, купецъ Гаврила Ильинъ. Въ № 59 газеты онъ объявлялъ, что въ его лавкѣ продаются: ежемѣсячное сочиненіе

„Адская Почта или переписка хромоногаго бѣса съ Кривымъ“ каждаго мѣсяца, экземпляръ 23 коп.; сочиненіе еженедѣльное подъ заглавіемъ „Трутень“, каждой недѣли, экземпляръ по 4 коп.; вновь напечатанная книжка „Любовный Лексиконъ, приписанный красавицамъ съ фигурами на бѣлой бумагѣ, по 10 коп. экземпляръ“.

Къ концу года 17 ноября въ № 92 „Вѣдомостей“ появилось объявленіе новаго книготорговца на Спаскомъ мосту, Алексѣя Колокольникова, который извѣщалъ, что въ его лавкахъ у его сидѣльцевъ Степана Пантелеева и Ивана Афончикова продаются: „Адская Почта“, „Ода изъ взятія Хотина“, „Христовы о блаженствахъ проповѣди“ и „Россійская Исторія“, три тома, сочиненіе Ѳед. Емина. Иванъ Афончиковъ въ концѣ 1770 г. является уже купцомъ, содержащимъ на Спасскомъ мосту свою книжную лавку, отъ которой объявлялъ о продажѣ книгъ 38 названій („М. В.“, 1770 г., № 95).

Прежній книгопродавецъ Добрынинъ въ № 99 „Вѣдомостей“ публиковалъ о своей лавкѣ, не обозначая Спасскаго моста, а увѣдомлялъ, что его лавка состоитъ у Спасскихъ воротъ. Но въ 1770 г., № 19, онъ снова указываетъ, что книжная лавка его находится на Спасскомъ мосту, при чемъ объявляетъ о продажѣ „Трутня“, „И то и се“, „Смѣси“. Въ этомъ году онъ довольно часто публикуетъ о продажѣ книгъ, иногда въ большомъ количествѣ, при чемъ сатирическія изданія къ концу года уже вовсе не упоминаются. Однако на смѣну этихъ изданій въ 1772 г. является знаменитый Новиковскій „Живописецъ“. Добрынинъ, пользуется случаемъ и въ № 55 „Вѣдомостей“ печатаетъ обширное объявленіе о продажѣ новыхъ книгъ, числомъ 38 названій и въ томъ числѣ на первомъ мѣстѣ „Живописецъ еженедѣльное сочиненіе на 1772 г.“, по подпискѣ за весь годъ 2 р. 20 коп.; и далѣе, между прочимъ, комедія „О Время“; „Трудолюбивый Муравей“; поэма „Елисей Ямщикъ“; „Десертные любовные билеты“ по 19 коп.; „Игра, называемая Вистъ“, по 40 коп.; „Собраніе россійскихъ пѣсенъ“, двѣ части 2 р. 20 коп. Но тутъ же вперемѣшку указано немало книгъ научнаго содержанія, каковы: путешествія академиковъ Гмелина, Лепехина, Рычкова; переводы Тацита, Валерія Максима, Топографическое описаніе Москвы, Лѣтопись о московскихъ мятежахъ, и т. п.

Исторія книжной торговли на Спасскомъ мосту входитъ въ общую исторію московскаго торга книгами, какъ и московскаго ихъ издательства, а потому здѣсь мы упомянемъ только о томъ, что Спасская торговля книгами не прерывалась до самаго нашествія въ 1812 г. французовъ и съ ними двадцати языкъ.

Изъ послѣднихъ торговцевъ на Спасскомъ мосту въ 1811 г. упоминается Алексѣй Телепневъ, который въ 1813 г. торгуетъ уже на Никольской, подлѣ Управы Благочинія, куда перемѣстился и Матвей Глазуновъ, торговавшій также на Спасскомъ мосту (1787 г. [1]).

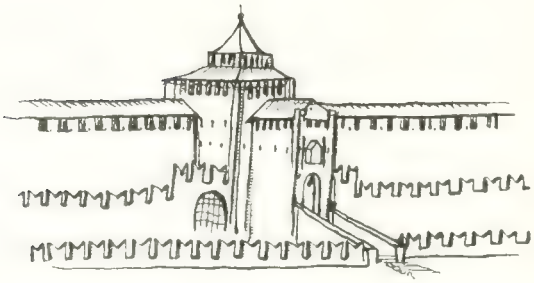
Для предлагаемаго изображенія „книжныя лавочки на Спасскомъ мосту въ началѣ XVII вѣка" главнымъ графическимъ матеріаломъ послужилъ „Годуновскій планъ Кремля 1600 года". Мостъ здѣсь изображенъ на четырехъ аркахъ съ продольными досками, настланными по мосту. По бокамъ Спасскихъ или Святыхъ воротъ въ то время находились могучіе бастіоны съ бойницами и пушками, защищавшими входъ Кремля. Такія крѣпостныя сооруженія изображены на всѣхъ болѣе или менѣе подробныхъ планахъ Москвы XVII вѣка. Ворота помимо створовъ имѣли опускныя рѣшетки, какъ и всѣ кремлевскія ворота, а надъ ними помѣщался образъ „Нерукотворнаго Спаса", вывезенный Іоанномъ Грознымъ изъ г. Хлынова (Вятки), мѣсто котораго на Годуновскомъ планѣ изображено подъ двухскатнымъ прикрытіемъ. По нѣкоторымъ изображеніямъ, а также по лѣтописному матеріалу, стѣны и башни Кремля были бѣленыя. Лавочки, отсутствующія на Годуновскомъ планѣ, какъ второстепенная подробность, вѣроятно, имѣли видъ подобной изображеннымъ въ путешествіи Олеарія второй половины XVII вѣка, т.-е. имѣли плоскую односкатную крышу надъ шалашомъ съ откиднымъ прилавкомъ, который служилъ въ то же время и дверью, закрывавшей отверстіе лавки. Подобныя лавочки-шалаши существуютъ и въ настоящее время. Были лавки и болѣе благоустроеннаго вида съ двухскатной крышей, конькомъ, наподобіе изображенныхъ на томъ же планѣ въ „пряничномъ ряду" на Воскресенскомъ мосту.

Какъ было упомянуто вначалѣ, книжный торгъ на Спасскомъ мосту, какъ часть „великаго торга", привлекалъ праздный и дѣловой народъ, шедшій въ Кремль и изъ Кремля. Притомъ же, имѣя среди продаваемыхъ книгъ богослужебныя, онъ былъ мѣстомъ сходбища священниковъ и вообще церковнослужителей, приходившихъ сюда для покупки и обмѣна книгъ. Поэтому здѣсь искони образовалось сходбище „безмѣстныхъ поповъ", которые нанимались на церковныя службы въ домовыя церкви московскихъ бояръ. Мѣстность подъ названіемъ „Спасскій крестецъ", т.-е. обиліе перекрестковъ между рядами деревянныхъ лавокъ-шалашей, примыкавшихъ къ Спасскому мосту, въ продолженіе всего XVII и XVIII вѣковъ слыла „притчей во языцѣхъ", какъ мѣсто непотребныхъ выходокъ и

[1]) Забѣлинъ. «Исторія города Москвы».

брани между не имѣющими мѣста, а быть-можетъ и пристанища, бездомными церковнослужителями, и правительство, какъ свѣтское, такъ и духовное, долго вело борьбу съ этимъ ненормальнымъ явленіемъ. Вѣроятно, вновь купленная богослужебная книга въ рукахъ служителя церкви или простого мірянина являлась предлогомъ для горячихъ споровъ въ особенности въ то время, когда начиналось исправленіе богослужебныхъ книгъ. Подобная сцена и представлена на первомъ планѣ предлагаемой картины. На второмъ планѣ изображены деревянныя церкви „обыденки“ надъ тѣлами казненныхъ Иваномъ Грознымъ, которыхъ между Спасскими воротами и Никольскими было восемнадцать. Онѣ разобраны при Алексѣѣ Михайловичѣ. На самомъ первомъ планѣ картины изображенъ столъ или лотокъ съ квасомъ и колачами, какихъ, вѣроятно, было немало на Великомъ торгѣ для потребностей простонародья.

Ал. Васнецовъ



ЛУБОЧНЫЯ КНИГИ.

Историческая жизнь каждаго народа постепенно приводитъ его къ разслоенію на различные классы, изъ которыхъ каждый начинаетъ жить своею обособленною жизнью. Мало-по-малу разница между матеріальной и духовной культурой того и другого слоя народа становится все больше и больше. Въ рукахъ одной части народа, высшаго класса, понемногу сосредоточиваются не только матеріальныя, но и духовныя цѣнности народной культуры, и въ дальнѣйшемъ своемъ развитіи народная литература, искусство, мысль идетъ уже не одною, а двумя дорогами. Народъ распадается въ культурномъ отношеніи на интеллигенцію (новое слово, появившееся не ранѣе второй половины XIX вѣка) и простой народъ. Чѣмъ раньше произошло это раздѣленіе, тѣмъ глубже разница между этими отдѣльными частями народа. Образованіе, ставшее достояніемъ одного какого-нибудь класса, охраняется имъ, какъ особая привилегія, доступъ къ нему простого—или „подлаго народа", какъ звали его у насъ въ старину, почти совершенно закрывается. О просвѣщеніи народа продолжаютъ думать только немногіе филантропически настроенные люди — Песталоцци въ Швейцаріи, Новиковъ у насъ, большинство же считаетъ его вреднымъ. Не даромъ Н. В. Гоголь въ одномъ изъ своихъ писемъ, напечатанныхъ имъ въ поученіе своимъ современникамъ, говоритъ, что грамотность для крестьянина вредна.

Исторія не останавливается на этомъ. Мысль о необходимости народнаго просвѣщенія начинаетъ проникать сначала въ сознаніе немно-

гихъ передовыхъ дѣятелей, а затѣмъ и въ сознаніе лучшей и большей части общества. Да и самъ народъ по мѣрѣ роста его политическаго и общественнаго значенія начинаетъ понимать значеніе просвѣщенія и образованности и тѣми или другими путями начинаетъ стремиться къ нимъ и достигаетъ, наконецъ, того, что культурная пропасть, раздѣлявшая его отъ интеллигенціи, понемногу сглаживается и исчезаетъ. Это легче для новыхъ демократическихъ націй и трудно для старыхъ, или охраняющихъ политическое неравенство высшихъ и низшихъ классовъ общества. Но даже тамъ, гдѣ всеобщее равенство вводится законодательнымъ путемъ и превозглашается, какъ культурная побѣда, культурное неравенство продолжаетъ существовать еще многія-многія десятилѣтія, а можетъ-быть, просуществуетъ и не одно столѣтіе. Раздѣленіе народа на болѣе культурный и интеллигентный слой и простой, менѣе образованный народъ, отличающійся по всей своей культурѣ, существуетъ почти у всѣхъ европейскихъ народовъ, существуетъ оно и въ Россіи вотъ уже третье столѣтіе.

Предоставленный самому себѣ въ дѣлѣ удовлетворенія своихъ духовныхъ потребностей, простой народъ создаетъ свою религію, свое міросозерцаніе, свое искусство и свою литературу. Естественная потребность человѣка въ художественныхъ произведеніяхъ слова сначала удовлетворяется при помощи народнаго устнаго творчества. Новѣйшія изслѣдованія произведеній народной словесности показали, что рядомъ съ творческой дѣятельностью поэтовъ изъ народа, коллективною дѣятельностью пѣвцовъ и разсказчиковъ, передающихъ ихъ произведенія, источникомъ устной словесности служатъ и литературные памятники, тѣмъ или другимъ путемъ доходящіе до народа. Это крохи, падающія со стола господъ, которыми питаются нищіе. Правда, эти нищіе умѣютъ украсить эти крохи при помощи своей фантазіи, умѣютъ изъ ничтожной темы создать настоящее художественное цѣлое, вкладываютъ въ него свои мысли и облекаютъ его въ обычныя для своей поэзіи пышныя формы.

Но, по мѣрѣ того, какъ все дальше и дальше уходитъ интеллигенція и ея литература отъ интересовъ народа, по мѣрѣ того, какъ не только языкъ, но самое содержаніе литературныхъ произведеній становится все менѣе и менѣе понятнымъ народу, онъ все менѣе и менѣе пользуется этой общей литературой для своего народнаго творчества. Ему нужны для этого какіе-то посредники, переводчики, которые дали бы ему хотя кое-что изъ этой литературы въ болѣе доступной формѣ, изложенное для него понятнымъ языкомъ. И такіе посредники находятся въ лицѣ

грамотныхъ простолюдиновъ — людей, вышедшихъ изъ народа, но не ушедшихъ отъ него, продолжающихъ жить его духовною жизнью, его идеалами. Но имъ доступна до извѣстной степени и общая литература, и они начинаютъ брать изъ нея и письменно пересказывать то, что можетъ представлять интересъ для читателя изъ народа. Разъ является спросъ на такіе пересказы, является и предложеніе; пересказы появляются въ большомъ количествѣ и въ печатномъ видѣ. Книга, созданная самимъ народомъ, постепенно входитъ въ обиходъ его жизни, въ качествѣ необходимаго элемента его культуры. И тогда появляется и самостоятельная

народная книга, созданная тѣмъ же народнымъ творчествомъ, которое создавало раньше сказки, преданія и легенды, проникнутая всецѣло интересами этого народа, говорящая съ нимъ на его языкѣ.

Вотъ такія-то книги и получили у насъ названіе лубочной или народной литературы.

Не внѣшній признакъ, что лежитъ она или лежала прежде въ лубочномъ коробѣ книгоноши разносчика, опредѣляетъ принадлежность книги къ народной литературѣ. Народная книга, это та, которая создана

самимъ народомъ для удовлетворенія его духовныхъ запросовъ. Содержаніе этой книги можетъ быть и заимствовано изъ общей литературы, но къ созданію и распространенію ея непремѣнно были приложены руки настоящихъ представителей народа: одинъ сочинилъ ее или переложилъ на доступномъ народу языкѣ, или даже просто только переписалъ ее съ замѣной иностранныхъ словъ русскими, другой напечаталъ въ своей типографіи, третій пріобрѣлъ для продажи, четвертый понесъ въ деревню, пятый купилъ. И во всемъ этомъ сложномъ процессѣ, нигдѣ къ этой книгѣ не прикасалась рука интеллигента, если не считать красной помѣтки на рукописи цензора: «печатать дозволяется». Но эта помѣтка появляется на всѣхъ книгахъ только со второй половины XIX столѣтія, а до тѣхъ поръ многія изъ нихъ родились, разошлись и канули въ вѣчность безъ того, чтобы цензура знала объ ихъ существованіи; съ 1906 г. эта помѣтка опять исчезла съ послѣдней страницы книги.

Русская лубочная или народная литература не имѣетъ своей исторіи. Она не только никѣмъ не написана, но и большая часть ея матеріаловъ безвозвратно потеряна. У насъ нѣтъ способа возстановить когда бы то ни было полный списокъ народныхъ изданій не только XVIII в., но даже первой половины XIX вѣка. Лубочной картинѣ болѣе посчастливилось. Нашелся человѣкъ, который посвятилъ всю свою жизнь собиранію и изученію ея памятниковъ. Покойному Ровинскому удалось собрать такую коллекцію русскихъ произведеній этого рода, какой не имѣютъ и западно-европейскіе народы для своихъ лубочныхъ картинъ. Работа Ровинскаго закончилась на 70 годахъ, и послѣдующая дѣятельность лубочныхъ изданій опять-таки проходитъ всѣ регистраціи и надо будетъ дожидаться новаго изслѣдователя для продолженія работы Ровинскаго.

Въ области изученія лубочной книги ничего подобнаго не сдѣлано. Исторію ея можно намѣтить только въ самыхъ общихъ чертахъ.

Лубочная книга, несомнѣнно, родилась изъ лубочной картины, которая предшествовала ей также и на русской почвѣ. Настоящая лубочная картина русской работы, предназначенная для всенароднаго употребленія, появилась у насъ не ранѣе второй половины, а можетъ-быть даже конца XVII вѣка. Хотя съ самаго начала XVII вѣка мы имѣемъ указанія на существованіе въ Москвѣ торговли картинами въ листахъ, но это былъ привозный иностранный товаръ. У насъ еще въ XVI в. существовало гравировальное искусство и свои мастера. Они украшали гравюрами своей работы наши первыя печатныя изданія, изготовляли и отдѣльные листы—гравюры, но это не были еще народныя картины.

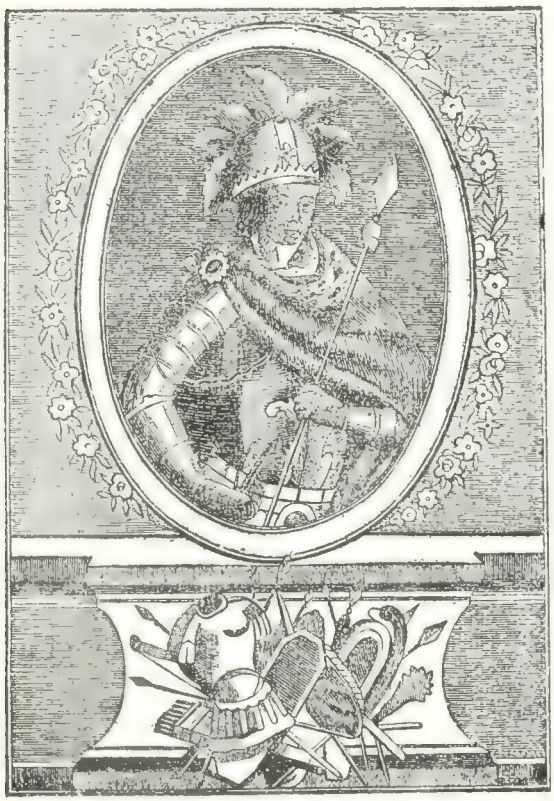
Лубочныя картины русской работы первоначально представляли изъ себя только болѣе или менѣе удачныя копіи съ иностранныхъ образцовъ, но съ русскими надписями и съ русскимъ текстомъ подъ картиною. Появленіе ихъ должно было имѣть своимъ первымъ слѣдствіемъ значительное ихъ удешевленіе. Иностранныя картинки, какъ заморскій и довольно рѣдкій товаръ, пріобрѣтались болѣе богатыми людьми и украшали стѣны боярскихъ хоромъ и даже царскаго дворца. Цѣлыя коллекціи такихъ картинъ были въ молодости у царевича Алексѣя Михайловича: ими пользовался и дьякъ Зотовъ, первый учитель царевича Петра Алексѣевича, для того, чтобы доставлять полезное развлеченіе своему ученику въ промежутокъ между утомительнымъ чтеніемъ Псалтири по азамъ или по верхамъ. Съ появленіемъ картинъ русскаго производства онѣ получили болѣе широкое распространеніе, стали болѣе обычнымъ явленіемъ и въ домѣ провинціальнаго помѣщика, купца или посадскаго, наконецъ, и у богатаго крестьянина. Въ XVII вѣкѣ духовная культура всѣхъ этихъ слоевъ русскаго общества была еще почти едина, и вкусы и литературные интересы у представителей этихъ классовъ были почти одинаковы.

Спросъ порождаетъ предложеніе. Спросъ на картину и книгу всегда вызываетъ потребность въ новыхъ и новыхъ произведеніяхъ этого рода. Иностранные образцы, представлявшіе интересы для русскихъ покупателей, скоро были исчерпаны, мастера, изготовлявшіе картины, стали обращаться къ русскимъ оригиналамъ и источникамъ. Такимъ источникомъ могли служить богатѣйшія сокровища русской иконографіи и лицевыя, т.-е. иллюстрированныя, рукописи. Сначала стали брать оттуда отдѣльныя фигуры или сцены, затѣмъ появились лубочныя картины, на которыхъ въ рядѣ рисунковъ съ краткимъ текстомъ разсказывалась цѣлая исторія. Листъ для этого раздѣлялся на квадраты. Иногда посрединѣ листа изображалась большая фигура героя повѣсти или житья, а кругомъ болѣе мелкія изображенія различныхъ эпизодовъ его жизни. Эта форма изображенія ведетъ начало отъ иконъ и сохраняется до сихъ поръ въ народныхъ картинкахъ.

Отъ XVI и XVII вѣка до насъ дошло немало рукописныхъ повѣстей, житій, сказаній и даже лѣтописей, гдѣ рисунки играютъ главную роль, занимая большую часть каждой страницы, а текстъ служитъ только для поясненія картинки. Произведенія эти имѣли большое распространеніе и изготовлялись рукописно, при чемъ и самые рисунки исполнялись перомъ или кистью черными чертами. Нетрудно было прійти къ мысли о

возможности воспроизведенія такой лицевой рукописи при помощи гравировальнаго искусства. Мастеръ рѣзалъ столько досокъ, сколько было въ рукописи страницъ, на каждой вырѣзывалъ картинку и весь текстъ, разумѣется, обратнымъ письмомъ, и книга была готова.

Таково было происхожденіе первыхъ народныхъ книгъ на Руси. Это происхожденіе опредѣляло и ихъ видъ. Это были продолговатые листы, скрѣпленные съ одного болѣе короткаго края. Текстъ и картина печатались только на одной сторонѣ.



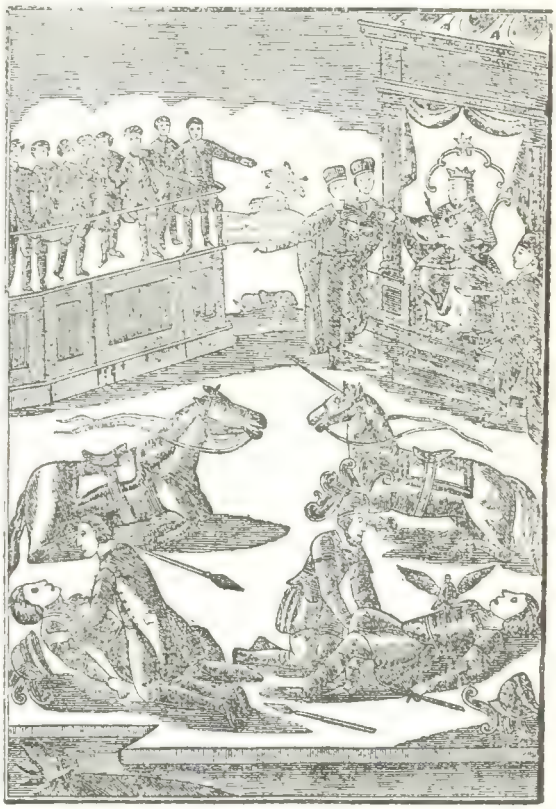
Иллюстрація къ сказкѣ объ Ерусланѣ Лазаревичѣ.

Книги этого вида, вѣроятно, появились у насъ или въ самомъ концѣ XVII вѣка или даже въ началѣ XVIII, но просуществовали онѣ до второй половины XIX. Такая книга могла быть изготовлена чисто домашнимъ кустарнымъ способомъ. Липовыя доски и рѣзецъ— вотъ все, что было нужно мастеру. Ручной прессъ, краска своего изготовленія и бумага — вотъ все, что нужно было для отпечатанія такой книги. Такія книги почти до конца своего существованія появлялись безъ вѣдома властей, наблюдавшихъ за печатными изданіями болѣе или менѣе регулярно съ конца XVIII вѣка. Мастерамъ и въ голову не приходило, что нехитрыя изданія ихъ рукъ нуждаются въ чьемъ-то одобреніи или разрѣшеніи. Вѣдь не можетъ прійти въ голову мастеру, готовящему почти тѣмъ же способомъ доску для набойки на холстѣ, мысль, что ему надо представитъ свой рисунокъ куда-то на одобреніе. Каково же было содержаніе этихъ первыхъ народныхъ книжекъ?

Прежде всего это было воспроизведеніе наиболѣе популярныхъ, ранѣе расходившихся только въ рукописяхъ, повѣстей и сказаній. Едва ли среди этихъ изданій были житія святыхъ: для нихъ была болѣе подходящею другая, болѣе близкая къ иконописнымъ образцамъ форма

листа съ изображеніемъ святого посрединѣ и съ мелкими картинками, изображавшими отдѣльные эпизоды его житія вокругъ.

Надо думать, что именно свѣтскія повѣсти и сказанія скорѣе всего и были первыми не набранными, а рѣзанными на доскахъ народными книгами. Среди нихъ непремѣнно присутствовали всѣ тѣ повѣсти, которыя перешли и въ нашу современную лубочную литературу изъ литературы XVI и XVII вѣковъ. Мы имѣемъ въ такихъ изданіяхъ и „Бову-королевича", и „Еруслана Лазаревича", и „Шемякинъ судъ" и другія особенно популярныя произведенія этого рода. Несомнѣнно, что въ XVIII вѣкѣ въ такомъ видѣ печатались и другія произведенія, нынѣ забытыя и извѣстныя намъ только въ болѣе древнихъ рукописяхъ. Рукописи составляли собственность богатыхъ людей, церквей и монастырей, цѣнились дорого и хранились лучше, чѣмъ народныя изданія, появлявшіяся за разъ въ нѣсколькихъ сотняхъ экземпляровъ.



Иллюстрація къ сказкѣ объ Ерусланѣ Лазаревичѣ.

Съ начала XVIII вѣка начинается уже болѣе рѣзкое раздвоеніе русскаго общества на два культурныхъ слоя. Высшее общество стремится къ западному просвѣщенію, заимствуетъ отъ иностранцевъ не только платье, обычаи и нравы, но и вкусы, взгляды, убѣжденія и духовные интересы. Самый языкъ этого общества, особенно языкъ книжной литературы, измѣняется до того, что перестаетъ быть понятнымъ для простого народа. Къ концу XVIII вѣка наша общая литература становится почти совершенно чуждою для низшихъ слоевъ общества.

Правда, это разобщеніе охватываетъ высшіе слои постепенно, и русскій, помѣщикъ XVIII вѣка, даже знающій иностранные языки и литературу, по-русски говоритъ еще народнымъ говоромъ своихъ крестьянъ,

любитъ ихъ забавы, имѣетъ въ своей дворнѣ и народныхъ пѣсельниковъ и музыкантовъ, украшаетъ стѣны своего скромнаго жилища народными лубочными картинами и съ удовольствіемъ читаетъ про Полкана и про Бову [1]). Но его грамотный крестьянинъ, а такіе были среди крестьянъ не только въ XVIII, но и въ XVII вѣкѣ, уже ничего не пойметъ въ сатирахъ Кантемира, одахъ Державина или философскихъ романахъ Хераскова.

Грамотность въ народной средѣ существовала уже давно, а въ нѣкоторыхъ областяхъ Россіи, напримѣръ, въ лѣвобережной Украйнѣ, по свидѣтельствамъ современниковъ, въ XVII вѣкѣ была даже выше, чѣмъ въ XIX. Одинъ грамотный въ этой средѣ можетъ обслуживать десятки неграмотныхъ, читая имъ вслухъ. Искусство чтенія и письма распространялось отъ одного грамотнаго къ другому путемъ домашняго обученія, хотя именно съ конца XVII вѣка возникаютъ у насъ первыя народныя школы, народныя въ истинномъ значеніи этого слова, т.-е. созданныя народомъ для удовлетворенія потребности въ распространеніи грамоты. Такія школы возникли на далекомъ сѣверѣ и востокѣ въ старообрядческихъ скитахъ и на югѣ, гдѣ въ XVII вѣкѣ появляются бродячіе учителя изъ воспитанниковъ братскихъ школъ и даже низшихъ классовъ кіевской академіи. Эта грамотность и образованіе, по преимуществу церковныя, не имѣли почти ничего общаго съ грамотностью и образованіемъ высшихъ слоевъ общества. Грамотеи, вышедшіе изъ этихъ народныхъ школъ, читали по преимуществу духовную литературу, но они не могли, да и не хотѣли заглушать въ себѣ интересовъ къ свѣтскому чтенію. Эта потребность еще въ XVI и XVII вѣкахъ создала у насъ довольно обширную литературу свѣтскихъ повѣстей; нѣкоторыя изъ нихъ, почему-то преимущественно иностраннаго происхожденія, сохранили свой интересъ для читателей изъ народа и въ XVIII и XIX вѣкахъ, но другія, по преимуществу русскія, перестали удовлетворять читателя, повидимому, слишкомъ измѣнились условія жизни, нравы и воззрѣнія, породившіе эти произведенія. Новыя условія жизни, новыя историческія личности и событія интересовали читателей и вмѣсто старыхъ повѣстей стали занимать новыя, созданныя на русской почвѣ и облеченныя неизвѣстнымъ авторомъ въ ту же обычную форму повѣсти.

Вотъ почему въ нашей лубочной литературѣ нѣтъ ни повѣсти о „Саввѣ Грудцынѣ", этомъ русскомъ Фаустѣ, ни о „Фролѣ Скобѣевѣ", ни о „Горѣ-Злосчастіи", ни о „Смутномъ времени", а сохраняются разсказы

---

[1]) «Полкана и Бову читаю,
За Библіей зѣвая сплю».
Ода «Фелица». Державина.

о „Шутѣ Балакиревѣ“, повѣсть о томъ „Какъ солдатъ спасъ жизнь Петру Великому“, „Бабушка Марѳа“ (повѣсть, въ которой является Александръ I) и „Битва русскихъ съ кабардинцами“.

Къ сожалѣнію, мы лишены возможности дать даже сколько-нибудь въ общихъ чертахъ очеркъ исторіи развитія нашей лубочной книги. Повторяемъ, въ этой области не только ничего не сдѣлано, но даже не начаты работы по собиранію матеріала. Несомнѣнно, что лубочная литература развивалась не только сама по себѣ, но и подъ вліяніемъ общей литературы. Она никогда не была чужда заимствованія изъ нея, хотя эти заимствованія рѣдко дѣлались цѣликомъ, а гораздо чаще представляли изъ себя пересказъ того или другого произведенія. Только въ послѣднія десятилѣтія въ лубочной литературѣ появляются въ цѣломъ своемъ видѣ произведенія нѣкоторыхъ нашихъ писателей. Благодаря отсутствію регистраціи лубочной литературы вплоть до 80-хъ годовъ, мы относительно большей части существующихъ въ этой литературѣ книгъ не можемъ даже сказать, когда впервые появились онѣ въ этихъ изданіяхъ.

Мы можемъ только взять современную намъ лубочную литературу, какъ нынѣ существующій фактъ, и посмотрѣть, откуда ведутъ свое начало, когда появились въ общей литературѣ тѣ или другія ея произведенія. Мы можемъ выдѣлить тѣ книги, которыхъ первоисточники намъ неизвѣстны, изъ которыхъ многія, по всей вѣроятности, родились въ той средѣ, для которой предназначаются эти изданія. Кое-какія дополнительныя указанія на измѣненія, происшедшія въ лубочной литературѣ за послѣднія 25—50 лѣтъ, мы найдемъ въ сочиненіяхъ крестьянина-археолога Гольнева и изслѣдователя народной жизни Пругавина. Но кто же является хранителемъ этого народнаго достоянія первостепенной исторической важности? Это народно-лубочныя издательства, понынѣ еще поддерживающія распространеніе и традиціи этой литературы. Поскольку они не стремятся «поучать» народъ, а хотятъ только удовлетворить его дѣйствительные и существующіе духовные запросы, издательства эти являются отраженіемъ народной жизни. Книга, которая не будетъ имѣть успѣха у народнаго читателя, исчезаетъ немедленно съ рынка, и этотъ законъ позволяетъ дѣлать обратный выводъ: книга, которая ежегодно переиздается, да и не однимъ издателемъ,—отвѣчаетъ какимъ-нибудь духовнымъ запросамъ народа. Такая книга является фактомъ изъ области народной психологіи.

Обращаясь къ изученію литературы этого рода, мы должны прежде всего указать, что почти вся она находится въ романтическомъ періодѣ

своего существованія. Реализмъ, какъ и въ литературѣ XVII и XVIII вѣковъ, допускается только въ сатирическихъ произведеніяхъ. Писатели какъ будто нарочно стремятся перенести своихъ читателей въ среду менѣе всего похожую на его повседневную жизнь: очевидно, таково требованіе самого читателя отъ книги. Другой основной признакъ романтическаго направленія также налицо въ этой литературѣ. Признакъ этотъ—присутствіе въ каждомъ произведеніи героя или героини непремѣнно необыкновеннаго или по своему положенію и личнымъ качествамъ или по своей необыкновенной судьбѣ. Отмѣтимъ и еще присутствіе идеализма и идеализаціи также почти въ каждомъ произведеніи. Романтизмъ этотъ весьма древняго происхожденія, онъ ведетъ свое начало не отъ романтизма конца XVIII и начала XIX вѣка, но отъ болѣе древнихъ средневѣковыхъ источниковъ.

Поистинѣ удивительна необыкновенная живучесть нѣкоторыхъ народныхъ повѣстей. Въ то время, когда въ нашей общей литературѣ мы не можемъ назвать ни одного литературнаго произведенія (мы имѣемъ въ виду русскую литературу), которое имѣло бы въ настоящее время читателей, обращающихся къ нему не въ связи съ изученіемъ исторіи литературы, народно-лубочная литература насчитываетъ цѣлый рядъ произведеній, которымъ, по меньшей мѣрѣ, уже исполнилось 300 лѣтъ. Остановимся на двухъ повѣстяхъ лубочной литературы, особенно популярныхъ въ ней и потому часто являющихся въ устахъ интеллигенціи какъ бы ея представителями—это повѣсть о „Бовѣ-королевичѣ“ и „Ерусланѣ Лазаревичѣ“. Первую у насъ долго считали народною сказкою, да она и перешла въ область устной словесности, но внимательное историко-литературное изслѣдованіе указало ея источники. Это итальянскій рыцарскій романъ, герой котораго Буова изъ города Анконы сталъ на русской почвѣ Бовою изъ города Антона. Было бы очень важно прослѣдить, когда и какимъ путемъ это произведеніе попало въ Россію и какимъ измѣненіямъ, характернымъ для русскаго читателя, подверглась эта повѣсть у насъ. Имѣющіяся рукописи этого произведенія восходятъ, если не ошибаемся, къ XVI столѣтію. Еще болѣе древняго происхожденія повѣсть о „Ерусланѣ Лазаревичѣ“, какъ зовется онъ въ лубочныхъ изданіяхъ, или „Урусланѣ Залазаровичѣ“, какъ называютъ его болѣе старыя рукописи. Книга эта восточнаго происхожденія. Ерусланъ или Урусланъ это Рустемъ, сынъ Залзара или Заля, національнаго героя Ирана. Повѣсть о немъ и его подвигахъ вошла въ національную эпопею XI вѣка „Шахъ-Намэ“, поэта Фирдуси, но не оттуда заимствованъ текстъ нашей лубочной книги. Сказанія о подвигахъ Рустема имѣются въ цѣломъ рядѣ другихъ пере-

сказовъ на его родинѣ, въ Персіи, и тамъ рядомъ съ художественной обработкою этой темы есть и народная передача, распространяемая какъ въ рукописяхъ, такъ и въ народныхъ книжкахъ.

Одно изъ такихъ сказаній, намъ неизвѣстное, и послужило, вѣроятно, первоначальнымъ оригиналомъ русской редакціи этой повѣсти. Повидимому, къ ней присоединились эпизоды изъ другихъ сказаній: такъ, встрѣчи съ головою убитаго великана нѣтъ въ персидскомъ сказаніи. Нѣчто подобное можно найти въ сказаніяхъ западныхъ, отраженія которыхъ встрѣчаются, между прочимъ, въ поэмахъ о „Роландѣ".

И вотъ опять неизслѣдованный вопросъ, ожидающій еще своей очереди.

Но чѣмъ эти оба героя, западный и восточный, привлекли до такой степени вниманіе русскаго читателя, что разсказы объ ихъ подвигахъ вотъ уже болѣе 300 лѣтъ составляютъ любимое его чтеніе? Объяснить это можно только постояннымъ присутствіемъ въ душѣ народа высокаго интереса къ героизму,—героизму во имя побѣды, во имя неизмѣннаго торжества надъ врагами, постояннаго стремленія къ новымъ и новымъ подвигамъ, все равно во имя чего бы они ни совершались. Не ищите въ этихъ произведеніяхъ глубокой идеи въ дѣятельности и стремленіяхъ ихъ героевъ. Это поклоненіе внѣшнему успѣху. Но развѣ не характерно оно для всѣхъ народовъ и всѣхъ временъ, начиная съ толпы римскаго цирка, безумными криками привѣтствовавшаго побѣдителя кроваваго поединка, устроеннаго только для забавы этой толпы, до современныхъ жителей атлетической борьбы или кулачнаго боя, проявляющихъ совершенно такое же отношеніе къ побѣдителямъ этого вида спорта? Мы не станемъ останавливаться на другихъ повѣстяхъ нашей лубочной литературы, если не такого же стариннаго происхожденія, то все-таки довольно давно появившихся въ ней и тоже изъ иностранной литературы: „Повѣсть о милордѣ англійскомъ Георгѣ", „Францылѣ Венціанѣ", „Гуакъ или непреоборимая вѣрность" и т. п. Отмѣтимъ только присутствіе въ нихъ фантастическаго и отчасти миѳологическаго элемента, который можетъ дать нѣкоторыя указанія на время происхожденія этихъ повѣстей.

Всѣ эти повѣсти составляютъ особую группу старинныхъ повѣстей и романовъ, перешедшихъ въ нашу лубочную литературу. Они заслуживали бы особаго общаго изслѣдованія. Русскихъ повѣстей среди нихъ теперь почти нѣтъ, если не считать повѣсти о „Судѣ Шемякиномъ", собственно, бродячее сказаніе о неправедномъ судьѣ въ русской редакціи, но русскія повѣсти, несомнѣнно, были въ лубочныхъ изданіяхъ XVIII и начала

XIX вѣка. Вотъ тоже явленіе, нуждающееся въ изслѣдованіи для своего объясненія.

Вторую группу лубочныхъ книгъ должны составлять повѣсти, выросшія на почвѣ русской жизни и исторіи. Сюда относятся повѣсти изъ эпохи Петра В. („Шутъ Балакиревъ", „Какъ солдатъ спасъ жизнь Петра В.", „Таинственный монахъ" и болѣе новыя—„Мазепа", „Полтавскій бой" и т. п.). Онѣ, по всей вѣроятности, литературнаго происхожденія. Затѣмъ идутъ „Турецкій наѣздникъ Янанча", „Ермакъ, покоритель Сибири", „Разбойникъ Чуркинъ" (и цѣлый рядъ другихъ разбойниковъ), „Суворовъ", „Битва русскихъ съ кабардинцами" и, можетъ-быть, еще нѣкоторыя другія. Какъ народныя историческія пѣсни, повинуясь какому-то особому закону, выбираютъ изъ всей массы историческихъ дѣятелей и событій отдѣльные, между собою почти не связанные моменты, сохраняютъ о нихъ живую память, такъ и народная лубочная литература имѣетъ своихъ любимыхъ историческихъ героевъ и свои памятныя событія.

Общая литература, какъ мы уже говорили, оказываетъ постоянное и сильное вліяніе на лубочную, но произведенія ея рѣдко появляются въ лубочныхъ изданіяхъ въ чистомъ видѣ. Чаще всего въ нихъ измѣнены до неузнаваемости заглавія: „Три ночи у гроба"—называется пересказъ повѣсти Гоголя „Вій", „Страшный колдунъ"—повѣсть того же автора, „Страшная месть" и т. п. Измѣненію подвергается часто не только заглавіе, но и текстъ этихъ произведеній, онъ какъ бы приспособляется къ читателямъ изъ народа, переводится на ихъ языкъ.

Только за послѣднее десятилѣтіе на ряду со всѣми этими передѣлками стали появляться въ лубочныхъ изданіяхъ нѣкоторыя произведенія нашихъ писателей въ своемъ полномъ неизмѣненномъ видѣ и подъ своими заглавіями. Такъ, мы имѣемъ въ лубочныхъ изданіяхъ „Недоросль" Фонвизина, „Горе отъ ума" Грибоѣдова, басни Крылова, „Дубровскій", „Капитанская дочка" и др. повѣсти Пушкина. Болѣе обширныя произведенія, какъ, напримѣръ, „Юрій Милославскій" и „Князь Серебряный", издаются съ значительными сокращеніями. Послѣдній вызвалъ цѣлый рядъ передѣлокъ и подражаній („Князь Золотой" и т. п.). Всѣ перечисленныя и многія другія книги пользуются въ лубочной литературѣ неизмѣннымъ успѣхомъ, что подтверждается почти ежегоднымъ появленіемъ ихъ въ новыхъ изданіяхъ и у разныхъ издателей.

Но есть въ лубочной литературѣ и, такъ сказать, произведенія текущей литературы, которыя или вовсе не повторяются или существуютъ только въ теченіе сравнительно короткаго промежутка времени. Таковы,

напримѣръ, многочисленныя повѣсти и сатирическіе разсказы Карманова, Кассирова, Миши Евстигнѣева, очень популярныхъ въ лубочной литературѣ писателей 80-хъ и 90-хъ годовъ, теперь совершенно исчезнувшихъ съ книжнаго рынка. Таковы повѣсти изъ японской войны, теперь тоже исчезнувшія изъ продажи.

Большую роль въ лубочной литературѣ играютъ сатирическія и юмористическія произведенія, но большинство изъ нихъ, можетъ-быть, за исключеніемъ упомянутаго выше „Балакирева" и еще разсказовъ о „Пошехонцахъ", также скоро исчезаютъ съ рынка и замѣняются новыми и новыми.

Старинная народная поэзія отразилась въ лубочной литературѣ въ прозаическихъ пересказахъ былинъ объ Ильѣ Муромцѣ, Добрынѣ Никитичѣ и Алешѣ Поповичѣ и въ пѣсенникахъ, въ которыхъ нерѣдко попадаются очень старинныя пѣсни. Но пѣсенники живутъ вмѣстѣ съ народною пѣснею и ея современнымъ суррогатомъ въ видѣ пѣсни фабричной и пѣсни, заимствованной изъ общей литературы. Пѣсенники—это особенно подвижной матеріалъ, который отражаетъ въ пѣсняхъ, стихотвореніяхъ и романахъ почти все переживаемое народомъ за послѣдніе годы. Есть пѣсенники, навѣянные изъ революціи 1905—6 года, и русско-японской войны, и пролетарско-рабочаго движенія, и современныхъ европейскихъ событій. Изученіе этихъ пѣсенниковъ и ихъ эволюціи дало бы богатый матеріалъ для сужденія о нѣкоторыхъ сторонахъ народной психологіи.

Еще больше психологическаго матеріала, но уже изъ другой области—изъ области народныхъ суевѣрій—имѣется въ чародѣйныхъ книгахъ, оракулахъ и сонникахъ. Спросъ на нихъ, очевидно, очень великъ, разъ ежегодно появляются новыя и новыя ихъ изданія и, очевидно, онѣ отвѣчаютъ какой-то потребности народной души. Эта потребность существуетъ, хотя и въ другой формѣ, и у интеллигентной части общества; тамъ она удовлетворяется теософической литературой.

Народная религія имѣетъ литературную пищу очень дешевую и доступную въ той обширной народно-духовной литературѣ, которую распространяетъ духовенство Св. Синода, богатые монастыри, братства и другія религіозно-просвѣтительныя общества. Но если рядомъ съ этимъ продолжаютъ существовать и лубочныя изданія изъ той же области, пользующіяся почти тѣмъ же источникомъ, значитъ, остается какая-то часть религіозной потребности народа, недостаточно удовлетвореннаго дѣятельностью духовенства въ этой области. Народъ имѣетъ свою религію, своихъ любимыхъ святыхъ, свои любимыя темы и формы поученій. Лубочная литература религіозно-нравственнаго содержанія и удовлетворяетъ поиски на эту потребность.

И все это море народно-лубочной литературы, отражающее подлинныя не прикрашенныя духовныя и эстетическія стремленія народныхъ массъ и ихъ эволюцію, существуетъ и сохраняется исключительно благодаря дѣятельности издателей лубочныхъ книгъ. И чѣмъ меньше къ этимъ изданіямъ прикасалась рука интеллигентнаго писателя, тѣмъ чище этотъ источникъ изученія народной психологіи.

Изъ этого отнюдь не слѣдуетъ, что литература эта должна оставаться неизмѣнною и продолжать свое существованіе въ томъ же видѣ, въ какомъ она существовала до сихъ поръ. Пропасть, когда-то въ силу историческихъ причинъ образовавшаяся между интеллигенціею и народомъ, начинаетъ понемногу сглаживаться, и это сближеніе двухъ частей народа, съ одной стороны, выражается тѣмъ, что соприкосновеніе писателя интеллигентовъ съ народной поэзіей или самыми глубинами народной жизни обогащаетъ общую литературу и новыми формами и новыми идеями, съ другой стороны, народъ начинаетъ понимать и цѣнить доступное и интересное для него по содержанію изъ общей литературы.

Прослѣдить вліяніе нашей интеллигентной литературы на лубочную— вотъ задача для цѣлаго изслѣдованія, которое должно охватить жизнь этой литературы за послѣднія 25—30 лѣтъ, когда это вліяніе стало особенно замѣтно.

И главнымъ путемъ, по которому шло это вліяніе, было издательство Т-ва Сытина, само постепенно за эти 30 лѣтъ превратившееся изъ чисто-народнаго лубочнаго издательства въ интеллигентское, однако, не порвавшее своихъ связей съ лубочной книгою и ея потребителемъ, грамотнымъ крестьяниномъ и рабочимъ.

Было бы въ высшей степени важно для исторіи нашей народной литературы собрать возможно большее число изданныхъ Т-вомъ И. Д. Сытина лубочныхъ книгъ во всѣхъ ихъ изданіяхъ самаго начала дѣятельности издательства. Такая коллекція была бы весьма цѣннымъ вкладомъ въ будущій „Домъ Книги". Только при помощи такой коллекціи возможно будетъ приступить къ составленію исторіи нашей лубочной народной книги, сыгравшей въ свое время огромную культурную роль въ дѣлѣ удовлетворенія духовныхъ потребностей народа его собственными силами и средствами.

Н. В. Чеховъ.

Ивану Дмитриевичу
Сытину
Н. Касаткин

РУССКІЯ ЛУБОЧНЫЯ КАРТИНЫ ВЪ ИХЪ ПРОСВѢТИТЕЛЬНОМЪ ЗНАЧЕНІИ ДЛЯ НАРОДА ЗА ПОСЛѢДНЕЕ 75-ЛѢТІЕ НАШЕЙ ЖИЗНИ.

Всемірная война, идущая въ наши дни, побудила издательства выпустить на рынокъ значительное количество яркихъ лубочныхъ картинъ на военныя темы. Картины эти въ окнахъ магазиновъ и лавокъ, какъ въ большихъ центрахъ, такъ и въ захолустьяхъ, собирали въ первое время войны толпу зрителей взрослыхъ и малыхъ. Но это явленіе скоропроходящее, явленіе текущаго момента. Это не прежняя толпа, неизмѣнно изъ года въ годъ собиравшаяся у оконныхъ лавокъ, у базарныхъ ларей: не та публика, которую приходилось видѣть въ дѣтствѣ на городской улицѣ и на сельскихъ ярмаркахъ и базарахъ поколѣнію отцовъ и дѣдовъ. И публика другая и товаръ не тотъ. Лубоч-

ныя картины въ ихъ прежнемъ значеніи отжили свой вѣкъ. Имъ пришли на смѣну, пришли и прочно займутъ ихъ мѣсто газета, иллюстрированный еженедѣльникъ, книги школьной и народной библіотеки, лекціи, музеи, кинематографъ, народный театръ. У насъ нѣтъ точныхъ цифровыхъ данныхъ, но, основываясь на личныхъ наблюденіяхъ, на сообщеніяхъ газетъ, можно сказать съ увѣренностью, что количество газетъ и иллюстрацій журнальныхъ, проникшихъ въ крестьянскую народную среду, за время войны громадно и было бы еще больше, если бы мы, жители городовъ, сознательнѣе и отзывчивѣе относились къ вопіющимъ нуждамъ деревни. Эта смѣна, ускоренная и выявленная войной, должна быть отнесена къ явленіямъ устойчивымъ.

Въ 70 годы читатель газетъ и журналовъ рѣдко былъ поучаемъ цифрами, такъ убѣдительно говорящими теперь нашему сознанію для уразумѣнія явленій и оцѣнки фактовъ текущей жизни. Живо помню впечатлѣніе, которое въ статьѣ барона Н. А. Корфа, извѣстнаго земскаго дѣятеля по народному образованію, было произведено двумя цифрами, обозначавшими количество названій и экземпляровъ книгъ, вышедшихъ за минувшій годъ въ Петроградѣ и Москвѣ. Оказывалось, что Москва выпускаетъ значительно болѣе книгъ, чѣмъ Петроградъ. Это представлялось совсѣмъ невѣроятнымъ: вѣдь Петроградъ былъ главнымъ центромъ умственной жизни и издательской дѣятельности.

Откуда же являлся перевѣсъ? Давало его то значительное количество мелкихъ изданій „листовокъ", которыя печатались никому невѣдомыми издателями и поглощались сплошь неграмотной массой темнаго русскаго народа. Печатное слово безыменныхъ писателей уже десятки лѣтъ разносилось „своими людьми", коробейниками, офенями, не только по всей Европейской Россіи, но и по отдаленнѣйшимъ населеннымъ мѣстамъ Сибири. И это въ то время, когда для круговъ образованныхъ людей не существовало книжныхъ магазиновъ даже въ губернскихъ городахъ, и книги и газеты скудно и медленно доходили до нихъ по почтѣ изъ столичныхъ центровъ! Было чему удивиться и надъ чѣмъ призадуматься. Книжный лубочный товаръ офенскихъ коробовъ сталъ предметомъ вниманія и изученія людей, искренно интересовавшихся народной жизнью. Оказалось, что къ внушительной цифрѣ ежегодно печатаемыхъ лубочныхъ книгъ нужно прибавить еще превышающее ихъ число ежегодно выпускаемыхъ лубочныхъ народныхъ картинъ, вызвавшихъ еще у Пушкина замѣчаніе, занесенное имъ въ свои путевыя замѣтки. Въ ожиданіи лошадей на стѣнѣ станціонной комнаты онъ увидѣлъ народныя картинки: „Погребеніе мышами кота" и „Споръ краснаго носа съ сильнымъ морозомъ" и записалъ: „Картинки

эти заслуживаютъ какъ въ нравственномъ, такъ и въ художественномъ отношеніи вниманія образованнаго человѣка" [1]).

Но таково было мнѣніе геніальнаго сына своего народа, большинство же „образованныхъ" людей того времени считало народныя картинки гнусными и негодными. Когда въ 1824 г. Снегиревъ представилъ въ общество любителей россійской словесности свою статью о лубочныхъ картинкахъ, то нѣкоторые изъ членовъ даже сомнѣвались, возможно ли и должно ли допустить разсужденіе въ ихъ обществѣ о такомъ пошломъ предметѣ, какой предоставленъ въ удѣлъ черни? Впрочемъ, рѣшено было принять эту статью только съ измѣненіемъ заглавія въ ней, — вмѣсто лубочныхъ картинъ сказать просто народныя изображенія. Такъ и напечатано было въ трудахъ общества (Снегиревъ, „Лубочн. карт.", стр. 1).

Русскія народныя лубочныя картинки имѣютъ за собой триста лѣтъ жизни. Родъ свой онѣ ведутъ отъ чужеземныхъ листковъ, привезенныхъ въ Россію иноземцами, посѣщавшими Москву и селившимися въ ней со временъ Михаила Ѳеодоровича. Гравюры французскія, нѣмецкія, называемыя фряжскими или потѣшными нѣмецкими листами, явились сначала украшеніемъ жилыхъ царскихъ покоевъ и домовъ русскихъ бояръ, которые, подобно Матвѣеву, не чуждались иноземнаго. Въ XVII вѣкѣ начинаетъ развиваться уже русское производство народныхъ картинъ, печатаніе ихъ съ деревянныхъ досокъ, а затѣмъ исключительно съ мѣдныхъ. Постепенно изъ царскихъ покоевъ и хоромъ богатыхъ и знатныхъ людей картины, подвергшись передѣлкѣ и самодѣльно грубовато воспроизведенныя, дошли и до крестьянскихъ избъ, получили широкое распространеніе въ народной средѣ черезъ торговцевъ офеней.

Д. А. Ровинскій, авторъ пятитомнаго труда, въ этомъ родѣ у насъ единственнаго, подробно описываетъ и разбираетъ русскія народныя картинки отъ начала ихъ печатанія во второй половинѣ XVII вѣка до половины XIX в. Очень немногія изъ описанныхъ имъ картинъ дожили до нашего времени въ неизмѣнно повторяющихся изданіяхъ. Картины, нарождавшіяся въ XIX вѣкѣ, и по содержанію и по характеру изображеній очень отличаются отъ картинъ стараго типа, но все же являются прямыми ихъ наслѣдниками и безъ знанія исторіи народныхъ картинокъ періода, описаннаго Ровинскимъ, невозможно пониманіе ихъ значенія для народа, вѣрная оцѣнка ихъ достоинствъ и недостатковъ.

---

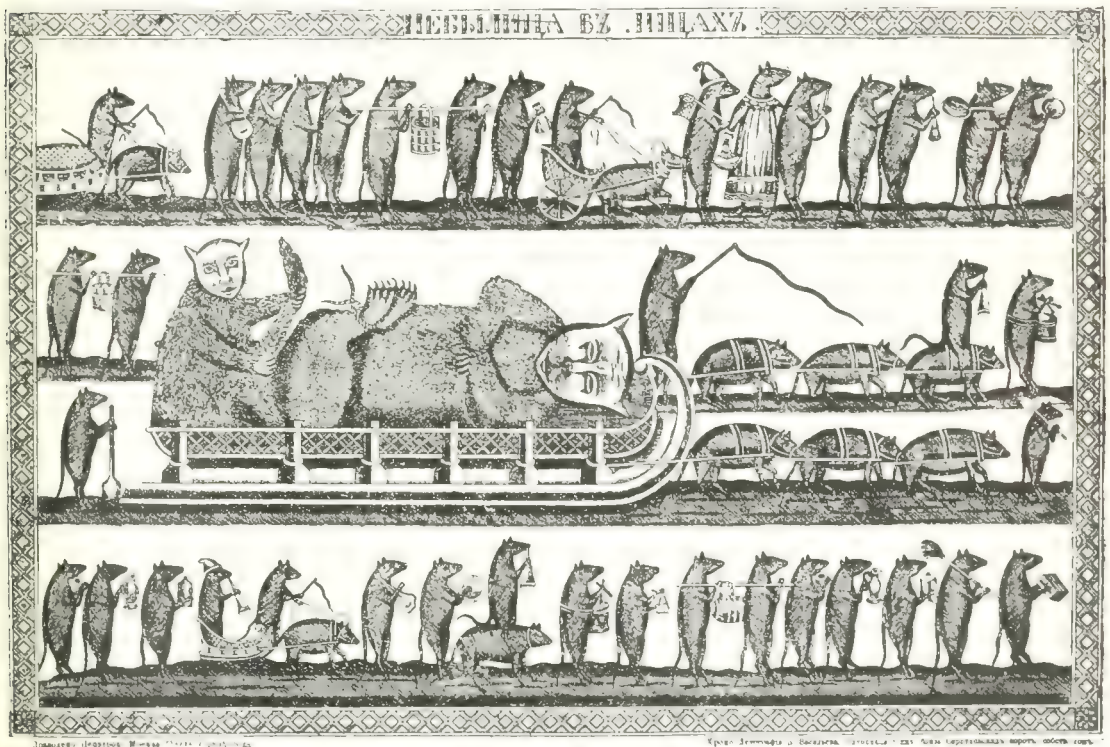
[1]) Собр. соч. СПБ. 1871, V, стр. 114. Цитир. по тексту Ровинскаго „Русскія народныя картинки". Изданіе 1900 г., стр. 284—285.

До 80 годовъ лубочныя картины печатались на сѣрой писчей бумагѣ черной краской; часть ихъ отдавалась издателями въ раскраску, неряпливо, примитивно выполняемую въ двѣ-три краски смѣлыми мазками заячьей лапки „по ногамъ и по носамъ". Раскраска составляла видный кустарный промыселъ: ею занимались, главнымъ образомъ, по крестьянскимъ избамъ дѣвушки; въ двухъ только волостяхъ Московской губ., по статистическимъ изслѣдованіямъ, въ 1879 году раскрашивалось ежегодно около 3 милліоновъ лубочныхъ картинъ. Это былъ самый дешевый сортъ картиннаго товара, издатели и офени называли его простовикомъ.

Каждый, взявшій на себя трудъ просмотрѣть нѣсколько сотъ лубочныхъ картинъ различнаго содержанія, выпущенныхъ въ разные годы за послѣднія семьдесятъ пять лѣтъ, почувствуетъ себя подъ гнетомъ всего того грубаго, безсодержательнаго, безграмотнаго, пошлаго, что въ нихъ, безспорно, бросается въ глаза! Но подъ этимъ впечатлѣніемъ нельзя оставаться, оно не даетъ права на какіе-либо выводы и заключенія. Въ грудѣ малоцѣннаго, нужно умѣть найти перлы—они есть. И прежде всего нужно выяснить себѣ тѣ историческія условія, въ которыхъ должно было развиваться и проявлять себя народное творчество. Объ этомъ Ровинскій сообщаетъ много важнаго и интереснаго. „Повѣстей и картинъ сатирическихъ въ настоящемъ смыслѣ слова у насъ, на Руси, не было, да и не могло быть", говоритъ онъ. „Достаточно вспомнить слова Петра Великаго о томъ, что за составленіе сатиры сочинитель будетъ подвергнутъ злѣйшимъ истязаніямъ"; далѣе, по цензурнымъ распоряженіямъ „дозволялось печатаніе однѣхъ нравственныхъ и полезныхъ или, по крайней мѣрѣ, безвредныхъ картинокъ", чтобы понять, почему не только наши лицевыя картинки, но и печатная литература представляютъ въ этомъ разрядѣ одни беззубые, безжелчные и въ большинствѣ случаевъ крайне незатѣйливые тексты [1]). Какъ ни строги были распоряженія, отъ времени и до времени повторяемыя, но надлежащаго дѣйствія они не имѣли: много картинъ продолжало издаваться и обращаться на рынкѣ безъ всякаго цензурнаго разсмотрѣнія. Въ 1850 г. было вновь обращено вниманіе на народныя лубочныя картины и произведенія печати, назначенныя для обращенія въ народѣ. Послѣ разсмотрѣнія вопроса въ разныхъ вѣдомствахъ было постановлено впредь всѣ приготовляемыя къ печати картины представлять въ цензуру, что же касается до картинъ, ранѣе вышедшихъ, то принять черезъ полицію мѣры къ ихъ уничтоженію. „Московскій генералъ-губер-

[1]) Ровинскій, „Нар. карт.", изд. 1900 г., т. I, стр. 232.

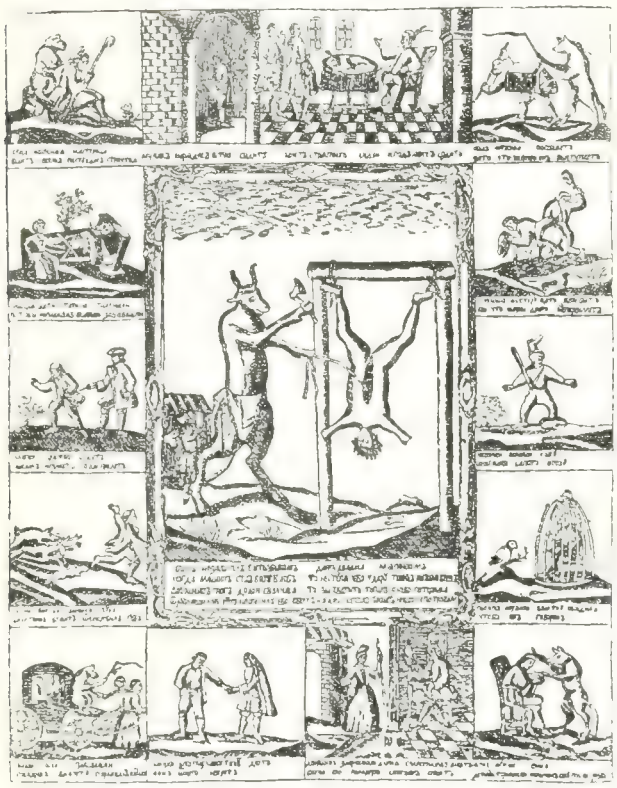
наторъ, графъ Закревскій, какъ разсказываетъ И. А. Голышевъ, археологъ-крестьянинъ, самъ бывшій много лѣтъ издателемъ и продавцомъ лубочныхъ картинъ, „приказалъ заводчикамъ народныхъ картинокъ уничтожить доски, не имѣвшія цензурнаго дозволенія; въ исполненіе этого приказанія заводчики собрали всѣ старыя мѣдныя доски, изрубили ихъ при участіи полиціи въ куски и продали въ колокольный рядъ. Такимъ образомъ прекратило свое существованіе наше безцензурное народное бала-



Невылица въ лицахъ нищина встарыхъ светлицахъ завелиуть въ черныхъ трепицахъ жилъ былъ котъ Замерскова родомъ Задрыгвой Катофейна Астраханка а родомъ Казанка вотъ какъ Мыши кота погребали своего недруга и провожали ему честь оддавали поругаваньо котъ катофеитъ онъ часто пилъ Грофеичъ неналчали онъ много выпилъ грошки и воденчиъ кверху ношли катофейна такъ мохнуча сломи залилась стала думыть ига дать куда Катофеича девать она была нибогата но только слишкомъ торовата посылала звать гостей изовсехъ волостей полегамъ и поналчиъ поляга гамъ покетамъ свого мыши собрались изъдего принялись ношла стрешня рукава стрехня жарили варили Катофеича хвалили блины доекали свого недруга поминали котъ ноги накрепко связали и наобольшия дрови подняли хватофеичу съ зала гоняли Катофейна горько плакала рыдала и причоты пенитоле в захвостъ Катофейна держала такъ мыши кота поминали и строфеичъ доканали

гурство“. Что знаемъ мы о томъ художественномъ достояніи народномъ, которое тогда погибло безслѣдно? Достаточно двухъ народныхъ картинъ въ числѣ многихъ другихъ, описанныхъ подробно Ровинскимъ, чтобы вынести убѣжденіе, что не отсутствіемъ дарованія у рисовальщиковъ и не отсутствіемъ спроса на картины серьезнаго содержанія должна быть объяснена бѣдность ихъ содержанія и плоскость замысла. Одна изъ этихъ картинъ „Какъ мыши кота хоронили“ съ подробнымъ объяснительнымъ текстомъ—сатира, рисующая чувства раскольниковъ по отношенію къ го-

нителямъ старины, во главѣ которыхъ стоялъ самъ Петръ Великій. Картина эта относится ко времени его смерти и похоронъ. Прозвище каждой мыши, каждый предметъ въ лапкахъ участниковъ процессіи являются намекомъ на реальные историческіе факты даннаго времени, какъ это можетъ быть усмотрѣно изъ текста, напечатаннаго подъ картиной стараго оригинала. Картина эта дожила до нашихъ дней, но старый смыслъ ея вывѣтрился отъ времени. Въ 1899 г. она появилась модернизованной до неузнаваемости, превращенной въ забавную картину для дѣтей, на которой дѣйствуютъ и пляшутъ потѣшно наряженные мыши и мышата. Этого, конечно, дѣлать не слѣдовало бы изъ уваженія къ старинѣ. Но уважать и охранять ее мы, русскіе, только теперь начинаемъ учиться. Не менѣе интересна другая старая картинка, которая подверглась строгому воспрещенію еще въ 40 годахъ прошлаго столѣтія: въ ней было усмотрѣно аллегорическое изображеніе расправы крѣпостныхъ со своими господами за жестокое обращеніе. Въ центрѣ листа въ большемъ размѣрѣ, чѣмъ другіе обрамляющіе его рисунки, изображеніе того, какъ „Быкъ не захотѣлъ быть быкомъ да сдѣлался мясникомъ; когда мясникъ сталъ бить въ лобъ, то, не стерпя его удара, ткнулъ рогами въ бокъ, а мясникъ съ ногъ долой свалился—то быкъ выхватить топоръ потщтился; отрубимши ему руку, повѣсилъ его вверхъ ногами и сталъ таскать кишки съ потрохами". 13 остальныхъ изображеній остроумно рисуютъ отношеніе крѣпостныхъ къ барамъ-владѣльцамъ: овца, ставъ на заднія ноги, стрижетъ пастуха, текстъ гласитъ: „овца искусная мастерица, велитъ всѣмъ пастухамъ стричься"; бабы посадили осла въ карету и катаютъ по улицамъ; „нищій богатому подаетъ,



Какъ быкъ не хотѣлъ быть быкомъ.

а тотъ отъ него беретъ" (дворянскія складчины на балы по копейкамъ съ души); „оселъ мужика брилъ да по неосторожности ему копытомъ голову разбилъ" и др. въ томъ же родѣ. Вотъ каковы были въ числѣ другихъ старыя народныя картинки и можно ли учесть, сколько было уничтожено цѣнныхъ образцовъ свободнаго народнаго творчества на изрубленныхъ мѣдныхъ доскахъ, пошедшихъ въ ломъ.

Съ 80 годовъ начинается со стороны представителей интеллигенціи цѣлый рядъ попытокъ принять участіе въ издательствѣ для народа, въ писательствѣ книгъ и созданіи картинъ для издателей—производителей лубочнаго товара. Первое мѣсто въ рядѣ этихъ попытокъ принадлежитъ группѣ лицъ, дѣйствовавшей подъ именемъ редакціи „Посредникъ", душой и основателемъ которой былъ Л. Н. Толстой. Близко знакомый съ крестьянской народной жизнью и по годамъ, прожитымъ въ Ясной Полянѣ и по учительству въ школѣ для крестьянскихъ дѣтей, Толстой призналъ за лубочными изданіями, книжками и картинами, и за чисто народными путями ихъ распространенія такую огромную нравственно просвѣтительную силу, что въ началѣ 80 годовъ горячо взялся лично за писательскую работу для лубочнаго книжнаго рынка и кликнулъ кличъ писателямъ и художникамъ, призывая ихъ къ сотрудничеству. На зовъ его откликнулись и писатели и художники: Рѣпинъ, Ге, Кившенко, Савицкій, Ярошенко, Бемъ и мн. др. Издатель лубочникъ, на которомъ остановился выборъ Л. Н. для практическаго осуществленіи задуманнаго дѣла, былъ И. Д. Сытинъ, въ то время невидный торговецъ, недавно открывшій собственную лавку у Ильинскихъ воротъ. Л. Н. сразу оцѣнилъ во владѣльцѣ темной невзрачной лавки И. Д. Сытинѣ практическій живой умъ, энергію, любовь и знаніе дѣла.

Предъ интеллигенціей была задача трудная и отвѣтственная: народное издательство уже насчитывало болѣе сотни лѣтъ существованія, въ которыя жило и развивалось собственными силами вдали отъ всякаго участія и помощи интеллигенціи. Можно ли было сомнѣваться въ успѣхѣ? Вѣдь на сторонѣ двинувшихся на помощь были знанія, пониманіе просвѣтительныхъ цѣлей, таланты, дарованія, искреннее безкорыстное желаніе работать въ намѣченномъ направленіи... чего стоило одно участіе въ дѣлѣ Л. Н. Толстого! И, несмотря на все это, результаты не оправдали ожиданій. Представители интеллигенціи надѣялись въ нѣсколько лѣтъ вытѣснить старый лубочный товаръ, замѣнивъ его доброкачественнымъ новымъ. Вкусы покупателей оказались устойчивыми, торговцы - офени цѣпко держались за старые сорта. Хлынувшее новое не залило старое, а потекло съ

нимъ рядомъ, прокладывая себѣ медленно свои особые пути [1]). Исторія не признаетъ попытки „Посредника“ и другихъ интеллигентныхъ работниковъ неудавшимися. Она отмѣтитъ только, что интеллигенція не приняла достаточно въ расчетъ силу самостоятельно нарождавшихся и развивавшихся въ народной душѣ вопросовъ и запросовъ, шедшихъ своими путями отъ стараго къ новому. Разногласіе не замедлило обнаружиться на судьбѣ новыхъ выпущенныхъ лубочныхъ картинъ [2]). Откликнувшимися на зовъ Толстого художниками даны были иллюстраціи для обложекъ и текста лубочныхъ книгъ и цѣлый рядъ оригинальныхъ рисунковъ для лубочныхъ картинъ, текстъ для которыхъ былъ написанъ самимъ Л. Н. Сюжеты новыхъ картинъ казались такими близкими народной душѣ и прямо взятыми изъ жизни; исполненіе по художественности и яркости красокъ не оставляло желать ничего лучшаго. И, тѣмъ не менѣе, у массы покупателей картины успѣха не имѣли, ихъ неохотно брали для продажи коробейники, и изданіе медленно разошлось, главнымъ образомъ, въ средѣ интеллигенціи, покупавшей картины и для раздачи крестьянскимъ дѣтямъ на школьныхъ праздникахъ. Въ чемъ и гдѣ лежала причина неуспѣха? Отвѣтъ на это сложенъ и требуетъ большой осторожности. Жизнь давала нѣкоторыя указанія. Лубочная картина въ повседневномъ быту пользовалась инымъ значеніемъ, чѣмъ лубочная книга. Книжка-листовка истрепывалась, валялась въ избѣ, гдѣ придется, чаще всего шла на куреніе. Картины часто за неимѣніемъ писаныхъ иконъ являлись образами и украшеніемъ краснаго угла; жили долго, были всегда предъ глазами. Выборъ ихъ при покупкѣ у офени дѣлался старшими въ крестьянской семьѣ, элементомъ консервативнымъ и въ рѣдкихъ исключеніяхъ грамотнымъ. Имъ-то новыя картины не понравились и покупались картины стараго образца. Что же привлекало въ нихъ? Картины стараго типа отвѣчали на вѣчные вопросы человѣческой души: о жизни и смерти, о смыслѣ человѣческой жизни, о добрѣ и злѣ, о грѣхѣ и возмездіи, о богатствѣ и бѣдности, о счастьи земномъ и мученическомъ подвижничествѣ за вѣру въ горнее и дальнее... Отвѣчали на это картины категорично, вразумительно, понятно и неграмотному, потому что старая картина не разсчитывала на знаніе ея смысла, а растолковывала его послѣдовательно, подробно цѣлымъ рядомъ расположенныхъ

[1]) Редакція „Посредника“ основала свое собственное издательство, существующее и теперь; И. И. Горбуновъ-Посадовъ взялъ на себя издательство дешевыхъ мелкихъ книгъ-листовокъ.

[2]) Судьба книгъ, выпущенныхъ „Посредникомъ“, была другая, но касаться ея значило бы уйти въ сторону отъ лубочныхъ картинъ, отъ темы, подлежащей здѣсь обсужденію.

на листѣ картинъ, множествомъ характерныхъ деталей, символовъ—сколько ни смотри, все въ ней найдешь новое, незамѣченное. Въ цѣломъ своемъ картина громко говорила чувству смотрящихъ на нее. Новыя картины давали не повѣствованіе, а одинъ яркій драматическій моментъ, единичное проявленіе великой истины. Глядѣвшіе на художественно изображенное не умѣли его понять, не схватывали въ немъ общаго, идеи, оставались равнодушными, неудовлетворенными и не покупали картины. Кромѣ стариковъ, были, конечно, покупатели и другого типа, болѣе склонные къ воспріятію новаго. Въ нихъ неудовлетвореніе имѣло другое основаніе: такія картины съ текстомъ Л. Н. Толстого, какъ „Два брата и золото", „Вражье лѣпко, а Божье крѣпко" Рѣпина, „Ильясъ" Кившенко, „Зерно съ куриное яйцо" Лебедева и др., звали обратно къ старому, къ патріархальному укладу жизни, а душа народа смутно сознавала, что глаза должны быть устремлены впередъ. Старая правда—справедливость не отвергалась, но глубоко чувствовалось, что прежніе пути къ ней заказаны, что нужно искать новыхъ. Къ этимъ психологическимъ причинамъ слѣдуетъ прибавить еще и прозаическое указаніе: новыя картины были дороже старыхъ немногимъ—на двѣ, на пять копеекъ. Но для покупателя и продавца-офени того времени это обстоятельство было рѣшающимъ судьбу новаго сорта товара.

Немногія сдѣланныя выше указанія, конечно, не являются отвѣтомъ, исчерпывающимъ вопросъ. Жизнь деревни тогда, въ 80 годы, уже была „растревоженной" всѣми тѣми экономическими измѣненіями въ бытѣ, которыя порождали мучительныя душевныя противорѣчія, неурядицу, разстройство хозяйственное, описанныя для современниковъ и исторіи писателемъ-мученикомъ Г. И. Успенскимъ. Не въ этомъ ли причина неудачи, что новыя народныя, вѣрнѣе, предназначенныя для народа картины вышли не ко времени?

Нужно надѣяться, что изученіе и описаніе русскихъ народныхъ лубочныхъ картинъ будетъ продолжено, начиная отъ того времени, до котораго довелъ разсмотрѣніе ихъ Ровинскій. Работа эта представитъ задачу трудную и въ нѣкоторыхъ частяхъ совсѣмъ не выполнимую. Трудность обусловлена тѣмъ, что при выпускѣ въ продажу картины не регистрировались ни у издателя ни въ офиціальныхъ учрежденіяхъ, вѣдавшихъ печатное дѣло. Московскій Комитетъ Грамотности постановилъ въ издаваемомъ имъ „Ежегодникѣ" давать обозрѣніе вышедшихъ за годъ лубочныхъ книгъ и картинъ. Работа эта была предпринята въ 1893 г. и вотъ что говорится о ней въ „Ежегодникѣ" за этотъ годъ: „При обзорѣ народныхъ картинъ библіотечная комиссія Московскаго Комитета Грамотности встрѣ-

тилась еще съ большими затрудненіями и препятствіями, чѣмъ при обзорѣ книгъ. Первымъ и самымъ важнымъ препятствіемъ служило почти полное отсутствіе указаній на нихъ въ отчетахъ цензурныхъ комитетовъ, печатающихся въ „Правительственномъ Вѣстникѣ". Тамъ мы встрѣчаемъ почему-то указанія только на картины, издаваемыя въ Одессѣ г. Фесенко. О всѣхъ прочихъ картинахъ московскихъ, петербургскихъ, кіевскихъ и др. издателей мы не находимъ буквально ни одного слова. Вслѣдствіе этого мы, во-первыхъ, лишаемся возможности пополнять свѣдѣніями цензурныхъ отчетовъ данныя, собранныя у самихъ издателей, и во-вторыхъ, остаемся въ полной неизвѣстности относительно числа экземпляровъ издающихся картинъ. Цензурное разрѣшеніе, дѣйствительное для лубочныхъ книгъ на 1 годъ, сохраняетъ свое дѣйствіе для лубочныхъ картинъ въ теченіе 3 лѣтъ („Законы о печати". Сост. З. Мсеріанцъ, стр. 32). По мнѣнію Совѣта Главнаго Управленія по дѣламъ печати, „затруднять и цензурное управленіе и издателей примѣненіемъ къ лубочнымъ картинамъ всѣхъ тѣхъ формальностей, которыя установлены закономъ относительно произведеній печати вообще, т.-е. возобновлять цензурное дозволеніе при каждомъ новомъ тиражѣ вѣками уже печатающихся, напр., изображеній святыхъ, лицъ сказочныхъ и т. п., не представляется никакой необходимости" (напечатано у Ровинскаго, V, 358). Поэтому цензурная дата на картинѣ не даетъ никакой возможности отнести дѣйствительное появленіе извѣстной картины къ тому году, которымъ означено разрѣшеніе цензора. Очевидно, что вслѣдствіе этого теряется возможность опредѣлить количество картинъ, вышедшихъ въ извѣстномъ году, если бы даже всѣ эти картины и находились въ рукахъ наблюдателя. Такимъ образомъ отсутствіе всякихъ указаній въ „Прав. Вѣстн." и особенности при цензурѣ картинъ заставляютъ отказаться отъ мысли ежегодно обозрѣвать ихъ. Принимая во вниманіе всю важность народныхъ картинъ и для характеристики лубочнаго рынка и для народно-книжной торговли, библіотечная комиссія не могла, однакоже, совершенно устраниться отъ разсмотрѣнія этихъ картинъ. Въ виду всѣхъ указанныхъ соображеній она предположила произвести перепись всѣхъ картинъ, какія только найдутся въ лавкахъ лубочныхъ издателей. Ея агенты посѣтили всѣ извѣстныя въ Москвѣ лавки, торгующія картинами, и отобрали по одному экземпляру всѣхъ имѣвшихся тамъ картинъ, при чемъ ихъ набралось около 900".

Изъ этого опыта обзора лубочныхъ народныхъ картинъ за одинъ годъ, въ центрѣ ихъ производства— Москвѣ, ясно, какія трудности представитъ подробное обозрѣніе и описаніе ихъ съ половины прошлаго сто-

лѣтія до нашего времени. За отсутствіемъ записей въ отчетахъ цензурныхъ комитетовъ можно было бы постараться собрать нужныя данныя въ архивахъ издателей. Но такихъ архивовъ, въ которыхъ хранились бы экземпляры всего, что издателями печаталось, хотя бы экземпляры, помѣченные цензурными разрѣшеніями, у издателей не существуетъ. Всякая картина распродается ими сполна, до послѣдняго листа. Такъ это велось издавна, такъ оно и до сихъ поръ. За примѣромъ такихъ безслѣдныхъ исчезновеній итти недалеко: за время идущей войны выпущено различными издателями свыше 300 картинъ, посвященныхъ событіямъ войны. Къ концу второго года войны уже не было никакой возможности пріобрѣсти полную коллекцію. „Разошлось, распродано". Единственнымъ мѣстомъ для ознакомленія съ этой интересной и важной частью русскаго издательскаго дѣла должны были бы являться наши главныя книгохранилища Москвы и Петрограда — Библіотека Румянцевскаго музея, Императорская Публичная библіотека, библіотека Академіи Наукъ. Но и тамъ по вышеуказаннымъ условіямъ и нравамъ нашей жизни не можетъ быть полныхъ коллекцій картинъ, изданныхъ за послѣднія семьдесятъ пять лѣтъ. Этого пробѣла теперь не заполнить, такъ какъ самыя картины уже унесены, уничтожены рѣкой временъ. Придется знакомиться по частямъ, пользуясь, гдѣ представится возможность, коллекціями частныхъ лицъ, любителей, а также тѣми хотя бы небольшими коллекціями, которыя приносятся изрѣдка въ даръ собирателями провинціальнымъ городскимъ и земскимъ музеямъ [1]).

Незаписанныя и почти невѣдомыя никому, кромѣ покупателей, народныя лубочныя картины, однако, существовали, множились и дѣлали свое дѣло. Что же давало народу это сѣрое или аляповато яркое множество листовъ, расходившееся ежегодно въ народной средѣ въ количествѣ милліоновъ экземпляровъ? Въ дореформенной Руси при полномъ бездорожьи, прикрѣпленности сельскаго и городского населенія къ мѣсту, при полной отобщенности отъ жизни общей, не только другихъ странъ, но и отечественной, народныя картины были единственнымъ источникомъ свѣдѣній о прошломъ и о современности, были проповѣдниками высшихъ нравственныхъ идеаловъ, возбудителями душевныхъ настроеній, возвышавшихъ надъ скудной жестокой дѣйствительностью, были развлеченіемъ, потѣхой. Приносились картины въ захолустья офенями, и текстъ ихъ въ крестьянскихъ

[1]) Двѣ такихъ коллекціи имѣются, напримѣръ, въ городскомъ Художественномъ музеѣ въ Нижнемъ-Новгородѣ; изъ нихъ въ пожертвованной писателемъ В. Е. Вѣтринскимъ есть довольно полный подборъ картинъ о китайской и японской войнахъ.

избахъ, сплошь не имѣвшихъ грамотеевъ, прочитывался и растолковывался офеней же и съ его словъ запоминался и старыми и малыми.

Вотъ перечень самыхъ распространенныхъ любимыхъ картинъ, устойчиво державшихся на рынкѣ, сгруппированныхъ для удобства обозрѣнія по содержанію:

Въ отдѣлѣ картинъ религіозно-нравственнаго содержанія первое мѣсто занимали изображенія извѣстныхъ иконъ Спасителя, Богородицы, святыхъ, двунадесятыхъ праздниковъ, замѣнявшія крестьянамъ писаные образа, а вставленныя въ рамку, подъ стекло, исполнявшія свое назначеніе даже въ небогатыхъ сельскихъ церквахъ. На ряду съ ними стояли житія святыхъ съ главнымъ лицомъ въ срединѣ листа, окруженнымъ изображеніями отдѣльныхъ эпизодовъ житія. Эти листы поражали богатствомъ трогательнаго фактическаго содержанія, безъ словъ разсказывавшаго. Таковы листы житій святыхъ: Николая, Алексія, человѣка Божьяго, Герасима, Евстаѳія-Плакиды, Евдокіи, Варвары, Маріи Египетской, Параскевы и др. На такихъ же листахъ простовика изображена была и земная жизнь Іисуса Христа и Его страданія. Въ то вѣками длившееся время, когда не существовало доступныхъ мірянамъ изданій Новаго Завѣта, эти лубочныя картины являлись единственнымъ источникомъ, знакомившимъ народъ съ жизнью Спасителя и Его ученіемъ, а также съ молитвой Господней и Символомъ вѣры. Съ конца 70 годовъ листы простовика вытѣсняются картинами, исполненными хромолитографіей. Темы тѣ же, но рисунокъ гораздо лучше, все чаще встрѣчаются снимки съ картинъ извѣстныхъ художниковъ: Леонарда да Винчи, Гвидо Рени, Карла Дольчи, Плокгорста, Мункачи, Густава Доре, Иванова. Образчикомъ того серьезнаго идейнаго содержанія, которое находило себѣ мѣсто на лубочномъ листкѣ, можетъ служить картина, называвшаяся „Приговоръ, изданный Понтійскимъ Пилатомъ, игемономъ Іудеи, прибывшимъ въ Іерусалимъ на мѣсто обыкновенныхъ засѣданій суда, называвшагося Іабата 3 апрѣля 34 года по Рождествѣ Христовѣ". У каждаго изъ 20 участниковъ суда въ рукѣ свитокъ, на которомъ начертано его имя и высказанное имъ сужденіе. Выдѣляются слова Никодима, Іосифа изъ Аримаѳеи, Іоарама, намъ по Евангелію неизвѣстнаго, въ защиту Христа. Какое богатство душевныхъ мотивовъ и настроеній, какъ ясно изъ сужденій большинства судей, что ими руководила не ревность о вѣрѣ, о Богѣ, а своекорыстныя политическія соображенія.

Видное мѣсто въ этомъ отдѣлѣ принадлежало картинѣ страшнаго суда. Какъ о томъ говоритъ лѣтописное преданіе, изображеніе этой темы

впервые дошло до насъ изъ Греціи во времена Владимира Св. и дожило до нашихъ дней и въ иконописи, и въ стѣнной церковной живописи, и на листахъ лубочнаго изданія. Въ лубочныхъ картинахъ старинное изображеніе сохранилось, но въ храмахъ, построенныхъ за послѣднія десятилѣтія, уже встрѣчаются изображенія, отличающіяся отъ стариннаго. О новомъ даетъ полное представленіе картина художника В. Васнецова, находящаяся въ Москвѣ, въ Третьяковской галлереѣ, и художественная репродукція ея въ изданіи Кнебеля. Можно только порадоваться появленію этой репродукціи въ коллекціи, знакомящей съ произведеніями современной русской живописи, но придется пожалѣть, если это новое въ изображеніи страшнаго суда вытѣснитъ старое на листахъ народныхъ лубочныхъ картинъ. Завѣщанное вѣками изображеніе страшнаго суда говорило громко, всѣмъ понятнымъ языкомъ и съ сѣраго листка въ нехитрой окраскѣ лубочной картины, и въ церковной живописи, и въ скульптурѣ фасадовъ средневѣковыхъ готическихъ соборовъ: говорило о борьбѣ свѣта съ тьмой, о Томъ, по образу и подобію Котораго сотворенъ человѣкъ, о врагѣ искусителѣ и о многообразіи пороковъ и прегрѣшеній. Силу зла, заполонившаго земную жизнь, изображалъ гигантскій змій, извивавшійся по всей картинѣ—отъ вратъ ада до подножія сѣдалища Судьи — Христа. Охваченная тяжелой цѣпью влеклась въ геенну огненную длинная вереница осужденныхъ Христомъ, изъ нихъ первыми — властители, облеченные властью земною, пастыри духовные, судьи и др., по слову Евангелія, кому много ввѣрено, съ того много и взыщется. Много было на картинѣ жестокаго, устрашающаго, но она не подавляла души смотрящаго, не располагала къ унынію, отчаянію. Вся картина въ цѣломъ и деталяхъ возвѣщала о побѣдѣ свѣтлаго начала, о побѣдѣ небесной правды, справедливости, о возмездіи нелицепріятномъ, о свѣтломъ будущемъ для угнетенныхъ, обремененныхъ, обойденныхъ благами въ этой жизни. О милости, заступничествѣ трогательно напоминали крестъ Голгоѳы, фигуры Богоматери, святыхъ, ангела-хранителя, отгоняющаго дьявола отъ вѣсовъ правосудія... Много тутъ архаичнаго, наивно выраженнаго, но сколько силы въ цѣльности художественнаго замысла,— силы, которая даетъ себя чувствовать и скептику, оцѣнивающему лишь со стороны эстетической и западно-европейскіе памятники зодчества, и нашу русскую древнюю иконопись, и отъ нея происшедшую народную картину.

Вся эта сила исчезла въ новомъ изображеніи страшнаго суда. Надъ всѣмъ въ верху картины страшнаго суда находившееся изображеніе Бога

Саваоѳа, съ именемъ котораго связано и грѣхопаденіе человѣка и происхожденіе отпавшаго отъ Творца духа зла, совсѣмъ отсутствуетъ. Нѣтъ и съ нимъ бывшаго рядомъ образа Сына Божьяго съ большимъ крестомъ Голгоѳы на плечѣ, символомъ великой любви и принесенной жертвы. Змій находится гдѣ-то сбоку, незамѣтный, словно въ спячкѣ. Исчезли врата геенны, дьяволъ и всѣ слуги его. Мало выразительны изображенія Христа и Богоматери, зато сразу обращаетъ на себя вниманіе темная эффектная фигура ангела въ центрѣ всей картины. Кто онъ—вѣстникъ, посланникъ съ неба или слуга сатаны—сразу рѣшить трудно; мѣшаетъ къ тому же досадное сходство съ фигурой картины Стукка, извѣстной подъ именемъ „Грѣхъ". Справа толпа судимыхъ, сбитая въ кучу, не выдерживаетъ сравненія съ вереницей осужденныхъ на старомъ оригиналѣ, такъ вѣрно олицетворявшихъ возмездіе—„коемуждо по дѣламъ его". Слѣва группа изящныхъ нагихъ въ отчаяньи бьющихся женскихъ фигуръ не воплощаетъ ни образовъ нашихъ старыхъ литературныхъ памятниковъ, ни видѣній Данте...

Если по замыслу художника на картинѣ его не должно было быть адскаго пламени и бѣсовъ, то зачѣмъ было ставить на страницу Евангелія въ рукѣ Спасителя слова: „Идите отъ Меня, проклятые, въ огнь вѣчный, уготованный дьяволу и слугамъ его", замѣняя ими прежній текстъ: „Пріидите ко Мнѣ всѣ труждающіеся и обремененные, и Я успокою васъ", слова, утѣшавшія и успокоивавшія въ теченіе вѣковъ души измученныхъ тягостями жизни. Все указанное выше мѣшаетъ цѣльности впечатлѣнія, затемняетъ смыслъ того, что повѣдано о днѣ суда Евангеліемъ и преданіемъ. Да и слѣдуетъ ли касаться того, подвергая его измѣненію, что внесено въ сокровищницу твореній человѣческаго духа въ законченномъ совершенствѣ вѣками минувшими? Вѣдь каждому времени даны свои источники вдохновенія, та часть истины, которая открывается дѣтямъ вѣка сего. Не сознано ли уже нами, что истинно художественное произведеніе можетъ быть создано душой художника лишь вдохновеніемъ собственнаго его міросозерцанія.

Изъ другихъ лубочныхъ картинъ религіознаго содержанія отличалась такою же лапидарной силой рисунка и библейскаго текста: „Притча о богатомъ и Лазарѣ" (печатни Васильева), изданія той же притчи 1913—1915 г., блещущія богатствомъ красокъ и художественными деталями восточной бытовой обстановки, не выдерживаютъ сравненія со старымъ изображеніемъ; „Іовъ многострадальный" (литографія Шарапова 1876 г.), „спасеніе Ниневіи пророчествомъ Іоны и обращеніе людей

къ Богу“ (типографія Глушкова 1873 г.), „Сильный славный храбрый Воинъ Аника“. На небольшомъ листѣ изображены нераздѣльно два момента: Аника на конѣ, разъѣзжающій по полю и вызывающій себѣ противника, и онъ же, лежащій мертвымъ. То же и на картинѣ о пророкѣ Іонѣ: Іона, поглощенный китомъ, и Іона, изверженный китомъ на сушу. Такое совмѣщеніе не смущало ни рисовальщика ни покупателей—нравилось.

Какъ часть отдѣла религіознаго, должна быть разсматриваема и **группа картинъ назидательнаго содержанія.** Она всегда была не велика, а теперь стала еще менѣе значительной. Картины послѣднихъ десятилѣтій—ярче и больше по размѣрамъ, богаче реально изображенными деталями; старыя—внушительнѣе по замыслу, по образамъ. Изъ нихъ заслуживаютъ вниманія картины: „Ступени человѣческаго вѣка“—различные возрасты обозначаются 10 фигурами, расположенными по ступенямъ лѣстницы, подъ лѣстницей полукругомъ знаки Зодіака, ниже круглый столъ, уставленный символическими предметами: песочные часы, закрытая книга, зажженная сломанная падающая свѣча... Особенности рисунка указываютъ на иностранное происхожденіе оригинала. Въ 80 годахъ въ Парижѣ, въ складахъ писчебумажныхъ товаровъ старыхъ фирмъ, можно было купить картину того же содержанія и пошиба, а также на нее весьма походившую по композиціи, на которой вмѣсто фигуръ различныхъ возрастовъ стояли люди различныхъ общественныхъ классовъ: вверху король, по одной сторонѣ представители высшихъ сословій: дворянства, духовенства, по другую—купечества, горожанъ, крестьянъ, подъ этой послѣдней очень живо изображенной была подпись: „видно ужъ такова воля Господня, чтобы я васъ всѣхъ кормилъ своими трудами“. О существованіи подобной картины у насъ Ровинскій не упоминаетъ. Также, несомнѣнно, заимствованы у стараго западно-европейскаго образца картины „Тѣсныя и широкія врата“ и „Пьянство—злѣйшій врагъ человѣчества“, много говорящія и массой фигуръ и многими текстами изъ св. писанія. Послѣ 70 годовъ картины о пьянствѣ стали появляться измѣненными примѣнительно къ русскому быту. Сюда же относятся двѣ пары картинъ „Древо добра“ и „Древо зла“ и „Жизнь и пути праведника“ и „Жизнь и пути грѣшника“, дававшихъ на каждомъ листѣ въ 20-ти изображеніяхъ сцены, характеризующія различіе переживаній на жизненномъ пути отъ ранняго дѣтства до могилы. Для охотниковъ до картинъ на нравоучительныя темы онѣ давали очень богатый матеріалъ.

Картинъ на тему о вредѣ пьянства имѣлось на рынкѣ много, выпущенныхъ различными издателями и по композиціи недурныхъ, соотвѣтствовавшихъ нравоучительной цѣли. Въ центрѣ—винокуренный заводъ въ видѣ сатаны, раскрывшаго пасть, въ которой видно пламя и чертей, носящихъ дрова, мѣшки съ хлѣбомъ, разливающихъ водку и т. п. Внизу пьяный, обвитый зелеными зміями съ подписью: „Пьянство до бѣлой горячки и зеленаго змія", по сторонамъ—картины, изображающія послѣдствія пьянства: нищету, разореніе, воровство, разгулъ, драки, самоубійство, смерть безъ покаянія. Больше устрашающаго, казалось, и не придумать. Но, видно, не такъ страшенъ чортъ, какъ его малюютъ, а винная лавка—въ такомъ близкомъ сосѣдствѣ, такъ доступна... И пили „на всѣ"! Послѣ правительственнаго распоряженія о прекращеніи продажи водки въ 1915 г. была выпущена картина (изд. Сытина), трактующая тему съ точки зрѣнія нравственно-гигіэнической „Вино—страшный ядъ". Семь картинъ хорошаго рисунка (съ французскаго оригинала) говорятъ о вырожденіи, о тяжелой наслѣдственности, о моральномъ паденіи, о томъ же гласитъ и текстъ, напечатанный крупнымъ шрифтомъ въ двѣ краски для привлеченія вниманія. Бѣсы и зміи на ней совершенно отсутствуютъ.

Въ группѣ картинъ назидательнаго содержанія, какъ и въ пословицахъ народныхъ, видное мѣсто отведено темѣ о богатствѣ, стяжаніи, скупости; по тексту онѣ приближаются къ баснѣ, сатирѣ. На эту тему было надъ чѣмъ разойтись рукѣ рисовальщика и „сочинителя" текста: людей темнаго прошлаго некрасовскаго „Власа" было на глазахъ достаточно и въ деревнѣ и въ городѣ, но свобода творчества была скована цензурными угрозами и среди блѣднаго, скучнаго обращаютъ на себя вниманіе лишь двѣ картины простовика (сюжетъ изъ басенъ Хемницера) „Кащей и его желаніе" (лит. Морозова 1876 г.) „Какой-то Кащей денегъ тьму имѣлъ и сказывалъ онъ самъ, что разбогатѣлъ, не грабя и не разоряя, что Богъ ему послалъ такой достатокъ. Чтобъ Господу за милость угодить или чтобы совѣсть успокоить, Кащею вздумалось для бѣдныхъ домъ построить. Домъ строятъ—Кащей любуется и разсуждаетъ, какую бѣднымъ онъ услугу показалъ, что имъ пристанище построить приказалъ. Какъ нѣкто мимо проходилъ, у незнакомаго съ восторгомъ онъ спросилъ: „Довольно, кажется, тутъ бѣдныхъ помѣстится?" Тотъ отвѣчалъ: „Довольно, но всѣхъ хозяину не помѣстить, которыхъ по міру заставилъ онъ ходить". На другой картинѣ Кащей въ длинномъ сюртукѣ трудится: считаетъ и разсыпаетъ по

мѣшкамъ деньги, а чортъ, предъ нимъ разсѣвшись въ удобной позѣ на диванѣ, съ насмѣшкой глядя на Кащея, шьетъ не торопясь мѣшки для его денегъ. Нравоученіе — а завтра умеръ онъ и все его имѣнье досталось по немъ другимъ на расточенье. Когда бъ Кащей иной еще сего дня догадался и пользоваться имъ старался". Хорошъ рисунокъ, фигуры дьявола и Кащея очень выразительны, а текстъ не даетъ понятія о нихъ, не соотвѣтствуетъ силѣ изображенія. А въ первой изъ указанныхъ — картина совсѣмъ ничего не выражаетъ — и вся сила въ текстѣ.

Совсѣмъ обособленно на рынкѣ лубочныхъ книгъ и картинъ стояло и стоитъ издательство старообрядческихъ печатней.

Въ августѣ текущаго года изъ картинъ старообрядцевъ-поморцевъ въ складѣ типографіи Г. Н. Горбуновъ, за Преображенской заставой, могли быть пріобрѣтены и значились въ каталогѣ слѣдующ. картины:

1) О страшномъ судѣ Христовѣ.

2) Полное житіе преп. Маріи Египетской.

3) Объ ядущихъ съ молчаніемъ и безчиніемъ.

4) Слово св. Іоанна Златоуста о крестномъ знаменіи съ изображеніемъ двухъ человѣковъ — одного истово, а другого нерадиво молящихся.

5) Видѣніе блаженнымъ Андреемъ погребенія тѣла грѣшника, ангела плачущаго и бѣсовъ множество веселящихся.

6) О сластолюбіи съ изображеніемъ змія.

7) Боярыня Морозова на пути въ заточеніе, съ краткимъ описаніемъ житія ея.

8) Протопопъ Аввакумъ въ темницѣ и посѣщеніе его боярыней Морозовой, съ краткимъ описаніемъ.

9) Притча о мытарѣ и фарисеѣ.

10) Цѣлебникъ въ лицахъ.

11) Райскія птицы.

12) О непокровенныхъ сосудахъ.

Всѣ эти картины отпечатаны въ краскахъ, мѣстами золотомъ, текстъ — церковно-славянскимъ шрифтомъ. По темамъ, рисунку, компановкѣ картины эти (за исключеніемъ двухъ) очень архаичны, полны наивныхъ подробностей. У многихъ онѣ вызовутъ лишь презрительно-снисходительную улыбку, но стоитъ только внимательно разсмотрѣть ихъ и придется признать, что онѣ полны дѣйствія, настроенія, одушевлявшаго рисовавшаго. —

настроенія, передающагося и смотрящимъ на картину. Въ этой особенности старыхъ народныхъ картинокъ, поражающей даже объективно разсматривающаго ихъ изслѣдователя, и заключалась просвѣтительная сила ихъ. Очень оригинальна по тексту и рисунку картина „О непокровенныхъ сосудахъ“: старцу въ пустынѣ является бѣсъ, покрытый гноемъ отъ главы до ногъ, пришедшій прямо съ блуднаго двора. На вопросъ старца, почему онъ не обмылся, дьяволъ отвѣчаетъ, что Богъ запрещаетъ ему осквернять рѣки и источники, а потому ему остается итти въ христіанскіе домы и омыться въ сосудахъ, которые обрящетъ непокровенными христіанами, „они же отъ этого омовенія пріймутъ болѣзни и скорби тяжкія“. Отъ этой картины и текста мысль невольно переносится къ указаніямъ современной науки о необходимости „покрыванія сосудовъ“ во избѣжаніе подобныхъ же скорбей. Велико разстояніе, пройденное умомъ человѣка отъ одного объясненія до другого, а все же это этапы, точки на одномъ и томъ же пути—познанія. Трогательно хороша и глубока по значенію картина „Райскія птицы Алконостъ и Сиринъ“, съ текстомъ изъ книги „Гранографъ“, глава 4 и 98.

1) Райская птица „Алконостъ“.

„Птица райская Алконостъ близъ рая пребываетъ,
Нѣкогда и на Ефратѣ рѣцѣ бываетъ.
Егда же въ пѣніи гласъ испущаетъ,
Тогда и сама себе не ощущаетъ.
А кто во близости ея будетъ,
Той въ мірѣ семъ все позабудетъ.
Тогда умъ отъ него отходитъ,
И душа его изъ тѣла исходитъ.
Таковыми пѣсньми святыхъ утѣшаетъ,
И будущую имъ радость возвѣщаетъ,
И многая благая тѣмъ сказуетъ,
То и явѣ перстомъ указуетъ“.

2) Райская птица „Сиринъ“.

„Птица райская, зовомая Сиринъ,
Гласъ ея въ пеніи зело силенъ.
На востоцѣ въ едемскомъ раю пребываетъ,
Непрестанно пеніе красно воспеваетъ.
Преподобнымъ будущую радость возвещаетъ,
Которую Господь святымъ своимъ обещаетъ.
Временемъ влѣтаетъ и на землю къ намъ,

Подобно сладкопесненно поетъ якоже и тамъ.
Всякъ бо человѣкъ во плоти живя,
Не можети слышати гласа ея.
Аще кому слышати случится,
Таковыи отъ житія сего отлучится.
Но не яко тамо онъ пребываетъ,
А во следъ ея теча падъ умираетъ".

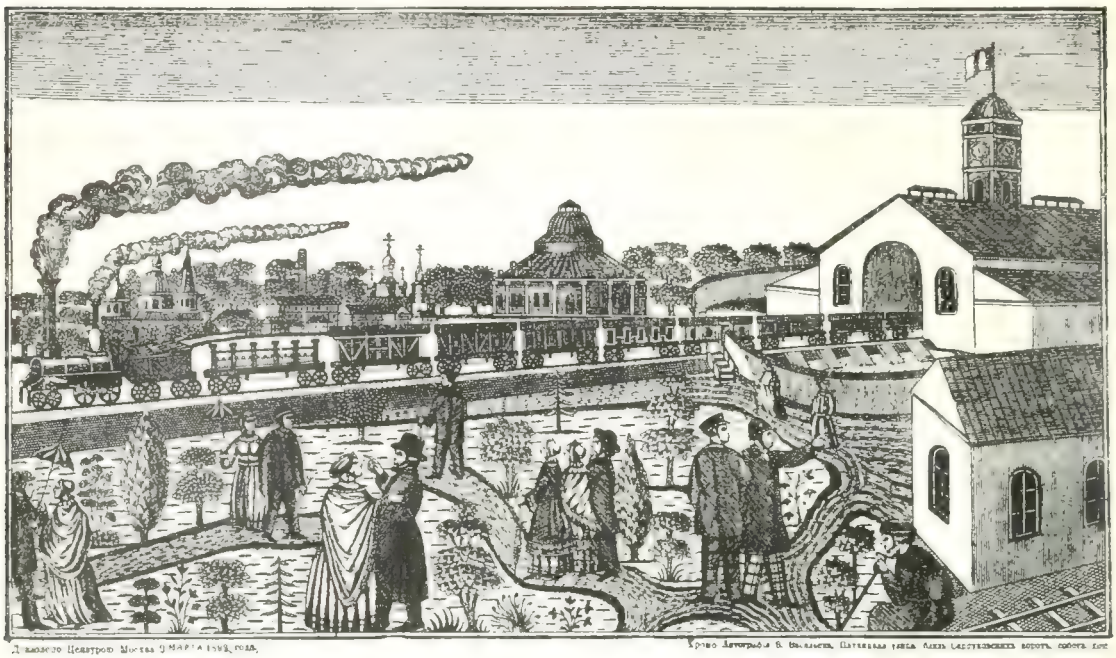
Не о тѣхъ ли „звукахъ небесъ" говоритъ намъ и Лермонтовъ въ стихотвореніи „Ангелъ"!

Въ циклъ старыхъ образцовъ этой коллекціи картинъ старообрядческихъ печатни поморцевъ уже вошла, однако, твердою поступью современность въ видѣ двухъ картинъ: „Аввакумъ въ темницѣ и посѣщеніе его боярыней Морозовой" и „Боярыня Морозова на пути въ заточеніе" Сурикова, обѣ—снимки съ произведеній современной русской живописи.

Отдѣлъ картинъ историческаго содержанія послѣ религіозно-нравственнаго самый значительный, какъ по количеству темъ, такъ и по соотвѣтствію запросамъ и вкусамъ покупателей изъ народа. Картины эти разсказывали и о далекомъ прошломъ и о современности, о событіяхъ текущей отечественной и міровой жизни въ тѣ времена, когда газеты и въ городахъ читались немногими, а въ деревнѣ вовсе были неизвѣстны: случайно попавшій туда газетный листъ имѣлъ другое прямое назначеніе—шелъ на куреніе.

Информаціонная функція лубочныхъ картинъ недостаточно оцѣнивается нами, а она была очень значительна въ особенности въ 50 и 60 годы. Тогда въ ходу былъ исключительно простовикъ. Невзрачный листокъ съ нехитрымъ рисункомъ все же ставилъ предъ глазами невиданное и невѣдомое: и море, и горы, корабли и крѣпости, столичные дворцы и площади, страны чужеземныя съ ихъ жителями, битвы на сушѣ и морскія сраженія.

Для цѣли освѣдомленія чего стоитъ одинъ лубокъ о первой въ Россіи желѣзной дорогѣ! („Желѣзная дорога", хромолит. Васильева). На картинѣ московскій вокзалъ Николаевской желѣзной дороги, выѣзжающій изъ вокзала поѣздъ и съ удивленіемъ смотрящая на него гуляющая публика; дамы въ шляпахъ и шаляхъ, женщины въ платкахъ, мужчины въ соотвѣтствующихъ званію одѣяніяхъ. Рисунокъ выдержанный старинный, деревья и цвѣтущія растенія, среди которыхъ гуляетъ народъ, нарисованы по образцу деревьевъ въ дѣтскихъ игрушкахъ, изготовляемыхъ кустарями и до сихъ поръ.



Дешевого Центрпечати Москва 9 МАРТА 1871 года. Хромо Литографія Б. Васильева, Шереметьевъ переулокъ, Лаврушинскій переулокъ, собственный домъ.

ЖЕЛѢЗНАЯ ДОРОГА

Близко красныхъ воротъ,
Есть налѣво поворотъ,
Мѣсто вновь преобразилось;
Тамъ диковинка явилась,
Инамѣстѣ на пустомъ,
Выросъ вдругъ огромный домъ
Надому большая вышка,
И свиститъ тамъ очень страшно
Самосвистъ замысловатый
Знатьзаморской хитроватый
И на дворъ когда взойдешъ,
Инечто еще найдешъ

Тамо двѣ увидишъ много,
Тамъ чугунная дорога
Не бывалая краса,
Это просто чудеса
Бѣ для пути чугунны шины,
По путамъ летатъ машины;
Не на тройкахъ на парахъ;
Посмотрѣть тамъ право страхъ
Отдышъ дѣтишки нашестѣ,
Съ въ здравствуй в верстъ за 400,
ну тамъ дивная лошадка
Богатырская удвятка

Тащитъ тысячи пудовъ
Не малой лишъ только дровъ
Закипитъ вдругъ самоваромъ
Фыркнетъ искрами и паромъ
Плавно мчится нетрасетъ
Словно вихремъ понесетъ
Скороходнимо самокатно
Что гладѣть весма приятно
Что задумана загадка
Отъ чего сильна лошадка
Отъ того такъ здорова
Не овесъ ѣстъ здорово

И водицы пьетъ по много
Но зато во всю дорогу
Ни когда ужъ не слыхать
Что бы стала отъ дышать
Успѣй только моргнуть глазомъ
Какъ примчитъ въ питеръ разомъ
Дидиконъ нашъ самокатъ
Русской удалью богатъ
Говорю а самъ весъ шутокъ
Что проедешъ менше сутокъ
Знаетъ русской нашъ народъ
Верстъ допитеръ шиста сотъ

Ну признатся господа
Славны питеръ и москва
Дочего народъ доходитъ
Самоваръ въ управкѣ ходитъ?
Нѣмцы вздора мастерами
Что машину сочинили
Нѣтъ голучшаго народъ-вора
Русью дѣлаетъ самоваръ

Освѣдомленіе даже въ такой формѣ, шутливой и хвастливой, признающей паровозъ русскимъ изобрѣтеніемъ, родней самовару, было очень своевременно и полезно: спустя много лѣтъ послѣ проведенія Николаевской желѣзной дороги, первые поѣзда на новыхъ линіяхъ встрѣчались народомъ съ ужасомъ, какъ явленіе силы дьявольской, грозящей всякими бѣдами мѣстностямъ, мимо которыхъ пройдетъ. О такихъ фактахъ газеты сообщали не разъ въ 70 годахъ.

Въ листахъ простовика, помѣченнаго 1875 г., имѣлись: „Александръ Македонскій на конѣ съ войскомъ на слонахъ“, „Мамаево Побоище“, „Ермакъ Тимоѳеевичъ—покоритель Сибири“, „Царь Іоаннъ Грозный“, „Жизнь за царя Ивана Сусанина“ съ текстомъ: „Убейте, зарѣжьте, здѣсь моя могила, но знайте, что я спасъ Михаила“, картина „Граждане нижегородскіе присягаютъ въ вѣрности Россіи“, „Памятникъ гражданину Минину и князю Пожарскому“ въ Москвѣ, „Петръ Великій на конѣ съ

подзорной трубкой въ рукѣ впереди войска, идущаго на штурмъ крѣпости", „Примѣрный поступокъ солдата, который спасаетъ жизнь Петра Великаго на охотѣ", „Суворовъ Рымникій на конѣ передъ отрядомъ", „Анекдотъ Суворова" передъ штурмомъ Измаила и еще листъ: портретъ Суворова въ центрѣ со снимкомъ автографической подписи его, вокругъ—семь картинъ, подъ каждой—текстъ, сообщающій объ особенностяхъ характера героя-чудака, долго жившаго въ памяти народной. „Генералъ-фельдмаршалъ князь Голенищевъ-Кутузовъ Смоленскій, принимающій главное начальство надъ русскимъ воинствомъ" (литографія Морозова 1877 г.), на боевомъ конѣ передъ войскомъ съ непокрытой головой и молитвеннымъ выраженіемъ лица; надъ нимъ паритъ орелъ. Это едва ли не единственный лубокъ о 12 годѣ, еще обращавшійся на рынкѣ въ 70 годы. Военачальники періода войнъ съ Турціей, на Кавказѣ: Ермоловъ, Воронцовъ, Муравьевъ, Бебутовъ, Хомутовъ и мн. др., И. Н. Скобелевъ на полѣ сраженія сидитъ на барабанѣ, ему ампутируютъ лѣвую руку, на правой осталось три пальца: „для меча и штыка къ защитѣ Святой Вѣры, Русскаго Царя и славы нашего отечества среди храбрыхъ товарищей и трехъ пальцевъ оставленныхъ на рукѣ моей съ избыткомъ достаточно". „Сдача Шамиля съ Мурядами", „Сдача крѣпости Гуниба и взятіе въ плѣнъ Шамиля"—пальмы, снѣжныя вершины горъ, стѣны, купола мечетей съ минаретами. „1854 года октября 24 дня сраженіе при Севастополѣ во время большой вылазки подъ командой генерала Тимофѣева"—фантастическій городъ, окруженный стѣной съ башнями въ стилѣ московскаго Кремля, изъ амбразуръ палятъ пушки, бухта съ кораблями, подъ стѣнами города сраженіе (типографія Абрамова 1877 г.). „Вылазка изъ Севастополя въ ночь на 4 октября", текстъ изъ „Моск. Полиц. Вѣд.", № 262. „Подъ Севастополемъ перемиріе на нѣсколько часовъ для уборки тѣлъ мая 26 1855 года", хорошій рисунокъ, перепечатка изъ какого-нибудь иностраннаго иллюстрированнаго журнала. „Нападеніе англичанъ на Ставропигіальный Соловецкій монастырь 1854 года іюля 6 дня", „Сдача города и крѣпости Карса въ 1855 году": толпа турокъ, отряды русскаго войска, на первомъ планѣ граждане Карса, подносящіе на блюдѣ Муравьеву „ключи" города. Карикатуры: „Охо-хо, тащолъ руська музикъ кулякомъ и вѣсомъ": на одной чашкѣ вѣсовъ стоитъ мужикъ въ армякѣ, скрестивъ руки, на другой—силятся перетянуть сидящіе на ней и висящіе на цѣпяхъ вѣсовъ во множествѣ французы, турки, англичане. „Тройка. Три товарища": на первомъ планѣ въ упряжкѣ представители европейскихъ державъ, выступившихъ противъ Россіи, тройкой правитъ аллегорическая

женская фигура, на второмъ планѣ на берегу бухты—фортъ Севастопольскихъ укрѣпленій, противъ него лагерь войскъ союзниковъ съ выдвинутой впередъ телѣгой съ пушками и знаменами, въ упряжкѣ—лебедь, щука и ракъ, текстъ—„Вотъ мчится тройка удалая, а глупость смѣло правитъ ей. И въ бездну тащитъ какъ шальная разнокалиберныхъ коней". Далѣе—басня Крылова. „Однажды лебедь, ракъ и щука" и т. д. И этотъ лубокъ, нужно думать, перепечатка карикатуры изъ русской газеты или журнала; рисунокъ сдѣланъ твердой рукой опытнаго мастера.

Событіе 19 февраля отпечатлѣлось на лубкѣ въ слѣдующей картинѣ: въ верхней части листа полукругъ съ надписью „1861 года 19 февраля", подъ нимъ двуглавый орелъ съ надписью въ видѣ ленты „Слава Императору Александру II". „Государь изображенъ въ горностаевой мантіи, стоящимъ на возвышеніи, большой лавровый вѣнокъ обрамляетъ всю фигуру отъ края мантіи до верха царскаго вѣнца, съ обѣихъ сторонъ отъ края листа до вѣнка двѣ виньетки: одна—видъ Дворцовой площади съ Александровской колонной, другая—сельская церковь и улица крестьянскаго поселка. Возвышеніе, на которомъ стоитъ Александръ II, окружаетъ группа—вѣрнѣе толпа—крестьянъ всѣхъ возрастовъ, старики подносятъ хлѣбъ-соль. Замѣтно намѣреніе художника въ выраженіи лицъ крестьянъ отмѣтить чувства и настроенія различныхъ возрастовъ въ этотъ великій для нихъ день: старики стоятъ на колѣняхъ, сложили руки какъ на молитвѣ, молодежь подняла головы и смотритъ на Царя съ выраженіемъ радостнаго удивленія и надежды. Подъ картиной надпись: „Незабвенный день 19 февраля 1861 года освобожденія крестьянъ и дворовыхъ людей изъ крѣпостной зависимости, слава Царю Освободителю". Рисунокъ очень недуренъ, настолько хороша композиція, что можно предполагать заимствованіе, но если это такъ, то выборъ дѣлаетъ честь издателю, а надписи и текстъ уже, безъ сомнѣнія, кровное достояніе самого лубка, его „творцовъ". О немъ дадутъ понятіе слѣдующія строки:

„Какъ легко твоему народу
Подъ державною рукой
Даровалъ ему свободу
Радость щастье Роси всей
Въ твое сердце самъ Спаситель
Мысль великую вселилъ
Ты жъ Державный Властитель
Нову жизнь намъ подарилъ".

Неизбѣжная высокопарность не скрываетъ чувства искренней радости, одушевлявшей „сочинителя“ (типографія А. В. Морозова) [1]). Этотъ длинный списокъ историческихъ темъ на листахъ простовика составленъ по тѣмъ изъ этихъ листовъ, которые были собраны любителями на базарахъ, въ лавкахъ, у издателей. Онъ былъ бы несравненно полнѣе и богаче, будь возможность обозрѣть все изданное въ 60 и 70 годы. Но и перечисленное, думается, даетъ право сказать, что информаціонное значеніе свое лубокъ-простовикъ исполнилъ недурно и это безъ всякой помощи со стороны интеллигенціи. Видѣть въ глухомъ углу что-либо изъ выше перечисленнаго было цѣлымъ событіемъ. Текстъ подъ картинами былъ коротокъ, но все же давалъ имена, названіе мѣста событія, годъ и день. И это уже было не маловажнымъ обогащеніемъ скуднаго запаса духовной пищи народа, матеріаломъ для разговоровъ о томъ, „что дѣлается на свѣтѣ“.

Съ воцареніемъ хромолитографіи въ техникѣ производства картинъ въ 80 годахъ лубочныя картины принимаютъ совершенно иной видъ: яркія краски, бойкій правильный рисунокъ профессіонально обученныхъ въ рисовальныхъ школахъ рисовальщиковъ. Быстро увеличивается и количество сюжетовъ на новый нарядный лубокъ. Но что-то утрачено изъ того, что было въ простовикѣ: что именно—формулировать трудно: наивность, своеобразная оригинальность, самостоятельность. Можно предполагать, что на увеличеніе числа картинъ историческаго содержанія не осталось безъ вліянія увеличившееся число окончившихъ школу крестьянъ, кое-что вынесшихъ изъ книгъ для класснаго чтенія по отечественной исторіи, а потому склонныхъ пріобрѣтать картины о событіяхъ и лицахъ, о которыхъ слышали хотя мелькомъ въ школѣ.

За время съ половины 80 годовъ до конца 90 вышло такое количество картинъ историческаго содержанія у разныхъ московскихъ издателей, что изъ нихъ можно было составить коллекцію для ознакомленія съ главными событіями русской исторіи. Съ точки зрѣнія современныхъ педагогическихъ требованій картины эти, какъ наглядныя пособія, не выдерживаютъ критики, но въ свое время, и очень недавнее, онѣ, нужно это

---

[1]) Издательская фирма Морозова существуетъ до сихъ поръ. Основатель ея А. В. Морозовъ, крестьянинъ Калязинскаго уѣзда, Тверской губ., давно умеръ. Интересныя свѣдѣнія объ этомъ сильномъ оригинальномъ самородкѣ сообщаетъ А. С. Пругавинъ въ своей книгѣ „Запросы народа и обязанности интеллигенціи“. С.-П.-Б. 1895 г., стр. 284—286.

признать, вполнѣ подходили къ уровню и объему того, что давалось утвержденными программами въ школахъ по этому предмету.

Для взрослаго же малограмотнаго населенія картины продолжали выполнять свою информаціонную функцію. По обилію фактическаго матеріала и достоинству композиціи обращали на себя вниманіе слѣдующія картины: „Въ память девятисотлѣтія Крещенія Руси“: апостолъ Андрей на берегу Днѣпра, св. Владиміръ съ дружинниками, смотрящій на картину Страшнаго Суда въ рукахъ монаха-грека, крещеніе св. Владиміра, кіевлянъ, св. Ольга, сверженіе идола Перуна, построеніе собора, видъ Кіево-Печерской лавры; „Двухсотлѣтіе Полтавской побѣды“ — портреты Петра Вел., Меншикова, Рѣпнина, Шереметьева, Голицына, Полтавская битва, празднованіе побѣды, Петръ Великій поднимаетъ заздравный кубокъ за учителей своихъ—шведскихъ вождей плѣнниковъ, текстъ—„Полтавскій бой“ Пушкина (литографія Сытина). „Къ столѣтію со дня смерти великаго русскаго полководца Александра Васильевича Суворова“—большой портретъ Суворова, вокругъ въ 8 картинахъ: переходъ черезъ Чортовъ мостъ въ Альпахъ, взятіе Варшавы, Суворовъ велитъ солдатамъ рыть могилу, замѣтя въ нихъ упадокъ духа, нежеланіе совершать далѣе трудный переходъ черезъ Альпы, С. играетъ въ бабки на улицѣ съ крестьянскими дѣтьми и др. (литографія Сытина). „Наполеонъ 1812 годъ въ Россіи“ и „Главныя событія изъ отечественной войны“ (изд. литографіи А. В. Морозова и В. Васильева), обѣ картины сходны по композиціи и выбору событій; въ центрѣ листа совѣтъ въ деревнѣ Фили объ отдачѣ Москвы безъ бою, съ картины Кившенко, портреты: Александра I, Кутузова, Барклай-де-Толли, Багратіона, Платова, Наполеона, Бородинское сраженіе, сраженіе при рѣкѣ Березинѣ, Наполеонъ съ Кремлевской стѣны смотритъ на горящую Москву, отступленіе и гибель Великой арміи, старостиха Василиса и др. Всѣ перечисленныя картины большого размѣра, 2-листовыя, кромѣ того, было много картинъ въ 1 л. и $^1/_2$ л. на тѣ же темы, особенно удачны картины, изображающія Наполеона съ маршалами, покидающими пылающую Москву.

Видное мѣсто по количеству картинъ было удѣлено времени царствованія Александра II, реформамъ, войнѣ за освобожденіе славянъ. Много было хорошихъ портретовъ государя, на нѣкоторыхъ листахъ портретъ его окружали портреты дѣятелей его царствованія, какими были: Н. А. и Д. А. Милютины, Ланской, Арцимовичъ, Зарудный, Ровинскій, Ростовцевъ, Унковскій, Головнинъ. Эти портреты сподвижниковъ и дѣятелей при портретахъ государей были единственными портретами общественныхъ

дѣятелей и государственныхъ людей, доходившими до крестьянскихъ избъ, такъ какъ, кромѣ портретовъ государей и особъ царской фамиліи, издатели лубочныхъ картинъ ничьихъ портретовъ не издавали. Исключеніе было сдѣлано лишь для „бѣлаго генерала“ Скобелева и Іоанна Кронштадтскаго, изображенія которыхъ были въ большомъ спросѣ у покупателей. Число картинъ о войнѣ 1877 года за освобожденіе славянъ было очень велико. Картины сраженій побѣдоносныхъ вступленій въ различные города, страданій болгарскаго населенія отъ звѣрствъ баши-бузуковъ, проводы и встрѣчи народомъ войскъ, уходившихъ и возвращавшихся. Цѣль войны для народа была ясна и вызывала большое сочувствіе. Интересна группа картинъ аллегорическихъ, каковы, напримѣръ: „Россіянинъ“ — витязь въ кольчугѣ и шлемѣ, на щитѣ „Защититель угнетенныхъ“, на копьѣ лавровый вѣнокъ съ лентой, на ней „слава великому русскому побѣдителю“, за фигурой витязя въ глубинѣ Дарданеллы съ турецкой крѣпостью на морѣ, у ногъ витязя два суденышка „паровыхъ съ раздутыми парусами, на вымпелахъ „Москва“ и „С.-Петербургъ“ (вызывающихъ улыбку при сравненіи съ современными дредноутами). Текстъ: „Россіянинъ витязь русскій, нашъ могучій богатырь, защититель угнетенныхъ побѣдитель злыхъ враговъ. Своимъ подвигомъ великимъ славы доблестной достигъ; изъ великихъ ты великій Русскій сильный богатырь“ (хромолитографія Шарапова 1878 г., отпечатано 20 тысячъ экземпляровъ). „За вѣру и Славянъ“—Россія въ видѣ мощной женской фигуры въ сарафанѣ, въ шлемѣ съ развѣвающейся изъ-подъ него фатой, въ одной рукѣ держитъ крестъ, въ другой—поднятый мечъ, вокругъ нея—представители различныхъ народностей русскаго государства, на заднемъ планѣ простирающіе руки болгары, православный храмъ, берега Дарданеллъ, мечети. Текстъ — стихотвореніе Ѳ. Миллера изъ „Моск. Вѣд.“, № 90, говорящее о чувствахъ государя, который „медлилъ и ждалъ отъ нежеланья кровь дорогую сердцу проливать, но если разъ Россіи честь задѣта, я убѣжденъ, что всѣ ея сыны безъ исключенія примутъ къ сердцу это и постоятъ за честь родной страны“ (литографія Шарапова 1877 г.). Другая почти такой же композиціи и съ тѣмъ же текстомъ была выпущена издателемъ Стрѣльцовымъ въ томъ же году. „Свободна Болгарія“—аллегорическая женская фигура—Болгарія, со знаменіемъ въ одной рукѣ и опущеннымъ мечомъ въ другой, у ногъ ея разбитыя цѣпи, щитъ, поставленный на большую бѣлую книгу, на которой начертано „Конституція“ (хромолитографія Сытина 1879 г.). Были выпущены и двѣ картины, знакомившія съ участниками конференціи въ Константинополѣ 1877 г. и „Конгресса великихъ евро-

пейскихъ державъ, созваннаго въ Берлинѣ для мирнаго устройства дѣлъ на Балканскомъ полуостровѣ", вмѣсто текста — перечисленіе именъ засѣдающихъ.

Война за освобожденіе славянъ вызвала въ народѣ интересъ къ жизни за предѣлами Россіи и интересъ этотъ съ окончаніемъ войны не ослабѣвалъ. Отвѣтомъ на него явились картины съ портретами „царствующихъ государей разныхъ странъ" и подъ названіемъ „Государи и правители всего свѣта". Въ 1883 г. ихъ насчитывалось у различныхъ издателей до 9 различныхъ композицій и величинъ отъ $^1/_2$ л. до 2 л., что, несомнѣнно, свидѣтельствуетъ о большомъ спросѣ на картины этого содержанія. На картинѣ „Путешествіе его Императорскаго Высочества Наслѣдника Цесаревича по Египту и Индіи" (изд. Сытина 1891 г.) помѣщены очень недурные виды улицъ въ Бомбеѣ, индусскихъ храмовъ, дворцовъ, египетскихъ пирамидъ.

Событія внутренней жизни Россіи иллюстрировались рѣдко, въ исключительныхъ случаяхъ, какъ коронація, открытіе памятника Александру II въ Москвѣ и т. п. Очень удачно справились издатели и ихъ мастера-художники съ нелегкой задачей изобразить многонародное, разнообразное населеніе Россіи, какъ государственное цѣлое. Таковы картины: „Императоръ Александръ III и подвластные ему народы Россіи" (литографія Сытина 1883 г.). Въ верху листа портретъ императора Александра III въ горностаевой мантіи на возвышеніи, изящно декорированномъ знаменами и зеленью, на остальномъ пространствѣ листа народы и племена въ ихъ бытовой жизни: сѣверные инородцы, чумы, олени; татары, великороссы у хлѣбнаго поля съ серпами, косами, малороссы у возовъ съ волами, донцы, кавказцы у горъ со снѣжными вершинами, туземцы закаспійскаго края. Въ 1891 г. этотъ же издатель выпустилъ картину болѣе простой и реальной композиціи, изображены 35 различныхъ племенъ и народовъ Россіи вокругъ портретовъ Государя, Государыни и Наслѣдника. Тема эта, видимо, занимала издателей и новизной и трудностью исполненія: въ изданіи Морозова „Племена и народы Россіи" отдѣльныя фигуры очень живо изображены. Текстъ состоитъ изъ перечисленія изображенныхъ племенъ и народовъ и значится въ немъ между прочими: „Лопарь, Калуга, башкирка, Тула, Киргизъ, Тверь..." (литогр. Морозова 1892 г.). Тема новая—сразу не давалась. Картина у покупателей шла хорошо, и въ любой народной школѣ на ея голыхъ стѣнахъ радовала бы ребятъ. Только врядъ ли попала хотя въ одну изъ нихъ, какъ недостойная по своему званію „лубочной картины".

Побѣды американцевъ надъ испанцами, буровъ надъ англичанами, событія русско-китайской войны также нашли себѣ мѣсто въ лубочныхъ картинахъ. Въ послѣднихъ преобладаютъ карикатуры, безъ сомнѣнія, заимствованныя изъ газетъ: „Сонъ китайца“ изображаетъ пробужденіе китайца въ постели, на которую забрались съ ружьями и пушками европейцы: „въ испугѣ машетъ онъ руками, а тутъ свои же „кулаки“ грозятъ мятежно кулаками“. Народная карикатура больше всего трунитъ надъ державами, съ разныхъ сторонъ норовившими потрепать сына неба. „Веселая поѣздка“ изображаетъ огромнаго китайца на четвереньках, на спину котораго взобрались, играя въ лошадки, европейцы. „Нѣмецъ его къ образованію да развитію кличетъ, а самъ по затылку ружьями тычетъ“ и т. д. На карикатурѣ „Бѣдный простофиля китаецъ“ изображено, какъ у бѣснующагося китайца висятъ на косѣ европейцы. Довольно плохія вирши подъ карикатурой кончаются такъ: „Китаецъ не вертись ты такъ и сякъ, ушами длинными хитро не хлопай! Европѣ тычешь ты дурацкой свой „кулакъ“—попробуй же и кулака Европы!“ За карикатурой, изображающей бѣгство императрицы съ мандаринами изъ Пекина, слѣдуетъ карикатура, изображающая, какъ европейцы приглашаютъ императора снова занять тронъ въ Пекинѣ, „Спрятался онъ между лѣса да горъ и желаетъ вести оттуда свой разговоръ. „Ничего, говоритъ, безъ меня старичокъ складнѣе уладитъ...“ Его зовутъ въ Пекинъ да кличутъ, скоро, пожалуй, подымутъ вой: „Ты, поди, дескать, коровушка, домой...“ Переговоры о мирѣ вызвали, между прочимъ, карикатуру подъ заголовкомъ: „Китайскій вопросъ (совѣщаніе у больного Ли-Хунгъ-Чанга“). Европейцы въ мундирахъ окружаютъ больного Ли-Хунгъ-Чанга. Въ подписи, между прочимъ, читаемъ: „Вотъ ни живъ ни мертвъ лежитъ длинноволосый, съ виду раскосый; прозывается Ли-Хунгъ-Чангъ... Хорошо бы его съ солониною въ чанъ. А тонкая штука! Раскуси-ка его, ну-ка! Вокругъ собрались дѣльцы, — европейцы-удальцы, думаютъ крѣпкую думу, какъ бы помочь желтому куму“. И далѣе слѣдуетъ во вкусѣ раешниковъ характеристика европейцевъ. Особая карикатура посвящена Чэмберлену и Ли-Хунгъ-Чангу, между которыми происходитъ соглашеніе на томъ, что Ли-Хунгъ-Чангъ находитъ „общую черту“. Чэмберленъ: какую же? Распутайте же путы!.. Ли-Хунгъ-Чангъ: почтенный Чэмберленъ, мы оба съ вами... (читателю предоставляется самому найти нехитрую риѳму къ слову „путы“). Какъ бы то ни было, переговоры кончились миромъ, и народная иллюстрація живописуетъ россійскихъ и иныхъ храбрыхъ воиновъ празднующими миръ въ китайскомъ „чайномъ домѣ“ и отплясывающими тре-

пака съ китайцами. Вся же китайско-русская война является въ видѣ лицевой сказки объ „англичанинѣ, китайцѣ и Акимѣ-мужикѣ“, представляющей отчасти пародію на „Рыбака и рыбку“. Китаецъ поймалъ неводомъ англичанина, который обѣщалъ выкупъ: „Банки открою, дороги построю“. За англичаниномъ набралась орава иностранцевъ. Побѣжалъ китаецъ къ старухѣ. „Какъ и тутъ-то старуха взбеленилась, „большіе кулаки“ свои сжала и велитъ она бить всѣхъ иностранцевъ... Какъ и тутъ-то китайцы взбушевались: бьютъ съ плеча, рубятъ и рѣжутъ... и виновнаго и праваго на колъ сажаютъ. Поглядѣлъ русскій, зипунъ сбросилъ, а какъ сбросилъ, тряхнувши руками, сталъ наукѣ учить онъ китайца (на картинѣ русскій мужикъ подбиваетъ носъ китайцу). Поучилъ малость, говоритъ: „довольно!“ за руку взялъ... „Ну, пойдемъ, косоглазый, по-сусѣдски чайку съ тобой пару двѣ выпьемъ!.. А вы, господа европейцы, дѣлежъ себѣ чините, только, чуръ, межъ собой не кусаться!“ (Русскій ведетъ китайца въ трактиръ „Кяхта“) [1].

Что въ картинахъ принадлежитъ самимъ рисовальщикамъ для лубочнаго рынка, какъ въ этихъ карикатурахъ разбирался народъ-покупатель,— сказать трудно. Одно несомнѣнно — вліяніе газетъ дѣлается все ощутительнѣе въ производствѣ лубочныхъ картинъ.

Небывалая, безпримѣрная въ исторіи, идущая уже третій годъ всемірная война побудила издателей къ выпуску множества народныхъ картинъ (около тысячи сюжетовъ). Разсмотрѣніе ихъ потребовало бы слишкомъ много мѣста, а для оцѣнки ихъ содержанія и произведеннаго ими впечатлѣнія на покупателей время еще не настало, а потому приходится ограничиться лишь нѣсколькими словами о нихъ. Художественное производство этихъ картинъ не ограничилось обычными силами, которыми располагали издатели; за исполненіе оригиналовъ взялись извѣстные художники, цѣлыя группы ихъ, какъ, напримѣръ, выпустившая рядъ картинъ подъ общимъ названіемъ „Сегодняшній лубокъ“, а также нѣкоторыя издательства—фабрика плакатовъ А. Ф. Постнова и др.

Для изображенія войнъ XX вѣка не подойти было художникамъ съ прежними пріемами батальной живописи. Нѣтъ битвъ „на поляхъ“, такъ красиво выходившихъ на большихъ полотнахъ, не изобразишь военачальника, величаво на конѣ предводительствующаго войскомъ, или группу штаба съ центральной фигурой главнокомандующаго, съ высоты смотря-

[1]) См. статья В. Е. Вѣтринскаго „Народныя картины“, журн. „Міръ Божій“ 1901 г. декабрь.

щихъ на развертывающійся бой. Болѣе чѣмъ когда-либо для сражающихся „и смерть и адъ со всѣхъ сторонъ“, но приносятся они ураганнымъ огнемъ издалека, стараются застигнуть врага врасплохъ въ окопахъ. А побѣды удушливыхъ газовъ, „чемодановъ“, при разрывѣ поднимающихъ въ воздухъ кровавые фонтаны разорванныхъ человѣческихъ тѣлъ, на картину не просятся. Болѣе чѣмъ за прежнія войны художникамъ-баталистамъ приходится довольствоваться картинками единичныхъ подвиговъ и ужасовъ войны „въ интимной обстановкѣ“, какъ, напримѣръ: казакъ поднялъ пруссака за усъ, какъ таракана, и мѣтитъ сразить его щелчкомъ, или—французъ и англичанинъ держатъ на вѣсу Вильгельма, а казакъ грѣетъ его нагайкой, смѣющаяся, довольная собой баба въ красномъ сарафанѣ и лаптяхъ подняла на вилы австрійца, изъ котораго кровь льетъ ручьемъ, подвигъ Козьмы Крючкова изображенъ въ видѣ казака, на скаку нанизывающаго на пику пруссаковъ и австрійцевъ. Сюжетъ этотъ появился у всѣхъ издателей въ 8 варіантахъ. Такъ изображенныхъ ужасовъ войны лубокъ и покупатели его не видѣли отъ самаго своего рожденія за все время существованія. Пусть не видятъ ихъ покупатели и въ наши дни! Картины нарисованы искусной рукой, бойкій и веселый текстъ какъ нельзя лучше подчеркиваетъ и добавляетъ смыслъ нарисованнаго, все это находитъ себѣ оправданіе, пожалуй, допустимо на летучемъ листкѣ, на страницѣ газеты, дни коихъ кратки, но на картинѣ для народа, долгіе годы украшающей стѣны избы,—на картинѣ, глядя на которую, растутъ и воспитываются дѣти, этого быть не должно!

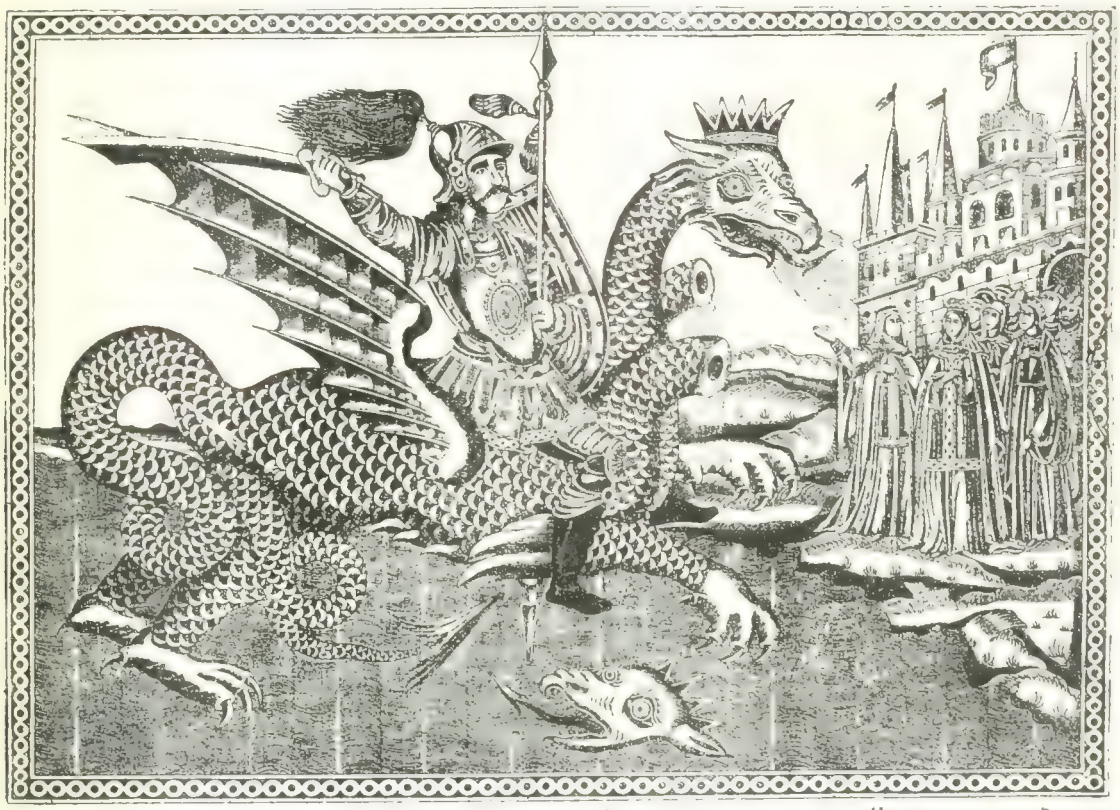
Чудеса современной техники войны нагромождаютъ ужасы отъ вновь изобрѣтенныхъ смертоносныхъ орудій, требуютъ подготовки для ихъ изоб-

раженій, но и это стало уже достояніемъ народныхъ картинъ, таковы: „Подвигъ авіатора Гаро“ (изд. Т-ва Сытина), „Гибель германскаго крейсера „Магдебурга“, „Въ битвѣ на Днѣстрѣ“ (хромолит. Морозова 1915 г.). Обращаетъ на себя вниманіе картина „Врагъ рода человѣческаго“ (хромолитогр. Т-ва И. Д. Сытина), нарисованная очень извѣстнымъ русскимъ художникомъ (имени на рисункѣ нѣтъ). Вильгельмъ изображенъ на ней въ видѣ дьявола съ копытами и длиннымъ хвостомъ, въ обѣихъ рукахъ онъ держитъ по черепу, у ногъ его два города—Реймсъ и Лувенъ, на самой картинѣ надписи „множество народа яростью погубилъ“, „многіе города воровски порушилъ“. Рисунокъ выдержанъ въ стилѣ средневѣковыхъ миніатюръ. Глядя на него, приходитъ на память изображеніе Аттилы съ рогами и дьявольскимъ выраженіемъ лица одной средневѣковой гравюры. Но вѣдь люди того времени вѣрили въ происхожденіе изъ преисподней Аттилы, посланнаго Богомъ въ наказаніе людямъ, а потому прозваннаго ими „бичомъ Божьимъ“, а въ наше время эта картина никого не устрашитъ и не тронетъ, такъ она вычурно-холодно выдумана.

Литературный отдѣлъ въ народныхъ картинахъ, отдѣлъ иллюстраціи къ произведеніямъ народнаго творчества и русскихъ писателей поражаетъ бѣдностью, неполнотой. Но могъ ли онъ быть инымъ? Иллюстрація могла появиться лишь къ произведенію, которое знакомо, которое возбудило къ себѣ интересъ. А при огульной народной безграмотности откуда было взяться знакомству съ литературными произведеніями. Конечно, на лубочномъ листѣ могъ быть и рисунокъ и текстъ, знакомящій съ изображеніемъ. Но такое совмѣщеніе было возможно лишь для такихъ небольшихъ по объему произведеній, какъ басни, пѣсни, сказки. Притомъ безграмотны были не только покупатели, но и сами издатели лубочныхъ картинъ, а также штатъ рисовальщиковъ и „писателей“, который у каждаго издателя имѣлся свой.

Картинами, прежде всего явившимися на лубкѣ послѣ или одновременно съ картинами религіозно-нравственнаго содержанія, были: „Славный, сильный и храбрый витязь Еруслан Лазаревичъ ѣдетъ на чудо-великомъ змѣѣ о трехъ главахъ, а прекрасная царевна Анастасія Вахрамѣевна встрѣчаетъ его“, „Славный, сильный и храбрый Бова-королевичъ поражаетъ Полкана-богатыря“, „Сильный храбрый богатырь Илья Муромецъ“, „Славный, храбрый богатырь Иванъ-царевичъ ѣдетъ на сѣромъ волкѣ, везетъ Жаръ-птицу и Елену Прекрасную на златогривомъ конѣ“. Ровинскій относитъ ихъ появленіе къ XVIII вѣку. При переходѣ на лубокъ онѣ подверглись нѣкоторымъ измѣненіямъ и держались на рынкѣ

въ теченіе всего времени господства простовика, затѣмъ стали воспроизводиться хромолитографіей по старымъ оригиналамъ до самыхъ послѣднихъ годовъ. Что привлекало въ нихъ? Были въ нихъ, несомнѣнно, сила, увѣренность, твердость въ рисункѣ, движеніе, дѣйствіе, то, что привлекало на всѣхъ старинныхъ изображеніяхъ и что такъ охарактеризовано



Славный силвный и храбрый Витязь Еруслан Лазаревичь ѣдетъ на Чудо великомъ Змѣѣ отрехъ главахъ а Прекрасная Царевна Анастасія Вохрамеевна встречаетъ его

Голышевымъ: вѣдь чего только нѣтъ въ этихъ картинахъ! Вотъ ужъ подлинно можно сказать „и черти, и любовь, и страхи, и цвѣты".

Животный эпосъ, такъ богато представленный въ русскихъ народныхъ сказкахъ, совсѣмъ не былъ воспроизведенъ на листахъ простовика и, что особенно бросается въ глаза, вовсе не было иллюстрацій наиболѣе любимыхъ народомъ сказокъ, въ избыткѣ издававшихся въ это время въ лубочныхъ книжкахъ-листовкахъ, которыя продавались тѣми же офенями, что и картины. Потому ли, что сюжетъ сказокъ былъ слишкомъ извѣстенъ

въ устной домашней передачѣ, или потому что въ достаточной мѣрѣ приносился лубочными книгами, потому ли, наконецъ, что для самоучекъ рисовальщиковъ иллюстрированіе богатаго фантастическаго содержанія сказокъ представляло слишкомъ большія трудности, изображеній героевъ и героинь русскихъ народныхъ сказокъ не было, а картина Иванъ-царевичъ на сѣромъ волкѣ, везущій Жаръ-птицу и Елену Прекрасную на златогривомъ конѣ, была заимствована изъ иностранныхъ оригиналовъ, также какъ и Бова-королевичъ и даже Илья Муромецъ, стрѣляющій въ Соловья разбойника. Былъ Иванъ-царевичъ, но не было Ивана дурака, этого главнаго, излюбленнаго героя русскихъ народныхъ сказокъ. Но что же удивляться тому, что его не дали рисовальщики, работавшіе для простовика, когда сюжетъ этотъ остался до сихъ поръ незатронутымъ творчествомъ и нашихъ извѣстныхъ русскихъ художниковъ. А онъ ли этого не стоитъ? Въ иллюстрированныхъ изданіяхъ сказокъ для дѣтей, даже дорогихъ, изображеніе Ивана дурака показываетъ полное непониманіе типа, вѣдь ихъ Иванъ идіотъ, а не тотъ Иванъ дуракъ, созданный народной фантазіей, который является носителемъ душевной чистоты и геніальной силы, побѣдителемъ „умниковъ" и въ лицѣ родныхъ братьевъ и тѣхъ сильныхъ и могущественныхъ, которые посылаютъ его на совершеніе подвиговъ, передъ которыми отступаютъ всѣ другіе.

Изъ всей литературы XIX вѣка, насколько объ этомъ даютъ право заключать случайно уцѣлѣвшіе въ различныхъ коллекціяхъ листы, попали на простовикъ: лишь немногія басни Крылова („Трудолюбивый медвѣдь", „Откупщикъ и сапожникъ"), Загоскина „Юрій Милославскій", Кольцова „Пѣснь старика" и „Что ты спишь, мужичокъ", Пушкина „Подъ вечеръ осени ненастной"... Вотъ и все, что удавалось видѣть. Съ 80 годовъ въ картинахъ хромолитографированныхъ увеличилось количество басенъ Крылова исключительно характера нравоучительнаго, но нѣтъ ни одной на тему общественной жизни; изъ Пушкина даны: „Полтава", „Сказка о рыбакѣ и рыбкѣ", „О купцѣ Остолопѣ", „Русланъ и Людмила", „Гусаръ"; изъ Гоголя „Тарасъ Бульба", „Ночь подъ Рождество" (подъ названіемъ „Кузнецъ Вакула"); изъ Некрасова—„Дядюшка Яковъ", „Коробейникъ"; изъ Лермонтова „Бояринъ Орша". Появилось нѣсколько картинъ иллюстрацій романа гр. Ал. Толстого „Князь Серебряный", ставшаго очень извѣстнымъ въ народной средѣ не по подлиннику, а по многочисленнымъ передѣлкамъ его въ лубочныхъ книжкахъ, подъ маской различныхъ названій, въ томъ числѣ „Князя Золотого"; изъ своей лубочной литературы были иллюстраціи къ повѣстямъ: „Ванька-Ключникъ" и „Разбойникъ Чур-

кинъ", расходившимся во множествѣ изданій - размѣромъ отъ листовки до объемистой книжки, съ яркой заманчивой картинкой на обложкѣ. Въ 1888 году издательствомъ Т-ва И. Д. Сытина былъ сдѣланъ опытъ познакомить своихъ покупателей со всѣми главными русскими писателями, была выпущена серія изъ 10 листовъ съ портретами и иллюстраціями къ произведеніямъ: Ломоносова, Державина, Жуковскаго, Пушкина, Лермонтова, Гоголя, Кольцова, гр. Л. Н. Толстого, гр. Ал. Толстого, Островскаго и Некрасова. Картины эти продавались полной серіей въ изящной папкѣ и отдѣльными листами, по 10 коп. за листъ, изданіе было исполнено тщательно, благодаря сотрудничеству извѣстныхъ художниковъ и иллюстраторовъ; оно было раскуплено интеллигенціей, но въ народъ отдѣльными листами не пошло, народъ не зналъ произведеній русскихъ писателей, не могли привлечь его и иллюстраціи къ нимъ; теперь при растущемъ числѣ сельскихъ народныхъ библіотекъ это незнаніе будетъ съ каждымъ годомъ уменьшаться.

Количество народныхъ пѣсенъ и романсовъ въ русскихъ народныхъ картинахъ всегда было очень значительно. Въ простовикѣ имѣлись: „Во лузяхъ, во лузяхъ", „Не будите молоду", „Отдалъ меня батюшка", „Въ селѣ маломъ Ванька жилъ", „Ай по лѣсу, по темному шелкова трава", „Ай во полѣ, ай во полѣ", „Ѣхали ребята изъ Ново-города", „Куда ты, другъ мой, уѣзжаешь на тотъ погибельный Кавказъ", солдатская „Жизни тотъ одинъ достоинъ, кто на смерть всегда готовъ"; малороссійская „Била жинка мужика", „Одна гора высока другая низка", „Засвистали казаченки"; романсы „Отгадай, моя родная", „Подъ вечеръ осени ненастной", „Вечеркомъ красна дѣвица", „Не брани меня, родная" и др. въ этомъ родѣ. Въ 60 годы однимъ покупателямъ нравилось свое кровное, давно знакомое видѣть почтеннымъ напечатаннымъ, въ картинѣ, другимъ — по преимуществу людямъ изъ дворовыхъ и мѣщанства были интересны романсы, которые поются господами, разыгрываются на фортепіано. О спросѣ на пѣсни со стороны покупателей говоритъ и то, что московскими издателями выпускались листы простовика съ малорусскими пѣснями для офеней, обходящихъ мѣстности съ малорусскимъ населеніемъ. Текстъ ихъ былъ страшно изуродованъ, благодаря незнанію наборщиками украинскаго языка, но нужно сказать, что и слова великорусскихъ пѣсенъ являлись также небрежно безграмотно напечатанными, съ сокращеніями, лишавшими текстъ всякаго смысла, или съ неумѣстными добавленіями. Романсъ „Вотъ на пути село большое" начинается въ лубкѣ слѣдующимъ четверостишьемъ:

„Гудитъ звонокъ и тройка мчится,
За нею пыль стоитъ столбомъ.
Вечерній звонъ по малу длится,
Безмолвіе мертвое кругомъ“.

Съ введеніемъ хромолитографіи въ производство картинъ листы пѣсенъ стали появляться въ хорошемъ выборѣ, въ изящномъ исполненіи, каковы, напримѣръ: „Ивушка“, „Матушка, что во полѣ пыльно“, „То цвѣли, то цвѣли въ полѣ цвѣтики“, „Какъ на горѣ калина“, юмористическія „Задумалъ Теренька жениться“, „Деревенски мужики они просто дураки—невѣжи“, „Камаринскій мужикъ“ и много другихъ, входящихъ въ моду въ городѣ и оттуда проникающихъ въ деревню. Картины эти не могутъ имѣть среди покупателей прежняго успѣха и значенія въ наши дни, когда старая народная пѣсня забывается, когда ея вытѣсняетъ частушка. На нѣкоторыхъ листахъ замѣчается новинка: за текстомъ помѣщена строка нотъ, содержащая мотивъ пѣсни („Солнце всходитъ и заходитъ“ изд. Т-ва Сытина). Есть основанія для надежды, что народную пѣснь ждетъ возрожденіе, возвращеніе въ родную среду, сдѣлается это учащимися въ народныхъ консерваторіяхъ, участниками хоровъ изъ мѣстныхъ жителей, которые будутъ выступать въ народныхъ домахъ, театрахъ. И тогда такіе листы картинъ съ нотами найдутъ спросъ и широкое распространеніе въ ближайшемъ будущемъ жизни деревни.

Къ этому отдѣлу должны быть отнесены **и картины сатирическаго содержанія, шуточныя, забавныя.** Все составляющее эту группу не блещетъ остроуміемъ, непріятно поражаетъ мелочностью темъ и плоскостью замысла, «беззубый и безжелчный» по приговору Ровинскаго. Но могъ ли онъ быть другимъ по цензурнымъ требованіямъ, вмѣнявшимъ издателямъ въ обязанность выпускать только „безвредное“? Вотъ и стало такимъ балагурство. Это не даетъ, однако, права заключать, что оно не могло бы выразиться иначе. Безъ сомнѣнія, при другихъ условіяхъ и въ этой области художественнаго творчества народная фантазія проявила бы ту же силу, какой одухотворены русскія народныя пословицы, загадки, легенды, сказки, поражающія красотой, мѣткостью языка и глубиной замысла. Картины послѣдняго двадцатилѣтія даже уступаютъ картинамъ старымъ, въ простовикѣ, каковы, напримѣръ: „Правда и Ложь“—Ложь встрѣчаетъ Правду изголодавшуюся, зазываетъ ее въ ресторацію и кормитъ досыта; при расплатѣ Ложь жестоко обсчитываетъ полового. На возгласъ полового — „Правда-Матушка, гдѣ ты?“ — Правда отвѣчаетъ тихонько:

„здѣсь-то здѣсь я, да закормлена". Рисунокъ ресторацiи съ публикой очень недуренъ.

„Роспись приданому тебѣ молодцу удалому". На картинѣ женихъ, одѣтый по модѣ, въ развязной позѣ на диванѣ, передъ нимъ читающая роспись сваха, сзади у дверей невѣста въ платьѣ декольте и кринолинѣ, скромно опустившая глаза. Рисунокъ хорошъ. Текстъ: „Я читать буду, слушай женихъ—не вертись, что написано не сердись", идетъ длинное перечисленiе составляющихъ приданое предметовъ, въ родѣ слѣдующихъ: „Серги золотыя изъ мѣди литыя, четыре браслеты да дѣвичьи шиблеты, платье изъ матерiи море моръ съ Воробьиныхъ горъ, салопъ мѣховой три лисьихъ овчинки, да на сто рублей починки, пирина изъ ежова пуха, колочена въ три обуха, кровать объ трехъ ногахъ, полѣно въ головахъ; на дворѣ пѣтухъ да курица, а въ поставѣ грошъ да мѣдная пуговица. Ножикъ, вилка, чашка, да кошка Машка, три котла да и тѣ погорѣли до тла, три тарелки посуды да три золы пуда, деньгами голикъ да вѣникъ, да сто рублей денегъ. Если вамъ, сударь, моя роспись въ честь, то извольте посмотрѣть и невѣста здѣсь". Эта картина очень близка къ старымъ образцамъ, описаннымъ Ровинскимъ. И до временъ произведенiй Островскаго, да и дальше не утрачивала она своего серьезнаго и потѣшнаго значенiя въ бытовой русской народной жизни. „Урокъ мужьямъ простякамъ и женамъ щеголихамъ"—деревенская улица, крестьянинъ, выводящiй со двора лошадь и корову, баба, играющая на свирѣли, и передъ ней пляшущая на заднихъ ногахъ коза, сани, тяжело нагруженныя дровами, на нихъ сидящiй мужъ, погоняющiй усердно кнутомъ запряженную въ сани жену. Текстъ—„баба мыслитъ ухитриться чтобъ получше нарядиться стала мужу говорить, стала ласково просить продай лошадь и корову да купи ты мнѣ обнову", мужъ исполняетъ просьбу. „Сарафанъ баба надѣла взявъ свирѣлку засвистала, стала козу забавлять, такъ все лѣто проиграла, что зима безъ дровъ застала". Мужикъ образумился и запрягъ въ сани жену въ лѣсъ за дровами, баба стала молить его продать обнову и купить лошадь и корову. Рисунокъ недуренъ, но по-старому на немъ одновременно и зима и лѣто, жена съ козой и она же, запряженная въ сани. Картина нравилась, а стихотворный веселый текстъ легко запоминался и повторялся съ большимъ увлеченiемъ и дѣтьми. „Всемiрная Косморама"—на улицѣ раешникъ съ косморамой на ручной телѣжкѣ, трое прохожихъ прижались къ стекламъ, прельщенные громко выкрикиваемыми раешникомъ чудесами: „показывается всякiй городъ и разные виды житейски, страны Халдейски, Салтанъ машетъ платкомъ,

ему грозятъ штыкомъ, завязалась кутерьма, огнемъ горятъ дома, громъ пушекъ, кваканье лягушекъ, бабій храпежъ ничего не разберешь. Вотъ идетъ мужикъ съ вилой—зовутъ Данилой", вила припасена для расправы съ Кузяхой, милымъ жены и т. д. (литогр. Глушкова 1878 г.).

Жизнь деревни съ ея злободневными нуждами и вопросами совсѣмъ

ПЕСНЯ О ПАТАКЕ СЪ ИИБИРЕМЪ

Вотъ варева съ ИИБИРЕМЪ
варилъ дядя Симеонъ
Вотъ ѣздила съ ИИБИРЕМЪ
даромъ денегъ неберемъ
собиралитесь тетки дяди
варенную по купать
А я буду навасъ глядя
веселую распевать
все сходитесь песню слушать
да медову мою кушать
вотъ явился дядя власъ
починъ зделалъ первой разъ
въ слѣдъ бежалъ заникъ упалъ
спотыкнулся и упалъ
приложалавалъ назаръ
покупателей созвалъ
пришолъ дядюшка егоръ
пошолъ патыке разборъ
пришла тетушка ненила
нагрошъ патыки купила
пришолъ дядюшка мартынъ
далъ запесню шне алтынъ
пришла тетушка арина
ела патаку хвалила
пришолъ дядя елизаръ
пальцы губы объ лизалъ
пришла тетушка аксинья
ела патаку насильна
пришолъ дядюшка абраамъ
съ ИИБИРЕМЪ всѣхъ забралъ
залетѣлъ дядя борисъ
сникъ запатаку драшисъ
пришолъ дядюшка вавилъ
объ медовой такъ невзвилъ
разлѣтелся дядя прохоръ
онъ по патаке заохалъ
разбежалась тетка домна
съ ИИБИРЕМЪ застала ровна
пришолъ дядюшка абросимъ
разсѣдяся деньги бросилъ
пришолъ дядюшка федулъ
только губы онъ на дулъ
пришолъ дядюшка устинъ
свои слюни распустилъ
вотъ такъ дядя симеонъ
всякой скакетъ молодца
всю распродалъ съ ИИБИРЕМЪ
исцѣлъ песню доконца

почти не попадаетъ на листы простовика, потому ли, что темы неудобны, „не безвредны", или потому, что рисовальщики стали дѣтьми столичными, отошли отъ своего прежняго, деревенскаго житья-бытья. Вотъ и ограничиваются изображеніемъ: какъ мужья проучиваютъ женъ щеголихъ, запрягая ихъ въ сани и стегая кнутомъ: „Фитинья моду забываетъ, Афимьи Ѳомка ужъ не милъ, ѣсть сладко Дашка отвыкаетъ, урокъ такъ тягостенъ

имъ былъ". Охотно изображаются „Ярославцы", прокучивающіе заработокъ и возвращающіеся въ деревню босыми безъ гроша. Даже такая картина, какъ „Совѣтъ мирской въ силу чаю и водки"—рѣдкое исключеніе. По одну сторону „трактиръ", по другую— „Питейный Домъ", на улицѣ группа мужиковъ, сходка, слушающая оратора односельчанина, убѣждающаго: „Надо, братъ, всѣмъ миромъ, то намъ положить чтобъ въ кабакъ съ трактиромъ вѣкъ намъ не ходить". Длинный текстъ стихами скученъ, зато рисунокъ, композиція очень хороши, мѣтко схвачены выраженія лицъ крестьянъ и стоящихъ въ дверяхъ заведеній половыхъ. Невелико остроуміе и въ темахъ изъ городской жизни: продѣлки приказчиковъ, обкрадывающихъ хозяевъ, кутежи купеческихъ сынковъ и самихъ отцовъ, аферисты, кутилы, вылетающіе въ трубу, къ ужасу кредиторовъ и т. п. Въ большинствѣ старыхъ картинъ простовика этого отдѣла рисунокъ и композиція несравненно лучше текстовъ, до послѣдней степени безграмотныхъ и плоскихъ.

Съ наступленіемъ періода производства картинъ хромолитографіи, т.-е. съ 80 годовъ, что представляло значительный шагъ впередъ, достоинства картинъ по содержанію нисколько не улучшились, оригиналы простовика не перепечатывались исчезали, а новое было нарядно по краскамъ и рисунку, но еще болѣе убого и плоско по сюжету. Начинается рядъ заимствованій и копій съ нѣмецкихъ олеографій порнографическаго содержанія; трактирныя маскарадныя и даже въ отдѣльныхъ кабинетахъ ресторановъ сцены, полуобнаженныя женщины и т. п. Печатались онѣ въ небольшомъ количествѣ и до деревни доходили лишь рѣдко. Во всемъ этомъ низкопробномъ товарѣ заслуживаетъ быть отмѣченнымъ „даръ" очень извѣстнаго въ свое время русскаго художника Микѣшина въ видѣ двухъ картинъ „для народа" (изд. Сытина 1883 г.): „Эво наша Катерина—намалевана картина" пляшущая дебелая крестьянская дѣвушка съ циничной надписью—„передъ мальчиками ходитъ пальчиками, передъ зрѣлыми людьми ходитъ бѣлыми грудьми". Подпись „Изобразилъ Миша М. 1882 (автографъ) и „О цыганѣ, мужикѣ и его кобылѣ" (того же года съ той же подписью художника). У простофили мужика Емихи пристала кобыла, цыганъ предлагаетъ помочь—помазать скипидаромъ подъ хвостомъ. Лошадь пускается вскачь. Емиха не знаетъ, какъ догнать кобылу, цыганъ помогаетъ ему тѣмъ же способомъ, что и кобылѣ, „и пошелъ мужикъ махать во всю силу"... Обѣ картины успѣха не имѣли ни у деревенскихъ ни у городскихъ покупателей. Почему? Коротко на это не отвѣтить. Не сохранилось данныхъ о томъ, что объ этихъ картинахъ говорили офени, покупатели,

а ихъ-то сужденія и были бы важны для объясненія неуспѣха. Память подсказываетъ одно соображеніе: въ доброе старое время баре - крѣпостники въ извѣстные дни года кушали „постное", дѣлая это по ихъ признанію „pour les gens" (для людей, дворни); не такъ ли и теперь многое еще пишется и рисуется „для народа" (уже не принято говорить „простого" народа, но опускаемое слово все же подразумѣвается). Но тѣмъ, что такъ написано, нарисовано, никого не прельстишь, не увлечешь, не научишь.

Изъ обзора народныхъ картинъ религіознаго и историческаго содержанія видно, какую панораму, съ какимъ богатствомъ смѣняющихся изображеній они представляли для глазъ милліоновъ русскихъ людей, не читавшихъ ни книгъ ни газетъ, никогда не переступавшихъ порога ни панорамы, ни музея, ни картинной галлереи, ни театра. Можно ли послѣ этого относиться къ лубочнымъ картинамъ съ пренебреженіемъ, не признавать ихъ большого вѣками длившагося просвѣтительнаго значенія? Таково ли оно будетъ и дальше? Можно съ увѣренностью сказать, что нѣтъ, что просвѣтительная задача народныхъ картинъ выполнена, что онѣ со своимъ обособленнымъ рынкомъ—пережитокъ, доживающій послѣдніе годы.

Что пришло имъ на смѣну, мною уже сказано выше! „Имъ пришли на смѣну, пришли и прочно займутъ ихъ мѣсто: газета, иллюстрированный еженедѣльникъ, книги школьной и народной библіотеки, лекціи, музеи, кинематографъ, народный театръ". Эволюція эта совершалась и совершается на нашихъ глазахъ. Къ 90 годамъ техника хромолитографіи въ производствѣ народныхъ картинъ стала прочно, имѣлись къ услугамъ издателей рисовальщики съ профессіональной подготовкой, увеличилось число издательскихъ фирмъ въ Москвѣ, главномъ, вѣрнѣе, единственномъ центрѣ производства народныхъ картинъ. Казалось, все это говорило о наступленіи періода быстраго роста и расширенія дѣла. Но этого не произошло. Въ дѣлѣ стала ощущаться заминка. Стало уменьшаться и число издателей народныхъ картинъ и литографій, занятыхъ ихъ печатаніемъ. Картинамъ, выпускаемымъ за послѣдніе годы, Ровинскій произнесъ бы приговоръ столь же строгій, какъ и прежній. Но такой приговоръ обусловленъ не только независящими обстоятельствами, цензурными ограниченіями, причина его лежитъ глубже. Все чаще приходится слышать отъ издателей, что та или иная новая картина „не пошла", переиздавать не стоитъ. Не есть ли это показатель того, что покупатели измѣнились: оказались незнакомцами и для опытныхъ издателей и для творящихъ картины художниковъ?

И тысячу разъ правъ издатель народныхъ картинъ, приходящій къ мудрому, диктуемому жизнью рѣшенію — пока что повторять для рынка старое, а машины свои пустить въ оборотъ для рынка новаго: для народныхъ школъ, для народныхъ библіотекъ, для народныхъ домовъ, музеевъ и т. п. Да—пока что, а тамъ опять видно будетъ. Лучшимъ примѣромъ для уразумѣнія происшедшаго важнаго явленія въ нашей народной жизни можетъ служить эволюція въ издательствѣ крупнѣйшаго производителя лубочнаго товара И. Д. Сытина. Съ 90 годовъ для превосходно оборудованныхъ типографій и литографій Т-ва Сытина работы на рынокъ лубочнаго товара стало недостаточно, несмотря на то, что многіе изъ издателей на этотъ именно рынокъ прекратили свою самостоятельную дѣятельность и вступили въ Т-во И. Д. Сытина въ качествѣ участниковъ и служащихъ. Не оставляя прежней работы, Сытинъ занялся одновременно издательствомъ учебниковъ для народныхъ школъ, книгъ для школьныхъ и народныхъ библіотекъ, пособій, руководствъ для учителей и, наконецъ, печатаніемъ цѣлыхъ серій картинъ—наглядныхъ пособій по исторіи, географіи, естествовѣдѣнію и др. предметамъ.

Долго въ русской жизни писательство, творчество, издательство для интеллигенціи, для всѣхъ школъ, отъ высшей до низшей, и издательство книгъ и картинъ для народа были двумя близлежащими, но совершенно обособленными мірами, мало даже знавшими другъ о другѣ. За послѣднія двадцать пять лѣтъ и навсегда эти два міра

сошлись, соприкоснулись, почувствовали себя частями одного и того же большого цѣлаго. Привела къ этому вся совокупность условій русской народной и государственной жизни. Но для выявленія этого нужны были горна, раздуваемыя сильной тягой. Однимъ изъ такихъ горновъ явилось предпріятіе И. Д. Сытина. И вотъ почему успѣхъ и расцвѣтъ дѣла, отмѣчаемый въ исполнившееся пятидесятилѣтіе дѣятельности его основателя, является не дѣломъ личнымъ даровитаго русскаго самородка, создавшаго себѣ имъ извѣстность и матеріальное благополучіе, а явленіемъ общественнымъ,—замѣтнымъ шагомъ впередъ, сдѣланнымъ русской культурной жизнью.

А. Калиновская

ВСЕНАРОДНАЯ КНИГА

Наше время стоитъ подъ знакомъ *демократизаціи культуры.*

Вопросы внѣшкольнаго просвѣщенія взрослаго населенія страны сдѣлались въ настоящій моментъ, можно сказать, задачей, стоящей на самой первой очереди русской жизни.

Внѣшкольное просвѣщеніе народа — таковъ всероссійскій лозунгъ сегодняшняго дня, создавшій цѣлый переворотъ въ дѣлѣ постановки народнаго образованія въ Россіи. Этимъ лозунгомъ, безспорно, отличается не только новая эпоха въ судьбахъ русскаго просвѣщенія, но имъ очень ярко опредѣляется вмѣстѣ съ тѣмъ и направляющая тенденція въ процессѣ дальнѣйшаго развитія нашей національной культуры.

Лишь только въ послѣднее время проблема внѣшкольнаго образованія завоевала себѣ право на *самостоятельное* существованіе и сдѣлалась спеціальной отраслью народно-просвѣтительной дѣятельности. Именно это-то признаніе за внѣшкольнымъ просвѣщеніемъ его самостоятельнаго значенія, какъ совершенно особой сферы просвѣтительной работы, и даетъ намъ достаточное основаніе расцѣнивать этотъ фактъ, какъ симптомъ начала *новаго періода въ исторіи русскаго просвѣщенія.*

Доисторическій періодъ внѣшкольнаго образованія, когда оно представляло изъ себя лишь жалкій суррогатъ того, чѣмъ оно должно быть, паразитируя на школѣ и являясь такимъ образомъ „пришкольнымъ" образованіемъ — нынѣ приближается къ своему концу, хотя и въ наши дни еще очень сильно приходится считаться съ печальными пережитками

того недавняго прошлаго, которое все еще оказываетъ значительное вліяніе на настоящее.

Самое понятіе внѣшкольнаго просвѣщенія нынѣ углубилось и расширилось въ своемъ содержаніи, обнимая въ себѣ цѣлый арсеналъ воспитательно-образовательныхъ орудій культурнаго воздѣйствія на умственныя и моральныя силы личности взрослаго человѣка, поскольку основной задачей внѣшкольнаго просвѣтительства нынѣ признается *демократизація общечеловѣческой культуры,* т.-е. распространеніе ея сокровищъ, какъ изъ области наукъ, такъ и искусствъ, среди массы населенія, являющейся до сихъ поръ пасынкомъ современной цивилизаціи.

Принимая во вниманіе, однако, что только въ самое послѣднее время внѣшкольное просвѣщеніе окончательно эмансипировалось въ теоріи и отчасти на практикѣ отъ своего подчиненнаго положенія, мы не будемъ удивлены, что оно до сихъ поръ является еще *проблемой,* которую предстоитъ разрабатывать по всѣмъ многочисленнымъ ея отраслямъ и развѣтвленіямъ.

Требованія жизни въ данномъ отношеніи захватили русское общество далеко не подготовленнымъ, и положеніе вещей осложняется еще болѣе тѣмъ, что намъ приходится одновременно и строить теорію внѣшкольнаго образованія и создавать разнообразныя учрежденія внѣшкольнаго типа въ жизни въ отвѣтъ на нетерпѣливые запросы духовно голодающей массы населенія.

Трудность положенія усугубляется особенно тѣмъ обстоятельствомъ, что теперь почти все приходится создавать заново и не только на „нови", но нерѣдко въ противовѣсъ старой традиціи внѣшкольной практики, которая гдѣ расчистила, а гдѣ и засорила народную почву доморощенными суррогатами случайнаго просвѣтительства.

И можно съ увѣренностью сказать, что новой постановкѣ внѣшкольнаго просвѣщенія не легко будетъ завоевать себѣ достойное положеніе, а дѣятелямъ на этомъ новомъ поприщѣ народнаго образованія придется выдержать, быть-можетъ, упорную борьбу съ укоренившейся рутиной, какъ всякому новому теченію неизбѣжно предстоитъ преодолѣть сопротивленіе инертной силы стараго порядка.

Въ настоящемъ случаѣ мы не думаемъ касаться, однако, внѣшкольной проблемы во всемъ ея цѣломъ, что завело бы насъ слишкомъ далеко, но сосредоточимъ наше вниманіе на одной изъ ея сторонъ. Мы имѣемъ въ виду затронуть вопросъ о той роли, какую должна сыграть *книга, обще-*

доступная книга въ томъ мощномъ движеніи демократизаціи просвѣщенія, которое характеризуетъ наше время.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, чтобы выяснить эту роль во всей ея полнотѣ, мы позволимъ себѣ прежде всего обратиться къ исторіи книги. *книги „народной“*, т.-е. предназначенной для широкой массы читателей, разсчитанной на читателя „изъ народа“, какъ это принято было говорить еще въ недавнемъ прошломъ.

Подобнаго рода экскурсъ въ область „литературы для народа“ тѣмъ болѣе необходимъ, что до нашихъ дней еще не рѣдкость встрѣтить тотъ специфическій взглядъ на книгу для народа, который былъ еще недавно господствующимъ и съ которымъ приходится бороться и доднесь.

Между тѣмъ вопросъ о книгѣ, доступной широкой массѣ населенія, является однимъ изъ самыхъ кардинальныхъ вопросовъ въ общей системѣ внѣшкольнаго образованія.

Книга это—одно изъ самыхъ могущественныхъ орудій *внѣшкольнаго просвѣщенія* и *внѣшкольнаго самообразованія*, поскольку учрежденія внѣшкольнаго типа должны не только давать своимъ кліэнтамъ готовыя знанія и культурныя цѣнности, но главнымъ образомъ вызывать въ массѣ энергію, самодѣятельность, самостоятельную работу сознанія.

Книга, печатное слово, должна идти поэтому рука объ руку съ устнымъ словомъ лектора народнаго университета. Изъ аудиторіи народнаго дома или съ общедоступнаго спектакля слушатель и зритель долженъ направить свой путь въ общедоступную библіотеку-читальню, въ книжный складъ, гдѣ возбужденная въ аудиторіи его любознательность должна найти свое законное удовлетвореніе.

Книга должна, такъ сказать, войти въ повседневный обиходъ народа, сдѣлаться вѣрнымъ его спутникомъ, совѣтникомъ, ручнымъ „народнымъ университетомъ“.

Впрочемъ, *тяга* къ книгѣ всегда была въ народѣ и никогда не замирала, но, къ сожалѣнію, та книга, которая доходила до народа въ подавляющемъ числѣ случаевъ была не подлиннымъ „хлѣбомъ“ насущнымъ, а книжной „лебедой“, жалкимъ суррогатомъ *настоящей книги*, и представляла изъ себя или *обыкновенный* или *интеллигентскій лубокъ*, т.-е. книгу, спеціально изготовленную „для народа“, все равно малограмотнымъ ли поставщикомъ „ходового“ товара на рынокъ, первоклассным ли писателемъ, сочиняющимъ книжки „для народа“ по особливу рецепту, примѣнительно ко вкусамъ и „устоямъ“ исконнаго быта этого народа.

И какъ ни велико, съ перваго взгляда, представляется намъ разстояніе, отдѣляющее какого-нибудь „Гуака“ или „Милорда глупаго“ отъ такъ называемыхъ народныхъ разсказовъ Л. Толстого, и какъ ни парадоксально, быть-можетъ, покажется подобнаго рода сопоставленіе, тѣмъ не менѣе и тѣ и другія произведенія „народной литературы“ должны быть, *по существу,* отнесены къ одному и тому же разряду *лубочной* литературы, несмотря на то, что они безконечно далеки другъ другу по своимъ художественнымъ достоинствамъ и внутреннимъ качествамъ! И если и тѣ и другіе изъ названныхъ нами выше образцовъ литературы и могутъ быть отнесены къ отдѣлу такъ называемой „народной литературы“, то во всякомъ случаѣ это не тѣ книги, которыя дѣйствительно нужны народу и которыя должны стать его прочнымъ достояніемъ.

Но для того, чтобы наша мысль стала простой и ясной и чтобы мы могли дать, наконецъ, отвѣтъ на вопросъ, какая же *книга* нужна народу, для этого мы позволимъ себѣ прежде всего вернуться нѣсколько назадъ къ самому прошлому „народной книги“.

I.

Прежде чѣмъ явились первыя попытки создать *новую* книгу „для народа“, въ отдаленнѣйшія времена народъ самъ пытался удовлетворить своимъ духовнымъ запросамъ путемъ анонимнаго творчества и „сказительства“. Почти поголовно безграмотный, онъ питался той устной „словесностью“ былинъ, сказокъ и стиховъ, которые жили въ поколѣніяхъ, разносимые по всему лицу земли русской народными бардами, „каликами перехожими“, „гуслярами“. На ряду съ этой полуязыческой традиціей, по мѣрѣ проникновенія въ народную среду христіанской культуры и письменности, въ эпоху, когда еще не было свѣтской образованности и науки, священное писаніе, житія святыхъ и творенія отцовъ церкви съ учительной проповѣднической литературой сдѣлались основнымъ источникомъ духовнаго питанія народа. Въ этомъ священно-библейскомъ преданіи заключалась для него вся человѣческая мудрость, въ ней искалъ онъ готовыхъ отвѣтовъ на всѣ вопросы жизни, на ней строилъ свое пониманіе окружающаго его міра. Эта средневѣковая „книжная“ мудрость, которую онъ сумѣлъ сочетать съ языческой традиціей, надолго опредѣлила вкусы народные и самое отношеніе народа къ печатному слову.

Отсюда беретъ свое начало и народная вѣра въ книгу, и извѣстное предубѣжденіе противъ свѣтской книги, при чемъ за настоящую книгу

почиталась, собственно говоря, лишь книга религіозно-учительнаго характера.

Понятно при такихъ условіяхъ, что первоначальная письменность и печатное слово стали распространяться въ различныхъ слояхъ населенія прежде всего въ видѣ книги „духовной". Средневѣковое клерикальное міросозерцаніе наложило поэтому свою печать на всю область книжной словесности.

И лѣтопись, и историческія „сказанія" и „повѣсти", и историческія пѣсни—все это было пропитано единымъ колоритомъ, облечено въ библейскія одежды, проникнуто морализирующими, просвѣтительными тенденціями. Самое обученіе грамотѣ и распространеніе „образованія" было тогда тѣсно связано съ духовной профессіей, клиромъ. Первоначальными „пособіями" при обученіи грамотѣ являлись Псалтирь, Часословъ и т. п. „священныя" книги.

Естественно, что и съ появленіемъ свѣтскаго знанія, послѣднее долгое время продолжало поддерживать свои связи съ церковно-учительной традиціей.

Свѣдѣнія о природѣ и ея явленіяхъ, напр., во всякаго рода „Физіологахъ", „Вертоградахъ" и тому подобныхъ энциклопедіяхъ преподносились тогда читателю въ тѣхъ же средневѣковыхъ формахъ. Изъ этихъ книгъ, „чтомыхъ" съ великой вѣрой и страхомъ, народъ узнавалъ, что „тѣло" человѣческое происходитъ „отъ земли, кости—отъ камня, кровь—отъ моря, очи—отъ солнца, мысли—отъ облаковъ, духъ—отъ вѣтра, темнота—отъ огня, душу Господь вдохнулъ" или что землю держитъ „вода высока", воду—„камень плоскъ вельми", а камень—„четыре кита".

Постепенно на томъ же фонѣ начала появляться и народная беллетристика въ видѣ поучительныхъ сказокъ и повѣстей, въ видѣ сказаній о „Вавилонскомъ царствѣ", „Соломонѣ", „Александрѣ Македонскомъ", „Троянской войнѣ", „О взятіи Цареграда", а за ними пришелъ и иноземный рыцарскій романъ съ классической исторіей о „Бовѣ Королевичѣ". Это была романтически сентиментальная и нравоучительная повѣствовательная литература героическаго цикла.

Мы упомянули въ самыхъ краткихъ и общихъ чертахъ объ этой народной литературѣ и словесности древнѣйшаго періода русской культуры, такъ какъ, по существу, она послужила *прототипомъ для той лубочной литературы,* которой позднѣе отвѣтилъ книжный рынокъ на образовательные запросы массы народа, прежде чѣмъ интеллигенція обратила свое „просвѣщенное" вниманіе на духовные запросы народа.

По существу эта такъ называемая лубочная литература была также порожденіемъ самого народа. Она вышла изъ его темной массы и была созданіемъ выходцевъ изъ ея среды, стремившихся своими силами и средствами удовлетворить широкому спросу на книжку, печатное слово, со стороны культурно обездоленнаго народа. Малограмотный народъ создалъ для себя и такую же малограмотную литературу.

И дѣйствительно, при ближайшемъ разсмотрѣніи приходится отмѣтить ту любопытную черту, что какъ „сочинитель" лубочныхъ произведеній, такъ и ихъ издатель и, наконецъ, распространитель — „офеня", книгоноша — всѣ были людьми того же самаго круга, къ которому принадлежалъ и массовый покупатель и читатель лубочной литературы. Все огромное дѣло лубочнаго книгоиздательства съ его оригинальнымъ распространительнымъ аппаратомъ было, такимъ образомъ, цѣликомъ создано простыми „мужиками" или, какъ принято выражаться, „людьми изъ народа". Это была, такъ сказать, самобытная попытка народа удовлетворить своимъ духовнымъ запросамъ за свой собственный рискъ и страхъ.

Достойно вниманія, что когда позднѣе за то же дѣло снабженія широкой массы населенія книгой схватится интеллигенція, то она будетъ учиться у лубочнаго издателя не только пріемамъ распространенія народной литературы, но сознательно начнетъ подражать и внѣшнему облику „народныхъ" изданій и даже самому ихъ содержанію, создавъ, въ концѣ-концовъ, новый видъ „лубка"—интеллигентскій. Тогда то и появится рядомъ съ лубкомъ „народнымъ" лубокъ *народническій*. Но объ этомъ намъ придется сказать нѣсколько ниже.

Въ настоящемъ случаѣ мы позволимъ себѣ отмѣтить, что съ указанной выше точки зрѣнія для исторіи „народнаго" книгоиздательства огромный интересъ должны представлять біографическія данныя о лубочныхъ сочинителяхъ и издателяхъ, сыгравшихъ такую видную роль въ дѣлѣ литературнаго книжнаго просвѣщенія народа.

И едва ли можно сомнѣваться, что съ этой точки зрѣнія совершенно исключительный интересъ представляетъ біографія юбиляра, которому посвящается настоящій сборникъ и въ лицѣ котораго мы привѣтствуемъ живую народную силу, такимъ мощнымъ размахомъ заявившую себя на поприщѣ книжнаго просвѣтительства, охвативъ въ своей народно-издательской дѣятельности всѣ виды ея отъ классическаго лубка до образцовыхъ изданій новѣйшаго времени.

Начавъ свое жизненное поприще „мальчикомъ" въ „лубочной" лавкѣ, И. Д. Сытинъ сдѣлался затѣмъ самъ однимъ изъ самыхъ крупныхъ лу-

бочныхъ издателей. Но, присматриваясь къ книжному рынку и новымъ явленіямъ на немъ, нашъ юбиляръ, съ развитіемъ интеллигентнаго „народнаго“ издательства, широко пошелъ навстрѣчу новому теченію, предоставивъ всѣ техническія средства и свой распространительный аппаратъ къ услугамъ такихъ фирмъ, какъ издательство „Посредникъ“, „Русское Богатство“ и т. д. Но и на этомъ не остановилась его работа. И. Д. Сытинъ, при посредствѣ организованнаго имъ „товарищества“, затѣмъ ступаетъ на путь самостоятельнаго культурно-просвѣтительнаго издательства, развертывая колоссальную энергію въ указанномъ направленіи. Подъ его руководствомъ фирма выпускаетъ рядъ удешевленныхъ образцовыхъ учебниковъ, учебныхъ пособій, рекордныхъ по дешевизнѣ изданій классиковъ (напр., Гоголя), и такимъ образомъ, вступаетъ уже на путь производства „всенародной“ книги въ лучшемъ и подлинномъ смыслѣ этого слова. Съ указанной точки зрѣнія исторія „фирмы“ И. Д. Сытина это — живая исторія „народной“ книги, гдѣ историческія наслоенія народнаго издательства до сихъ поръ сохраняются во всей своей полнотѣ, на всѣхъ своихъ стадіяхъ одновременно, какъ бы воплощая въ себѣ *переходный моментъ*, который въ наши дни переживаетъ Россія въ своихъ культурныхъ стремленіяхъ.

Въ настоящемъ случаѣ, однако, мы ограничимся лишь приведенными краткими замѣчаніями, поскольку на издательской дѣятельности юбиляра такъ ярко отразилось общее состояніе той культурной среды, въ какой пришлось развернуть свои недюжинныя силы этому *самоучкѣ*, вышедшему изъ народа, и такъ характерно сочетавшему въ своемъ лицѣ чисто русскую „смекалку“ съ истинно американскимъ размахомъ дѣятельной инициативы.

Въ дальнѣйшемъ мы обратимся уже непосредственно къ предмету нашего спеціальнаго вниманія и прежде всего къ литературѣ лубочной.

По своему характеру лубочныя изданія, появленіе коихъ можно было бы возвести къ XVII ст., тѣсно сливались съ той „народной“ литературой, которую, такъ сказать, создалъ для себя самъ народъ. Лубочный издатель позднѣйшаго времени, особенно эпохи послѣ освобожденія крестьянъ, когда впервые появился и массовый читатель, воспринялъ эту исконную народную литературную традицію и пошелъ за ней. Онъ не задавался цѣлями поучать народъ или вести его куда-нибудь за собой. Онъ, напротивъ, исходилъ изъ прочно установившагося народнаго вкуса, старался, какъ говорится, „потрафить“ ему и съ внѣшней (ярко красочной) стороны изданія и внутренними качествами товара. Вкусъ „простонарод-

наго" читателя для издателя-лубочника былъ закономъ, тѣмъ болѣе, что, какъ уже было отмѣчено выше, самъ этотъ издатель нерѣдко былъ выходцемъ изъ того самаго народа, которому онъ поставлялъ свою „литературу". Онъ подражалъ старой народной „словесности" и своими средствами размножалъ ее, превращая въ шаблонъ, стереотипъ.

Обычно успѣхъ лубочныхъ изданій принято было объяснять ловкой организаціей сбыта „лубка". Мы думаемъ, однако, что это объясненіе, по крайней мѣрѣ, односторонне.

Причины массоваго (въ десяткахъ милліоновъ экземпляровъ) распространенія лубочныхъ изданій лежатъ, по нашему мнѣнію, гораздо глубже, въ томъ *характерѣ* этихъ изданій, которыя, какъ было указано выше, опирались въ своемъ существѣ на чисто народную традицію, *народную психологію*.

На ихъ сторонѣ было то преимущество, что они отличались традиціоннымъ консерватизмомъ, подражательнымъ характеромъ и явно поддѣлывались подъ популярные образцы инертнаго массоваго литературнаго вкуса. Приноровляясь къ этому вкусу, они, въ свою очередь, консервировали его и въ то же время, подражая старымъ оригиналамъ, вольно или невольно фальсифицировали ихъ, т.-е. способствовали, въ концѣ-концовъ, не развитію, а порчѣ народнаго „книжнаго" вкуса. При такихъ условіяхъ, въ послѣднемъ счетѣ, лубокъ знаменовалъ собой вырожденіе той народной словесности, которая отжила *исторически* свой вѣкъ и которую переросло уже и народное сознаніе. Являясь суррогатомъ народной литературы, въ ея первоначальномъ смыслѣ, лубокъ сталъ, наконецъ, просто засаривать книжный рынокъ и сознаніе массоваго читателя. Пришла, такимъ образомъ, пора, когда, въ свою очередь, началъ вырождаться и самый лубокъ, сыгравшій свою роль въ исторіи книжнаго просвѣщенія массоваго читателя.

Указанная выше внутренняя преемственная связь между чисто народной литературой и ея своеобразнымъ отпрыскомъ—литературой лубочной, нашла свое выраженіе не только въ общемъ духѣ этой послѣдней, но и опредѣлила ближайшимъ образомъ ея содержаніе, т.-е. подборъ сюжетовъ и ихъ разработку.

Лубочный книжный рынокъ изобиловалъ „житіями", передѣлками народныхъ сказокъ, батальными повѣстями „историческаго" характера и, наконецъ, чувствительными „романами" въ родѣ столь популярныхъ въ свое время романовъ: „Гуакъ или непреоборимая вѣрность", или „Магометанка, умирающая на гробѣ мужа", къ которымъ примыкалъ и новый лубочный рыцарскій романъ, героическаго, мелодраматическаго типа.

Обычно, когда говорятъ о лубочныхъ изданіяхъ, отмѣчаютъ ихъ грубо отрицательныя стороны, подчеркивая развращающее вліяніе такъ называемой „никольской“ литературы съ ея грязными „порнографическими“ и тому подобными тенденціями. Между тѣмъ подобная оцѣнка является и односторонней и во многомъ неправильной, не говоря уже о томъ, что она окрашиваетъ сложное явленіе книжнаго рынка, пережившаго извѣстную эволюцію, такъ сказать, въ одинъ тонъ.

Между тѣмъ, по существу, за лубочной литературой должна быть признана крупная положительная роль въ процессѣ книжнаго образованія народа.

Являясь первоначально или прямымъ воспроизведеніемъ старой народной литературы или позднѣйшимъ подражаніемъ ей, лубокъ, по существу, былъ чуждъ какихъ-либо грязныхъ, развращающихъ тенденцій.

Напротивъ, онъ отличался религіозно-поучительнымъ направленіемъ, или прямо предлагая читателю „душеспасительное“ чтеніе, или выводя въ своихъ повѣстяхъ и романахъ героевъ „безъ страха и упрека“, въ чувствительныхъ тонахъ изображая при этомъ борьбу добродѣтелей съ пороками, къ вящшему торжеству первыхъ и посрамленію послѣднихъ.

Само собой разумѣется, что по своимъ художественнымъ достоинствамъ изданія эти отличались всѣми типическими чертами литературнаго примитива, какъ въ отношеніи слога, такъ и самой манеры разработки стереотипныхъ сюжетовъ. Мѣткость народнаго языка они сочетали съ нѣкоторой грубостью литературной формы и наивными пріемами въ развитіи излюбленныхъ темъ.

Но по мѣрѣ того, какъ происходила послѣдовательная порча первоначальнаго оригинала, отчасти подъ вліяніемъ цензурныхъ условій, отчасти подъ вліяніемъ его переработки лубочными сочинителями и поставщиками ходкаго товара, лубокъ, чѣмъ далѣе, тѣмъ все болѣе и болѣе обнаруживалъ свои специфическія дурныя стороны книжки, *спеціально изготовляемой для „простого“ народа.* Въ городскихъ центрахъ въ массу этихъ „народныхъ“ изданій постепенно начинаетъ вторгаться уже и уличная, грязная струя—произведеній порнографическаго, скабрезнаго характера, спекулирующихъ на низменныхъ инстинктахъ толпы и отражающихъ въ себѣ бытъ и нравы общественнаго „дна“ съ его культурой полусвѣта и всякаго рода притоновъ или живописующихъ похожденія титулованныхъ героевъ альковнаго міра. Классическимъ образцомъ этого рода „литературы“ является „Англійскій милордъ“ и примыкающій къ нему цѣлый рядъ подобныхъ произведеній. Сюда же слѣдуетъ отнести и „кровавые“,

уголовные „романы“ съ „забористыми“ названіями и бьющими на грубый эффектъ цвѣтными обложками, а также и новѣйшую „пинкертоновщину“.

Впрочемъ, эта мутная струя не является достаточно типичной для лубочной литературы въ ея массѣ, особенно той, которая шла въ деревню.

Принимая во вниманіе основное направленіе лубочной книги, ея прошлое и интимныя связи съ народной средой, нельзя не признать, что этой книгѣ пришлось сыграть—въ условіяхъ русскаго общественнаго быта—довольно видную роль среди массы населенія.

Являясь почти *единственной книгой,* доступной и близкой народу, лубокъ прежде всего послужилъ, такъ сказать, факторомъ, закрѣпляющимъ грамоту среди культурно обездоленной массы народа. Лубочное изданіе вошло въ народный обиходъ, поддерживая въ его широкихъ слояхъ и привычку къ чтенію и интересъ къ книгѣ. Лубочникъ первый пришелъ на помощь къ темной деревнѣ со своей книгой тогда, когда еще среди образованнаго общества интересъ къ „народной литературѣ“ и духовнымъ запросамъ народа не получилъ широкаго распространенія, и самая проблема, „что читать народу?“ не была еще поставлена на очередь.

Самъ являясь человѣкомъ довольно „темнымъ“, стоящимъ нерѣдко на одномъ почти уровнѣ со своимъ читателемъ и покупателемъ, лубочникъ „своими средствіями“ пытался удовлетворить спросу на книгу, идущему изъ сѣрой массы народа.

Идя проторенными путями, поддѣлываясь подъ народный вкусъ, этотъ лубочникъ вмѣстѣ съ тѣмъ обслуживалъ и духовные интересы своего читателя, согласно установленному трафарету, съ нѣкоторой даже претензіей на поученіе, „мораль“.

Забрасывая книжный рынокъ „житіями“, повѣстями, сказками, пѣсенниками, „оракулами“ и „сонниками“, онъ, однако, не задавался какими-либо спеціальными „просвѣтительными“ или учительными цѣлями. Лубочный издатель никуда не велъ за собой своего читателя, такъ какъ не онъ руководилъ своимъ читателемъ, а этотъ послѣдній имъ, т.-е. ходячее традиціонное представленіе о „народной“ книжкѣ, о „народномъ“ вкусѣ.

Народъ со своими духовными интересами и запросами, брошенный на произволъ судьбы оторванной отъ него интеллигенціей (съ ея культурой и литературой), выдвинулъ какъ бы изъ своей среды своихъ доморощенныхъ кустарей „книжнаго“ дѣла, за которыми и остался книжный „народный“ рынокъ. Лубочникъ, такимъ образомъ, оказался хозяиномъ

положенія на этомъ рынкѣ. Онъ силою вещей превратился въ „народнаго“ издателя, создавъ и закрѣпивъ такимъ путемъ особый типъ книги—*книги для народа,* подъ которымъ, въ противоположность интеллигенціи, стали понимать массу трудового населенія, простонародья.

Такъ „народная“ литература, какъ особое понятіе, стала синонимомъ литературы лубочной.

Какъ ни былъ въ общемъ жалокъ этотъ суррогатъ литературы, тѣмъ не менѣе за лубочникомъ остается та заслуга, что онъ, по мѣрѣ своихъ силъ, пытался заполнить ту зіяющую пустоту полной культурной заброшенности, среди которой жила до тѣхъ поръ духовно голодающая масса населенія. На первый разъ онъ выполнилъ *за интеллигенцію* ту роль, которую она приняла на себя гораздо позднѣе.

Правда, поощренный своимъ успѣхомъ внѣ конкуренціи, лубочный издатель и лубочный писатель возомнили, въ концѣ-концовъ, себя „законодателями“ народнаго книжнаго рынка и, культивируя стереотипные пріемы „народнаго“ издательства, довели лубочное книжное дѣло до крайняго предѣла убожества, но обстоятельство это не можетъ уничтожить той своеобразной *просвѣтительной роли,* которую сыграла *лубочная книга* въ извѣстный моментъ въ деревнѣ среди массы грамотнаго и полуграмотнаго населенія, разнесенная офенями и коробейниками по всей русской землѣ.

Эту положительную роль лубочной литературы должна была признать за ней и интеллигенція, подошедшая вплотную къ вопросу о томъ, что „читаетъ“ и что слѣдуетъ „читать“ народу.

Такъ, въ извѣстномъ трудѣ харьковскихъ учительницъ „Что читать народу?“ въ отдѣлѣ лубочныхъ изданій (т. II) данъ вполнѣ сочувственный отзывъ о такихъ, напр., книгахъ какъ „Битва русскихъ съ кабардинцами“, „Гуакъ“ и т. п. изданіяхъ, которыя рецензентки „съ удовольствіемъ рекомендуютъ“ для народнаго чтенія, отмѣчая, что чтеніе этихъ книгъ произвело „самое хорошее впечатлѣніе на аудиторію“, поскольку въ произведеніяхъ этихъ всюду изображаются „благородныя чувства отваги, самопожертвованія, борьба страсти съ долгомъ, рѣшимости, великодушія“ и прочихъ добродѣтелей и высокихъ чувствъ.

Въ связи съ этимъ нельзя не отмѣтить и еще одной любопытной черты въ процессѣ развитія лубочнаго издательства. Бѣдность собственныхъ „литературныхъ“ силъ привела лубочныхъ дѣлъ мастеровъ, съ одной стороны, къ болѣе или менѣе безцеремоннымъ передѣлкамъ произведеній классической литературы какъ русской, такъ и иностранной, съ другой—

вынудила ихъ прибѣгнуть къ перепечаткамъ тѣхъ же образцовъ въ подлинникѣ, нерѣдко лишь подъ новымъ, болѣе крикливымъ заголовкомъ, согласно традиціи лубочнаго издательства.

Такимъ путемъ лубочникъ сдѣлался проводникомъ въ широкую массу читателей произведеній Гоголя, Тургенева, Щедрина, Гл. Успенскаго, Жуковскаго, Л. Толстого, Островскаго, Кота Мурлыки (Вагнера), Печерскаго и др., прежде чѣмъ его примѣру послѣдовали интеллигентныя издательскія фирмы.

Фактъ этотъ заслуживаетъ тѣмъ большаго вниманія, что онъ показываетъ, какъ сами лубочные издатели почувствовали необходимость сойти съ протореннаго ранѣе пути и обратиться къ болѣе чистымъ источникамъ литературнаго матеріала, весьма удачно въ отдѣльныхъ случаяхъ подбирая соотвѣтствующія произведенія художественной литературы. Отсюда уже оставался одинъ только шагъ до полнаго преобразованія народнаго книгоиздательства, когда это послѣднее, наконецъ, развертывалось въ образцовое книжное дѣло, истинно-культурное предпріятіе.

На этомъ, собственно говоря, мы и можемъ покончить съ лубочной литературой, которая еще ждетъ своего историка.

Для нашихъ же цѣлей въ заключеніе настоящаго краткаго очерка прошлыхъ судебъ лубочнаго книгоиздательства важно отмѣтить, что въ лицѣ лубочной книги у насъ впервые было создано понятіе объ особой „литературѣ для народа“ и особый типъ спеціальнаго народнаго изданія въ противоположность литературѣ образованныхъ классовъ.

Этому понятію суждено было сыграть опредѣленную роль въ дальнѣйшей исторіи книжнаго дѣла въ Россіи въ связи съ проблемой внѣшкольнаго просвѣщенія народа. Теперь мы и перейдемъ ко второму, „интеллигентскому“ періоду въ исторіи демократизаціи книги.

II.

Какъ извѣстно, главнымъ толчкомъ къ вмѣшательству интеллигенціи въ дѣло народнаго издательства послужила свѣтлая „эпоха великихъ реформъ“ 60-хъ гг., когда мужикъ пришелъ въ литературу, а интеллигенція „пошла въ народъ“.

Это было время, когда на почвѣ всеобщаго интереса къ народному, крестьянскому быту, возбужденному реформой 19 февраля, въ русскомъ обществѣ складывались тѣ широкія *народническія* теченія, которыя сдѣлались господствующими идеологическими теченіями русской интеллигент-

ной общественной мысли. Уходя своими корнями ко времени идеалистическихъ исканій 30—40-хъ гг. и синтезируя въ извѣстномъ смыслѣ западническія и славянофильскія теоріи кануна реформы, *народничество* опредѣлило на нѣсколько десятковъ лѣтъ какъ общее настроеніе образованнаго общества, такъ и направляющія тенденціи его „просвѣтительныхъ" идеаловъ и политики, одинаково какъ въ ихъ радикальной, либеральной, такъ и консервативной постановкѣ.

Самые взгляды на постановку дѣла народнаго образованія и „обязанности" интеллигенціи передъ народомъ на почвѣ культурнаго просвѣтительства строились и формулировались тогда подъ опредѣленнымъ народническимъ угломъ зрѣнія.

Наиболѣе характерными чертами господствовавшаго въ эту эпоху интеллигентскаго міросозерцанія являлись тогда: во-первыхъ, идея историческаго *„долга"* народу, который „дѣти" должны были уплатить послѣднему за неправду ихъ „отцовъ", исконныхъ „душевладѣльцевъ",—идея, отвѣчавшая, главнымъ образомъ, психологіи „кающагося дворянина"; во-вторыхъ, тѣснымъ образомъ примыкавшій къ этому положенію весьма распространенный тогда—по существу тоже „барскій"—взглядъ на „мужика", народъ, какъ на „меньшаго брата", воспитаніемъ котораго и долженъ заняться его старшій, культурный братъ. Взглядъ этотъ былъ проникнутъ усиленной идеализаціей народнаго быта, исконныхъ „устоевъ" крестьянскаго уклада жизни, переходя нерѣдко въ слащавый сентиментализмъ и даже преклоненіе передъ „народомъ" и его народнымъ „духомъ". На почвѣ подобнаго отношенія къ „народу" поучающій, менторскій тонъ и взглядъ на „мужика" сверху внизъ легко переходилъ въ свою противоположность—въ культъ истинно-„народныхъ" началъ его жизни, при чемъ восторженный интеллигентъ становился при этомъ въ колѣнопреклоненную позу передъ этими, имъ самимъ измышленными, „началами". Отсюда-то и вытекало широкое идеологическое или подлинное „хожденіе" интеллигенціи „въ народъ", ко „святымъ мѣстамъ" народной жизни.

Но какъ ни различны покажутся намъ съ перваго взгляда эти два народническихъ теченія—стремленіе „поучать" народъ съ „высока" своего культурнаго старшинства или „учиться" у него, культивируя какія-то, присущія ему одному, особыя народныя „начала"—оба эти ученія сходились въ одномъ: они возводили въ принципъ *обособленіе „интеллигентской" и специфически „народной" культуры* и стремились эту послѣднюю возвести въ особую категорію. Раздѣляя рѣзко „общечеловѣческое" и „народное" и отожествляя послѣднее съ „простонароднымъ", народники

и въ томъ и другомъ случаѣ одинаково заговаривали о необходимости созданія особой „литературы для народа“ или особой „народной книжки“, черезъ посредство которой одни преподносили своему „народу“ то, что они считали единственно ему „доступнымъ“ и „полезнымъ“, другіе—то, что имъ представлялось якобы непосредственно вытекающимъ изъ его исконнаго идеала.

Такимъ образомъ и та и другая сторона въ равной мѣрѣ признала, что сокровища общечеловѣческой культуры „народу“ *недоступны,* что для него необходимо создать *спеціальный родъ* литературы.

Означенная точка зрѣнія и опредѣлила какъ принципіальное отношеніе интеллигенціи къ вопросу о томъ, что *долженъ читать народъ,* такъ и направленіе ея дѣятельности въ области „народнаго“ книгоиздательства.

Властители думъ эпохи, въ лицѣ такихъ публицистовъ и критиковъ, какъ Добролюбовъ или Писаревъ, въ указанномъ смыслѣ, явились типичными выразителями господствующихъ въ то время взглядовъ на народную литературу.

„Народу, къ сожалѣнію (писалъ Добролюбовъ), вовсе нѣтъ дѣла до художественности Пушкина, до плѣнительной сладости стиховъ Жуковскаго, до высокихъ пареній Державина и т. д. Скажемъ больше, даже юморъ Гоголя и лукавая простота Крылова вовсе не дошли (!) до народа. Ему не до того, чтобы *наши книжки* разбирать, если даже онъ и грамотѣ выучится“. По мнѣнію знаменитаго критика, даже и въ томъ случаѣ, если интеллигентная литература дойдетъ до народа, она все равно „нимало не займетъ его и не принесетъ ему пользы. Массѣ народа *чужды наши интересы,* непонятны наши страданія, забавны наши восторги“. Даже, говоря объ интересахъ и нуждахъ народа, замѣчаетъ Добролюбовъ, мы трактуемъ ихъ „не съ народной точки зрѣнія, а непремѣнно въ видахъ частныхъ интересовъ той или другой партіи, того или другого класса“.

Поэтому Добролюбовъ склоненъ былъ (ясно этого, однако, онъ нигдѣ не формулировалъ) признать пользу книги для народа лишь постольку, поскольку она давала изображеніе его собственнаго быта и касалась его непосредственныхъ нуждъ и интересовъ. Въ такомъ же именно смыслѣ высказался на страницахъ „Современника“ и неизвѣстный авторъ статьи „Народныя книги“.

Еще болѣе характерно выступилъ по тому же вопросу Д. Писаревъ въ своей статьѣ „Народныя книжки“.

„Великой задачей нашего времени,—писалъ онъ,—становится умственная эманципація массъ, черезъ которую предвидится имъ исходъ къ лучшему положенію не только ихъ самихъ, но и всего общества. Школой нашего воспитанія является весь народъ, а воспитателемъ его образованное меньшинство". Но для того, чтобы „воспитывать" народъ, говоритъ нашъ знаменитый критикъ, „надо стоять на одной почвѣ съ народомъ, надо горячо любить его и притомъ любить просто и безъ притязаній... Кромѣ Кольцова врядъ ли кто-нибудь изъ нашихъ замѣчательныхъ поэтовъ умѣлъ въ своихъ произведеніяхъ жить одной жизнью съ той массой людей, которая нуждается въ умственномъ содѣйствіи со стороны образованнаго меньшинства. Ни Пушкинъ ни Лермонтовъ не могли проникнуть творческой мыслью исключительно въ народное міросозерцаніе, потому что все ихъ вниманіе было поглощено анализомъ окружающей ихъ полурусской среды... Эту среду, въ которой они выросли и развились, наши поэты поняли и изучили, что же касается *до простого народа,* съ которымъ каждый изъ нихъ имѣетъ чисто внѣшнія отношенія, то изъ нея наши поэты брали нѣкоторыя характерныя фигуры, но при этомъ постоянно останавливались на одной внѣшней формѣ явленія". Поэтому авторъ приходитъ къ выводу, что „нашей поэтической пропаганды народъ не пойметъ, потому что мы говоримъ на двухъ разныхъ языкахъ, живемъ въ двухъ разныхъ сферахъ и въ умственныхъ нашихъ интересахъ не имѣемъ *ни одной... точки соприкосновенія...* Словомъ разстояніе между нашими воззрѣніями и наклонностями до сихъ поръ еще такъ велико, что оно исключаетъ всякую возможность взаимнаго пониманія". Въ конечномъ выводѣ Писаревъ приходитъ къ тому заключенію, что для воздѣйствія на народъ интеллигенція должна приноравливаться къ его понятіямъ и должна такимъ образомъ создать *спеціальную литературу* для этого народа.

Еще болѣе рѣзко въ томъ же смыслѣ, хотя и исходя изъ нѣсколько иныхъ предпосылокъ, чѣмъ Писаревъ, высказался въ свое время Л. Н. Толстой въ своихъ знаменитыхъ педагогическихъ статьяхъ, написанныхъ въ эпоху „яснополянскихъ" увлеченій.

Обрушившись на литературу, которая „такъ же, какъ и откупа, есть только (по мнѣнію автора) искусная эксплоатація, выгодная только для ея участниковъ и невыгодная для народа", Толстой писалъ: „у насъ есть „Современникъ", есть „Современное Слово"... Есть сочиненія Пушкина, Гоголя, Тургенева, Державина. И всѣ эти журналы и сочиненія, несмотря на давность существованія, неизвѣстны, *не нужны для народа и не*

принесутъ ему никакой пользы. Я говорю уже объ опытахъ, дѣлаемыхъ мною для привитія нашей общественной литературы народу... Наша литература *не прививается и не привьется народу...* То же самое отношеніе существуетъ между искусствомъ такъ называемаго образованнаго общества и между требованіями искусства народа... Картина Иванова возбудитъ въ народѣ только удивленіе передъ техническимъ мастерствомъ... Венера Милосская возбудитъ только законное отвращеніе передъ наготой, передъ безстыдствомъ женщины... Лучшее произведеніе Пушкина представится наборомъ словъ, а смыслъ его—презрѣнными пустяками". И практическими выводами изъ всѣхъ этихъ разсужденій явилась попытка самого геніальнаго художника создать специфическую „литературу" для народа въ цѣлой серіи начертанныхъ имъ сказокъ и поучительныхъ разсказовъ и повѣстей „для народа".

Эти мысли „великаго писателя земли русской" встрѣтили затѣмъ горячее сочувствіе со стороны извѣстнаго русскаго публициста Н. К. Михайловскаго и редакціи „Русскаго Богатства" (90-хъ гг.). Блестящій авторъ „Записокъ профана" (70 гг.) сталъ на ту же самую „народническую" точку зрѣнія. „У насъ,—писалъ онъ,—напримѣръ, часто называютъ Пушкина общечеловѣческимъ поэтомъ. Это замѣчательно невѣрно. Пушкинъ есть поэтъ по преимуществу дворянскій и потому его способенъ принять близко къ сердцу и образованный нѣмецъ, и образованный французъ, и средней руки русскій дворянинъ. Но ни русскій купецъ ни русскій мужикъ ему большой цѣны не дадутъ... Можно восхищаться красотою его выраженій и стиха, но все это возможно только *намъ, образованнымъ людямъ,* обществу". И онъ вслѣдъ за Толстымъ повторяетъ, что „теперешняя наша литература, вообще говоря, не прививается, и не привьется народу", хотя и дѣлаетъ при этомъ оговорку, что „существуютъ, однако, исключенія". Эти мысли знаменитаго публициста получили не только свое практическое примѣненіе въ издательскихъ опытахъ такихъ журналовъ, какъ „Русское Богатство" (80-хъ гг.), выпустившее рядъ брошюръ, спеціально сочиненныхъ для народа съ точки зрѣнія его особыхъ „народныхъ" воззрѣній, но и были подробно обоснованы въ цѣломъ рядѣ статей г. С. А. Ан—скаго,—статей, которыя затѣмъ вышли отдѣльной книгой подъ общимъ заголовкомъ „Очерки народной литературы" (1894 г.) [1]).

---

[1]) Первоначально статьи эти были помѣщены въ журналѣ „Русское Богатство" за 1892 г. Недавно появилась новая переработка тѣхъ же статей подъ общимъ названіемъ „Народъ и книга" (М. 1914 г.).

Авторъ этихъ любопытныхъ статей, стоя на типично-народнической точкѣ зрѣнія, категорически поддерживалъ два основныхъ своихъ положенія: „1) *что литература общества недоступна и непригодна народу* и 2) *что народу-крестьянину (?) необходима теперь книга, спеціально для него написанная, изъ его жизни, въ его духѣ и его языкомъ*".

Въ этихъ двухъ энергическихъ тезисахъ очень ярко запечатлѣлась, можно сказать, вся народническая философія: рѣзкое противопоставленіе „культурѣ" образованнаго общества „истинно-народныхъ устоевъ, выработанныхъ коллективной вѣковой мыслью и совѣстью народа подъ властью земли"; отожествленіе понятія „народъ" съ простонародіемъ и даже мужикомъ-крестьяниномъ, живущимъ въ условіяхъ „гармоніи земледѣльческаго труда", которая „должна быть неприкосновенною" для интеллигенціи, и, наконецъ, какъ логическій выводъ изъ означенныхъ предпосылокъ, требованіе созданія особой „народной литературы", какъ выражается Ан—скій, „прогрессивно-крестьянскаго направленія", т.-е. трактующей „народнымъ" языкомъ, въ „народномъ" духѣ сюжеты все той же „народной" (крестьянской) жизни. При этомъ, само собою разумѣется, незамѣтно происходитъ подмѣнъ понятія „истинно-народныхъ устоевъ", якобы созданныхъ „самимъ народомъ", какъ и у Л. Толстого, специфически-интеллигентскими тенденціями, кружковаго или сектаторскаго характера.

Подъ вліяніемъ означенныхъ господствующихъ идей постепенно и выработался тотъ типъ „народныхъ" изданій, который, по справедливости, заслуживаетъ названія *интеллигентнаго или просвѣтительнаго лубка*.

Нравоучительный тонъ, въ которомъ слышится или менторская рѣчь „старшаго брата", обращенная къ „меньшому брату", или, приспособленная къ „дѣтскому" пониманію взрослаго ребенка картавая рѣчь „отца", поучающаго „малыхъ ребятъ",—таковы основныя характерныя черты этой литературы.

Указанный своеобразный взглядъ на народъ приводилъ къ тому, что изданія для дѣтскаго чтенія почти сливались по своимъ сюжетамъ и даже манерѣ изложенія съ такъ называемыми изданіями „для народа", при чемъ та и другая литература объединялась обыкновенно издательскими фирмами подъ общимъ заголовкомъ книгъ „для дѣтскаго и народнаго чтенія", „для школы и народа". То же самое смѣшеніе встрѣчаемъ мы и въ офиціальныхъ каталогахъ книгъ, разрѣшенныхъ для школьныхъ библіотекъ и народнаго чтенія.

Смѣшеніе это поддерживалось, вмѣстѣ съ тѣмъ, еще и тѣмъ важнымъ обстоятельствомъ, что почти единственнымъ проводникомъ „хо-

рошей“ книги въ народъ первоначально являлись школьныя и пришкольныя библіотеки и читальни, а единственнымъ дѣятелемъ на поприщѣ внѣшкольнаго просвѣщенія взрослаго населенія являлся народный учитель, чрезъ посредство котораго и до сихъ поръ еще направляются обыкновенно всевозможныя просвѣтительныя мѣропріятія воздѣйствія на массу мѣстнаго взрослаго населенія.

До самаго послѣдняго времени, можно сказать, внѣшкольное просвѣщеніе носило во всѣхъ своихъ отрасляхъ типическій пришкольный характеръ, будучи связано съ народной школой и не находя признанія, какъ совершенно самостоятельная отрасль народнаго просвѣщенія.

Взрослаго человѣка изъ „народа“ держали поэтому все время на положеніи школьника, предлагая ему дѣтскія „народныя чтенія“ съ волшебнымъ фонаремъ, обучая его вмѣстѣ съ подростками дѣтскими методами грамотѣ и наукамъ и предлагая, наконецъ, ему для самостоятельнаго чтенія по-дѣтски составленныя или подлинно дѣтскія книги.

Всѣ подобныя явленія были тогда, такъ сказать, въ порядкѣ вещей, мало кого смущали и, по существу, вовсе не противорѣчили, какъ мы увидимъ ниже, *народнической теоріи народной литературы* съ ея нравоучительными и опекунскими тенденціями и стремленіями къ усиленной охранѣ „истинно-народныхъ устоевъ“ гармоническаго міросозерцанія, подавленнаго „властью земли“, крестьянина.

III.

Интеллигентное книгоиздательство возникаетъ съ начала 60-хъ гг., когда учреждается цѣлый рядъ спеціальныхъ предпріятій, ставящихъ своею цѣлью созданіе особой „народной литературы“, и когда, по примѣру Л. Н. Толстого, мало-по-малу въ это дѣло втягиваются, въ дальнѣйшемъ, просвѣтительныя общества, редакціи прогрессивныхъ журналовъ и болѣе или менѣе видные писатели, которые также начинаютъ составлять разсказы и повѣсти, спеціально предназначенные для „простого“ народа.

За народное издательство берутся теперь и такія офиціальныя организаціи, какъ „Комиссія народныхъ чтеній“ въ Соляномъ городкѣ или „Постоянная комиссія по устройству народныхъ чтеній въ Петроградѣ“, учрежденная по иниціативѣ полицмейстера Трепова; и такія офиціозныя общества, какъ „Общество распространенія полезныхъ книгъ“, и столич-

ные и провинціальные „комитеты“ и „общества грамотности“ (въ Москвѣ, Петроградѣ, Харьковѣ), и журналы „Русская Мысль“ и „Русское Богатство“, и цѣлый рядъ частныхъ прогрессивныхъ издательствъ, подобныхъ „Посреднику“ или „Народной библіотекѣ“ Маракуева.

Народно-издательская дѣятельность сильно оживляется, вызываетъ къ себѣ широкое вниманіе со стороны русскаго образованнаго общества, самыхъ различныхъ его слоевъ, при чемъ, какъ обычно у насъ бываетъ, *новое дѣло* первоначально привлекаетъ къ себѣ массу работниковъ и горячихъ сторонниковъ, превращаясь почти въ дѣло моды. „Писать для народа“ на время становится профессіей и издательскія фирмы начинаютъ расти, можно сказать, „какъ грибы послѣ дождя“.

Конечно, во всемъ этомъ движеніи огромную роль сыграло выступленіе Л. Н. Толстого съ его журналами „Ясная Поляна“, серіей замѣчательныхъ простонародныхъ разсказовъ и парадоксальными, но такъ хорошо подходившими къ общему настроенію эпохи, педагогическими статьями. Этому выступленію, несомнѣнно, была обязана своей популярностью и своимъ первоначальнымъ успѣхомъ и издательская фирма „Посредникъ“, одна изъ лучшихъ и самыхъ плодовитыхъ интеллигентскихъ фирмъ, выступившая подъ знаменемъ „толстовства“ и создавшая въ своихъ „листовкахъ“ классическій образчикъ интеллигентскаго „лубка“.

Народные разсказы Л. Н. Толстого и созданные по ихъ образу и подобію многочисленныя изданія „Посредника“ заслуживаютъ поэтому особаго вниманія.

Подаривъ міру и русскому обществу „Войну и миръ“, „Анну Каренину“, „Дѣтство и отрочество“ и цѣлый рядъ геніальныхъ повѣстей и разсказовъ, Толстой, увлеченный общимъ движеніемъ, бросилъ нѣсколько крохъ съ своей богатой трапезы и „народу“, написавъ цѣлую серію мелкихъ разсказовъ: „Два старика“, „Упустишь огонь“, „Первый винокуръ“, „Гдѣ любовь, тамъ и Богъ“, „Богъ правду видитъ“, „Много ли человѣку земли нужно“, „Свѣчка“ и т. п.

Но въ этихъ „народныхъ“ разсказахъ мы не узнаемъ великаго художника. Конечно и они написаны съ присущимъ геніальному писателю мастерствомъ, но въ нихъ *все другое*: и языкъ, и манера письма, и сюжеты. Передъ нами прежде всего типичные *поучительные, духовно-нравственные,* составленные на евангельскіе тексты, разсказы, облеченные то въ форму притчи, то въ форму сказки. Съ первой и до послѣдней страницы этихъ разсказовъ читателю, такъ сказать, читается

нравоученіе, преподаются добродѣтельныя сентенціи и цѣль автора— привести во что бы то ни стало этого читателя къ *покаянію*—такъ и бьетъ въ глаза съ каждой строки.

Въ этомъ отношеніи особенно характерно одно замѣчаніе крестьянина, слушателя толстовскихъ и „посредническихъ“ разсказовъ изъ аудиторіи рецензентовъ „Что читать народу“? Наслушавшись подобнаго рода разсказовъ, „дитя“ народа, на вопросъ одной изъ учительницъ, прервавшей чтеніе вопросомъ, обращеннымъ къ слушателямъ „чѣмъ, они думаютъ, кончится разсказъ“—весьма остроумно, съ чисто малороссійскимъ юморомъ, замѣтилъ: „покаетця, тут усі каютци“. Эта ироническая реплика „самого народа“ весьма характерна.

Проповѣдь терпѣнія, нестяжанія, незлобивости, всепрощенія, непротивленія, *обращенная* столь неудачно, именно, къ русскому „терпѣніемъ изумляющему“ народу и „мужику“ со стороны геніальнаго „барина“-писателя, звучала въ народной аудиторіи какой-то внутренней фальшью и вызывала невольно горькую усмѣшку со стороны того самаго „грѣшника“, котораго авторъ обличалъ во всѣхъ смертныхъ грѣхахъ.

Внимая чтенію разсказа, слушатель чувствовалъ себя въ положеніи школьника, которому читали нотаціи, отчитывали „прописной моралью“, уличали во всякой скверне, а главное онъ чувствовалъ, что эта мораль нарочито сочинена для него, „простого народа“.

Мастерство письма, конечно, скрадывало отчасти и значительно искупало специфически тенденціозный, навязчиво поучительный тонъ толстовскихъ разсказовъ, но стоило только за то же „ремесло“ взяться рядовымъ интеллигентамъ и такъ называемымъ „писателямъ изъ народа“, какъ грубо *исправительный* характеръ народной литературы выступалъ со всею силою. Авторы подобнаго рода разсказовъ „для народа“ какъ будто смотрятъ на этотъ самый народъ, какъ на какого-то преступника, закоренѣлаго въ своихъ злодѣяніяхъ и нераскаяніи, и превращаютъ благодаря этому народную литературу въ какое-то, дѣйствительно, исправительное средство, какія-то своего рода литературныя „арестантскія роты“.

И что всего любопытнѣе, просвѣтители-народники считаютъ нужнымъ примѣнить подобный методъ литературнаго воздѣйствія именно къ простому народу, крестьянину въ особенности.

Живя многообразными интересами, идеями и переживаніями, погружаясь въ науки и искусства, изощряясь въ рѣшеніи проблемъ индивидуализма, соціализма и всяческихъ свободъ, интеллигенція пореформенной

эпохи усиленно въ то же время пичкала народъ всякаго рода „христіанскими добродѣтелями", которыя, однако, для себя она вовсе не считала ни обязательными ни спасающими. Она признала, по существу, на ряду съ *двумя культурами и двумя литературами, также и двѣ морали:* одну „для насъ, для общества", другую для него, народа!

И въ то время, когда интеллигенція рукоплескала педагогическимъ парадоксамъ Л. Толстого и превозносила его народные разсказы, она рѣшительно отвернулась отъ того же Толстого, когда онъ обратилъ на этотъ разъ свою проповѣдь непротивленія и прочихъ добродѣтелей къ самой уже интеллигенціи. Толстовство, какъ извѣстно, не имѣло успѣха среди широкихъ круговъ образованнаго общества, и за великимъ писателемъ среди послѣдняго очень скоро установилась репутація „геніальнаго художника, но плохого философа", а надъ немногочисленными поклонниками „толстовской вѣры" стали просто подсмѣиваться.

Фактъ этотъ, несомнѣнно, заслуживаетъ быть отмѣченнымъ.

Но, какъ бы то ни было, народническія идеи продолжали господствовать въ книжной проповѣди интеллигенціи въ народѣ.

Приступая къ изданію книгъ для *„грамотнаго народа"*, фирма „Посредникъ" въ 1884 г. сочла своимъ долгомъ объявить въ особомъ проспектѣ, что въ основу своей дѣятельности по изданію „книгъ хорошаго содержанія" она кладетъ начала, „возможно близко выражающія ученіе Христа и, въ крайнемъ случаѣ, ни въ чемъ не противорѣчащія этому ученію".

Ни для кого, конечно, не было тайной, что подъ этими началами слѣдовало разумѣть ученіе Толстого. Самъ великій писатель явился вдохновителемъ книгоиздательства „Посредникъ", ставшаго на стезю учительнаго направленія. Стоитъ только просмотрѣть каталогъ фирмы, чтобы въ томъ убѣдиться: сочиненія Л. Толстого, сборники притчъ и изреченій, извлеченныхъ самимъ Толстымъ изъ многоразличныхъ источниковъ или составленныхъ при его участіи, рѣшительно преобладаютъ среди изданій „Посредника". Здѣсь можно найти книжечки, посвященныя обличенію всѣхъ смертныхъ грѣховъ: „тунеядства", „тщеславія", „гордости", „гнѣва", „плотской похоти" и т. д. Мудрецы всѣхъ временъ привлечены съ той же цѣлью въ серіяхъ назидательныхъ „листовокъ" издательства. И это проповѣдническое, поучительное направленіе проходитъ *красною нитью* черезъ всѣ изданія названной фирмы.

Поучительный тонъ народныхъ изданій сказался прежде всего въ самыхъ заглавіяхъ толстовскихъ разсказовъ,—заглавіяхъ, которыми напередъ

опредѣляется тема каждаго изъ нихъ: „Гдѣ любовь, тамъ и Богъ", „Богъ правду видитъ, да не скоро скажетъ" и т. п.

И этотъ пріемъ получилъ весьма широкое распространеніе среди издательскихъ фирмъ, ступившихъ на путь *поученія* народа.

Достаточно взять на удачу нѣсколько подобныхъ заголовковъ изъ серіи любого издательства, чтобы сразу почувствовать господствующій тонъ, въ которомъ интеллигенты-издатели считаютъ нужнымъ вести свои назидательныя бесѣды съ „народомъ": „Не гонись за большимъ, малое потеряешь, или какъ крестьянинъ наживалъ деньги въ Москвѣ", „Слово не воробей, вылетитъ—не поймаешь" (изд. „Рус. Богатства"), „Максимъ-самоучка или дошелъ до дѣла" (изд. Маракуева), „Чужое добро—одно страданье да гибель", „Своей судьбы не миновать" („Досугъ и дѣло"), „Какъ поживешь, такъ и наживешь", „Не извѣдавъ горя, не узнаешь и счастья", „За Богомъ молитва, за царемъ служба не пропадаютъ" („Мірской Вѣстникъ"), „Рѣдкій примѣръ добродѣтели", „Миръ въ семьѣ лучше ссоры", „Всѣмъ захочешь угодить, самъ безъ-толку будешь жить", „Никогда не поздно раскаяться" („О-во распростр. полезныхъ книгъ"), „Тонулъ да выплылъ или похожденія мужичка (!) въ Питерѣ", „Не въ деньгахъ счастье" („Постоян. комиссія народ. чтеній"), „Судъ людской и Божій" („СПБ. комитетъ грамотности") и т. д. и т. д.

Совершенно очевидно, что уже однихъ этихъ заголовковъ вполнѣ достаточно, чтобы судить о томъ, въ какомъ смыслѣ третировался „мужичокъ" поучавшими его интеллигентами.

И этотъ специфическій взглядъ на „народъ" и задачи „народной литературы былъ не разъ формулированъ самими же народными издательствами.

Такъ, напр., приступая къ выпуску народныхъ изданій, редакція „Русскаго Богатства", писала въ 1886 г.: „въ нашихъ беллетристическихъ изданіяхъ *для крестьянъ* мы постараемся задѣвать дѣйствительныя и типичныя *явленія добродѣтели, пороки, достоинства и недостатки* какъ личной, такъ и общественной жизни *крестьянства,* не прибѣгая къ отвлеченнымъ или фантастическимъ фабуламъ. Этими живыми явленіями будемъ пользоваться для яркаго освѣщенія въ *свѣтѣ моральномъ и общественномъ, отрицательномъ и положительномъ*".

Таковъ тотъ рецептъ, по которому, согласно убѣжденіямъ редакціи, должны были сочиняться спеціальные разсказы для народа.

Лучшимъ образцомъ этой „литературы" можетъ служить, напр., разсказъ г. Красова, изданный „Рус. Богатствомъ", подъ названіемъ

„Четыре брата“. Герои этого разсказа—ходячіе манекены добродѣтели или порока. Послѣ цѣлаго ряда злодѣяній, творимыхъ героями порока, разсказъ г. Красова оканчивается полнымъ торжествомъ добродѣтельнаго четвертаго брата „дурака“ (это вѣдь любимый „народный“ герой!), преисполненнаго смиренія, покорности и прочихъ такихъ же достоинствъ. Этотъ благородный „дуракъ“ то и дѣло становится на колѣни, кланяется всѣмъ въ ноги и такимъ путемъ, въ концѣ-концовъ, одолѣваетъ зло и неправду.

Въ книгѣ „Что читать народу?“ мы находимъ, между прочимъ, слѣдующій отзывъ объ этомъ „беллетристическомъ“ произведеніи для народа: „все это до того дѣланно и неестественно, что намъ положительно *было стыдно* читать громко этотъ разсказъ передъ взрослыми ученицами воскресной школы“.

А между тѣмъ огромная, подавляющая масса *народническихъ* изданій *для народа* была, именно, такова.

И въ этомъ, конечно, нѣтъ ничего ни удивительнаго ни неожиданнаго. То былъ естественный результатъ практическаго примѣненія того взгляда, согласно которому для народа было признано необходимымъ созданіе *особой* народной литературы, якобы приспособленной къ его народному міросозерцанію. Ложный взглядъ привелъ и къ ложнымъ результатамъ, а грубый, антихудожественный характеръ подобныхъ произведеній въ значительной мѣрѣ сблизилъ изданія указаннаго типа съ настоящими лубочными изданіями, отъ которыхъ, по существу, они отличались не такъ рѣзко, какъ это обычно думаютъ.

Но на той же точкѣ зрѣнія, на какой, какъ мы только что отмѣтили, стояла редакція прогрессивнаго журнала, стояло тогда и большинство издательстъ для народа. Разница между ними заключалась лишь въ оттѣнкахъ и направленіяхъ мысли, вращавшейся, въ дѣйствительности, въ одномъ опредѣленномъ кругѣ идей. Радикалы, народники, толстовцы, либералы, охранители и, наконецъ, правительственныя сферы, причастныя дѣлу „народнаго“ издательства, сходились одинаково на общемъ признаніи, что въ дѣлѣ *литературнаго просвѣщенія* народъ долженъ подлежать особому руководству и опекѣ, что культура образованнаго общества—не для него. Разница была лишь въ томъ, что одни съ сожалѣніемъ отказывали народу въ благахъ общечеловѣческой культуры, снисходя къ его невѣжеству, другіе, напротивъ, „устои“ такъ называемый „народной“ культуры ставили выше „барской“ цивилизаціи и готовы были предать эту послѣднюю анаѳемѣ, третьи, наконецъ, просто видѣли въ куль-

турной изоляціи народа одинъ изъ устоевъ „существующаго строя“ и боялись опасныхъ послѣдствій проникновенія въ народную среду „вредныхъ идей“, циркулирующихъ въ интеллигентныхъ слояхъ общества; но какъ бы то ни было, въ концѣ-концовъ, результатъ всѣхъ этихъ воззрѣній былъ одинъ и тотъ же: народъ кормили искусственной для него спеціально приготовленной литературной нравоучительной кашицей, своеобразной просвѣтительной „лебедой“, отказывая ему въ здоровомъ и чистомъ „хлѣбѣ“ духовномъ. И въ то время, какъ правительство сочиняло спеціальные каталоги для народныхъ библіотекъ и читаленъ, куда почти совсѣмъ не нашли доступа великіе писатели земли русской, интеллигентные издатели составляли свои собственные „каталоги“, выпуская для народа нарочито составленныя для него поучительныя, „полезныя“ книжки! И съ той и другой стороны вводилась своя цензура, и въ то же время и тѣми и другими фальсифицировалось самое понятіе литературы художественной, такъ какъ нѣтъ никакой возможности, въ самомъ дѣлѣ, считать *литературой* массу тѣхъ печатныхъ произведеній, которыя по заказу составлялись на заранѣе одобренныя темы—о терпѣніи, нестяжаніи, мирномъ житіи и прочихъ „добродѣтеляхъ“, проповѣдь которыхъ была обращена, именно, къ „мужику“ или даже „мужичку“, котораго усиленно убѣждали, что „не въ деньгахъ счастье“, что ему достаточно имѣть „три аршина“ земли, что „терпѣнье—лучшее спасенье“ и т. д. и т. д.

И эти тенденціи, дѣйствительно, получили широкое распространеніе.

Возьмемъ, напр., издательство „Общества распространенія *полезныхъ* книгъ“, возникшее еще въ 60-хъ гг. Въ своемъ уставѣ это общество, правда, ставило своей цѣлью изданіе „полезныхъ“ книгъ для всѣхъ классовъ общества, однако, фактически оно, особенно въ 80-ыхъ гг., когда дѣятельность его расширилась, посвятило себя изданію книгъ „преимущественно для дѣтскаго и народнаго чтенія“. Цѣлью этихъ изданій было „развивать и укрѣплять здоровыя и *нравственныя* понятія“ въ народѣ. Въ дѣйствительности же и здѣсь мы находимъ все ту же исправительную „литературу“, которая въ грубо тенденціозной формѣ преподноситъ подъ видомъ разсказовъ и бесѣдъ поучительныя наставленія авторовъ читателю по преимуществу на тексты изъ св. писанія.

Напрасно бы мы искали какого-либо намека на естественность въ этихъ разсказахъ. Все въ нихъ выдумано, приторно слащаво или навязчиво нравоучительно.

И тѣми же чертами отличались и изданія „Общественной пользы“.

Съ бо̀льшимъ талантомъ, но въ той же плоскости, были выполнены и изданія А. Ѳ. Погосскаго („Досугъ и дѣло", „Народная бесѣда", „Солдатская бесѣда"), отличавшіяся, однако, сентиментализмомъ, грубой, не всегда удачной, поддѣлкой подъ народную рѣчь и „народный духъ". О военныхъ разсказахъ и говорить нечего: эта специфическая литература слишкомъ тенденціозна, чтобы на ней слѣдовало останавливаться. Гораздо ниже изданій Погосскаго стояли изданія „Морского Вѣстника", проникнутыя офиціозно-охранительными тенденціями. Приличнѣе ихъ, хотя и со всѣми типическими особенностями „народныхъ изданій", заявили себя изданія „Постоянной комиссіи народныхъ чтеній", отличительнымъ признакомъ которыхъ являлась присущая имъ безцвѣтность и, такъ сказать, шаблонность.

На тотъ же путь спеціальнаго издательства ступилъ въ 1886 г. и „Московскій комитетъ грамотности", поставившій своей цѣлью „всенародное распространеніе грамотности на *религіозно-нравственномъ* основаніи", какъ объ этомъ заявилъ самъ комитетъ, выпустившій цѣлый рядъ весьма типичныхъ „народныхъ" книжекъ патріотическаго и поучительнаго содержанія. Только не задолго до прекращенія своего существованія комитетъ рѣшительно измѣнилъ характеръ своей издательской дѣятельности, „какъ по содержанію, такъ и по объему".

Тѣ же цѣли поставило себѣ и „Харьковское общество грамотности", ступившее на тотъ же путь въ 1891 г.

Начиная свою издательскую дѣятельность, оно въ особомъ проспектѣ „приглашало къ сотрудничеству по этому дѣлу всѣхъ лицъ, способныхъ къ литературной работѣ и знакомыхъ со *вкусами* сельскаго и городского читателя". „Кромѣ самостоятельно составленныхъ очерковъ и монографій, желательны (читаемъ мы далѣе) и возможно удачныя *передѣлки* существующихъ серьезныхъ какъ художественныхъ произведеній, такъ и научныхъ сочиненій". Такимъ путемъ общество грамотности имѣло въ виду „предоставить возможность людямъ съ самыми различными знаніями и разными литературными силами участвовать въ *составленіи книгъ для народнаго чтенія*". И далѣе проспектъ даетъ цѣлое *наставленіе* для авторовъ по каждому отдѣлу и разряду книгъ съ указаніями, какъ эти послѣднія должны составляться.

Мы находимъ здѣсь характерное замѣчаніе, что въ книгѣ для народа „слѣдуетъ прежде всего искать гуманной идеи", сторониться „картинъ нравовъ", способныхъ внести „недоразумѣнія въ нравственныя понятія неподготовленнаго читателя", разъяснять читателю „положительныя и отри-

цательныя“ стороны явленій и стараться отвѣтить „вкусамъ и запросамъ“ народа. Съ цѣлью ознакомленія съ послѣдними Харьковское Общество, какъ гласитъ тотъ же проспектъ, рѣшило произвести спеціальную анкету и „разослать ее лицамъ, стоящимъ близко къ сельскому населенію“, что, впрочемъ, не помѣшало этому обществу заранѣе объявить свою издательскую програму.

Въ указанномъ проспектѣ особенно интереснымъ является оговорка относительно художественной русской и иностранной литературы, согласно которой произведенія лучшихъ представителей художественнаго слова допускались въ народъ только въ *передѣлкѣ*. Фактъ этотъ достоинъ быть особливо отмѣченнымъ, поскольку и въ данномъ случаѣ намъ приходится констатировать еще разъ новую черту сходства литературы лубочной и интеллигентской. „Лицъ, способныхъ къ литературной работѣ“ на поприщѣ „народнаго“ сочинительства оказалось, въ концѣ-концовъ, не такъ-то много, да и изъ нихъ далеко не всѣ дебютировали въ этой области съ равнымъ успѣхомъ, а между тѣмъ *теорія* не допускала подлинную художественную литературу въ народъ! Очевидно, что не оставалось ничего иного, какъ *передѣлывать* произведенія классической литературы подъ „народный вкусъ“ или сокращать и всячески калѣчить ихъ.

Мы уже знаемъ, что настоящіе лубочники были вынуждены въ поискахъ матеріала ступить, именно, на этотъ путь. Интеллигенція, взявшись за то же дѣло, поступила точно такъ же.

И помимо Харьковскаго Общества можно было бы указать, въ качествѣ примѣра, на цѣлый рядъ другихъ издательскихъ фирмъ, которыя занялись систематической передѣлкой произведеній міровой литературы или выборками изъ нея такихъ сочиненій или отрывковъ изъ нихъ, которые считались по своему содержанію наиболѣе удовлетворяющими *спеціальнымъ* требованіямъ, предъявленнымъ къ „народной“ книгѣ.

Опредѣляющимъ принципомъ подобнаго рода операцій являлись не художественныя достоинства того или другого произведенія, а то, въ какой мѣрѣ оно отвѣчало особымъ требованіямъ, предъявляемымъ къ литературѣ для народа, или могло быть къ этимъ требованіямъ приспособлено.

Подобныхъ передѣлокъ, извлеченій или заимствованій можно найти достаточное число въ изданіяхъ „Посредника“ и у другихъ фирмъ. Можно было бы указать въ настоящемъ случаѣ и на любопытный примѣръ издательства журнала „Русской Мысли“, выпустившей для народа сокращенные тексты „Поликушки“ Л. Толстого и разсказа В. Г. Короленко „Уби-

вецъ", откуда оказались выброшенными не только цѣлыя главы, но и отдѣльныя мѣста по страницамъ.

Такимъ образомъ, на ряду съ интеллигентнымъ нравоучительнымъ лубкомъ, читатель изъ народа получалъ также и изуродованныя произведенія лучшихъ художниковъ слова, которыхъ брались передѣлывать разныя „способныя къ литературной работѣ" лица.

Конечно, такимъ путемъ немало проводилось въ народъ хорошихъ литературныхъ произведеній, хотя и въ „сокращенныхъ" изданіяхъ, но для насъ важно отмѣтить въ настоящемъ случаѣ не этотъ фактъ, а самое отношеніе интеллигентныхъ просвѣтителей-народниковъ къ художественной литературѣ.

А сила этой народнической традиціи была настолько значительна, что отъ нея не могли освободиться даже и тѣ издатели и издательства, которыя отчасти или даже вполнѣ и принципіально пытались оспаривать господствующій взглядъ.

Съ этой точки зрѣнія прежде всего можно было бы указать на мнѣніе В. П. Острогорскаго, изложенное имъ въ извѣстномъ „Систематическомъ обзорѣ русской народно-учебной литературы". Популярный педагогъ весьма опредѣленно высказалъ тотъ взглядъ, что народу слѣдуетъ давать только истинно художественныя произведенія и, разумѣется, въ первую очередь нашихъ классиковъ. Однако, формулируя это свое положеніе, Острогорскій, самъ того не замѣчая, по существу переходилъ на традиціонную точку зрѣнія, мысля „народную" литературу, какъ нѣчто специфическое. „Поэтому,—заключаетъ онъ,—собственно говоря, слѣдовало бы давать народу въ *извѣстномъ выборѣ, сокращеніяхъ* или *незначительныхъ передѣлкахъ* только сочиненія лучшихъ писателей (напр., Кольцова, Крылова, Пушкина, Гоголя и т. д.)". Спрашивается: чѣмъ же опредѣляется, однако, этотъ выборъ?

Избранныя произведенія, отвѣчаетъ Острогорскій, должны *„говорить истину* и *учить добру"*, они должны *„возбудить и направить на благое чувство народа, заставить воображать истинное счастье и несчастье, истинное добро и зло, направить на доброе и укрѣпить примѣрами больную волю, наконецъ, просвѣтить простого мало думающаго человѣка свѣтомъ разума. Заставить уважать себя безъ гордости, любить и помогать ближнему своему безъ расчета, цѣнить семью, проникнуться любовью и желаніемъ добра своей родинѣ, даже до готовности сложить за нее голову"* и т. д. Словомъ, передъ нами вся программа „народныхъ изданій" съ ихъ нравоучительными тен-

денціями, которыя направляются по адресу все того же простого народа, для котораго такимъ путемъ изготовляется своего рода школьная хрестоматія изъ отрывковъ лучшихъ произведеній лучшихъ авторовъ.

Еще болѣе ясно высказался въ защиту общей литературы В. Н. Маракуевъ, авторъ статьи „Что читалъ и читаетъ русскій народъ“ и дѣятельный издатель книгъ для народа.

„Надо мужика, деревенщину,—писалъ Маракуевъ,—признать за человѣка, *которому доступно все,* что доступно и городскому обывателю, лишь съ той разницею, что городской обыватель по большей части духовно и нравственно больной, а деревенскій здоровъ и полонъ силъ душевныхъ, не зараженъ всякимъ *сумбуромъ въ родѣ любви съ ея милліонами перипетій.* Разъ мы признаемъ (заключаетъ авторъ), что мужикъ человѣкъ,—вопросъ разрѣшается просто: дайте ему доступъ ко всему высокому, истинно человѣческому,—все равно откуда бы оно ни было взято—съ запада или востока“. И Маракуевъ, приступая къ издательской дѣятельности, рѣшительно заявилъ, что „никакой фальши, никакой поддѣлки подъ якобы низкій уровень простолюдина не допускается“ въ задуманной имъ серіи книгъ „Народной библіотеки“.

Однако уже изъ приведенной выше тирады можно понять, что передъ нами представитель все того же народничества, которое такъ ярко заявляетъ себя въ цитированной выше статьѣ нашего автора. И дѣйствительно, изданія г. Маракуева оказались явно тенденціозными и сугубо „народными“. Авторъ прежде всего выпустилъ массу „народныхъ“ сказокъ, а затѣмъ сталъ издавать „сочиненія“ г.г. Кокоревыхъ, Борскихъ на ряду съ произведеніями Ожешко, Сенкевича, Эд. По, Диккенса, Бретъ-Гарта, Бичеръ-Стоу, Левитова, Н. Успенскаго и др. Разсказы, изданные Маракуевымъ, нерѣдко носятъ помѣту „изъ народнаго быта“ и проникнуты явнымъ стремленіемъ выводить передъ читателемъ такъ называемые „положительные“ типы „изъ народа“.

Такимъ образомъ тенденціозный подборъ и спеціальный отборъ произведеній для народа произведенъ издателемъ вопреки его завѣренію, что „мужикъ—человѣкъ“ и ничто человѣческое ему не чуждо. Народническія симпатіи автора, который съ паѳосомъ говоритъ о „нашей городской, ложной и несчастной, цивилизаціи“, противополагая ее „здоровой“ культурѣ „мужика“, должны были поставить его въ противорѣчіе съ основнымъ защищаемымъ имъ тезисомъ о томъ, что все высокое и художественное доступно народу и никакой особой „литературы“ ему не надо. Это противорѣчіе отразилось и на самой издательской дѣятельности Маракуева.

Ту же двойственность можно было бы отмѣтить и во взглядахъ на „народную“ издательскую дѣятельность и „СПБ. Комитета грамотности“, который до начала 90 гг., „съ одной стороны, признавалъ необходимымъ издавать произведенія нашихъ классическихъ писателей“, а съ другой— высказывался въ пользу „изданія книгъ, спеціально предназначенныхъ для народа“. И лишь въ 1894 г. издательская комиссія Комитета признала „недостойнымъ“ свободнаго просвѣтительнаго учрежденія сочиненія подобнаго рода книгъ.

Однако эти отдѣльные далеко не рѣшительные голоса не мѣняли общаго хода народно-издательскаго дѣла. Народническія тенденціи торжествовали и господствовали, и С. Ан—скій въ 1894 г. продолжалъ настаивать на необходимости созданія спеціальной „народной литературы“, попрежнему утверждая, что общая литература для народа не пригодна!

Авторъ при этомъ усиленно защищалъ чисто *крестьянскій* ея характеръ. *Литература для народа*, по его убѣжденію, должна быть литературой о „мужикѣ“, литературой „изъ народнаго быта“, литературой народнаго языка.

Это была одна изъ основныхъ заповѣдей народничества, для котораго „народъ“ отождествлялся съ крестьяниномъ, „мужичкомъ“, идеализованнымъ и идеологически возведеннымъ въ „перлъ созданія“.

Отрицая развитіе капитализма въ Россіи, вѣря, что развитіе послѣдней пойдетъ не по западному образцу, не „по Марксу“, народники не вѣрили и въ живыя силы рабочей массы, городской пролетаріатъ. Они культивировали общинные „устои“, воспѣвали поэзію „власти земли“, обличали „гнилую“ городскую цивилизацію и возносили „здоровыя“ основы крестьянскаго быта. Все ихъ вниманіе было обращено въ деревню на земледѣльца.

Поэтому красной нитью черезъ народническія изданія на ряду съ общимъ духовно-нравственнымъ поучительнымъ тономъ проходитъ и другая тенденція: излюбленнымъ сюжетомъ народныхъ изданій являются сюжеты изъ „народнаго быта“, *крестьянской жизни*.

Герой интеллигентнаго лубка—„мужикъ“, тотъ самый мужикъ, который былъ одновременно и героемъ въ интеллигентской литературѣ. Такимъ образомъ, характеръ народническихъ изданій для народа опредѣлялся вовсе не интересами „самого народа“, какъ казалось *писателямъ для народа*, кто бы они ни были, а *интересами интеллигенціи и ея взглядами на „народъ“*.

И эти интеллигентскіе взгляды со всею яркостью отразились въ литературѣ для народа и, конечно, особенно на изданіяхъ такихъ дѣятельныхъ фирмъ, какъ „Посредникъ“.

Характернѣйшей тенденціей названныхъ изданій, въ данномъ случаѣ, явилась общая идеализація крестьянской жизни и ея „устоевъ“, какъ тогда любили выражаться, въ противовѣсъ городу.

Этимъ и обусловливалось непримиримое отношеніе народниковъ-просвѣтителей къ *городу, фабрикѣ, фабричному* человѣку.

Городъ въ изображеніи *писателей для народа,* а также и подъ перомъ такихъ *писателей изъ народа,* какъ, напр., С. Семеновъ, Савихинъ и др., всегда выступаетъ, какъ вертепъ. Городъ это — притонъ пьяницъ, разгула, разсадникъ „дурной болѣзни“, всяческаго обмана, преступленій, франтовства и мотовства. Это—школа эгоизма и идивидуализма, изъ которой человѣкъ приноситъ въ деревенскую семью начала разлада, раздѣла, разгула. Словомъ, городъ это—Содомъ и Гоморра.

Писатель для народа любитъ поэтому живописать мытарства деревенскаго „здороваго“ человѣка въ водоворотѣ городскихъ соблазновъ, разсказывая, „какъ крестьянинъ Петръ Гужовъ наживалъ деньги въ Москвѣ“ или какъ другой „мужичокъ“, попавъ въ Питеръ, „тонулъ, да выплылъ“. Это рѣзко выраженное настроеніе авторовъ „народныхъ“ изданій выдаетъ ихъ вмѣстѣ съ ихъ поучительной моралью. Интеллигентъ-писатель и въ данномъ случаѣ не можетъ отказаться отъ своей нравоучительной роли и продолжаетъ поучать читателя, какъ малаго ребенка, запугивая его ужасами городской культуры. Цѣль всѣхъ этихъ запугиваній—удержать мужика „на землѣ“, подъ ея „властью“, сохранить общинный режимъ народной жизни и „здоровую“ культуру земледѣльческаго труда, съ ея моралью и исконными устоями.

Мужикъ разсматривается при этомъ, какъ дитя природы, съ которымъ говорятъ на его дѣтскомъ, народномъ языкѣ, поговорками, прибаутками, притчами.

Отсюда понятно также и пристрастіе „народныхъ“ издательскихъ фирмъ къ „народнымъ сказкамъ“ и сказочнымъ разсказамъ вообще. Поучительный элементъ здѣсь налицо, а съ другой стороны, налицо и элементъ „народный“. Сказка—та же притча, это одна изъ формъ народнаго литературнаго творчества.

Такимъ образомъ, получается заколдованный кругъ: народному читателю нѣтъ выхода къ источникамъ общечеловѣческой культуры. Народныя „книжки“ усиленно культивируютъ его „крестьянское“ міросозерцаніе,

изолируютъ его отъ широкихъ человѣческихъ интересовъ и воспитываютъ въ немъ тотъ *провинціализмъ* мысли и быта, который всегда придаетъ крестьянскому населенію навыки консервативнаго склада ума, держитъ его во тьмѣ невѣжества и поддерживаетъ его классовую обособленность.

Издатель-народникъ, интеллигентъ, вѣря въ какую-то особливую „народную" культуру, какіе-то специфическіе „народные" устои жизни, которые онъ отдѣлялъ отъ общей національной и общечеловѣческой культуры, приходилъ къ выводу, что Пушкинъ, Гоголь, Л. Толстой — не народные писатели, а Кокоревъ, Погосскій, Семеновъ истинно народные писатели. Въ результатѣ въ сотняхъ тысячъ экземпляровъ издавались произведенія послѣднихъ авторовъ и отбрасывались первые, на долю которыхъ выпадала рѣдкая возможность проникнуть въ народъ или контрабандой въ лубочной передѣлкѣ и перепечаткѣ или въ „передѣлкѣ" того же Кокорева въ интеллигентскомъ изданіи.

Такова была въ общихъ чертахъ исторія интеллигентнаго лубка, который, сознательно подражая лубку настоящему [1]), подъ его видомъ, черезъ посредство видныхъ лубочныхъ издателей, былъ двинутъ въ народъ.

Казалось, на этотъ разъ въ народъ пошла настоящая „народная" книга, книга „изъ народнаго быта", написанная „простымъ" (а не „городскимъ" художественнымъ стилемъ) языкомъ, проникнутая „устоями" народнаго міровоззрѣнія.

И тѣмъ не менѣе результатъ оказался самый печальный. Сначала какъ будто новая книжка пошла, но затѣмъ, когда народъ ознакомился съ ней, наступилъ тяжелый кризисъ въ народно-издательскомъ дѣлѣ.

„Каяться" безъ конца въ грѣхахъ своихъ по „народнымъ" книжкамъ новой формаціи народу надоѣло и онъ *отвернулся отъ господской книжки, спеціально для него сочиненной,* а затѣмъ *вслѣдъ за нимъ охладѣлъ къ ней и издатель-интеллигентъ и писатель для народа.*

Прежде всего прекратилъ писать для народа Л. Н. Толстой, такъ много содѣйствовавшій своимъ именемъ и перомъ издательству спеціально народныхъ книгъ. Перестали писать *для народа* и другіе видные русскіе писатели, на время вовлеченные въ общее движеніе. Новая „народная книжка" стала залеживаться на полкахъ гг. издателей, а вмѣстѣ съ тѣмъ

[1]) Фирмою „Посредникъ" была выпущена даже очищенная, нравственная „Новая повѣсть объ англійскомъ милордѣ Георгѣ" (ц. 7 к.).

замирала и ихъ издательская энергія. Захудала и фирма „Посредникъ“, прекратились другія книгоиздательства и наступилъ застой въ книжномъ дѣлѣ.

Уже г. А. С. Пругавину въ его „Запросахъ народа и обязанностяхъ интеллигенціи въ области умственнаго развитія и просвѣщенія“ (М. 1890 г.), а вслѣдъ за нимъ и г. Ан—скому пришлось констатировать это крушеніе „практической дѣятельности интеллигенціи въ дѣлѣ народной литературы“, хотя послѣдній авторъ и не сумѣлъ сдѣлать логически вытекающихъ отсюда неизбѣжныхъ выводовъ, а такъ и остался при старонароднпческомъ идеалѣ и совершенно отжившемъ нынѣ понятіи спеціально „народной литературы“, такъ называемаго „прогрессивно-крестьянскаго направленія“.

Но отмѣченный кризисъ, наступившій въ народно-издательской дѣятельности интеллигенціи 90-хъ гг., мотивировался не только неуспѣхомъ народнической лубочной книжки въ народѣ, но и тѣмъ переломомъ въ *настроеніи самой интеллигенціи,* которая постепенно стала разочаровываться въ своихъ народническихъ идеалахъ, переживъ тяжелый періодъ крушенія великихъ надеждъ, одушевлявшихъ ее въ годы героическаго движенія въ народъ.

Провалъ пропаганды „деревенщиковъ“ и затѣмъ марксистская критика народничества довершили процессъ постепеннаго разложенія старой интеллигентской доктрины. Интеллигенція, разочарованная и извѣрившаяся въ своемъ героѣ-мужикѣ, охладѣла къ крестьянскому „народу“ и перешла къ жесточайшимъ разоблаченіямъ тѣхъ самыхъ „устоевъ“ народной жизни, которые еще недавно являлись предметомъ горячаго поклоненія съ ея стороны. На смѣну мужику теперь явился новый герой— городской рабочій народъ, пролетаріатъ, на котораго интеллигенція, по примѣру западно-европейской передовой демократіи, и перенесла свои послѣднія надежды.

Совершенно естественно, что, отвернувшись отъ деревенскаго народа, интеллигентное общество вмѣстѣ съ тѣмъ охладѣло и къ вопросамъ „народнаго“ просвѣтительства въ тѣхъ его формахъ, въ какія оно вылилось въ періодъ ближайшихъ къ великой реформѣ десятилѣтій.

Означенное охлажденіе сказалось съ одинаковой силой на всѣхъ поприщахъ просвѣтительной дѣятельности, какъ школьной, такъ и внѣшкольной, и привело, въ концѣ-концовъ, къ упадку интереса и къ народно-издательскому дѣлу, еще такъ недавно захватившему широкіе слои интеллигенціи.

Такимъ образомъ, перемѣна *интеллигентскихъ настроеній* на этотъ разъ въ такой же мѣрѣ обусловливала кризисъ издательства „для народа", какъ первоначально опредѣлила его широкое развитіе и временный успѣхъ.

Само собой разумѣется, что, благодаря отмѣченному кризису, снимался съ очереди и самый вопросъ о такъ называемой особой „народной" литературѣ,—вопросъ, еще такъ недавно живо дебатировавшійся въ спеціальной и, какъ мы видѣли, даже въ общей прессѣ.

Впрочемъ, еще до наступленія критическаго момента, когда интеллигенція стала приходить къ той мысли, что народническій взглядъ на „народную" литературу является „недостойнымъ", одинаково, какъ образованнаго общества, такъ и самого народа, уже начали раздаваться протестующіе голоса.

Такъ, еще въ 80-хъ гг. былъ произведенъ весьма интересный опытъ, для практическаго рѣшенія вопроса, „что читать народу?" опытъ, который привелъ лицъ, его производившихъ, къ выводу, что „произведенія первоклассныхъ авторовъ не только отечественной, но даже и иностранной литературы" производятъ „глубокое впечатлѣніе на народъ".

Мы разумѣемъ книгу „Что читать народу?", такъ много нашумѣвшую въ свое время.

Этотъ огромный коллективный трудъ харьковскихъ учительницъ, составленный подъ руководствомъ Х. Д. Алчевской, является въ высокой степени цѣннымъ матеріаломъ, хотя, конечно, преувеличивать значенія этой въ значительной степени искусственной анкеты не слѣдуетъ.

Названная книга, собственно говоря, доказываетъ не только то, что народная аудиторія съ глубокимъ интересомъ слушаетъ „произведенія первоклассныхъ авторовъ", но что она „слушаетъ" нерѣдко съ такимъ же интересомъ и лубочную книжку! Поэтому приходится, конечно, весьма критически относиться къ общимъ выводамъ рецензентокъ.

Но, внѣ всякаго сомнѣнія, книга эта доказала, что художественныя произведенія лучшихъ русскихъ писателей отнюдь не являются чуждыми и недоступными народу, что прекрасное, какъ и все человѣческое, доступно для такъ называемаго „народа". Конечно, отъ степени развитія, образованія зависитъ способность воспріятія народомъ, отдѣльными его представителями, тѣхъ или иныхъ произведеній и авторовъ, но въ этомъ фактѣ нѣтъ ничего специфически „народнаго", то же самое мы наблюдаемъ и среди такъ называемаго образованнаго класса, гдѣ, пожалуй, большинство предпочитаетъ читать „Ключи счастья" Вербицкой или зачитываться ка-

кими-нибудь самыми бездарными романами, чѣмъ читать Бѣлинскаго или даже классиковъ.

Но тотъ фактъ, что люди съ разнымъ развитіемъ далеко не могутъ быть подведены подъ одинъ уровень вкусовъ и интересовъ, отнюдь не говоритъ въ пользу того положенія, что необходимо создавать „особую литературу“ для каждой категоріи читателей, и еще менѣе отсюда слѣдуетъ, что отсталость и темноту того или иного читателя должно возводить въ принципъ, въ „устой“, въ идеалъ!

Дѣло не въ томъ, чтобы малограмотному читателю дать малограмотную книжку или вмѣсто истинно художественнаго произведенія подсунуть ему лубокъ, фальсификатъ литературы, искусства, красоты, художественной правды. Даже и безграмотный человѣкъ сумѣетъ отличить хорошее, подлинное, отъ поддѣлки! Дайте человѣку только возможность пріобщиться истинной красотѣ, истиннымъ сокровищамъ культуры, и онъ не ошибется въ оцѣнкѣ ихъ достоинства.

И съ этой точки зрѣнія надо разъ навсегда покончить съ понятіемъ *народной литературы, какъ спеціальной „литературы для народа“*.

Народу нужна не эта „литература“, нужна не *„народная“*, а *общедоступная книга*, т.-е. нужны 1) доступныя изданія *лучшихъ образцовъ міровой литературы,* и 2) нужна хорошая *популярная научная* книга, которая ничего специфически „народнаго“ опять-таки въ себѣ не должна заключать. Рѣчь идетъ вовсе не о какой-нибудь „Книгѣ Наума о великомъ Божьемъ мірѣ“, не о раешникѣ, или литературномъ балаганѣ, не о поддѣлкѣ подъ какую-то народную рѣчь, а о просто, ясно и толково написанной научной книгѣ, разсчитанной не на „мужика“, или „рабочаго“, или приказчика, а на *человѣка* съ извѣстнымъ культурнымъ цензомъ или безъ него.

Дѣйствительно, пора перестать смотрѣть на „народъ“, какъ на „меньшаго брата“ или какъ на ребенка, съ которымъ надо говорить непремѣнно картавя, а признать въ немъ самаго обыкновеннаго человѣка.

Не нужно оскорблять этого человѣка высокомѣрнымъ взглядомъ „сверху внизъ“, менторскимъ жестомъ, или становиться передъ нимъ въ колѣнопреклоненную позу и превращать въ какой-то кумиръ, который долженъ сотворить невиданное въ мірѣ чудо созданія какой-то „мужицкой“, „крестьянской“ или „народной“ (въ кавычкахъ) культуры.

Культура—едина, основная же тенденція и цѣль ея развитія въ новѣйшее время это — *ея демократизація, ея обобществленіе.* Пасынки культуры властно требуютъ своей доли участія въ ея благахъ, и задача

XX вѣка заключается, именно, въ томъ, чтобы сдѣлать чистые и свѣтлые источники духовной культуры доступными для всѣхъ. Пропасть, которая отдѣляетъ еще культурное меньшинство отъ почти лишеннаго всякой культуры большинства должна быть засыпана, а не углублена путемъ сознательнаго обособленія „народа" съ его „устоями" отъ интеллигенціи, которая выходитъ изъ рядовъ того же народа, есть „плоть отъ плоти его и кость отъ костей его".

Отрекаясь и отгораживаясь отъ этой интеллигенціи, „народъ" вмѣстѣ съ тѣмъ обрекаетъ себя на застой, моральное прозябаніе и, слѣдовательно, отрекается отъ самой культуры.

Интеллигенція же, возводя устои крестьянской жизни въ идеалъ, по существу, отдаляетъ народныя массы отъ широкихъ путей ихъ собственнаго культурнаго развитія и возрожденія.

Такимъ образомъ, дѣленіе культуры на культуру для господъ и культуру для простого народа это—вредный анахронизмъ, который является пережиткомъ дореформеннаго, крѣпостническаго міросозерцанія, своеобразно преломившагося въ сознаніи поколѣній критической эпохи великаго историческаго перелома.

Если уже давно произнесенъ судъ надъ „глупымъ" лубочнымъ „Милордомъ", въ которомъ никто не сможетъ увидѣть „литературнаго" произведенія, достойнаго русскаго народа, то вмѣстѣ съ тѣмъ пора признать, что и „Новый англійскій милордъ Георгъ" въ изданіи интеллигентной фирмы „Посредника" тоже не дѣлаетъ чести ни этой фирмѣ ни тому народу, для котораго онъ предназначенъ.

Этотъ новый „Георгъ" -явленіе символическое. Въ немъ мы видимъ символъ той новой „народной" литературы, того интеллигентнаго лубка, который пришелъ на смѣну подлиннаго лубка и долженъ быть вмѣстѣ съ нимъ разъ навсегда сданъ въ архивъ.

Такимъ образомъ, основной цѣлью поступательнаго развитія современной русской культуры должна стать для насъ мечта родного поэта, который въ разгаръ народническихъ увлеченій „народной литературой" прозрѣвалъ то время, когда русскій народъ

„не Милорда глупаго,
Бѣлинскаго и Гоголя
Съ базара понесетъ".

Конечно, строки эти имѣютъ для насъ тоже символическое значеніе. Бѣлинскаго теперь съ базара не носитъ и интеллигентъ. Бѣлинскій сдѣ-

лался достояніемъ исторіи литературы, предметомъ школьнаго или научнаго изученія, но мысль поэта сохраняетъ свою полную силу и свѣжесть до нашихъ дней.

Образовывать и воспитывать народныя массы возможно и должно только путемъ пріобщенія ихъ къ лучшимъ сокровищамъ культуры, только проводя ихъ черезъ школу лучшихъ культурныхъ вліяній, а не путемъ систематической порчи ихъ сознанія и вкуса при посредствѣ *лубочныхъ* изданій какъ стараго, такъ и новѣйшаго образца. Но для этого, конечно, надо окружить народъ въ его повседневной жизни цѣлою сѣтью культурныхъ учрежденій, поставить его подъ постоянное воздѣйствіе культурно-воспитательныхъ вліяній.

Отсутствіе же подобныхъ вліяній и почти безпредѣльное господство на Руси „власти тьмы" приводитъ къ тому, что традиціонный лубокъ, принимая во вниманіе, что интеллигентныя изданія „для народа" совершенно чужды ему по своему характеру, продолжаетъ жить до сихъ поръ въ массѣ населенія.

Что же касается настоящей художественной литературы, то она продолжаетъ до сихъ поръ оставаться далекой и недоступной народу въ широкихъ его слояхъ, хотя отдѣльныя попытки приблизить ее къ нему и дѣлались не разъ.

Послѣднее обстоятельство не должно насъ, однако, смущать, и одно простое указаніе на неудачу подобныхъ попытокъ еще не рѣшаетъ вопроса по существу.

Фактъ, несомнѣнно, имѣется налицо, но онъ требуетъ надлежащаго объясненія.

Мы не должны ему удивляться и еще менѣе должны спѣшить поставить въ данномъ случаѣ крестъ на нашей художественной литературѣ и сдѣлать выводъ, что „печной горшокъ" дороже народу всей нашей классической литературы.

При существовавшихъ и существующихъ до сихъ поръ отношеніяхъ распространеніе художественной литературы было почти немыслимо въ широкой массѣ населенія и не только потому, что до послѣдняго времени были закрыты для этой литературы двери народныхъ библіотекъ и плохо былъ организованъ сбытъ хорошихъ книгъ, а потому, что эта книга была *одинока, изолирована* въ народной средѣ.

Книга, какъ могучее орудіе внѣшкольнаго просвѣщенія народа только тогда сдѣлается желанной гостьей, необходимой спутницей народа въ его массахъ, когда она будетъ окружена цѣлой системой просвѣ-

тительныхъ учрежденій, когда кругозоръ, умственный интересъ и духовная самодѣятельность народа будутъ разбужены и его личность заживетъ усиленной, интенсивной сознательной жизнью.

Книга одна безсильна, если умъ народный спитъ, если его не ведутъ къ ней многообразные культурные каналы. Школа еще слабый проводникъ книги, такъ какъ она имѣетъ дѣло главнымъ образомъ съ дѣтьми, а не со взрослымъ населеніемъ *непосредственно,* хотя, конечно, черезъ нее книга постепенно просачивается вмѣстѣ съ грамотой въ массы народа. Но такъ какъ, кромѣ школы, народъ до сихъ поръ не имѣлъ почти никакихъ иныхъ культурныхъ средствъ для дальнѣйшаго своего образованія, то естественно связь его съ книгой не углублялась, а ослабѣвала.

Если же надъ элементарной школой станетъ цѣлая сѣть учрежденій внѣшкольнаго просвѣщенія, то *книга* тотчасъ же получитъ новую опору, новую почву для своего распространенія.

Народныя лекціи, чтенія и курсы для взрослыхъ, народный театръ, литературно-музыкальные вечера, выставки, музеи, образовательный кинематографъ и экскурсіи должны будутъ прійти въ тѣсное взаимное общеніе съ библіотекой и книжнымъ складомъ. *Книга тогда оживетъ,* имена великихъ русскихъ писателей, ученыхъ перестанутъ быть чуждыми народному сознанію и тогда населеніе само потянется къ „Бѣлинскому и Гоголю", къ хорошей научной популярной книгѣ, пусть только она станетъ ему *доступна* по цѣнѣ и мѣсту.

Вотъ гдѣ лежитъ истинное рѣшеніе *проблемы о книгѣ* подлинно *народной,* т.-е. *всенародной, общедоступной, демократической книгѣ.*

Пора перестать засорять голову народа, портить его вкусъ жалкими суррогатами культурныхъ цѣнностей, выдавать фальшивую монету „народной литературы" за настоящую, полноцѣнную монету.

Все равно народъ распознаетъ поддѣлку и, въ концѣ-концовъ, отвергнетъ негодный продуктъ, разоблачивъ всѣ самообманы и обманы, какъ невольныя заблужденія, такъ и сознательныя ухищренія своихъ опекуновъ.

Въ настоящій моментъ мы стоимъ, такимъ образомъ, передъ новой проблемой, которая поставляется на очередь какъ всѣмъ прошлымъ народной книги, такъ и современнымъ состояніемъ народной культуры въ Россіи.

Судьбы книги тѣсно связаны съ культурой народа. Дать народу хорошую книгу и въ то же время держать его во тьмѣ невѣжества—невозможно. Всѣ опыты при такихъ условіяхъ будутъ напрасны и не при-

несутъ желанныхъ плодовъ. Приспособлять же книгу къ народной темнотѣ, т.-е. давать ему „лубокъ“, лубочный или интеллигентскій, это значитъ фальсифицировать самую культуру и закрѣплять обособленіе народныхъ массъ отъ настоящихъ источниковъ знанія и духовныхъ цѣнностей.

Демократизація книги тѣсно связана, такимъ образомъ, съ вопросомъ о демократизаціи общей культуры и просвѣщенія. Художественная литература и популярная книга станутъ только тогда дѣйствительно всенародными, когда всенародной сдѣлается и самая культура.

Б. И. Сыромятниковъ

КНИГА.

Ю. СТРУВЕ.

Съ какой бы стороны мы ни подошли къ жизни нашей родины, мы всегда сойдемся на одномъ желаніи—двинуть впередъ ея культуру. Движеніе впередъ необходимо идетъ двумя путями: по пути теоріи и по пути практики.

Теорія, открывая человѣку новые горизонты, просвѣтляя его взглядъ на міръ, улучшая, облагораживая человѣчество, смягчая и уничтожая его дикіе инстинкты и проявленія, служитъ самымъ высокимъ цѣлямъ: она даетъ смыслъ человѣческому существованію, дѣлаетъ *человѣка* достойнымъ своего званія.

Можно совсѣмъ не думать о практическихъ результатахъ теоретической работы въ области науки и искусства, можно быть такимъ идеалистомъ, какими сплошь да рядомъ являлись и являются наши ученые, наши поэты и художники. Но—удивительная вещь!—чѣмъ меньше человѣкъ думаетъ о непосредственной *пользѣ*, тѣмъ больше эта польза. Такъ и въ области вліянія теоріи на практику: улучшается человѣкъ—улучшаются созданія его ума и рукъ, и такъ до безконечности.

Практика подхватываетъ крохи, падающія съ царственнаго стола теоріи, дѣлаетъ ихъ достояніемъ толпы; смотришь—и чисто внѣшняя культура стала выше.

„Книжныя словеса—рѣки, напояющія вселенную“, по словамъ нашего древняго лѣтописца, и этимъ образомъ выражено чрезвычайно

много. Книги—покорные слуги культуры. Додумавшись до новой истины, философъ, ученый, поэтъ дѣлаютъ эту истину достояніемъ собратьевъ—черезъ книгу.

Оцѣнивъ значеніе этой истины для улучшенія жизни, люди, болѣе склонные къ практической дѣятельности, претворяютъ эту высокую истину въ чисто практическія правила для того или иного рода дѣятельности и, опять-таки при помощи книги, распространяютъ ихъ по бѣлу свѣту въ десяткахъ и сотняхъ тысячъ экземпляровъ.

Книга—наше высшее наслажденіе, заставляющее подчасъ забыть всѣхъ и вся, дающее возможность жить за другихъ, радоваться и печалиться человѣческими радостями и печалями.

Плодъ человѣческаго генія и труда, книга должна пользоваться и пользуется во всѣхъ культурныхъ странахъ особымъ почетомъ и уваженіемъ. Изящно напечатанная, украшенная иллюстраціями, красиво переплетенная, тщательно сберегаемая книга—одинъ изъ яркихъ показателей культурности страны, и, кто содѣйствуетъ росту и упорядоченію книжнаго дѣла, тотъ служитъ службу нашей родинѣ. Получить въ руки готовое дѣло, понемногу войдя въ него послѣ тщательной подготовки,—одно; создать дѣло самому, довести его до громадныхъ размѣровъ, постоянно воспитывая для него и сотрудниковъ,—другое.

Уважаемый юбиляръ, И. Д. Сытинъ, какъ разъ нашелъ въ себѣ достаточно энергіи и мужества, чтобы создать такое дѣло. Трудно сказать, сколькимъ лицамъ онъ далъ возможность сдѣлать достояніемъ печати свои завѣтныя мысли; трудно сказать, сколько книгъ разлилось по землѣ русской его трудами. Разумѣется, это было возможно только при одномъ условіи: надо было слить совершенно это дѣло со своей жизнью. А при такомъ условіи дѣло становится человѣку такъ же дорого, какъ его собственная жизнь. Поэтому-то и надо было непремѣнно ознаменовать юбилей уважаемаго Ивана Дмитріевича созданіемъ „Дома Книги", разсадника культурныхъ работниковъ по книжному дѣлу, работниковъ, которыхъ имя Ивана Дмитріевича должно всегда поддерживать объединять, ободрять.

П. Струве.

КУЛЬТУРНОЕ КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО.

М. РОСТОВЦЕВЪ.

Великая творческая мысль человѣка передается массамъ почти исключительно черезъ книгу. Чѣмъ легче и проще напечатать книгу, чѣмъ привлекательнѣе и серьезнѣе ея внѣшность, чѣмъ шире ея сбытъ, тѣмъ глубже проникаетъ творческая мысль въ глубины народнаго сознанія. Казалось бы, скромная, чисто техническая роль книжнаго издательства въ книжной торговлѣ огромна. Надо знать, что издавать: надо умѣть разумомъ и чутьемъ захватить не только то, что важно, цѣнно, какъ проявленіе творческой мысли человѣка, но и то, что важно, нужно и доступно читающей массѣ. При этомъ особо всегда помнить, что ходкое и лучшее рѣдко совпадаютъ, и что большое книгоиздательство, широко связанное съ населеніемъ, отнюдь не нуждается въ распространеніи

рѣдкой макулатуры, а можетъ и должно своимъ авторитетомъ дать ходъ настоящей книгѣ.

Но на этомъ дѣло не кончается. Книга по содержанію — продуктъ идейнаго творчества, по формѣ она должна быть произведеніемъ искусства, независимо отъ иллюстрацій и т. п. художественныхъ обложекъ, книга сама по себѣ должна быть благородна и красива. Преступно печатать книгу наобумъ, сбитыми шрифтами, безобразными образцами, на бумагѣ, одинъ видъ которой можетъ навести скуку и уныніе. Не только содержаніе, но и внѣшность книги должна воспитывать читателя, внушать ему уваженіе къ книгѣ, какъ къ таковой, пріучать его любить книгу, какъ высшій продуктъ человѣческаго творчества, а не смотрѣть на нее, какъ на мимолетное развлеченіе, въ родѣ выкуренной папиросы. Культуренъ только тотъ человѣкъ, который не только покупаетъ книгу, но и хранитъ ее. Хранить же будутъ только ту книгу, которую могутъ полюбить. Велика задача — умѣть соединить доступность и дешевизну книги съ изящной ея внѣшностью. Истинно культурной стороной въ этомъ отношеніи является Англія.

Плотная, но легкая бумага: толстый томъ вы держите въ рукахъ, какъ перышко; мягкій, ровный, ласкающій глазъ шрифтъ, не переобремененіе иллюстраціями, но разумный и изящный ихъ подборъ. Англійская книга—идеалъ настоящей, уважающей мысль, культурной книги.

Сравните ее хотя бы съ нѣмецкой. Нѣмцы много поработали на книжномъ рынкѣ, но своего типа не создали. Не создали того, что дала вѣковая традиція Англіи, не выработали и того, что даетъ особый отпечатокъ и каждой французской книги. Много потугъ на красоту и изящество, но тяжелая и массивная бумага—книга, какъ кирпичъ, перегрузка иллюстраціями, обложка, не сросшаяся съ текстомъ книги.

Къ сожалѣнію, мы, русскіе, въ большинствѣ шли въ хвостѣ у нѣмцевъ, переняли ихъ систему или ихъ отсутствіе типа, прибавивъ къ этому наше неряшество. Пора намъ подумать о своемъ, русскомъ, типѣ книги, который такъ же изображалъ бы нашу культурную сущность, какъ книга англійская и французская.

Кое-что въ этомъ отношеніи дѣлалось и дѣлается. Честь и слава тѣмъ книгоиздательствамъ, которыя къ этому стремятся и это осуществляютъ. Пора намъ имѣть настоящую культурную книгу!

Проф. Меркуровъ

НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ О КНИГѢ ВЪ РОССІИ.

С. ШОХОРЪ-ТРОЦКІЙ.

Книга въ Россіи—вещь особаго рода. Для большинства населенія она недоступна вслѣдствіе низкаго уровня грамотности и культуры. Да и изъ грамотныхъ русскихъ людей лишь немногіе читаютъ книги. Нѣкоторая часть читающаго книги люда предъ книгой иногда преклоняется, другая къ тому приставлена, чтобы ее заподозрѣвать въ крамолѣ и, при малѣйшей подозрительности ея содержанія, ее преслѣдовать. Авторовъ нѣкоторыхъ книгъ одни считаютъ пророками и учителями и къ нимъ предъявляютъ иногда невыполнимыя требованія. Тѣхъ же авто-

ровъ другіе считаютъ преступниками, подлежащими суду или достойными административныхъ каръ. Есть на Руси читатели, видящіе въ книгѣ единственное утѣшеніе; они иногда ищутъ въ ней разрѣшенія всѣхъ мучительныхъ и вѣчныхъ вопросовъ. Это зависитъ отъ общественной, политической и моральной бѣдности нашей жизни.

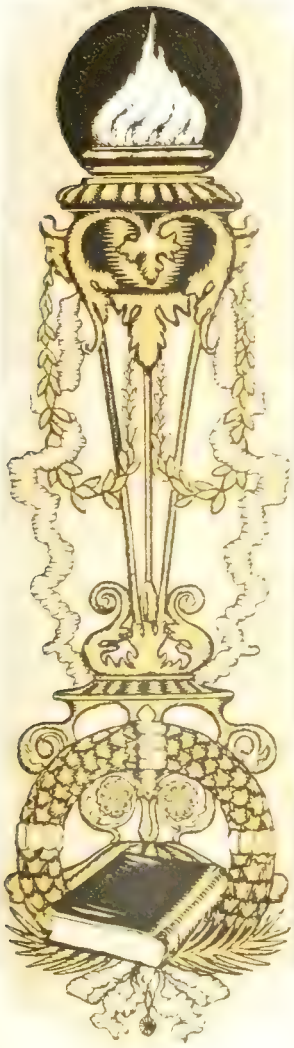
Изъ десятковъ и сотенъ читателей, только единицы книгу покупаютъ; изъ покупателей книги рѣдкій отдаетъ ее въ переплетъ даже тогда, когда цѣна книги выражается въ рубляхъ, а цѣна переплета—въ копейкахъ. Не переплетенныя книги многіе разрѣзаютъ или, вѣрнѣе, разрываютъ съ помощью указательнаго пальца... Даже учебныя книги для всѣхъ возрастовъ попадаютъ въ продажу безъ переплета. Это прививаетъ и учащимся неуваженіе къ книгѣ. О болѣе или менѣе приличной внѣшности учебной книжки стали заботиться у насъ сравнительно недавно. Зато для ущемленія учебныхъ книгъ, позволяющихъ себѣ отступленіе отъ рутины, существуютъ спеціальныя учрежденія, проникнутыя неуваженіемъ не только къ книгѣ, но къ учителю и, конечно, къ просвѣщенію родины.

Покупающій книги рѣдко у насъ содержитъ свою, хотя бы и небольшую, полку книгъ въ должномъ порядкѣ. Берущій у другого книгу для прочтенія, хотя бы и не принадлежалъ къ числу любителей чужой собственности, рѣдко ее возвращаетъ. Давшій другому свою, не прямо необходимую ему, книгу для прочтенія часто забываетъ, кому онъ ее далъ.

Вообще же книгу въ Россіи любятъ и нигдѣ на свѣтѣ вы не встрѣтите среди интеллигенціи столько начитанныхъ людей, какъ у насъ. Книгу у насъ преслѣдуютъ такъ, какъ нигдѣ на свѣтѣ, тѣ, кто къ тому приставленъ. Но уважать—мало кто книгу у насъ уважаетъ. Она у насъ должна бы принадлежать къ числу крайне нужныхъ вещей, но, въ то же время, она у насъ—чуть не послѣдняя вещь.

И этой вещи значительную часть своихъ значительныхъ самородныхъ талантовъ и энергіи, своего большого природнаго ума посвятилъ Иванъ Дмитріевичъ Сытинъ. Честь ему за это и слава!

С. Шохоръ-Троцкій



Въ защиту книги.

Въ послѣднее время среди педагоговъ появилось теченіе враждебное по отношенію къ книгѣ въ дѣлѣ образованія и воспитанія. Повторяютъ слова Ницше, что рѣчь изобрѣтена только для передачи средняго, посредственнаго, мелкаго, что она опошляетъ говорящаго. Цитируютъ Рескина, что очень мало людей на этомъ свѣтѣ, которымъ книга принесла какую-нибудь пользу. Одни говорятъ, что дѣтская книга „громадный минусъ въ ряду факторовъ нормальнаго органическаго развитія ребенка", что въ лучшемъ случаѣ она отнимаетъ отъ него драгоцѣнное время, а въ худшемъ — дурно вліяетъ на него въ разныхъ отношеніяхъ, что книга подрываетъ самодѣятельность ребенка, задерживаетъ его развитіе, сводитъ его активность почти до нуля, что избытокъ книгъ не даетъ равновѣсія многимъ сторонамъ ума и души ребенка, подростка, юноши. Другіе соглашаясь, что книга можетъ дать много важныхъ переживаній, все же вредно отражается на физическомъ и нравственномъ здоровьѣ юношества, создаетъ преждевременную скороспѣлую зрѣлость, мѣшая нормальному развитію. И тѣ и другіе приходятъ къ одному и тому же выводу, что книгу нужно совершенно изгнать на первыхъ ступеняхъ развитія, а въ дальнѣйшемъ если и допускать ее, то лишь съ крайней осторожностью, какъ неизбѣжное зло. Третьи идутъ еще дальше и хотѣли бы совершенно изгнать книгу изъ человѣческаго обихода. Это теченіе всего лучше характеризуетъ новѣйшій афоризмъ:

„Міръ книгъ и литературы—самый праздный изъ міровъ, ибо тотъ, кто входитъ въ библіотеку, поворачиваетъ спину къ жизни".

И это говорятъ не реакціонеры, не мракобѣсы, не тѣ, кто борется съ литературою посредствомъ цензуры.

Цензура и наши мракобѣсы никогда не пользовались довѣріемъ общества и ихъ гоненіе на какую-нибудь книгу всегда служило лучшей для нея рекомендаціей. Цензура и реакціонеры не такъ страшны, какъ это новое теченіе, исходящее изъ совсѣмъ другихъ круговъ, пользующихся и уваженіемъ и довѣріемъ.

Это теченіе тѣмъ опаснѣе, что оно представляетъ лишь крайность другого движенія, вполнѣ здороваго и правильнаго въ своей основѣ, движенія противъ исключительности книжнаго обученія, безъ критики, безъ опыта и наблюденій. Не въ первый разъ уже въ исторіи педагогики мы встрѣчаемся съ этимъ движеніемъ противъ исключительнаго вербаризма и книжности въ обученіи.

Въ западной Европѣ такое движеніе вызвала учеба среднихъ вѣковъ, когда школы были лишь орудіемъ въ рукахъ католическаго духовенства, когда онѣ должны были воспитывать лишь безпрекословное повиновеніе безъ разсужденій и критики, когда все обученіе сводилось къ зазубриванію чужихъ словъ и обращалось не къ разуму (разумъ могъ и критиковать), не къ опытамъ и наблюденіямъ (они могли привести къ нежелательнымъ для клерикализма выводамъ), а исключительно къ словесной механической памяти, къ запоминанію того, что написано было въ книгахъ, пользовавшихся непререкаемымъ авторитетомъ. Школы должны были воспитывать дѣтей не для нихъ самихъ, не для общества, а для католической церкви, нуждающейся въ клирикахъ, чтобы читать и пѣть латинскія молитвы, переписывать священныя книги на латинскомъ языкѣ, котораго можно было и не понимать. А чтобы мысль учащихся не отвлекалась отъ церкви, имъ внушалось презрѣніе ко всему земному.

Не надо было изучать медицину, когда всякую болѣзнь можно было изгнать молитвою; не надо было изучать агрономію, когда одинъ молебенъ могъ дать и дождь и урожай. Не надо было изучать энтомологію, когда достаточно было отлучить вредныхъ червей отъ церкви.

Вмѣсто астрономіи была астрологія, вмѣсто химіи была алхимія, вмѣсто науки была химера и суевѣріе; философія была служанкой мистицизма, отрицала дѣйствительность, считая ее лишь призракомъ и обманомъ нашихъ внѣшнихъ чувствъ, жила внѣ времени и пространства, рѣшала вопросы о вѣчности, о безусловномъ совершенствѣ и презирала „кажущійся міръ“. Даже эпоха возрожденія и та не сразу покончила съ этой мертвечиной и безсмысленнымъ буквоѣдствомъ, когда

изъ зазубриванія словесныхъ формъ забывалась самая мысль, выраженная этими формами, когда слова заступали мѣсто фактовъ. И было вполнѣ естественно, что геніальные педагоги подъ вліяніемъ успѣховъ науки, послѣ Галилея, Ньютона, Бэкона, выступали съ горячимъ протестомъ противъ механической долбни книжныхъ школъ того времени и требовали опыта, наблюденій и развитія разума. Протестанты педагоги обвиняли схоластическую школу въ томъ, что она готовитъ попугаевъ, и приглашали учащихъ и учащихся къ природѣ. Создалось такое положеніе, что Мольеръ изобразилъ схоластиковъ того времени въ роли просителей, умаливающихъ полицію защитить ихъ отъ разбойниковъ, именуемыхъ разумомъ и опытомъ.

Но, нападая на злоупотребленія книгою, педагоги того времени не перегибали палки въ другую сторону, какъ дѣлаютъ нѣкоторые изъ педагоговъ теперь. То, чего требовали Коменскій, Руссо, Песталоцци и другіе это—въ сущности лишь то, что нынѣ мы называемъ предметнымъ методомъ обученія; но они совсѣмъ не требовали изгнанія книги изъ школы и изъ дѣтской. Самый крайній изъ нихъ, Руссо, находилъ, что въ то время давали слишкомъ много власти словамъ, упражняли дѣтей въ однихъ разглагольствованіяхъ и приготовляли болтуновъ. И въ противовѣсъ исключительному вліянію словъ онъ восклицаетъ: „вещей! вещей!“ Но онъ совсѣмъ не отрицалъ значенія книги и рекомендовалъ давать ее дѣтямъ, когда имъ минетъ 12 лѣтъ. Книга вредна, когда она безгранично властвуетъ въ школахъ и мѣшаетъ наблюденіямъ и опыту; но она полезна на ряду съ предметнымъ методомъ обученія. Такъ можно было бы резюмировать ученіе педагоговъ, выступившихъ съ рѣзкимъ протестомъ противъ схоластической школы въ Западной Европѣ.

Аналогичная борьба велась да и теперь еще ведется и у насъ. Широкая публика знаетъ о нашей дореформенной школѣ по бурсѣ Помяловскаго. Эту школу талантливый критикъ 60-хъ годовъ сравнивалъ съ „Мертвымъ домомъ“ Достоевскаго. Въ этой школѣ процвѣтала та же зубристика, мертвечина, безсмысленная долбня словъ, словъ и словъ... Не далеко отъ этой школы ушли и толстовско-катковскія гимназіи и церковноприходскія школы. Открывая гимназіи для того, чтобы охлаждать умы, пробуждаемые вѣяніями вѣка, Толстой изгналъ изъ школы все, что могло интересовать юношей и шевелить мозги. Изгнано было естествознаніе, такъ какъ передовые общественные слои, съ Писаревымъ во главѣ, ставили его необыкновенно высоко. Начальство боялось, что главные принципы естествознанія и особенно тѣ, какіе были связаны съ теоріей эво-

люціи, могутъ поколебать государственные основы. Безопасными казались только древнія вокабулы, грамматика, номенклатура, и именно на это и было обращено особое вниманіе учащихъ, директоровъ и инспекціи. Могъ бы спасти положеніе методъ преподаванія; но программы были столь обширны, что не оставляли времени для примѣненія никакихъ другихъ пріемовъ, кромѣ наиболѣе быстраго — заучиванья по книгѣ.

Поэтому, физика очень часто изучалась безъ опытовъ, минералогія безъ минераловъ, ботаника безъ живыхъ растеній, зоологія безъ животныхъ, безъ чучелъ, безъ скелетовъ и т. п. Въ начальныхъ школахъ, по моему вычисленію, подъ вліяніемъ программъ и экзаменовъ 12 уроковъ въ недѣлю употреблялось на диктантъ, списываніе и правописаніе; а на чтеніе статей по географіи, исторіи и природовѣдѣніе не болѣе 2—3 часовъ въ недѣлю, при чемъ изученіе этихъ предметовъ допускалось лишь только въ видѣ объяснительнаго чтенія одобренныхъ Министерствомъ хрестоматій. Учителя, слушавшіе лекціи на руководимыхъ мною въ 90-хъ годахъ учительскихъ курсахъ, на мои вопросы о положеніи учебнаго дѣла дали письменные отвѣты, изъ коихъ видно было, что при чтеніи статей по природовѣдѣнію опыты производились только въ 3% всѣхъ опрошенныхъ учащихъ, а 97% никакихъ опытовъ не производили. Центромъ гоненія на предметный методъ обученія была канцелярія оберъ-прокурора Св. Синода Побѣдоносцева, а также „Гражданинъ“ и „Московскія Вѣдомости“. Одинъ изъ членовъ Училищнаго Совѣта при Св. Синодѣ доказывалъ, что русская педагогика должна отличаться отъ западной, потому что у насъ есть таинство миропомазанія, которое сообщаетъ душѣ православнаго человѣка такія способности и качества, какихъ не могутъ имѣть непомазанные люди. На такихъ принципахъ построены были церковно-приходскія школы, по правиламъ 1884 г. Эти же принципы, быть-можетъ, съ нѣсколько меньшей послѣдовательностью проводились и въ школахъ другихъ вѣдомствъ. Въ большинствѣ случаевъ школа была мѣстомъ долбни, зубристики и исключительно книжнаго обученія.

Естественно, что противъ такого направленія надо было протестовать, и прогрессивная педагогика дѣйствительно боролась съ исключительнымъ вербаризмомъ школы. Необходимо было настаивать, чтобы, сохранивъ книгѣ и слову принадлежащее имъ по праву мѣсто, учащіе ввели въ школу и опытъ, и наблюденіе, и самодѣятельность дѣтей, и ручную работу — и все это вмѣстѣ согласовали одно съ другимъ такъ, чтобы книга и слово дополняли и связывали и другъ съ другомъ и съ собою всѣ эти элементы образованія.

И эта пропаганда имѣла успѣхъ. Въ 1897 году я могъ озаглавить свою статью о предметномъ методѣ обученія „Забытый вопросъ". Завѣдующая такимъ крупнымъ музеемъ, какъ петроградскій подвижной, г-жа Страхова пишетъ, что до 1900 года вся наличность русскихъ наглядныхъ пособій ограничивалась 3-мя изданіями, изъ коихъ не всѣ еще имѣли въ виду начальную школу. Были заграничныя изданія, но съ нѣмецкимъ текстомъ и продававшіяся по цѣнѣ, недоступной для начальной школы. По словамъ г-жи Страховой, народная школа до начала XX вѣка въ наилучшемъ случаѣ знала только глобусъ, карту, шведскіе счеты да ариѳметическій ящикъ.

Но въ 1906 году тотъ же обозрѣватель пишетъ, что все же это дѣло сдвинулось съ мѣста и сдвинулось безповоротно. Идея необходимости предметнаго обученія въ начальной школѣ проникла во всѣ слои мыслящей части общества, стала несомнѣннымъ достояніемъ общественнаго сознанія.

И сейчасъ можно было бы только привѣтствовать движеніе педагогической мысли, если бы протестъ шелъ не противъ книги и слова вообще, а противъ злоупотребленія ими, противъ обычая пользоваться только одними словами тамъ, гдѣ нужны наблюденія и опытъ, противъ употребленія словъ, съ которыми дѣти не связываютъ ясныхъ понятій, пріобрѣтаемыхъ путемъ предметнаго обученія, противъ того, чтобы слово для ученика могло быть знакомъ безъ содержанія, символомъ безъ смысла.

На этомъ необходимо настаивать и теперь. Изслѣдованія показали, что встрѣчаются въ среднихъ школахъ ученики, умѣющіе правильно, безъ ошибокъ написать слова—лѣсъ, нива, озеро и т. п.—и по-русски, и по-латыни, и по-гречески, и по-французски, и по-нѣмецки, могутъ сказать, какого склоненія, какого рода каждое изъ этихъ словъ, могутъ просклонять каждое изъ этихъ словъ; но самыхъ предметовъ, изображаемыхъ этими словами, они не видали.

Будемъ бороться съ этимъ исключительно словеснымъ обученіемъ; но будемъ бороться и противъ перегибанія лука въ другую сторону, что дѣлаютъ тѣ, кто кричитъ: „долой книгу и слово". Начать съ того, что книга и слово не только не мѣшаютъ, но, напротивъ, при правильномъ пользованіи оказываютъ существенную помощь развитію самодѣятельности учащихся и противодѣйствію тлетворному вліянію толстовско-побѣдоносцевскаго направленія. Кто не знаетъ, хотя бы по наслышкѣ, что въ тяжелыя времена безпощадной реакціи 80-хъ годовъ русская литература служила почти единственнымъ хранилищемъ нашихъ луч-

шихъ идеаловъ, единственнымъ маякомъ и для взрослыхъ и особенно для учащихся, задыхавшихся въ тогдашней умопомрачительной школѣ.

Въ школѣ преподавалась фальсифицированная наука, но книги, проникавшія не всегда легальными путями въ кружки студентовъ и учащихся средней школы, обнаруживали эту фальсификацію; школьная учеба внушала отвращеніе къ ученію; а книги будили любознательность, занимали, увлекали, приводили въ восторгъ. Школа угнетала, принижала, развращала дѣтей; а прогрессивная литература того времени стояла настражѣ человѣческаго достоинства и чести, будила совѣсть, спасала отъ развращенія. Почти въ каждомъ большомъ провинціальномъ городѣ были потаенныя библіотеки и даже кабинеты для чтенія, устраиваемые ученическими кружками. Книги прятались такъ ловко, что ни учебное начальство, ни даже искусившаяся въ сыскѣ полицейская власть большею частью ничего не подозрѣвали о существованіи такихъ вольныхъ библіотекъ.

А между тѣмъ около нихъ группировались наиболѣе способные и любознательные изъ учащихся. Послѣ гимназическихъ учебниковъ и уроковъ—скучныхъ и пустыхъ—книги изъ подспудной библіотеки кружили головы молодежи своею необычайною дерзостью, съ какою популярные авторы касались самыхъ опасныхъ вопросовъ, „Эльбрусовъ и Монблановъ“, по выраженію Писарева, широкими и смѣлыми мазками рисовали широкія и свободныя перспективы будущаго. Тѣ же книги бросали совершенно новый свѣтъ на всѣ явленія окружающей жизни.

Юноша, конечно, и безъ книгъ больно чувствовалъ и свое и чужое безправіе, задыхался отъ самодурства; но книги впервые освѣтили весь этотъ ужасъ жизни, помогли разобраться въ немъ и объяснить, что къ чему.

Книга такимъ образомъ являлась наилучшимъ средствомъ борьбы съ тѣмъ самымъ книжно-схоластическимъ направленіемъ школы, противъ котораго выступаютъ педагоги съ лозунгомъ: „долой книгу“.

Но они говорятъ еще, будто слово и книга мѣшаютъ наблюденію и опыту. И это тоже несправедливо. Едва ли кто другой изъ ученыхъ XIX вѣка былъ выше Фарадея въ области опыта, а между тѣмъ хорошо извѣстно, какую огромную роль сыграла на первыхъ шагахъ его развитія популярная книжка г-жи Марсе. Именно этой увлекшей его книжкѣ Фарадей обязанъ тѣмъ интересомъ, какой возбудила въ немъ такая опытная наука, какъ химія; именно здѣсь положено начало его увлеченію опытными науками вообще. Позже молодой переплетчикъ Фарадей былъ очень много обязанъ тѣмъ книгамъ, какими снабжали его Гекстебль,

Абботъ, Маграть и другіе. Еще болѣе извѣстно, какое огромное вліяніе произвели на него лекціи Дэви.

А вотъ другой знаменитый экспериментаторъ Либихъ — основатель земледѣльческой химіи. По его собственному признанію, онъ своимъ развитіемъ обязанъ не гимназіи, изъ которой долженъ былъ выйти вслѣдствіе полной неуспѣшности, а тому обстоятельству, что очень рано получилъ возможность пользоваться популярными книгами по химіи.

Хорошо извѣстно, какъ много значили книги для Галиллея. Книги Архимеда, открывъ предъ нимъ широчайшія перспективы, дали направленіе всей его научной работѣ. Въ восторгѣ отъ автора, онъ говорилъ: „съ нимъ можно прогуливаться какъ по землѣ, такъ и по небу".

Эдисонъ, предоставленный самому себѣ, начиная съ 12-лѣтняго возраста, и самостоятельно пробившій себѣ дорогу, очень увлекался чтеніемъ и притомъ не только научныхъ популяризацій, но и такихъ художественныхъ произведеній, какъ „Несчастные" и „Труженики моря" Виктора Гюго. И эти книги, прочитанныя имъ въ дѣтствѣ, произвели на него такое сильное впечатлѣніе, что и подъ старость онъ могъ указать то мѣсто, гдѣ сообщается тотъ или другой фактъ.

Знаменитый Стефенсонъ всѣмъ своимъ развитіемъ былъ обязанъ почти однѣмъ книгамъ. Въ своей юности онъ зарабатывалъ деньги сапожнымъ мастерствомъ и когда имѣлъ возможность скопить одну гинею, онъ употреблялъ ее на покупку книгъ. На этомъ примѣрѣ, равно какъ и на примѣрѣ Эдисона, видно, что книги не только не мѣшали, но и помогали проложить дорогу не только ученымъ, но и великимъ изобрѣтателямъ.

Что книги помогаютъ наблюденіямъ, это показываетъ примѣръ Линнея. Безъ необыкновенной наблюдательности нельзя было создать такую точную, простую и остроумную систематику растеній, какъ линнеевская. А мы знаемъ, какую огромную роль въ развитіи и работѣ Линнея играли книги, какъ онъ радовался возможности покупать ихъ самъ, какъ много онъ былъ обязанъ библіотекѣ баронета Ганса Слона и какъ самая мысль о новой систематикѣ навѣяна на него была сочиненіями Вальяна. Можно было бы значительно увеличить число примѣровъ, какъ книга наталкивала на новыя открытія и изобрѣтенія.

Впрочемъ и безъ этихъ примѣровъ совершенно ясно, что въ книгахъ можно найти описанія опытовъ изъ разныхъ областей знанія и, пользуясь этими описаніями, самому произвести нѣкоторые изъ нихъ. Въ книгахъ же можно найти и описанія того, какъ сдѣланы были тѣ или другія наблюденія, и научиться лучшимъ пріемамъ наблюдать. По кни-

гамъ можно изучить пріемы классификаціи. Все же дальнѣйшее — вопросъ энергіи и доброй воли. Такимъ образомъ книги открываютъ путь къ опыту и наблюденію, къ творчеству и изобрѣтательности, т.-е. какъ разъ къ тому, во имя чего названное нами теченіе объявляетъ войну противъ книги. Замѣчательно, что у насъ, въ Россіи, гораздо болѣе увлекались естествознаніемъ въ 60-ые и 70-ые годы, когда къ изученію естественныхъ наукъ призывалъ Писаревъ, а министерство изгоняло ихъ изъ школы. Но, конечно, роль книги далеко не исчерпывается одною помощью опытнымъ и наблюдательнымъ знаніямъ. Книга оказывала вліяніе на всю жизнь и общественную и частную.

Можно утверждать, что Бональдъ впадалъ въ крайность, когда со всей силою присущаго ему убѣжденія утверждалъ, что „книги дѣлаютъ исторію", что надъ міромъ царятъ идеи, что „отъ Евангелія и до Общественнаго договора всѣ перевороты производили книги". Пусть будетъ преувеличена оцѣнка, данная литературѣ Оскаръ-Уайльдомъ, который полагалъ, что бытъ созданъ литературою, что русскихъ нигилистовъ создалъ романъ Тургенева „Отцы и дѣти", что Гамлетъ сталъ появляться лишь послѣ Шекспира и т. д. Вѣрнѣе всего, что и Шекспиръ и Тургеневъ строили свои образы изъ матеріаловъ, какіе преподносила имъ сама жизнь, но когда образъ былъ созданъ, то художественное изображеніе стало внушеніемъ и заражало читателей, какъ заражаетъ примѣръ. „Если существуетъ,—говоритъ извѣстный психологъ,—законъ, прочно установленный въ психологіи, то это прежде всего законъ, по которому всякое яркое представленіе о какомъ-нибудь актѣ стремится къ своему осуществленію. Всякое яркое представленіе о движеніи есть уже начало движенія". „Идея—сила"—это положеніе прекрасно доказанное Фулье, теперь стало трюизмомъ.

Всѣмъ извѣстно, какое огромное вліяніе произвелъ въ свое время на взгляды, вкусы и чувства людей безсмертный „Донъ-Кихотъ" Сервантеса. Вотъ какъ знаменитый Франсуа Рабле въ письмѣ своемъ къ нѣкоему Салиньяку (подъ этимъ псевдонимомъ, вѣроятно, скрывался Эразмъ Роттердамскій) характеризуетъ вліяніе на себя книгъ адресата: „Я поспѣшилъ воспользоваться случаемъ, чтобы засвидѣтельствовать, какое почтеніе, какую благодарность питаю я къ вамъ. Я сказалъ: „мой отецъ"; мнѣ слѣдовало сказать „моя мать". То, что обыкновенно дѣлаютъ матери, которыя, еще не видя плода своей утробы, питаютъ его и предохраняютъ отъ суроваго вліянія воздуха, то вы сдѣлали для меня; вы меня воспитали,—меня, лицо котораго было вамъ неизвѣстно, имя кото-

раго было темно; вы открыли мнѣ цѣломудренные сосцы вашего божественнаго знанія, такъ что за все, чѣмъ я сталъ и чего я достигъ, я обязанъ исключительно вамъ, и если бы я не признавалъ этого, я былъ бы самымъ неблагодарнымъ изъ людей. Еще разъ привѣтъ, отецъ нѣжно любимый, отецъ и честь родины, защитникъ литературы, помощникъ, сильный какъ Геркулесъ, непобѣдимый поборникъ правды".

Біографы Яна Гуса разсказываютъ, что подъ вліяніемъ сочиненій Виклефа и другихъ Гусъ изъ веселаго товарища — любителя пировъ и развлеченій, сталъ почти аскетомъ.

Соціальныя воззрѣнія Виктора Гюго выработались подъ сильнымъ вліяніемъ широко распространенной тогда книги знаменитаго аббата Ламеннэ „Слова вѣрующаго". Энциклопедистъ Дидро, имѣвшій такое огромное значеніе и для насъ, русскихъ, всѣмъ своимъ развитіемъ обязанъ чтенію.

Карлейль писалъ, что книги „раскрыли предъ нимъ новыя небеса и новую землю".

Первый народный дворецъ въ Лондонѣ былъ устроенъ подъ вліяніемъ романа на эту тему. Франклинъ, по его собственному признанію, своимъ успѣхомъ и направленіемъ дѣятельности обязанъ тому, что въ ранней юности прочелъ книгу „О благѣ". Основатель іезуитскаго ордена подъ вліяніемъ чтенія житій святыхъ перемѣнилъ военную карьеру на духовную. И у насъ подъ вліяніемъ „Что дѣлать" устраивались артели и коммуны именно такъ, какъ рекомендовалъ популярный романъ. Лермонтовъ своимъ Печоринымъ создалъ цѣлое движеніе. Цѣлый рядъ колоній, носившихъ имя Толстого, устроенъ былъ подъ вліяніемъ ученія этого геніальнаго писателя. Ушинскій посвятилъ себя педагогической дѣятельности подъ вліяніемъ американской педагогической литературы. „Я по прочтеніи педагогическихъ американскихъ статей не могъ спать нѣсколько ночей, — говорилъ онъ: — статьи произвели страшный переворотъ въ моей головѣ, въ моихъ понятіяхъ и убѣжденіяхъ. Я не знаю, что я сдѣлаю, что со мной будетъ, но я рѣшилъ посвятить себя исключительно педагогическимъ вопросамъ".

Извѣстно, какое значеніе имѣли для кружковъ Петрашевскаго, Бѣлинскаго и вообще для 40-хъ и 50-хъ годовъ въ Россіи книги Кабэ, Фурье, Прудона и другихъ. Кто не знаетъ, что значили для русской интеллигенціи Бѣлинскій, Герценъ, Чернышевскій, Добролюбовъ, Писаревъ, Михайловскій. Можно ли отрицать мощное вліяніе на наши умственныя (да и одни ли умственныя?) теченія Маркса? Щедринъ разска-

зываетъ о томъ впечатлѣніи, какое произвело на 8—9-лѣтняго мальчика Евангеліе. „Главное, что я почерпнулъ изъ чтенія Евангелія, заключалось въ томъ, что оно посѣяло въ моемъ сердцѣ зачатки общечеловѣческой совѣсти и вызвало изъ нѣдръ моего существа нѣчто устойчивое, свое, благодаря которому господствующій жизненный укладъ уже не такъ легко порабощалъ меня. При содѣйствіи этихъ новыхъ элементовъ я пріобрѣлъ болѣе или менѣе твердое основаніе для оцѣнки какъ собственныхъ дѣйствій, такъ и явленій и поступковъ, совершавшихся въ окружавшей меня средѣ. Словомъ сказать, я уже вышелъ изъ состоянія прозябанія и началъ сознавать себя человѣкомъ. Мало того: право на это сознаніе я переносилъ и на другихъ. Доселѣ я ничего не зналъ ни объ алчущихъ, ни о жаждущихъ и обремененныхъ, а видѣлъ только людскія особи, сложившіяся подъ вліяніемъ несокрушимаго порядка вещей; теперь эти униженные и оскорбленные встали передо мной, осіянные свѣтомъ, и громко вопіяли противъ прирожденной несправедливости, которая ничего не дала имъ, кромѣ оковъ. То „свое", которое внезапно заговорило во мнѣ, напомнило мнѣ, что и другіе обладаютъ такимъ же, равносильнымъ „своимъ". И возбужденная мысль невольно переносилась къ конкретной дѣйствительности, въ дѣвичью, въ застольную, гдѣ задыхались десятки поруганныхъ людей". По этому поводу невольно вспоминаешь разсказы про нѣкоего помѣщика Башкина, который подъ вліяніемъ Евангелія отпустилъ на волю своихъ крѣпостныхъ еще въ то время, когда и рѣчи не было объ освобожденіи крестьянъ.

Положительное вліяніе книги на развитіе выдающихся людей можно выразить цифрами. Я разработалъ 170 біографій знаменитыхъ людей, какъ русскихъ, такъ и иностранныхъ, съ цѣлью опредѣлить, какіе факторы содѣйствовали развитію и лучшей подготовкѣ къ призванію. Каждый выдающійся человѣкъ обыкновенно пользуется не однимъ, а нѣсколькими путями для своего развитія и подготовки къ своей профессіи. Но замѣчательно, что вліяніе книги въ біографіяхъ отмѣчается чаще всего (96%) въ числѣ положительныхъ факторовъ, поэтому книга занимаетъ самое первое мѣсто. На второмъ мѣстѣ стоитъ положительное вліяніе знакомыхъ (86,5%), далѣе идутъ путешествія (75,9%), затѣмъ вліяніе товарищей (47,1%), потомъ воздѣйствіе красотъ природы (45,3%), далѣе идетъ отецъ (41,8%), школа (35,9%), мать (35,3%) и театръ (20,6%) Такимъ образомъ оказывается, что положительное значеніе книги отмѣчается въ біографіяхъ почти вдвое чаще, чѣмъ вліяніе товарищей или природы или отца, и почти впятеро чаще, чѣмъ положительное вліяніе театра.

Но могутъ возразить, что эти выводы, касающіеся только выдающихся людей, могутъ оказаться невѣрными относительно средняго по своимъ способностямъ человѣка. Мнѣ уже приходилось писать въ другомъ мѣстѣ, что я опрашивалъ учащихъ, которымъ читалъ лекціи въ разныхъ городахъ на учительскихъ курсахъ, чье нравственное вліяніе измѣнило ихъ идеалы, взгляды на жизнь и положительно отразилось на самой жизни: вліяніе учителей, знакомыхъ, друзей и вообще живыхъ людей или же вліяніе книгъ, чтенія. Правда, что за вліяніе живыхъ людей высказалось большинство (62%); но и за книги собрано 38% всѣхъ голосовъ. Такая же анкета, произведенная мною на рабочихъ курсахъ, дала еще болѣе голосовъ въ пользу книги: за живыхъ людей 57,6%, а за книгу 42,4%. Вполнѣ благопріятный въ пользу чтенія результатъ получилъ и Э. Николаевъ, разработавшій въ своей книгѣ „Хлѣба и свѣта" отвѣты рабочихъ о духовныхъ запросахъ. 61% всего числа опрошенныхъ рабочихъ указали на чтеніе, какъ на средство образованія, и только 11% указали на курсы и лекціи, столько же на театръ и еще меньше на каждый изъ другихъ факторовъ распространенія просвѣщенія. Н. А. Рубакинъ располагаетъ большимъ числомъ писемъ, въ которыхъ читатели изъ народа разсказываютъ о томъ, какую исключительно огромную роль сыграла въ ихъ умственномъ и нравственномъ отношеніи книга, которая была для нихъ маякомъ, учителемъ, другомъ, дала имъ знанія, развитіе, идеалы и бодрость; она же помогала имъ бороться съ окружающей тьмой. Вотъ, напримѣръ, выдержка изъ одного такого письма:

„Самое сильное, непередаваемое впечатлѣніе,—разсказываетъ рабочій,—произвелъ на меня и оставилъ неизгладимый слѣдъ въ душѣ—Глѣбъ Успенскій,—милый, родной, смѣющійся и грустный, веселый и тоскующійся Глѣбъ Ивановичъ. Читая его, я плакалъ, негодовалъ, смѣялся, радовался, надѣялся. Иногда казалось мнѣ, что онъ описалъ такъ вѣрно, такъ правдиво мои собственныя, личныя мои неудачи, горе, страданія... А въ деревнѣ, которой онъ посвящаетъ столько труда, не знаютъ его... Я пробовалъ читать его въ своей деревнѣ, пытался какъ могъ объяснить, кто онъ былъ, чего хотѣлъ. Многіе деревенскіе не понимали и до сихъ поръ не понимаютъ его. Но что за бѣда? Есть и такіе, кто понимаетъ. Есть и другіе, къ которымъ надо подходить не съ сочиненіями Успенскаго, а съ другой книгой въ рукахъ. Лишь бы человѣкъ понималъ самую суть, и что она въ дѣланіи, не только въ созерцаніи, вникaніи, размышленіи...

Подобныя письма получаютъ и другія лица, занимающіяся дѣломъ народнаго образованія. Вотъ, напримѣръ, выдержки изъ письма, полученнаго мною отъ крестьянина села Пищулина, Орловской губ.

„Эхъ кабы вы знали, какъ я люблю книги читать! въ нихъ вся моя жизнь, въ нихъ вся моя радость, онѣ мои свѣтила, онѣ мои проводники, онѣ выводятъ меня изъ тьмы и показываютъ путь къ просвѣщенію, онѣ меня водятъ по лѣснымъ трущобамъ и по травянистымъ степямъ, онѣ носятъ меня по волнамъ океана, онѣ водятъ меня на самыя высокія горы, онѣ носятъ по воздуху и указываютъ величіе природы, онѣ показываютъ мнѣ свѣтила вселенной, затменіе солнца и луны, звѣздные потоки, силу воздуха и силу солнечныхъ лучей и множество другихъ чудесъ. Всего не перечесть. Книги—мои друзья и какъ ихъ не любить, не назвать друзьями“.

Если мы обратимся къ отзывамъ учащихъ о вліяніи книгъ, мы и здѣсь придемъ къ тѣмъ же выводамъ. Учителя разскажутъ намъ, какъ подъ вліяніемъ чтенія дѣти становились гуманнѣе и развитѣе въ умственномъ отношеніи, какъ исправлялся ихъ характеръ, улучшались ихъ взаимныя отношенія, исчезали пороки. А сами учащіеся разскажутъ, какъ литература „внутренно перерождала ихъ“, „какъ они изъ злыхъ и безчувственныхъ мальчишекъ становились добрыми“, „какъ чтеніе нашихъ лучшихъ писателей освободило ихъ отъ дурныхъ мыслей и привычекъ“.

Не даромъ въ ряду пожеланій, формулированныхъ учащимися средней школы въ 1905 году, одно изъ первыхъ мѣстъ занимаетъ свободное посѣщеніе публичныхъ библіотекъ, читаленъ, лекцій, научныхъ засѣданій и т. п. Такія пожеланія были формулированы въ Москвѣ, а затѣмъ въ Брянскѣ, Вологдѣ, Казани, Красноярскѣ, Курскѣ, Либавѣ, Мелитополѣ, Н.-Новгородѣ, Псковѣ, Тулѣ, Харьковѣ и др. городахъ.

Итакъ, лозунгъ „долой книгу“ идетъ противъ показаній большинства біографовъ выдающихся людей, онъ противорѣчитъ отзывамъ о книгахъ, идущимъ отъ учащихъ, учащихся, крестьянъ и рабочихъ Мы знаемъ, что защитники этого лозунга руководятся прекрасными побужденіями: они хотятъ открыть широкую дорогу предметному методу обученія, опытамъ, наблюденіямъ, трудовому практическому воспитанію, научнымъ лекціямъ, народнымъ университетамъ, хорошему театру, музеямъ, лабораторіямъ, хорошимъ школамъ. И кто бы не присоединился къ этимъ пожеланіямъ! Кто не приходитъ подчасъ въ отчаяніе отъ сознанія, что для такого исключительно одареннаго народа, какъ русскій, у насъ не существуетъ общедоступной средней и высшей школы, обще-

доступныхъ лабораторій, учебныхъ мастерскихъ, музеевъ и т. п. Но если ничего этого для широкихъ круговъ населенія не существуетъ, то здѣсь менѣе всего виновата книга. Еще никогда никто не доказалъ, что книги помѣшали устроить хотя бы одно изъ названныхъ учрежденій. Напротивъ, хорошая книга неразлучна съ хорошими университетами, школами, музеями, лекціями и т. д. Одно другому помогаетъ и одно другое восполняетъ. Правда, что книгѣ посчастливилось у насъ больше, чѣмъ всѣмъ другимъ просвѣтительнымъ учрежденіямъ. Ростъ книжнаго дѣла оставляетъ далеко позади себя развитіе всѣхъ остальныхъ просвѣтительныхъ средствъ.

Лѣтописцу Нестору принадлежитъ слѣдующее изреченіе: „Книги учатъ насъ мудрости и воздержанію; онѣ, какъ рѣки, поятъ вселенную, онѣ источники мудрости. Въ книгахъ неисчетная глубина, онѣ утѣшаютъ насъ въ печали, служатъ уздою, которая насъ воздерживаетъ". Но когда Несторъ писалъ эти строки, книгопечатанія не существовало, книги можно было размножать только путемъ переписки, и потому онѣ были большою рѣдкостью и стоили чрезвычайно дорого. Книги встрѣчались только въ монастыряхъ, у владѣтельныхъ особъ да развѣ у сказочно-богатыхъ людей. Иногда въ цѣломъ городѣ не находилось ни одной книги. Извѣстны случаи, когда владѣтельныя особы могли получить изъ монастырской библіотеки какую-нибудь рѣдкую книгу только подъ залогъ всѣхъ своихъ владѣній. За красиво написанный и разрисованный молитвенникъ платили цѣлыя имѣнія. Такъ стояло дѣло до изобрѣтенія книгопечатанія; но и послѣ того до 1600 г. въ Россіи было напечатано только 11 книгъ, при Михаилѣ Ѳеодоровичѣ 180, при Алексѣѣ Михайловичѣ 187 и при Петрѣ Великомъ 600 книгъ, послѣ чего книжное дѣло пало. Затѣмъ оно снова поднимается при Екатеринѣ II. Но въ 1770 году даже въ Петроградѣ не существовало еще ни одного книжнаго магазина. А теперь не слышно ни отъ кого жалобъ на недостатокъ такихъ учрежденій не только въ Петроградѣ, но и во всѣхъ остальныхъ большихъ городахъ.

За весь XVIII вѣкъ въ Россіи печаталось въ среднемъ всего только 125 книгъ въ годъ; а въ 1912 году книгъ было напечатано 34630 названій, не считая Финляндіи. Въ XIX вѣкѣ сравнительно быстро развивалось книжное дѣло до 1825 года, затѣмъ произошло замедленіе и продолжалось вплоть до 1855 года, потомъ книгоиздательство шло сравнительно быстрымъ темпомъ до 1881 года, когда оно на нѣсколько лѣтъ остановилось приблизительно на одной цифрѣ, немного болѣе

7 тысячъ названій въ годъ; развитіе книжнаго дѣла понемногу сходило съ мертвой точки въ 90-хъ годахъ и особенно интенсивно развивается послѣ освободительнаго движенія. Вотъ нѣсколько цифръ, показывающихъ движеніе книгоиздательства въ Россіи безъ Финляндіи, начиная съ 1887 года, по даннымъ Павленкова и главнаго управленія по дѣламъ печати.

За	1887	годъ.	7	тыс.	соч.	въ	колич.	24	милл.	экземп.
	1888	„	7	„	„	„	„	23	„	„
	1889	„	8	„	„	„	„	24	„	„
	1890	„	8	„	„	„	„	24	„	„
	1891	„	9	„	„	„	„	29	„	„
	1892	„	9	„	„	„	„	30	„	„
	1893	„	10	„	„	„	„	33	„	„
	1894	„	10	„	„	„	„	32	„	„
	1895	„	11	„	„	„	„	42	„	„

Въ 1908 году 23.852 соч., въ 1909 г. 26.639 соч., въ 1910 г. 29.354 соч., въ 1911 г. 32.361 соч., въ 1912 г. 34.630 соч., въ количествѣ 134 милліона экземпляровъ. Такимъ образомъ, количество экземпляровъ, начиная съ 1890 г. до 1912, т.-е. за 22 года, увеличилось въ $5^1/_2$ разъ.

По даннымъ „Русскаго Библіофила“, въ 1810 году бумаги было употреблено въ Россіи на $^1/_2$ милліона руб., въ 1900 г. на 49 милліоновъ р., а въ 1911 году на 82 милліона.

Такимъ образомъ, число издаваемыхъ сочиненій съ XVIII вѣка до 1912 года увеличилось въ 280 разъ, а количество употребляемой бумаги за послѣднее столѣтіе (начиная съ 1810 года) въ 164 раза. Россія по количеству издаваемыхъ книгъ въ 1908 году занимала 3-е мѣсто на земномъ шарѣ (1-е мѣсто—Германія, 2-е Японія).

Но какъ ни быстро растетъ число книгъ, все же и сейчасъ ихъ издается по отношенію къ 170-милліонному населенію страны до отчаянія мало: менѣе одного экземпляра на человѣка. И не кричать „долой книгу“ надо, а необходимо всѣми мѣрами содѣйствовать ея самому широкому распространенію. Книги дешевы, онѣ портативны и потому онѣ легко могли бы проникнуть туда, гдѣ нѣтъ ни лекцій, ни лабораторій, ни музеевъ, ни народныхъ университетовъ. Книга, такимъ образомъ, могла бы служить авангардомъ въ дѣлѣ народнаго просвѣщенія. Университеты и даже гимназіи дороги и недоступны бѣднотѣ. А книга, при ея дешевизнѣ и еще болѣе благодаря безплатнымъ библіотекамъ, доступна и совершенно неимущимъ людямъ. Необходимо удешевить ее

еще больше, покрыть страну книжными лавками, снабдить офеней хорошими книгами и направить ихъ туда, гдѣ нѣтъ никакой книжной торговли, необходимо осуществить библіотечную сѣть, точно такъ же, какъ и школьную, сдѣлавъ одинаково доступными и библіотеку и школу для всѣхъ безъ исключенія. И это благотворно отразится и на развитіи другихъ способовъ распространенія просвѣщенія. Интересъ къ знанію, возбужденный книгою, заставитъ населеніе искать и руководителей, и лекторовъ, и лабораторій, и хорошаго театра, и музеевъ, побудитъ его посѣщать народные университеты и устраивать экскурсіи и т. п.

И мнѣ кажется, особенно умѣстно говорить обо всемъ этомъ въ сборникѣ, посвященномъ юбиляру, котораго я считаю художникомъ книгоиздательскаго дѣла. Кромѣ художниковъ въ живописи, скульптурѣ, поэзіи, музыкѣ, есть художники-творцы и въ другихъ сферахъ человѣческой дѣятельности: въ педагогической, общественной, государственной и т. д. Если ваятель выношенный имъ образъ воплощаетъ въ скульптурѣ, то, напримѣръ, общественный дѣятель точно такъ же носитъ въ своей душѣ образъ нормально развивающагося общества и подъ вліяніемъ этого образа посвящаетъ себя на осуществленіе условій, необходимыхъ для такого развитія. Примѣръ юбиляра показываетъ, что творчество, напоминающее художника, осуществляющаго свои образы на полотнѣ, можно найти и въ дѣятельности книгоиздателя, если онъ осуществляетъ такую грандіозную мечту, какъ издать и распространить въ широкихъ народныхъ массахъ сотни милліоновъ экземпляровъ хорошихъ книгъ, провести ихъ въ самые глухіе углы нашей родины, сдѣлать ихъ по дешевизнѣ доступными неимущему рабочему и бѣдному крестьянину.

В. Виктоpъ

ПРАВОВОЕ ПОЛОЖЕНІЕ ИЗДАТЕЛЬСКАГО ДѢЛА ВЪ РОССІИ

I.

Задача настоящей статьи—очертить современное правовое положеніе издательскаго дѣла въ Россіи. Думается, что основныя черты этого положенія лучше всего могутъ быть подчеркнуты при помощи краткаго историческаго обзора изданныхъ въ теченіе послѣдняго полустолѣтія законоположеній, регулирующихъ издательское дѣло.

Какъ это ни странно, въ теченіе послѣдняго полустолѣтія не было и нѣтъ до сихъ поръ постояннаго закона о печати, а существуетъ лишь пестрая смѣсь временныхъ правилъ, изданныхъ въ разное время по различнымъ поводамъ именно въ качествѣ временныхъ мѣропріятій впредь до созданія особаго закона.

Въ основѣ дѣйствующихъ законоположеній о печати лежитъ „временный“ законъ отъ 6 апрѣля 1865 года. Авторы этого закона сами считали его переходной мѣрой, полагая, что въ виду этого „можно смотрѣть снисходительно на многія слабыя „стороны проекта“. Невозможность создать постоянный законъ о печати мотивировалась ссылкой на не-

устройство судебной части, т. к. указанныя временныя правила, какъ видно изъ даты ихъ изданія, появились на зарѣ Судебныхъ Уставовъ.

Положенія эти были изданы подъ либеральнымъ флагомъ, который, какъ тогда казалось, долженъ былъ опредѣлять дальнѣйшій характеръ работы по созданію законоположеній о печати.

Высочайшее повелѣніе отъ 6 апрѣля 1865 года гласило: „Желая дать отечественной печати возможныя облегченія и удобства, Мы признали за благо сдѣлать въ дѣйствующихъ цензурныхъ постановленіяхъ, при настоящемъ переходномъ положеніи судебной части и впредь до дальнѣйшихъ указаній опыта, перемѣны и дополненія".

Законъ отъ 6 апрѣля являлся первой брешью въ цензурной твердынѣ Николаевской эпохи.

Добрыя пожеланія нѣкоторыхъ изъ авторовъ новаго закона сулили ему здоровое развитіе. Мысли этихъ авторовъ, высказанныя полвѣка тому назадъ и затерявшіяся въ архивахъ дореформеннаго Государственнаго Совѣта, до сихъ поръ являются образцами государственнаго мышленія, недосягаемыми для многихъ и многихъ дѣятелей послѣднихъ лѣтъ, протекшихъ послѣ провозглашенія принципа свободы печати.

В. А. Головнинъ, бывшій въ то время министромъ народнаго просвѣщенія, привѣтствовалъ идею освобожденія печати отъ административныхъ взысканій: „Система эта, — писалъ Головнинъ въ своемъ отзывѣ на проектъ устава о книгопечатаніи,—получила господство въ тѣхъ странахъ, гдѣ по существующимъ условіямъ невозможно было *возстановить* цензуру предварительную, но вмѣстѣ съ тѣмъ являлось желаніе *приблизиться* къ ней, какъ можно, болѣе. Въ новомъ уставѣ, напротивъ, система административныхъ взысканій является переходною мѣрою, т.-е. такою, при существованіи которой литература должна пріобрѣсти извѣстную опытность, извѣстное самообладаніе и выдержанность для умѣнья пользоваться разумною свободою. Мнѣ кажется, что система, о которой идетъ рѣчь, *не въ состояніи* развить въ литературѣ этихъ качествъ. Опытъ убѣждаетъ, что, подобно предварительной цензурѣ, она возбуждаетъ въ обществѣ то *раздраженіе*, тотъ духъ упорной и даже преднамѣренной оппозиціи, устраненіе которыхъ должно имѣть преимущественно въ виду... Цензура не допускаетъ появленія въ свѣтъ вредной статьи; административная кара постигаетъ статью, когда она уже проникла въ публику; взысканія не ослабляютъ произведеннаго ею впечатлѣнія; напротивъ, вниманіе публики еще привлекается къ ней, и она получаетъ такое значеніе, на которое часто не имѣетъ никакого

права. Публика становится въ такихъ случаяхъ какъ бы судьею между правительствомъ и журналистикою и принимаетъ почти всегда сторону послѣдней".

Въ заключеніе своего отзыва министръ народнаго просвѣщенія категорически высказывается противъ цензуры, но соглашается на ея сохраненіе въ угоду временнымъ обстоятельствамъ

„Послѣ опытовъ послѣднихъ лѣтъ,—писалъ онъ,—я вообще нахожу предварительную цензуру *несостоятельною* для достиженія цѣлей правительства и потому, полагаю, всего бы полезнѣе вовсе *отмѣнить оную*, замѣнивъ прямо взысканіями по суду".

Къ вопросу о системѣ административныхъ предостереженій Головнинъ подходитъ съ точки зрѣнія матеріальныхъ интересовъ издателя. „Проектъ устава постановляетъ, — говоритъ онъ, — что послѣ двухъ предостереженій третье влечетъ за собой прекращеніе періодическаго изданія. Подобное лишеніе административнымъ путемъ права собственности не замедлитъ, мнѣ кажется, возбудить сильное неудовольствіе въ литературѣ. Журнальная собственность представляетъ иногда значительную цѣнность, — плодъ неусыпныхъ стараній и таланта ея владѣльца; на журналъ или газету затрачиваютъ нерѣдко обширные капиталы, и было бы жестоко лишить этой собственности простымъ административнымъ рѣшеніемъ владѣльца журнала, который, быть-можетъ, вовсе не участвуетъ въ редакціи, а равно и его наслѣдниковъ".

Еще большаго вниманія заслуживаетъ отзывъ главноуправляющаго 2 отдѣленіемъ собственной Е. И. В. канцеляріи барона М. Н. Корфа.

Въ своемъ отзывѣ бар. М. Н. Корфъ отправляется отъ мысли, „что только при содѣйствіи свободнаго общественнаго мнѣнія возможно плодотворное движеніе и осуществленіе законодательныхъ реформъ".

Имѣя въ виду основную задачу нашего очерка—правовое положеніе издательскаго дѣла, — мы отмѣтимъ тѣ возраженія бар. Корфа, которыя касались двухъ сторонъ законопроекта: установленія административныхъ взысканій и системы залоговъ, вносимыхъ издателемъ.

По поводу административныхъ взысканій бар. Корфъ пишетъ:

„Административныя взысканія — это новая язва, заключающая въ себѣ такую массу вреда, произвола и несправедливости, что противъ нихъ протестовали и протестуютъ всѣ благомыслящіе люди... Система административныхъ взысканій еще болѣе заражена произволомъ и несправедливостью, нежели предупредительная цензура, ибо наказываетъ за вину, непредвидѣнную никакимъ положительнымъ закономъ. Она могла

оказаться необходимою тамъ, гдѣ правительство, уже лишенное орудія предварительной цензуры, не считало возможнымъ къ ней возвращаться; но что вынуждаетъ подражать въ этомъ отношеніи примѣру другихъ, когда мы желаемъ не утѣсненія, а расширенія свободы слова?

„Самая же опасная сторона административныхъ взысканій, какъ они, напримѣръ, примѣнялись во Франціи,—продолжаетъ баронъ,—состоитъ въ томъ, что одному лицу дается власть по индивидуальному воззрѣнію, иногда по одному минутному настроенію духа, безъ всякой дальнѣйшей передъ закономъ отвѣтственности, лишать человѣка права собственности, права на занятіе, которымъ онъ, можетъ-быть, жилъ, и что еще важнѣе—исключать изъ круга вращающихся въ обществѣ мнѣній цѣлое ученіе или направленіе“.

Что касается системы залоговъ, вводимыхъ подъ предлогомъ имѣть источникъ для пополненія возможныхъ штрафовъ, бар. Корфъ справедливо указываетъ, что такихъ авансовъ уголовный законъ совершенно не знаетъ. Истинный мотивъ для залоговъ, по мнѣнію Корфа, заключался въ желаніи „сосредоточить періодическую печать въ рукахъ людей болѣе зажиточныхъ и удержать прессу отъ слишкомъ сильнаго развитія“.

„Но первое условіе,—говоритъ онъ,—нисколько не служитъ гарантіею для увеличенія въ журналистикѣ здравомыслія и другихъ желаемыхъ качествъ. Что касается сокращенія журналистики, то оно искусственно создаетъ монополію для немногихъ изданій, которыя получаютъ власть и возможность господствовать надъ умами. При отсутствіи же искусственнаго стѣсненія журналы хотя и умножаются, но исчезаетъ ихъ неестественное обаяніе: народъ начинаетъ относиться къ печатному слову, какъ къ „обыкновенному говору людскому“, въ которомъ смѣсь дурного и хорошаго, ложнаго и истиннаго никого не смущаетъ“. Стремиться къ водворенію такого порядка вещей намъ въ настоящее время въ особенности необходимо: мы теперь вступили въ тотъ именно періодъ полуобразованности и полузнакомства съ гласностью и съ печатнымъ словомъ, который неизбѣженъ въ жизни каждаго народа, но черезъ который для блага государства желательно пройти, какъ можно, скорѣе“.

Но здравыя мысли бар. Корфа и Головнина остались только благопожеланіями, а въ Государственномъ Совѣтѣ восторжествовало противоположное мнѣніе, сохранившее и цензуру, и административныя взысканія, и систему залоговъ, а сановные либералы успокоились на мысли,

что въ общественной жизни „часто приходится искать сперва не лучшаго, а наименѣе худшаго“.

Положительная сторона новаго закона исчерпывалась освобожденіемъ нѣкоторыхъ изданій отъ предварительной цензуры (книги свыше извѣстнаго объема и нѣкоторыя періодическія изданія, получившія право выхода безъ предварительной цензуры съ особаго разрѣшенія министра).

Либеральный флагъ, подъ сѣнью котораго родились временныя правила 6 апрѣля 1865 года, оказался обманчивымъ, и въ теченіе ближайшихъ десятилѣтій правила были дополнены новыми законоположеніями, направленными къ дальнѣйшему порабощенію печати.

Отмѣтимъ главнѣйшіе этапы въ этой, съ каждымъ годомъ все усиливавшейся, репрессивной дѣятельности правительственной власти, при чемъ опять-таки нашей задачей является не исторія законодательства о печати во всемъ его объемѣ, а лишь та часть его, которая касается издательскаго дѣла.

Первымъ по времени надо отмѣтить законъ 17 октября 1866 года, который воспретилъ редакціямъ и сотрудникамъ газетъ и журналовъ, подвергнутыхъ, вслѣдствіе троекратнаго предостереженія, временной пріостановкѣ, въ продолженіе такой пріостановки издавать для подписчиковъ, а равно выдавать имъ безплатно или съ какою-либо платою или по особой публикаціи, какое-либо, хотя и не повременное, но отъ имени тѣхъ же редакцій, изданіе, будетъ ли то съ участіемъ или безъ участія тѣхъ же сотрудниковъ.

Послѣ изданія этого закона прошло два года.

Въ 1868 году министръ внутреннихъ дѣлъ А. И. Тимашевъ внесъ въ Комитетъ Министровъ представленіе о разрѣшеніи министру внутреннихъ дѣлъ запрещать, по его усмотрѣнію, розничную продажу газетъ, именно тогда начинавшую принимать довольно широкіе размѣры. Комитетъ единогласно призналъ, что такое дополненіе къ закону 6 апрѣля должно было, собственно говоря, подлежать разсмотрѣнію Государственнаго Совѣта, но въ виду указанія министра внутреннихъ дѣлъ, что онъ ходатайствуетъ о принятіи его проекта лишь въ качествѣ временной мѣры, а также въ виду наступленія вакацій въ Государственномъ Совѣтѣ, рѣшилъ по большинству голосовъ, войти въ обсужденіе его по существу. Усматривая, затѣмъ, изъ объясненій шефа жандармовъ и товарища министра внутреннихъ дѣлъ, что розничная продажа часто бываетъ поводомъ къ безпорядкамъ, и, принимая во вниманія, что правомъ

запрещать ее администрація облечена во Франціи и Пруссіи, Комитетъ, тѣмъ же большинствомъ, высказался за утвержденіе проекта. Положеніе Комитета Министровъ, получившее затѣмъ силу закона, просуществовавшаго до 1905 года.

Далѣе необходимо отмѣтить законоположеніе отъ 7 іюня 1872 года. Тотъ же А. И. Тимашевъ вошелъ въ Государственный Совѣтъ съ представленіемъ о необходимости дополненія и измѣненія закона 6 апрѣля 1865 года. Въ Государственномъ Совѣтѣ по поводу этого представленія были высказаны слѣдующія сужденія:

„На основаніи закона 6 апрѣля 1865 года оригинальныя сочиненія объемомъ не менѣе 10 и переводныя не менѣе 20 печатныхъ листовъ освобождены отъ предварительной цензуры и затѣмъ пресѣченіе встрѣчающихся въ нихъ злоупотребленій печатнымъ словомъ предоставлено лишь карательной власти суда, въ предѣлахъ, указанныхъ общимъ уложеніемъ о наказаніяхъ и особыми постановленіями упомянутаго закона. Такое облегченіе для книгъ означеннаго объема было признано возможнымъ въ томъ преимущественно предположеніи, что онѣ, по содержанію своему, принадлежатъ обыкновенно къ литературѣ серьезной, обращающейся къ болѣе зрѣлымъ умамъ и, по самой цѣли, не будучи доступны распространенію въ массѣ, мало образованныхъ читателей, не могутъ съ удобствомъ служить орудіемъ вредной пропаганды. Но изъ представленныхъ на усмотрѣніе Государственнаго Совѣта данныхъ видно, что послѣдніе годы, на ряду со многими полезными произведеніями печати, неоднократно были случаи изданія безцензурныхъ сочиненій, наполненныхъ самыми опасными лжеученіями, стремящихся ниспровергнуть священныя истины религіи, извратить понятія о нравственности и поколебать коренныя основы государственнаго и общественнаго порядка. Весьма часто въ такихъ сочиненіяхъ не усматривается прямого нарушенія какой-либо статьи карательнаго закона, и потому они распространяются безпрепятственно. Между тѣмъ достовѣрными свѣдѣніями доказывается, что во многихъ случаяхъ изданіе ихъ имѣетъ спеціальной цѣлью распространять лжеученія между учащеюся молодежью. Въ этихъ видахъ нѣкоторыя книги, которымъ назначается довольно высокая цѣна для продажи въ книжныхъ лавкахъ, уступаются издателями за треть или четверть стоимости, въ значительномъ числѣ экземпляровъ, для разсылки въ университеты и гимназіи или для раздачи лицамъ, посвятившимъ себя распространенію вредныхъ ученій. Подъ вліяніемъ такой пропаганды многіе молодые люди впадали въ пагубныя заблужденія и

иногда вовлекались въ поступки, вынуждавшіе принятіе противъ нихъ мѣръ, тягостныхъ для нихъ и для ихъ семействъ. Признавая безотлагательно нужнымъ положить предѣлъ такимъ злоупотребленіямъ и принимая во вниманіе, что предпринятый по Высочайшему повелѣнію общій пересмотръ дѣйствующихъ узаконеній о печати, по обширности сей работы и необходимости подробнаго соображенія ея при участіи различныхъ вѣдомствъ, не можетъ получить утвержденія въ весьма скоромъ времени, Государственный Совѣтъ согласился съ заключеніемъ министра внутреннихъ дѣлъ о необходимости дополнить законъ 6 апрѣля 1865 года опредѣленіемъ порядка дѣйствій высшей административной власти въ тѣхъ случаяхъ, когда признано будетъ необходимымъ принять рѣшительныя, безотлагательныя мѣры къ преграждению распространенія разрушительныхъ ученій какъ въ свободныхъ отъ предварительной цензуры книгахъ, такъ и въ тѣхъ періодическихъ изданіяхъ, которыя по характеру своему болѣе подходятъ подъ разрядъ книгъ".

На основаніи этихъ соображеній состоялось Высочайше утвержденное 7 іюня 1872 года мнѣніе Государственнаго Совѣта, которое получило силу закона, также просуществовавшаго до 1905 г. Законъ этотъ (ст. 149) гласилъ: „Если распространеніе освобожденной отъ предварительной цензуры книги или номера повременнаго изданія, выходящаго безъ цензуры рѣже одного раза въ недѣлю, министромъ внутреннихъ дѣлъ признано будетъ особенно вреднымъ, то онъ можетъ, сдѣлавъ распоряженіе о предварительномъ задержаніи такого произведенія, представить о воспрещеніи выпуска его въ свѣтъ на окончательное разрѣшеніе Комитета Министровъ".

Характернымъ дополненіемъ къ 149 статьѣ явилась статья 151-я, которая была редактирована слѣдующимъ образомъ:

„Если въ задержанномъ сочиненіи или номерѣ повременнаго изданія усмотрѣно будетъ преступленіе, то, независимо отъ задержанія подобныхъ изданій, можетъ быть возбуждено судебное преслѣдованіе виновныхъ общеустановленнымъ въ законѣ порядкомъ. Въ такомъ случаѣ разсмотрѣнію судебныхъ мѣстъ подлежитъ собственно вопросъ объ отвѣтственности обвиняемыхъ".

Въ приведенныхъ двухъ статьяхъ рѣзко противопоставляются понятія „вредное направленіе" и „преступленіе": въ первомъ случаѣ—прекращеніе изданія въ административномъ порядкѣ, а во второмъ—арестъ изданія и дополнительно уголовная отвѣтственность по суду.

Послѣднее постановленіе не получило примѣненія на практикѣ: администрація предпочитала управляться „своими средствами“, не прибѣгая къ содѣйствію суда.

Эта мѣра оказалась особенно гибельной для книгъ. Законъ 1865 года освободилъ книги извѣстнаго объема отъ предварительной цензуры, имѣя въ виду для этого рода книгъ исключительно судебную отвѣтственность. Новая мѣра сдѣлала возможнымъ изъятіе неугодныхъ правительству книгъ безъ обращенія къ суду.

Черезъ годъ послѣдовалъ для печати новый ударъ.

Въ 1873 году министръ внутреннихъ дѣлъ вошелъ въ Комитетъ Министровъ съ представленіемъ, въ которомъ объяснилъ, что „въ законѣ 6 апрѣля 1865 года не опредѣлена отвѣтственность редакторовъ за оглашенія свѣдѣній, не подлежащихъ обнародованію, и не указаны средства для удержанія печати, въ случаяхъ имѣющихъ особое значеніе, въ границахъ умѣренности и скромности“.

На этотъ разъ Комитетъ Министровъ не призналъ возможнымъ принять на себя законодательныя функціи и ограничился испрошеніемъ Высочайшаго соизволенія на внесеніе соотвѣтствующаго законопроекта въ Государственный Совѣтъ отдѣльно отъ общаго устава о цензурѣ и печати. Такое соизволеніе воспослѣдовало и 16 іюня 1873 года состоялся законъ, на основаніи котораго, если по соображеніямъ высшаго правительства найдено будетъ неудобнымъ оглашеніе или обсужденіе въ печати, въ теченіе нѣкотораго времени, какого-либо вопроса государственной важности, то редакторы изъятыхъ отъ предварительной цензуры повременныхъ изданій поставляются о томъ въ извѣстность черезъ главное управленіе по дѣламъ печати. Въ случаѣ нарушенія объявленнаго такимъ образомъ запрета, Министерству Внутреннихъ Дѣлъ предоставляется пріостановить выпускъ въ свѣтъ повременнаго изданія на время не свыше трехъ мѣсяцевъ.

Этотъ законъ и составилъ содержаніе пресловутой 140 статьи цензурнаго устава, которая явилась въ рукахъ правительственной власти могучимъ орудіемъ въ дѣлѣ подавленія не только свободной мысли, но и простого освѣдомленія публики объ интересующихъ ее вопросахъ.

Любопытно остановиться на сопоставленіи мотивовъ, которымъ оправдывалось созданіе этой статьи, съ тѣмъ примѣненіемъ, которое оно получило на практикѣ.

Въ мотивахъ закона мы встрѣчаемъ слѣдующія разсужденія: „Въ существующихъ законоположеніяхъ о печати не придвидѣны случаи,

когда, по высшимъ правительственнымъ соображеніямъ, представляется необходимымъ, чтобы періодическая печать въ теченіе нѣкотораго времени не касалась какого-либо вопроса внѣшней или внутренней политики, гласное обсужденіе котораго могло бы быть сопряжено со вредомъ для государства. Между тѣмъ опытъ, и весьма еще недавняго времени, доказалъ, что подобные случаи встрѣчаются, и за неимѣніемъ закона, въ силу коего обсужденіе государственнаго вопроса могло бы быть возбранено, оказалось необходимымъ испрашивать каждый разъ особыя по этому предмету Высочайшія повелѣнія. Въ виду очевиднаго неудобства облекать именемъ Его Императорскаго Величества распоряженія, не предуказанныя въ законѣ, Государственный Совѣтъ призналъ нужнымъ пополнить вышеозначенный пробѣлъ законодательства, опредѣливъ въ особомъ постановленіи порядокъ извѣщенія редакторовъ періодическихъ изданій о неоглашеніи того или другого вопроса государственной важности. Изданіемъ этого постановленія, созидающаго законную основу для распоряженій, неизбѣжно вызываемыхъ иногда высшими интересами государства, нисколько не стѣсняются тѣ предѣлы, въ которыхъ донынѣ предоставлялось печати обсуждать политическіе и общественные вопросы. Новое постановленіе, по своему разуму и цѣли его, можетъ имѣть примѣненіе лишь въ обстоятельствахъ чрезвычайно рѣдкихъ. Нѣтъ сомнѣнія, что органы печати, правильно понимающіе призваніе свое служить пользамъ отечества, и сами собою, безъ всякаго понужденія, подчинялись бы въ сихъ обстоятельствахъ приглашенію правительства. Посему особое о семъ правило и взысканіе за неисполненіе онаго можетъ относиться лишь къ тѣмъ, совершенно исключительнымъ, однако, какъ показываетъ опытъ, возможнымъ случаямъ, когда одно чувство долга и нравственной отвѣтственности не удержитъ отъ опасной по своимъ послѣдствіямъ, неисправности".

Во что же выродилось примѣненіе этой статьи на практикѣ?

Государственная важность была присвоена вопросамъ: о заминкѣ въ дѣлахъ торговаго дома Терещенко, о злоупотребленіяхъ въ Кредитномъ обществѣ, о городскихъ выборахъ, о растратѣ земскихъ суммъ въ Калужской губерніи, о гимназіяхъ и учебной системѣ въ нихъ, о „Крейцеровой сонатѣ" Л. Н. Толстого, о дирекціи Императорскихъ театровъ, о протестѣ противъ „какого-то мнимаго угнетенія евреевъ", о продажѣ капсюлей Матико и К°, о сборахъ въ пользу голодающихъ, о болѣзни предсѣдателя Кабинета Министровъ Н. Х. Бунге. Къ числу „вопросовъ внѣшней или внутренней политики, гласное обсужденіе которыхъ могло

быть сопряжено со вредомъ для государства", были отнесены и вопросы о дракѣ между генералами Розенкампфомъ и Свистуновымъ, о случаѣ съ помощницей надзирательницы лазарета Павловскаго института, о распоряженіяхъ Воспитательнаго дома, о безпорядкахъ въ зубоврачебной школѣ Важинскаго, о публичной лекціи художника В. В. Верещагина, о положеніи дѣлъ страхового общества „Россіянинъ", о 750 лѣтнимъ юбилеѣ г. Москвы и многіе-многіе другіе. Всѣ эти вопросы особыми увѣдомленіями были изъяты изъ обращенія.

Когда въ комиссіи Кобеко зашла рѣчь объ упраздненіи 140 статьи, самъ представитель Министерства Внутреннихъ Дѣлъ заявилъ, что эта статья была распространена на предметы „далеко не первостепеннаго государственнаго значенія".

Но и законъ 1873 года, подчинившій контролю Министерства Внутреннихъ Дѣлъ не только всю область сужденій, но даже область внѣшнихъ фактовъ, оказался недостаточнымъ и новый министръ внутреннихъ дѣлъ гр. Д. А. Толстой потребовалъ для себя новыхъ полномочій въ цѣляхъ усиленія репрессіи.

Какъ видно изъ „историческаго обзора дѣятельности Комитета Министровъ", гр. Д. А. Толстой находилъ, что объявленіе изданію перваго и второго предостереженій не составляетъ само по себѣ мѣръ карательнаго свойства, такъ какъ оно не пріостанавливаетъ изданія; воспрещеніе розничной продажи газетъ имѣетъ нерѣдко своимъ послѣдствіемъ увеличеніе числа подписчиковъ на изданія, подвергшіяся подобному взысканію, а наиболѣе строгая мѣра — объявленіе третьяго предостереженія, со временнымъ пріостановленіемъ изданія, — нисколько не обезпечиваетъ правительство въ томъ, что возобновившееся, послѣ пріостановки, изданіе существенно измѣнитъ то вредное направленіе, за появленіе котораго оно подверглось карѣ".

На этотъ разъ, повидимому, въ Комитетѣ Министровъ вовсе не возникало вопроса о томъ, не слѣдовало ли бы направить столь важное дѣло въ Государственной Совѣтъ. Представленіе гр. Толстого было уважено. Высочайше утвержденнымъ 27 августа 1882 года положеніемъ Комитета Министровъ установлены „впредь до измѣненія, въ законодательномъ порядкѣ, дѣйствующихъ узаконеній — о печати", слѣдующія временныя правила:

1) Редакціи выходящихъ въ свѣтъ не менѣе одного раза въ недѣлю повременныхъ изданій, вызвавшихъ третье предостереженіе, обязываются, по истеченіи срока пріостановки и по возобновленіи, представлять номера

ихъ для просмотра въ цензурный комитетъ не позднѣе 11 часовъ вечера наканунѣ дня выпуска въ свѣтъ, при чемъ цензорамъ предоставляется право, въ случаяхъ усматриваемаго ими значительнаго вреда отъ распространенія такого повременнаго изданія, пріостанавливать выходъ его въ свѣтъ, не возбуждая судебнаго преслѣдованія противъ виновныхъ. Порядокъ представленія такого изданія въ цензуру для просмотра, а также срочность или безсрочность этого обязательства, устанавляются по ближайшему усмотрѣнію министра внутреннихъ дѣлъ.

2) Вопросы о совершенномъ прекращеніи повременныхъ изданій — (не исключая и арендуемыхъ у правительственныхъ и ученыхъ учрежденій), выходящихъ какъ подъ предварительною цензурой, такъ и безъ нея, или о пріостановкѣ, но безъ опредѣленія срока, съ воспрещеніемъ редакторамъ и издателямъ быть впослѣдствіи редакторами или издателями какихъ-либо другихъ періодическихъ изданій, — предоставляются совокупному обсужденію и разрѣшенію министровъ внутреннихъ дѣлъ, народнаго просвѣщенія и юстиціи и оберъ-прокурора Св. Синода, при участіи, сверхъ того, и тѣхъ министровъ или главноуправляющихъ отдѣльными частями, которыми возбуждаются подобные вопросы.

Эти мѣропріятія окончательно упраздняли примѣненіе судебнаго порядка къ преступленіямъ печати, отдавая судьбу изданія всецѣло въ руки администраціи.

Въ итогѣ этого длиннаго ряда мѣропріятій создалась слѣдующая административная схема: первое, потомъ второе предостереженіе, третье предостереженіе и, соединенное съ нимъ, пріостановленіе изданія на опредѣленный срокъ, карательная цензура для возобновившихъ выходъ изданій въ видѣ обязательства сдавать весь матеріалъ не позже 11 часовъ вечера, и наконецъ прекращеніе изданія по рѣшенію четырехъ министровъ. Послѣдняя гарантія по закону 1865 года, требовавшая для прекращенія изданія санкціи перваго департамента Сената, была отмѣнена.

Слѣдующая новелла въ области репрессій по отношенію къ печати связана уже съ именемъ человѣка, столь недавно лишь оставившаго руль государственнаго управленія.

И. Л. Горемыкинъ, занявъ постъ министра внутреннихъ дѣлъ, дополнилъ арсеналъ орудій репрессіи, созданныхъ при его предшественникахъ, новымъ изобрѣтеніемъ: 28 марта 1897 года было утверждено положеніе Комитета Министровъ, установившее, опять-таки въ видѣ временной мѣры, впредь до измѣненій въ законодательномъ порядкѣ дѣй-

ствующихъ правилъ о печати, что передача періодическихъ изданій отъ одного издателя къ другому можетъ происходить не иначе, какъ съ разрѣшенія министра внутреннихъ дѣлъ.

Это являлось не только новымъ посягательствомъ на свободу печати, но и тяжкимъ ударомъ для матеріальныхъ интересовъ издателей; о „священномъ правѣ собственности“ по отношенію къ издателямъ министерство Внутреннихъ Дѣлъ забыло.

Съ принятіемъ этой мѣры въ сущности завершился циклъ законодательныхъ мѣропріятій, направляемыхъ противъ печати. Послѣднее десятилѣтіе передъ провозглашеніемъ свободы печати было отмѣчено необычайнымъ разгуломъ въ дѣлѣ примѣненія всѣхъ этихъ многочисленныхъ орудій административной репрессіи, накопленныхъ въ теченіе десятилѣтій, подъ видомъ временныхъ правилъ и подъ предлогомъ временныхъ обстоятельствъ.

Мы остановились въ исторической части нашего очерка на тѣхъ мѣропріятіяхъ, которыя были выработаны противъ печати въ теченіе цѣлаго полустолѣтія, до провозглашенія свободы слова, главнымъ образомъ, для того, чтобы легче было разглядѣть знакомые пріемы, которые въ нѣсколько замаскированномъ видѣ нашли себѣ широкое примѣненіе и въ „конституціонные“ дни.

II.

На рубежѣ новаго конституціоннаго періода существованія русской печати стоитъ указъ отъ 12 декабря 1904 года, 8 пунктъ котораго возложилъ на обязанность правительства „устранить изъ нынѣ дѣйствующихъ о печати постановленій излишнія стѣсненія и поставить печатное слово въ точно опредѣленные закономъ предѣлы, предоставивъ тѣмъ отечественной печати, соотвѣтственно успѣхамъ просвѣщенія и принадлежащему ей вслѣдствіе сего значенію, возможность достойно выполнять высокое призваніе быть правдивою выразительницею разумныхъ стремленій на пользу Россіи“.

Въ цѣляхъ осуществленія этого пункта было учреждено особое совѣщаніе для составленія новаго устава о печати подъ предсѣдательствомъ члена Государственнаго Совѣта, директора Императорской Публичной библіотеки д. т. с. Д. Ф. Кобеко.

Въ первомъ засѣданіи 10 февраля 1905 года предсѣдатель комиссіи отмѣтилъ общее направленіе законодательства за минувшія десятилѣтія.

— Истинный смыслъ закона 1865 г. состоялъ въ томъ, чтобы дать печати возможныя въ то время, при неокрѣпшемъ еще дѣйствіи судебныхъ уставовъ, облегченія. Къ сожалѣнію, вслѣдствіе тѣхъ или иныхъ причинъ забыто было основное желаніе законодателя—облегчить положеніе печати. Послѣдующее законодательство развивалось въ обратномъ направленіи. Если разсматривать узаконенія о печати, то ясно будетъ, что они далеко отошли отъ этого закона и извратили его подлинной смыслъ.

— Что же дѣлала литература въ теченіе этого времени?—задался вопросомъ предсѣдатель.

— Литературѣ въ теченіе всего этого періода,—заявилъ онъ,—было предоставлено только одно право—право страдать.

Работы комиссіи Кобеко, какъ извѣстно, не привели къ выработкѣ опредѣленныхъ законоположеній, т. к. были прерваны изданіемъ временныхъ правилъ о печати.

Но нѣкоторыя стороны въ работѣ комиссіи заслуживаютъ быть отмѣченными въ цѣляхъ характеристики періода, предшествовавшаго созданію комиссіи, и того переходнаго времени, въ теченіе котораго ей приходилось работать.

Изъ положеній, непосредственно касающихся издателей, комиссія особенно подробно остановилась на вопросѣ о залогахъ и о порядкѣ выпуска въ свѣтъ періодическихъ изданій. Какъ было упомянуто выше, при созданіи закона 6 апрѣля 1865 года установленіе залоговъ для издателей оправдывалось необходимостью имѣть денежный фондъ на случай наложенія пени.

Сорокъ лѣтъ спустя въ засѣданіи комиссіи Кобеко начальникъ главнаго управленія по дѣламъ печати разъяснилъ, что для вышеупомянутой цѣли залоги оказались совершенно ненужными. Но все же представители вѣдомства настаивали на необходимости сохраненія залога „для того, чтобы судъ дѣйствительно сдерживалъ злоупотребленіе печатнымъ словомъ, а не обратился бы въ фикцію“.

Особенно любопытно отмѣтить сужденія, высказанныя въ комиссіи по вопросу о порядкѣ выхода въ свѣтъ изданій.

Министерство Внутреннихъ Дѣлъ энергично отстаивало существованіе концессіонной системы. Представитель этого Министерства кн. Н. В. Шаховской утверждалъ, что „чистоплотность“ русской печати по сравненію съ продажной западно-европейской прессой можетъ быть объяснена тѣмъ, что „у насъ не всякій можетъ сдѣлаться редакторомъ и издателемъ повременнаго изданія“.

Представителя Министерства Внутреннихъ Дѣлъ поддерживалъ товарищъ министра народнаго просвѣщенія С. М. Лукьяновъ, который считалъ введеніе явочной системы „рѣзкимъ скачкомъ“.

Но эти разсужденія успѣха не имѣли.

Одинъ изъ членовъ комиссіи, нашъ извѣстный историкъ, нынѣ уже покойный, профессоръ В. О. Ключевскій вывелъ вопросъ изъ области политики и поставилъ его на правильные юридическіе рельсы, указавъ, что если профессіональныя права пріобрѣтаются, то право слова есть право личное, принадлежащее каждому полноправному гражданину, и потому оно можетъ быть ограничено или потеряно только по суду.

При голосованіи комиссія большинствомъ 15 противъ 8 голосовъ высказалась за введеніе явочнаго порядка.

Такимъ образомъ еще до провозглашенія манифеста 17 октября и до изданія нынѣ дѣйствующихъ правилъ о печати концессіонная система изданія была осуждена.

Временныя правила о повременныхъ изданіяхъ отъ 24 ноября 1905 года, изложенныя въ формѣ именного Высочайшаго указа Правительствующему Сенату, должны были явиться осуществленіемъ провозглашенной манифестомъ 17 октября свободы слова.

Въ интересахъ стройности изложенія считаемъ неоходимымъ воспроизвести вступительную часть этого указа и его основныя положенія:

„Манифестомъ 17 октября сего года Мы возложили на обязанность правительства выполненіе непреклонной Нашей воли даровать населенію незыблемыя основы гражданской свободы, однимъ изъ условій коей является свобода слова.

„Обезпечивающій свободу слова уставъ о печати имѣетъ въ свое время воспріять силу, по утвержденіи его Нами въ порядкѣ законодательномъ.

„Нынѣ, впредь до изданія общаго о печати закона, признали Мы за благо преподать правила о повременныхъ изданіяхъ, выработанныя Совѣтомъ Министровъ и разсмотрѣнныя въ Государственномъ Совѣтѣ.

„Правилами этими устраняется примѣненіе въ области періодической печати административнаго воздѣйствія, съ возобновленіемъ порядка разрѣшенія судомъ дѣлъ о совершонныхъ путемъ печатнаго слова преступныхъ дѣяніяхъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, Мы поручили Совѣту Министровъ разработку временныхъ постановленій въ отношеніи иныхъ, кромѣ періодическихъ, изданій и получаемыхъ изъ-за границы произведеній печати, а также типографій и книжной торговли.

„Соотвѣтственно сему повелѣваемъ:

„I. Предварительную, какъ общую, такъ и духовную, цензуру выходящихъ въ городахъ Имперіи повременныхъ изданій, а равно эстамповъ, рисунковъ и другихъ изображеній, помѣщаемыхъ въ сихъ изданіяхъ или же выпускаемыхъ ими отдѣльными листами, отмѣнить, сохранивъ дѣйствующія о повременныхъ изданіяхъ постановленія въ отношеніи изданій, выходящихъ внѣ городовъ.

„II. Постановленія объ административныхъ взысканіяхъ, налагаемыхъ на повременныя изданія,—отмѣнить.

„III. Правила о залогахъ для повременныхъ изданій, отмѣнить.

„IV. Отвѣтственность за преступныя дѣянія, учиненныя посредствомъ печати въ повременныхъ изданіяхъ, опредѣлять въ порядкѣ судебномъ.

„V. Статью 140 Устава о цензурѣ и печати (свод. зак., т. XIV, изд. 1890 г.), предоставляющую министру внутреннихъ дѣлъ право воспрещать оглашеніе или обсужденіе въ печати какого-либо вопроса государственной важности, отмѣнить".

„Правила о неповременныхъ изданіяхъ опоздали на нѣсколько мѣсяцевъ и были опубликованы лишь 26 апрѣля 1906 года. Основныя положенія этого второго указа изложены въ первыхъ его трехъ пунктахъ:

„I. Предварительную цензуру, какъ общую, такъ и духовную, выходящихъ въ Имперіи неповременныхъ изданій, а равно помѣщаемыхъ въ этихъ изданіяхъ и выпускаемыхъ отдѣльными листами экстамповъ, рисунковъ и другихъ изображеній, отмѣнить.

„II. Цензурные комитеты: С.-Петербургскій, Московскій, Варшавскій и Тифлисскій, переименовать въ С.-Петербургскій, Московскій, Варшавскій и Тифлисскій комитеты по дѣламъ печати.

„III. Переименовать: а) входящихъ въ составъ цензурныхъ комитетовъ цензоровъ въ членовъ комитетовъ по дѣламъ печати и б) отдѣльныхъ цензоровъ—въ инспекторовъ по дѣламъ печати".

На первый взглядъ вышеприведенные указы, въ особенности въ своей декларативной части, производятъ впечатлѣніе мѣропріятій, дѣйствительно направленныхъ къ раскрѣпощенію печати. Но когда мы ближе присмотримся къ этимъ правиламъ, когда установимъ, во что они выродились на практикѣ, это первое впечатлѣніе должно разсѣяться и выводъ, что свобода печати остается доселѣ еще не осуществленнымъ обѣщаніемъ, сдѣлается неизбѣжнымъ.

III.

Концессіонная система замѣнена явочной, залоги для издателей отмѣнены — этимъ въ сущности и исчерпывается вся реформа, этимъ и ограничивается вся „свобода печати“.

Послѣ торжественнаго провозглашенія свободы печати, послѣ введенія принципа этой свободы въ основные законы Имперіи, послѣ цѣлаго ряда новыхъ правилъ о печати, вышеприведенное положеніе можетъ казаться парадоксальнымъ.

Какъ, неужели все дѣло реформы, все дѣло свободы свелось къ отмѣнѣ залоговъ и концессіонной системы?

Если мы внимательно пересмотримъ существующее положеніе о печати, то мы увидимъ, что правовое положеніе печати и въ частности издательскаго дѣла не только не окрѣпло съ введеніемъ „конституціоннаго“ строя, но во многихъ отношеніяхъ сдѣлалось еще болѣе призрачнымъ и неустойчивымъ.

Каждый полноправный гражданинъ можетъ теперь приступить къ изданію книги или газеты, но уже съ момента его прикосновенія къ типографскому станку и онъ и его имущество находятся подъ постоянной угрозой репрессіи.

Предварительная цензура отмѣнена. Но это положеніе нуждается въ существенныхъ поправкахъ.

Нѣтъ предварительной цензуры въ прежнемъ, открытомъ видѣ, когда каждое произведеніе человѣческой мысли могло увидѣть свѣтъ только съ разрѣшенія правительственнаго чиновника, но есть цензура въ скрытомъ видѣ, также преграждающая доступъ въ свѣтъ каждой мысли, распространеніе которой правительство признаетъ для себя вреднымъ или опаснымъ.

Должностное лицо по дѣламъ печати имѣетъ право арестовать любой номеръ періодическаго изданія, когда въ содержаніи таковаго усмотритъ „признаки преступнаго дѣянія, уголовнымъ закономъ предусмотрѣннаго“.

На первый взглядъ этотъ порядокъ вещей ничего общаго съ цензурой не имѣетъ, ибо арестъ допускается не въ случаяхъ „вреднаго направленія“, а только при наличіи признаковъ преступнаго дѣянія, уголовнымъ закономъ предусмотрѣннаго.

Практическое значеніе этого порядка опредѣляется содержаніемъ самаго уголовнаго закона. Если уголовный законъ даетъ точное обозна-

ченіе предусматриваемыхъ имъ дѣяній, тогда ссылка на этотъ законъ можетъ имѣть значеніе. Но если создаются нарочито „каучуковыя“ уголовныя нормы, въ которыя можно влить любое содержаніе, тогда ссылка на уголовный законъ интересовъ издателя отнюдь не гарантируетъ.

А такія „каучуковыя“ нормы у насъ существуютъ и получили на практикѣ огромное распространеніе. Подробнѣе объ уголовной отвѣтственности издателей мы поговоримъ ниже, но здѣсь отмѣтили наиболѣе характерныя изъ этихъ нормъ, изображенныя въ 6 пунктѣ 129 ст. новаго уголовнаго Уложенія и 1034 ст стараго Уложенія о наказаніяхъ.

Пунктъ 6-й 129 ст. уголовнаго Уложенія предусматриваетъ распространеніе сочиненій, „возбуждающихъ вражду между отдѣльными частями или классами населенія“.

При классовомъ устройствѣ общества въ любой статьѣ на экономическую или соціальную тему можно усмотрѣть признакъ преступленія.

Еще эластичнѣе содержаніе 1034 ст. Улож. о наказ., предусматривающей распространеніе о дѣятельности правительственнаго установленія или должностного лица свѣдѣній, „возбуждающихъ враждебное къ нимъ отношеніе“.

Любая замѣтка о дѣйствіяхъ администраціи можетъ быть подведена подъ санкцію этой статьи и навлечь наложеніе ареста.

Но если бы даже при самомъ широкомъ толкованіи „каучуковыхъ“ статей должностное лицо по дѣламъ печати затруднилось бы усмотрѣть признаки уголовно-наказуемаго дѣянія, оно можетъ все-таки арестовать любой номеръ, ссылаясь на то, что ему показались, померещились эти „признаки“. Нужды нѣтъ, что много времени спустя, когда номеръ періодическаго изданія потеряетъ уже всякое значеніе, надлежащее судебное мѣсто констатируетъ отсутствіе всякихъ „признаковъ“ и сниметъ арестъ.

Должностное лицо не только не можетъ быть подвергнуто никакому личному взысканію за излишніе страхи, но ни въ какой мѣрѣ и денежно не отвѣчаетъ передъ издателемъ.

Такимъ образомъ, совершенно очевидно, что цензура въ смыслѣ предоставленія административному лицу права по своему усмотрѣнію, по своему произволу задержать распространеніе литературнаго произведенія, несомнѣнно, сохранена.

Элементарное представленіе о свободѣ печати состоитъ въ томъ, что каждому полноправному гражданину предоставляется опубликовывать свои мысли съ тѣмъ, что въ случаѣ, если эти мысли окажутся пре-

ступными, онъ несетъ за нихъ кару по суду. Но до суда онъ свободенъ отъ контроля и надзора. Это элементарное правило дѣйствующимъ положеніемъ о періодическихъ изданіяхъ не усвоено.

Еще ярче сохраненіе цензуры сказывается въ постановленіяхъ о неповременныхъ изданіяхъ.

Если по отношенію къ газетамъ устанавливается правило, то каждый номеръ представляется должностному лицу по дѣламъ печати одновременно съ выпускомъ его изъ типографіи, то по отношенію къ книгамъ устанавливается особый карантинъ: книги, объемомъ не болѣе одного листа, выпускаются изъ типографіи не ранѣе двухъ дней, а книги отъ одного до пяти листовъ — не ранѣе семи дней со времени представленія типографіей узаконеннаго числа экземпляровъ инспектору по дѣламъ печати; и только по отношенію къ книгамъ объемомъ болѣе 5 листовъ разрѣшается выпускъ ихъ одновременно съ представленіемъ инспектору.

Полное несоотвѣтствіе существующаго порядка съ провозглашенной отмѣной цензуры вполнѣ отчетливо сознавалось и комиссіей Кобеко, которая имѣла нѣсколько засѣданій уже послѣ изданія манифеста 17 октября.

Въ одномъ изъ этихъ засѣданій предсѣдатель ея заявилъ:

— Мною сдѣлано лишь одно существенное отступленіе отъ началъ, принятыхъ совѣщаніемъ; вызвано оно было тѣмъ, что совѣщаніе разсматривало вопросъ о печати въ границахъ Высочайше утвержденнаго положенія Комитета Министровъ, признавшаго необходимымъ освободить печать отъ излишнихъ стѣсненій, въ настоящее же время Высочайшимъ манифестомъ 17 октября печать призвана къ совершенному освобожденію. Въ виду этого, нельзя было болѣе придерживаться предположеннаго нами порядка, при которомъ каждый номеръ періодическаго изданія заблаговременно, до выпуска въ свѣтъ, долженъ былъ представляться цензору и могъ быть имъ задержанъ, съ одновременнымъ возбужденіемъ судебнаго преслѣдованія. Въ смягченной формѣ это, несомнѣнно, цензура, а свобода печати и цензура—понятія, исключающія одно другое".

Далѣе, въ объяснительной запискѣ, составленной комиссіей, мы по интересующему насъ вопросу находимъ слѣдующія строки:

„... Было бы несовмѣстимо съ правовымъ положеніемъ печати и сохраненіе сроковъ между отпечатаніемъ и выпускомъ въ свѣтъ произведенія печатнаго слова. Это означало бы сохраненіе, хотя и не пред-

варительной, но все-таки цензуры, носящей названіе карательной, такъ какъ одно то обстоятельство, что цензурное учрежденіе при задержаніи до выпуска въ свѣтъ, руководствуется правилами уголовнаго закона, сути дѣла не измѣняетъ: печатное слово не высказывается свободно, оно выходитъ въ свѣтъ лишь съ согласія, хотя и молчаливаго, цензурнаго органа. Свобода же печати предполагаетъ не что иное, какъ дѣйствительно свободное обнаруженіе, при помощи печатнаго станка, мнѣній и убѣжденій, съ отвѣтственностью лишь въ томъ случаѣ, когда учинено преступное дѣяніе, т.-е. когда посредствомъ печатнаго слова совершено посягательство на охраняемое закономъ благо".

Наконецъ, несомнѣннымъ доказательствомъ существованія предварительной цензуры является широкое примѣненіе такъ называемаго объективнаго процесса.

IV.

Сущность объективнаго процесса состоитъ въ томъ, что въ тѣхъ случаяхъ, когда нѣтъ основаній судить авторовъ книги или лицъ, причастныхъ къ ея появленію на свѣтъ, судятъ самую книгу, произносятъ приговоръ не надъ человѣкомъ, а надъ самымъ объектомъ, являющимся на свѣтъ въ результатѣ творческой мысли. Отсюда и названіе—„объективный процессъ".

Относящіяся къ этому предмету законоположенія редактированы настолько неудачно и туманно, что породили цѣлый рядъ затрудненій на практикѣ.

Книгу судятъ тогда, когда нельзя судить людей, причастныхъ къ появленію ея на свѣтъ.

Но каковы тѣ случаи, когда нельзя судить людей? Когда виновныя лица умерли, или не могутъ быть отысканы, тогда естественно возникаетъ мысль, какъ поступить съ произведеніями этихъ людей, которые сами недоступны воздѣйствію со стороны суда.

Но объективный процессъ имѣетъ въ виду не эти рѣдкіе и единичные случаи, а явленія совсѣмъ иного рода: объективный порядокъ примѣняется сплошь да рядомъ, въ цѣломъ рядѣ случаевъ, когда лица, причастныя къ появленію книги, совершенно точно извѣстны.

Рукопись, прежде чѣмъ превратиться въ печатное произведеніе и прежде, чѣмъ попасть къ читателю проходитъ рядъ послѣдовательныхъ стадій. Мы различаемъ составленіе сочиненія, приготовленіе къ печата-

нію, самое печатаніе, выпускъ въ свѣтъ, мѣры къ распространенію отпечатанныхъ произведеній и самое распространеніе.

Соотвѣтственно этимъ стадіямъ могутъ различаться и степени проявленія злой воли, направленной къ распространенію преступнаго сочиненія.

Уголовный законъ и устанавливаетъ три степени: приготовленіе, покушеніе и оконченное дѣяніе. Преступленіе, совершаемое посредствомъ печати, можетъ посягать на блага различной важности. Самое серьезное преступленіе законъ считаетъ нужнымъ преслѣдовать во всѣхъ трехъ стадіяхъ осуществленія преступнаго умысла, преступленіе второй степени важности—лишь въ стадіяхъ покушенія и окончанія дѣянія и, наконецъ, остальныя преступленія преслѣдуетъ лишь въ случаяхъ ихъ совершенія, считая излишнимъ наказывать за приготовленіе и покушеніе. Въ странахъ, гдѣ существуетъ истинная свобода печати, гдѣ цензура и въ открытомъ и въ замаскированномъ видѣ дѣйствительно уничтожена, нѣтъ никакой необходимости различать вышеприведенныя стадіи по отношенію къ преступленіямъ, совершаемымъ при помощи печати. Тамъ законодателя интересуетъ только оконченное преступленіе печати, тамъ судебный аппаратъ приводится въ движеніе только тогда, когда произведеніе вышло въ свѣтъ и получило распространеніе.

При существованіи настоящей свободы печати предполагается, что угроза уголовнымъ наказаніемъ по суду является для всякаго здравомыслящаго гражданина достаточно серьезной, и потому государственная власть считаетъ недопустимымъ всякаго рода предварительныя мѣры, направленныя къ тому, чтобы воспрепятствовать самому появленію сочиненія.

Совершенно иное положеніе существуетъ у насъ, гдѣ предварительная цензура отмѣнена лишь номинально, и гдѣ правительственная власть считаетъ опаснымъ дожидаться появленія книги, а всѣ помыслы направляетъ къ тому, чтобы помѣшать самому появленію книги, которая можетъ оказаться преступной. Отсюда и вытекаетъ необходимость разбираться во всѣхъ вышеуказанныхъ стадіяхъ, — приготовленія, покушенія и оконченнаго дѣянія. Такъ какъ по уголовному закону, лишь немногія, самыя тяжкія дѣянія наказуемы во всѣхъ стадіяхъ, а по отношенію къ большинству преступленій стадіи покушенія и особенно приготовленія являются безразличными съ точки зрѣнія уголовной кары, то и создается цѣлый рядъ случаевъ, когда ни автора книги, ни издателя, ни типографа нельзя привлечь къ уголовной отвѣтственности именно потому, что пре-

ждевременный арестъ книги до ея распространенія пресѣкъ ихъ дѣятельность въ ненаказуемой стадіи.

Во всѣхъ подобныхъ случаяхъ, когда отсутствуетъ основаніе къ возбужденію уголовнаго преслѣдованія, судъ произноситъ приговоръ надъ самой книгой и, если усмотритъ въ ней признаки преступнаго дѣянія, постановляетъ „объ уничтоженіи означеннаго произведенія печати или части его, а также стереотиповъ и другихъ принадлежностей тисненія, заготовленныхъ для его напечатанія".

Такимъ образомъ по установившейся судебной практикѣ книги уничтожаются въ двухъ случаяхъ: 1) когда на книгу или газету наложенъ арестъ до выпуска ихъ изъ типографіи, если въ нихъ заключаются признаки преступнаго дѣянія, приготовленіе къ которому не наказуемо, и 2) когда книга или газета задержаны хотя послѣ выпуска изъ типографіи, но не получили еще въ дѣйствительности распространенія, если притомъ въ нихъ заключаются признаки преступнаго дѣянія, покушеніе на которое не наказуемо.

Вышеприведенный порядокъ уничтоженія книгъ по буквѣ закона предполагалось примѣнять только къ книгамъ объемомъ не болѣе пяти печатныхъ листовъ. Такая оговорка въ законѣ была вполнѣ понятна. Мы уже раньше упомянули, что существующія законоположенія устанавливаютъ „карантинъ" (задержку въ типографіи на срокъ отъ 2 до 7 дней) лишь для книги объемомъ не болѣе пяти листовъ. Понятно, что по отношенію къ такимъ книгамъ арестъ осуществимъ какъ разъ въ періодъ „карантина". Но по отношенію къ книгамъ большаго объема законодатель допустилъ выходъ ихъ въ свѣтъ одновременно съ отсылкой узаконеннаго количества экземпляровъ цензору. По отношенію къ такимъ, такъ сказать, тяжелымъ книгамъ, разсчитаннымъ на ограниченный кругъ читателей, законъ считалъ излишнимъ превентивныя мѣры и не допускалъ даже мысли о возможности примѣненія къ нимъ ареста и уничтоженія ихъ безъ привлеченія виновныхъ лицъ. Вотъ почему Государственный Совѣтъ, какъ видно изъ его мотивовъ, обсуждая статью, трактующую объ уничтоженіи книги въ случаѣ отсутствія основаній къ возбужденію уголовнаго преслѣдованія, говоритъ: „постановленіе, изложенное въ этой статьѣ, можетъ, *конечно,* примѣняться лишь къ изданіямъ объемомъ менѣе пяти листовъ, кои подлежатъ представленію на предварительный просмотръ учрежденій по дѣламъ печати".

Но эти мотивы, это „конечно", не помѣшали Сенату разъяснить въ своемъ рѣшеніи по дѣлу Натансона, что не только изданія объемомъ

менѣе пяти листовъ, но „и всѣ прочія произведенія преступнаго содержанія подлежатъ тѣмъ не менѣе уничтоженію“.

Идея объективнаго процесса была довольно подробно развита въ комиссіи Кобеко, отдѣльные члены которой готовы были пожертвовать въ нѣкоторыхъ случаяхъ самой книгой. Но послѣ манифеста 17 октября комиссія пришла къ выводу, что „такъ называемый объективный процессъ, вызывавшій энергичныя возраженія и нареканія, представляется въ видѣ общаго правила едва ли желательнымъ“.

Но эти сужденія не помѣшали порядку, „вызывающему энергичныя возраженія и нареканія“, сдѣлаться дѣйствующимъ закономъ.

Мы подробно остановились на изложеніи и характеристикѣ объективнаго процесса потому, что онъ непосредственно задѣваетъ интересы издателя и поражаетъ ихъ даже въ тѣхъ случаяхъ, когда не можетъ быть рѣчи объ уголовной отвѣтственности.

Остается отвѣтить на вопросъ, въ какой мѣрѣ процессуально ограждены эти интересы.

По этому поводу законъ гласитъ: „Лица, права коихъ могутъ быть нарушены уничтоженіемъ произведенія печати или его части, допускаются лично или черезъ повѣренныхъ къ участію въ дѣлахъ и могутъ обжаловать приговоръ во всемъ, что нарушаетъ ихъ права“.

Извѣщеніе о времени слушанія дѣла посылается заинтересованнымъ лицамъ лишь въ случаѣ предварительнаго съ ихъ стороны заявленія суду о своемъ желаніи принять участіе въ дѣлѣ.

При такомъ положеніи вещей возникаетъ вопросъ, не является ли объективный процессъ меньшимъ изъ возможныхъ золъ.

Казалось бы, что печати не приходится жаловаться на то, что судятъ книгу безъ лицъ, причастныхъ къ ея появленію на свѣтъ: было бы хуже, если бы судили и людей и книгу. Но дѣло въ томъ, что когда есть малѣйшая возможность судить и людей, то ихъ непремѣнно сажаютъ на скамью подсудимыхъ. Мы говорили выше, что по закону дѣяніе становится наказуемымъ въ стадіяхъ приготовленія и покушенія на преступленіе въ зависимости отъ серьезности самаго преступленія. Но что считать серьезнымъ преступленіемъ?

Уже раньше на страницахъ этого очерка приходилось говорить о пресловутой 129 статьѣ уголов. Уложенія съ ея „каучуковой“ редакціей, дающей возможность подвести подъ эту статью критику любого правительственнаго распоряженія, любое разсужденіе на политическую или экономическую тему. Для того, чтобы сдѣлать примѣненіе этой статьи

еще болѣе обширнымъ, законъ создалъ къ ней, такъ сказать, пристройку въ видѣ 132-й ст. угол. Улож., которая наказываетъ за всѣ виды приготовленія и покушенія на распространеніе сочиненій, предусматриваемыхъ 129-й статьей.

При помощи 132-й статьи не только автора, но и издателя и даже типографщика можно посадить на скамью подсудимыхъ именно въ тѣхъ случаяхъ, когда книга или газета не только не получили распространенія, но даже не вышли изъ стѣнъ типографіи. Въ этомъ отношеніи существующій порядокъ вещей для издателей и типографовъ оказался хуже, чѣмъ порядокъ дореформеннаго времени. При дореформенныхъ порядкахъ своевременное представленіе узаконеннаго числа экземпляровъ въ цензуру избавляло издателя отъ скамьи подсудимыхъ.

При существующемъ порядкѣ издатель отъ скамьи подсудимыхъ никогда не гарантированъ и, если есть какая-нибудь возможность, издатель будетъ судимъ вмѣстѣ съ книгой. При этомъ необходимо имѣть въ виду, что при дореформенномъ порядкѣ профессіональный характеръ дѣятельности издателя всегда принимался во вниманіе. Дореформенный порядокъ устанавливалъ въ видѣ общаго правила возможность привлеченія издателя лишь въ томъ случаѣ, если имя и мѣстожительство сочинителя неизвѣстны. Изъ этого общаго правила по отношенію къ издателю дѣлалось одно исключеніе—онъ могъ подлежать отвѣтственности совмѣстно съ сочинителемъ, если бъ было доказано, что онъ, зная его преступный умыселъ, завѣдомо содѣйствовалъ публикаціи и распространенію изданія. Конструкція 132-й статьи создаетъ обратный порядокъ вещей. Въ виду того, что авторы новаго уголовнаго Уложенія примѣнили къ преступленіямъ печати общее положеніе о соучастіи въ преступленіи, создался нынѣ дѣйствующій порядокъ, при которомъ доказательствъ завѣдомаго участія издателя въ преступленіи не требуется, а такая завѣдомость предполагается. Для привлеченія къ уголовной отвѣтственности достаточно доказать соглашеніе издателя съ сочинителемъ на выпускъ въ свѣтъ даннаго произведенія, а ужъ завѣдомость о преступномъ содержаніи этого сочиненія предполагается. Стало-быть, объективный процессъ ни въ малѣйшей мѣрѣ не гарантируетъ издателя отъ неправильнаго привлеченія къ уголовной отвѣтственности.

Книгу судятъ отдѣльно отъ издателя только тогда, когда даже при всей гибкости и растяжимости существующихъ уголовныхъ нормъ не представляется никакой возможности привлечь издателя.

И какъ же ее судятъ? „Объективный процессъ,—справедливо замѣчаетъ профессоръ Розинъ,—самой объективностью своей развязываетъ руки органамъ, прибѣгающимъ къ нему. Въ этихъ случаяхъ нѣтъ той моральной отвѣтственности, которая побуждаетъ обвинителя съ осторожностью относиться къ возбуждаемому противъ обвиняемаго преслѣдованію, нѣтъ тщательной подготовки обвиненія для суда и т. п. Дѣло ограничивается голымъ указаніемъ на признакъ преступнаго дѣянія. Нѣтъ и не можетъ быть здѣсь моральныхъ сдержекъ и у суда, имѣющаго дѣло съ мертвымъ матеріаломъ. Присутствіе на судѣ заинтересованныхъ лицъ не измѣняетъ дѣла. И, если между должностными лицами по дѣламъ печати, естественно способными руководствоваться не только соображеніями права, но иногда и соображеніями политическаго оппортунизма, и между судомъ возникаетъ хотя бы отдаленное единеніе, то положеніе представителей печати неминуемо окажется совершенно безправнымъ“.

Надо отдать справедливость профессору Розину, что, говоря объ „отдаленномъ единеніи“ между судомъ и цензурнымъ вѣдомствомъ, онъ выражается весьма корректно и осторожно.

Итакъ, мы должны прійти къ заключенію, что первые пункты Высочайшихъ указовъ отъ 25 ноября 1905 года и 26 апрѣля 1906 года, провозгласившихъ отмѣну предварительной цензуры, остались только декларацiей, не претворенной въ жизнь.

V.

Сохраненіе всяческой цензуры, не исключая и предварительной, какъ нельзя болѣе ярко отразилось при кодификаціи новыхъ законоположеній о печати.

Новое изданіе Устава о цензурѣ и печати каждой своей страницей, каждой своей статьей, на десятки ладовъ свидѣтельствуетъ и, такъ сказать, кричитъ, что ничто не измѣнилось съ изданіемъ манифеста 17 октября, что цензура всѣхъ видовъ царитъ попрежнему.

Представляется умѣстнымъ на страницахъ этого очерка произвести сопоставленіе старой и новой редакціи Устава о цензурѣ и печати, произвести работу, которая, насколько извѣстно, не была еще ни разу сдѣлана на страницахъ не только общей, но даже и спеціальной печати.

Старый Уставъ о цензурѣ не претерпѣлъ никакихъ измѣненій въ своей структурѣ. Названіе Устава осталось прежнимъ: „Уставъ о цензурѣ

и печати"; число статей не измѣнилось. Попрежнему Уставъ открывается главой „о внутренней цензурѣ" съ ея отдѣлами: „о составѣ внутренней цензуры, объ обязанностяхъ должностныхъ лицъ въ отношеніи къ внутренней цензурѣ, о вѣдомствѣ внутренней цензуры и о порядкѣ производства дѣлъ по внутренней цензурѣ".

Любопытно отмѣтить, что даже прямое велѣніе закона, выраженное въ 3 пунктѣ указа отъ 26 апрѣля 1906 года „о переименованіи входящихъ въ составъ цензурныхъ комитетовъ цензоровъ въ членовъ комитетовъ по дѣламъ печати и отдѣльныхъ цензоровъ въ инспекторовъ по дѣламъ печати", не было осуществлено въ полной мѣрѣ. Эта номинальная реформа, конечно, не мѣняла сущности вещей, но имѣла нѣкоторое принципіальное значеніе, какъ бы вычеркивая самое ненавистное слово— цензоръ. Но это слово оказалось настолько любезнымъ сердцу кодификаторовъ новаго закона, что они сохранили его въ полной неприкосновенности.

Была измѣнена лишь редакція 9 статьи Устава о цензурѣ. Въ редакціи стараго Устава статья эта гласила: „внутренняя цензура возлагается на цензурные комитеты или на опредѣляемыхъ для сего отдѣльныхъ цензоровъ". Въ новой редакціи статья эта гласитъ: „мѣстное наблюденіе за печатью, а также исполненіе обязанностей по внутренней цензурѣ, возлагается на комитеты и инспекторовъ по дѣламъ печати".

Но, переименовавъ цензоровъ въ инспекторовъ по дѣламъ печати во вступительной статьѣ первой главы, кодификаторы во всѣхъ слѣдующихъ главахъ и раздѣлахъ Устава говорятъ о цензорахъ и о цензурныхъ комитетахъ: такъ, безъ измѣненій сохранены подзаголовки 2 отдѣленія I главы „о предсѣдателѣ цензурнаго комитета" и „о цензорахъ".

Отдѣленіе 3-е I главы открывается 30-й статьей, которая гласитъ: „всѣ неизъятыя отъ предварительной цензуры, издающіяся внутри государства, какъ частными лицами, такъ и отъ казенныхъ мѣстъ, произведенія печати, подлежатъ предварительному разсмотрѣнію внутренней цензуры". „Это — старая редакція", естественно подумаетъ читатель. Нѣтъ, это — новая редакція, ни однимъ словомъ, впрочемъ, не отличающаяся отъ старой.

Слѣдующая статья 31-я гласитъ: „книги собственно духовнаго содержанія, т.-е. заключающія въ себѣ изложенія догматовъ вѣры, толкованія священнаго писанія, проповѣди и т. п. на славянскомъ и русскомъ языкахъ, разсматриваются и одобряются духовной цензурой, состоящею

въ вѣдѣніи Святѣйшаго Синода". Это опять-таки—новая редакція, буквально воспроизводящая старую.

Позвольте теперь еще разъ напомнить текстъ Высочайшаго указа: „Предварительную цензуру, какъ общую, такъ и духовную отмѣнить".

Какъ же это согласовать? Быть-можетъ, въ этихъ статьяхъ идетъ рѣчь о какой-нибудь иной, а не предварительной цензурѣ? Быть-можетъ, здѣсь рѣчь идетъ о цензированіи сочиненій послѣ ихъ выхода въ свѣтъ, на предметъ сообщенія судебному мѣсту о наложеніи ареста? Но такому предположенію прежде всего противорѣчитъ буквальный текстъ 30-й статьи, которая говоритъ о „предварительномъ" разсмотрѣніи внутренней цензурой, а затѣмъ правила, изложенныя въ 3-й и 4-й статьяхъ введенія къ Уставу о цензурѣ, которыя въ новой своей редакціи, буквально тождественной со старой редакціей этихъ статей, безъ всякаго смущенія говорятъ объ обязанности цензуры „разсматривать не освобожденныя отъ предварительной цензуры произведенія словесности, наукъ и искусствъ, назначаемыя къ изданію въ свѣтъ въ предѣлахъ Имперіи" и „дозволять ихъ изданіе и продажу".

Такимъ образомъ, нѣтъ никакого сомнѣнія, что вышеприведенныя 30 и 31 статьи цензурнаго Устава говорятъ о предварительной, внутренней цензурѣ въ чистомъ видѣ, въ томъ видѣ, какъ она разумѣлась въ дореформенное время, и согласовать эти статьи съ Высочайшимъ повелѣніемъ нѣтъ никакой возможности, ибо эти статьи просто игнорируютъ это повелѣніе.

Также только игнорированіемъ Высочайшаго повелѣнія можно объяснить сохраненіе старой редакціи цѣлаго ряда статей IV отдѣленія, которыя, къ великому изумленію читателя, открывающаго *новое* изданіе Устава о цензурѣ и печати, трактуютъ о представленіи на разсмотрѣніе цензуры *рукописи*, о формахъ записи этой рукописи въ книгу, о необходимости переписывать рукописи чисто и четко и т. д. вплоть до указанія на то, что „цензоръ, прочитавъ и одобривъ рукопись, выставляетъ дозволеніе печатать на оборотѣ заглавнаго листа".

Далѣе идутъ указанія на то, въ теченіе какого времени разрѣшеніе цензора сохраняетъ силу, въ какихъ случаяхъ цензоръ ставитъ вопросъ на разрѣшеніе цензурнаго комитета, о порядкѣ обжалованія дѣйствій цензурнаго комитета и т. д. Словомъ, полная цензурная Аркадія, словно гг кодификаторы никогда и не слыхали о существованіи манифеста 17 октября и указовъ 1905 и 1906 годовъ. Правда, въ этихъ послѣднихъ указахъ нѣтъ прямого перечня статей цензурнаго Устава, подле-

жащихъ отмѣнѣ, но есть общее указаніе, что новыя правила издаются „въ измѣненіе и дополненіе Устава о цензурѣ и печати“.

Господа кодификаторы оказались людьми послѣдовательными и сохранили въ полной неприкосновенности всѣ архаическія правила въ руководство цензурѣ, рекомендующія цензорамъ „отличать благонамѣренныя сужденія и умозрѣнія, основанныя на познаніи Бога, человѣка и природы, отъ дерзкихъ и буйственныхъ мудрованій, равно противныхъ истинной вѣрѣ и истинному любомудрію“.

Тѣ же правила рекомендуютъ цензорамъ „при разсматриваніи книгъ нравственнаго содержанія не дѣлать привязки къ словамъ и отдѣльнымъ выраженіямъ“, но, однако, „наблюдать, чтобы въ сихъ словахъ или выраженіяхъ о предметахъ важныхъ и высокихъ упоминаемо было съ должнымъ уваженіемъ и приличіемъ“.

Далѣе, правила милостиво разрѣшаютъ статьи о несовершенствѣ существующихъ у насъ постановленій, однако, только въ формѣ „спеціальныхъ ученыхъ разсужденій, написанныхъ тономъ приличнымъ предмету и притомъ касающихся такихъ постановленій, недостатки которыхъ обнаружились уже на опытѣ“. Въ своей снисходительности къ россійской литературѣ правила идутъ такъ далеко, что напоминаютъ цензору о томъ, что онъ „не долженъ поправлять слога или замѣчать ошибокъ автора въ литературномъ отношеніи, если только явный смыслъ рѣчи не подлежитъ запрещенію“.

И всѣ эти архаическія разглагольствованія по милости гг. кодификаторовъ являются съ формальной стороны дѣйствующимъ правомъ.

Господа кодификаторы въ дѣлѣ сохраненія архитектуры цензурнаго Устава не постѣснялись воспроизвести въ новомъ изданіи заголовокъ X отдѣленія, который гласитъ: „о мѣрахъ противъ произведеній печати, обнаружившихъ вредное направленіе, и объ административныхъ взысканіяхъ“.

Правда, подъ этимъ заголовкомъ пришлось помѣстить рядъ статей въ новой редакціи, согласованной съ новымъ закономъ, но сохраненіе заголовка особенно въ сопоставленіи со вторымъ пунктомъ указа отъ 24 ноября 1905 года, отмѣняющимъ „постановленія объ административныхъ взысканіяхъ“, является какъ нельзя болѣе характернымъ.

Куда же все-таки гг. кодификаторы дѣвали манифестъ 17 октября и изданные въ развитіе его указы? Неужто такъ они и исчезли при кодификаціи новаго закона о печати? Нѣтъ, этотъ слѣдъ имѣется, хотя отыскать его и не такъ легко. Подъ статьей 2-й введенія къ уставу о

цензурѣ и печати въ его новомъ изданіи гг. кодификаторы помѣстили въ видѣ третьяго примѣчанія слѣдующія строки: „предварительная, какъ общая, такъ и духовная, цензура, выходящихъ въ Имперіи неповременныхъ изданій, а также выходящихъ въ городахъ Имперіи изданій повременныхъ, равно какъ помѣщаемыхъ въ тѣхъ и другихъ изданіяхъ или выпускаемыхъ отдѣльными листами эстамповъ, рисунковъ и другихъ изображеній, отмѣнена".

Такимъ образомъ, гг. кодификаторы всю свободу печати ухитрились запрятать въ примѣчаніе, напечатанное мелкимъ шрифтомъ, при чемъ вся декларативная часть Высочайшаго указа, отмѣчающая идейную сторону реформы, при кодификаціи исчезла безслѣдно.

А чтобы избѣжать упрека въ недосмотрѣ офиціальные кодификаторы прибѣгли къ слѣдующему пріему. Создавъ вышеприведенное примѣчаніе, они тамъ же добавили нѣсколько строкъ: „сіе примѣчаніе относится къ статьямъ... (слѣдуетъ перечень ряда статей, изъ которыхъ нѣкоторыя нами выше приведены). Эти статьи подлежали частью измѣненію, частью простому зачеркиванію, но посягнуть на нихъ не дерзнули, а ограничились ссылкой на примѣчаніе общаго характера.

Такой своеобразный способъ кодификаціи имѣетъ извѣстныя практическія удобства. Если бы было рѣшено открыто возстановить цензуру, то для этого было бы достаточно зачеркнуть маленькое примѣчаніе ко 2-й статьѣ, сдѣлать нѣсколько поправокъ, и старый Уставъ о цензурѣ и печати возсіялъ бы снова въ полной неприкосновенности.

Такимъ образомъ, необходимо прійти къ выводу, что 1-й пунктъ указа 24 ноября 1905 года, провозгласившій отмѣну предварительной цензуры, не былъ проведенъ въ жизнь.

VI.

Второй пунктъ указа, отъ 24 ноября 1905 года гласитъ: „постановленія объ административныхъ взысканіяхъ, налагаемыхъ на повременныя изданія, отмѣнить".

Этотъ пунктъ также не получилъ осуществленія. Выше, при изложеніи исторіи возникновенія 140-ой статьи устава о цензурѣ, нами было указано, какими мотивами была вызвана эта статья къ жизни: правительственная власть не желала допускать на страницахъ печати не только обсужденія своихъ дѣйствій, но даже просто оповѣщенія читателей о тѣхъ или иныхъ дѣйствіяхъ правительства или отдѣльныхъ должностныхъ

лицъ. Послѣ прямой отмѣны 140-й статьи, произведенной указомъ отъ 24 ноября, она, казалось, была навсегда погребена. Но на практикѣ она возродилась, правда, въ настолько измѣненномъ видѣ, что на первый взглядъ трудно было узнать знакомыя черты. Тотъ же указъ отъ 24 ноября, отмѣняя 140 ст. цензурнаго Устава, вводилъ въ жизнь новый, дотолѣ не предусмотрѣнный уголовнымъ закономъ, видъ преступленія. Была создана новая норма, составляющая содержаніе нынѣ дѣйствующихъ 1034^4 и 1034^5 статей Уложенія о наказаніяхъ.

Вотъ содержаніе отдѣльныхъ этихъ статей; ст. 1034^4. Виновный:

1) въ возбужденіи въ печати учащихся къ прекращенію, пріостановленію или невозобновленію занятій въ учебныхъ заведеніяхъ;

2) въ возбужденіи въ печати къ устройству воспрещенныхъ закономъ скопищъ;

3) въ распространеніи посредствомъ печати завѣдомо ложныхъ о дѣятельности правительственнаго установленія или должностного лица, войска или воинской части свѣдѣній, возбуждающихъ въ поселеніи враждебное къ нимъ отношеніе;

4) въ распространеніи посредствомъ печати завѣдомо ложнаго, возбуждающаго общественную тревогу, слуха о правительственномъ распоряженіи, общественномъ бѣдствіи или иномъ событіи.

Наказывается:

Заключеніемъ въ тюрьмѣ на время отъ двухъ до восьми мѣсяцевъ, или арестомъ на срокъ не свыше трехъ мѣсяцевъ, или денежнымъ взысканіемъ не свыше трехсотъ рублей.

Ст. 1034^5. Виновный въ оскорбленіи въ печати войска или воинской части наказывается:

Заключеніемъ въ тюрьмѣ на время отъ двухъ мѣсяцевъ до одного года и четырехъ мѣсяцевъ.

Третій и четвертый пункты 1034^4 статьи въ части 1-ой и 2-ой при внимательномъ разсмотрѣніи съ несомнѣнностью обнаруживаютъ старую, знакомую намъ тенденцію, вызвавшую въ свое время къ жизни 140 статью цензурнаго Устава,—стремленіе не допускать даже простого оповѣщенія публики о тѣхъ правительственныхъ и должностныхъ мѣропріятіяхъ, которыя почему-либо считалось необходимымъ держать въ тайнѣ. Правда, эта статья указываетъ на необходимость двухъ признаковъ, входящихъ въ составъ преступленія: ложности и завѣдомости. Но вопросъ о завѣдомости, какъ признакъ чисто субъективный, подлежитъ установленію только на судѣ. Остается второй признакъ — объективной

ложности. Этимъ признакомъ должно руководствоваться должностное лицо при рѣшеніи вопроса о наложеніи ареста на номеръ. Еще важнѣе этого признака это—указаніе на характеръ сообщенія: сообщеніе должно „возбуждать враждебное отношеніе" къ правительству или должностному лицу. Если цензоръ при разсмотрѣніи номера увидитъ сообщеніе о тѣхъ или иныхъ правительственныхъ мѣропріятіяхъ или дѣйствіяхъ должностныхъ лицъ, просто ему неизвѣстныхъ и по его мнѣнію могущихъ вызвать „враждебное отношеніе", онъ уполномоченъ арестовать любой номеръ газеты. Пусть потомъ судъ оправдаетъ обвиняемаго и даже сниметъ наложенный арестъ. Но какой интересъ можетъ представлять номеръ газеты, который живетъ только одинъ день, черезъ нѣсколько недѣль, а иногда и черезъ нѣсколько мѣсяцевъ?

Но эта даже отдаленная, такъ сказать, реабилитація литературнаго изданія по суду оказалась стѣснительной для администраціи. Родилась мысль, какъ бы совсѣмъ избавиться отъ этого хотя бы запоздалаго контроля со стороны суда, какъ бы устроить такъ, чтобы дѣло совсѣмъ не доходило до суда.

Послѣ нѣкоторыхъ колебаній былъ найденъ выходъ столь же простой, сколь и противозаконный. Рѣшено было содержаніе 1034[4] статьи изложить въ формѣ обязательнаго постановленія, издаваемаго по положенію объ усиленной охранѣ, съ наложеніемъ наказанія въ административномъ порядкѣ, при чемъ во избѣжаніе излишнихъ затрудненій слово „завѣдомо" было вычеркнуто. Лозунгъ къ изданію такого рода обязательныхъ постановленій былъ данъ изъ Петрограда, послѣ роспуска второй Государственной Думы и измѣненія въ непредусмотрѣнномъ основными законами порядкѣ новаго избирательнаго закона.

3 іюня 1907 года была распущена Государственная Дума и въ тотъ же день, а равно и въ ближайшіе дни, на страницахъ офиціальныхъ вѣдомостей обѣихъ столицъ и цѣлаго ряда губернскихъ городовъ появились однообразныя обязательныя постановленія, воспрещавшія всякаго рода оглашенія свѣдѣній, могущихъ вызвать враждебное отношеніе къ правительству.

Даже съ точки зрѣнія положенія объ охранѣ, получившаго въ теченіе ряда десятилѣтій почти повсемѣстное распространеніе въ Россіи, эти обязательныя постановленія представлялись явно незакономѣрными. Въ этомъ отношеніи вмѣсто долгихъ юридическихъ разсужденій достаточно ограничиться отзывами двухъ министровъ внутреннихъ дѣлъ, изъ которыхъ одинъ стоялъ у власти въ первые годы послѣ изданія поло-

женія объ охранѣ, а другой занималъ министерскій постъ въ моментъ изданія интересующихъ насъ обязательныхъ постановленій. Мы говоримъ объ отзывахъ графа Д. А. Толстого и П. А. Столыпина.

Гр. Д. А. Толстой въ своемъ представленіи въ Комитетъ Министровъ отъ 18 октября 1888 года по поводу „преподанія генералъ-губернаторамъ, губернаторамъ и градоначальникамъ общихъ руководящихъ указаній относительно предѣловъ ихъ правъ по изданію обязательныхъ постановленій“ счелъ необходимымъ указать на то, что „нѣкоторые генералъ-губернаторы своими постановленіями не предъявляютъ къ населенію мѣстностей, объявленныхъ на положеніи усиленной охраны, какихъ-нибудь новыхъ, вытекающихъ изъ необходимости охраненія государственнаго порядка, требованій, а въ отмѣну дѣйствующихъ правилъ о подсудности подчиняютъ, предусмотрѣнныя общими законами, правонарушенія административному разсмотрѣнію, съ тѣмъ, очевидно, чтобы виновные были подвергнуты болѣе строгому взысканію“.

Таково было мнѣніе гр. Д. А. Толстого.

„Обязательными постановленіями, — поучалъ извѣстный циркуляръ П. А. Столыпина, разосланный градоначальникамъ и губернаторамъ, — могутъ воспрещаться лишь такія дѣянія, кои не укладываются въ рамки уголовнаго закона“.

Такъ полагалъ П. А. Столыпинъ.

Но это нисколько не помѣшало ему санкціонировать повсемѣстное въ Имперіи изданіе обязательныхъ постановленій, которыя прямо воспроизводили дѣйствующій уголовный законъ и для того именно и были изданы, чтобы изъять дѣло изъ нормальной подсудности въ цѣляхъ усиленія репрессій и упраздненія судебнаго порядка. Административныя репрессіи въ формѣ тысячныхъ штрафовъ, арестовъ и тюремныя заключенія съ новой силой посыпались на „освобожденную“ печать, похоронивъ самую идею, провозглашенную въ указѣ отъ 24 ноября 1905 г., идею упраздненія административнаго воздѣйствія.

VII.

Мы видѣли изъ предыдущаго изложенія, что существующія законоположенія вопреки декларативной части указа отъ 24 ноября 1905 года, сохранили и предварительную цензуру въ замаскированномъ видѣ и административное воздѣйствіе на печать.

Не улучшило положеніе печати и установленіе ея отвѣтственности по суду. Прежде всего эта отвѣтственность при широкомъ развитіи административныхъ воздѣйствій получила лишь характеръ подсобный и альтернативный. Но и самый порядокъ уголовной отвѣтственности по суду не гарантировалъ правового положенія печати не только въ виду несовершенства существующаго судоустройства, но и въ виду гибкости и растяжимости нѣкоторыхъ нормъ дѣйствующаго уголовнаго закона.

Въ ряду этихъ нормъ, получившихъ названіе „каучуковыхъ", на первомъ мѣстѣ должна быть поставлена пресловутая 129 статья новаго уголовнаго Уложенія. Вскользь о ней приходилось говорить и раньше, но здѣсь о ней умѣстно сказать подробнѣе, какъ о нормѣ, всего ярче характеризующей современное правовое положеніе печати. Роковое значеніе для русской печати получили пункты 2 и 6 этой статьи, предусматривающіе распространеніе сочиненія, возбуждающаго а) къ ниспроверженію существующаго въ государствѣ общественнаго строя и б) вражду между отдѣльными частями или классами населенія, между сословіями, между хозяевами и рабочими.

Редакціонная комиссія по составленію новаго уголовнаго Уложенія проектировала вмѣсто термина „ниспроверженіе" другой терминъ—„насильственное разрушеніе".

Послѣдній терминъ гораздо уже и опредѣленнѣе, т. к. предполагаетъ рядъ насильственныхъ мѣръ или дѣйствій Но въ окончательной редакціи былъ сохраненъ неопредѣленный терминъ „ниспроверженіе", который породилъ на практикѣ невѣроятно широкое примѣненіе 129 статьи. Пропаганда опредѣленнаго круга идей была на практикѣ приравнена къ пропагандѣ опредѣленныхъ дѣйствій, и 129 статья сдѣлалась бичомъ русской печати.

Въ первые годы или, точнѣе, мѣсяцы обновленнаго строя судебная практика для состава преступленія считала необходимымъ установленіе цѣли пропаганды, а затѣмъ и этотъ признакъ былъ отброшенъ и статья 129 стала примѣняться къ сочиненіямъ, содержаніе которыхъ представлялось опаснымъ для существующаго строя лишь съ объективной точки зрѣнія.

Эта эволюція въ области судебной практики, за которую русская литература заплатила многими годами тюрьмы и гибелью многихъ изданій, заслуживаетъ болѣе подробнаго разсмотрѣнія.

Въ объяснительной запискѣ къ новому уголовному Уложенію по поводу необходимости установленія цѣли пропаганды находимъ слѣдующія строки:

„По отношенію къ статьѣ 129 требуется, чтобы оглашеніе рѣчи, сочиненія или изображеніе было употреблено какъ средство возбужденія; слѣдовательно, въ каждомъ случаѣ необходимо констатировать, что, произнося извѣстную рѣчь или распространяя извѣстное сочиненіе, виновный не только зналъ о противозаконности содержанія, но именно имѣлъ цѣль возбудить другихъ къ извѣстному дѣйствію, такъ что его дѣятельность является или подготовительною дѣятельностью къ извѣстнаго рода преступленіямъ или проступкамъ, или же подстрекательствомъ къ учиненію таковыхъ".

И судебная практика на первыхъ шагахъ требовала установленія цѣли возбужденія. Этой практикѣ былъ положенъ конецъ рѣшеніемъ Сената по дѣлу профессора Ходскаго, послѣдовавшимъ въ 1906 году. Основныя положенія этого рѣшенія сводятся къ слѣдующему:

„Для состава преступнаго дѣянія, предусмотрѣннаго ст. 129, совершенно безразлично, раздѣлялъ ли виновный убѣжденія, которыя выразились въ распространенномъ имъ или инымъ путемъ оглашенномъ произведеніи мысли, или не раздѣлялъ; достаточно, чтобы налицо были условія знанія виновнымъ и воля по отношенію къ тому, что входитъ въ составъ этого дѣянія, т.-е., чтобы виновный сознавалъ, что онъ публично произноситъ или распространяетъ въ публикѣ сочиненіе, изображеніе или рѣчь и что по содержанію своему эти: рѣчь, сочиненіе или изображеніе возбуждаютъ читателя, слушателя или зрителя къ указаннымъ преступнымъ дѣяніямъ.

„Такъ какъ наступленія какого-либо дальнѣйшаго послѣдствія, независимо отъ воли виновнаго, для состава этого дѣянія не требуется и законъ наказываетъ самое чтеніе, произнесеніе или распространеніе, то виновный, сознавая, что онъ распространяетъ сочиненіе противозаконнаго содержанія, тѣмъ самымъ и желаетъ его учиненія".

Новое истолкованіе 129 статьи, совершенно игнорирующее профессіональные интересы издателей, вызвало оживленный обмѣнъ мнѣній на первомъ всероссійскомъ съѣздѣ книгопродавцевъ и издателей.

Автору этихъ строкъ пришлось выступить съ рѣчью, въ которой были очерчены измѣненія, внесенныя сенатскимъ рѣшеніемъ въ положеніе издательскаго дѣла. Рѣчь эта въ стенографической записи помѣщена въ трудахъ Съѣзда. Приводимъ часть этой рѣчи, являющуюся дополненіемъ къ вышеприведеннымъ доводамъ:

„Рѣшеніе Сената по дѣлу Ходскаго, на которомъ строятся всѣ наши судебныя дѣла, есть гибель книгопродавческаго и книгоиздательскаго дѣла,

ибо, гг. издатели и книготорговцы, васъ никакія политическія убѣжденія и никакія заслуги передъ отечествомъ не избавятъ отъ скамьи подсудимыхъ при такомъ положеніи вещей. Съ точки зрѣнія Сената, если бы докторъ Дубровинъ въ „Русскомъ Знамени“ помѣстилъ манифестъ Совѣта Рабочихъ Депутатовъ, и если бы онъ тутъ же предалъ этотъ совѣтъ анаѳемѣ, онъ будетъ отвѣчать по 129 статьѣ, ибо самое содержаніе манифеста преступно. Недавно на страницахъ „Права“ былъ приведенъ очень яркій случай. Сенаторъ Змирловъ напечаталъ въ „Журналѣ Министерства Юстиціи“ статью, въ которой разбираются причины желѣзнодорожныхъ забастовокъ. Онъ цитируетъ постановленія Желѣзнодорожнаго Союза, призывающія къ вооруженному возстанію. Мы можемъ сказать: „Г-нъ Змирловъ, пожалуйте на скамью подсудимыхъ. Правда, вы выступаете противъ этихъ резолюцій, вы говорите, что онѣ нелѣпы, но вы ихъ привели, а съ точки зрѣнія сенатскаго рѣшенія по дѣлу Ходскаго, разъ вы сознавали, что содержаніе ихъ преступно, то совершенно безразлично, съ какой цѣлью вы ихъ распространяли и какихъ вы держитесь убѣжденій“. Конечно, сенатору Змирлову серьезная опасность не угрожаетъ, но если бы это написалъ какой-нибудь провинціальный обозрѣватель, то ему годикъ, навѣрное, пришлось бы отсидѣть въ крѣпости.

„Если я, издатель или книготорговецъ, соблюлъ всѣ указанныя формальныя требованія, то *вы докажите,* что я распространялъ съ цѣлью пропаганды, а доколѣ вы не докажете, я — только исполнитель своихъ обязанностей, я — только профессіональный дѣятель, и ни о какомъ обвиненіи не можетъ быть и рѣчи.

„В. К. Плеве въ 1904 году создалъ особый порядокъ судопроизводства для политическихъ и литературныхъ дѣлъ. Особая подсудность была поставлена въ зависимость отъ рѣшенія вопроса о наличіи политическихъ побужденій.

„Въ самомъ дѣлѣ, желѣзнодорожная забастовка можетъ имѣть въ виду противодѣйствіе правительству, а также и простое достиженіе экономической цѣли. Сенатъ считался съ этой точкой зрѣнія и каждый разъ, когда судебныя палаты по дѣламъ о желѣзнодорожныхъ забастовкахъ выносили обвинительные приговоры, онъ отмѣнялъ ихъ и говорилъ: „пожалуйста, укажите политическіе мотивы“. Такъ было по отношенію къ 125 статьѣ, подъ которую практика подводила желѣзнодорожныя забастовки до изданія спеціальнаго закона, а по отношенію къ 129-й статьѣ Сенатъ объ этомъ забылъ. Вѣдь законъ говоритъ, что

если налицо не политическіе мотивы, тогда даже и порядокъ судопроизводства долженъ быть совершенно иной и объ отвѣтственности по 129 статьѣ не можетъ быть и рѣчи. Такъ полагалъ даже Плеве. Между тѣмъ теперь все упростилось. Когда книгопродавецъ говоритъ, что онъ продавалъ книгу, имѣя въ виду коммерческія соображенія, говоритъ, что онъ 20—30 лѣтъ ведетъ торговлю и этимъ дѣломъ занимается—его приравниваютъ къ агитатору и сажаютъ на скамью подсудимыхъ. 30 лѣтъ человѣкъ велъ книгоиздательское дѣло, пережилъ предварительную цензуру, а съ введеніемъ конституціи, свободы печати, попадаетъ въ крѣпость".

Намъ уже приходилось отмѣчать разницу въ положеніи издателей въ дореформенное и въ настоящее время. Старое Уложеніе о наказаніяхъ и дореформенный порядокъ считались съ профессіональнымъ положеніемъ издателя, между тѣмъ, какъ новое уголовное Уложеніе и теперешній порядокъ вещей его совершенно игнорируютъ. Любопытно сдѣлать одно сопоставленіе, которое, насколько намъ извѣстно, ни разу не было сдѣлано на страницахъ печати, не исключая спеціальной.

Въ Уложеніи о наказаніяхъ, при дѣйствіи стараго цензурнаго Устава существовала 1037 статья, которая гласила слѣдующее: „За прямое оспариваніе или порицаніе въ печатныхъ изданіяхъ началъ собственности и семейнаго союза, съ намѣреніемъ разрушить или ослабить ихъ основы, хотя бы при томъ не было возбужденія къ совершенію преступленія, виновный подвергается"... аресту или штрафу.

Эта статья какъ разъ и была отмѣнена 12-мъ пунктомъ указа отъ 24 ноября 1905 года.

Какого рода преступленіе предусматривала эта статья? Начала собственности и семейнаго союза и являются основами того „общественнаго строя", который охраняетъ 129 статья.

Старый законъ различалъ оспариваніе и порицаніе этихъ началъ съ намѣреніемъ разрушить или ослабить ихъ, отъ „возбужденія къ преступленію", т.-е. къ опредѣленнымъ преступнымъ дѣйствіямъ, и за первое дѣяніе назначалъ сравнительно ничтожное наказаніе.

Указъ 24 ноября 1905 года былъ изданъ въ цѣляхъ облегченія положенія печати, въ цѣляхъ расширенія свободы слова и потому именно и отмѣнилъ 1037 статью. Съ отмѣной этой статьи оспариваніе и порицаніе существующихъ основъ общественнаго строя, даже съ намѣреніемъ ихъ разрушить или ослабить, но безъ призыва къ преступнымъ дѣйствіямъ, перестало быть уголовно наказуемыхъ дѣяніемъ.

Такова логика вещей, таковъ прямой и истинный смыслъ дѣйствующаго закона, а между тѣмъ, судебная практика, основываясь на рѣшеніи Сената по дѣлу Ходскаго, возвела всѣ соціалистическія разсужденія на степень тяжкаго преступленія, облагаемаго въ видѣ нормальнаго наказанія ссылкой на поселеніе. Таково было то своеобразное „облегченіе“, которое получила печать на практикѣ.

Въ видѣ иллюстраціи къ вышеприведеннымъ положеніямъ представляется умѣстнымъ напомнить о тѣхъ судебныхъ преслѣдованіяхъ, которымъ подвергся И. Д. Сытинъ, съ юбилеемъ котораго связано изданіе настоящаго сборника.

Въ теченіе сорока лѣтъ издательской дѣятельности въ дореформенное время И. Д. Сытинъ испыталъ на себѣ дѣйствіе всѣхъ орудій цензурнаго гнета, но былъ избавленъ отъ скамьи подсудимыхъ. Съ провозглашеніемъ свободы печати и эта чаша не миновала его: и ему нѣсколько разъ приходилось являться передъ палатой съ сословными представителями въ качествѣ обвиняемаго въ преступленіяхъ, предусмотрѣнныхъ 2 и 6 пунктами 129 статьи.

Въ 1905 году издательство Т-ва И. Д. Сытина выпустило въ свѣтъ брошюру подъ названіемъ „Религіозно-общественная библіотека, серія 2-я, для народа. А. В. Ельчаниновъ. О самоуправленіи“.

Въ брошюрѣ говорилось о необходимости самодѣятельности на мѣстахъ, пока лучшіе люди „будутъ добиваться въ Государственной Думѣ хорошихъ законовъ“, о возможности сдѣлать жизнь крестьянъ „болѣе справедливой и безбѣдной“.

Слова „для народа“, значившіяся въ заголовкѣ брошюры, привлекли вниманіе цензурнаго вѣдомства, которое усмотрѣло въ ней всѣ признаки „возбужденія къ ниспроверженію существующаго общественнаго строя“ и И. Д. Сытинъ оказался на скамьѣ подсудимыхъ.

Другая брошюра изъ той же серіи подъ названіемъ „Что нужно крестьянину?“ послужила поводомъ къ привлеченію И. Д. Сытина по той же 129 статьи вмѣстѣ съ лицомъ, редактировавшимъ эту брошюру, молодымъ ученымъ Московскаго университета В. Ф. Эрномъ.

Такъ какъ въ этой брошюрѣ проводилась идея уравнительнаго землепользованія, то обвинительная власть усмотрѣла призывъ къ ниспроверженію существующаго строя.

Особенно заслуживаетъ быть отмѣченнымъ третій судебный процессъ И. Д. Сытина. Поводомъ для возбужденія обвиненія противъ И. Д. Сытина послужили слѣдующія обстоятельства: Товариществомъ

И. Д. Сытина былъ изданъ „Полный словарь иностранныхъ словъ, вошедшихъ въ употребленіе въ русскомъ языкѣ“.

Словарь былъ снабженъ дополненіемъ подъ заглавіемъ „Современный общественно-политическій и экономическій словарь“, содержавшимъ въ себѣ объясненіе терминовъ, вошедшихъ въ употребленіе въ теченіе 1905—1907 годовъ. Здѣсь были такіе „страшныя“ слова, какъ соціалъ-демократическая партія“, „диктатура пролетаріата“, „капитализмъ“ и т. д. Объясненія этихъ словъ, составлявшихъ ничтожную часть въ огромной массѣ обыкновенныхъ иностранныхъ словъ, давались въ дидактическомъ тонѣ, но это не спасло словаря отъ ареста, а лицъ, причастныхъ къ изданію, отъ скамьи подсудимыхъ.

На этотъ разъ И. Д. Сытину пришлось раздѣлить скамью подсудимыхъ не только съ авторомъ словаря П. Г. Сѣнниковскимъ, но и редакторомъ Н. В. Тулуповымъ.

Если въ первыхъ двухъ случаяхъ дѣло кончилось сравнительно благополучно и были уничтожены только брошюры, а люди не пострадали, то на этотъ разъ дѣло не обошлось, такъ сказать, безъ человѣческой жертвы. И. Д. Сытинъ и Н. В. Тулуповъ были оправданы, но авторъ Сѣнниковскій былъ приговоренъ къ году крѣпости. Злополучное дополненіе къ словарю было уничтожено.

Въ четвертый разъ И. Д. Сытина судили по 129 статьѣ за изданіе сборника „Ежегодникъ внѣшкольнаго образованія“. Эта книга представляла собою собраніе всякаго рода свѣдѣній, касающихся учительскаго быта, начиная отъ законовъ и министерскихъ циркуляровъ и кончая резолюціями учительскихъ съѣздовъ. Такъ какъ на одномъ изъ этихъ съѣздовъ 1905 года была принята резолюція о необходимости созыва учредительнаго собранія, сборникъ подвергся аресту, а издатель попалъ на скамью подсудимыхъ.

Во всѣхъ этихъ процессахъ передъ судомъ былъ поставленъ вопросъ: можетъ ли человѣкъ, стоящій во главѣ огромной издательской фирмы, считаться отвѣтственнымъ за содержаніе каждой издаваемой книги, укладывается ли возможность читать всѣ свои изданія въ предѣлы человѣческой жизни?

Во всѣхъ трехъ случаяхъ судебная палата вынесла И. Д. Сытину оправдательный приговоръ — по „недоказанности совершенія имъ преступленія“. Такъ какъ въ настоящее время приговоры особыхъ присутствій судебной палаты не мотивируются, то мы не можемъ знать, какія соображенія привели судебную палату къ ея рѣшенію. Но мы знаемъ,

что отдѣльные члены присутствія оставались при особомъ мнѣніи и признавали необходимымъ осужденіе И. Д. Сытина, что и было отмѣчено на вопросномъ листѣ.

Къ счастью, эти особыя мнѣнія оказались въ меньшинствѣ, но будь иначе — нашему юбиляру пришлось бы поплатиться за освобожденіе печати долголѣтнимъ лишеніемъ свободы.

Во всякомъ случаѣ всѣ тяжкія тревоги, связанныя со стадіей предварительнаго слѣдствія, и часами ожиданія приговора суда юбиляру пришлось пережить.

Не суждено было юбиляру избѣжать и отвѣтственности и по 132 статьѣ за изданіе не получившей распространенія брошюры „Проснитесь, архипастыри". Его судили въ коронномъ составѣ палаты, и оправдательный приговоръ былъ вынесенъ большинствомъ двухъ голосовъ противъ голоса предсѣдателя, который въ особомъ мотивированномъ мнѣніи требовалъ наказанія И. Д. Сытина. Этотъ предсѣдатель, кстати сказать, впослѣдствіи занялъ высокій постъ по Министерству Внутреннихъ Дѣлъ.

Не миновала И. Д. Сытина и „каучуковая" 1034 статья: его судили за изданіе книги А. Амфитеатрова „Фантастическія правды", посвященной описанію усмиренія революціоннаго движенія 1905 года.

Судили И. Д. Сытина и по 1033 статьѣ Уложенія о наказаніяхъ. Объ этой статьѣ раньше намъ не приходилось упоминать, и мы здѣсь скажемъ о ней два слова.

Эта статья имѣетъ въ виду исключительно издателя и угрожаетъ ему уголовной карой за несвоевременное помѣщеніе опроверженій. Бывали случаи, когда отдѣльные администраторы посылали „опроверженія" совершенно истинныхъ сообщеній и требовали ихъ помѣщенія по телеграфу, не давъ даже себѣ труда удостовѣрить свою подпись. Дѣла этого рода окончились для И. Д. Сытина оправданіемъ.

Мы въ сущности закончили очеркъ современнаго правового положенія издательскаго дѣла. Остается упомянуть о правѣ суда при назначеніи наказанія уничтожить и самую книгу, закрыть типографію и пріостановить и даже вовсе воспретить выходъ въ свѣтъ періодическаго изданія.

О формѣ суда для важнѣйшихъ преступленій печати, о судебной палатѣ съ участіемъ сословныхъ представителей, мы говорить не станемъ, ибо трудно прибавить, что-либо новое къ тѣмъ указаніямъ на несовершенство этой формы, которыя были сдѣланы въ Государственной Думѣ

и Государственномъ Совѣтѣ и даже въ офиціальныхъ представленіяхъ Министерства Юстиціи.

Сочетаніе административныхъ каръ и судебныхъ скорпіоновъ, система предварительныхъ арестовъ, уничтоженіе книгъ и порядокъ объективнаго процесса — всего этого показалось, однако, недостаточнымъ людямъ, которые стояли у кормила правленія въ послѣдніе годы.

Пресловутый законопроектъ о печати, выработанный министерствомъ Н. А. Маклакова, долженъ былъ завершить дѣло „освобожденія" печати. Проектъ этотъ открыто возстановлялъ цензуру въ формѣ контрольныхъ сроковъ и воскрешалъ систему залоговъ въ формѣ внесенія предварительнаго обезпеченія будущихъ взысканій въ огромныхъ суммахъ. Но, не довольствуясь дореформенными мѣрами воздѣйствія на печать, законопроектъ вводилъ неизвѣстную въ дореформенное время систему дополнительныхъ денежныхъ взысканій сверхъ личнаго наказанія, съ перенесеніемъ этой отвѣтственности съ редакторовъ на издателя, съ завѣдующаго типографіей на владѣльца, съ упраздненіемъ по отношенію къ этимъ взысканіямъ закона о совокупности и введеніемъ такъ называемаго безспорнаго порядка истребованія штрафныхъ суммъ.

Наконецъ, проектъ для преступленій печати отмѣнялъ апелляціонный порядокъ производства, считая достаточнымъ приговоръ первой инстанціи, который долженъ былъ почитаться окончательнымъ.

Не станемъ подробнѣе останавливаться на этомъ проектѣ. Будемъ вѣрить, что онъ навѣки похороненъ въ архивахъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ.

Но въ какой мѣрѣ тенденціи, которыми проникнутъ этотъ проектъ, являются характерными для перваго десятилѣтія послѣ провозглашенія свободы печати!

Съ другой стороны, не свидѣтельствуетъ ли этотъ проектъ о безсиліи власти въ дѣлѣ борьбы съ свободнымъ словомъ?

Если орудія, которыя реакція изобрѣтала и выковывала противъ печати въ теченіе десятилѣтій, оказались недостаточными, то не говоритъ ли это о силѣ свободнаго слова?

Когда потребность въ свободной печати проникаетъ глубоко въ общественное сознаніе, въ широкіе круги народа, свободное слово оказывается, дѣйствительно, непобѣдимымъ.

С. Варшавский

МЫСЛИ О КНИГѢ

Х. АЛЧЕВСКАЯ.

Для читателя — простолюдина не слѣдуетъ сочинять тщательно какія то особенныя книгопонятія, такъ какъ онъ получитъ во всякое прекрасное, таланливое въ нашей обуси литературѣ

Х. Алчевская

М. БЕРНАЦКІЙ.

Въ Россіи много говорятъ о необходимости мощнаго „развитія производительныхъ силъ“, которое должно залѣчить раны, нанесенныя народному хозяйству войной, и обезпечить великой странѣ великое будущее. Дѣйствительно, безъ надлежащаго разрѣшенія этой задачи намъ грозитъ экономическое и общественно-моральное банкротство. Главнѣйшая „производительная сила“—народъ. Развить его богатыя способности можетъ только знаніе. Лучшее орудіе для этой работы—хорошая книга. Кто трудится на этомъ почетномъ поприщѣ—созданія хорошей книги для народа, тотъ заслуживаетъ горячей общественной благодарности. Иванъ Дмитріевичъ Сытинъ долгіе годы работалъ на пользу народную и можетъ по праву сказать, что имъ много сдѣлано для „развитія производительныхъ силъ Россіи“. Поэтому юбилейное торжество И. Д. Сытина носитъ не только личный, но и общественный характеръ.

М. Бернацкій.

И. БОДУЭНЪ-де-КУРТЕНЭ.

Въ человѣчествѣ, т.-е. въ среднемъ человѣкѣ, гораздо болѣе зла и глупости, нежели добра и ума. На книжномъ рынкѣ появляется гораздо болѣе изданій глупыхъ и, ежели не прямо вредныхъ, то, по крайней мѣрѣ, безполезныхъ, нежели умныхъ и полезныхъ. Спасибо тому, кто въ книжномъ мірѣ способствовалъ, по мѣрѣ силъ и возможности, низведенію зла, мрака и глупости до минимума и распространенію добра, мудрости и свѣта.

И. Бодуэн-де-Куртенэ

Н. ТЕСЛЕНКО.

Будущій историкъ скажетъ: „Конецъ XIX и начало XX вѣка въ восточной Европѣ ознаменовались ожесточенной борьбой противъ книгопечатанія, но успѣху этой борьбы въ значительной мѣрѣ помѣшалъ московскій издатель и типографъ И. Д. Сытинъ. Книгопечатаніе въ концѣ концовъ, къ стыду своихъ враговъ, восторжествовало“.

Н. В. Тесленко.

(Изъ защитительной рѣчи по обвиненію И. Д. Сытина по 129 ст. угол. Улож.).

И. БѢЛОУСОВЪ.

(Къ Т. Г. Шевченка.)

Учитеся и любите
Слово вы живое,
Но чужому надыть,
Помните родное!...

И. Бѣлоусовъ

Д. ВАРАПАЕВЪ.

Книга имѣетъ большое воспитательное значеніе, и поэтому широкое распространеніе въ народѣ доступныхъ книгъ соотвѣтствующаго содержанія необходимо. Но наравнѣ съ содержаніемъ книги слѣдуетъ обращать должное вниманіе и на ея внѣшность. Внѣшность книги, ея иллюстраціи, также имѣютъ крупное значеніе, развивая вкусъ читающихъ. За границей, гдѣ графика достигла высокаго совершенства, давно уже существуютъ цѣлые кадры искусныхъ и опытныхъ иллюстраторовъ. Достаточно вспомнить имена Дорэ, Байяра, Стейнлена, Бердслея, Миннэ, Веренскіольда, Дудлея, создавшихъ рядъ высоко-художественныхъ иллюстрацій ко многимъ литературнымъ произведеніямъ. Интересъ къ графикѣ быстро растетъ, и въ Россіи уже появляются книги тщательно изданныя, въ художественныхъ обложкахъ, украшенныя заставками, виньетками и концовками. Задача крупныхъ издательствъ—содѣйствовать развитію отечественнаго графическаго искусства, удѣляя значительную долю вниманія внѣшности своихъ изданій. Это можетъ привести со временемъ къ появленію и въ Россіи такихъ же превосходныхъ художниковъ-иллюстраторовъ, какихъ мы видимъ теперь за границей.

Д. Варапаевъ

В. ВАХТЕРОВЪ.

Если взять все, что значили для меня школа, знакомые, кружки, то все эти внѣшнія, взятыя вообще, значили для меня меньше, чѣмъ книги, которыя я прочелъ

В. Вахтеровъ

Э. ВАХТЕРОВА.

Въ повѣсти Горькаго „Мать“ мнѣ вспоминается Рыбинъ, „темный и сильный“, какъ называетъ его авторъ. Человѣкъ деревни, онъ временно оторвался отъ нея, а когда вернулся, то ужаснулся ея тьмы, ея голода, ея кошмарной безправной жизни. Захотѣлось бѣжать, но онъ „преоборолъ себя“ и остался. Остался и во весь голосъ крикнулъ отъ лица этой деревни: „Давай помощь мнѣ! Давай огня! Книгъ давай, да такихъ, чтобы человѣкъ, прочитавъ ихъ, покоя себѣ найти не могъ. Ежа ему подъ черепъ посадить надо, ежа колючаго! Скажи своимъ городскимъ, которые для васъ книги пишутъ,—для деревни писали бы!“— Сытинъ услыхалъ этотъ голосъ деревни и много сдѣлалъ для нея. Но надо сдѣлать еще гораздо больше. Хочется пожелать этой работѣ прежней энергіи и большей свободы.

Э. Вахтерова

Л. ВОЛЬФЪ.

Прессу принято называть седьмой великой державой.

Но не имѣетъ ли точно такъ же права на титулъ великой державы — книга.

Ея значеніе, ея вліяніе, если не болѣе, то, во всякомъ случаѣ, неменѣе значительны, чѣмъ вліяніе и значеніе прессы.

И создатели этой великой державы заслуживаютъ особенной признательности и уваженія со стороны общества.

Участникъ и видный дѣятель въ области державы-прессы, какъ основатель и издатель одной изъ самыхъ распространенныхъ газетъ, Иванъ Дмитріевичъ Сытинъ является не менѣе виднымъ дѣятелемъ въ державѣ-книгѣ. И среди сановниковъ этой державы ему принадлежитъ одно изъ самыхъ видныхъ и почетныхъ мѣстъ.

Насколько трудно добиться у насъ, въ Россіи, такого почетнаго положенія, это въ полной мѣрѣ могутъ судить лишь соратники юбиляра по книжному дѣлу.

Л. Вольфъ.

Ю. ГОЛЬДЕНШТЕЙНЪ.

Къ дѣтямъ или вовсе не подходи или подходи съ душою. Въ дѣтской литературѣ такъ много ума и такъ мало чувства и дарованія... Книга-воспитательница — вотъ пробѣлъ въ нашей дѣтской литературѣ... Желательно было бы, чтобы наши видныя литературныя силы открыли свой умъ и душу ребенку и заполнили бы этотъ пробѣлъ произведеніями, не только развивающими ребенка интеллектуально, но и облагораживающими его сердце и возвышающими его душу.

Ю. Гольденштейнъ

Д-ръ В. ВОРОБЬЕВЪ.

Mens sana in corpore sano — и у отдѣльныхъ лицъ и въ цѣлой странѣ!

Распространеніе гигіэническихъ знаній въ широкихъ слояхъ населенія есть необходимое условіе для развитія здороваго, сильнаго духомъ, могущественнаго народа.

Dr В Воробьевъ

Н. ВТОРОВЪ.

Одной изъ важнѣйшихъ задачъ книжнаго дѣла въ Россіи должно быть изданіе курсовъ, руководствъ, учебниковъ и справочныхъ книгъ по всѣмъ отраслямъ прикладныхъ знаній, такъ какъ жизнь указываетъ, что уровень техническихъ знаній слѣдуетъ привести въ соотвѣтствіе съ природными богатствами нашей родины.

Н. Второвъ

Вл. ГИЛЯРОВСКІЙ.

Народъ былъ слѣпъ. Вѣка
въ потемкахъ,
Таясь, безсмысленно блу-
ждалъ,
Ни о себѣ ни о потомкахъ
Не думалъ, ничего не ждалъ.
Несла грошевыя листовки
Рать неустанныхъ книго-
ношъ:
Вотъ „Ерусланъ", „Гуакъ"...
Головки!..
А ужъ какъ „Муромецъ"
хорошъ!
Читалъ народъ съ лицомъ
веселымъ
Про Ерусланови дѣла,
А по деревнямъ и по селамъ
Охота къ чтенію росла.
Въ народъ проникла жажда знанья,
Вниманье книга привлекла...
Починъ — лубочныя изданья,
Вѣнецъ — великія дѣла!

Вл. Гиляровскій.

Д-ръ В. ИГНАТЬЕВЪ. * * *

Книга, проникающая въ самые темные углы, освѣщаетъ свѣтомъ знанія убогую жизнь рядового труженика. Предпріятіе, избравшее своею задачею изданіе книгъ для удовлетворенія просвѣтительныхъ нуждъ населенія, заслуживаетъ самаго доброжелательнаго и лучшаго къ себѣ отношенія. Наша родина — огромное крестьянское государство, и если изъ народа выходитъ сѣятель просвѣщенія, то онъ выполняетъ передъ нею свой гражданскій долгъ.

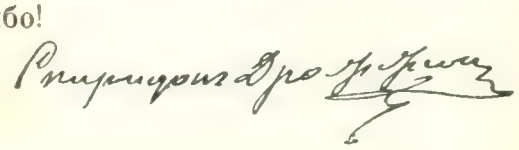
Д-ръ В. Игнатьевъ

С. ДРОЖЖИНЪ.

Послѣ достопамятнаго манифеста императора Александра II, нашего Царя - Освободителя, 19 февраля 1861 года, хлынула и волна народнаго освобожденія, которая одинаково захлестнула и высшіе и низшіе классы русскаго народа, и повела его по пути просвѣщенія. Съ той поры оживились наша литература и журналистика, привѣтствуя зарю лучшей сознательной жизни. Правительство и общество стали заботиться объ открытіи въ городахъ и селахъ какъ высшихъ, такъ и низшихъ учебныхъ заведеній, учительскихъ семинарій, воскресныхъ школъ и школъ грамотности. Въ то же время стала увеличиваться потребность въ книгѣ, и въ особенности въ удешевленной книгѣ для всеобщаго и народнаго чтенія.

Вотъ въ такое время и пришелъ на помощь ея быстраго распространенія нашъ славный юбиляръ Иванъ Дмитріевичъ Сытинъ. Онъ первый вмѣстѣ съ книгоиздательской фирмой „Посредникъ“ сталъ давать на книжный рынокъ вытѣсняющую разныхъ „Ерусланов“ и „Битвъ съ кабардинцами“ книгу народу, сѣющую въ его тайникъ души все „доброе, разумное и вѣчное“. Да продлится же по примѣру Ивана Дмитріевича такая полезная дѣятельность еще многіе и многіе годы всѣхъ людей, своей книгой разсѣивающихъ мракъ народный и весь народъ приближающихъ къ свѣтлой свободѣ, взаимной любви, и братской трудовой жизни. На этой почвѣ за пятьдесятъ лѣтъ книгоиздательство Ивана Дмитріевича принесло неисчислимую пользу, въ особенности для всего грамотнаго трудового народа и крестьянства.

День, въ который мы собираемся отпраздновать и достойно почтить пятидесятилѣтній юбилей Ивана Дмитріевича, поистинѣ можно назвать праздникомъ „народнаго просвѣщенія“. Такъ принесемъ же юбиляру за все имъ для насъ содѣянное нашу глубокую признательность и наше великое крестьянское спасибо!



ОРУЖІЕ.

(Быль).

Ф. КОРШЪ.

Война застала городскую учительницу Елизавету Ивановну В. въ одномъ изъ маленькихъ германскихъ городковъ, куда она поѣхала отдохнуть и попрактиковаться въ нѣмецкомъ языкѣ.

Мирно и тихо текла ея жизнь, и ничто не предвѣщало надвигавшейся грозы; днемъ она совершала экскурсіи, вечерами, обложенная привезенными учебниками (большинство изданія И. Д. Сытина) готовилась къ предстоящему учебному году въ Россіи.

Отношенія къ ней мѣстныхъ обывателей (нѣмцы умѣютъ уважать тружениковъ на нивѣ народнаго просвѣщенія) были не только корректны, но и въ высшей степени благожелательны. Іюль подходилъ къ концу, она начала уже собираться домой, какъ вдругъ все круто перемѣнилось: патріархальный городокъ заволновался, слухи, одни тревожнѣе другихъ, носились въ воздухѣ, начались военныя манифестаціи съ неизбѣжными пѣснями о великой Германіи, потянулись воинскіе поѣзда; отъ нея, какъ отъ зачумленной, стали демонстративно отворачиваться, избѣгать встрѣчъ и разговоровъ. Встревоженная бросилась она въ сосѣдній большой городъ, гдѣ въ одномъ изъ банковъ у ней былъ кредитикъ, чтобы получить деньги и уѣхать какъ можно скорѣй, но тамъ ей заявили, что кредитикъ больше не дѣйствителенъ, и въ выдачѣ денегъ отказали. Нѣмецкія всѣ вышли, знакомыхъ—ни души, выѣхать не на что. Грянулъ громъ, война объявлена, — и дѣвушка очутилась военноплѣнной, безъ гроша въ карманѣ.

Къ счастью, ей попалась сердобольная хозяйка квартиры, — на улицу ее она не выкинула, но поспѣшила заявить въ полицію, что у нея проживаетъ „врагъ“. И вотъ на этого „врага“ была устроена облава. Въ одно прескверное утро въ дверь ея комнаты раздался оглушительный стукъ и окрикъ: „Именемъ закона отворите!“ Появившійся полицейскій комиссаръ, въ сопровожденіи военнаго патруля, грубо отчеканилъ: „Ваша фамилія и профессія? Если у васъ есть оружіе,—лучше выдайте добровольно“. Полуодѣтая, возмущенная такимъ грубымъ вторженіемъ, наша соотечественница, однако, не растерялась и негодующимъ тономъ отвѣтила: „Я московская городская учительница В., а оружіе... да, есть... вотъ оно—мое оружіе“ и указала на столъ съ книгами. Бросились вояки къ письменному столу, перерыли все и остановились въ недоумѣніи. Озлился полицейскій: „Вы это что же? Смѣетесь надъ нами?!“—„И не думаю: мое оружіе—книги, несущія въ міръ свѣтъ, знаніе и любовь къ ближнему“.—Тутъ она не выдержала и разрыдалась. Смутился германецъ, въ лицѣ у него что-то дрогнуло, но все-таки, желая, очевидно, соблюсти свой престижъ, онъ забралъ книги, а ей приказалъ, когда одѣнется, явиться въ комиссаріатъ.

Придя туда, она застала его уже одного и была поражена происшедшей съ нимъ метаморфозой: встрѣтилъ онъ ее привѣтливо, даже участливо, разспросилъ объ ея положеніи и, узнавъ, что ей грозитъ чуть не голодная смерть, нашелъ ей заработокъ, хлопоталъ о скорѣйшемъ освобожденіи ея изъ плѣна, указавъ, что нужно для этого дѣлать, и, конечно, въ первое же свиданіе вернулъ ей ея смертоносное оружіе во всей его неприкосновенности. Такъ беззащитная женщина, одна, затерянная въ глубинѣ вражеской страны, побѣдила жестокое сердце германца, и какимъ оружіемъ? Учебникомъ.

Честь и хвала мастеру, это благородное и непобѣдимое оружіе выковывающему!

Федоръ Корнитъ

П. ЛИДОВЪ.

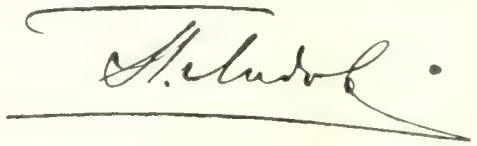
Цѣль жизни человѣка, все напряженіе его воли, величайшія усилія ума и таланта направлены къ одному — познанію и постиженію невѣдомыхъ и таинственныхъ страницъ Книги Жизни. Печатное слово, перебрасывающее мысль человѣка во всѣ концы вселенной, одно изъ величайшихъ достиженій на пути исканія разгадки бытія.

Читая книгу, въ которой запечатлѣлись завоеванія человѣческаго генія, человѣкъ медленно, но неуклонно, постигаетъ и страницы Великой Книги. Посвятившій себя служенію книгѣ, дающій жизнь милліонамъ печатныхъ страницъ, гдѣ таятся сѣмена культуры, творитъ большое и почетное дѣло!

Среди терніевъ русскаго издательства, страдавшаго и отъ цензорскаго карандаша, присвоившаго себѣ безапелляціонное право рѣшать, какія страницы Таинственной Книги должны остаться закрытыми отъ русскаго читателя, и испытавшаго гнетъ исключительныхъ судовъ,—русская книга все же завоевала себѣ почетное мѣсто.

И велика и безспорна заслуга того, кто вложилъ свои силы въ дѣло созданія книги, кто стремился приблизить человѣческую мысль къ широкимъ массамъ. Огромный размахъ издательской дѣятельности такихъ

предпріятій, какъ созданное юбиляромъ, даетъ надежду на появленіе въ Россіи рядомъ съ общедоступными, популярными изданіями и такихъ, которыя, требуя большихъ затратъ и будучи доступны лишь ограниченнымъ слоямъ населенія, появляются пока лишь въ крайне ограниченномъ числѣ, главнымъ образомъ, изъ-за границы, на иноземныхъ языкахъ, и затрудняютъ пользованіе ими широкимъ кругамъ народа. Приблизить общечеловѣческую культуру, связать Россію съ Европой, слить русскую мысль съ западной—это задача, стоящая передъ русскимъ книгоиздательствомъ на ряду съ популяризаціей книги, приближеніемъ ея къ народу.



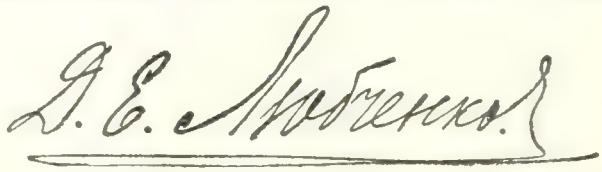
Д. ЛЮБЧЕНКО.

„Дайте хоть старый букварикъ почитать!..“ Эти слова намъ приходилось часто слышать отъ дѣтей и подростковъ въ школахъ. Учительница съ болью въ сердцѣ должна была отказывать имъ, ибо въ шкапу не было книгъ.

Во время нашего объѣзда школъ, зимою — во время стужи—мы видѣли, какъ дѣти шли гуськомъ по занесенной снѣгомъ дорогѣ за нѣсколько верстъ въ школу, чтобы раздобыть книжечку. Плохонькая одежонка, морозъ и вьюга не пугали ихъ и не останавливали.

И съ какой радостью они прятали полученную ими книгу! Шумно и весело, ночью уже, они возвращались домой. Полученная книжка прочитывалась ими до конца. Потомъ она переходила къ сосѣду...

Сколько свѣта и радости вносила взятая ими книга въ ихъ сѣрую будничную жизнь!.. Какъ мало просили они, и какъ это „малое“ трудно было имъ дать...



Архимандритъ МИХАИЛЪ.

Учите знаніе собирайте житіи
цы блага и добра, ибо знаніем
правдою и любовью великъ
человѣкъ

Архимандритъ
Михаилъ.

Н. МОРОЗОВЪ.

Книга это — волшебница. Книга преобразила міръ. Въ ней память человѣческаго рода, она рупоръ человѣческой мысли. Міръ безъ книги — міръ дикарей и, можетъ-быть, міръ людоѣдовъ.

И человѣчество всегда было справедливо къ книгѣ. Во всѣ времена и у всѣхъ народовъ литературная дѣятельность считалась самымъ почетнымъ родомъ труда.

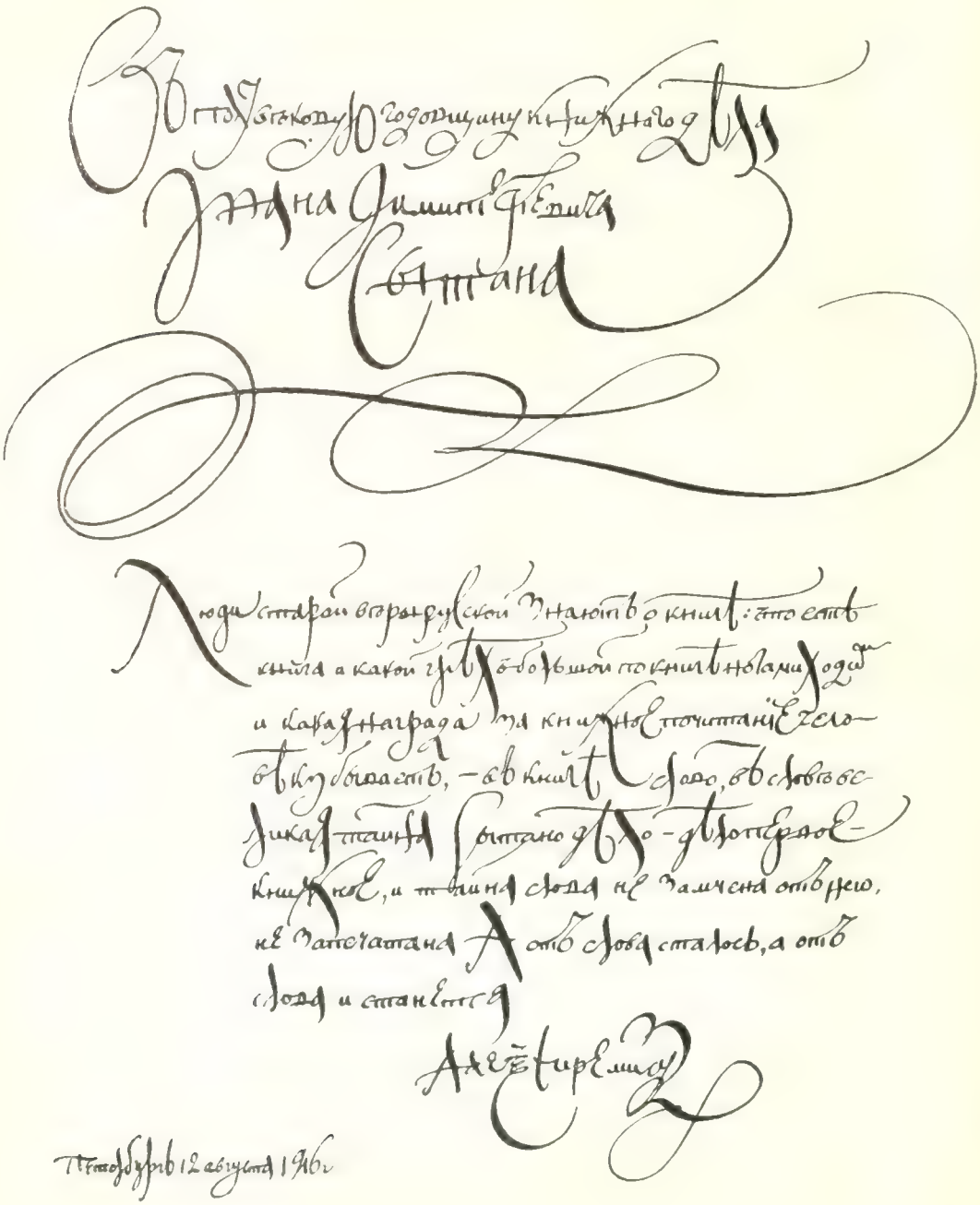
И такъ будетъ до тѣхъ поръ, пока мыслящее человѣчество существуетъ на землѣ.

Николай Морозов

Г. ПЕТРОВЪ.

Книга является полнотою сказки о Кроч-самолетъ, которая ея уносить полетно и в волшебную страну изобилующую медовъ, и в чудную Тысячелетнюю Орду, на шедра Ислама и на дно океановъ, в тайны всей природы. Г. Петровъ

А. РЕМИЗОВЪ.


Люди старой вѣры русской знаютъ о книгѣ: что есть
книга а какой грѣхъ обрѣвшей по книгѣ новами годы
и какая награда за книжное почитаніе
Алексѣй Ремизовъ
Петербургъ 12 августа 1916г

Н. РЕРИХЪ.

Если замолкнетъ слово,
затемнѣютъ буквы, но украшенія
книгъ вѣстники разскажутъ
объ искусствѣ народа, о чудѣ,
о мудрой мысли.

Принесъ самоцвѣтовъ,
понесъ листы и книги по домамъ
и по селамъ. Не ожидая, понесъ
самъ. Узрите, узнайте, учитесь.

Услышатъ зовъ тѣмные.
Прилетятъ къ просвѣтленнымъ
вѣстники тремя великими радостями.
И просвѣтятъ души.

Подвижнику дѣла. Принесшему мѣсть

Н. Рерихъ

Епископъ ТРИФОНЪ.

Надъ вольной мыслью Богу не угодны
Насиле и гнетъ
Оно, въ душѣ рожденное свободно,
Въ оковахъ не умретъ
А. Толстой „Іоаннъ Дамоскинъ"

Епископъ Трифонъ, исполняющій обязанности полкового священника

Дѣйствующая Армія 1-го сентября 1916 года

Л. УРУСОВЪ.

Счастливъ тѣмъ, что честно послужилъ народу своимъ словомъ. Счастливъ удачею честныхъ народныхъ книгъ. Пусть забудутся мои имена, но мой трудъ навѣки останется неотъемлемой частью народнаго просвѣщенія, и, стало быть, и счастья народнаго.

Леонидъ Урусовъ

Л. ХАВКИНА.

Девятнадцатый вѣкъ выяснилъ, что необходимо распространять какъ можно больше хорошихъ книгъ въ возможно широкихъ кругахъ населенія. Двадцатый вѣкъ къ этому прибавилъ стремленіе, чтобы каждая книга находила своего читателя и каждый читатель находилъ для себя книги, наиболѣе соотвѣтствующія его духовнымъ запросамъ и личнымъ особенностямъ. Задача современности — всячески приближать книгу къ читателю и привлекать читателя къ книгѣ, ибо назначеніе книги заключается въ томъ, чтобы ее читали, чтобы она приносила пользу, и нѣтъ ничего безполезнѣе неиспользованной книги.

Л. Б. Хавкина.

Н. ЧЕХОВЪ.

Дѣтская литература имѣетъ право на существованіе не только потому, что дѣтямъ недоступны книги, написанныя для взрослыхъ, но потому, что эти книги не могутъ быть для нихъ исчерпаны. Ихъ интересы, ихъ духовные запросы, вкусы и стремленія совершенно иные, чѣмъ у взрослыхъ.

Наша дѣтская литература имѣетъ много талантливыхъ писателей и хорошихъ книгъ, но огромное большинство ихъ написано для дѣтей города, дѣтей болѣе самостоятельныхъ классовъ общества. Деревенскіе ребята и дѣти городскихъ рабочихъ еще не имѣютъ своей, отвѣчающей ихъ интересамъ и говорящей съ ними на вполнѣ понятномъ для нихъ языкѣ—дѣтской литературы. Она будетъ, когда писатели для дѣтей откажутся, наконецъ, отъ стремленія непремѣнно поучать и посмотрятъ на дѣтскую книгу съ такимъ же уваженіемъ, съ какимъ писатели для взрослыхъ смотрятъ на свои сочиненія. Въ дѣтскую книгу тоже надо вкладывать часть своей души, и если эта душа будетъ такъ же ясна и проста, какъ душа ребенка, то голосъ ея дойдетъ до него и это будетъ его книга.

С. ШИЛЬ.

Великій друг просвѣщенія и народа, Н И Новиков, трудившійся над созданіем издательскаго дѣла в Москвѣ, возрадовался бы, если б мог увидѣть горы книг, выбрасываемых на рынок нашими книгоиздательствами Но эти горы только песчинка в сравнении с тѣм, что потребует наша страна в близкій час ея преобразованія.

Сергѣй Орловский
(Софія Шиль)

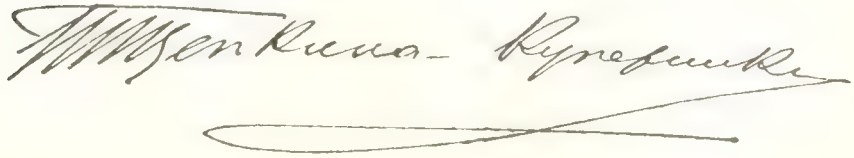
КНИГА.

Т. ЩЕПКИНА-КУПЕРНИКЪ.

Чистыхъ радостей свѣтлый истокъ,
Закрѣпленье счастливаго мига,
Лучшій другъ, если ты одинокъ,
Это — книга. Да здравствуетъ книга!

Отраженье исчезнувшихъ лѣтъ,
Облегченье житейскаго ига,
Вѣчныхъ истинъ немеркнущій свѣтъ —
Это — книга. Да здравствуетъ книга!

Неустанныхъ исканій залогъ,
Радость каждаго новаго сдвига,
Указанье грядущихъ дорогъ—
Это—книга. Да здравствуетъ книга!



С. ЩУКИНЪ.

Книга, помимо своего содержанія, можетъ быть художественнымъ произведеніемъ. Особенно въ старинныхъ книгахъ я ищу большую красоту. Шрифтъ, бумага, обложка, рисунки почти всѣ такъ стройно подобраны, что составляютъ одно гармоническое целое. Къ сожалѣнію, въ наше время даже въ дорогихъ изданіяхъ рѣдко встрѣчаешь такое согласіе отдѣльныхъ частей. Хорошо, если „Домъ книги" поможетъ возрожденію этого рода уменья у насъ искусства. Съ своей стороны могу указать на гравюру по дереву. Какъ она украшаетъ книгу, сколько въ ней силы и выразительности. Эти кусторы (рисунки по дереву) могутъ быть прекрасными гравюрами, если онѣ съ тѣмъ же самымъ способомъ мастерства. Многіе другіе теперь почти забытые искусства могутъ служить украшеніемъ книги. Поэтому горячо приветствую и желаю самаго широкаго успѣха „Дому книги", новому прекрасному начинанію въ дорогомъ мнѣ искусствѣ.

Сергѣй Щукинъ

„ДОМЪ КНИГИ“

„ДОМЪ КНИГИ“.

Въ предстоящемъ послѣ войны возрожденіи Россіи, созданіи ея независимости и самостоятельности заботы о книгѣ, ея печатаніи, изданіи, удешевленіи и распространеніи должны стать на первое мѣсто. Забота о книгѣ есть забота о просвѣщеніи. А просвѣщеніе намъ нужно прежде всего и болѣе всего. Оно должно явиться краеугольнымъ камнемъ новой, возрожденной, великой и богатой Россіи.

Между тѣмъ, это дѣло дѣло печатанія, изданія и распространенія книги при посредствѣ книжной торговли, достигшее уже въ Россіи многомилліонныхъ оборотовъ и занимающее многіе десятки тысячъ рабочихъ рукъ, не стоитъ еще даже на первой ступени своего развитія. У насъ нѣтъ даже школы, которая приготовляла бы знающихъ работниковъ печатнаго, издательскаго и книгопродавческаго дѣла.

Тѣ школы графическаго искусства, какія существуютъ, являются каплей въ морѣ въ сравненіи съ потребностями все растущаго и растущаго, благодаря Богу, печатнаго дѣла.

Но какъ же, спросятъ, вѣдь есть же у насъ наборщики, искусные метранпажи, печатники, книгопродавцы?

Есть.

Все это самоучки, практикой и „своимъ горбомъ“ вышедшіе изъ простыхъ рабочихъ.

Даровитъ русскій народъ, и много даетъ онъ самоучекъ.

Но для самоучки, кромѣ способностей, нужно еще и счастье, чтобы выбиться. „Чтобы одного возвеличить, борьба тысячи слабыхъ уноситъ“.

И сколько „искупительныхъ жертвъ“ гибнетъ въ той непосильной борьбѣ, которую приходится вынести самоучкѣ.

Или же это люди другой категоріи,—спеціалисты, учившіеся печатному и книжному дѣлу за границей.

Наше книжное дѣло переживаетъ какой-то еще „петровскій періодъ“. Для ознакомленія съ современной постановкой и пріемами издательскаго, печатнаго и книгопродавческаго дѣла мы „посылаемъ молодыхъ людей учиться за границу“.

Далѣе. У насъ нѣтъ даже музея печатнаго дѣла, гдѣ издатель, типографъ могъ бы знакомиться съ лучшими образцами печатнаго искусства, съ тѣмъ, чего достигло это искусство и какъ этого достичь.

У насъ нѣтъ компетентнаго учрежденія, которое занималось бы экспертизой новостей и усовершенствованій въ печатномъ дѣлѣ. Фирма, выпуская новую наборную или печатную машину, новую краску, создавая новый способъ печатанія, не имѣетъ, куда обратиться для испытанія на практикѣ и одобренія новаго усовершенствованія въ печатномъ дѣлѣ. Типографъ не въ силахъ пріобрѣтать новыя машины и неизвѣстные матеріалы „для опыта“, производить опыты за свой счетъ и надъ своей типографіей, онъ долженъ или полагаться на увѣренія фирмъ, часто голословныя, и комиссіонеровъ, часто недобросовѣстныхъ, или отказываться отъ усовершенствованія своего дѣла и оставаться „при старомъ“. Отсюда проистекаютъ косность и страшная отсталость нашего печатнаго дѣла.

Эта бѣда не есть бѣда только типографовъ, издателей и книгопродавцевъ. Это бѣда для всего общества, для всего народа. Ибо только при техническомъ расцвѣтѣ возможны удешевленное производство, дешевизна книги, т.-е. общедоступность знанія и широкое распространеніе просвѣщенія въ странѣ.

Печатному дѣлу въ Россіи надо положить прочный фундаментъ. Создать прежде всего школу, которая приготовляла бы знающихъ техниковъ. Знающихъ, развитыхъ, опытныхъ, просвѣщенныхъ работниковъ печатнаго, издательскаго, книгопродавческаго дѣла.

Съ этой цѣлью, въ ознаменованіе пятидесятилѣтняго юбилея дѣятельности И. Д. Сытина, основывается „Общество для содѣйствія улучшенію и развитію книжнаго дѣла въ Россіи“, имѣющее цѣлью создать въ Москвѣ „Домъ Книги“.

Это будетъ низшая, средняя и высшая школа всѣхъ отраслей книжнаго производства. Академія, университетъ печатнаго дѣла.

Здѣсь будутъ приготовлять грамотныхъ, умѣлыхъ наборщиковъ, работающихъ на усовершенствованныхъ наборныхъ машинахъ; искусныхъ метранпажей; печатниковъ, умѣющихъ исполнять тонкія работы; машинистовъ, знающихъ свои машины, уходъ за ними, ихъ монтировку, регулировку, ремонтъ; литографовъ, знакомыхъ съ тайнами ихъ мастерства и искусства; цинкографовъ, которые не заставятъ насъ уныло вздыхать, какъ сейчасъ: „Далеко намъ до Ангерера въ Вѣнѣ!“ книгопродавцевъ, знакомыхъ съ правильной современной постановкой книжной торговли и раціональными способами распространенія книги.

Нашимъ идеаломъ въ книжномъ дѣлѣ должна быть даже не Европа, а Америка, гдѣ „все дорого, кромѣ книги“. Гдѣ, благодаря колоссальному развитію техники, произведенія печати такъ дешевы, что даже Англія, страна „свободной торговли“, должна была установить высокую пошлину на ввозимыя произведенія печати, чтобы спасти свою книжную промышленность отъ гибели, отъ непосильной конкуренціи неимовѣрно дешевой англійской книги, печатанной въ Америкѣ.

Дешевизна и черезъ то общедоступность книги, повторяемъ, есть основа широкаго распространенія просвѣщенія. Только блестящая техническая постановка дѣла дастъ возможность издавать дешевую книгу. Созданіе необходимаго опытнаго знающаго персонала есть первое условіе такой технической постановки дѣла. И этотъ фундаментъ книжнаго дѣла въ Россіи призванъ заложить „Домъ Книги“.

Здѣсь издатель, печатникъ найдетъ въ постоянно пополняемомъ музеѣ образцы лучшихъ и совершеннѣйшихъ въ техническомъ отношеніи изданій, ознакомится со всѣми новѣйшими усовершенствованіями въ печатномъ дѣлѣ.

Въ лабораторіяхъ, въ мастерскихъ „Дома Книги“, по желанію фирмъ или по требованію типографовъ и издателей, будутъ производиться на практикѣ опыты надъ новыми сортами бумаги, новыми красками, наборными, печатными машинами, станками, приспособленіями, такъ что фирма, вводя что-нибудь новое, будетъ имѣть возможность доказать всему издательскому міру, что нововведеніе дѣйствительно полезно, практично и отвѣчаетъ своимъ цѣлямъ, издатель, типографъ, прежде, чѣмъ ввести новое усовершенствованіе, будутъ знать степень его практичности, цѣлесообразности, продуктивности и стоимости его работы.

Вотъ тѣ задачи, которыя будетъ преслѣдовать „Домъ Книги“ въ интересахъ правильной технической постановки книжнаго дѣла, удешевленія и широкаго распространенія книги въ Россіи.

„ДОМЪ КНИГИ“.

Меня уже давно занимаетъ мысль о томъ, какъ это сравнительно маленькая Флоренція временъ Возрожденія дала такъ много великихъ людей, иногда даже геніальныхъ строителей жизни. Великій Дантэ былъ флорентинецъ. Савонаролла—флорентинецъ. Джіордано Бруно — флорентинецъ. Макіавелли, этотъ единственный пока философъ-государственникъ, былъ флорентинецъ. Отецъ всего новаго искусства Джіотто былъ флорентинецъ. Цѣлый рядъ дѣятельныхъ талантовъ живописи, скульптуры и архитектуры, какъ Брунелески, Гиберти, Донателло, Ботичелли, Бенто Анджелико, Вероккіо были флорентинцы. Наконецъ мировые геніи—Леонардо да Винчи и Микель-Анджелло также дѣти Флоренціи, а третій геній міровой живописи, современникъ ихъ, Рафаэль, если и не родился во Флоренціи, то духовно своимъ блескомъ и глубиною творчества обязанъ той же Флоренціи.

Откуда это исключительно богатое изверженіе геніальности во Флоренціи? Чѣмъ объяснить его? Флоренція была городомъ суконщиковъ, ювелировъ, кожевниковъ и банкировъ, то-есть, городомъ торговцевъ и ремесленниковъ. И это собраніе мастерскихъ и торговыхъ складовъ, куда много меньшее, чѣмъ Москва нашихъ дней, дало мученика-философа Джіордано Бруно, проповѣдника-пророка Саванароллу, апостоловъ міровой красоты Леонардо-да-Винчи и Микель-Анджело. Флорентійская банкирская семья Медичи дала родному городу рядъ великихъ правителей, а Франціи даже королеву, Екатерину Медичи.

Объясняется все это не исключительною даровитостью флорентинцевъ,—тогда они могли бы быть для насъ развѣ предметомъ зависти, но не подражанія,—а исключительными условіями народной жизни Флоренціи. Во Флоренціи того времени сильно выросла человѣческая личность, пробудилась кипучая творческая сила и яркая вѣра въ мощь человѣческаго духа. Люди захотѣли яркой, красивой, сильной, свободной жизни. И старались добиться ея. Каждый каменщикъ, кожевникъ, суконщикъ, мѣдникъ, ювелиръ, мѣховщикъ хотѣли быть художниками своего дѣла, поднять его на высоту искусства, довести до совершенства. Оттого изъ простыхъ флорентійскихъ мастерскихъ вышло немало великихъ художниковъ, а остальные если и не поднялись высоко сами, то общими силами высоко поднимали свое дѣло, свое ремесло, высоко подняли свою родную Флоренцію.

Москва нашихъ дней, несомнѣнно, много и больше и даровитѣе Флоренціи. Не говорю уже о всей Россіи. Въ зародышѣ, въ возможности ихъ у насъ не единицы, а сотни талантовъ и геніевъ, подобныхъ тѣмъ, которые сдѣлали Флоренцію столь славной. Но намъ необходимо развить наши *русскія* и *флорентійскія* возможности. Намъ необходимо насытить всѣ поры, всѣ складки русской творческой, рабочей жизни, будь она научная, государственная или ремесленная, жаждою красоты и совершенства, умѣньемъ достигать эту красоту каждаго дѣла. Поэтому я и восхищенъ мыслью объ учрежденіи „Дома Книги". Это — дѣло во флорентійскомъ духѣ и вкусѣ. Печатное, наборное, брошюровочное, переплетное, литографское, нотопечатное и торгово-книжное дѣло здѣсь будутъ изучаться, какъ искусство. Будутъ даны лучшіе образцы. Будутъ читаться отдѣльныя лекціи и цѣлые курсы объ уходѣ за книгою. Книга будетъ разсматриваться, какъ художественное произведеніе, какъ работа цѣлой группы ремеслъ и промышленности.

Но не въ этомъ лишь еще вся заслуга мысли о „Домѣ Книги". „Домъ Книги" будитъ мысль о цѣломъ рядѣ другихъ Домовъ въ подобномъ родѣ. Въ Москвѣ, въ Петроградѣ, въ Кіевѣ, въ Одессѣ, въ Харьковѣ, Тифлисѣ, Иркутскѣ, Владивостокѣ, Архангельскѣ,—по всей Россіи,—за „Домомъ Книги" *могутъ* и *должны* вырасти Домъ Угля, Домъ Нефти, Домъ Руды, Домъ Краски, Домъ Стекла, Домъ Кожи, Домъ Машины, Домъ Пара, Домъ Рыбы, Домъ Парусины и Сукна, Домъ Лѣса и Сада, Домъ Торговли, Домъ Земли, Домъ Ребенка, Домъ Человѣка, Домъ Гражданина, Домъ Красоты, Домъ Жизни и т. д. Каждое ремесло, каждое производство, каждый видъ службы и занятія станутъ разсматриваться, какъ особый видъ искусства. Художественное творчество, жгучая потребность красоты, брезгливое отвращеніе къ уродству и безобразію станутъ просачиваться во всѣ поры русской жизни и властно потребуютъ, станутъ настойчиво сами добиваться улучшенія общаго хода и тона всей окружающей нашей дѣйствительности, сейчасъ такой неряшливой, часто уродливой, убого-спротливой, бездомной. Привѣтъ же первому Дому, „Дому Книги" и честь тѣмъ, кто первый надумалъ ввести книгу въ ея собственный домъ, въ „Домъ Книги".

П. Петровъ.

В. БЕХТЕРЕВЪ.

Учрежденіе „Дома Книги“, какая это прекрасная мысль! Уже много сотенъ лѣтъ книга является орудіемъ просвѣщенія народныхъ массъ и вмѣстѣ съ тѣмъ важнѣйшимъ документомъ исторіи, хранителемъ человѣческой культуры, условіемъ прогресса и средствомъ общенія, а, слѣдовательно, и объединенія людей и народовъ, а между тѣмъ, если не считать книжныхъ собраній въ формѣ библіотекъ и читаленъ, много ли найдется вообще учрежденій, которыя были бы посвящены самой книгѣ, которыя ставили бы себѣ цѣлью содѣйствіе ея распространенію, возможному ея удешевленію и вмѣстѣ съ тѣмъ улучшенію ея внѣшнихъ качествъ.

Къ сожалѣнію, и въ этомъ важномъ дѣлѣ современной культуры мы далеко отстали отъ странъ Запада и не освободились еще во многомъ отъ нѣмецкой зависимости. Но съ ожидающимся послѣ войны экономическимъ и культурнымъ возрожденіемъ Россіи есть надежда и даже увѣренность въ томъ, что Россія въ дѣлѣ просвѣщенія народныхъ массъ и культурнаго прогресса пойдетъ болѣе быстрыми шагами, чѣмъ это было до настоящаго времени. Вотъ почему „Домъ Книги“ является учрежденіемъ, какъ нельзя болѣе отвѣчающимъ нуждамъ современности, и ему нельзя не пожелать счастливаго развитія и процвѣтанія.

Академикъ В. Бехтеревъ

И. БУНИНЪ.

Отъ души привѣтствую мысль о созданіи „Дома Книги“, связаннаго съ именемъ человѣка такой рѣдкой воли и таланта, какъ Иванъ Дмитріевичъ Сытинъ.

Ив. Бунинъ

Г. БЬЕРКЕНГЕЙМЪ.

Въ экономической, какъ и въ другихъ областяхъ, жизни, все большее значеніе пріобрѣтаетъ индивидуальный трудъ. Поэтому развитіе спеціальнаго, вмѣстѣ съ общимъ образованіемъ сотрудниковъ служитъ залогомъ успѣха всякаго предпріятія и создаетъ довольство и довѣріе къ существующему строю.

Нынѣшній юбилей пятидесятилѣтней плодотворной дѣятельности Ивана Дмитріевича въ качествѣ крупнѣйшаго предпринимателя въ графической промышленности въ Россіи побудилъ его друзей выразить ему уваженіе и свою преданность учрежденіемъ „Дома Книги", цѣлью котораго и должно явиться проведеніе въ жизни вышеуказанныхъ основаній.

Да исполнится намѣченная цѣль этого учрежденія.

Г. Р. Бьеркенгеймъ.

С. ВЕНГЕРОВЪ.

Съ удовольствіемъ принимаю участіе въ настоящемъ Сборникѣ. Всегда цѣню людей, которые личнымъ трудомъ, личными стараніями и энергіей пробиваютъ себѣ дорогу въ жизни. Англичане ихъ называютъ Self-mode man, т.-е. людьми, которые сами себя сотворили, и очень ихъ цѣнятъ. И особенно, конечно, надо цѣнить такихъ людей, если ихъ личное благополучіе соединено съ хорошимъ дѣломъ на пользу общую. Съ этой стороны И. Д. Сытинъ мнѣ представляется человѣкомъ весьма заслуженнымъ. Достаточно одного того, что онъ помогъ получить практическое осуществленіе такому предпріятію, какъ Толстовскій „Посредникъ". Хороши, очень хороши были намѣренія В. Г. Черткова и П. И. Бирюкова, когда они, получивъ благословеніе Л. Н. Толстого, затѣяли устроить издательство для народа, нарочно пошедшее по проторенной тропѣ лубочнаго издательскаго дѣла для того, чтобы легче получить доступъ въ массу народную. Но что бы изъ этихъ добрыхъ намѣреній вышло, если бы не практическая сноровка и смѣтка Ивана Дмитріевича!

Нельзя не вспомнить добрымъ словомъ о дѣятельности И. Д., какъ издателя огромнѣйшаго количества очень хорошихъ, широко распростра-

ненныхъ учебниковъ. Если не ошибаюсь, идея массоваго, такъ сказать, издательства педагогическихъ пособій новаго типа всецѣло принадлежитъ И. Д. Помню, по крайней мѣрѣ, какъ сосѣдъ мой по номеру Лоскутной гостиницы въ Москвѣ П. Д. Боборыкинъ разсказывалъ мнѣ вскорѣ послѣ московскаго возстанія, что приходилъ къ нему И. Д. и съ необыкновеннымъ воодушевленіемъ развивалъ грандіознѣйшій планъ вытѣсненія учебниковъ стараго типа учебниками, идущими по новымъ путямъ, свободнымъ отъ казенщины.

Наконецъ, энергіи И. Д. принадлежитъ созданіе и оборудованіе самой распространенной и самой освѣдомленной газеты русской. Такого широкого размаха, какъ „Русское Слово" не имѣлъ еще ни одинъ печатный органъ въ Россіи.

Друзья И. Д. хотятъ въ ознаменованіе его юбилея создать въ Москвѣ „Домъ Книги". Дѣло хорошее и полезное. Я съ своей стороны, выразилъ бы пожеланіе, чтобы въ этомъ Домѣ была спеціальная зала, въ которой:

1) были бы собраны всѣ справочныя книги и пособія,

2) классическія и вообще основныя произведенія изящной и научной литературы и

3) куда поступали бы главныя новинки книжнаго рынка.

Такая справочная зала имѣла бы очень большое значеніе прежде всего для поднятія уровня всѣхъ тѣхъ газетныхъ статей, которыя должны быть быстро написаны. Можно, конечно, писать ихъ въ Румянцевскомъ музеѣ, но вѣдь тамъ и тѣсно и—самое главное—трудно получить нужныя книги; и, наконецъ, въ 9 ч. музей закрывается. А тутъ можно было бы заниматься и до 12 часовъ, чтобы поспѣть къ завтрашнему №. Создалась бы своего рода газетная лабораторія, которая, несомнѣнно, значительно подняла бы цѣнность всѣхъ наспѣхъ изготовляемыхъ газетныхъ статей. А поступленіе новинокъ, которыя изъ обычныхъ книгохранилищъ не получишь ранѣе 6—9 мѣсяцевъ послѣ ихъ выхода со всяческими затрудненіями, было бы прямо неоцѣнимой услугой всему литературному и научному міру. Издательства очень заинтересованы въ такомъ быстромъ ознакомленіи пишущихъ съ ихъ изданіями и съ радостью будутъ посылать ихъ, если создастся такой литературно-научный центръ.

С. Венгеровъ

В. ГИЛЯРОВСКІЙ.

Созданіе „Дома Книги“ вмѣстѣ съ устройствомъ курсовъ, мастерскихъ и лабораторій, а также книжнаго музея и періодическихъ выставокъ, несомнѣнно, будетъ имѣть крупное значеніе и, какъ таковое, будетъ достойно имени юбиляра. Для меня, какъ спеціалиста, имѣющаго дѣло съ различными душевными проявленіями какъ у взрослыхъ, такъ въ частности у подрастающаго поколѣнія, была бы особенно цѣнной та сторона дѣятельности будущаго „Дома Книги“, которая, выходя за предѣлы собственно печатнаго и книжнаго дѣла и не ограничиваясь только техническими усовершенствованіями въ этой области и работой по наибольшему распространенію книги, могла бы способствовать большей идейности и содержательности выпускаемыхъ нынѣ на книжный рынокъ изданій.

Внѣ всякихъ сомнѣній, „Домъ Книги“, имѣющій цѣлью прежде всего ознаменовать дѣятельность Ивана Дмитріевича, какъ книгоиздателя, не можетъ работать въ какомъ-либо иномъ духѣ, который шелъ бы въ разрѣзъ съ принципами, проводимыми Иваномъ Дмитріевичемъ. Само собой ясно, что „Домъ Книги“ непремѣнно будетъ имѣть въ виду широкія массы читателей и, главнымъ образомъ, народъ. Здѣсь своими періодическими выставками, книжнымъ музеемъ, курсами „Домъ Книги“ можетъ и долженъ бороться съ безпринципностью, господствующей на народномъ книжномъ рынкѣ, когда издается не то, что даетъ здоровую умственную книгу, а что специфичностью содержанія обѣщаетъ большой тиражъ. Если обратить вниманіе только на два обстоятельства, именно на болѣе или менѣе ясно порнографическій характеръ нѣкоторыхъ

издаваемыхъ книгъ и на пинкертоновщину, окрасившуюся за послѣдніе 2 года въ военные цвѣта, но по существу остающуюся той же, то этого достаточно, чтобы видѣть, насколько полезна была бы дѣятельность „Дома Книги“ въ этомъ направленіи. Нервность, неуравновѣшенность и неприспособленность къ жизни, могущія сдѣлать человѣка антисоціальнымъ, вреднымъ для общества, такъ часто являются послѣдствіемъ дурного воспитанія; въ послѣднее, какъ крупный ингредіентъ, такъ часто, съ другой стороны, входитъ чрезмѣрное и одностороннее развитіе воображенія, благодаря неподходящему чтенію и слишкомъ раннему пробужденію полового чувства, въ особенности благодаря одностороннему и неправильному освѣщенію возникающихъ въ юной душѣ вопросовъ, касающихся сексуальной жизни. Не сомнѣваюсь, что „Домъ Книги“ обратитъ вниманіе и на замкнутую сторону вопроса и что стремиться къ созданію идейной литературы, культивировать любовь къ серьезной книгѣ, могущей быть противовѣсомъ господствующей въ настоящее время макулатурѣ, будетъ одной изъ его задачъ. Этимъ онъ будетъ способствовать и повышенію нервнопсихическаго здоровья населенія. Отъ всей души желаю успѣха и процвѣтанія „Дому Книги“

В. Чернов

Н. ГОРОДЕЦКІЙ.

Будущій „Домъ Книги“, предназначенный питать книгу, долженъ заключать въ себѣ, между прочимъ, все русское печатное слово, отъ лубка до лучшихъ современныхъ изданій, долженъ быть связанъ съ именемъ того, кто вывелъ русскую книгу изъ-подъ „Никольскихъ воротъ“ на широкую дорогу, намѣченную неудержимымъ стремленіемъ народа къ свѣту.

Н. Городецкій

Ѳ. ГРЕКОВЪ.

При выпускѣ своихъ изданій по обученію письму я съ большимъ трудомъ могъ найти подходящаго гравера, а при печатаніи никакъ не могъ добиться надлежащей чистоты, ясности и равномѣрности въ работѣ. Вслѣдствіе этихъ обстоятельствъ приходится сдѣлать заключеніе, что мы крайне нуждаемся въ хорошихъ граверахъ (по курсиву), переводчикахъ и печатникахъ.

М. ДОВНАРЪ-ЗАПОЛЬСКІЙ.

Съ величайшей радостью я узналъ, что юбилей глубокоуважаемаго Ивана Дмитріевича будетъ достойнымъ образомъ почтенъ, между прочимъ, основаніемъ „Дома Книги". Задача этой институціи придумана прекрасно. Она достойнымъ образомъ вѣнчаетъ то зданіе труда на пользу русскаго просвѣщенія и книжнаго дѣла, какое воздвигъ своею дѣятельностью замѣчательнѣйшій изъ нашихъ согражданъ Иванъ Дмитріевичъ.

„Домъ Книги"—необходимо нужное у насъ учрежденіе, какого до сихъ поръ не было и потребность въ которомъ диктуется самою жизнью. Намъ именно недоставало музея печатнаго дѣла съ лабораторіями для испытанія, со школами и съ бюро, дающимъ всѣ необходимыя справки и наставленія для типографа, издателя и авторовъ. Отъ души желаю „Дому Книги" скорѣйшаго устроенія и начала его дѣйствій.

„Домъ Книги" явится наилучшимъ, наиболѣе благороднымъ выразителемъ чувствъ всѣхъ тѣхъ, кто знаетъ лично Ивана Дмитріевича и его почтенную дѣятельность. Я лично много лѣтъ знаю Ивана Дмитріевича и отношусь къ нему и къ его дѣятельности съ глубокимъ уваженіемъ, потому что въ лицѣ его нельзя не цѣнить не только прекраснаго человѣка, не только предпринимательскую энергію, но и проникающее всю его дѣятельность стремленіе быть не только издателемъ, но и вливать просвѣщеніе въ широкіе и разнообразные слои русскаго общества. Въ рукахъ Ивана Дмитріевича книгоиздательство — великая культурная сила, а авторъ для Ивана Дмитріевича — сотоварищъ по культурно-просвѣтительной работѣ. Такое отношеніе къ книжному дѣлу ставитъ почтеннаго Ивана Дмитріевича въ ряды величайшихъ общественныхъ дѣятелей нашего времени. Эти качества его дѣятельности столь высоки, что проникаешься искреннимъ уваженіемъ къ почтенному юбиляру.

Проф. М. Довнар-Запольскій

В. ЖЕЛѢЗНОВЪ.

Какъ экономистъ, я привѣтствую дѣятельность И. Д. Сытина съ точки зрѣнія развитія нашихъ производительныхъ силъ. Русскій народъ справится съ предстоящими ему тяжелыми и сложными экономическими задачами только съ расширеніемъ умственнаго, нравственнаго и эстетическаго кругозора трудящихся. А этому способствуетъ, рядомъ съ другими просвѣтительными средствами, широкое распространеніе хорошей народной литературы—дѣло, надъ которымъ такъ много поработалъ И. Д. Сытинъ.

В. Желѣзновъ

I. КЕДРОВЪ.

Когда мнѣ приходилось бывать въ разныхъ углахъ дорогой родины, я всегда интересовался узнать, чѣмъ духовно питается наша деревенская простонародная масса.

Съ этою цѣлью я не упускалъ случая побывать на деревенскихъ базарахъ или ярмаркахъ и познакомиться съ книжной торговлей.

Вездѣ почти одно и то же. Вся, съ позволенія сказать, литература въ одномъ духѣ: „Шалости дочки въ темныя ночки", „Балъ съ любовнымъ приключеніемъ и пожаромъ", „Кулачный бой", исторіи всевозможныхъ приключеній съ измѣной, безчестіемъ, убійствомъ и т. п. нежелательныхъ явленій. Правда, есть „сказки", но нельзя же весь вѣкъ здороваго человѣка питать младенческой пищей. И рѣдко гдѣ попадались книги, глядя на которыя можно было бы порадоваться за нашего русскаго подростка, такъ алчущаго духовной пищи. Посмотрите, какой они толпой стоятъ около книжной торговли, пріютившейся или въ палаткѣ или просто на раскинутой рогожѣ. Эти рѣдкіе сорта книгъ преимущественно были изданія Т-ва И. Д. Сытина. Зная по своей 25-лѣтней педагогической работѣ характеръ и значеніе изданій Т-ва И. Д. Сытина, всегда хотѣлось сказать ему искреннее спасибо за прекрасно поставленное книгоиздательство. Важно, какъ издать книгу, но еще важнѣе привлечь къ себѣ авторовъ, дающихъ литературу, облагораживающую душу читателя и создающую „человѣка", который, при всѣхъ пертурбаціяхъ жизни, честнымъ исполненіемъ долга принятаго на себя служенія сохранилъ бы свое человѣческое достоинство и тѣмъ возвысилъ бы славу и культурную мощь дорогой родины!

Слава Богу, такая литература вообще есть, но ея нѣтъ въ деревнѣ. Приглядѣвшись въ деревняхъ къ жизни простого народа и зная, какими отбросами отъ литературы его питали и питаютъ, намъ представляется самымъ насущнѣйшимъ вопросомъ, это вопросъ о распространеніи настоящей, удовлетворяющей духовную жажду, литературы. Распространеніе ея въ нашей деревнѣ среди народныхъ массъ продажей по возможно дешевой цѣнѣ на базарахъ и ярмаркахъ постепенно вытѣснитъ тѣ книжные суррогаты, которые преподносятся безпринципными и ждущими паденія нравственности въ человѣкѣ людьми.

Созданіе учрежденія „Дома Книги", дома-распространителя, проводника нравственной литературы въ народныя массы крайне необходимо. Особенно цѣнно, что „Домъ Книги" соединяется съ именемъ испытаннаго полувѣковою дѣятельностью маститаго юбиляра Ивана Дмитріевича Сытина, около котораго сплотилось столько опытныхъ лицъ, работающихъ на пользу просвѣщенія. Все это заранѣе сулитъ новому, столь важному учрежденію жизненность и успѣхъ.

Да благословитъ Господь Богъ это новое, на пользу просвѣщенія народа, дѣло, пусть и чрезъ него „Свѣтъ во тьмѣ свѣтитъ и — глубоко вѣрю — тьма его не объятъ!"

Свящ. Іоаннъ Кедровъ

А. КАСАТКИНЪ.

Въ великой и обильной, но бѣдной порядками странѣ, созданію „Дома Книги" нельзя не радоваться великой радостью! Нельзя не привѣтствовать „Домъ Книги", въ которомъ сыны нашей родины будутъ учиться свободно творить въ области книгопечатанія и графики, гдѣ живая мысль найдетъ благородный и благодарный откликъ и получитъ просторъ свободнаго творчества хорошаго и красиваго.

Обезличеніе трудящихся въ этой области отойдетъ въ прошлое. Идейно поставленное дѣло научной подготовки подрастающей молодежи дастъ блестящіе результаты! Пройдя научный стажъ „Дома Книги", въ будущемъ „наши мальчишки", внося свою, хотя малую, лепту въ развитіе народныхъ массъ, получатъ право на долю уваженія и право именоваться не просто „наши мальчишки", какъ именовались до сего времени до сѣдыхъ волосъ, а право гражданъ, удовлетворенныхъ сознаніемъ того, что и они что-то сдѣлали на своемъ вѣку для дорогой намъ родины.

А. Касаткинъ

А. КОНИ.

Нельзя не привѣтствовать созданія „Дома Книги“, которому, по мысли учредителей, предстоитъ быть разсадникомъ для широкаго и жизненнаго развитія въ Россіи печатнаго дѣла во всѣхъ его разнообразныхъ стадіяхъ, источникахъ и условіяхъ. Но не въ этомъ одномъ значеніе такого Дома. Онъ долженъ послужить живымъ памятникомъ заслугъ книги и трудовъ ея распространителей. Въ жизни человѣчества книга сыграла и, конечно, будетъ играть огромную роль. Оловянные солдатики Гутенберга совершили между людьми больше завоеваній, чѣмъ кто-либо изъ знаменитыхъ полководцевъ. Но это потребовало

большихъ жертвъ, тяжелыхъ испытаній и настойчивой вѣры въ свое дѣло. Книга—любимый и вѣрный другъ для многихъ, зачастую добрый совѣтникъ и помощникъ для забвенія горькаго настоящаго—вызывала ненависть тоже многихъ и служила для нихъ источникомъ суевѣрнаго страха. Отсюда гоненія, истребленія и придирки, нелѣпость которыхъ нерѣдко шла объ руку съ невѣжествомъ Скалозуба и идеалами Фамусова. Вотъ почему издательская и типографская дѣятельность представляла и на Западѣ и у насъ своего рода мартирологъ. Достаточно припомнить полную лишеній и тревогъ жизнь изобрѣтателя книгопечатанія и его невѣдомую могилу или судьбу основателя одного изъ первыхъ по времени (1688 г.) западно-европейскихъ журналовъ, глубокаго мыслителя Христіана Томазія. За помѣщеніе въ своихъ „Ежемѣсячныхъ бесѣдахъ, въ которыхъ излагаются мысли о всякаго рода вопросахъ", тонкой сатиры на четыре факультета съ ироническимъ объясненіемъ, почему онъ не богословъ, не юристъ или медикъ и не философъ, онъ былъ признанъ совѣтомъ университета въ Галле подлежащимъ уголовному преслѣдованію. Ученые мужи нашли, что, „такъ какъ факультеты были основаны и возлюблены высокими предками его курфиршеской свѣтлости, то написанное Томазіемъ есть осмѣяніе этихъ предковъ, а слѣдовательно и самого курфирста, почему авторъ долженъ быть судимъ, какъ оскорбитель величества и бунтовщикъ". Нужно ли говорить о судьбѣ Новикова, перваго русскаго издателя и книгопродавца, ставшаго, по выраженію Ключевскаго, народно-просвѣтительной силой. Великое значеніе книги прекрасно охарактеризовалъ Герценъ. „Книга,—говоритъ онъ,—это—столъ мысли, за который приглашенъ каждый. Это—запасной магазинъ, куда одни сложили свои мысли, мечты и вдохновеніе, а другіе берутъ ихъ въ ростъ. Книга это—духовное завѣщаніе одного поколѣнія другому. Вся жизнь человѣчества послѣдовательно осѣдала въ книгѣ. Племена, люди, государства исчезали, а *книга оставалась*. Она росла вмѣстѣ съ человѣкомъ Въ нее слагались всѣ ученія, которыя потрясали умы, и всѣ страсти, потрясавшія сердца... Она хранитъ въ себѣ всю сумму знаній и откровеній, найденныхъ страданіями, облитыми иногда кровавымъ потомъ".

Надо надѣяться, что „Домъ Книги" будетъ оживлять память о тѣхъ, кто неустаннымъ трудомъ и заботой помогалъ мысли автора воплотиться въ печатныя строки, принять удобочитаемую форму и появиться передъ читателемъ, нерѣдко призвавъ на помощь графическія искусства,—оживлять память о тѣхъ, кто широко сѣялъ просвѣщеніе

среди народа, умѣло использовавъ его главныя орудія: типографію и книжную лавку. Не должны быть забыты имена тѣхъ, благодаря содѣйствію которыхъ проникали въ среду читателей общедоступныя изданія классиковъ, пріобщающія народъ къ духовному богатству всего міра, учебныя книги, популярныя научныя изданія и сборники народныхъ сказаній и сказокъ, съ любовью подобранныя книги для дѣтскаго чтенія и игръ, питающія и развивающія воображеніе маленькихъ читателей или слушателей, представляющія собою цѣлое царство „непостижимыхъ возможностей". Излишне перечислять имена всѣхъ, кто подвизался на этомъ поприщѣ за послѣднія пятьдесятъ лѣтъ, идя по стопамъ незабвеннаго Новикова и Смирдина. Достаточно указать на изданія Стасюлевича, Маркса, Павленкова, Суворина и Вольфа, принесшихъ ими великую пользу русскому читающему, алчущему и жаждущему люду. Они умѣли собрать зерна „разумнаго, добраго, вѣчнаго", созрѣвшія въ умѣ и сердцѣ лучшихъ русскихъ писателей, и разбросать ихъ по необъятной Руси до самыхъ отдаленныхъ, забытыхъ и темныхъ уголковъ ея. Они дали возможность *малоимущимъ* пріютить въ своемъ тѣсномъ и скромномъ жилищѣ—и не на краткій только срокъ, а на постоянное пребываніе—какъ друга, какъ совѣтника, наставника и утѣшителя,—сочиненія любимыхъ писателей, дотолѣ доступныя только *имущему много*. Въ издательскомъ дѣлѣ, часто почти безкорыстномъ, а иногда даже и убыточномъ, они являлись олицетвореніемъ разумной и неустанной энергіи и на склонѣ лѣтъ продолжали работать, какъ и въ тѣ годы молодости, когда нѣкоторымъ изъ нихъ приходилось, по выраженію одного изъ отцовъ Церкви, „роскошествовать лишеніями". И ни одинъ изъ нихъ не замаралъ своихъ рукъ, давъ въ своихъ изданіяхъ пріютъ излюбленной въ послѣднее время порнографіи, которая такъ же относится къ литературѣ, какъ непристойный поступокъ къ необходимымъ условіямъ общежитія.

Къ такимъ людямъ принадлежитъ и тотъ, полувѣковой дѣятельности котораго посвященъ настоящій сборникъ. И онъ на нивѣ русскаго просвѣщенія неустанно сѣялъ плодотворныя зерна и можетъ, взирая на свою дѣятельность и пережитыя заботы и тревоги, сказать съ чувствомъ нравственнаго удовлетворенія: „все прошло или пройдетъ, *но книга останется*".

Анатолій Коні

Н. КАРАБЧЕВСКІЙ.

Домъ-Крѣпость.

„Домъ-Крѣпость"... Сурово звучитъ!..
Тюремной мглою дышитъ, грозитъ,
Вновь, среди тюремныхъ стѣнъ,
Душа вашего товарища мечтъ!

Н. Карабчевскій

Кн. А. КРОПОТКИНЪ.

Въ переживаемые дни война господствуетъ надъ всѣми проявленіями жизни, надъ личными и общественными интересами, надъ горемъ и радостью, надъ воспоминаніями и надеждами. И полувѣковой юбилей издательской дѣятельности И. Д. Сытина, этотъ мирный юбилей среди военной обстановки, опять-таки направляетъ мысль на проблемы, которыя поставила передъ нами война. Всѣмъ ясно, что современная борьба народовъ не ограничивается столкновеніемъ вооруженныхъ силъ; она заключается, сверхъ всего, въ борьбѣ принциповъ, въ состязаніи началъ нравственнаго порядка, въ соревнованіи культуръ. Наши враги обвиняютъ насъ въ варварствѣ, и мы смогли опровергнуть эти обвиненія. На нихъ мы отвѣтили не только глубоко-человѣчной доблестью нашего удивительнаго воинства, но также именами Толстого и Достоевскаго, Мечникова и Менделѣева, Ковалевскаго и Виноградова.

Подъ грозой военной непогоды нужно поэтому съ самымъ горячимъ сочувствіемъ привѣтствовать ознаменованіе юбилея учрежденіемъ „Дома Книги“. Какъ ни подвинулось у насъ книжное дѣло за послѣднія десять-двадцать лѣтъ, но работы впереди еще больше. „На поприщѣ ума нельзя намъ отступать!“ Этотъ завѣтъ родного поэта особенно святъ въ грозные дни переживаемыхъ безпримѣрныхъ событій. Очевидно, что лишь только смолкнетъ громъ орудій, насъ немедленно ждетъ другая борьба, — борьба экономическая и культурная. Только высокій подъемъ культуры обезпечитъ намъ нужную экономическую мощь и связанную съ нею независимость въ международной семьѣ, и только одухотворенность и просвѣщенная человѣчность сообщитъ культурѣ необходимое нравственное величіе и нравственную красоту. Въ этомъ будетъ безкровная борьба народовъ, но борьба не менѣе трудная и напряженная, чѣмъ борьба кровью и желѣзомъ. Побѣды, одержанныя на поляхъ сраженій, будутъ закрѣплены только тогда, когда за ними послѣдуютъ побѣды въ области духа, побѣды творчества и знанія, свободной мысли, свободнаго труда. Къ этой борьбѣ, къ этимъ побѣдамъ нужно теперь же готовить силы, и хорошо, что эта мысль начинаетъ проникать во всѣ общественные слои. Въ добрый часъ! Хорошій починъ, сдѣланный въ нужную пору.

ХРЖАНОВСКІЙ-ПОРШНЕВЪ.

Привѣтствуемъ идею организаціи „Дома Книги“. Это—памятникъ, воистину достойный колоссальнаго культурнаго подвига И. Д. Рады что 50 лѣтъ труда этого человѣка будутъ отмѣчены такимъ великимъ и нужнымъ книжному дѣлу учрежденіемъ.

Хржановскій-Поршневъ.

В. МАКЛАКОВЪ.

И. Х. Свѣтину выпало на долю великое счастіе имѣть право сказать, что онъ прожилъ на землѣ не даромъ, что трудъ его для Россіи прошелъ не безслѣдно, и что имъ сдѣлано было, которое его переживетъ.

В. Маклаковъ.

М. НОВИКОВЪ.

Опытъ настоящей войны еще разъ съ полной очевидностью доказалъ, что предварительная подготовка и серьезная организація даютъ возможность достигать наиболѣе крупныхъ результатовъ съ наименьшей затратой силъ. Слѣдовательно, если мы хотимъ довести наши культурныя начинанія, въ томъ числѣ и книжное дѣло, до надлежащей высоты, то прежде всего должны озаботиться созданіемъ спеціально подготовленнаго персонала, вполнѣ способнаго къ раціональной постановкѣ дѣла. Поэтому нельзя не привѣтствовать мысль объ устройствѣ „Дома Книги", который, несомнѣнно, займетъ видное мѣсто въ исторіи русской культуры и явится достойнымъ памятникомъ полувѣкового служенія книжному дѣлу глубокоуважаемаго юбиляра.

М. Новиковъ

И. ТРОЯНОВСКІЙ.

Мало написать, нужно напечатать и провести печатное слово в жизнь, и тогда только оно явится великимъ орудіемъ культуры. Пошлемъ же отъ души, чтобы создаваемый нашей дорогой публикой „Домъ Книги" послужилъ нашъ зачаткомъ самаго широкого и свободнаго распространенія печатнаго слова по всей Россіи.

И. Трояновскій

М. ЧЕЛНОКОВЪ.

При современной постановкѣ народнаго образованія въ Россіи намъ такъ трудно получить возможность учиться, что хорошая книга, обильно и недорого даваемая народу, представляетъ истинное благодѣяніе. Она замѣняетъ многимъ недоступную имъ школу и несетъ въ страну свѣтъ знанія.

Но дать народу хорошую и дешевую книгу—по цѣлому ряду причинъ труднѣйшее дѣло... И мы должны отвѣтить сочувствіемъ и признаніемъ каждому, посвятившему себя распространенію хорошихъ и дешевыхъ книгъ.

Иванъ Дмитріевичъ Сытинъ, самъ вышедшій изъ народа и на собственномъ опытѣ оцѣнившій значеніе книги для самообразованія направилъ всю свою кипучую энергію на широкое распространеніе книги, на удешевленіе ея и достигъ небывалыхъ въ Россіи успѣховъ.

Честь ему и слава!

Я привѣтствую мысль о созданіи въ Москвѣ „Дома Книги".

Но нужно Домъ этотъ и по общему замыслу, и по мѣсту постройки, и по наружному виду, и по всему внутреннему устройству сдѣлать дѣйствительно достойнымъ идеи, служить которой онъ предназначенъ.

Война измѣнила наши масштабы, а грядущая побѣда измѣнитъ ихъ еще больше.

Пусть „Домъ Книги" будетъ украшеніемъ Москвы, достойнымъ будущей Россіи, которой онъ собирается служить.

М. Челноковъ

С. ЧЕФРАНОВЪ.

Имя И. Д. Сытина навсегда останется въ исторіи русскаго просвѣщенія, какъ одного изъ дѣятельнѣйшихъ проводниковъ и распространителей печатнаго слова въ самыхъ широкихъ слояхъ русскаго народа. Для насъ—его современниковъ, работающихъ въ области книжнаго и печатнаго дѣла—его имя является синонимомъ вѣрнаго взгляда, широкаго размаха, огромной энергіи и безпредѣльной иниціативы. Идея ознаменовать пятидесятилѣтіе дѣятельности уважаемаго Ивана Дмитріевича учрежденіемъ „Дома Книги“ чрезвычайно удачна. Наше книжное и печатное дѣло всегда страдало отъ недостатка свѣдущихъ и образованныхъ работниковъ. Дать возможность хотя бы наиболѣе способнымъ изъ нихъ расширить свой кругозоръ тѣми способами, которые намѣчаютъ организаторы „Дома Книги“,—большая заслуга передъ родиной, особенно въ настоящій моментъ.

С. Чефрановъ

Тво

И·Д·СЫТИНА·

(Историческій очеркъ.)

I.

Грандіозныя предпріятія Т-ва И. Д. Сытина ведутъ свое начало отъ той маленькой, въ одну машину, литографіи на Воронухиной горѣ, которую открылъ И. Д. Сытинъ въ 1876 году, служа еще у Шарапова.

Литографія была открыта въ кредитъ. Доходъ отъ нея являлся для Сытина подсобнымъ заработкомъ къ тому содержанію, которое получалъ онъ отъ хозяина.

Литографія „работала" исключительно народныя картины. Въ числѣ рисовальщиковъ былъ нынѣшній директоръ Правленія М. Т. Соловьевъ. Въ періоды наибольшаго спроса на картины литографскіе станки „ходили" и ночью, при чемъ самъ Сытинъ по утрамъ, до выхода въ „хозяйскую лавку", усердно работалъ въ маленькой прихожей, разрѣзая только что отпечатанныя картины.

Такъ современный „Наполеонъ книжной торговли" начиналъ свое собственное дѣло.

Въ своемъ новомъ дѣлѣ Сытинъ со свойственной ему предпріимчивостью и умѣньемъ глядѣть впередъ поступалъ, какъ онъ самъ свидѣтельствуетъ въ своей автобіографіи, по-новому: шелъ на рискъ, приглашалъ лучшихъ рисовальщиковъ и мастеровъ, въ цѣнѣ съ ними не торговался, но требовалъ хорошей работы, усердно изучалъ вкусы народа, слѣдилъ за рынкомъ. Результаты сказались очень быстро. Товару не хватало. Покупатели торговались не въ цѣнѣ, а въ количествѣ. Сытинскія картины не залеживались въ лавкѣ, а „изъ-подъ рукъ" сразу же распредѣлялись между покупателями.

Первымъ толчкомъ, быстро двинувшимъ крохотное предпріятіе по пути развитія, была русско-турецкая война 1877 года, когда сразу сильно увеличился спросъ на народныя картины и карты военныхъ дѣйствій.

Вторымъ толчкомъ была Всероссійская Промышленная выставка въ Москвѣ въ 1882 году. Литографія приняла участіе на выставкѣ своими „лубками". Академикъ Боткинъ, завѣдывавшій художественнымъ отдѣломъ выставки, обратилъ на нихъ особенное вниманіе, какъ на лучшія народныя картины.

За выставку Сытинъ получилъ награду—серебряную медаль на Станиславской лентѣ. Но не въ этомъ сказалось значеніе выставки: послѣдствіемъ ея было повышеніе художественной стороны народныхъ картинъ. По указанію и совѣту Боткина, при производствѣ народныхъ картинъ сытинская литографія впервые стала пользоваться копіями съ картинъ лучшихъ художниковъ. Началась та эволюція въ народныхъ картинахъ въ сторону улучшенія ихъ содержанія и художественнаго выполненія, которая потомъ красною нитью проходила и продолжаетъ проходить чрезъ всю дѣятельность Товарищества въ этой области.

Улучшеніе фабрикатовъ литографіи повышало и спросъ на нихъ. На очередь всталъ вопросъ о расширеніи предпріятія. Первоначальныя рамки были тѣсны, онѣ не давали возможности поставить дѣло такъ, какъ того требовалъ все увеличивавшійся спросъ со стороны рынка. Шараповъ, въ тѣсномъ единеніи съ которымъ работалъ Сытинъ, привыкъ жить и работать по старинѣ, тихо, на расширеніе не шелъ, новизны и широты боялся. „Мнѣ это не впору,—говорилъ онъ Сытину,—я буду вести свое дѣло потихоньку, а ты будешь шагать все дальше и дальше. Давай разойдемся, открывай свою лавку, я тебѣ помогу".

II.

1 января 1883 года Сытинъ открылъ уже свою собственную торговлю у Ильинскихъ воротъ, на Старой площади. Шараповъ поддержалъ его на первыхъ порахъ товаромъ на 5 тысячъ рублей.

Первая сытинская лавка была болѣе чѣмъ скромныхъ размѣровъ: 5 аршинъ въ ширину и 10 въ длину. Это не мѣшало, однако, молодому хозяину сразу же поставить дѣло по-новому, привлекая къ нему людей и капиталы. Началось съ учрежденія Товарищества. Въ февралѣ того же 1883 г. И. Д. Сытинъ, Д. А. Варапаевъ, В. Л. Нечаевъ и И. И. Соколовъ заключили договоръ объ учрежденіи книгоиздательскаго Товарищества на вѣрѣ подъ фирмою „И. Д. Сытинъ и К°", съ основнымъ капиталомъ 75 т. руб., срокомъ на шесть лѣтъ.

Новое Товарищество приняло отъ Сытина книжную торговлю и литографію за 36 т. рублей и открыло свою дѣятельность.

Съ перваго же года своего существованія Т-во, помимо изданія народныхъ книгъ и картинъ, приступило къ изданію календарей. До этого времени существовалъ единственный у насъ дешевый календарь Гатцука. Расходился онъ почти исключительно среди городского населенія. Деревня календаря не знала. Товарищество Сытина первое пустило календарь въ народъ. Въ главѣ о календаряхъ настоящаго сборника читатель найдетъ болѣе подробныя свѣдѣнія о томъ, какъ началась и развивалась эта отрасль издательства Т-ва. Здѣсь же умѣстно будетъ упомянуть, что сытинскій календарь скоро завоевалъ себѣ рынокъ и получилъ широкую извѣстность. Тиражъ его неуклонно повышался и продолжаетъ повышаться изъ года въ годъ.

Главными покупателями Т-ва были офени. Воспѣтые Некрасовымъ коробейники, офени, ходебщики еще такъ недавно, всего 30—40 лѣтъ тому назадъ, были единственными распространителями произведеній печати въ деревнѣ. Въ своихъ коробахъ и телѣжкахъ они разносили и развозили по Руси печатныя произведенія Никольскаго рынка — лубочныя картины и книги. Преимущественнымъ спросомъ со стороны деревенскаго покупателя пользовались картины, что весьма понятно: для большинства неграмотнаго народа книжки были еще недоступны. Да и книжный рынокъ не изобиловалъ произведеніями печати для народа: сонники, оракулы, традиціонные „Бовы", „Еруслаги" и „Милорды", — вотъ все, что могъ дать онъ народу, какъ духовную пищу.

Настоящей литературы на Никольскомъ рынкѣ не было. Писатели съ именемъ считали для себя зазорнымъ вступать съ издателями лубочной литературы въ какое бы то ни было общеніе. Рынокъ питался произведеніями никому неизвѣстныхъ, подчасъ полуграмотныхъ „сочинителей". Издатели пріобрѣтали произведенія ихъ пера въ полную собственность, платя по 3—5 руб. за печатный листъ. Въ большинствѣ случаевъ это были грубыя передѣлки произведеній нашихъ писателей. На мѣстахъ лубочныя книги продавались по очень высокой цѣнѣ и пользовались спросомъ лишь среди немногочисленнаго круга деревенскихъ грамотеевъ—писарей, мелкаго духовенства и т. п.

Успѣхъ торговли много зависѣлъ отъ умѣлаго подбора картинъ въ коробѣ офени. Нужно было хорошо знать не только вкусы и запросы народа, но и понимать его психологію. Вотъ почему торговыя сношенія съ офенями не ограничивались простой куплей-продажей. Торговецъ Никольскаго рынка долженъ былъ умѣть „обойтись" съ покупателемъ—офеней, дружески побесѣдовать съ нимъ, чтобы уяснить себѣ интересы и запросы народа въ данный моментъ, затѣмъ умѣло подобрать ему нужный товаръ, составить такой „ассортиментъ" картинъ для каждаго короба, который могъ бы разсчитывать на скорый сбытъ. Подбору товара предшествовало „угощеніе" покупателя, куда входило обычное посѣщеніе трактира, дешевыхъ увеселеній, даже бани. И только послѣ этого начиналась дѣловая часть торговли — подборъ товара и расчетъ. На рынкѣ офени появлялись осенью, послѣ полевыхъ работъ. Товаръ закупали артелью.

Такова, приблизительно, была внѣшняя обстановка торговли съ офенями. Въ первые годы имѣла она мѣсто и въ практикѣ Т-ва Сытина. Но офенство отживало уже свой вѣкъ. Просвѣтительная дѣятельность земствъ, различныхъ Обществъ и Комитетовъ создавала новые пути для распространенія въ народѣ печатнаго слова, а земская школа создавала новаго деревенскаго читателя, для котораго нужна была настоящая литература.

Въ это время на Никольскій рынокъ пришелъ Толстой и сказалъ свое вѣщее слово. Сытинъ первый услышалъ этотъ призывъ и понялъ великое значеніе его. Толстой разглядѣлъ въ Сытинѣ ту силу, которая могла осуществить и провести въ жизнь его стремленіе—дать народу здоровую духовную пищу, приблизить къ нему творенія великихъ умовъ человѣчества. Въ 1884 году при посредствѣ В. Г. Черткова это единеніе великаго духа и большой практической силы произошло. Было положено начало „Посреднику". Благодаря Сытину получилась возможность не только дать

народу настоящую, хорошую книжку, но и сдѣлать ее для него доступной. Народъ былъ не только теменъ, но и бѣденъ. Затрачивать значительныя средства на книжку онъ не могъ. Попытки приблизить къ народу хорошую книжку были и раньше, но всѣ онѣ не имѣли успѣха, благодаря непрактичности лицъ, бравшихся за это дѣло. Сытинъ первый сумѣлъ довести стоимость литературной народной листовки до 80 коп. за сотню. Дешевле копейки за книжку! Это былъ цѣлый переворотъ, великое открытіе на книжномъ рынкѣ, положившее начало новой свѣтлой эпохѣ въ исторіи книги на Руси.

И. Д. Сытинъ въ своемъ рабочемъ кабинетѣ.

Изъ автобіографическихъ набросковъ Сытина мы узнаемъ, какое благотворное вліяніе имѣло на него постоянное общеніе съ главными работниками „Посредника"—Л. Толстымъ, В. Г. Чертковымъ и другими. Онъ увидалъ, какую роль можетъ играть издатель народныхъ книгъ въ просвѣтительной работѣ для народа и страны. И это опредѣлило направленіе всей дальнѣйшей дѣятельности созданнаго имъ книгоиздательства. Съ этого времени Т-во въ своей работѣ пошло и продолжаетъ итти до настоящаго

времени рука объ руку съ передовой интеллигенціей и просвѣтительными организаціями въ ихъ стремленіи приблизить къ народу и вообще къ широкимъ слоямъ населенія настоящую литературу—эту драгоцѣнную сокровищницу человѣческаго знанія.

Крупную роль сыгралъ „Посредникъ" и въ другомъ отношеніи: онъ проторилъ дорогу къ Никольскому рынку для тѣхъ, кто раньше считалъ для себя предосудительнымъ общеніе съ лубочниками. За нимъ на этотъ исконный рынокъ народнаго лубка пошли и другія интеллигентныя силы, пошли настоящіе писатели.

Успѣхъ изданій „Посредника", благодаря ихъ внутреннему содержанію и поразительной дешевизнѣ, былъ по тому времени небывалый. Книжки расходились въ милліонахъ экземпляровъ. Фирма Сытина въ короткое время получила широкую извѣстность, сдѣлалась популярной, что конечно, скоро отразилось въ благопріятную сторону на всемъ предпріятіи въ цѣломъ. Такъ, въ томъ же 1884 году Т-во открываетъ уже вторую книжную торговлю въ Москвѣ, на Никольской улицѣ, въ домѣ гр. Орлова-Давыдова. Въ слѣдующемъ 1885 году оно пріобрѣтаетъ собственную типографію и устраиваетъ ее вмѣстѣ съ первоначальной литографіей на Пятницкой улицѣ, въ домѣ Сытина, подъ управленіемъ бывшаго преподавателя Строгановскаго училища И. К. Иванова, много и съ успѣхомъ потрудившагося въ роли управляющаго типо-литографіей Т-ва въ первый періодъ ея дѣятельности.

Неуклонно растутъ и обороты Т-ва. Начавъ первый годъ своей дѣятельности съ оборота въ 270.000 руб., оно къ 1889 году, когда кончился срокъ перваго договора Сытина съ Нечаевымъ и Варапаевымъ, довело свои обороты по торговлѣ до 550.000 р. За годъ до этого, въ 1888 году, Т-во открываетъ книжную торговлю въ Петроградѣ, на Садовой улицѣ, въ зданіи Гостинаго Двора.

III.

Въ 1889 году, за смертью В. Л. Нечаева, въ составъ Т-ва вступаетъ М. А. Улыбинъ. Участники Т-ва заключаютъ между собою новый договоръ съ основнымъ капиталомъ въ 110.000 рублей. Издательская дѣятельность продолжаетъ расширяться. Въ изданіи Т-ва появляются уже произведенія Пушкина („Полтава", „Русланъ и Людмила", „Арапъ Петра Великаго", „Дубровскій", „Евгеній Онѣгинъ"), басни Крылова, „Русскія народныя былины по сборникамъ Кирши-Данилова, Кирѣевскаго и др.",

стихотворенія Кольцова. Въ отдѣлѣ дѣтской литературы мы видимъ „Хижину дяди Тома“, „Робинзона Крузо“, „Избранныя сказки по Аѳанасьеву“, сказки Гримма, сказки Андерсена. Въ отдѣлѣ спеціальной литературы— „Бесѣды о повальныхъ болѣзняхъ“ врача Морозова, „Объ уходѣ за малыми дѣтьми“ врача Покровскаго, „Берегите здоровье“ Соколова и др. Т-во все больше и больше эмансипируется отъ лубка и пріобрѣтаетъ характеръ солидной книгоиздательской фирмы. Глава фирмы И. Д. Сытинъ часто посѣщаетъ засѣданія Московскаго Комитета Грамотности, удѣлявшаго

Кабинетъ директоровъ Правленія. Справа—директоръ Правленія М. Т. Соловьевъ: слѣва—секретарь Правленія А. Н. Павельевъ.

въ то время такъ много вниманія вопросу о книгахъ для народа. Здѣсь онъ знакомится и потомъ сближается со многими дѣятелями того времени въ области народнаго образованія—Д. И. Тихомировымъ, Л. Поливановымъ, Л. П. Бѣльскимъ, позже—съ В. П. Вахтеровымъ, Н. В. Тулуповымъ, П. М. Шестаковымъ и др. Скоро въ изданіи Т-ва И. Д. Сытина появляются брошюры и картины Московскаго Комитета Грамотности, начинаетъ выходить серія народныхъ книжекъ подъ девизомъ „Правда“. Черезъ П. Н. Милюкова ведутся первоначальные переговоры съ Комиссіей до-

машняго чтенія Учебнаго Отдѣла Общ. Распр. Техн. Знаній объ изданіи „Библіотеки для самообразованія“. Въ 1892 году Т-во пріобрѣтаетъ право на журналъ „Вокругъ Свѣта“, который и издается имъ до настоящаго времени.

Типографія на Пятницкой не можетъ уже удовлетворять все растущей потребности въ книгахъ и картинахъ. Въ 1893 году Т-во пріобрѣтаетъ недвижимое имущество на Валовой улицѣ, отстраиваетъ здѣсь новое фабричное зданіе и переводитъ сюда мастерскія типо-литографіи. Въ этомъ же году открываются новыя торговыя отдѣленія Т-ва: въ Москвѣ, въ домѣ „Славянскаго Базара“, и въ Кіевѣ, въ Гостиномъ дворѣ, на Подолѣ.

Обороты Т-ва въ періодъ съ 1889 по 1893 годъ увеличаются почти вдвое, достигая въ 1893 году до 900.000 рублей.

IV.

Съ Пасхи 1893 года взамѣнъ существовавшаго Т-ва на вѣрѣ учреждается „Высочайше утвержденное Т-во печатанія, издательства и книжной торговли И. Д. Сытина“ съ основнымъ капиталомъ въ 350.000 р. Составъ Правленія остается прежній. Торговые обороты и производство Т-ва увеличиваются. Въ каталогѣ Т-ва за 1894 г. насчитывается уже 896 отдѣльныхъ названій книгъ.

Черезъ два года, въ 1895 году, Т-во увеличиваетъ свой основной капиталъ до 450 т. руб. и открываетъ книжную торговлю въ Варшавѣ. За смертью Д. А. Варапаева въ директора Правленія вступаетъ И. И. Соколовъ. Издательство продолжаетъ неуклонно прогрессировать. Въ каталогѣ 1896 года мы насчитываемъ уже 1225 названій, среди которыхъ находимъ первые выпуски „Библіотеки для самообразованія“, а въ отдѣлѣ беллетристики — произведенія В. И. Немировича-Данченко, Н. Златовратскаго и Ф. Нефедова.

Около этого времени въ издательствѣ принимаетъ близкое участіе Н. А. Рубакинъ, которому Т-во поручаетъ общее завѣдываніе отдѣломъ научныхъ и научно-популярныхъ книгъ. По первоначальному плану отдѣлъ этотъ долженъ былъ заключать 6 серій: 1) библіотеку классическихъ авторовъ, 2) историко-культурную библіотеку, 3) политико-экономическую библіотеку, 4) библіотеку естественныхъ наукъ, 5) библіотеку для дѣтей и юношества и 6) изданія для народа. По цензурнымъ условіямъ того времени многое изъ предполагавшагося къ изданію въ этомъ отдѣлѣ не могло выйти въ свѣтъ, все же значительное число книгъ было издано. Изъ послѣднихъ

назовемъ здѣсь слѣдующія: Г. Спенсеръ „Основаніе психологіи“. „Основаніе соціологіи“. Гейссеръ „Исторія французской революціи“. Дементьевъ, Е „Фабрика, что она даетъ населенію и что она у него беретъ“. Засодимскій, П. „Задушевные разсказы“. Беренъ, М. В. „Разсказы о борьбѣ человѣка съ природой“. Рубакинъ, Н. А. „Чудо на морѣ“. Его же „Разсказы о друзьяхъ человѣчества“. Э. Реклю. „Исторія горы“ и нѣкоторыя другія.

Къ этому же приблизительно времени относятся первые шаги Т-ва въ дѣлѣ широкой постановки и изданія учебной литературы для началь-

Главная Контора Т-ва.

ной школы. Въ 1896 году впервые вышелъ получившій затѣмъ столь широкое распространеніе „Русскій букварь“ В. П. Вахтерова и задачникъ для воскресныхъ школъ А. Ф. Гатлиха.

Въ срединѣ 90-хъ годовъ прошлаго столѣтія, подъ вліяніемъ работы столичныхъ Комитетовъ Грамотности и въ особенности послѣ горячаго призыва со стороны Петроградскаго Комитета, быстро стали нарождаться

у насъ народныя библіотеки. По условіямъ того времени, безплатныя народныя библіотеки должны были руководствоваться отошедшими теперь уже въ область невозвратнаго прошлаго „Правилами о безплатныхъ народныхъ читальняхъ и о порядкѣ надзора за ними“ 15 мая 1890 года. По этимъ правиламъ народныя библіотеки могли имѣть у себя книги и повременныя изданія, лишь одобренныя для нихъ Ученымъ Комитетомъ Мин. Нар. Пр. Почти всюду „Правила“ эти примѣнялись съ неуклонною строгостью. Библіотекамъ, имѣвшимъ хотя одну неодобренную министерствомъ книгу, грозило закрытіе. На мѣстахъ все это значительно затрудняло и осложняло дѣло пополненія библіотекъ новыми изданіями. Министерскіе же каталоги выходили съ значительнымъ запозданіемъ, слѣдить за допущеніемъ книгъ особенно въ глухой провинціи было трудно.

Т-во рѣшило прійти на помощь работникамъ въ библіотечномъ дѣлѣ, организовавъ въ 1896 году особое „Отдѣленіе“ „Народно-школьныхъ библіотекъ“. Для организаціи новаго „Отдѣленія“ былъ приглашенъ Н. В. Тулуповъ. Въ задачи „Отдѣленія“ входило исполненіе заказовъ на всѣ вообще книги для народныхъ библіотекъ, читаленъ, сельскихъ и городскихъ школъ всѣхъ наименованій, городскихъ публичныхъ библіотекъ и земскихъ книжныхъ складовъ. „Отдѣленіе“ также брало на себя составленіе списковъ книгъ и брошюръ для народныхъ чтеній, выборъ книгъ для наградъ учащимся и для раздачи на школьныхъ праздникахъ. На первыхъ же порахъ Н. В. Тулуповымъ былъ составленъ и выпущенъ въ свѣтъ особый каталогъ „Отдѣленія“, разошедшійся въ теченіе одного года въ 2-хъ изданіяхъ. Каталогъ заключалъ въ себѣ правила, указанія и узаконенія, касавшіяся школьныхъ и народныхъ библіотекъ, и списки систематически подобранныхъ книгъ для библіотекъ, стоимостью отъ 1 руб. до 500 рублей. На Всероссійской выставкѣ въ Н.-Новгородѣ въ 1896 году каталогъ былъ премированъ по учебному отдѣлу дипломомъ первой степени [1]).

Къ этому періоду времени относится участіе въ Т-вѣ въ качествѣ редактора нѣкоторыхъ изданій дѣтской и педагогической литературы В. П. Вахтерова.

За первое 5-тилѣтіе дѣятельности Высочайше утвержденнаго Т-ва, съ 1893 г. по 1898 г., обороты его увеличились почти вдвое, выразившись въ 1898 году въ суммѣ 1.622.000 руб.

[1]) Впослѣдствіи „Отдѣленіе народно-школьныхъ библіотекъ“ выдѣлилось въ самостоятельное предпріятіе, подъ фирмой книжный магазинъ „Другъ Образованія“. Но въ этомъ видѣ оно просуществовало недолго: въ декабрѣ 1898 г. оно, по невыяснившимся до настоящаго времени причинамъ, было закрыто въ административномъ порядкѣ.

Директора правления Т-ва И. Д. Сытина за настоящее время.

V.

1899 годъ въ жизни Т-ва является знаменательнымъ: въ этомъ году имъ пріобрѣтается отъ г. Александрова „Русское Слово“, тогда маленькая захудалая газетка, хотя и издававшаяся безъ предварительной цензуры. Для И. Д. Сытина начинается періодъ сугубыхъ заботъ и особо напряженной работы по улучшенію пріобрѣтенной газеты и постановкѣ ея на должную высоту. Результаты этой работы налицо: въ настоящее время газета за-

Оптовый магазинъ Т-ва на Маросейкѣ.

нимаетъ у насъ первенствующее мѣсто по тиражу, освѣдомленности и популярности среди самыхъ разнообразныхъ круговъ читателей. Завѣтъ А. П. Чехова, неоднократно указывавшаго Сытину на необходимость изданія дешевой газеты, осуществился. Успѣхъ газеты превзошелъ самыя смѣлыя ожиданія.

1899 г. долженъ быть отмѣченъ въ исторіи Т-ва и въ другомъ отношеніи. Въ этомъ году исполнилось столѣтіе со дня рожденія

А. С. Пушкина. Т-во ко дню чествованія памяти великаго поэта выпустило его сочиненія въ 2-хъ видахъ *по небывалой до того времени цѣнѣ*. „Полное собраніе сочиненій въ 2-хъ томахъ, съ біографіей поэта и статьями о немъ В. Г. Бѣлинскаго, иллюстраціями академика К. В. Лебедева“, 1227 стр., за 1 руб. 20 коп., и „Полное собраніе“ въ 1 томѣ, 935 стр., за 90 коп. Кромѣ того, изданы были „Избранныя стихотворенія, съ біографіей поэта“, томикъ въ 142 стр., за 12 коп. Книжки разошлись въ громадномъ количествѣ экземпляровъ, проникнувъ въ самые глухіе уголки родины, въ самыя бѣдныя школы.

Много и другихъ новыхъ книгъ находимъ мы въ каталогѣ за этотъ годъ. Такъ, въ отдѣлѣ учебниковъ находимъ: „Первый шагъ“ В. П. Вахтерова, „Народную школу“ В. М. Львова, „Сборникъ грамматическихъ упражненій“ В. Н. Сатарова, „Землемѣріе“ Тицъ, „Священную исторію“ Ѳивейскаго. Въ отдѣлѣ дѣтской литературы—„Школьные товарищи“ Амичиса, „Маленькій лордъ“ Бернета, „Счастливое царство“ Бекетовой, „Рождественская звѣзда“ И. И. Горбунова-Посадова, „Волненія красной куропатки“ Додэ, „Раннія грозы“ Лидановой, „Дядюшка флейтистъ“, „Зернышко“ и „Ясное солнышко“ К. В. Лукашевичъ, „Волшебный міръ“ Перро, „Въ родномъ кругу“ Урсыновичъ и др. Въ отдѣлѣ русскихъ и иностранныхъ писателей—произведенія Баранцевича, Барыковой, Боборыкина, Мамина-Сибиряка, Потапенко, Станюковича, Телешова, Чехова, Эртеля, В. Гюго, А. Додэ, Лессинга, Гектора Мало, Оржешко, Сенкевича, М. Твэна, Дж. Элліота.

Въ отдѣлѣ „Библіотека для самообразованія“ насчитываемъ 9 книгъ—трудовъ: Г. Лоренца, Г. Майра, Минто, Эд. Поррита, В. А. Сторожева, А. Уоллеса, М. Ферворна, Б. Н. Чичерина, Шамонина и Петрушевскаго.

Въ отдѣлѣ книгъ по разнымъ отраслямъ знанія—произведенія профессора И. И. Иванова, Ш. Летурно, Вс. Миллера, А. Рамбо, А. Ѳ. Кони, профессора Лучицкаго, Н. Сабатье, В. Г. Бѣлинскаго, М. С. Громеки, В. Гольцева, Беттани и Дугласа, Г. Друммонда, Мюллера, Г. Спенсера, Х. Уильямса, Н. И. Зибера и др.

Въ отдѣлѣ медицины, ветеринаріи и сельскаго хозяйства—произведенія доктора Алексѣева, профессора Бекетова, ветеринарнаго врача Гурина, Лунина, Милотворскаго, Рахманова, Рудина, агронома Бажаева, пчеловода Красноперова и др.

Съ такой сказочной быстротой растетъ число издаваемыхъ Т-вомъ книгъ!

Въ качествѣ постояннаго редактора дѣтскихъ, улучшенныхъ народныхъ и учебныхъ книгъ въ 1899 г. Т-во приглашаетъ Н. В. Тулу-

С. И. Ягужинскій. Торговля книгами и картинами изъ мелкихъ лавокъ и ларей на Толкучкѣ.

пова. Редакція изданій Т-ва впервые получаетъ правильную постановку, какъ постоянно и регулярно дѣйствующее учрежденіе въ книгоиздательствѣ.

Въ этомъ же году Т-вомъ открывается книжная торговля въ Екатеринбургѣ. За выбытіемъ изъ состава правленія М. А. Улыбина директоромъ правленія избирается В. И. Миловидовъ.

Въ слѣдующемъ 1900 г. открываются книжныя торговли въ Одессѣ и Воронежѣ. На мѣсто выбывшаго директора И. И. Соколова избирается Ѳ. И. Благовъ.

Въ 1901 году Ѳ. И. Благовъ утверждается редакторомъ „Русскаго Слова". За выбытіемъ изъ состава правленія В. И. Миловидова директоромъ правленія избирается В. И. Розенгагенъ.

Около этого времени въ издательствѣ впервые принимаетъ участіе Г. С. Петровъ. Въ каталогѣ Т-ва за 1901 годъ значутся вышедшими въ первомъ изданіи слѣдующія его книги: „Божьи работники", „Долой пьянство", „Зерна добра" и „Къ свѣту". Въ этомъ же году въ изданіи Т-ва выходятъ труды „Комиссіи по устройству чтеній для учащихся Педагогическаго Общества, состоящаго при Императорскомъ Московскомъ университетѣ". Въ 1901 году вышли слѣдующія книжки этой серіи: Ф. Нелидовъ, „А. Н. Островскій и его дореформенные типы". Н. Романовъ „Донателло" (изъ исторіи итальянскаго искусства). А. Кизеветтеръ „Первый общедоступный театръ въ Россіи".

Въ октябрѣ 1901 года праздновался 35-лѣтній юбилей основателя фирмы И. Д. Сытина.

Въ „Русскомъ Словѣ" (№ 271 отъ 2-го октября 1901 г.) находимъ слѣдующее описаніе празднованія:

„Вчера исполнилось 35-лѣтіе книгоиздательской дѣятельности И. Д. Сытина. Въ помѣщеніи типографіи, на Валовой ул., убранномъ тропическими растеніями, въ 11 часовъ было совершено настоятелемъ церкви Воскресенія Славущаго, что въ Монетчикахъ, протоіереемъ Сахаровымъ благодарственное молебствіе, послѣ чего началось чествованіе юбиляра. Отъ лица пайщиковъ товарищества юбиляра привѣтствовалъ А. В. Васильевъ, прочитавшій адресъ, вложенный въ драгоцѣнный ларецъ, украшенный видами фабричныхъ зданій, съ изображеніемъ на крышкѣ Ильи Муромца, борющагося съ чудовищами, — олицетвореніе просвѣтительной борьбы юбиляра съ народнымъ невѣжествомъ.

Затѣмъ былъ прочитанъ адресъ отъ служащихъ типо-литографіи [1]).

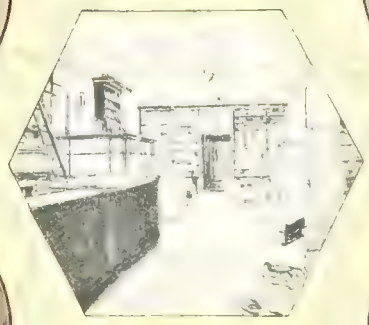
---

[1]) Содержаніе адресовъ, прочитанныхъ на юбилеѣ, приведено въ другомъ мѣстѣ настоящаго сборника, см. ст. Н. В. Тулупова „Дѣятельность И. Д. Сытина въ оцѣнкѣ русскаго общества".

А. В. ПЪШЕХОНОВЪ.
МОСКВА

А. П. НАГОЛКИНЪ
МОСКВА

Н. И. СМЕТАННИКОВЪ
МОСКВА



ГЛАВНЫЙ СКЛАДЪ.
МОСКВА МАРОСЕЙКА

П. Н. ХАРИТОНОВЪ.
ПЕТРОГРАДЪ

В. И. РЕВЯКИНЪ.
ПЕТРОГРАДЪ.

А. И. СОКОЛОВЪ.
МОСКВА

Завѣдующіе столичными отдѣленіями Т-ва А. И. Сапина.

По прочтеніи адреса И. Д. была поднесена массивная серебряная братина съ чарками.

Далѣе В. М. Дорошевичъ прочиталъ адресъ отъ сотрудниковъ издаваемыхъ И. Д. періодическихъ изданій: газеты „Русское Слово“ и журналовъ „Искры“ и „Вокругъ Свѣта“.

В. А. Гольцевъ прочиталъ адресъ отъ кружка литераторовъ.

Служащіе въ магазинахъ Т-ва поднесли адресъ, вложенный въ бюваръ съ серебряною крышкою, на которой изображенъ портретъ юбиляра.

Изъ другихъ депутацій отмѣтимъ: депутацію общества дѣятелей печатнаго дѣла съ К. К. Мазингомъ во главѣ, поднесшихъ адресъ; депутацію общества книготорговцевъ,—адресъ читалъ К. А. Казначеевъ; В. Д. Соколовъ привѣтствовалъ отъ Комиссіи домашняго чтенія; А. Д. Алферовъ—отъ Комиссіи по устройству чтеній для учащихся Педагогическаго Общества Императорскаго Московскаго университета; читалось привѣтствіе отъ Комиссіи по техническому образованію Московскаго Отдѣленія Императорскаго Русскаго Техническаго Общества; адресъ отъ Славянскаго Вспомогательнаго Общества, представителемъ котораго былъ предсѣдатель, полк. А. И. Черепъ-Спиридовичъ. Работающая въ учрежденіяхъ товарищества Гостинодворская биржевая артель поднесла И. Д. цѣнную икону Спасителя. Изъ другихъ многочисленныхъ привѣтствій отмѣтимъ адресъ отъ товарищества Кувшинова и мн. др.

Кромѣ перечисленныхъ подношеній, было много другихъ: серебряныхъ сервизовъ и другихъ цѣнныхъ вещей. Поднесенъ большой фотографическій портретъ И. Д. и его супруги.

Растроганный юбиляръ въ отвѣтной рѣчи благодарилъ всѣхъ за участіе въ его скромномъ праздникѣ, указалъ, что онъ лично одинъ ничего не сдѣлалъ бы, если бы не было около него людей, которые шли на его призывъ и работали съ нимъ рука объ руку. Онъ надѣется и на дальнѣйшую ихъ поддержку“.

VI.

1902 годъ былъ годомъ литературныхъ юбилеевъ: исполнилось 50-лѣтіе со дня смерти Н. В. Гоголя, В. А. Жуковскаго. Право на литературную собственность этихъ писателей стало достояніемъ всего общества, что давало возможность широко распространить ихъ произведенія среди грамотнаго населенія страны и тѣмъ достойнымъ образомъ почтить ихъ память. Т-во, всегда отвѣчавшее запросамъ на дешевую,

Завѣдующіе провинціальными отдѣленіями Т-ва И. Д. Сытина

всѣмъ доступную книгу, и на этотъ разъ рѣшило сдѣлать все отъ него зависящее, чтобы сдѣлать произведенія корифеевъ нашей литературы доступными самымъ широкимъ слоямъ населенія. Не остановилось оно и передъ значительными затратами. Для редактированія сочиненій Н. В. Гоголя былъ приглашенъ проф. А. И. Кирпичниковъ. Жуковскій вышелъ подъ редакціей А. Д. Алферова.

Кромѣ книгъ, ко дню юбилеевъ фирмой были изданы очень дешевые портреты Гоголя и Жуковскаго въ краскахъ.

Все изданіе имѣло большой успѣхъ. Произведенія Гоголя и Жуковскаго, благодаря дешевизнѣ, стали доступны для самыхъ широкихъ круговъ населенія.

Въ 1903 году вышелъ первымъ изданіемъ имѣвшій въ свое время колоссальный успѣхъ „Сахалинъ" В. М. Дорошевича.

Быстро развивавшаяся издательская дѣятельность Т-ва требовала значительнаго расширенія мастерскихъ типо-литографіи. Т-во пріобрѣло въ районѣ Пятницкой улицы рядъ мелкихъ владѣній, примыкавшихъ къ зданію типографіи, и приступило въ 1903 году къ постройкѣ грандіознаго фабричнаго корпуса по проекту инженера Эрихсона. Въ этомъ же году открыта была новая книжная торговля въ Харьковѣ.

За истекшее пятилѣтіе, съ 1898 по 1903 годъ, обороты Т-ва снова возросли въ значительной степени, достигнувъ въ 1903 году 2.897.785 рублей.

Въ 1904 году основной капиталъ Т-ва увеличивается до 800.000 руб., увеличивается и составъ правленія на одного директора. Четвертымъ директоромъ избирается А. В. Васильевъ.

Открываются книжные магазины въ Иркутскѣ и Ростовѣ-на-Дону.

Разразившаяся въ 1904 г. русско-японская война вызвала значительный интересъ къ „Русскому Слову", дававшему обильныя и обстоятельныя свѣдѣнія съ театра военныхъ дѣйствій. Тиражъ газеты быстро повышается. Обороты по изданію газеты съ 422.785 руб. въ 1903 г. поднимаются въ 1904 г. до 943.735 руб.

Въ концѣ 1904 г. Т-во получило разрѣшеніе и приступило къ изданію дѣтскаго журала „Другъ Дѣтей" подъ редакціей Н. В. Тулупова. Журналъ былъ задуманъ широко. Юнымъ читателямъ онъ давалъ массу художественныхъ приложеній и богатый матеріалъ для чтенія. Изъ литературныхъ силъ въ немъ приняли участіе: К. С. Баранцевичъ, Я. В. Боринъ, А. Л. Бостромъ, И. А. Бѣлоусовъ, Н. П. Дружининъ, С. Д. Дрожжинъ, П. В. Засодимскій, проф. И. И. Ивановъ, А. И. Купринъ, Л. А. Лиданова, К. В. Лукашевичъ, Д. Н. Маминъ-Сибирякъ, проф. А. М. Ни-

кольскій, Н. И. Позняковъ, С. Д. Протопоповъ, Г. С. Петровъ, А. В. Погожева, В. А. Тихоновъ, П. В. Филоновъ, А. Н. Ульяновъ, Л. Б. Хавкина, Н. В. Чеховъ, Е. Н. Чириковъ, О. М. Чумина и мн. др. [1]).

VII.

1905 годъ для Т-ва былъ годомъ тяжелыхъ испытаній. Начало года не предвѣщало ничего дурного. Дѣла Т-ва шли обычнымъ темпомъ, неуклонно прогрессируя. Основной капиталъ былъ увеличенъ до 1.000.000 руб. Въ Нижегородской ярмаркѣ было пріобрѣтено недвижимое имущество. Подъ вліяніемъ усилившагося интереса со стороны русскаго общества къ общественно-политическимъ вопросамъ Т-мъ была выпущена цѣлая серія книгъ-брошюръ по разнымъ вопросамъ, волновавшимъ широкіе круги населенія въ связи съ переживавшимися тогда событіями.

Главный бухгалтеръ Т-ва М. С. Ефимовъ.

Бѣда нагрянула въ декабрѣ. Въ ночь на 12 декабря во время безпорядковъ произошелъ разгромъ новаго, только что оборудованнаго, фабричнаго корпуса на Пятницкой. Разгромъ сопровождался пожаромъ, уничтожившимъ внутренность зданія съ машинами, запасомъ матеріаловъ и товаромъ. Кто являлся виновникомъ этого вандализма, осталось не выясненнымъ. Убытокъ Т-ва, выразившійся въ 662.000 руб., никѣмъ возмѣщенъ не былъ.

Такой крупный убытокъ, соединенный съ уничтоженіемъ орудій и средствъ производства, для очень и очень многихъ предпріятій явился бы роковымъ и могъ повлечь за собой полное прекращеніе дѣятельности всего предпріятія.

[1]) Болѣе подробно о журналѣ см. въ настоящемъ сборникѣ статью Н. В. Чехова „Дѣтская литература въ изданіи Т-ва И. Д. Сытина“.

Не то съ Т-вомъ Сытина. Правда, моментъ былъ тяжелый. На первыхъ порахъ казалось, что Т-во не вынесетъ этого удара. Но налаженное дѣло, пустившее здоровые корни, вышло изъ затрудненія безъ особыхъ потрясеній. Къ осени сгорѣвшій корпусъ былъ возстановленъ, работы снова были налажены, и обычная трудовая жизнь вновь закипѣла въ реставрированномъ корпусѣ.

Расширяя и развивая болѣе или менѣе равномѣрно всѣ отдѣлы издательства, Т-во наибольшее вниманіе въ это время обратило на изданіе учебниковъ и учебныхъ пособій для начальной школы, что вполнѣ отвѣчало запросамъ жизни. Ростъ школьнаго дѣла подъ вліяніемъ усиленныхъ ассигновокъ на народное образованіе со стороны Государственной Думы вызывалъ и усиленный спросъ на книги учебной литературы. Въ каталогѣ Т-ва за 1907 г. мы насчитываемъ уже 2744 названія книгъ. Въ отдѣлѣ учебниковъ, помимо серій учебныхъ пособій В. П. Вахтерова, Н. В. Тулупова и П. М. Шестакова, находимъ учебныя книги А. Н. Глаголева, Довнаръ-Запольскаго, П. А. Зюковой, Е. Кирпичниковой, К. Князькова, С. Г. Крапивина, Лубенца, О. Н. Овсянико-Куликовскаго, В. П. Острогорскаго, В. В. Половцева, Шохоръ-Троцкаго и др.

Въ отдѣлѣ учебныхъ пособій находимъ новыя серіи книгъ исторической и географической Комиссіи Учебнаго Отдѣла Общества Распространенія Техническихъ Знаній.

Послѣ разгрома и пожара дѣла Т-ва такъ быстро и настолько улучшаются, что уже въ 1906 году оно пріобрѣтаетъ цѣнное недвижимое имущество на Тверской улицѣ, гдѣ и отстраиваетъ прекрасное помѣщеніе для редакціи и типографіи „Русскаго Слова“.

Въ 1907 году Т-во открываетъ 4-й магазинъ въ Москвѣ, на Тверской ул., подъ фирмою „Книжный магазинъ „Русское Слово“.

Въ концѣ 1907 года изъ состава редакціи изданій Т-ва выходитъ Н. В. Тулуповъ. Въ это время онъ всецѣло отдается работѣ по редактированію и изданію основаннаго имъ совмѣстно съ П. М. Шестаковымъ новаго педагогическаго журнала „Для Народнаго Учителя“, а также редактированію цѣлаго ряда составленныхъ ими книгъ по учебной литературѣ. Во главѣ редакціи Т-ва становятся В. И. Сытинъ и Я. В. Борисовъ.

Въ 1908 году Т-во открываетъ второй магазинъ въ Петроградѣ, на Невскомъ проспектѣ. Обороты Т-ва за истекшее пятилѣтіе достигли внушительныхъ размѣровъ, выразившись въ 1908 году въ суммѣ 5.327.274 руб.

Въ 1909 году Т-во увеличиваетъ основной капиталъ до 1.300.000 руб.

Въ 1910 году изъ состава Правленія выбываетъ А. В. Васильевъ, на мѣсто его избирается М. Т. Соловьевъ.

Въ 1911 году открывается книжная торговля въ Софіи (Болгарія), а въ 1912 году—въ Саратовѣ. Кромѣ того, въ этотъ же періодъ времени Т-во пріобрѣтаетъ цѣнное владѣніе на Маросейкѣ, гдѣ въ настоящее время воздвигнуто громадное зданіе, въ которомъ находятся Правленіе и главный оптовый складъ фирмы. На Тверской улицѣ возводится не менѣе грандіозное зданіе для редакціи и типографіи „Русскаго Слова".

Въ 1913 году Т-во снова увеличиваетъ свой основной капиталъ, доводя его до 1.800.000 р. Обороты за слѣдующее пятилѣтіе (съ 1908 г. по 1913 годъ) продолжаютъ расти и въ 1913 году выражаются въ суммѣ 11.862.307 руб. Число членовъ Правленія увеличено до пяти.

Секретарь правленія Т-ва А. Н. Павельевъ.

На новую должность директора избирается В. И. Фроловъ, начавшій службу въ Т-вѣ простымъ рабочимъ. За выбытіемъ изъ состава правленія В. И. Розенгагена въ директора правленія избирается В. И. Сытинъ, по смерти котораго (2 декабря 1915 г.) въ составъ правленія вступаетъ Н. И. Сытинъ.

VIII.

Говоря о дѣятельности Т-ва за самые послѣдніе годы, нельзя не отмѣтить того интереснаго явленія, что оно не только попрежнему растетъ изъ года въ годъ, но постоянно усиливается и самый темпъ этого роста. На первомъ мѣстѣ здѣсь мы видимъ колоссальный ростъ учебной литературы. Въ настоящее время, кромѣ учебниковъ и пособій для начальныхъ школъ, Т-во располагаетъ богатымъ подборомъ книгъ и пособій для средней школы. Народился и значительно выросъ отдѣлъ

книгъ по педагогикѣ и вообще по вопросамъ воспитанія и обученія. Здѣсь мы видимъ солидную серію трудовъ по вопросамъ педагогической психологіи, подъ редакціей А. Н. Бернштейна, В. Е. Игнатьева, Г. И. Россолимо и Г. И. Челпанова. Затѣмъ отдѣльные труды современныхъ западныхъ педагоговъ: П. Кергомара, Г. Кершенштейнера, В. Лая, Э. Меймана, В. Мюнха, Ф. Паульсена и др., русскихъ педагоговъ— В. Вахтерова, А. Гартвига, М. Демкова, Д. Любченко, В. Острогорскаго, Э. Рыбакова, А. Симоновичъ, И. Трояновскаго и др.

Изъ позднѣйшихъ серій по другимъ отраслямъ знаній назовемъ: брошюры Московскаго Общ. Народн. Университетовъ, Московскую экономическую библіотеку, подъ ред. А. А. Мануйлова, И. Х. Озерова, Н. А. Каблукова, І. М. Гольдштейна, серію книгъ по политико-экономическимъ, юридическимъ и общественнымъ наукамъ.

Много книгъ вышло по отдѣлу промышленнаго образованія,—въ помощь сельскому хозяину, крестьянину, ремесленнику и ремесленной школѣ.

Сильно выросъ отдѣлъ книгъ для дѣтскаго чтенія. Здѣсь изъ новыхъ серій необходимо отмѣтить „Библіотеку Тропинки“, подъ редакціей Н. И. Манасеиной и Н. С. Соловьевой. „Русскіе писатели для дѣтей и юношества“, подъ редакціей Н. В. Тулупова и „Родные поэты въ картинахъ“. Наконецъ необходимо указать на цѣлый рядъ изданій, выпущенныхъ Т-мъ по подпискѣ. Все это настолько солидные и цѣнные труды, что за изданіе ихъ могло взяться только предпріятіе, обладающее значительными какъ матеріальными, такъ и техническими средствами.

Сюда относятся:

„Великая реформа“. Юбилейное изданіе въ память пятидесятилѣтія освобожденія крестьянъ. Подъ редакціей Исторической Комиссіи Учебнаго Отдѣла И. Р. Т. О. Въ изданіи приняли участіе болѣе 60-ти лицъ—профессоровъ, прив.-доц., писателей и педагоговъ. Книги роскошно иллюстрированы портретами и картинами на отдѣльныхъ вкладныхъ листахъ по способу меццо-тинто и въ краскахъ. Цѣна изданія, состоящаго изъ шести томовъ, въ 105 печатныхъ листовъ, была назначена 24 рубля.

„Отечественная война и русское общество“, подъ редакціей той же Исторической Комиссіи и при участіи приблизительно тѣхъ же лицъ. Цѣна за семь томовъ 27 р. 90 к.

„Три вѣка“. Россія отъ смуты до нашего времени. Подъ редакціей В. В. Каллаша. Въ изданіи приняли участіе болѣе 30 лицъ. Изданіе отличается изобиліемъ рисунковъ. Здѣсь собранъ весь наиболѣе существенный иллюстраціонно-историческій матеріалъ главнѣйшихъ хранилищъ Москвы и

Петрограда — Румянцевскаго и Историческаго музеевъ, Московскаго главнаго архива Мин. Иностр. Дѣлъ, Третьяковской галлереи, Публичной библіотеки, Музея Императора Александра III, Синодальной типографіи и др. Все изданіе состоитъ изъ шести томовъ, стоящихъ 24 руб. 20 коп.

„Народная энциклопедія научныхъ и прикладныхъ знаній". Въ составленіи энциклопедіи приняли участіе болѣе 150 лицъ — ученыхъ, профессоровъ, писателей и общественныхъ дѣятелей. Все изданіе, состоящее изъ 14 отдѣловъ, снабжено многочисленными рисунками, снимками съ картинъ, картами, таблицами и т. д. Цѣль изданія — содѣйствіе научному самообразованію широкихъ круговъ народа, а также прохожденію курсовъ въ народныхъ университетахъ. Цѣна всего изданія, заключающаго свыше 500 печатныхъ листовъ — 30 руб.

Полное собраніе сочиненій Л. Н. Толстого. Подъ редакціей и съ примѣчаніями П. И. Бирюкова.

„Дѣтская энциклопедія". Подъ редакціей проф. Ю. Н. Вагнера, С. А. Князькова, проф. Н. П. Козловскаго, Ник. Морозова, проф. С. И. Метальникова и М. Н. Новорусскаго. Главная цѣль изданія — удовлетворить пытливый умъ ребенка отвѣтомъ на всѣ его запросы, а также дать большой матеріалъ родителямъ и воспитателямъ для бесѣдъ и занятій съ дѣтьми. Цѣна изданія (10 томовъ)—28 рублей.

„Военная энциклопедія". Подъ редакціей заслуженнаго профессора Николаевской инженерной академіи, генералъ-лейтенанта Н. П. Величко, полковника В. Ф. Новицкаго, преподавателя Николаевской инженерной академіи, военнаго инженера, полковника А. В. фонъ-Шварца, полковника В. А. Апушкина и капитана 2-го ранга К. фонъ-Шульца. Все изданіе состоитъ изъ 46-ти полутомовъ (460 печатныхъ листовъ) и стоитъ 98 рублей.

„Русскія народныя сказки" А. Н. Аѳанасьева. Подъ редакціей А. Е. Грузинскаго. Съ картинами А. Комарова и М. Щеглова. Все изданіе состоитъ изъ 5-ти томовъ, цѣна 10 руб.

Мы далеко не исчерпали всего списка капитальныхъ изданій, предпринятыхъ Т-вомъ за послѣдніе годы, но и приведеннаго достаточно, чтобы судить о томъ масштабѣ, въ которомъ работаетъ оно въ настоящее время. Обороты предпріятія за послѣдній отчетный годъ выразились во внушительной цифрѣ, достигнувъ 17.689.105 руб. 95 коп.

Тутъ не лишнимъ будетъ упомянуть, что Т-вомъ И. Д. Сытина въ настоящемъ году пріобрѣтено большинство паевъ книгоиздательскаго Т-ва Маркса въ Петроградѣ.

IX.

Мы прослѣдили въ общихъ чертахъ шагъ за шагомъ исторію развитія сытинскаго предпріятія. Мы видѣли, какъ болѣе чѣмъ скромное начинаніе въ одну литографскую машину съ ничтожной по размѣрамъ лавочкой выросло въ колоссальнѣйшее книгоиздательское предпріятіе, не имѣющее себѣ равнаго въ Россіи.

Много лицъ съ громкими именами — представителей науки, литературы, искусства, общественныхъ дѣятелей, много скромныхъ работниковъ пера и кисти и лицъ педагогической профессіи принимали и принимаютъ участіе въ дѣлахъ Т-ва своимъ трудомъ, указаніями и совѣтами. Сотни служащихъ и тысячи рабочихъ заняты ежедневнымъ трудомъ въ конторахъ, торговыхъ отдѣленіяхъ и мастерскихъ Т-ва. Центральное мѣсто среди всѣхъ работниковъ и рабочихъ сплъ Т-ва принадлежитъ И. Д. Сытину. Какъ кормчій въ рубкѣ большого корабля, онъ безсмѣнно десятки лѣтъ стоитъ у руля, направляя свое судно среди скалъ и мелей русской дѣйствительности, между Сциллой и Харибдой часто обманчиваго у насъ торгово-промышленнаго счастья. Полвѣка напряженной работы казалось бы достаточнымъ, чтобы утомилось вниманіе, ослабли силы и энергія, понизился интересъ къ дѣлу, но не для Сытина. Этотъ старикъ-юноша попрежнему, какъ всегда, полонъ плановъ, проектовъ, начинаній. Онъ поглощенъ вопросомъ объ устройствѣ своей писчебумажной фабрики, объ основаніи подъ Москвою цѣлаго городка печатнаго и книжнаго дѣла, гдѣ для каждаго отдѣла производства свой особый корпусъ, оборудованный по послѣднему слову техники, гдѣ прекрасные дома для рабочихъ, гдѣ своя церковь, свои школы, больницы, театры, свои подъѣздные пути, свой телеграфный проводъ и т. д. и т. д.

И все для книги, для печатнаго слова, чтобы широкой волной разлилось оно по лицу родной земли!

Т-во счастливо видѣть во главѣ дѣла такого исключительнаго работника.

Русская промышленность можетъ гордиться такимъ дѣятелемъ.

Родина съ признательностью должна отмѣтить его заслуги.

Самъ юбиляръ на рубежѣ полувѣковой работы съ чувствомъ глубокаго удовлетворенія можетъ оглянуться назадъ и спокойно взирать на будущее созданнаго имъ дѣла: оно покоится на прочномъ основаніи и еще долго будетъ съ такимъ же успѣхомъ работать въ интересахъ просвѣщенія народа.

Въ этомъ убѣждаетъ насъ его прошлое и настоящее.

ТОРГОВЫЕ ОБОРОТЫ Т-ВА И. Д. СЫТИНА.

Золотые блоки 900-ой пробы.

Награды Т-ву И. Д. Сытина.

За время своего существованія Т-во получило слѣдующія награды и отличія за свою плодотворную высокополезную дѣятельность:

1.

Дипломъ бронзовой медали

Всероссійской Промышленно-Художественной выставки въ Москвѣ въ 1882 г.

За образцы очень дешевыхъ хромо-литографскихъ работъ, вполнѣ удовлетворительныхъ по рисунку и исполненію.

2.

Дипломъ малой серебряной медали

Ремесленной выставки въ 1885 г. въ г. Москвѣ.

За хорошее исполненіе литографскихъ работъ.

3.

Дипломъ золотой медали

Универсальной выставки 1889 года въ Парижѣ.

4.

Дипломъ серебряной медали

Универсальной выставки 1889 года въ Парижѣ.

5.

Дипломъ большой серебряной медали

I выставки народныхъ картинъ Императорскаго Вольнаго Экономическаго Общества.

За разнообразіе въ выборѣ сюжетовъ для народныхъ картинъ и за художественность ихъ выполненія. Петр. 1891 г. Ноября 30 дня.

6.

Выраженіе глубокой благодарности

Первой Всероссійской выставки Печатнаго дѣла при Императорскомъ Русскомъ Техническомъ О-вѣ подъ высокимъ покровительствомъ ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЫСОЧЕСТВА Великаго Князя КОНСТАНТИНА КОНСТАНТИНОВИЧА.

За присылку изданій Т-ва для сводной витрины по современному русскому книгоиздательству и пожертвованія ихъ въ пользу школы печатнаго дѣла Императорскаго Русскаго Техническаго О-ва.

1895 г. Іюня 15 дня.

7.

Дипломъ золотой медали

Императорскаго Московскаго Общества Сельскаго Хозяйства, присужденной на Всероссійской Сельско-хозяйственной выставкѣ 1—14 декабря 1895 г.

За стремленіе поднять достоинство народныхъ картинъ, какъ со стороны сюжета, такъ и его исполненія.

8.

Дипломъ I разряда

Всероссійской Промышленной и Художественной выставки въ Нижнемъ-Новгородѣ 1896 г.

За широкую дѣятельность по изданію книгъ для народа, а также за изданіе библіотеки для самообразованія.

9.

Дипломъ на право изображенія Государственнаго герба

Всероссійской Промышленной и Художественной выставки въ Нижнемъ-Новгородѣ 1896 г.

За широкое развитіе и правильную постановку печатнаго дѣла при сбытѣ изданій въ Россіи и въ Славянскія земли.

10.

Дипломъ золотой медали

I Всероссійской выставки печатнаго дѣла Императорскаго Русскаго Техническаго Общества.

За услуги дѣлу народнаго образованія, выразившіяся въ улучшеніи книжекъ для народнаго чтенія, въ усовершенствованіи народныхъ картинъ и въ широкомъ ихъ распространеніи на всемъ пространствѣ Русскаго Государства.

1896 г. Октября 10 дня.

11.

Дипломъ золотой медали

Всемірной выставки 1900 г. въ Парижѣ. За изданія Товарищества.

12.

Дипломъ серебряной медали

Всемірной выставки 1900 г. въ Парижѣ. За изданія Товарищества.

Опись сія составлена 30 іюня 1916 г.

13.

Высшая награда—Почетный дипломъ

Коломенской Земской Сельско-Хозяйственной и Кустарной выставки.

За хорошій подборъ книгъ для самообразованія, вполнѣ пригодныхъ какъ по цѣнѣ, такъ и по изложенію для крестьянскихъ хозяйствъ.

1903 г. Сентября 2 дня.

14.

Почетный дипломъ

состоящей подъ Августѣйшимъ покровительствомъ ЕЯ ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА Государыни Императрицы МАРІИ ѲЕОДОРОВНЫ Международной научно-промышленной выставки „Дѣтскій Міръ".

За многолѣтнюю полезную издательскую дѣятельность и за общедоступность и дешевизну изданій, напримѣръ: „Родныя сказки" (редакц. Тулупова) и „Дѣтская библіотека".

1904 г. Января 24 дня.

15.

Дипломъ золотой медали

Универсальной выставки въ Льежѣ въ 1905 г., состоящей подъ высочайшимъ покровительствомъ короля Бельгійскаго Альберта.

За выставку художественныхъ произведеній.

16.

Дипломъ малой золотой медали

4-й Очередной выставки Полубояриновскаго Сельско-Хозяйственнаго Общества въ 1908 г.

17.

Почетный дипломъ

Комитета Туркестанской сельско-хозяйственной, научно-промышленной и художественной выставки, состоявшейся въ 1909 г. въ г. Ташкентѣ въ ознаменованіе 25-лѣтія существованія О-ва Сельскаго хозяйства.

За выдающуюся дѣятельность по изданію дешевыхъ и полезныхъ для народа книгъ и брошюръ, учебниковъ и картъ для низшихъ и среднихъ школъ и книгъ научнаго характера.

18.

Дипломъ малой золотой медали

Международной выставки мелкой промышленности, профессіональнаго образованія и сельскаго хозяйства съ отдѣлами крупной промышленности противопожарнаго дѣла въ г. Казани въ 1909 г.

За полезность и дешевизну изданій.

19.

Дипломъ большой золотой медали

Фабрично-Заводской, промышленной, художественной и сельско-хозяйственной выставки въ Одессѣ въ 1910 г.

За отличныя и дешевыя выполненія типо-литографскихъ работъ.

20.

Свидѣтельство на большую серебряную медаль

состоявшейся подъ Высочайшимъ ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА покровительствомъ Царско-Сельской Юбилейной выставки 1710—1910 гг.

За географическія карты, картины, таблицы и т. п. наглядныя учебныя пособія, издаваемыя по сравнительно недорогой цѣнѣ, и за изданія по сельскому хозяйству.

21.

Свидѣтельство большой золотой медали

Комитета Южно-Русской областной Сельско-Хозяйственной Промышленной и Кустарной выставки въ г. Екатеринославѣ, устроенной Екатеринославскимъ Губернскимъ Земствомъ съ 1 іюля по 10 октября 1910 г.

За отличное изданіе „Народной энциклопедіи" и школьныхъ руководствъ Вахтерова, Тулупова, Шестакова и др.

22.

Глубокая признательность

Одесскаго Отдѣленія Императорскаго Русскаго Техническаго Общества за участіе въ Фабрично-Заводской Художественно-Промышленной и Сельско-Хозяйственной выставкѣ въ 1910 г. въ г. Одессѣ, гдѣ спеціально избранная комиссія обратила особое вниманіе на образцовую постановку обученія въ художественной школѣ И. Д. Сытина примѣнительно къ нуждамъ и запросамъ художественной промышленности.

23.

Дипломъ малой золотой медали,

присужденной по постановленію комитета 2-й Губернской выставки Садоводства, Огородничества и Полеводства, бывшей въ Астрахани съ 8 по 27 сентября 1912 года.

За сельско-хозяйственныя дешевыя изданія.

24.

Дипломъ,

данный Товариществу на основаніи постановленія общаго собранія комитета по усиленію Военнаго Воздушнаго флота Россіи на добровольныя пожертвованія, состоящаго подъ Августѣйшимъ покровительствомъ ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЫСОЧЕСТВА Великаго Князя АЛЕКСАНДРА МИХАЙЛОВИЧА, отъ 24 мая 1912 г. и собранія Узаконеній и Распоряженій Правительства отъ 17 августа 1912 г. за № 179 въ удостовѣреніе награжденія серебрянымъ нагруднымъ знакомъ Комитета.

25.

Дипломъ малой золотой медали

состоящей подъ покровительствомъ ЕЯ ИМПЕРАТОРСКАГО ВЫСОЧЕСТВА Великой Княгини АЛЕКСАНДРЫ МИХАЙЛОВНЫ Международной Учебно-Промышленной выставки „Устройство и оборудованіе школы“ въ Петр. въ 1912 г.

За наглядныя учебныя пособія.

26.

Дипломъ бронзовой медали

состоящей подъ покровительствомъ ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЫСОЧЕСТВА Великаго Князя МИХАИЛА АЛЕКСАНДРОВИЧА Второй фотографической выставки въ Петр. въ 1912 году.

За четырехкрасочныя репродукціи.

РУССКОЕ СЛОВО

I.

Комнату редакціонныхъ совѣщаній „Русскаго Слова“ украшаетъ большой портретъ А. П. Чехова.

Это долгъ благодарности писателю за самое существованіе „Русскаго Слова“.

Мысль объ изданіи И. Д. Сытинымъ газеты принадлежала А. П. Чехову.

Тѣ, кто близко зналъ этого очаровательнаго человѣка, знали милую черту его характера.

Когда Чехову нравилась какая-нибудь мысль, онъ проводилъ ее не съ настойчивостью,—съ упрямствомъ.

Съ упрямствомъ даже капризнымъ! Такъ ему хотѣлось поставить на своемъ. Это было прелестно, потому что въ этомъ было что-то дѣтское.

— Сытинъ долженъ издавать газету.

Эта мысль, придя въ голову Антону Павловичу, ему очень понравилась.

Съ Иваномъ Дмитріевичемъ Сытинымъ они были старыми друзьями.

Гдѣ бы они ни встрѣтились,—въ Москвѣ, въ Ялтѣ,—Чеховъ со своимъ милымъ упрямствомъ повторялъ Сытину:

— Вамъ надо издавать газету!

— Почему вы не издаете газеты?

— Издавайте газету!

Сытинъ отпучивался отъ чеховскихъ „приставаній“, отнѣкивался, отговаривался:

— Я газетнаго дѣла не знаю. Я въ газетномъ издательствѣ ничего не понимаю.

Чеховъ однажды въ Ялтѣ пригласилъ къ себѣ Сытина и А. С. Суворина.

— Вотъ, Алексѣй Сергѣевичъ, Иванъ Дмитріевичъ хочетъ издавать газету!

— Позвольте, Антонъ Павловичъ, я совсѣмъ не хочу издавать газеты!

— Ну, Иванъ Дмитріевичъ не хочетъ издавать газеты, а я ему совѣтую. Скажите вы, Алексѣй Сергѣевичъ, какъ надо издавать газету?

— Газету? Прежде всего нужны таланты. Гдѣ бы то ни было, берите таланты, таланты, таланты.

И. Д. Сытинъ любитъ талантъ и вѣритъ таланту.

Онъ повѣрилъ Чехову,

что ему слѣдуетъ издавать газету.

Чеховъ убѣдилъ его въ этомъ.

И, по мысли Чехова, И. Д. Сытинъ сталъ издавать газету.

Къ чеховской мысли онъ внесъ одно добавленіе.

Тотъ же мотивъ, который проходитъ черезъ всю его издательскую дѣятельность.

Газету онъ сталъ издавать

дешевую, общедоступную.

II.

Легкихъ для печати временъ въ Россіи еще не было.

Но то были времена особенно трудныя.

Такой „свободы" издавать газету:

— Заявилъ и издавай, пока не прихлопнутъ!

тогда и не снилось.

„Право на изданіе газеты" было актомъ:

— Личнаго довѣрія

правительства къ извѣстному лицу. Правительства,—вѣрнѣе, министерства внутреннихъ дѣлъ.

„Довѣріе" оказывалось, главнымъ образомъ, тѣмъ, кто впослѣдствіи сталъ носить названіе „черносотенцевъ".

Появилась:

— Торговля газетнымъ правомъ.

— Барышничество газетнымъ правомъ.

„Благонадежные" люди, пользовавшіеся „довѣріемъ", это довѣріе перепродавали.

И, получивъ „право на изданіе газеты", этимъ правомъ барышничали и продавали его людямъ, желающимъ издавать газету.

Человѣку съ репутаціей, мало-мальски „замаранной либерализмомъ“, оставалось только купить „газетное право“ у какого-нибудь „благонадежнаго“ человѣка.

Сытинъ занимался такимъ „не нравившимся“ дѣломъ, какъ изданіе народныхъ книжекъ.

Надъ нимъ тяготѣло обвиненіе:

— Толстого въ народъ пускаетъ!

Чтобъ Сытину да разрѣшили газету, да еще дешевую...

Объ этомъ тогда нечего было и думать.

Оставалось купить „право“ у какого-нибудь „благонадежнаго“ человѣка, какъ покупаютъ театральный билетъ у барышника, достающаго билеты по случаю, по знакомству съ кассирами.

Тогда въ Москвѣ отцвѣтала, не успѣвши расцвѣсть, плохая газета съ хорошимъ названіемъ:

— „Русское Слово“.

Вниманіе Сытина она остановила на себѣ потому, что подписная цѣна была ей разрѣшена:

— Пять рублей въ годъ,

какъ газетѣ:

— Народной.

„Дешевая и народная“.

Это была одна изъ безчисленныхъ попытокъ провести въ „широкія народныя массы“ черносотенную газету.

Попытка съ негодными средствами.

Но ни широкія ни узкія—никакія „массы“ на газетку никакого вниманія не обращали.

Она умирала отъ всеобщаго невниманія, безъ подписки, безъ розницы, безъ объявленій, съѣвши казенную субсидію, задыхаясь отъ злости и ругательски-ругая „либераловъ“, которые ея не замѣчали.

Одна изъ тѣхъ газетъ, про которыя разсказывается извѣстный анекдотъ.

Что, когда въ контору приходитъ человѣкъ и говоритъ:

— Я вашъ подписчикъ,

вся редакція радостно кидается къ нему:

— Такъ это вы, нашъ дорогой?

Купить такое „право“ было нетрудно.

„Благонадежные“ люди—народъ по части ассигнацій сговорчивый.

Но, купивъ „право“, надо было его и сохранить.

Время было тяжкое.

Если бы Сытинъ, купивъ „право", сейчасъ же повернулъ газету по-своему,—ее „хлопнули бы" немедленно.

А потому, купивъ такую драгоцѣнность, такую рѣдкость, какъ „право" на изданіе дешевой газеты, надо было позаботиться:

— Сохранить это „право" до немножко лучшихъ временъ.

И Сытинъ оставилъ пока ту же редакцію, газеты первое время не издавалъ.

А просто давалъ на нее деньги.

— Печатайте, что хотите,—все равно васъ никто не читаетъ. Но пусть газета выходитъ, и мое „право" сохраняется.

Редакція кормилась, печатала свою черносотенную галиматью и тѣмъ сохранила „право".

Между тѣмъ времена чуть-чуть прояснились.

До сихъ поръ Сытинъ только:

— Давалъ деньги на газету.

Теперь онъ рѣшилъ, что пора ее:

— Издавать.

Мало-по-малу, постепенно, потихоньку, чтобъ не раздражать Петербурга, онъ освободилъ газету отъ всей прежней „черносотенной" редакціи.

И начались поиски:

— Талантовъ.

Сытинъ началъ искать руководителей газеты.

Онъ летѣлъ вездѣ, гдѣ слышалъ, что есть способный, талантливый редакторъ.

Смѣнилось ихъ немало.

Сытинъ искалъ ихъ въ Москвѣ, въ Петербургѣ, услышавъ, что есть „талантливый редакторъ" въ Одессѣ,—ѣхалъ въ Одессу, обращался въ Ростовъ-на-Дону.

Въ 1902 году прекратила свое существованіе прожившая недолгую жизнь, но имѣвшая большой успѣхъ газета „Россія".

На развалинахъ этой „Россіи" и создалось теперешнее „Русское Слово".

Къ редактированію „Русскаго Слова" были привлечены силы изъ „Россіи".

И, собственно, съ 1902 года начинается настоящая исторія „Русскаго Слова", теперешняго „Русскаго Слова".

III.

Какъ раздѣлить:

— Редакцію и издательство?

Конечно, мысль принадлежитъ редакціи.

Но безъ санкціи издателя какъ привести мысль въ исполненіе?

Съ 1902 года, въ теченіе 14 лѣтъ, редакція и И. Д. Сытинъ работали рука объ руку надъ „Русскимъ Словомъ“.

То, что сдѣлано, они сдѣлали вмѣстѣ.

Что же сдѣлано?

Что такое „Русское Слово“?

Отвѣтъ на этотъ вопросъ очень важенъ.

Вѣдь это самая распространенная русская газета!

Когда говорятъ о газетѣ, первымъ является вопросъ:

— О направленіи.

Какое направленіе „Русскаго Слова“?

„Русское Слово“ не принадлежитъ ни къ одной изъ существующихъ политическихъ партій.

Оно не является органомъ ни одной партіи.

Хотя сколько наскоковъ въ этомъ отношеніи ей пришлось выдержать.

Сколько было попытокъ залучить „Русское Слово“ то въ ту, то въ другую партію.

Зданіе редакціи „Русскаго Слова“. — Доставка ротаціонной бумаги для печатанія газеты.

Наборщикъ за наборной машиной.

Превратить ее въ:

— Органъ своей партіи.

Сколькимъ хотѣлось превратить „самую распространенную русскую газету“ въ свою каѳедру.

Въ подмостки, съ которыхъ партія могла бы, дѣйствительно, проводить въ широкія массы то, что ей надо.

Сколько было попытокъ „обратить „Русское Слово“ въ свою вѣру“.

Сколько было „штурмовъ“.

Но „Русское Слово“ никогда не хотѣло быть ничьимъ слугой.

Оно не раздѣляетъ цѣликомъ программы ни одной партіи.

Изъ каждой программы сочувствуя тому, что кажется редакціи отвѣчающимъ интересамъ Россіи, справедливымъ, разумнымъ, практичнымъ, осуществимымъ, возможнымъ и достижимымъ въ данный моментъ.

Это:

— Газета здраваго русскаго смысла.

Справедливаго и практичнаго.

„Газета здраваго смысла“ неизбѣжно должна быть газетой прогрессивной.

Здравый смыслъ не можетъ быть инымъ.

Потому что не въ прошломъ, а въ будущемъ—все лучшее.

Газета здраваго смысла должна быть практична.

Много на свѣтѣ прекрасныхъ вещей.

Но когда рѣчь идетъ о благѣ милліоновъ людей,—первымъ долгомъ приходится задаться вопросомъ:

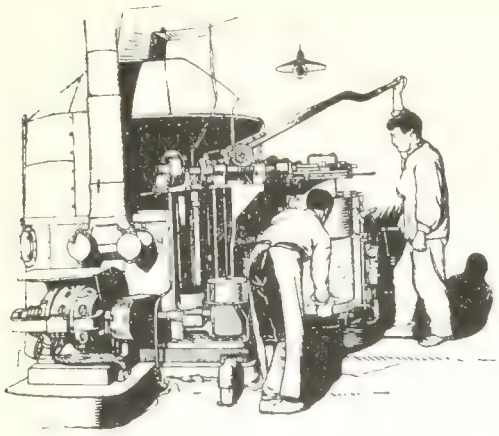
— Возможно ли? Достижимо ли? Осуществимо ли это сейчасъ?

Прекрасно быть мечтателемъ. Какъ прекрасно быть поэтомъ.

Но рецепты больнымъ пишутся не въ стихахъ.

Тамъ, гдѣ рѣчь идетъ о бытіи народа, быть практичнымъ—долгъ.

Чтобъ не было безплодныхъ жертвъ, разочарованій и тяжкихъ реакцій.



Отливка стереотиповъ.

Вотъ путь, по которому идетъ „Русское Слово“.

На этомъ пути сколько приставало и сколько отставало отъ него литераторовъ!

Какія разнообразныя имена не украшали страницъ „Русскаго Слова“!

Въ немъ было честь и мѣсто всякому прогрессивно мыслящему, честному русскому писателю.

Но одни уходили отъ „Русскаго Слова“ вправо, другіе—влѣво.

И „Русское Слово“ прощалось съ ними не съ легкимъ сердцемъ, благодаря за пройденный вмѣстѣ путь:

— А теперь намъ не по дорогѣ. Желаемъ успѣха, но мы въ него не вѣримъ.

„Русское Слово“ не знаетъ ни „фильствъ“ ни „фобствъ“.

Оно хотѣло бы справедливости для всѣхъ народовъ, населяющихъ русскую землю, хотѣло бы видѣть всѣ эти народы любящими и любимыми дѣтьми одной семьи, которой великое имя:

— Россія.

Но оно желаетъ добиваться этого:

— Русскими устами.

Мы, русскіе, должны требовать справедливаго разрѣшенія этихъ вопросовъ.

Вѣдь издаются же газеты финскія, татарскія, польскія, грузинскія, армянскія. Почему не издаваться русской газетѣ? Не быть русской редакціи?

Является вопросъ.

Рѣшивъ, что Сытинъ долженъ издавать газету, какой завѣтъ далъ писатель этой газетѣ?

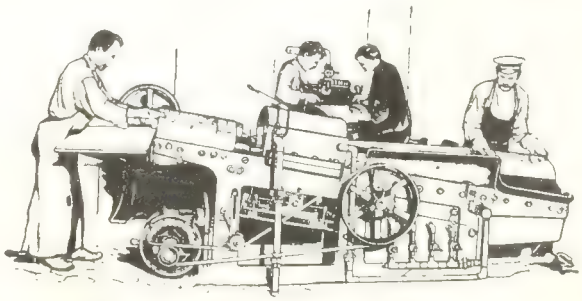
Далъ же онъ какой-нибудь завѣтъ?

Одинъ.

Онъ говорилъ:

— Главное, Иванъ Дмитріевичъ, чтобъ у васъ редакція была русская.

И этотъ завѣтъ соблюдается.



Отдѣлка стереотипныхъ полосъ.

Не то важно, что кто пишетъ. Важно, что печатаютъ.

Въ газетѣ, имѣющей сотни сотрудниковъ, не могутъ не быть, должны быть люди разныхъ національностей.

Въ числѣ сотрудниковъ „Русскаго Слова“ одно время,—во время переворота въ Китаѣ,—было даже двое корреспондентовъ-китайцевъ.

Но та воронка, черезъ которую проходитъ все, что написано сотнями людей различныхъ національностей, редакція, которая опредѣляетъ, что печатать и чего не печатать, и какъ печатать, въ „Русскомъ Словѣ“ должна быть русская.

И все, что пишется сотнями сотрудниковъ газеты, въ „Русскомъ Словѣ“ проходитъ черезъ фильтръ русской редакціи.

Чеховскій завѣтъ исполняется ненарушимо.

IV.

Газета...

Представьте себѣ площадь. Что-нибудь въ родѣ аѳинской „агора“.

Рынокъ, на которомъ каждый выкрикиваетъ товаръ, который онъ продаетъ.

Моряки, вернувшіеся изъ дальнихъ плаваній. Черные нубійцы. Съ матовыми лицами, съ задумчивыми глазами жители Финикійскихъ береговъ. Огромные скиѳы изъ Гиперборейскихъ странъ. Оживленные, жестикулирующіе испанцы. Съ быстро загорающимися взглядами загорѣлые, оливковые жители Италіи.

Все это разсказываетъ только что привезенныя новости о далекихъ странахъ, о чудесахъ, которыя они видѣли.

Ораторъ въ красивой, увлекательной политической рѣчи старается захватить, завоевать толпу, язвитъ и клеймитъ своихъ соперниковъ. И толпа жадно внимаетъ мастерской рѣчи.

Фальцовка газеты.

Отсюда видны Акрополь и спускающееся по Пропилеямъ священное шествіе. Видны камни, на которыхъ ночью будетъ засѣдать грозный ареопагъ. И темница въ скалѣ, гдѣ умеръ Сократъ. Театръ Діониса, гдѣ хохотъ гремитъ надъ комедіями Аристофана.

А въ сторонѣ, подъ портиками Академіи, въ тѣни, мудрецы, окруженные учениками, тихо и спокойно ведутъ бесѣды, углубляя жизнь.

И если все это залить солнцемъ таланта!

Вотъ что такое газета.

Газета...

Утромъ вы садитесь за чай. И къ вамъ входитъ вашъ добрый знакомый. Онъ занимательный, онъ интересный человѣкъ.

Онъ долженъ быть приличенъ, воспитанъ, пріятно, если онъ къ тому же еще и остроуменъ.

Раздача „Русскаго Слова" газетчикамъ.

Онъ разсказываетъ вамъ, что новаго на свѣтѣ.

Разсказываетъ интересно, разсказываетъ увлекательно.

Онъ ни на минуту не дастъ вамъ скучать.

Вы съ интересомъ слушаете о самыхъ сухихъ, но важныхъ предметахъ.

Высказываетъ вамъ свои взгляды на вещи.

Вовсе нѣтъ надобности, чтобъ вы съ нимъ во всемъ соглашались.

Но то, что онъ говоритъ, должно быть основательно, продумано, вѣско.

Вы иногда не соглашаетесь, но выслушиваете его со вниманіемъ, интересомъ, какъ умнаго и пріятнаго противника.

Онъ заставляетъ васъ нѣсколько разъ улыбнуться мѣткому слову.

И уходитъ, оставляя впечатлѣніе съ удовольствіемъ проведеннаго получаса.

Вотъ что такое газета.

Газета...

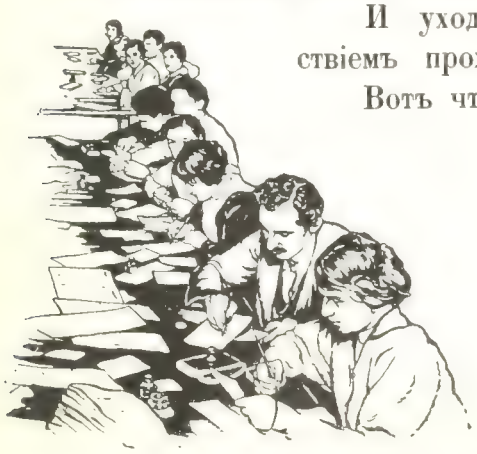
Вы сидите у себя дома.

Къ вамъ приходитъ человѣкъ, для котораго не существуетъ разстояній, для котораго составляетъ все

— Чужая жизнь.

Онъ говоритъ вамъ:

— Бросьте на минутку заниматься своей жизнью. Займемся чужой. Жизнью всего міра.



Экспедиція „Русскаго Слова" за работой.

Упаковка „Русскаго Слова“ для отправки въ провинцію.

Онъ беретъ васъ за руку и ведетъ туда:

— Гдѣ сейчасъ интересно.

Война, парламентъ, празднества, катастрофа, уголовный процессъ, театръ, ученое засѣданіе.

— Тамъ-то происходитъ то-то!

Онъ ведетъ васъ туда, показываетъ вамъ, какъ это происходитъ, дѣлаетъ васъ очевидцемъ.

И вы сами присутствуете, видите, какъ гдѣ что происходитъ.

И, полчаса поживши міровою жизнью, остаетесь полный мыслей, волненій и чувствъ.

Вотъ что такое газета.

V.

Газета должна сообщать факты и давать обсужденіе фактовъ.

Но на первомъ планѣ стоятъ:

— Факты.

„Чтобъ приготовить зайца по-фламандски, надо прежде всего имѣть зайца“.

Факты это—корреспонденціи, телеграммы, репортажъ.

То, что на газетномъ языкѣ называется:

— Информація.

Обсужденіе фактовъ это—дѣло фельетона и статей.

Информація, фельетоны, статьи.

Вотъ та тройка, на которой ѣдетъ „Русское Слово“.

„Въ корню“,—если позволите продолжить это сравненіе,—идетъ:

— Информація.

„Русское Слово“ поставило себѣ первой задачей:

— Быть самой освѣдомленной изъ русскихъ газетъ.

Старая „корреспонденція почтой“ почти совсѣмъ отмѣнена.

Это не соотвѣтствуетъ темпу жизни.

СТОИМОСТЬ ИЗДАНІЯ

„РУССКАГО СЛОВА"

Золотые круги 900-ой пробы, каждый цѣною въ 200.000 руб. и вѣсомъ въ 10 п. 16 ф. 64 з.

Остатки—въ кубикахъ.

Нельзя ждать извѣстія даже одинъ лишній день.

Завтра можетъ случиться нѣчто такое, что сегодняшнее важное событіе предъ нимъ потускнѣетъ, потеряетъ всякій интересъ.

„Почта“ замѣнена телеграммой. Для большей скорости—срочной.

Но и срочная телеграмма это недостаточно быстро.

Изъ тѣхъ городовъ, съ которыми Москва соединена телефонами, извѣстія получаются по телефону.

И телеграмма замѣняется телефонограммой.

Телеграммы „Петроградскаго агентства“, кстати сказать, играютъ для „Русскаго Слова“ незначительную, вспомогательную роль.

— Это то, чѣмъ могутъ пользоваться всѣ газеты.

Значитъ, для „Русскаго Слова“ это негодится.

Журналистъ цѣнитъ тотъ матеріалъ, который на газетномъ языкѣ называется:

— Оригинальнымъ.

Для него цѣнно только то, что появится въ одной его газетѣ.

То, что есть у всѣхъ, для него теряетъ половину интереса.

Изъ телеграммъ агентства „Русское Слово“ беретъ только офиціальныя свѣдѣнія.

Въ остальномъ онѣ служатъ для него только страховкой:

— На случай, если свой корреспондентъ почему-нибудь пропустилъ извѣстіе.

Инструкція корреспондентамъ проста:

— Давайте строго провѣренные факты. Если вы не могли опередить другія газеты, дѣлайте сообщеніе, во всякомъ случаѣ, болѣе подробное.

Въ дѣлѣ информаціи на первомъ планѣ стоитъ, конечно:

— Россія.

Газета издается въ Москвѣ.

Но съ тѣхъ поръ, какъ существуютъ законодательныя учрежденія, Москва это только:

— Самый большой губернскій городъ въ Россіи.

Все сосредоточилось въ Петроградѣ.

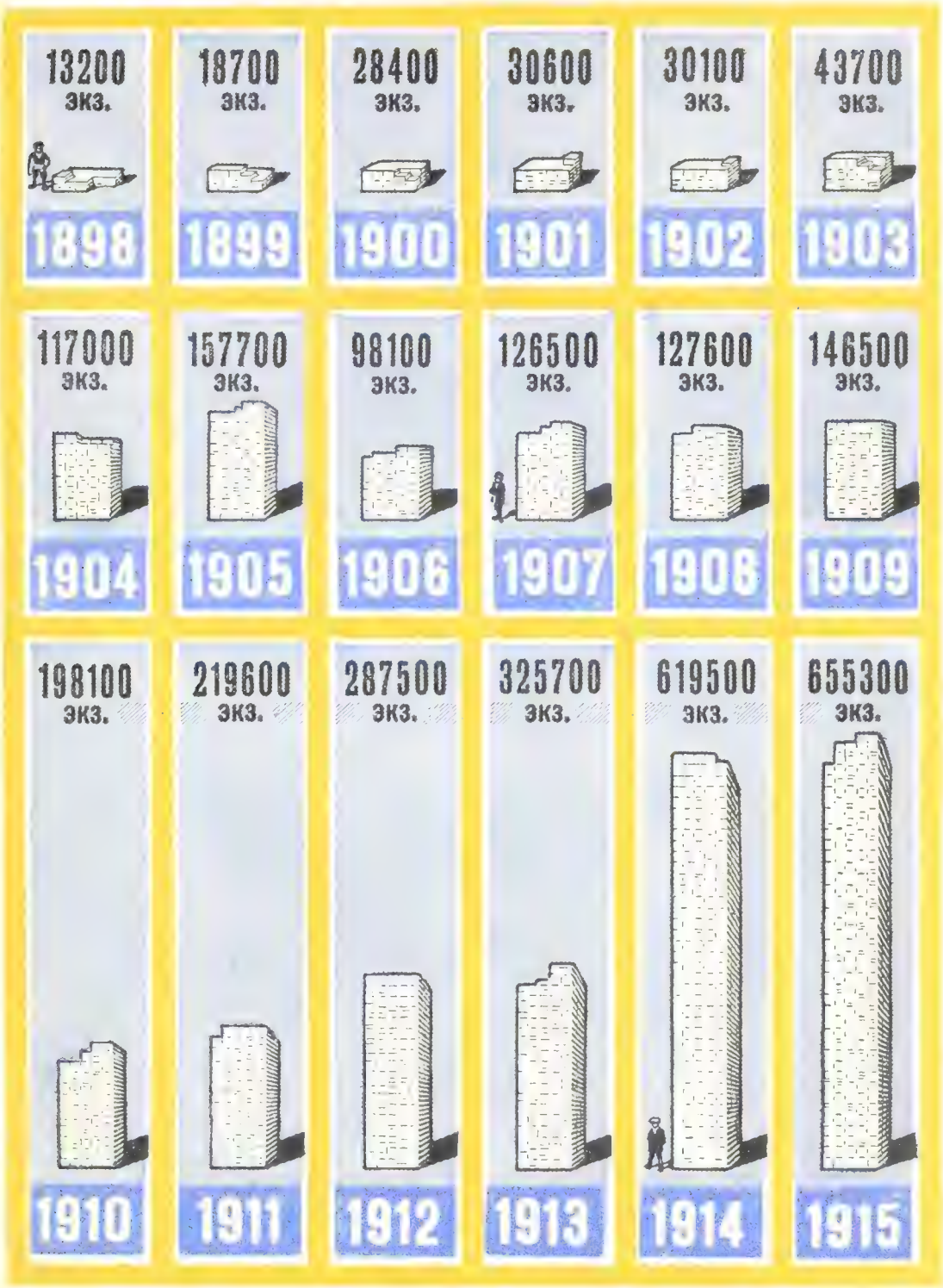
Въ Москвѣ случаются только происшествія.

Событія происходятъ въ Петроградѣ.

Это заставило „Русское Слово“ имѣть петроградское отдѣленіе редакціи со штатомъ сотрудниковъ около ста человѣкъ.

ИНОСТРАННЫЙ ОТДѢЛЪ. Вверху — А. А. Вагнеръ, [illegible] М. [illegible] З. [illegible] Кочаровъ, Харьковъ, А. А. Кочаровъ, [illegible] С. Д. [illegible] С. Ѳ. Соколовскій, К. В. Орловъ, А. Ѳ. Аврехъ; справа — З. А. и И. В. Жилкины; внизу слѣва — А. Д. [illegible] Ф. Д. [illegible] Лонгинъ [illegible]

ТИРАЖЪ „РУССКАГО СЛОВА“.



Въ 1916 г. тиражъ „Русскаго Слова“ дошелъ до 739.000 экземпляровъ.

Гордость „Русскаго Слова“, — и, думаемъ, законная гордость, — его „провинціальная информація“.

Она потребовала, дѣйствительно, колоссальнаго труда.

Въ каждомъ городѣ Россіи найти человѣка, чуткаго къ общественнымъ вопросамъ, внимательнаго и осторожнаго къ вѣрности сообщаемыхъ фактовъ, способнаго къ журнальной работѣ, живого, отзывчиваго, умѣющаго загораться, что необходимо при спѣшкѣ „огневой“ газетной работы,— и притомъ человѣка, на котораго редакція могла бы вполнѣ положиться, за котораго могла бы принять на себя полную отвѣтственность,—задача неимовѣрно трудная.

Сколько лицъ пришлось смѣнить, пока выработался, наконецъ, теперешній штатъ безчисленныхъ провинціальныхъ корреспондентовъ „Русскаго Слова“.

„Сѣть корреспондентовъ“, покрывающая, дѣйствительно, всю Россію.

„Русское Слово“ можетъ быть увѣрено, что гдѣ бы что бы ни случилось, оно будетъ объ этомъ знать.

Первымъ—по большей части.

Подробнѣе, чѣмъ другіе газеты,—во всякомъ случаѣ.

Когда гдѣ-нибудь происходитъ что-нибудь особенно выдающееся:

— Что читатель долженъ видѣть собственными глазами,

„Русское Слово“ посылаетъ спеціальнаго корреспондента для подробнаго, детальнаго описанія событія.

И мы съ чувствомъ большаго удовлетворенія можемъ вспомнить то удивленіе, которое вызывали у покойнаго графа С. Ю. Витте телеграфныя всероссійскія „анкеты“ по различнымъ общественнымъ вопросамъ, которыя производило „Русское Слово“.

— Но такой быстроты въ собираніи свѣдѣній нѣтъ даже и у правительства!—говорилъ гр. Витте.

— На то мы и газета!

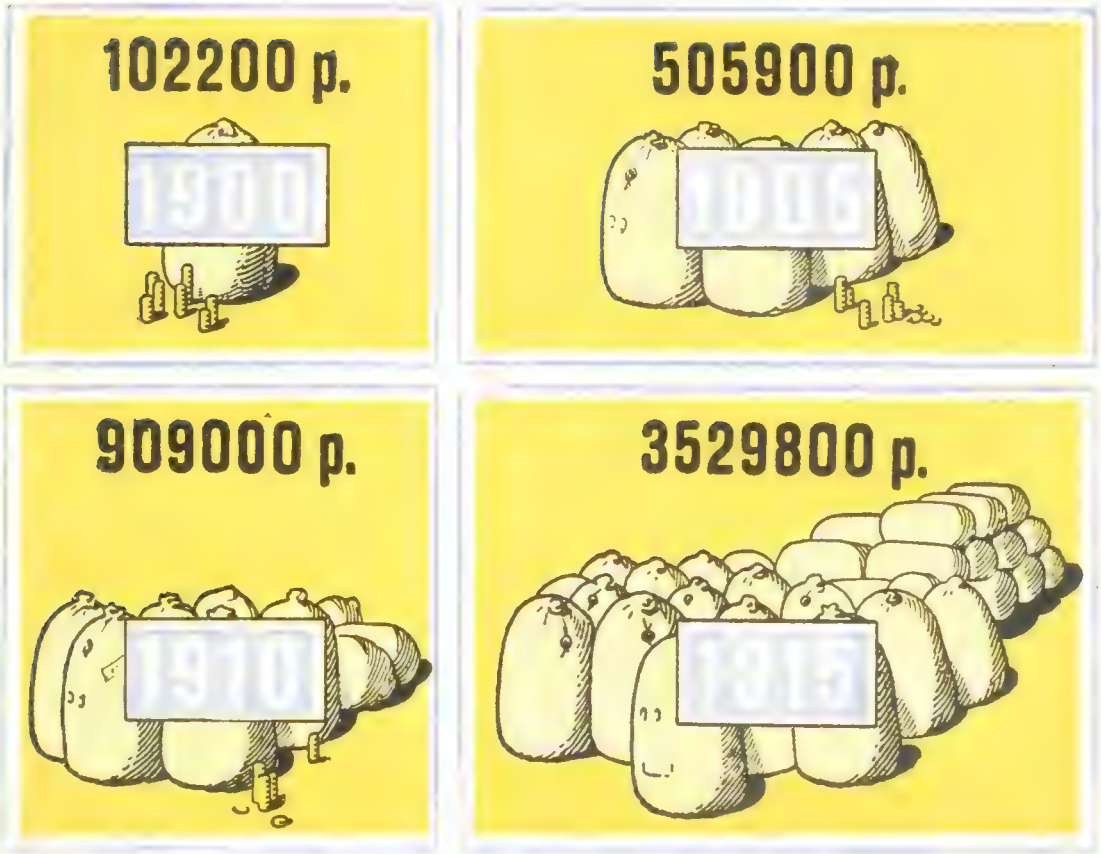
Въ тѣхъ случаяхъ, когда требуется особая защита общественныхъ интересовъ, редакція, кромѣ посылки спеціальныхъ корреспондентовъ, поручаетъ еще одному изъ публицистовъ съѣздить на мѣсто и ознакомиться съ вопросомъ.

Такимъ образомъ достигается то, что редакція, а съ ней и читатель, какъ бы постоянно присутствуютъ тамъ, гдѣ происходятъ событія большого общественнаго интереса.

Въ заграничной информаціи подробная телеграмма такъ же замѣнила прежнюю, „добрую старую“ почтовую корреспонденцію.

ПРОВИНЦІАЛЬНЫЙ ОТДѢЛЪ [illegible] [illegible] Е. Е. [illegible] [illegible] [illegible]

РАСХОДЫ НА БУМАГУ И ПЕЧАТАНІЕ „РУССКАГО СЛОВА“



Мѣшки съ золотомъ.

(По 100.000 рублей).

По мѣрѣ роста „Русскаго Слова“ мѣнялся и составъ и, такъ сказать, „калибръ“ ея иностранныхъ корреспондентовъ.

Теперь „Русское Слово“ имѣетъ въ крупныхъ центрахъ Европы не просто корреспондентовъ, а своихъ:

— Представителей редакціи.

„Русское Слово“ вошло въ семью большихъ политическихъ газетъ Европы. Свѣдѣнія и сужденія „Русскаго Слова“,—выдержки изъ статей,—передаются по телеграфу представителями крупныхъ органовъ иностранной печати, и „Русское Слово“ часто входитъ съ крупнѣйшими политическими газетами, главнымъ образомъ, англійскими, въ соглашеніе относительно обмѣна свѣдѣніями.

VI.

Обсужденіе событій дѣлается въ фельетонахъ и статьяхъ.

Одно и то же можно высказать, однѣ и тѣ же мысли можно провести, и въ видѣ фельетона и въ видѣ такъ называемой „передовой статьи“.

Тутъ разница только въ формѣ.

Передовая статья это—то, что въ старинныхъ учебникахъ словесности называлось:

— Форма разсужденія.

Фельетонъ мыслитъ образами.

Фельетонъ проще, понятнѣе, всѣмъ доступнѣе, занимательнѣе и легче усвоивается.

Фельетонъ вовсе не долженъ отличаться „острословіемъ“. Если оно есть, если есть для него поводъ, — хорошо. Острое слово иногда не вредитъ.

Но избави Боже отъ „непремѣннаго острословія“. Нѣтъ ничего болѣе тяжелаго и надоѣдливаго, какъ непремѣнное желаніе острить во что бы то ни стало.

„Острословіе“ вовсе не необходимая составная часть фельетона. Это только приправа. Есть,—хорошо. Нѣтъ,—Богъ съ ней.

Непремѣнное условіе фельетона:

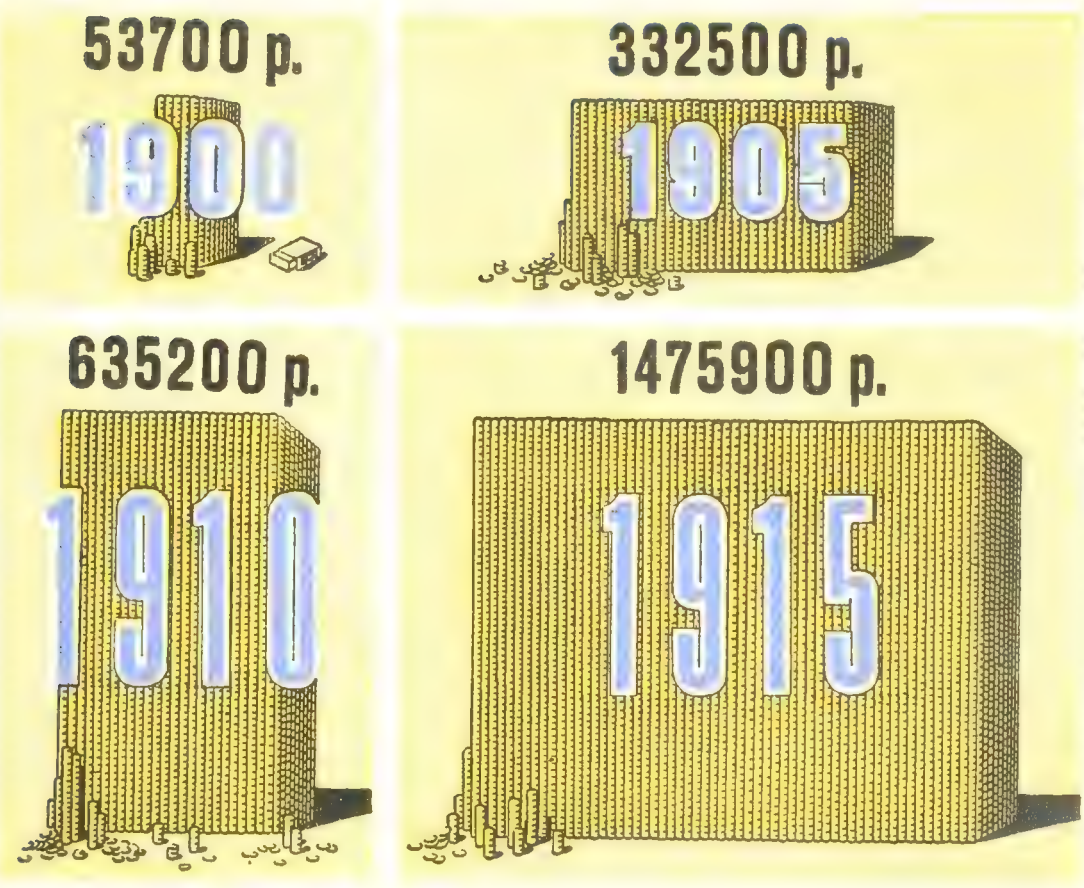
— Остроуміе мысли.

Самой мысли, а не слова.

Очень ловкая, яркая, выпуклая ея постановка.

[illegible]
М. И. Воевода (Варшава), М. Н. Вознесенскій (Владивостокъ); второй рядъ: И. А. Гореликъ (Одесса), Н. П. Гусевъ (Казань), Н. И. Коробкинъ (Нижній-Новгородъ); третій рядъ: Ѳ. К. Лебедевъ (Тифлисъ), [illegible]
А. М. Сергѣевъ (Севастополь), А. И. Сизовъ (Харьковъ).

ГОНОРАРЪ СОТРУДНИКАМЪ
и
РАСХОДЫ НА СОДЕРЖАНІЕ РЕДАКЦІИ
„РУССКАГО СЛОВА"



Столбики пятирублевыхъ монетъ.

Одна и та же мысль, повторяемъ, можетъ быть высказана въ любой формѣ.

Въ формѣ фельетона или въ формѣ „передовой статьи“.

Но въ фельетонѣ она прочтется гораздо большимъ числомъ читателей.

Произведетъ больше впечатлѣнія.

И легче будетъ усвоена.

Это заставляетъ редакцію „Русскаго Слова“ отдавать большое мѣсто общественному и политическому фельетону.

Русская публика находится еще на первыхъ ступеняхъ гражданственности.

Обыватель только еще превращается въ гражданина.

У него надо еще развить вкусъ къ общественнымъ дѣламъ и вопросамъ.

Пріучить его ими заниматься.

Обыватель вѣками воспитывался въ правилахъ:

— Это дѣло не наше. Моя хата съ краю. Знаетъ сверчокъ свой шестокъ.

Подрастающему гражданину надо неустанно повторять:

— Res tua agitur.

О тебѣ идетъ дѣло. Твое дѣло. А не „казны“, не „правительства“.

И чтобъ пріучить его къ этимъ „далекимъ“ вопросамъ, привить вкусъ къ нимъ, ему надо трактовать эти вопросы въ формѣ не только легкой для его пониманія, но интересной и по возможности даже увлекательной.

Вотъ почему „Русское Слово“ отводитъ такое большое мѣсто въ дѣлѣ воспитанія читателя и гражданина общественному и политическому фельетону.

И часто, вмѣсто сухой передовой статьи, тѣ же мысли и тѣ же взгляды предпочитаетъ проводить въ фельетонѣ.

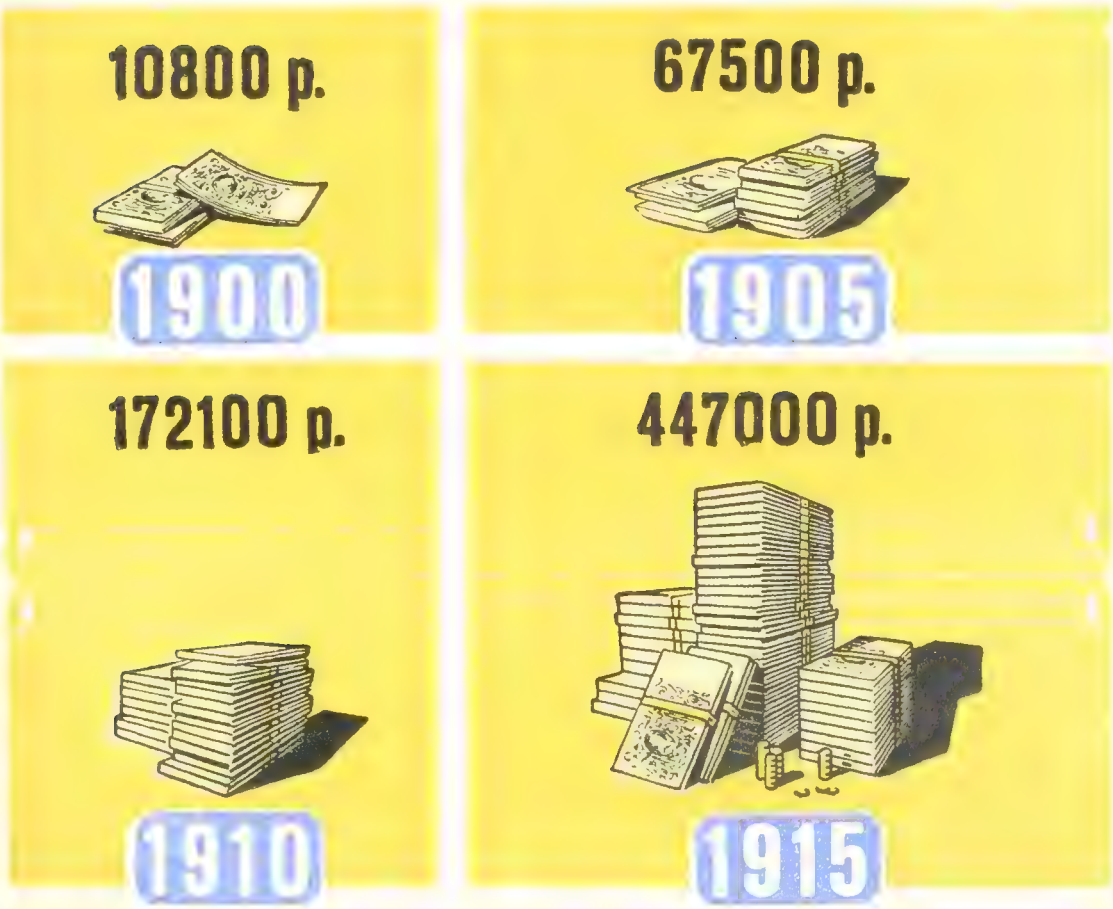
Предоставляя дѣловыя статьи спеціалистамъ, когда надо высказаться по какому-нибудь спеціальному вопросу.

VII.

Когда составляется номеръ „Русскаго Слова“?

Днемъ и ночью, въ любую минуту вы можете позвонить въ редакцію, и вамъ отвѣтитъ дежурный секретарь.

РАСХОДЪ „РУССКАГО СЛОВА" НА ТЕЛЕГРАФЪ И ТЕЛЕФОНЪ.



Пакеты сторублевыхъ билетовъ.
(По 10.000 рублей).

Секретаріатъ „Русскаго Слова“ не прекращаетъ работы круглыя сутки.

Круглыя сутки въ редакцію поступаютъ телеграммы, письма, сообщенія, которыя надо разсортировать и передать каждое въ соотвѣтствующій отдѣлъ.

Въ 2 часа дня редакторъ и сотрудники собираются на редакціонное совѣщаніе.

Тутъ происходитъ обмѣнъ мнѣній по поводу текущихъ событій.

Вырабатывается взглядъ газеты на то или другое общественное явленіе.

Вырабатывается программа:

— Какъ разработать, „развернуть“ тотъ или другой вопросъ?

Какія инструкціи должно телеграфировать мѣстнымъ корреспондентамъ. Кого, съ какими заданіями отправить въ качествѣ спеціальнаго корреспондента. Кому и какими статьями отозваться на явленіе.

Здѣсь намѣчается общій абрисъ завтрашняго номера.

Но только общій абрисъ.

Потому что „самая работа“ начнется только съ десяти часовъ вечера.

И номеръ намѣтится только къ двумъ часамъ ночи.

Весь почти матеріалъ „Русскаго Слова“ поступаетъ по телеграфу и телефону.

И работа въ „Русскомъ Словѣ“ совсѣмъ не похожа на работу редакцій другихъ газетъ.

Бывало не разъ, что старые, опытные газетные работники, вступая въ „Русское Слово“, черезъ нѣсколько недѣль отказывались:

— Я лишился сна. Измученъ нервнымъ напряженіемъ. Это интересное, живое, увлекательное, захватывающее дѣло. Но требуетъ сверхчеловѣческаго нервнаго напряженія. Никогда, нигдѣ, ничего подобнаго я не видѣлъ. Это какая-то Ніагара телеграммъ.

Съ 10 часовъ вечера до 4 часовъ утра,—въ теченіе шести часовъ,— надо получить, отредактировать и сдать въ печать всю эту уйму самыхъ разнообразныхъ извѣстій.

Съ 10 часовъ вечера начинается дождь телеграммъ и телефонограммъ и къ 12-ти ихъ ливень.

Телеграммы „Русскаго Слова“ имѣютъ даже свою комическую исторію.

Сначала телеграммы получались на главномъ почтамтѣ и доставлялись, какъ всѣ, обычными разсыльными.

Но число телеграммъ росло и росло.

Разсыльные сбились съ ногъ.

ОБЪЯВЛЕНІЯ ВЪ „РУССКОМЪ СЛОВѢ“.

Золотые бруски 900-ой пробы, каждый цѣною въ 10.000 руб и вѣсомъ въ 20 ф. 80 з.

Они ужъ не могли доставлять другихъ телеграммъ, бѣгали только между почтамтомъ и редакціей.

Тогда почтамтъ рѣшилъ завести для „Русскаго Слова“ особаго верхового разсыльнаго.

Купили ему бѣлую лошадь.

И по ночамъ эта бѣдная, линючая лошадь устилала своими бѣлыми волосами путь между почтамтомъ и редакціей.

„Всадникъ безъ головы“ мчался взадъ и впередъ, все-таки не успѣвая перевозить телеграммы.

Наконецъ и лошадь загнали.

А число телеграммъ все росло и росло.

Въ ужасѣ почтамтъ сталъ передавать телеграммы въ ближайшее къ редакціи отдѣленіе.

Но тамъ взмолились:

— Мы отъ публики телеграммъ не имѣемъ возможности принимать. Завалены одними редакціонными.

Когда какой-нибудь несчастный приходилъ ночью подать телеграмму, на него смотрѣли полубезумные глаза измученнаго телеграфиста:

— Идите куда-нибудь въ другое отдѣленіе. Здѣсь неизвѣстно, когда пойдетъ телеграмма. Всѣ люди, всѣ аппараты завалены телеграммами „Русскаго Слова“.

Почтамтъ открылъ отдѣленіе спеціально для „Русскаго Слова“, поблизости отъ редакціи.

Но и тамъ разсыльныхъ не хватало.

Осталось одно:

— Открыть для „Русскаго Слова“ отдѣленіе въ самомъ зданіи газеты.

Что и сдѣлали.

Телеграммы поступаютъ пачками.

Стенографистки часто до обморока отъ утомленія, до истерическаго припадка, „принимаютъ по телефону“ изъ Петрограда, Харькова, Нижняго-Новгорода, Курска, Орла, Твери, Костромы, Казани, Ярославля, Тулы, Иваново-Вознесенска, Рыбинска, Владимира.

Всѣ эти телеграммы, телефонограммы передиктовываются переписчицамъ-машинисткамъ и поступаютъ къ редакторамъ отдѣловъ.

Газета разбита на нѣсколько отдѣловъ:

Военный,

Иностранной политики,

Петроградъ,

Провинція,

Москва,

Статей и фельетоновъ.

Во главѣ каждаго отдѣла стоитъ свой редакторъ.

Главному редактору каждый изъ редакторовъ сообщаетъ только самое важное, что получено въ его отдѣлѣ.

И тотъ уже, по внутреннему, редакціонному, телефону, рѣшаетъ совмѣстно съ ними:

— Какъ печатать это извѣстіе? Разверстать ли его на двѣ колонки? Не разбить ли на шпоны? Не набрать ли крупнымъ шрифтомъ? Какой поставить заголовокъ? Какъ сдѣлать, чтобъ обратить на него особое вниманіе читателя?

— Не написать ли по этому поводу статьи? Кому поручить писать? Когда? Сегодня ли? Завтра?

Всѣ эти вопросы должны быть разрѣшены въ нѣсколько минутъ.

Звонятъ звонки безчисленныхъ городскихъ, междугородныхъ телефоновъ.

Въ обоихъ этажахъ редакціи трещатъ машины переписчицъ.

По безконечнымъ коридорамъ раздаются крики:

— Петроградъ вызываетъ!

— Съ Харьковомъ готово.

— Нижній-Новгородъ у телефона.

Мечутся разсыльные съ матеріаломъ въ типографію, съ гранками изъ типографіи.

Иногда „извѣстіе“:

— Со стенографисткой обморокъ.

А въ кабинетахъ редакторовъ тишина.

Заваленные гранками, они со своими помощниками редактируютъ поступающій матеріалъ.

Каторжная работа!

Часто къ тремъ часамъ все, кажется, готово.

А въ три поступаетъ телеграмма, которая все переворачиваетъ вверхъ дномъ.

Извѣстіе, передъ которымъ меркнетъ все остальное въ отдѣлѣ.

То, что казалось важнымъ безъ четверти въ три, въ три часа съ полученіемъ этого извѣстія потеряло всякое значеніе.

И все надо передѣлывать сначала.

То, чему было отдано 100 строкъ, надо сдѣлать на десять.

Главный редакторъ съ двухъ часовъ не сводитъ глазъ съ циферблата.

На учетѣ каждая минута.

Чтобъ вездѣ поспѣть и разлетѣться сегодня по всей Россіи, газета не должна опоздать ни на минуту.

Опозданіе на минуту,—опозданіе на поѣздъ.

А на поѣздъ опоздать на минуту или на сутки,—не все ли равно?

Внутренніе редакціонные телефоны работаютъ.

„Выпускающій" газету изъ типографіи сообщаетъ главному редактору о ходѣ работъ:

— Набора слишкомъ много.

— Петроградъ прислалъ еще 400 строкъ.

— Изъ провинціи прислали мало матеріала.

— Война будетъ 2000 строкъ.

Главный редакторъ отдаетъ телефонныя распоряженія по отдѣламъ:

— Господа, сжимайте матеріалъ. Матеріала слишкомъ много.

— Сдавайте только самое главное.

И наконецъ:

— Черезъ столько-то минутъ пріемъ матеріала будетъ прекращенъ.

— Сдача матеріала кончена.

Кромѣ, конечно, самыхъ важныхъ извѣстій.

Для нихъ нѣтъ ни сроковъ ни законовъ.

Есть одно:

— Надо напечатать.

Въ 4 часа утра изъ типографіи раздается:

— Строкъ въ номерѣ столько-то. Набора сдѣлано столько-то. Отложить столько-то.

Каждый день откладывать приходится около 2000 строкъ.

Интересный матеріалъ, но есть еще интереснѣе.

Отложено—похоронено. Завтра нахлынетъ новый матеріалъ.

Главный редакторъ сообщаетъ по отдѣламъ:

— Въ общемъ отложить надо столько-то. По скольку откладываете?

Происходятъ трагикомическія сцены.

Каждый редакторъ—„патріотъ своего отдѣла".

У каждаго:

— Все самое важное.

— Я могу отложить 100 строкъ. И то съ трудомъ.

— Въ вашемъ отдѣлѣ нужно 200.

МОСКВА [illegible]
Н. М. Губановъ (пом. завѣдующаго отдѣломъ). Е. Н. Ксевинцевъ. П. П. Павловъ-Лукинъ и П. П. Поклинъ. [illegible]
[illegible]
[illegible]

— Невозможно.

— Надо.

Нѣсколько минутъ „торга“ по телефону.

И „размѣтка“ сдѣлана.

Посланы въ типографію гранки, которыя печатать, и которыя надо отложить.

„Адъ“ конченъ.

Замолкли звонки телефоновъ.

Больше не мечутся разсыльные.

По лѣстницѣ быстро бѣгутъ стенографистки, переписчицы, помощники редакторовъ отдѣловъ, хроникеры.

Въ коридорахъ живая человѣческая рѣчь.

Редакторы отдѣловъ сходятся въ кабинетъ главнаго редактора.

И вотъ около половины пятаго звонокъ изъ типографіи.

— Сошлось!

Номеръ сверстанъ.

Нѣтъ ни пробѣла ни „хвоста“, лишняго матеріала.

Строчка въ строчку.

„Каторга“ кончена. До завтра.

Всѣ расходятся. Остается только выпускающій, на случай:

— Вдругъ получится какое-нибудь колоссальной важности извѣстіе.

Работа, огромная, колоссальная, идетъ ровно, мѣрно, точно.

Какъ заведенные часы.

Въ такой организаціи большая заслуга редакціи и издательства.

Вѣдь издавать газету съ такимъ колоссальнымъ тиражомъ, такого новаго для Россіи типа,—дѣло совершенно новое.

Его поставить стоило большого, очень большого труда.

VIII.

Вотъ вамъ душа и техника газеты.

Вернемся къ ея исторіи.

Какимъ образомъ „Русское Слово“ изъ маленькой газетки превратилось не только въ самую распространенную русскую газету, но и въ одинъ изъ большихъ органовъ европейской печати?

„Газета здраваго смысла“ можетъ вѣрить только въ эволюцію.

Здравый смыслъ не допускаетъ чудеснаго,—внезапныхъ, неожиданныхъ полныхъ перемѣнъ.

Онъ вѣритъ только въ сравнительно медленный, но глубокій, органическій прогрессъ.

Такъ въ области политической, экономической.

Такъ и по отношенію къ самой газетѣ.

Было большое искушеніе въ 1902 году съ новой редакціей:

— Сразу все перевернуть по-новому.

Начать совсѣмъ новую газету.

Но это значило бы, въ надеждѣ на новыхъ, распугать старыхъ читателей.

„Русское Слово“ предпочло:

— Переводить ихъ изъ класса въ классъ.

И, все расширяя и расширяя кругъ своихъ читателей, сохранило и старыхъ, постепенно пріучая ихъ къ газетѣ новаго типа.

Было бы длинно разсказывать, какъ это проводилось изо дня въ день.

Иллюстрируемъ однимъ примѣромъ.

„Русское Слово“ 1902 года не могло обходиться безъ романа-фельетона.

Его читатель требовалъ этого.

Въ газетѣ печатались безхитростные, наивные историческіе романы Д. С. Дмитріева.

Нѣкоторое время новая редакція продолжала ихъ печатать.

Но они уже звучали диссонансомъ съ остальнымъ текстомъ газеты.

Тогда рѣшено было:

— Перевести читателя въ слѣдующій классъ.

Романы Дмитріева были замѣнены историческимъ романомъ кн. Волконскаго, присяжнаго романиста „Нивы“.

Это было уже „рангомъ повыше“.

Романъ кн. Волконскаго былъ замѣненъ уже настоящимъ, въ полномъ смыслѣ слова, литературнымъ произведеніемъ,—романомъ А. Н. Будищева.

И вслѣдъ за нимъ появился романъ корифея русской беллетристики — маститаго П. Д. Боборыкина.

Такъ постепенно читатель „перешелъ изъ класса въ классъ“.

И къ этому времени „подросъ“ на столько, что не сталъ требовать отъ своей газеты непремѣнно романа-фельетона.

Такъ работая надъ собой, сама переходя изъ класса въ классъ, газета повышала уровень своего читателя, повышала его требованія къ газетѣ.

IX.

Задача И. Д. Сытина, какъ мы говорили въ самомъ началѣ, была издавать:

— Дешевую общедоступную газету.

Доступную и по цѣнѣ и по ясности изложенія всякому.

Подписная цѣна—5 рублей въ годъ была очень соблазнительна.

Что общедоступнѣе?

Но отъ нея пришлось сразу же отказаться.

По цензурнымъ соображеніямъ.

При 5 рубляхъ въ годъ нельзя было издавать настоящей газеты.

Пятирублевая газета трактовалась какъ „народная" газета.

И для нея, какъ для народнаго театра, для народной книжки, были свои особыя цензурныя требованія.

„Народная" газета,—газета цѣною ниже 6 рублей въ годъ,—не имѣла права затрогивать цѣлой массы вопросовъ.

Общественныхъ и политическихъ.

И пришлось за рубль купить себѣ право касаться важнѣйшихъ вопросовъ.

Но за 6 рублей издавать такую газету, какъ хотѣлось, настоящую европейскую газету, съ колоссальной, огромныхъ денегъ стоящей информаціей, было невозможно.

Предстояло одно изъ двухъ:

— Или издавать газету такъ себѣ, второго разбора.

Или повышать цѣну.

Скрѣпя сердце, шли на второе.

Опытъ показалъ, что газета привилась, что повышеніе цѣны не играетъ никакой роли въ смыслѣ распространенія, что число подписчиковъ не только не уменьшается, но продолжаетъ расти въ обычной, нормальной прогрессіи.

Тѣмъ не менѣе, каждый разъ редакція и издательство,—только въ силу крайней необходимости, только изъ желанія еще улучшить газету,—шли на прибавку.

Принциповъ было два:

— Мы должны поднять вкусъ читателя и уровень его требованій къ газетѣ. До сихъ поръ въ дешевой газетѣ онъ имѣлъ и свѣдѣнія и литературу второго сорта. Мы должны пріучить его читать и требовать себѣ настоящей газеты.

— Наша газета должна быть общедоступной.

Изъ массы читательскихъ писемъ самыми радостными для редакціи были письма съ укоризнами:

— Въ „Новомъ Времени“ есть такое-то свѣдѣніе, а у васъ нѣтъ.

Читатель забывалъ, что „Новое Время“ стоитъ 17 рублей въ годъ, а „Русское Слово“—восемь.

Наша первая цѣль была достигнута.

Читатель сталъ требователенъ.

Онъ требовалъ:

— Настоящей газеты.

Что касается второй задачи, то „Русское Слово“ передъ войной оставалось самой дешевой, т.-е. самой общедоступной, изъ большихъ политическихъ газетъ въ Россіи.

Военное время, съ огромнымъ вздорожаніемъ, главнымъ образомъ, бумаги заставило поднять цѣну на газету.

Но явленіе это, надѣемся, временное.

И „Русское Слово“ переноситъ это временное тяжелое положеніе, все-таки оставаясь вѣрной своей задачѣ:

— Быть по возможности дешевой и общедоступной газетой.

X.

Кажется, все?

Остается отношеніе газеты къ обществу и,—щекотливая тема,—отношеніе къ правительству.

„Русское Слово“ никогда не стремилось играть вліятельную роль.

Вся его сила въ его распространеніи.

Оно служитъ обществу, говоритъ только съ обществомъ, обращается только къ обществу.

Его задача:

— Быть обществу слугой.

Но не лакеемъ.

Служить интересамъ общества.

Не служить никакимъ увлеченіямъ, хотя бы самымъ моднымъ, хотя бы самымъ распространеннымъ, если, по убѣжденію „Русскаго Слова“, эти увлеченія пагубны, неосновательны или невыполнимы.

Имѣть смѣлость сказать обществу, что оно ошибается,—если оно, по убѣжденію газеты, ошибается.

Въ этомъ гордость „Русскаго Слова“.

И „Русское Слово“ лучше перенесетъ временное одиночество, чѣмъ будетъ валяться въ общей толпѣ въ ногахъ у моднаго увлеченія.

По отношенію къ правительству, — кто бы изъ любящихъ Россію людей не хотѣлъ работать съ правительствомъ рука объ руку и душа въ душу, дѣйствительно на общее благо!

И если такой совмѣстной работы общества и правительства до сихъ поръ нѣтъ,—вина не общества.

Правительственныя программы зависятъ отъ лицъ. А лица такъ часто мѣняются.

И журналистъ, который захотѣлъ бы быть рупоромъ правительства, превратился бы въ жалкій и забавный флюгеръ.

Изъ самой природы вещей вытекаетъ, что общественная газета „Русское Слово“ часто бываетъ въ оппозиціи къ правительству.

Это оппозиція противниковъ, а не враговъ.

Она вытекаетъ изъ той же заботы объ интересахъ родины, только понимаемыхъ иначе, чѣмъ понимаетъ ихъ данное правительство.

Правительства мѣняются.

Интересы Россіи остаются все тѣ же.

И, служа только этимъ интересамъ, „Русское Слово“ остается всегда независимымъ органомъ.

Независимымъ и отъ смѣняющихся правительственныхъ программъ и отъ смѣняющихся общественныхъ увлеченій.

XI.

Остается сказать объ отношеніи общества къ газетѣ.

Нужна ли Россіи такая газета?

Удовлетворяетъ ли она общество?

Пусть на это отвѣтятъ цифры тиража.

„Русское Слово“ расходится до 750.000 экземпляровъ.

Газету читаютъ цѣлыми семьями. У насъ часто двѣ семьи подписаны на двѣ разныя газеты и обмѣниваются ими.

Газету читаютъ въ библіотекахъ, читальняхъ, газету получаютъ коллегіальныя учрежденія: суды, земскія, городскія управы, канцеляріи.

Въ Россіи еще очень распространена просьба:

— Одолжите почитать газетку.

У насъ на каждый экземпляръ газеты надо считать minimum десять читателей.

„Русское Слово“ имѣетъ передъ собой ежедневную аудиторію, самое меньшее, въ семь съ половиной милліоновъ людей.

„Русское Слово“ гордится этой неслыханной для русской газеты аудиторіей.

Благодарно ей за вниманіе.

И старается быть ея достойной.

НАРОДНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО, ИНТЕЛЛИГЕНЦІЯ и И. Д. СЫТИНЪ.

Когда, въ 1824 году, извѣстный русскій ученый И. М. Снегиревъ представилъ въ Общество Любителей Россійской Словесности свою замѣчательную статью о лубочныхъ картинкахъ, то среди членовъ этого Общества явилось сомнѣніе:

— Можно ли и должно ли допустить разсужденіе въ ихъ обществѣ о такомъ пошломъ, площадномъ предметѣ, какой предоставленъ въ удѣлъ черни [1])?

„Эти чопорные господа... никакъ не могли вообразить, что „Ершъ", „Бова" и „Петръ златыя ключи" переживутъ ихъ безсмертныя творенія.

Издательство народныхъ книгъ, какъ и всякая вообще работа надъ ними были далеки отъ вниманія дореформенной интеллигенціи нашей. Рѣзкими и одинокими огоньками вспыхивали и быстро меркли не попытки даже, а случайные и мимолетные проблески вниманія къ земному, заброшенному и засоренному углу литературы, къ народному или лубочному — по тогдашнему издательству. А изъ этого угла питались малочисленные народные грамотники, питались сами и разсказами и примѣромъ питали окружающихъ, укореняя читательскіе традиціи, навыки, вкусы.

Одна изъ почтеннѣйшихъ изслѣдовательницъ народной литературы, г-жа Е. Некрасова [2]) говоритъ: „Рѣзко отколовшись отъ народа и въ жизни, и въ самомъ бытѣ, и въ своемъ умственномъ развитіи, интеллигенція предоставила литературное развитіе народа въ руки лубочниковъ, не считая за собою непремѣнной обязанности, возлагаемой

---

[1]) А. С. Пругавинъ. „Изданіе и распространеніе народныхъ книжекъ". „Русская Мысль" 1887. IX.

[2]) „Сѣверный Вѣстникъ" 1889. V, VI, VII „Народныя книги для чтенія".

на всякаго развитого человѣка; забыла, что та милліонная масса, трудами рукъ которой жило большинство образованныхъ классовъ, что она, кромѣ грубой физической силы, представляетъ изъ себя еще человѣка, обладающаго и живущаго духовной жизнью. Выбирать, изготовлять и преподносить ему эту духовную пищу интеллигенція безъ всякой борьбы предоставила Абрамову, Шарапову, Кузнецову, Прѣснову, Шаеву, Манухину, Алуханову, Ѳедосову, Бѣленкину, Узакову, Логинову...“ У г-жи Некрасовой въ ея изслѣдованіи, одной изъ первыхъ попытокъ дать итоги работы въ области народной литературы съ 40-хъ годовъ до средины 50-хъ, мы находимъ и это цѣнное признаніе „грѣха интеллигенціи“, но на ряду съ нимъ то же огульное, сплеча все отбрасывающее отрицаніе всего „лубка“. И только позже, оглядѣвшись и поразобравшись, нашли и въ прошломъ кое-что цѣнное. Дошли и до противоположныхъ, столь же крайнихъ и въ ту же мѣру несправедливыхъ отрицаній, яркимъ образцомъ которыхъ можетъ служить одна изъ статей покойнаго Н. Н. Златовратскаго, напечатанная подъ псевдонимомъ въ „Вѣстникѣ Воспитанія“. Н. Н. Златовратскій такъ же рѣзко и изъ такихъ же благихъ побужденій умалялъ интеллигентную работу для народной литературы, какъ его предшественники по изслѣдованію того же вопроса сводили на нѣтъ, къ изданію одной „позорной“, по выраженію г-жи Некрасовой, макулатуры, всю дѣятельность лубочниковъ до интеллигентскаго пришествія.

Въ эту именно пору, въ 60-хъ годахъ, и началъ работать И. Д. Сытинъ.

Сравнительно долгое время, во всякомъ случаѣ, годы несамостоятельной работы во время службы у Шарапова и затѣмъ первые годы, можетъ-быть, даже одно, полтора десятилѣтія издательской дѣятельности, И. Д., какъ издатель, не выдѣлялся особенно рѣзко надъ уровнемъ установившихся, старыхъ фирмъ Никольскаго рынка.

Если въ эти годы основоположенія своего издательскаго будущаго И. Д. занялъ особое мѣсто среди своихъ конкурентовъ, то благодаря исключительной энергіи въ дѣлѣ распространенія книгъ.

Мы знаемъ, что въ ту пору традиціонная близость офеней-ходебщиковъ съ производителями народной книги съ особой заботливостью, съ особеннымъ вниманіемъ укрѣплялась И. Д. Сытинымъ. Онъ умѣло привлекалъ этихъ бродячихъ книгопродавцевъ темной глухой Руси къ своей лавкѣ.

Такая первоначальная работа была постановлена имъ уже съ характерной для И. Д. смѣлой новизной пріемовъ. Первый началъ онъ

оказывать мелкимъ заборщикамъ кредитъ, широкій и легкій, а затѣмъ, когда административно-полицейскія мѣры стѣснили распространеніе народной книги черезъ офеней, первымъ же изъ народныхъ издателей началъ открывать сытинскія лавки въ провинціи.

Выдѣляясь, такимъ образомъ, въ первые годы своей самостоятельной работы развитіемъ и усовершенствованіемъ распространенія народной книги, И. Д. Сытинъ, какъ издатель, долго, до 80-хъ гг., шелъ на одномъ уровнѣ съ другими аналогичными фирмами и поэтому исторію его народнаго издательства удобнѣе не отдѣлять за этотъ періодъ отъ очерка пореформеннаго развитія народнаго издательства вообще.

Первыми одинокими вспышками вниманія русскаго общества къ духовнымъ потребностямъ народа были заслуживающія благодарной памяти „Пестрыя сказки съ краснымъ словцомъ, собранныя Принѣемъ Модестовичемъ Гамазекой", незабвеннаго кн. И. Ѳ. Одоевскаго, издавшаго ихъ въ 1833 г. подъ псевдонимомъ „Безгласнаго", его же „Сельское чтеніе", изданное имъ въ 1843 г. вмѣстѣ съ А. И. Заблоцкимъ, нѣкоторыя раннія произведенія Казака Луганскаго—В. И. Даля, первыя работы до освобожденія—А. Ѳ. Погосскаго... Но работы Погосскаго, какъ и Золотова и нѣкоторыхъ другихъ, были уже первымъ проблескомъ разгоравшейся зари освобожденія. Ихъ нельзя связать съ темнымъ прошлымъ; приближавшееся тогда свѣтлое будущее первымъ тепломъ своимъ вызвало ихъ къ жизни.

Мы помянули сейчасъ лучшія, удачныя попытки дореформенной интеллигенціи въ дѣлѣ народнаго издательства и писательства для народа. Бывали и другія—неудачныя, а подчасъ—тогда уже—уродливо тенденціозныя интеллигентскія изданія для народа, погрѣшавшія не только нарочитостью языка, кривляніемъ и ломаніемъ въ своеобразномъ стилѣ Растопчинскихъ афишъ, заклейменнымъ убійственнымъ толстовскимъ словцомъ „ёрническій языкъ". Уже тогда были попытки раннихъ демагоговъ охранительнаго мракодѣлія итти съ книжкой „въ народъ". Такова, напримѣръ, была 12-копеечная „Печатная правда" кн. С. П. Голицына, изданная въ 1858 г.

Интеллигенція, обративъ, наконецъ, къ 60-мъ годамъ вниманіе на потребность народа въ книгѣ, горячо взялась за это дѣло. Однимъ изъ первыхъ піонеровъ интеллигентскаго издательства для народа былъ А. Ѳ. Погосскій, по собственнымъ его словамъ, поставившій „цѣлью своей жизни посильное принесеніе пользы и удовлетвореніе насущныхъ

духовныхъ потребностей народа". Помимо дѣятельной и энергичной издательской работы (журналы и книги для солдатъ и народа) Погосскій былъ однимъ изъ основателей, а съ 1870 г. предсѣдателемъ „Петроградскаго Комитета Грамотности". Какъ самъ Погосскій, такъ и руководимый имъ Комитетъ, а съ нимъ вмѣстѣ возникшее въ Москвѣ въ 1861 г. „Общество распространенія полезныхъ книгъ" и воскресшій къ новой дѣятельной жизни „Московскій Комитетъ Грамотности" (осн. въ 1845 г.), обновившее свою работу „Товарищество Общественной пользы въ Петроградѣ", общественное издательское предпріятіе, основанное ради просвѣтительной цѣли еще въ 40-хъ годахъ, принялись за изданіе книгъ „для народа", поставивъ во главѣ своей дѣятельности „борьбу съ лубочниками". Въ 1863 году, говоря о скорой побѣдѣ надъ издателями Никольскаго и Апраксина рынковъ, А. Ѳ. Погосскій писалъ: „Теперь уже начинаетъ пониматься въ народѣ нелѣпость этой жалкой уличной литературы. Книжный хламъ толкучихъ рынковъ, офеней и коробейниковъ изнашивается, доживаетъ свои послѣдніе дни. Еще годъ-два—и каждый грамотный мальчишка посмѣется надъ купцомъ, который предложитъ ему какую-нибудь „Страшную Вѣдьму", „Бову Королевича", „Еруслана Лазаревича" и тому подобныхъ деревенскихъ дурачковъ".

Заглянувъ, наконецъ, на полки „лубочниковъ" и въ короба офеней, интеллигенція съ ужасомъ, презрѣніемъ и неразборчивой гадливостью, отмахнулась сразу отъ всего вѣкового запаса русскаго лубочнаго писательства и издательства. Люди, горѣвшіе желаніемъ добра, до боли ощущавшіе долгъ свой передъ народомъ, въ увлеченіи чуть не уподобились „чопорнымъ господамъ" 20-хъ годовъ, заклейменнымъ Ровинскимъ.

Въ 60-хъ годахъ, когда и началась дѣятельность И. Д. Сытина, въ рядахъ интеллигенціи родилось и съ той поры надолго укрѣпилось—слепо и наотмашь — огуломъ отрицательное отношеніе къ народному издательству, какимъ оно существовало въ дореформенную глубокую пору.

Огульное отрицательное отношеніе Погосскаго ко всей массѣ лубочныхъ изданій было, по меньшей мѣрѣ, характерно, свидѣтельствуя о той же презрительной невнимательности къ этому „задворку" литературы, какая наблюдалась въ раннюю пору, когда бѣлоручкамъ интеллигентской Руси даже пушкинскія „Русланъ и Людмила" и сказки казались непозволительной грубостью: „Возможно ли просвѣщенному или хотя бы немного свѣдущему человѣку терпѣть, когда ему

предлагаютъ новую поэму, писанную въ подражаніе Еруслану Лазареву". Между тѣмъ изъ сотенъ свидѣтельствъ мы знаемъ, какъ глубоко отражалась на духовномъ ростѣ многихъ большихъ людей, вышедшихъ изъ народной среды, чтеніе лубочныхъ изданій, житій святыхъ и старыхъ сказокъ... Приведемъ одинъ лишь примѣръ, классическій примѣръ, нашедшій достойную оцѣнку у Бѣлинскаго. Лубочныя „Сказка о славномъ и сильномъ богатырѣ Бовѣ-Королевичѣ и о прекрасной супругѣ его Дружевнѣ", „Сказка о славномъ и непобѣдимомъ богатырѣ Ерусланѣ Лазаревичѣ и о супругѣ его прекрасной Анастасіи Вахрамѣевнѣ" и др. составляли излюбленное чтеніе юнаго Кольцова. Говоря объ этой чертѣ біографіи народнаго поэта, Бѣлинскій счелъ должнымъ замѣтить, что „на Руси не одна одаренная богатой фантазіей натура, подобно Кольцову, начала съ этихъ сказокъ свое литературное образованіе..."

Не все, стало-быть, было въ лубочной литературѣ „позорной" макулатурой и въ ту пору, когда народное издательство—настоящее, шедшее въ народъ—было еще внѣ круга интеллигентскаго воздѣйствія. И это въ то время, когда относительно большинства интеллигентскихъ попытокъ вдумчивый критикъ считалъ себя въ правѣ писать (Д. И. Писаревъ въ 1861 г.): „Изъ подобныхъ книжекъ ничего не разовьется ни въ близкомъ, ни въ отдаленномъ будущемъ... Первому человѣку, который выступитъ впередъ съ добросовѣстнымъ и просвѣтительнымъ желаніемъ служить народному образованію, будетъ такъ же трудно начать, какъ будто бы онъ первый пошелъ по этому пути".

И вотъ началась борьба.

Указанныя общественныя организаціи и частныя издательства, изъ которыхъ нельзя не отмѣтить фирмъ „Народныя изданія" Фонъ-деръ-Флита и Кочетова, кіевской „Народной Читальни", книгопродавца Исакова и др., наиздавали очень много книжекъ, иногда прекрасныхъ по замыслу, иногда доступныхъ для народа и по содержанію, иногда (рѣже всего) принятыхъ и по видимости и по цѣнѣ.

Шли годы, шла интеллигентская писательская и издательская работа для народа.

И вотъ черезъ 25 лѣтъ, подводя ея итоги, А. С. Пругавинъ могъ твердо установить, что „народныя изданія интеллигентскаго характера составляютъ самый ничтожный процентъ общаго числа книгъ, распространенныхъ въ народной средѣ". Въ подтвержденіе изслѣдователь приводилъ слѣдующій фактъ, заимствованный изъ „Сборника Пермскаго

земства“ (1888 г. № 6): учителемъ одной изъ школъ Красноуфимскаго уѣзда, Пермской губерніи, было произведено изслѣдованіе по вопросу о томъ, что читаетъ народъ, при этомъ оказалось, что, напримѣръ, изъ всего количества книгъ — 176, имѣвшихся у крестьянъ Шайтанскаго завода, 164 книги, т.-е. 93%, составляли изданія лубочныхъ и никольскихъ фирмъ, цѣною отъ 1 коп. до 3 рублей, и только 7% книгъ интеллигентскаго происхожденія“ [1]).

Какъ же произошло, что четвертьвѣковая работа столькихъ интеллигентныхъ дѣятелей, одушевленныхъ горячимъ желаніемъ принести пользу народу изданіемъ хорошихъ и доступныхъ для него книгъ, привела къ такому жалкому итогу, обличающему на первый взглядъ почти полную ея никчемность?

А. С. Пругавинъ, вдумчивый и пытливый изслѣдователь, работавшій не по „книжкамъ“, а по горячему слѣду искавшій пути книги въ народную гущу, подошелъ къ вопросу со стороны, единственно правильной въ смыслѣ вѣрности поиска прямой дороги къ искомому рѣшенію загадки.

„Народъ нашъ желаетъ читать (въ этомъ нельзя сомнѣваться). ...На помощь народу въ этомъ случаѣ идутъ разные люди, которые подходятъ къ нему съ двухъ разныхъ сторонъ. Съ одной стороны идутъ образованные, развитые, интеллигентные люди, иногда съ крупными художественными талантами, съ громкими научными именами и, почти всегда, съ искреннимъ и горячимъ стремленіемъ принести пользу. Съ другой стороны подходятъ темные, невѣжественные, часто совсѣмъ неграмотные лубочники, которые, приступая къ изданію книгъ для народа, не задаются никакими другими цѣлями, кромѣ наживы и барыша.

Но что же мы видимъ? Въ то время, какъ всѣ попытки интеллигентныхъ издателей неминуемо терпятъ болѣе или менѣе рѣшительное фіаско, „невѣжественные“ лубочники процвѣтаютъ какъ нельзя болѣе: книжки и картинки ихъ расходятся (и притомъ расходятся именно въ народной средѣ) въ огромномъ количествѣ экземпляровъ, доставляя издателямъ солидные барыши и доходы.

Чѣмъ объяснить такое странное явленіе? Неужели вкусы народа такъ испорчены, такъ извращены, что онъ сознательно предпочитаетъ „нелѣпыя и безграмотныя изданія“ Никольскаго рынка книжкамъ, вышедшимъ изъ рукъ людей образованныхъ и интеллигентныхъ?

[1]) Пругавинъ. „Что и какъ читаетъ народъ“.

Вопросъ этотъ такъ интересенъ, такъ существенно-важенъ съ точки зрѣнія общественнаго служенія народу, что необходимо подойти къ нему поближе, необходимо внимательно присмотрѣться къ условіямъ, породившимъ такое странное явленіе.

Различные Комитеты Грамотности, „Общества распространенія полезныхъ книгъ“ и „Комиссіи по устройству народныхъ чтеній“ и тому подобныя учрежденія, а также частныя лица изъ интеллигенціи составляли, печатали и издавали очень много книгъ и книжекъ спеціально „для народа“. Среди этихъ изданій, хотя и не часто, встрѣчались, разумѣется, и удачныя, хорошія, полезныя книги, доступныя народному пониманію.

Но — странное дѣло — всѣ эти „хорошія книжки“ обыкновенно преспокойно оставались на полкахъ столичныхъ магазиновъ. Въ лучшемъ случаѣ онѣ расходились среди той же интеллигентной публики, изрѣдка попадая въ болѣе обезпеченныя школы и училища.

Деревня, фабрика, село и не подозрѣвали о существованіи „хорошихъ книжекъ“, и попрежнему деревенскіе грамотеи читали лубочныя изданія „Никольскаго рынка“. Почему же „хорошія книжки“ не попадали въ деревню? Почему не доходили до мужика?

По нашему мнѣнію, главная причина этого заключалось въ томъ, что лица, бравшіяся за изданіе книгъ „для народа“, въ сущности почти совсѣмъ не знали этого народа, не знали условій деревенской среды, не знали потребностей мужика, его привычекъ и вкусовъ, которые, во всякомъ случаѣ, необходимо было принять во вниманіе. Затѣмъ у этихъ людей не было, собственно говоря, никакихъ связей съ селомъ или съ деревней,—тѣхъ связей, которыя вырастаютъ только на почвѣ живого, реальнаго дѣла и безъ которыхъ немыслимъ успѣхъ никакого практическаго предпріятія. Въ то же время у нихъ не было никакихъ посредниковъ, въ родѣ, напримѣръ, офеней, ходебщиковъ, коробейниковъ и т. п., которые могли бы сблизить ихъ съ мужикомъ, ознакомить его съ ихъ изданіями, съ ихъ добрыми замыслами, гуманными задачами.

Интеллигентные издатели народныхъ книжекъ обыкновенно упускали изъ вида, что еще мало напечатать и издать хорошія книжки для народа, но что необходимо позаботиться о распространеніи ихъ въ народной средѣ. Думать, что мужики будутъ сами выписывать хорошія книжки изъ столичныхъ магазиновъ, по меньшей мѣрѣ, наивно. Необходимо, чтобы книжки эти были занесены въ село и деревню, чтобы

онѣ явились на ярмаркахъ и базарахъ, на которые стекаются крестьяне для закупки всего необходимаго для себя. А объ этомъ то и не думали совсѣмъ интеллигентные издатели народныхъ книжекъ, и этимъ, какъ нельзя лучше, доказали свое полное незнакомство съ условіями жизни деревенской среды.

Затѣмъ всѣ эти изданія „для народа“ обыкновенно были черезчуръ дороги, совсѣмъ не по карману мужику. Маленькія, тощенькія брошюры стоили отъ 20 до 50 копеекъ и дороже. Было бы, однако, совершенно несправедливо видѣть въ этомъ корыстные расчеты со стороны интеллигентныхъ издателей народныхъ книжекъ. При всемъ желаніи удешевить свои изданія, они не могли этого сдѣлать, главнымъ образомъ, потому, что, въ виду крайне ограниченнаго сбыта и распространенія, принуждены были печатать свои книжки въ незначительномъ количествѣ экземпляровъ—одну-двѣ тысячи, не болѣе.

Наконецъ и самая видимость этихъ изданій „для народа“ не внушали довѣрія крестьянамъ и не располагала ихъ къ книжкѣ. Дѣло въ томъ, что народъ въ теченіе долгихъ лѣтъ уже пріученъ лубочными издателями къ извѣстной внѣшности и даже къ извѣстному формату книжекъ. Ему нравятся ярко раскрашенныя картинки, которыя всегда находятся на обложкахъ книжекъ, вышедшихъ изъ лавокъ Никольскаго рынка. А тутъ какая-то сѣренькая, тусклая обложка прикрываетъ тощую, длинную и нескладную брошюрку; на обложкѣ вмѣсто заманчиваго названія, возбуждающаго любопытство или фантазію, стоятъ какія-то непонятныя слова „Изданіе Народной Библіотеки“ или „Изданіе С.-Петербургскаго Комитета Грамотности, состоящаго при Императорскомъ Вольно-Экономическомъ обществѣ“, или что-нибудь въ этомъ родѣ. Прочтетъ эти слова мужикъ „задумается: что оно такое? Что-то непонятное, чуждое, странное... и оставитъ книжку, не купитъ“.

Къ этому времени, когда такъ ярко сказались причины неуспѣха „борьбы“, начатой А. Ѳ. Погосскимъ противъ лубочниковъ, заложены были—незамѣтно ни для кого—и первыя основы дѣйствительнаго распространенія въ народѣ хорошей и здоровой книги.

Эти первые шаги стоятъ въ непосредственной связи съ дѣятельностью И. Д. Сытина.

Дѣятельность эта сравнительно въ короткое время дала поразительные результаты. Такъ, во второй половинѣ 80-хъ годовъ А. С. Пругавинъ въ статьѣ „лубочные издатели“ писалъ о дѣлѣ И. Д. Сытина: „Необыкновенно быстрое развитіе народно-лубочной литературы не мо-

жетъ подлежать никакому сомнѣнію. Въ настоящее время одинъ г. Сытинъ дѣлаетъ оборотъ на 300.000 р. въ годъ, попрежнему продолжая вести дѣло почти исключительно съ деревней, съ народомъ. Успѣхъ г. Сытина въ качествѣ издателя-книгопродавца можетъ служить лучшей иллюстраціей къ нашимъ словамъ о быстромъ развитіи народно-лубочной литературы и о пробудившемся въ народѣ запросѣ на чтеніе. Еще недавно, какихъ-нибудь десять лѣтъ тому назадъ, г. Сытинъ былъ приказчикомъ въ книжной лубочной лавкѣ Шарапова, теперь же онъ стоитъ во главѣ фирмы, располагающей огромною типографіей, едва ли не самой большою въ Москвѣ литографіей, двумя книжными магазинами и т. д. Фирма имѣетъ до 2.000 постоянныхъ покупателей изъ офеней и мелкихъ и крупныхъ провинціальныхъ книгопродавцевъ; обороты ея растутъ съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе. Сытинъ имѣетъ въ своихъ лавкахъ болѣе 580 названій народныхъ книгъ, изъ которыхъ большая часть его собственныя изданія, повторяемыя имъ почти ежегодно. Продаетъ онъ не менѣе 8—10 милліоновъ экземпляровъ народныхъ изданій, большая часть которыхъ состоитъ изъ его собственныхъ изданій. А затѣмъ, помимо этого, сколько выпускается имъ народныхъ картинъ".

Эту картину громаднаго и нагляднаго успѣха Пругавинъ сопоставляетъ съ вялой дѣятельностью общественныхъ организацій и частныхъ интеллигентскихъ издательствъ. Такъ, С.-Петербургскій Комитетъ Грамотности продалъ въ 1886 г. 59.356 экз., въ 1887 г. 41.048 экз., въ 1888 г.—47.700 экз. Въ 1891 г. издалъ 5 названій народныхъ книгъ въ 40.000 экз., въ 1892 г.—4 названія въ 35.000 экз.

Мы видимъ, что главная причина неуспѣха интеллигенціи была сознана къ этому времени.

Съ одной стороны стояли лубочники, умѣвшіе издавать и распространять народную книгу, съ другой — интеллигенты, не умѣвшіе ни того ни другого.

Ясно было, что успѣхъ можетъ быть обезпеченъ только сочетаніемъ обѣихъ сторонъ: интеллигентскаго творчества и коммерческаго опыта подлинныхъ народныхъ издателей.

Первая попытка пошла, однако, не по совсѣмъ правильному пути, и потому, можетъ-быть, оказалась особенно поучительной. Мы говоримъ о работѣ покойнаго Маракуева. Уже въ 1882 г., основывая свою издательскую фирму „Народная Библіотека", онъ правильно ставилъ задачу: разнообразіе изданій, привычная народу внѣшность, доступная цѣна, „распространеніе въ народѣ чрезъ посредство школъ и арміи коробейни-

ковъ". Этими средствами онъ надѣялся провести въ народъ „дѣйствительно хорошія книги, дать народу здоровую и разумную книгу, противодѣйствовать книжной спекуляціи и лубочнымъ безграмотнымъ изданіямъ". Въ 1885 г. Маракуевъ сдѣлалъ то, чего ни одинъ интеллигентный издатель для народа не сдѣлалъ до него; онъ открылъ книжный магазинъ, самъ сталъ за прилавокъ. Попытка его, правильная по существу, не удалась по двумъ причинамъ. Книжки, издававшіяся имъ, были, по большей части, неудовлетворительны по содержанію и изложенію, скучны, тенденціозны или, наоборотъ, малодоступны (напр., онъ издавалъ для народа „Отелло", „Макбетса" и т. д.). Вторая причина его неуспѣха—недостаточная дѣловитость, вслѣдствіе чего онъ не сумѣлъ наладить отношеній съ офенями; напримѣръ, магазинъ свой онъ открылъ не на Никольской, какъ диктовало самое наглядное изслѣдованіе „условій борьбы" съ лубочниками, а въ Петровскихъ Линіяхъ. Въ результатѣ книжки его почти не проникли въ деревню.

Первые, дѣйствительно, серьезные, дѣйствительно, *историческіе* шаги на этомъ пути были сдѣланы въ 80-хъ гг. обращеніемъ „Посредника", „Московскаго Комитета Грамотности" и издательницы книжной серіи „Правда" къ И. Д. Сытину, какъ распространителю.

Этимъ важнымъ для исторіи новой народной литературы эпизодамъ посвящены здѣсь особыя статьи. Мы отмѣчаемъ ихъ въ ходѣ нашего изложенія, какъ грань, отдѣляющую прошлое съ его органическими ошибками отъ новаго періода.

Для интеллигентской работы въ области народной литературы сближеніе съ И. Д. Сытинымъ знаменовало, какъ понятно изъ всего предъидущаго, переходъ къ правильному, дѣловому и пригодному для народа издательству.

Для самого И. Д. Сытина сближеніе съ этой интеллигенціей открывало новые горизонты работы.

Онъ немедленно началъ и самъ, не ограничиваясь ролью распространителя, нащупывать новые пути.

Уже въ 1885 г. мы находимъ въ его изданіяхъ первую „интеллигентскую" серію, имъ уже самимъ создаваемую, подъ общимъ названіемъ: „Во свѣтѣ твоемъ узришь свѣтъ".

Знакомился съ новыми людьми, съ новымъ кругомъ авторовъ и интеллигентныхъ работниковъ, педагоговъ и т. п. И. Д. очень скоро развиваетъ свое дѣло въ направленіи этихъ новыхъ связей своихъ.

Уже въ 1889 г. изслѣдовательница народнаго издательства Некрасова пишетъ про него:

„Ни одинъ издатель Никольской и Ильинки не выпускаетъ изъ своей типографіи такой разношерстности, такихъ противоположностей, какъ выпустилъ Сытинъ, ни одинъ не дѣлаетъ столько шаговъ въ сторону новаго, какъ онъ".

На ряду съ прежнимъ „лубкомъ" И. Д. уже издаетъ „Наталку-Полтавку", пытается пустить въ народный обиходъ Островскаго и т. д.

Сытинъ становится во главѣ того новаго теченія въ народномъ издательствѣ, которое А. С. Пругавинъ характеризуетъ такъ:

„Народно-лубочная литература находится подъ двумя совершенно противоположными вліяніями: съ одной стороны, она начинаетъ испытывать вліяніе интеллигентской „литературы", отъ которой она заимствуетъ произведенія Пушкина, Льва Толстого, Островскаго и т. д.; съ другой стороны, она все сильнѣе и сильнѣе подпадаетъ вліянію той основной „литературы улицы", которая свила себѣ гнѣздо въ Москвѣ на Никольской".

Новое, культурное, облагораживающее теченіе въ народномъ издательствѣ съ каждымъ годомъ все ярче и ярче отражалось въ дѣятельности И. Д. Сытина.

Надо еще упомянуть о только еще намѣчающейся, и потому не поддающейся учету новой эволюціи въ области народнаго издательства, опять-таки непосредственно и неразрывно связанной съ работой И. Д. Сытина.

Мы говоримъ объ удешевленіи книги вообще, послѣдовательно и энергично проводимой И. Д. Сытинымъ въ его издательствѣ. Благодаря дешевизнѣ мало-по-малу стирается грань между книгой вообще и книгой специфически-народной. Въ этомъ большая заслуга И. Д. Сытина. Вѣдь съ ростомъ народнаго просвѣщенія самое именованіе книги „народной" должно исчезнуть и замѣниться именованіемъ „доступной". Сдѣлать народу доступной книгу вообще—дѣло прекрасное: сдѣлать народу доступной книгу хорошую, нужную, полезную, независимо, написана ли она „для народа" или для интеллигенціи,—великая заслуга. Честь такой заслуги, безспорно, принадлежитъ И. Д. Сытину.

Итакъ, заканчивая, подведемъ итоги.

Прошлымъ своимъ, какъ народный издатель, И. Д. Сытинъ принадлежитъ къ лубочникамъ, къ тѣмъ лубочникамъ, о которыхъ А. С. Пругавинъ говоритъ:

„Лубочники сдѣлали свое дѣло: какъ бы то ни было, худо ли, хорошо ли, они въ теченіе долгаго времени доставляли народу возмож-

ность читать печатное слово, поддерживали въ народной средѣ грамотность, которая безъ нихъ легко могла бы совсѣмъ изсякнуть въ этой средѣ. На ряду съ разными нелѣпыми изданіями они распространяли также немало хорошаго и полезнаго: азбуки, буквари, священное писаніе, картины и т. д. Въ этомъ ихъ безспорная и положительная заслуга".

Какъ народный издатель, И. Д. развилъ и создалъ могучій распространительный аппаратъ и, не колеблясь, смѣло пошелъ на призывъ интеллигенціи къ совмѣстной работѣ.

Результаты налицо: и въ разительной съ тѣхъ поръ успѣшности интеллигентской работы въ этой области и въ эволюціи дѣятельности издательства самого И. Д. Сытина.

КАЛЕНДАРЬ.

I.

Календари въ Россіи извѣстны издавна подъ различными названіями — Святцы, Мѣсяцесловы, Сборники и Альманахи.

Древнѣйшіе славяно-русскіе святцы находятся при Остромировомъ Евангеліи 1057 года. Они состоятъ въ простомъ перечнѣ именъ святыхъ, празднуемыхъ греко-россійскою Церковью, и въ этомъ видѣ служили долгое время образцомъ для послѣдующихъ въ подобномъ родѣ изданій. Святцы прилагались

въ рукописныя и печатныя богослужебныя книги; издавались также и особо—почти безъ всякихъ измѣненій.

Въ 1492 году, когда исполнилось отъ сотворенія міра 7000 лѣтъ и народъ ожидалъ кончины свѣта, новгородскій архіепископъ Геннадій, въ опроверженіе народнаго предразсудка написалъ окружную грамату, и вслѣдъ за тѣмъ, по повелѣнію московскаго митрополита Зосимы, составилъ на 70 лѣтъ восьмой тысячи пасхалію, подъ названіемъ: „Кругъ великій міротворный“.

Съ того времени стали соединять со святцами и пасхалію.

Въ XVI вѣкѣ появляются и календари подъ названіемъ Альманаховъ. Они запрещены были къ обращенію Стоглавомъ за астрологическій ихъ характеръ, господствовавшій въ то время въ Западной Европѣ.

Вѣра въ таинства звѣздочетной науки захватила даже и начало XVIII вѣка. Въ календаряхъ, изданныхъ по повелѣнію Петра Великаго, находятся астрологическія предсказанія и наблюденія о погодѣ, болѣзняхъ и проч. Старѣйшій изъ нихъ, Брюсовъ, напечатанный въ Москвѣ, относится къ 1710 году. Вотъ его заглавіе:

„Календарь ілі мѣсяцословъ Хрістіанскіі По старому штілю, ілі ізчисленію, на лѣто отъ воплощенія Бога Слова 1710. Напечатанъ въ Москвѣ, лѣта Господня, 1709, Декабря въ день“.

Календарь въ первоначальномъ видѣ изданъ подъ „надзрѣніемъ Якова Вилимовича Брюса“, занимавшагося астрономическими наблюденіями на Сухаревой башнѣ, „тщаніемъ библіотекаря Василія Кипріянова“, гравированъ имъ и ученикомъ его Алексѣемъ Ростовцевымъ.

Пріобрѣтя себѣ особенное довѣріе въ народѣ, „брюсовскіе“ календари издавались не только въ царствованіе Петра Великаго, но и въ позднѣйшее время и продавались московскими торговцами лубочныхъ картинъ въ большомъ количествѣ въ Москвѣ, на мосту у Спасскихъ воротъ. Въ календаряхъ того времени нѣкоторыя лубочныя картинки, вѣроятно, взамѣнъ испорченныхъ досокъ, отпечатаны были на Ахметьевской фабрикѣ въ Москвѣ, копіями, гравированными Мартыномъ Нехорошевскимъ.

Съ 1727 года начинается изданіе календарей Академіей Наукъ. Первый, на 1728 годъ, носитъ названіе:

„Календарь или мѣсяцословъ на лѣто отъ Рождества Господа нашего Іисуса Христа 1728, указующій затмѣнія солнечныя, мѣсячныя рожденія, и полный мѣсяцъ съ четвертьми. Такожде время солнечнаго и луннаго восхожденія и захожденія, долгоденствія, и теченія луны

Обложка перваго настольнаго календаря—„Всеобщаго Русскаго на 1885 годъ“ и премія къ нему „Пожаръ Москвы“ работы академика Н. А. Касаткина, и обложка перваго „Общеполезнаго календаря на 1890 годъ“, работы художника А. В. Вишневскаго.

въ зодіакахъ на всякій день; сочиненный по меридіану и ширинѣ царствующаго Санктпетербурга. Напечатанъ въ Санктпетербургѣ, въ типографіи Академіи Наукъ, лѣта Господня 1727, въ декабрѣ, въ 4-ку“.

Печатаніе академическихъ „календарей“ продолжалось съ перемѣнами въ ихъ составѣ и подъ различными названіями съ 1728 по 1869

годъ. Право на „сочиненіе ихъ“ утверждено было за Академіей давностью и закономъ (ст. 115 Устава Академіи 25 іюля 1803 г. и § 20 Устава ея 8 января 1836 г.).

Но, несмотря на эту исключительную привилегію Акедеміи, случалось, что въ Россію тайно ввозились изъ-за границы календари, напечатанные на польскомъ языкѣ во Львовѣ, и „съ прогностиками о Россійской Имперіи, въ которыхъ содержались нелѣпыя гаданія о Россіи, и въ особенности зловымышленные и не пристойные пассажи о Украинѣ“, а частныя лица время отъ времени предпринимали изданіе въ Россіи календарей „въ основаніи даже совершенно сходственные съ Академическимъ“ и значительное число мѣсяцесловов выходило изъ типографій подъ разными названіями.

Именнымъ указомъ 26 декабря 1783 года „ввозъ польскихъ календарей строго запрещенъ и велѣно въ Кіевѣ и Украйнѣ употреблять мѣсяцословы русскіе, отъ Академіи Наукъ издаваемые“,—указомъ же изъ Правительствующаго Сената 10 декабря 1810 года „запрещены были печатаніе и продажа отъ частныхъ лицъ календарей политическихъ, адресныхъ и астрологическихъ, съ присвоеніемъ исключительнаго права на изданіе Академіей наукъ“. Существованіе 140-лѣтней академической привилегіи въ 1865 году признано было полезнымъ прекратить и Высочайшимъ указомъ въ 27 день сентября 1865 года разрѣшено: „предоставить всѣмъ желающимъ право издавать календари“.

Первые по времени, на 1866 годъ, дешевые народные календари частныхъ издателей были—настольный „Крестный“, изданный А. Гатцукомъ въ Москвѣ, и стѣнной—на каждый день изъ 365 отрывныхъ листковъ, изданный въ Петроградѣ.

Появившіеся затѣмъ календари въ изданіи Баумана, Гоппе, Суворина и друг., составленные по типу академическихъ или заграничныхъ альманаховъ, не были разсчитаны на массоваго читателя, а дешевые народные календари ничего новаго, улучшеннаго въ календарное дѣло не внесли.

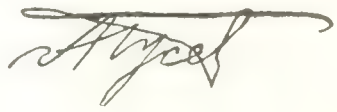
Такъ продолжалось до 1884 года, когда на тогдашней Нижегородской ярмаркѣ впервые появились „Сытинскіе“ календари, привлекшіе вниманіе покупателей своимъ внѣшнимъ, красочнымъ видомъ. Это совпало какъ разъ съ началомъ расцвѣта русской хромолитографіи.

Иванъ Дмитріевичъ, со свойственнымъ ему широкимъ русскимъ размахомъ, пользуясь знаніемъ книжнаго рынка и запросовъ своего читателя, выпустилъ въ свѣтъ за 20 коп. „Всеобщій Русскій календарь“

въ красочныхъ, художественно исполненныхъ обложкахъ, съ текстомъ, украшеннымъ рисунками и портретами, гравированными на деревѣ, да съ придачей еще безплатно преміи въ краскахъ „Пожаръ Москвы“.

Обложка (акварелью) и премія (масляными красками) были написаны академикомъ живописи, художникомъ Н. А. Касаткинымъ.

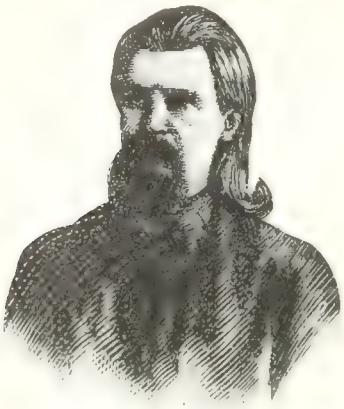
Сытинскіе календари оказались небывалой новинкой на книжномъ рынкѣ и заготовленный годичный запасъ ихъ былъ быстро раскупленъ.



II.

Съ 1890 г. на ряду съ „Всеобщимъ Русскимъ календаремъ“ сталъ выходить и другой настольный календарь—„Общеполезный“; затѣмъ послѣдовали „Малый Всеобщій“, „Кіевскій“, „Народный сельско-хозяйственный“, „Царь-Колоколъ“, „Современный“, „Старообрядческій“ и др. Самыми распространенными до сихъ поръ остаются „Всеобщій“ и „Общеполезный“, тиражъ коихъ теперь превышаетъ 2.000.000 экземпляровъ, тогда какъ прочіе настольные календари выходятъ въ количествѣ нѣсколькихъ десятковъ тысячъ экземпляровъ каждый. Отрывные календари начали выходить одновременно съ настольными, едва достигая тогда тиража въ 2—3 сотни тысячъ. Постепенно къ основному виду этихъ календарей—„обыкновенному“ стали прибавляться спеціальные—„обыкновенный малаго и средняго формата“, одесскій, кіевскій, конторскій, ученическій, дамскій, дѣтскій (Лукашевичъ), Засодимскаго, учительскій, историческій, охотничій, военный и др., при чемъ „обыкновенный“ календарь оставался самымъ распространеннымъ и выходилъ въ количествѣ болѣе 2.000.000 экземпляровъ до 1911 года. Съ этого времени сталъ выходить отрывной „иллюстрированный“ календарь, который въ короткое время завоевалъ столь прочныя симпатіи, что оттѣснилъ „обыкновенный“ на второе мѣсто, а самъ поднялъ свой тиражъ съ 300.000 до свыше 3.500.000 экземпляровъ, чѣмъ довелъ общую цифру отрывныхъ календарей почти до 7.000.000 экземпляровъ въ годъ. Немалую долю среди прочихъ видовъ календарей занимаютъ и „карманные“ календари въ видѣ маленькихъ книжечекъ въ 5 и 10 коп.: ихъ тиражъ достигаетъ почти 3.000.000 экземпляровъ. Эти максимальныя цифры, дающія въ общей сложности почтенную сумму въ 12 слиш-

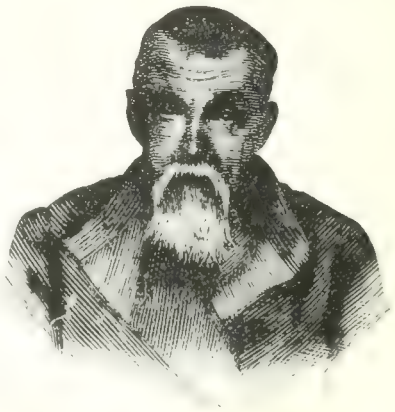
комъ милліоновъ, относятся къ довоенному времени—бумажный голодъ послѣднихъ лѣтъ ихъ нѣсколько понизилъ.



Н. А. Фелицынъ.

Первымъ составителемъ сытинскихъ календарей, а затѣмъ въ теченіе 17 лѣтъ и редакторомъ ихъ былъ Н. А. Фелицынъ, получившій образованіе въ московской духовной семинаріи и состоявшій діакономъ церкви Благовѣщенія, что на Бережкахъ. Установивъ главные виды календарей, онъ до самой смерти († 16 іюня 1900 г.) вѣдалъ преимущественно настольные календари, въ то время какъ отрывные составлялъ и редактировалъ писатель, знатокъ народнаго быта Н. А. Полушинъ († 25 апрѣля 1902 г.).

Съ 1900 г. редактированіе настольныхъ календарей, а по смерти Н. А. Полушина и общее руководство всѣмъ календарнымъ дѣломъ принялъ на себя Н. В. Тулуповъ, завѣдывавшій одновременно также отвѣтственнымъ отдѣломъ изданій учебной и дѣтской литературы. Въ этотъ періодъ содержаніе календарей обогащается разнообразными темами болѣе свѣтскаго характера, расширяется въ сторону вопросовъ общественной жизни, особое вниманіе обращается на улучшеніе литературнаго матеріала, для чего къ временному сотрудничеству начинаютъ привлекаться извѣстные популяризаторы и писатели. Все это внесло замѣтное оживленіе въ старые календари, вызвало къ жизни новые типы ихъ и значительно увеличило ихъ общій тиражъ.



Н. А. Полушинъ.

Съ 1908 г. по 1911 г. завѣдываніе разросшимся календарнымъ дѣломъ раздѣлилось между Вас. Ив. Сытинымъ и Я. В. Борисовымъ. Время послѣ 1905 года, измѣнившее основы русской общественной жизни, выдвинуло на очередь освѣщеніе въ календаряхъ ряда новыхъ темъ, новыхъ запросовъ. Послѣднія 5 лѣтъ редакторомъ календарей былъ извѣстный дѣятель по книжному дѣлу

Александръ Николаевичъ Гусевъ († 25 августа 1916 г.), главной заслугой котораго явились совершенное обновленіе и освѣженіе календарнаго матеріала, постепенная замѣна традиціоннаго календарнаго анекдота темами идейнаго характера и жизненными, практически важными свѣдѣніями, а также полная переработка всего цифрового и справочнаго матеріала на основаніи текущихъ офиціальныхъ данныхъ и спеціальныхъ изданій. Къ этому времени календарное дѣло выросло въ самостоятельный отдѣлъ издательства во главѣ съ постоянной редакціей календарей, постепенно объединившей въ своихъ рукахъ болѣе 25 разныхъ типовъ ихъ.

Александръ Николаевичъ Гусевъ.

Въ настольныхъ календаряхъ отдѣлы для чтенія заполнялись ежегодно мѣнявшимся содержаніемъ, при чемъ темы религіозно-нравственнаго характера чередовались съ очерками по исторіи Россіи, біографіями замѣчательныхъ русскихъ людей, описаніемъ областей и городовъ нашей родины, занятій и промысловъ ея населенія, обзорами открытій, изобрѣтеній, успѣховъ науки, техники, земледѣлія, промышленности и пр. Немало мѣста отводилось также юбилеямъ и текущимъ событіямъ: 50-лѣтіе освобожденія крестьянъ и севастопольской обороны, 100-лѣтіе 12-го года, 300-лѣтіе Дома Романовыхъ, война на Дальнемъ Востокѣ, Великая война, предстоящее обновленіе Россіи— каждая изъ этихъ темъ составляла содержаніе статей отдѣльнаго года. Статьи эти писались не только редакторами и ближайшими сотрудниками, но поручались и спеціалистамъ, въ числѣ которыхъ были протоіерей проф. богословія Н. И. Боголюбскій, Гр. С. Петровъ, И. А. Рубакинъ, Чижовъ, Лукашевичъ, А. Заринъ и др.

Обложки и стѣнки для календарей, картины для премій, иллюстраціи и заставки исполняли художники: Г. Д. Алексѣевъ, А. П. Апситъ, Е. Бемъ, Н. А. Богатовъ, А. В. Вишневскій, М. М. Гермашевъ, С. В. Герасимовъ, И. Гусаревъ, Х. А. Гусева, С. А. Гусевъ, А. Денисовъ, С. Животовскій,

М. М. Зайцевъ, Б. Зворыкинъ, Пжакевичъ, В. Ильинъ, акад. Н. А. Касаткинъ, А. С. Касаткинъ, Н. Н. Каразинъ, В. Н. Курдюмовъ, акад. К. В. Лебедевъ, Е. Лебедевъ, Н. С. Матвѣевъ, А. В. Моравовъ, И. Мануиловъ, В. Овсянниковъ, Н. Осташевъ, А. Е. Пичугинъ, З. Е. Пичугинъ, Н. Соболевъ, Чижовъ, В. Шанкинъ, С. Ягужинскій и др., а также преподаватели и ученики рисовальной школы Т-ва И. Д. Сытина.

Иллюстраціи для календарей гравировали на деревѣ: В. Адтъ, Багатовъ, Ю. Барановскій, В. Ермоловъ, А. Мартыновскій, В. Матэ, Мейеръ, Мультановскій, Немчинскій, А. Орловъ, П. Н. Павловъ, Паннемакеръ, Пастушкевичъ, Пименовъ, А. Порхуновъ, Г. Пуцъ, М. Ружанскій, Семеновъ, Д. Соловцовъ, Хелмицкій, Юмудскій, Яненко и др.

Въ 1917 году главные виды сытинскихъ календарей вступаютъ въ 33 годъ своего существованія. Г.

Читатель календаря.

Капля — океанъ для жаждущаго.

Читатель — всегда сфинксъ. Нелегко представить себѣ образъ типичнаго массоваго читателя и еще труднѣе разглядѣть загадочное лицо этой единицы изъ толпы. И все-таки книга, выходящая въ свѣтъ обычно въ тысячахъ экземпляровъ, журналъ, расходящійся въ десяткахъ тысячъ, и даже газета съ тиражемъ въ сотни тысячъ,—всѣ они въ общихъ чертахъ знаютъ своего читателя, разсчитаны на достаточно опредѣленный типъ его, имѣютъ общій съ нимъ языкъ. Но можно ли говорить о лицѣ массоваго читателя календаря, если тиражъ календарей исчисляется милліонами экземпляровъ? Пытаться выявить общія черты этого собирательнаго незнакомца — не значитъ ли это совершенно распылить обликъ его и просто заблудиться въ поискахъ за нимъ въ такой обширной аудиторіи, какой не имѣетъ, пожалуй, ни одинъ видъ печатнаго слова?

Въ сущности безъ большого преувеличенія можно сказать, что почти всякій грамотный есть вмѣстѣ съ тѣмъ и читатель календаря.

Вѣдь настольный календарь это — прежде всего универсальная справочная книга, замѣняющая цѣлый рядъ спеціальныхъ указателей, справочниковъ, руководствъ и т. п., и вмѣстѣ съ тѣмъ это самая краткая домашняя энциклопедія на всѣ случаи жизни и чуть ли не по всѣмъ отраслямъ знанія. Въ нынѣшній календарь входитъ не только церковное и гражданское счисленіе времени,—въ немъ собраны справки по разнообразнѣйшимъ вопросамъ житейскаго обихода, а также элементарныя и самыя необходимыя свѣдѣнія—юридическія, финансовыя, медицинскія, о путяхъ и средствахъ сообщенія, по домоводству, сельскому хозяйству и т. п. Кромѣ того, въ немъ даются основныя понятія по міровѣдѣнію, первоначальныя свѣдѣнія по географіи, исторіи, экономикѣ, статистикѣ, государственному устройству и управленію Россіи и другихъ странъ, а также всевозможные итоги и обзоры — о новыхъ законахъ и правительственныхъ распоряженіяхъ, о событіяхъ внѣшней и внутренней жизни, о новостяхъ науки и техники, объ юбилеяхъ, некрологахъ и проч.

Такое обширнѣйшее содержаніе ставитъ календарь на совершенно особое мѣсто въ ряду другихъ видовъ печатнаго слова и создаетъ ему столь пеструю массу читателей, объединить которую общими чертами не было бы никакой возможности, если бы не особыя условія русской жизни.

Исторія русской книги тѣснѣйшимъ образомъ связана съ общими судьбами русскаго просвѣщенія, тернистый путь котораго далеко не густо усыпанъ его блѣдными цвѣтами — печатнымъ словомъ. При нашей крайней и неоспоримой бѣдности книгой тѣмъ болѣе важное значеніе пріобрѣтаетъ всякій печатный листъ, особенно, если тиражъ его выходитъ далеко за предѣлы обычныхъ размѣровъ.

Поэтому дешевые календари, ежегодно расходящіеся въ количествѣ нѣсколькихъ милліоновъ экземпляровъ, вырастаютъ въ замѣтную и явно ощутимую величину въ дѣлѣ народнаго просвѣщенія.

А если имѣть въ виду, что въ громадномъ большинствѣ случаевъ именно календарь первымъ проникаетъ въ ту темную среду, которая совершенно лишена какого бы то ни было касательства къ книгѣ, то оригинальная роль русскаго календаря, какъ своеобразнаго проводника просвѣщенія и культуры, станетъ еще яснѣе.

Для тѣхъ читателей, которые видятъ въ календарѣ больше, чѣмъ только узкій справочникъ, и интересуются не только святцами и красными числами,—а такихъ оказывается подавляющее большинство — ка-

лендарь является зачастую если не единственной, то одной изъ самыхъ насущныхъ и нужныхъ книгъ. Приподнять завѣсу, скрывающую этого эмбріональнаго читателя, иной разъ впервые сознательно соприкасающагося съ печатнымъ словомъ, подсмотрѣть процессъ рожденія „читателя“ изъ просто „грамотнаго“ представляетъ тѣмъ большій интересъ, что такая возможность случается далеко не такъ часто. Въ сытинскихъ настольныхъ календаряхъ обычно печатается маленькое обращеніе редакціи календарей къ читателямъ съ просьбой сообщать ей о замѣченныхъ ими недочетахъ и погрѣшностяхъ въ календарѣ. Многочисленные отклики читателей на это обращеніе, ихъ письма — то пространныя, то коротенькія, то скромно указующія, то поучающія и даже — правда, рѣдко — негодующія, но всегда серьезныя и искреннія, даютъ богатый матеріалъ для сужденій о запросахъ массоваго читателя.

Письма эти объединяютъ общими чертами самыхъ, казалось бы, несхожихъ корреспондентовъ и выявляютъ образъ цѣльнаго читателя— разношерстнаго и многоликаго, но единаго въ своей сущности и въ своемъ жадномъ и непобѣдимомъ стремленіи къ свѣту.

Письма эти, кромѣ того, могли бы согнать скептическую улыбку съ лица тѣхъ, кто отождествляетъ календарь съ ежедневно открываемымъ и едва прочитываемымъ листкомъ и кому странно слышать слово „читатель“ на ряду съ „календаремъ“. Такой скептикъ легко могъ бы убѣдиться въ томъ, что русскій календарь имѣетъ читателей не только „настоящихъ“, но самыхъ внимательныхъ, усердныхъ, почти всегда благожелательныхъ и вмѣстѣ съ тѣмъ строгихъ и взыскательныхъ.

Колоссальная распространенность календарей въ условіяхъ русской дѣйствительности имѣетъ лишь ту невыгоду, что порой значительно суживаетъ кругъ вопросовъ, весьма интересующихъ читателей — и прежде всего, конечно, въ области „общественныхъ отношеній“ и иныхъ „внутреннихъ дѣлъ“.

При милліонномъ тиражѣ понятно, впрочемъ, желаніе по возможности заблаговременно избѣжать риска оставить вдругъ рынокъ вовсе безъ календарей, и это „добровольное“ изъятіе многихъ вопросовъ, касающихся острыхъ сторонъ русской жизни, изъ содержанія календарей служитъ огорченіемъ не только для многихъ читателей, обычно достаточно рѣшительно заявляющихъ объ этомъ.

Нѣтъ никакой возможности привести здѣсь полностью хотя бы незначительную часть читательскихъ писемъ, этихъ добровольныхъ посланій свободной и непосредственной критики.

Придется ограничиться лишь немногими выдержками изъ обширной корреспонденціи, получаемой не только со всѣхъ концовъ земли русской, но и изъ тѣхъ странъ, гдѣ слышна русская рѣчь — изъ Канады, С.-А. Соед. Штатовъ, Аргентины и даже Австраліи.

При этомъ стиль и орѳографія подлинника по возможности вездѣ сохранены въ полной неприкосновенности.

* * *

Первое, что бросается въ глаза даже при бѣгломъ обзорѣ писемъ, это всеобщее признаніе „громаднаго значенія календаря для простого народа, лишеннаго возможности обобщаться съ остальнымъ міромъ и самыхъ начальныхъ понятій о міровой жизни". Много разъ проводится мысль о томъ, что „календарь это — наиболѣе распространенная и для деревни часто единственная книга, поддерживающая связь народа съ литературой и наукой".

„Чтобы получить свѣдѣнія, что дѣлается на земномъ шарѣ, нужно выписать газету, чтобы развиваться умственно, надо имѣть хорошія книги, а ихъ какъ разъ нѣтъ у большинства, а если и есть, то какія-нибудь безполезныя, такъ какъ не всякій умѣетъ выбирать книги. Но почти каждый, кто умѣетъ читать, пріобрѣтаетъ на Новый годъ календарь, который въ свободное время часто перелистываетъ и читаетъ. Такимъ образомъ календарь является настольной книгой для простого народа: въ немъ заключается все его образованіе"... „Только и узнаетъ простой народъ въ вашемъ календарѣ всего хорошаго и научнаго"...

„... Развитой умственно человѣкъ найдетъ въ календарѣ хорошо изложенный вкратцѣ отчетъ о всемірной жизни за минувшій годъ", благодаря чему, какъ отмѣчаетъ другой читатель, „настольные календари вполнѣ являются для крестьянъ ежегодникомъ, переходной ступенью къ ежемѣсячному и еженедѣльному журналу". „Численники (отрывные календари) являются какъ бы ежедневной газеткой".

„Ценныхъ книгъ у насъ имеются редко да и дороги а буде где и имеются то не каждый день читаются... а отрывной календарь по-цене не дорогъ вещь сезонная и служитъ какъ украшеніе комнаты а содержаніемъ украшеніемъ души".

„При посѣщеніи избъ, — пишетъ также священникъ („Извѣстія по Казан. Епархіи" 1915 г.), — отчасти видишь, чѣмъ живетъ, чѣмъ интересуется деревня... что добровольно, на свои трудовые гроши пріобрѣтается самимъ, читается, разсматривается на досугѣ въ часы раздумья

Обложки настольныхъ календарей работы художниковъ Б. Зворыкина, Г. Д. Алексѣева, Н. Н. Каразина и Н. А. Богатова.

и духовной жажды... эти-то проблески духовныхъ запросовъ сразу и бросаются въ глаза при входѣ въ избу: около божницы (тябла)—сытинскія картины... и численники; на полкѣ или подъ божницей — солдатскія письма, „Всеобщій Русскій календарь“ либо „Общеполезный календарь“... Чаще всего застаешь ребятъ и ихъ родителей разсматривающими картинки, сравнительные рисунки и діаграммы“.

Читатели изъ разныхъ угловъ „многогубернской Россіи“ выражаютъ настойчивое пожеланіе, „чтобы „Всеобщій Русскій календарь“

былъ свѣточемъ—въ родѣ „первоначальнаго словаря“, куда бы всякій разъ въ свободныя минуты могъ заглянуть нашъ крестьянинъ; гдѣ ему собирать всевозможныя библіотеки, прочесть ихъ содержаніе...“

Календарь долженъ быть украшеніемъ комнаты, говоритъ читатель, и требуетъ цвѣтной стѣнки для отрывныхъ календарей и красочныхъ обложекъ и премій для настольныхъ. А „неграмотный читатель“ ждетъ какъ можно больше иллюстрацій—„занимательныхъ и понятныхъ“ безъ подписей. Больше всего желаютъ видѣть „картинки родного края“, „фотографіи Урала и Кавказа съ моремъ“, просятъ „показать народу, гдѣ на Руси лучшіе уголки для поэтическихъ вдохновеній въ исканіяхъ красоты“, „виды войны, разныхъ событій, городовъ и рѣдкихъ достопримѣчательностей“.

Въ отвѣтъ на эту потребность въ самомъ распространенномъ настольномъ „Всеобщемъ Русскомъ календарѣ“ между святцами рисункамъ отведено 12 страницъ, которыя заполняются ежегодно мѣняющимся содержаніемъ. Очень цѣня этотъ отдѣлъ, читатели хотятъ видѣть въ немъ не только „картинки болѣе извѣстныхъ мѣстностей“, ибо „одна иллюстрація есть мертвое изображеніе и больше ничего“, но и текстъ къ рисункамъ—„описаніе чудныхъ прошлыхъ хронологій людьми и народами... объ основаніяхъ городовъ и селеній, когда начались, кѣмъ основаны... въ деревнѣ и въ селѣ не всякому доступно найти эти хроническія данныя записки о появленіи и основаніи городовъ и вообще старопрошлыхъ хронологій о дѣйствіяхъ“.

Другіе желаютъ „видовъ городовъ, описаній ихъ и вообще съ описаніемъ промышленности, гдѣ, въ какой губерніи и уѣздѣ и какое производство“, „о дѣятельности промысловъ“, „что гдѣ дѣлаютъ и кѣмъ что построено“, иные—„о Государственной Думѣ и прочихъ дѣлахъ въ Россіи“, „исторіи, которыя были бы въ пользу русскому народу“, „болѣе подробныхъ свѣдѣній по устройству культурныхъ хозяйствъ и домоводства“...

Неграмотные и малограмотные читатели властно заставляютъ приспособлять календарь къ ихъ способностямъ. Отъ лица такихъ читателей пишетъ изъ далекой Сибири якутъ, утверждающій, что среди его соплеменниковъ расходится много календарей: онъ проситъ обозначать праздники не только краснымъ числомъ, но и особыми значками—крестикомъ, если праздникъ церковный, коронкой, если день царскій, посты и постные дни обводить черными линіями, вездѣ проставлять изображенія фазъ луны и прочіе знаки, легко понятные и неграмотнымъ.

„Къ сожалѣнію народной малограмотности,—пишетъ другой ходатай,—я разскажу вкратцѣ, изъ-за какихъ причинъ я по просьбѣ малограмотныхъ требую таблицу столь необходимую при покупкѣ и продажѣ. Были случаи, что выѣдитъ человѣкъ съ покупкой или продажей на базаръ, напримѣръ, вывезъ онъ 75 штукъ яичекъ, 17 ф. масла, 27 пуд. пшеницы или ржи, зайдетъ въ красную набрать матеріи... По чемъ онъ наберетъ, этого онъ не знаетъ. Здѣсь... требуется таблица умноженія, которая была бы переписана съ календаря каждымъ малограмотнымъ и таилась бы имъ въ карманѣ“...

Каждый изъ обычныхъ отдѣловъ календаря, даже чисто справочный и незначительный по размѣру, имѣетъ своихъ ревностныхъ читателей, которые зорко слѣдятъ за малѣйшими въ немъ измѣненіями. Духовный отдѣлъ, которымъ пользуются очень многіе церковно-служители, ежегодно вызываетъ немало писемъ вслѣдствіе практически сложныхъ, иногда даже и по сіе время спорныхъ богословскихъ вопросовъ — по поводу совпаденія переходныхъ и постоянныхъ праздниковъ, очень ранней Пасхи, порядка евангельскихъ чтеній и т. п. Нечего и говорить, что случайная корректурная ошибка въ этомъ отдѣлѣ вызываетъ цѣлый потокъ писемъ—какъ было однажды по поводу ошибочнаго обозначенія „гласовъ“ въ двухъ седмицахъ. Ревнители вѣры постоянно обращаются съ письмами, предлагая то „непремѣнно помѣстить указаніе всѣхъ евангельскихъ и апостольскихъ чтеній во все 12-ть месяцей чиселъ каждомъ“, то „согласовать меню съ церковными постановленіями о постныхъ дняхъ“, или, отмѣчая „неточность и пропускъ дней празднованія иконъ Богоматери“ и сообщая, что „календарь недостаточенъ и сокращенъ (противъ предыдущаго года) замѣтками къ церковному календарю, которыя показываютъ значеніе дней всего года и темъ не менее поддержываютъ религіозность въ народѣ... но какъ я еще любитель его читать, то въ виду всего этого я покорнѣйше и прошу редакцію... означенный недостатокъ исправить“...

Перечень именъ святыхъ служитъ постояннымъ поводомъ для писемъ тѣхъ, кто не знаетъ указа Св. Синода (10 авг. 1901 г.), которымъ возлагается обязанность на издателей календарей не помѣщать въ нихъ именъ тѣхъ считаемыхъ за святыхъ, которые не значатся въ синодальномъ мѣсяцесловѣ (неканонизованныхъ), а на священниковъ—не давать этихъ именъ новорожденнымъ. Обладатели именъ Юрія, Леонида, Святослава, Евы, Палладіи, Викторины и др. безпрерывно просятъ редакцію, какъ пишетъ одна дама, „оказать ей маленькую любезность:

напечатать въ святцахъ календаря имя, которое она носитъ", ссылаясь на то, что она „постоянная подписчица газеты „Русское Слово" и покупательница изданій Т-ва".

Необходимость помѣщать на ряду съ православнымъ календаремъ также календари и другихъ исповѣданій одинъ деревенскій читатель аргументируетъ весьма доказательно: „надо помѣщать на страницѣ еврейскій календарь, почему именно, потому что мужикъ не зная еврейскаго календаря везетъ хлѣбъ продавать, пріѣхалъ въ базаръ а жыды не торгуютъ, мужикъ пріѣхалъ верстовъ изъ за 10, 15 и больше, вынужденъ продать свой хлѣбъ по самой меньшей цѣнѣ. Я говорю относительно еврейскаго календаря потому, что въ нашемъ селѣ торговцы евреи какъ хлѣбнымъ такъ и краснымъ товаромъ".

Вопросы времяисчисленія и особенно церковнаго счисленія и пасхаліи интересуютъ весьма многихъ читателей.

Одни изъ нихъ, видимо, поражаясь магіей цифръ, требуютъ ежегоднаго и обязательнаго печатанія „вѣчнаго календаря", „вѣчныхъ численниковъ", „числового календаря для справокъ и свѣдѣній, дни и числа прошедшихъ, настоящихъ и будущихъ временъ отъ сотворенія міра до окончанія міра", или „пасхаліи на 2000 лѣтъ отъ 326 г. по 2326 г.", по ихъ мнѣнію, во избѣжаніе „нелѣпыхъ слуховъ о концѣ міра".

Другіе проникаютъ глубже и желаютъ, чтобы было объяснено и „описано полностью Лѣтосчисленіе". Иныхъ интересуютъ спеціальные вопросы: „... На крышки Всеобщаго Русскаго Календаря написано календари Юліанскій и Григоріанскій и проч. Средники (сектанты, считающіе нашу среду за воскресенье и полагающіе, что православная Церковь спутала счетъ лѣтъ отъ сотворенія міра до Р. Х.) высчитываютъ въ свое оправданіе, что папа Григорій XIII перемѣнилъ календарь и на папиномъ календаре находится и вся русская церковь: но я желаю знать оригиналъ этого свѣденія о вышепоименованныхъ календаряхъ, и прошу пришлите мнѣ... хочется знать все эти враки среднековъ, что они причитаютъ русскою церковь къ папѣ Григорію"...

Тайны мірозданія и небесной механики нескончаемо волнуютъ малоискушенную въ области астрономіи читательскую мысль и заставляютъ однихъ обращаться съ просьбой „потрудиться написать письмо съ предложеніемъ Вашего знающаго объясненія на самоучныя не дополнительныя мое писанія", а другихъ—своими средствами исправлять малопонятную систему Коперника, его „неправильный планъ хожденія

Преміи къ настольнымъ календарямъ работы академика К. В. Лебедева, художниковъ: А. В. Моравова, Н. А. Богатова и З. Е. Пичугина.

земли вокругъ солнца". „Вертится земля совершенно не вокругъ солнца,— увѣряетъ одинъ изъ такихъ астрономовъ, — точно, вертится земля въ стране предъ солнцемъ, въ продолженій полгода земля лѣтитъ ближе къ солнцу, потомъ въ продолженій полгода земля въ странѣ удаляется отъ солнца". „... Остроумныя профессоры писали появится кольцевая планета „галеи, и пододетъ блиско къ землѣ, отъ вѣковъ сего небыло, и вѣчно не можетъ быть, чтобы какая небесная планета подошла блиско къ землѣ, и погубила землю и твари Божьи..."

И рядомъ идутъ просьбы отъ разныхъ читателей:

„... Въ будущихъ новоизданныхъ книгахъ Вы напишите смыслъ и понятіе и доказательство о томъ, что было въ темнымъ океане до сотворенія деньницы солнца, и что было прежде бесчетныхъ небесныхъ планетъ, кто знаетъ изъ какихъ матеріаловъ Богамъ построино солнце, и отъ какой силы сонце вѣчно свѣтитъ и обогрѣваетъ въ океане все ближнія земныя планеты, и отъ какой силы все земныя планеты верьтятся и держатся ни-на чемъ, или верьтятся при магнитнымъ притяженій. Богомъ построино все видимое и не видимое планетное мірозданіе и утьверждено на магнитнымъ основаній...“

„... Потомъ еще затрудняетъ читателя затьменія солнца и луны, то нужно означить, что такое затьменіе... чемъ закрывается, когда дѣлается затьменіе... означте, что такое луна, какъ она ходить вокругъ земли...“

„... Надо написать справочный планъ екстреняе обращеніе земли на четырехъ годовыхъ кругахъ...“

Одинъ любитель астрономіи даже спрашиваетъ, „не знаю, возможно ли будетъ... пожить въ вашей редакціи и допустятъ ли поглядеть въ тѣлескопъ на небесныя планеты, тогда премудрое ученіе отъ планетъ много познакомитъ насъ съ дѣлами Божьими...“

„... Желательно, чтобы ежегодно дѣлали рубрики звѣзднаго неба и росписаніе поездовъ планетъ нашей солнечной системы“.

„... Свѣдѣнія о восходѣ и заходѣ луны необходимы потому,—пишетъ изъ деревни духовное лицо,—чтобы знать, въ какія ночи можно путешествовать при лунѣ...“

Надо помѣщать „восходъ и заходъ планетъ на каждый день, а не на одно только 15-е число мѣсяца“, поучаетъ одинъ деревенскій астрономъ.

Не меньше астрономіи интересуетъ читателей и метеорологія, огромное практическое значеніе которой для сельскаго хозяйства теперь очевидно для всѣхъ. Но здѣсь на ряду съ ясно выраженнымъ пониманіемъ необходимости „наблюдать за погодами“, вести многолѣтнія точныя записи и пользоваться научными способами для „предсказанія всемірныхъ погодъ“, упорно существуетъ съ трудомъ искоренимая вѣра въ точность „Брюсова календаря“. Слишкомъ велика пропасть между насущнѣйшей потребностью быть освѣдомленнымъ о грядущихъ метеорологическихъ явленіяхъ и полной недоступностью для нынѣшней деревни имѣть своевременно „ученыя“ метеорологическіе бюллетени. Что удивительнаго въ этомъ всеобщемъ спросѣ на Брюса со стороны тем-

ной деревни, если владѣльцы большихъ имѣній и ихъ управляющіе сплошь и рядомъ просятъ редакцію „выслать общія предсказанія Брюсова календаря лѣтъ за 20 впередъ, за каждый годъ въ отдѣльности“, ибо помѣщенныя въ календарѣ предсказанія „въ теченіи послѣднихъ 7 лѣтъ точно предсказывали будущее, что для меня, какъ сельскаго хозяина и является необходимымъ“... или „въ виду того, что эти предсказанія, случайно быть можетъ, но довольно вѣрно предсказали погоду въ той мѣстности, гдѣ я живу — прошу не отказать въ сообщеніи, гдѣ можно достать подлинный календарь Брюса“.

Конечно, одновременно идутъ и жалобы на „неправильное Брюсово предсказаніе о погодахъ“—увы!—слишкомъ справедливыя жалобы...

По поводу непрекращающагося изъ-за настойчивыхъ требованій читателей печатанія Брюсова календаря умѣстно вспомнить о судьбѣ попытокъ избѣжать помѣщенія подобныхъ предсказаній въ академическихъ календаряхъ. Когда берлинскіе академики, разсказываетъ Перевощиковъ, перестали помѣщать предсказанія погоды въ ихъ академическомъ альманахѣ, „стыдясь видѣть въ немъ разнаго рода предсказанія, сдѣланныя наобумъ или, по крайней мѣрѣ, не основанныя на какомъ сколько-нибудь разсудительномъ началѣ“, то продажа альманаха, доходъ съ котораго былъ главной статьей бюджета академіи, уменьшилась въ такой степени, что академія „должна была возвратить альманахъ на прежній путь и опять пріобщить къ нему предсказанія, которымъ не вѣрили самые ихъ творцы“ (Лагранжъ, Араго).

„Сочинитель“ русскаго календаря, издававшагося Императорской Академіей Наукъ, тоже немало ропталъ на „календаропісцевъ“ за то, что „во зло употребляютъ вѣроятіе народное“, зная, что ихъ „прорицанія никогда истіны не скажутъ, развѣ по случаю“. Однако и онъ былъ вынужденъ кончить тѣмъ, что предупредилъ читателей:

„Предняя часть сего календаря есть токмо астрономическая и правдивая, а слѣдующая нынѣ есть астрологическая, ея же правду свершеніе года покажетъ: были бы оставлены таковыя предреченія, ежели бы не ради нѣкоторыхъ читателей, таковая любящихъ“.

Но „не для одного только узнанія погоды и астрономическихъ свѣдѣній“ покупается календарь: объ этомъ слишкомъ краснорѣчиво говорятъ многочисленныя письма, посвященныя рѣшительно каждому отдѣлу его.

„Увѣдомляю, что календарь нужно дополнить: нужно планъ все частей т. е. всего земного шара, чтобы каждый читатель зналъ, гдѣ у насъ Америка и Австралія, Азія и Африка и Европа, гдѣ Океаны... по

моему мнѣнію нуженъ глобусъ и полушаріе...“ „...помистите по 2 карты, адну карту Россіи 15—16 вершковъ, а другую карту всего земного шара тоже 15—16 вершковъ...“

„благодарую вамъ (пишетъ колонистъ) за ваши календари, я уже 5 года ползуюсь вашими календарями, такъ что я совсѣмъ интересовался за ними... это оченъ хорошее дѣло... ето мое прозба, если ети статиски больше разяснить...“

Статистика и краткій обзоръ экономическаго положенія Россіи въ сравненіи съ другими странами вообще пользуются большимъ вниманіемъ читателя, который, обычно „здѣсь не осмѣлился написать и доказать не точности и не дополнительность обшаи статистики и въ географій. Вы сами имѣете въ себѣ возобновленный смыслъ и понятіе...“

Однако усердіе къ цифрамъ доходитъ иногда до крайнихъ предѣловъ: одинъ внимательный читатель указываетъ на ошибку редакціи, допущенную вслѣдствіе излишней довѣрчивости къ вычисленіямъ американскаго ученаго по вопросу о томъ, „сколько мы съѣдаемъ хлѣба за всю жизнь“. Послѣ тщательной повѣрки этого читателя по его „русскому счету“ оказалось, что ученый „ошибся потому, что выпустилъ изъ виду високосные годы...“

Вопросы государственнаго устройства и управленія, о томъ, „что можетъ Государственная Дума“, „куда идутъ народныя деньги“, чередуются съ желаніемъ знать „подробный Сводъ Законовъ“, гдѣ и какъ „искать законы“.

„... Если возможно и извѣстны вамъ государственные законы, то выставтѣ въ календарѣ таксу за каждую скотину, которая будитъ въ саду или на засееномъ полѣ...“

Многочисленны просьбы печатать хорошій домашній лѣчебникъ и не о несчастныхъ случаяхъ („... какъ будто русскій человѣкъ только и дѣлаетъ, что утопаетъ, замерзаетъ и вѣшается...“), а о всѣхъ болѣзняхъ и заразныхъ въ особенности. Кромѣ того, „необходимо было бы помѣстить въ календарѣ практическій указатель физіологическихъ данныхъ домашнихъ животныхъ и прочія руководства“...

„... Съ каждымъ годомъ меня ваши калиндари (пишетъ терскій казакъ) увлекаютъ и оченъ я ими интерисуюсъ но не нахожу я внемъ нидостатка только есть одинъ для мене нидостатокъ: поверстное растояніе мене оченъ интересуетъ между станціями жел. дор., чтобы были напичатаны каждая станція и полустанокъ и разѣздъ...“

Редакція календарей. Редакторъ С. А. Гусевъ, художники: Н. А. Богатовъ и З. Е. Пичугинъ.

И хотя на ряду съ этимъ иные просятъ „исключить списокъ жел.-дор. станцій: въ немъ мужики не нуждаются, а прочіе покупаютъ, путешествуя, путеводитель“, однако эти желанія глохнутъ въ общемъ хорѣ — „добавить списокъ жел.-дор. станцій!“

„... Прочиталъ Вашу статью по содержанію кроликовъ и меня этотъ новый промыселъ очень заинтересовалъ. Но такъ какъ въ нашей мѣстности негдѣ встрѣтить не одного кролика (даже не имѣютъ о нихъ никакого понятія), то я рѣшился просить Васъ“ ...и слѣдуетъ просьба дать разъясненія.

„... Желательно видѣть указаніе техническихъ производствъ домашнимъ способомъ...“

Однако довольно: исчерпать здѣсь содержаніе даже наиболѣе типичныхъ писемъ — задача слишкомъ громоздкая. Думается, что и при-

веденныя выдержки—капли изъ моря—отчасти передаютъ общій характеръ этой своеобразной корреспонденціи. Чтобы оцѣнить по достоинству все ея значеніе, слѣдуетъ лишь учесть, что значитъ для русскаго грамотея сѣсть по доброй волѣ за составленіе письма въ далекую редакцію: „много есть Вопросовъ и Дѣлъ, — пишетъ деревенскій читатель,— но ихъ писать нѣтъ время...“

Конечно, въ такой грудѣ писемъ встрѣчаются и недоразумѣнія, иной разъ изрядно приправляющія „дѣловую“ корреспонденцію, но имъ серьезнаго значенія придавать нельзя. Это по большей части просьбы

„... принять прошеніе и новое названіе 12-ти мѣсяцевъ, которымъ я далъ по осмотру...“

„... рисунковъ совсѣмъ не печатать или печатать только охотничьи...“

„... поскорей выслать календарь не за текущій годъ, а за будущій, мнѣ онъ нуженъ узнать, гдѣ универсальная торговля велосипедовъ...“

„... почему бы Вамъ не помѣстить средство по удаленію никотина изъ табака—узнайте рецептъ составленія и какъ приготовлять—окунуть ли вату въ составъ или обрызгивать изъ пульверизатора...“

„... мое заявленіе въ томъ, что если редакція принимаѣтъ рукописныя сочинѣнія, то черезъ полъ мѣсяца ... я много могъ бы вамъ описаній представить, но только прошу я извиненія въ томъ, что если будѣтъ не правидное постановленіе буковъ потому что я совсемъ малограмотный...“

„... Какъ я нахожусь Вашимъ кліэнтомъ, пользуясь какъ стѣннымъ такъ и Всеобщимъ Рус. Календарями довольно лѣтъ, поэтому прошу порекомендуйте мнѣ службу въ Москвѣ...“

У иныхъ въ погонѣ за изяществомъ выраженій теряется смыслъ— трудно понять, чего хотѣлъ тотъ, кто просилъ „прислать календарь о некрологахъ, гдѣ они есть побиты или гдѣ еще находятся...“ или кто желалъ видѣть въ календарѣ побольше „откликовъ изъ сокровищъ русской жизни на явленія природы...“

Считая редакцію календарей за своего рода справочное бюро по всѣмъ спеціальностямъ, читатели очень часто обращаются туда за разнообразнѣйшими справками, — преимущественно за юридической помощью по распутыванію сложныхъ вопросовъ, возникшихъ на почвѣ земельныхъ отношеній.

„... Читая вашъ календарь я нашелъ, что можно спросить у васъ о какой угодно вѣщи и такъ покорнѣйше прошу...“ и слѣдуетъ изложеніе просьбы—таково обычное обращеніе къ редакціи...

Посылая „своеручныя“ письма въ редакцію, далеко не всѣ читатели обращаются просто къ редактору—одни патріархально пишутъ „Ивану Дмитріевичу“ или безымянно: „здравствуйте... увѣдомляю васъ въ живности, именно не могу знать, но все-таки по росписи увѣряю“, другіе излагаютъ свое посланіе по всей формѣ въ видѣ прошенія „его превосходительству господину редактору“, который у иныхъ превращается въ „его высоко благородіе господина профессора редакціи“ и даже въ собраніе „корифеевъ россійской печати и науки“. И нѣтъ положительно ни одного письма безъ настоятельнѣйшей просьбы объ отвѣтѣ „какъ можно поскорѣя. Бу. жд. съ нет.“—что означаетъ: буду ждать съ нетерпѣніемъ.

* * *

Пестрота читательскихъ пожеланій—неизбѣжное слѣдствіе различія ихъ интересовъ—вызываетъ естественный вопросъ: вмѣсто того, чтобы стремиться къ удовлетворенію разнообразныхъ требованій въ одномъ календарѣ, не проще ли создать рядъ спеціальныхъ календарей, каждый изъ коихъ обслуживалъ бы свою категорію читателей. Однако жизнь рѣшаетъ этотъ вопросъ иначе: спеціальные календари давно существуютъ, ежегодно нарождаются новые, и спросъ на нихъ замѣтно увеличивается, но вмѣстѣ съ этимъ въ гораздо большей степени растутъ требованія на календари общаго характера. Это и понятно. На ряду съ тѣмъ, что въ глухихъ углахъ календарь до сихъ поръ бываетъ чуть ли не единственной книгой, призванной свѣтить одновременно всѣмъ возрастамъ и состояніямъ—и старымъ и малымъ, есть еще одно важное обстоятельство: усложняющійся темпъ общественной жизни властно втягиваетъ въ общій водоворотъ всѣхъ—и этимъ создаетъ общую для всѣхъ потребность въ такомъ справочникѣ, который объединялъ бы самыя разнородныя, но всегда одни и тѣ же нужныя каждому свѣдѣнія.

Читатель желаетъ, чтобы этотъ „всеобщій“ календарь былъ „обстоятеленъ и лакониченъ“, онъ проситъ „помѣщать только то, что попадаетъ прямо въ цѣль, мелкія подробности и тонкости слѣдуетъ выкидать“.

Исчерпывающая полнота содержанія должна, такимъ образомъ, умѣщаться въ возможно краткой формѣ: не привыкъ еще широкій читатель имѣть дѣло съ объемистой книгой. Въ обиліи справочныхъ свѣдѣній онъ легко теряется, да и нельзя въ календарѣ пытаться „объять необъятное“, но, съ другой стороны, недостатокъ свѣдѣній—зло еще гор-

шее. Если опытному горожанину при нашей бѣдности справочными и консультаціонными учрежденіями, при безсистемности и запутанности всего уклада русской жизни подчасъ бываетъ очень трудно навести нужную справку, то легко себѣ представить полную безпомощность деревенскаго жителя, тщетно пытающагося разузнать что-либо изъ своего далекаго угла.

Поэтому понятно желаніе читателя видѣть въ календарѣ своего рода „справочникъ о справочникахъ", который указывалъ бы, какъ и откуда можно навѣрняка получить нужныя справки. Выполняя эту роль, календарь является для многихъ элементарной школой порядка, пріучающей оріентироваться среди разрозненныхъ свѣдѣній и спутанныхъ вопросовъ русской обиходной жизни.

Но самое главное, самое законное и—увы!—самое трудноисполнимое требованіе читателя это — идеальная точность календарныхъ свѣдѣній. Было бы совершенно недостаточно только суммировать въ календарѣ сжато, безпристрастно, точно и общепонятно научныя свѣдѣнія и статистическія данныя, что само по себѣ, при обычномъ разногласіи „первоисточниковъ" и спеціалистовъ, представляетъ не легко выполнимую задачу. Чтобы итти въ уровень съ жизнью, необходимо изо дня въ день тщательно слѣдить за новыми завоеваніями науки, текущими свѣдѣніями по статистикѣ, за малѣйшими измѣненіями въ области законодательной, административной, путей сообщенія и проч., за событіями міровой и отечественной жизни, необходимо во-время включать всѣ эти перемѣны въ календарь—и все-таки неточность этихъ плетущихся въ хвостѣ жизни свѣдѣній положительно неизбѣжна.

Самое уязвимое мѣсто — цифровой матеріалъ: помимо неполноты, отрывочности и частой противорѣчивости русскихъ статистическихъ данныхъ, слишкомъ ощутимымъ недостаткомъ ихъ является хроническое запаздываніе въ опубликованіи. Можно ли ждать свѣжихъ свѣдѣній изъ календаря, напр., на 1917 годъ, если при его составленіи приходилось пользоваться послѣднимъ „Статистическимъ Ежегодникомъ Россіи" (изд. Центр. Стат. Ком. М. В. Д.) за 1914 годъ, при чемъ свѣдѣнія, помѣщенныя въ немъ по разнымъ отдѣламъ, относятся къ еще болѣе раннимъ годамъ: по горному и врачебному дѣлу — за 1912 г., по желѣзнодорожной, а также уголовной и тюремной статистикѣ — за 1911 г., по городскимъ поселеніямъ—даже за 1910 г.... Во имя единства и точности свѣдѣній приходится руководиться, главнымъ образомъ, офиціальными данными, а это очень часто вызываетъ хотя и справедливыя, но неустранимыя

нареканія читателя, который не всегда ясно представляетъ себѣ, почему редакція не даетъ вѣры его указаніямъ:

„... въ календарь вкралась не точность, а именно.... помѣщенъ и нашъ городъ Тихвинъ, а въ графѣ числа жителей въ тысячахъ поставлено 6 — значитъ у насъ населенія 6 тыс. Нѣтъ! по дознанію полиціи и какъ я знаю, у насъ жителей $8^1/_2$ тысячъ...“

Кромѣ того, слѣдуетъ имѣть въ виду, что при многомилліонномъ тиражѣ календарей печатаніе ихъ длится почти цѣлый годъ, а это вынуждаетъ заготовлять почти весь матеріалъ для нихъ за годъ—полтора до ихъ выхода въ свѣтъ. Такъ, календарь, на 1918 годъ, напр., составлялся и былъ почти законченъ наборомъ осенью 1916 года. Поэтому, проведеніе желѣзной дороги въ центрѣ Россіи въ 1917 году, измѣняющее цѣлый рядъ кратчайшихъ разстояній между самыми отдаленными городами, заставитъ не одного читателя посѣтовать, по примѣру прошлыхъ лѣтъ, на нераспорядительность редакціи, не предвидѣвшей такой новости.

Капризный темпъ событій военнаго времени, а также условія русской дѣйствительности, когда за 13 слишкомъ мѣсяцевъ успѣваютъ смѣниться шесть министровъ внутреннихъ дѣлъ, въ свою очередь, полагаютъ и здѣсь тѣснѣйшіе предѣлы редакторской проницательности и предусмотрительности. „Календарь есть вещь сезонная“, пишетъ читатель и потому по праву приравниваетъ поневолѣ устарѣвшія свѣдѣнія къ неточностямъ. Совершенно устранить указанныя погрѣшности, эти неизбѣжныя пятна на солнцѣ, въ нынѣшнихъ условіяхъ положительно невозможно, и какъ во время Фамусова, такъ и въ наши дни именно эти незначительные въ сущности недочеты и питаютъ старое присловье: „всѣ врутъ календари“.

* * *

Толста еще кора народнаго невѣжества, не взять эту твердыню однимъ штурмомъ во фронтъ только кабинетными программами даже широкаго народнаго образованія. Въ великой борьбѣ за освобожденіе отъ гнета тьмы въ помощь этимъ атакамъ готовыхъ рецептовъ должны вестись глубокіе охваты въ тылъ упорнаго противника, гдѣ надо умѣть увлечь его такой приманкой, на которую онъ идетъ охотно и добровольно.

И если путь къ истинному просвѣщенію народа лежитъ не только чрезъ систематическое образованіе и механическое распространеніе знаній, если самое цѣнное на этомъ пути заключается въ развитіи инте-

реса къ знанію, въ зарожденіи импульса къ самостоятельному чтенію, въ проявленіи инициативы въ подходѣ къ сокровищницѣ міровой мысли, то тѣмъ большее значеніе пріобрѣтаютъ всѣ средства, способныя нечаяннымъ намекомъ вдругъ всколыхнуть спящій умъ, заронить въ него свѣжую мысль, расшевелить его къ живой работѣ. Вотъ почему календарь—пусть слишкомъ малый объемомъ, слишкомъ широкій содержаніемъ и слишкомъ отрывочный по характеру — является несомнѣннымъ орудіемъ культуры, иногда даже совершенно незамѣнимымъ, ибо проникаетъ туда, куда не достигаетъ пока никакой другой видъ печатнаго слова. Въ этой роли календарь въ темной Россіи, что книга въ тюрьмѣ.

Учебная литература въ изданіи И. Д. Сытина.

„Habeant sua fata libelli...“

Старый афоризмъ о своеобразной судьбѣ книгъ сравнительно съ другими видами человѣческаго творчества всего болѣе, кажется, приложимъ къ положенію и судьбѣ нашей *школьно-учебной литературы,* къ той обстановкѣ, въ которой проходитъ появленіе ея на свѣтъ и которая налагаетъ рѣзкій отпечатокъ не только на характеръ и направленіе ея, но и на степень и формы распространенія, на ея количественный ростъ.

До послѣдняго времени мы были очень бѣдны школьными учебниками, и эта бѣдность зависѣла не исключительно отъ нашей культурной скудости и отсталости, не отъ отсутствія талантливыхъ авторовъ и составителей, не отъ отсутствія иниціативы и спроса на учебники, а, главнымъ образомъ, отъ условій, въ которыхъ находился и до сихъ поръ находится учебно-книжный рынокъ.

Издательство учебниковъ не является у насъ *свободной конкуренціей* издательскихъ фирмъ и отдѣльныхъ частныхъ лицъ между собою. Какъ бы ни былъ учебникъ цѣненъ по содержанію, какъ бы ни широка была пропаганда учебной книги, какъ бы ни разнообразны

были силы и средства издательской фирмы по распространенію книги, судьба ея можетъ быть предрѣшена однимъ почеркомъ пера. Если нѣтъ на ней штемпеля Ученаго Комитета Мин. Народн. Просв.: „одобрено или допущено къ употребленію въ учебныхъ заведеніяхъ“, она обречена на самое слабое распространеніе, затраты на нее являются мало производительными. Вслѣдствіе этого самое количество экземпляровъ изданія книги часто ставится въ прямую связь съ тѣмъ, будетъ ли „допущена“ книга для класснаго употребленія или нѣтъ.

Расчеты на то, что учебникъ разойдется помимо школъ по частнымъ рукамъ, въ семьяхъ, внѣ школы, для самообразованія, очень рѣдко, особенно въ прежнюю пору, оправдывались. слишкомъ не великъ былъ у насъ, въ Россіи, процентъ лицъ, широко использовавшихъ частное домашнее обученіе дѣтей въ семьѣ, ничтожны были запросы и на самообразованіе, вызывавшее потребность въ пріобрѣтеніи учебниковъ. Эти запросы массоваго характера появлялись чаще всего среди плохо обезпеченныхъ круговъ населенія, разночинцевъ, изъ народной среды; болѣе состоятельные слои его были обезпечены школой всякихъ типовъ вплоть до университета. Современная тяга широкихъ круговъ населенія къ самообразованію, вызванная отчасти войной, отчасти борьбой за трезвость, создала многочисленный кадръ потребителей учебной литературы, но это новое теченіе жизни только за послѣднее время могло принять массовый характеръ; однако, тоже подъ вліяніемъ войны, военныхъ нуждъ и дороговизны, вѣроятно, довольно трудно учесть вліяніе и отраженіе его на книжномъ рынкѣ въ болѣе или менѣе яркихъ размѣрахъ.

Какъ раньше, такъ и теперь, каждая издательская фирма заинтересована прежде всего въ томъ, чтобы издаваемый ею учебникъ получилъ допущеніе разнаго рода ученыхъ и учебныхъ комитетовъ; при оцѣнкѣ изданія учебника поэтому самыя качества и достоинства его, его содержаніе и форма, не говоря уже о направленіи, расцѣниваются преимущественно подъ угломъ зрѣнія пригодности и соотвѣтствія ихъ условіямъ *конкурса,* устанавливаемаго всѣми этими комитетами.

Такихъ комитетовъ довольно много и требованія и запросы ихъ на учебную литературу разнообразны и часто даже не совпадаютъ между собою. Среди нихъ наблюдается довольно большая качественная пестрота. Ученый Комитетъ Министерства Нар. Просвѣщенія, Училищный Совѣтъ при Святѣйшемъ Синодѣ, Главное управленіе военно-учебн. заведеній, Ученый Комитетъ Главнаго Управленія Землеустройства и Земледѣлія,

Учебный отдѣлъ Министерства Торговли и Промышленности, Ученый Комитетъ канцеляріи по учрежденіямъ Императрицы Маріи, — шесть крупныхъ учрежденій, вѣдающихъ все дѣло снабженія школъ учебной литературой.

Весьма часто можно наблюдать, что одинъ и тотъ же учебникъ въ томъ же изданіи одобряется однимъ комитетомъ и бракуется другимъ; не всегда сходятся и рецензіи на нихъ: одно и то же качество книги одобряется или порицается; неодинакова и общая оцѣнка достоинствъ и недостатковъ книги.

Чтобы учебникъ, предназначенный для народной школы, пошелъ ходко, необходимо провести его, если не черезъ всѣ, то, по крайней мѣрѣ, черезъ наиболѣе мощныя организаціи. Если санкція этихъ инстанцій получена, издатель учебника можетъ быть совершенно спокоенъ. Распространеніе послѣдняго особенно въ прежніе годы было почти уже обезпечено, каковы бы ни были его достоинства, какъ бы ни были подчасъ убійственны отзывы неофиціальной печати объ этой книгѣ. Офиціальная школа была очень чутка ко всѣмъ этимъ допущеніямъ и быстро реагировала на нихъ.

Но не одна пестрота всѣхъ этихъ учебно-цензурныхъ учрежденій отзывается на судьбѣ школьнаго учебника. Около нѣкоторыхъ комитетовъ создалась живая легенда-анекдотъ *о способахъ и мѣрахъ полученія разрѣшенія* и одобренія на учебники. Называли журналъ одной довольно крупной издательской фирмы, въ составѣ сотрудниковъ котораго будто бы „числился" одинъ изъ членовъ комитета (нынѣ покойный), получавшій соотвѣтствующій гонораръ за сотрудничество въ журналѣ и ничего въ немъ не публиковавшій; утверждали, что есть у нѣкоторыхъ болѣе удачливыхъ фирмъ свои „ходы и пути" въ комитеты, что однѣ изъ нихъ легче и успѣшнѣе проводятъ свои изданія, „умѣютъ" во-время узнать, кто, какъ и когда рецензируетъ представленныя на заключеніе комитета книги. Знали также о болѣе податливыхъ и благодушныхъ рецензентахъ и принимали мѣры, чтобы тотъ или иной учебникъ попадалъ именно къ нимъ. Всѣ эти слухи и обмолвки появлялись въ печати и не всегда опровергались. Пусть они были вздорными и далекими отъ дѣйствительности, несомнѣнно было, однако, одно, что вокругъ комитетовъ въ силу условій ихъ работы создавалась та нездоровая атмосфера, которая смутно рождала всѣ эти слухи и толки, вносила нездоровый элементъ и въ дѣятельность издательскихъ фирмъ въ области учебной литературы.

Ненормальность взаимныхъ отношеній издателей учебниковъ къ учрежденіямъ, допускающимъ ихъ въ народныя школы, осложнялась еще тѣмъ, что *въ составѣ комитетовъ* были нерѣдко сами составители учебниковъ и учебныхъ книгъ, заинтересованные въ распространеніи своей книги и устраненіи съ книжнаго рынка ея конкурентовъ. Много нужно имѣть гражданскаго мужества, чтобы уберечься отъ ревниваго чувства при появленіи книги, конкурирующей съ своей собственной книгой, на изданіе которой, кромѣ того, можетъ-быть, затрачены очень крупныя средства. Довольно щекотливо при разборѣ такой книги положеніе и другого товарища-рецензента, знающаго, насколько его коллега—авторъ стараго учебника—заинтересованъ въ распространеніи своей книги и защитѣ своихъ авторскихъ правъ. Много надо стойкости и самопожертвованія, чтобы удержаться отъ вліянія личныхъ чувствъ и настроеній. Полная изолированность комитетовъ отъ участія въ ихъ работѣ „спеціалистовъ", которые весьма часто бываютъ и авторами учебниковъ по ихъ спеціальности, пожалуй, и невозможна: не такъ мы богаты этими спеціалистами въ одной и той же области. Притомъ простое механическое устраненіе заинтересованныхъ лицъ отъ участія въ рецензированіи учебниковъ для школы не подниметъ престижа комитетовъ и не обезпечитъ за ними болѣе полнаго безпристрастія. Необходима *реорганизація* системы допущенія книгъ въ народныя школы, болѣе планомѣрное установленіе роли государства и общества въ контролѣ за учебной литературой...

Вся эта бытовая обстановка изданія учебниковъ не осталась безъ вліянія и на *коммерческую* постановку этого дѣла.

Изданіе учебниковъ для народной школы 30—50 лѣтъ тому назадъ почти вовсе не привлекало издательскія фирмы, не представляя для нихъ особаго коммерческаго интереса; начальныхъ школъ было немного, не сложенъ былъ курсъ этой школы, довольно слабъ былъ спросъ на учебники, и изданіе ихъ сосредоточивалось въ рукахъ небольшой группы издателей излюбленныхъ, допущенныхъ въ школы книгъ. Съ широкимъ развитіемъ школьно-земскаго дѣла, съ введеніемъ всеобщаго обученія, съ постоянно возрастающей сѣтью начальныхъ школъ и школъ повышеннаго типа, изданіе учебниковъ для начальной школы стало *выгоднымъ* предпріятіемъ, обѣщало очень крупные барыши, особенно при энергичномъ и умѣломъ распространеніи книгъ. Насколько извѣстно изъ отдѣльныхъ примѣровъ распространенія наиболѣе ходовыхъ учебниковъ, изданія эти нерѣдко давали колоссальный доходъ. Одинъ бу-

кварь, одна книга для чтенія, одинъ ариѳметическій задачникъ, переживая громадное количество изданій, создавалъ буквально цѣлыя состоянія. Изъ недавняго прошлаго сохранилось признаніе одного изъ составителей книгъ для чтенія въ нач. школѣ, получившихъ, благодаря офиціальному положенію автора, почти полную монополію въ школахъ въ теченіе многихъ лѣтъ въ томъ, что имѣніе, которое онъ пріобрѣлъ, всецѣло обязано своимъ возникновеніемъ его букварю и книгѣ для чтенія. Несомнѣнно, болѣе крупные матеріальные результаты должно было давать изданіе учебниковъ для народной школы издательскимъ фирмамъ, поставившимъ своею цѣлью обслуживаніе народной школы учебниками по всѣмъ предметамъ школьной программы, пытающимся удовлетворить текущіе запросы не только въ области педагогической мысли, но и интересы текущаго школьно-общественнаго момента. Погоня за барышами имѣла свои отрицательные результаты, побуждая ретивыхъ издателей учитывать и нездоровыя теченія жизни, разъ они являются для нихъ доходной статьей. Широкій спросъ вызывалъ и широкую конкуренцію издателей между собою, но опять-таки не въ прямой сферѣ выбора книгъ и свободнаго ихъ распространенія, а въ погонѣ за допущеніемъ и разрѣшеніемъ издаваемыхъ ими учебниковъ въ разнаго рода ученыхъ и учебныхъ комитетахъ. На этомъ строился весь ихъ коммерческій интересъ.

Отдѣльныхъ лицъ и нѣкоторыхъ издателей привлекала *и идейная сторона* дѣла, созданіе и распространеніе цѣнной учебной литературы для народной школы. Если есть такіе издатели и издательства въ области пропаганды вообще хорошихъ народныхъ книгъ или популяризаціи въ народной средѣ книжной литературы, то и въ болѣе узкой области изданія учебниковъ для народа борьба съ монопольной учебной литературой представляла глубокій идейный интересъ и привлекала къ себѣ серьезныхъ работниковъ, не преслѣдовавшихъ исключительно коммерческихъ цѣлей.

Только принимая во вниманіе всѣ эти внѣшнія и внутреннія особенности учебно-книжнаго рынка, слѣдуетъ *оцѣнивать* текущую работу каждой издательской фирмы, спеціализировавшейся на изданіи учебниковъ для народной школы. Считать эту обстановку вполнѣ благопріятной нельзя. И если все-таки въ работѣ той или иной фирмы можно найти извѣстную планомѣрность, если она сумѣла во-время посильно отвѣтить на живые запросы жизни и пойти въ уровень новымъ теченіямъ педагогики, сдѣлать учебники для народной школы по своей общедоступ-

ности дѣйствительно народнымъ достояніемъ, — работу ея можно было бы признать не однимъ только выгоднымъ коммерческимъ предпріятіемъ, а полезнымъ культурно-просвѣтительнымъ вкладомъ въ нашу пока не особенно богатую культурными силами и учрежденіями страну.

Фирма И. Д. Сытина очень поздно вступила на путь издательства учебниковъ для народной школы. *Тридцать лѣтъ тому назадъ*—въ 1887 г.— ею былъ изданъ первый учебникъ для школы: „Букварь“ А. Брайковскаго (издается и теперь съ исправленіями и добавленіями), въ 1888 г. „Азбука“ М. Преображенской и въ 1889 г. Иванова, А. И., „Краткія русскія прописи для городскихъ и сельскихъ училищъ и младш. классовъ гимназій“. Всѣ три изданія были собственностью фирмы. Въ 1889 г. было выпущено 10 тыс. экз. книги Ушакова: „Гимнастика и строевое обученіе“. До 1895 г. въ теченіе восьми лѣтъ было издано шесть учебниковъ по русскому языку, въ томъ числѣ (въ 1892 г.) получившія широкую извѣстность и распространеніе книжки Деркачева, И. И., „Азбука“ и „Другъ дѣтей“ — 1 и 2-я книга послѣ азбуки (по 12 тыс. экз.); по ариѳметикѣ одна книга—Кириллова, А. П., „Сборникъ задачъ по ариѳметикѣ“ (2-е изд.—10 т. экз.), о гимнастикѣ и дѣтскихъ играхъ—2 книги, по географіи одна книга Корбе, Ѳ., „Очерки изъ географіи всѣхъ частей свѣта“, и по Закону Божію книга: Боголюбскаго, П., „Библейская священная исторія“ (1881 г.) и Протопопова, И., діак., „Изъясненіе молитвъ“. Было выпущено 11 книгъ. Издательство учебниковъ фирмой за всѣ эти восемь лѣтъ носило совершенно случайный характеръ, не выражая ни особаго направленія, ни сознательнаго выбора предметовъ, не чувствовалось, повидимому, даже обычнаго впослѣдствіи отклика на тѣ или иные запросы текущаго момента. Такъ шло приблизительно до 1895 г.

Работу фирмы по изданію учебниковъ съ 1895 г. по 1905—1906 гг.— приблизительно 10 лѣтъ — можно было бы считать *поворотнымъ пунктомъ,* значительно измѣнившимъ характеръ изданій фирмы. Съ 1895 г. въ теченіе болѣе 11 лѣтъ ею было предпринято довольно грандіозное для того времени изданіе „Библіотеки самообразованія“. Было издано 47 книгъ по исторіи, философіи, экономическ. наукамъ и естествознанію. Особенно обширенъ былъ послѣдній отдѣлъ. Нѣкоторыя книги вышли въ повторныхъ изданіяхъ. Предназначая эти книги „для самообразованія“, фирма признала идейное значеніе своей работы, постепенно переходя изъ разряда такъ называемыхъ лубочныхъ издателей народной литературы въ разрядъ популяризаторовъ общей литературы въ широ-

кой массѣ населенія. Однако изданіе спеціально учебниковъ для народныхъ школъ и за это время шло прежнимъ случайнымъ путемъ, безъ системы и общаго плана. Съ 1895 по 1897 г. фирмой не было издано ни одного учебника. Въ 1898 г. издана одна книга Розанова Н. Н. (переводъ) „Въ царскомъ саду или христіанскія дѣти. Бесѣды съ дѣтьми о предметахъ вѣры и нравственности" (издается до сихъ поръ). Съ 1899 г. по 1905 г. было выпущено 33 учебника, въ томъ числѣ въ 1904 и и 1905 гг.—13. Большинство учебниковъ—16—по русскому языку, 1—по славянскому яз. для церковно-приходскихъ школъ, 5—по Закону Божію, по географіи и естествовѣдѣнію—по 3, по ариѳметикѣ—2 и для учителей—3. Въ числѣ этихъ изданій слѣдуетъ отмѣтить книжки: В. П. Вахтерова „Русскій букварь" (съ 1896 г.), Н. В. Тулупова: „Наглядный букварь" (съ 1901 г.) и его же „Русская азбука" (1903 г.), извѣстную книжку Поля Бэра: „Божій міръ" (съ 1901 г.) и его же „Міровѣдѣніе" (съ 1903 г.). Съ 1899 г. начались обильныя впослѣдствіи изданія подъ редакціей и при участіи В. Н. Сатарова по русскому языку и преимущественно по грамматикѣ и правописанію. Въ 1904 г. начато изданіе довольно популярной азбуки и книги для чтенія Н. А. Зюковой: „Товарищъ".

Съ этого же года было положено начало *коллективной работѣ* сначала по изданію книгъ для народа въ сотрудничествѣ нѣсколькихъ спеціалистовъ и по иниціативѣ коллективныхъ организацій: „Комиссіи по устройству чтеній для учащихся", „Исторической и географической комиссіи учебнаго отдѣла О-ва распространенія техническихъ знаній" и затѣмъ—учебниковъ для народной школы при сотрудничествѣ нѣсколькихъ лицъ, напр.: хрестоматія „Изъ родной литературы" (Тулуповъ, Городецкій и др.), Сахарова и Дмитріева: „Стѣнная таблица для обученія письму", Семенова и Воронова: „Первые уроки географіи" и др. Этотъ фактъ слѣдуетъ подчеркнуть, какъ знаменательный въ работѣ фирмы. Съ диференціаціей школьно-учебнаго матеріала такая коллективная работа является наилучшей формой выработки учебниковъ и въ особенности книгъ для объяснительнаго чтенія. Впослѣдствіи эта система коллективнаго сотрудничества приняла въ издательствѣ очень широкіе размѣры. Въ 1899 г. была издана *первая книга для учителей* начальныхъ школъ извѣстнаго въ то время педагога Зимницкаго „Способы и пріемы обученія правописанію" и книжка Е. А. Звягинцева: „Учительскія библіотеки, ихъ значеніе, организація и списки книгъ". Важное значеніе въ свое время имѣла и книга В. В. Кирьякова: „Мо-

сковскій съѣздъ представителей учительскихъ о-въ взаимопомощи". Характерно то, что за весь этотъ періодъ времени фирмой былъ изданъ (въ 1902 г.) только одинъ учебникъ для церковно-приходскихъ школъ свящ. Орлова: „Начальная грамматика русскаго языка для церковно-приходскихъ школъ въ 2-хъ частяхъ". Вѣдомство православнаго исповѣданія сосредоточило изданіе учебниковъ для церковно-приход. школъ почти всецѣло въ своихъ рукахъ.

Въ послѣднее десятилѣтіе (съ 1906 г.) фирмой И. Д. Сытина было издано 180 учебниковъ для начальной школы [1]). Этотъ наиболѣе интенсивный по количеству изданныхъ учебниковъ періодъ характеризуется и въ качественномъ отношеніи отзывчивостью фирмы на наиболѣе назрѣвшіе вопросы школы. Съ 1906 года выдѣляется весьма значительное количество коллективныхъ работъ, начатыхъ еще въ 1905 году,—всего до 33.

По каталогу фирмы за 1915 годъ приведенъ полный списокъ учебниковъ и учебныхъ пособій для начальной школы, изданныхъ фирмой и находящихся въ настоящее время въ продажѣ. Всего по каталогу указано 440 книгъ и пособій. Сюда входятъ по Закону Божію—16 книгъ; по русскому языку—106, съ наглядными пособіями—122, букварей и книгъ для чтенія—47, по правописанію и письму—59, по славянскому языку—3, по ариѳметикѣ—32, геометріи—7, исторіи—16, географіи—16, естествознанію—11, физикѣ—5, законовѣдѣнію—1 (для учащихъ), рисованію и ручному труду—14, полезнымъ занятіямъ и подвижнымъ играмъ—10, пѣнію—2, домоводству—3, о дѣтскихъ садахъ—3, для дѣтскаго театра—23, по школьнымъ праздникамъ—11, по педагогикѣ и народному образованію—60, учебныхъ пособій и руководствъ для учителей—53, наглядныхъ пособій, включая и пособія по русскому языку,—48. Къ изданіямъ, предназначеннымъ для учителей, слѣдуетъ отнести и педагогическій журналъ „Для Народнаго Учителя". Количество и разнообразіе всѣхъ изданій уже само по себѣ говоритъ о разносторонности и широкой отзывчивости фирмы на нужды школы, какъ начальной—3-годичной и 4-годичной, такъ и повышенной-двухклассной и высшихъ начальныхъ училищъ. Не забыты, но сравнительно слабо представлены классы и курсы для взрослыхъ и дошкольное образованіе.

[1]) По Зак. Божію 14, въ томъ числѣ одинъ для старообрядцевъ; букварей—27, по правописанію и грамматикѣ—33, книгъ для класснаго чтенія—29, въ томъ числѣ одна для старообрядцевъ („Старая вѣра"—старообрядческая хрестоматія О. С. Рыбакова, К. Н. Шведова и П. Г. Носова); по ариѳметикѣ—25, по исторіи—6, по географіи—4, естествовѣдѣнію—6 и для учителей—36.

Какова *качественная цѣнность* этихъ изданій? Что именно сдѣлано фирмой въ области отдѣльныхъ школьныхъ предметовъ? Достаточно ли полно исчерпаны издательствомъ нужды школы и не остались ли какіе пробѣлы, пополнить которые было бы желательно и своевременно?

Наиболѣе полно представленъ издательствомъ *родной языкъ*—34% всѣхъ изданій для народной школы и изъ него отдѣлъ правописанія и чистописанія — болѣе половины всѣхъ изданій по русскому языку (64%). Своими нѣкоторыми прежними изданіями, сохранившимися до сихъ поръ, фирма отдаетъ извѣстную дань господству въ начальной школѣ „грамматизма" съ его отрицательными сторонами: преобладаніемъ диктанта надъ другими формами письменныхъ работъ, преждевременнымъ изученіемъ грамматическихъ формъ и формулъ, излишней погоней за буквой Ѣ; но такихъ изданій осталось сравнительно мало. За послѣдніе годы фирма пошла навстрѣчу новымъ теченіямъ въ изученіи родного языка, основаннымъ на *экспериментальныхъ* методахъ изслѣдованія дѣтской души, творчества ребенка, дѣтскаго языка. Цѣлый рядъ учебниковъ и учебныхъ пособій основанъ на принципѣ созданія самостоятельной творческой работы ученика въ классѣ и внѣ класса; использованы и новые взгляды на самую технику первоначальной грамоты. Не всѣ изданія имѣютъ одинаковую теоретическую и практическую цѣнность, но вообще къ оцѣнкѣ всего этого новаго экспериментально-педагогическаго метода и къ практическому использованію его въ учебной литературѣ слѣдуетъ отнестись съ большой осторожностью. Этотъ методъ еще не сказалъ своего послѣдняго слова, а между тѣмъ и школа и учебная книга усиленно спѣшатъ использовать наиболѣе цѣнные результаты его, спѣшатъ провести ихъ въ жизнь. Въ практической школьной работѣ учителей, въ свою очередь, естественнымъ путемъ идетъ провѣрка и критика этихъ результатовъ, эмпирически вносятся въ нихъ поправки, живое дѣло растетъ, ширится, переживаетъ перемѣны, отжившее отпадаетъ, возникаютъ новые свѣжіе ростки, а учебная книга, запечатлѣвшая законченные моменты этого движенія, быстро старѣется и сходитъ съ книжнаго рынка, давая мѣсто другимъ, успѣвшимъ впитать въ себя кое-что новое и освободиться отъ поспѣшно принятыхъ за аксіому спорныхъ выводовъ и пріемовъ.

То же вліяніе отразилось и на изданіи букварей и книгъ для чтенія. Фирма выпустила въ свѣтъ буквари и книги для чтенія Вахтеровыхъ—„Русскій букварь" и „Міръ въ разсказахъ и картинахъ", шести авторовъ „Живой родникъ", Душечкина „Наша рѣчь", Лебедева „Шагъ

за шагомъ", Сатарова „Русскій букварь", „Родные посѣвы", „Новое слово", Сахарова „Родной міръ", Соколова и Панова „Охота пуще неволи", Л. Н. Толстого „Азбука" и „Русская книга для чтенія", Тулупова „Наглядный букварь", Тулупова и Шестакова „Новая школа", „Новь", „Бодрое слово", Тумима „Букварь—дѣтскія очки", „Перваки". Во всѣхъ этихъ книгахъ широко использованъ принципъ *наглядности обученія.*

Вообще всѣ изданія фирмы наглядныхъ пособій довольно разнообразны. Общее количество ихъ достигаетъ почтенной цифры 48, въ томъ числѣ 16—для обученія родному языку. Въ отдѣлѣ по правописанію и изложеніямъ изданъ рядъ книгъ (13 изданій) для работъ по картинамъ [1]). Обильный подборъ книгъ для класснаго чтенія—21 кн.—отражаетъ, пожалуй, всѣ направленія и пріемы класснаго „объяснительнаго чтенія", начиная съ обычныхъ учебниковъ такъ называемаго „книжнаго" метода обученія и кончая книгами, въ которыхъ на первый планъ выдвигается стремленіе вызвать ученика на самостоятельныя наблюденія, на самостоятельную творческую работу. Послѣдняя особенность книги для чтенія отразилась и на подборѣ матеріала книги и на цѣломъ рядѣ самостоятельныхъ упражненій, сопутствующихъ объяснительному чтенію. Во многихъ учебникахъ съ особенной полнотой исчерпывается отдѣлъ естествознанія съ демонстраціей опытовъ. Вообще книга для класснаго чтенія въ изданіяхъ фирмы остается той же „дѣтской энциклопедіей", ставящей своей цѣлью не только пробудить живую любознательность ребенка, но и дать ему посильный законченный циклъ знаній изъ природы и жизни, познакомить съ выдающимися доступными для него произведеніями выдающихся родныхъ и иностранныхъ писателей.

Въ ряду изданій для *обученія взрослыхъ* выдѣляется классическій трудъ Х. Д. Алчевской „Книга взрослыхъ" (три года обученія I—16 изд., II—12 изд., III—9 изд.).

Весьма слабо реагировало издательство на спеціальные запросы отдѣльныхъ группъ населенія и *національностей* въ дѣлѣ изученія русскаго языка. Имъ издана одна небольшая книга для чтенія на малорусскомъ языкѣ: Бѣлоусенко „Вінокъ"—перша читанка хрестоматія для молодшаго віку". Одинъ букварь для обученія дѣтей „нерусскаго про-

[1]) Оцѣнку художественной стороны всѣхъ этихъ изданій предполагается сдѣлать въ особой статьѣ; здѣсь умѣстно указать, что фирма затронула положительно всѣ школьные предметы, гдѣ наглядность обученія находитъ свое примѣненіе. Кромѣ русскаго языка, наглядныя пособія изданы по Зак. Божію (10), ариѳметикѣ (8), исторіи и географіи (8), естествознанію (5).

исхожденія", одна книга для чтенія для дѣтей, обучающихся въ варшавскомъ учебномъ округѣ, и одна хрестоматія для старообрядцевъ (коллективный трудъ). Едва ли, впрочемъ, можно разсчитывать, чтобы фирмы, работающія въ центрѣ, могли сдѣлать что-либо крупное и существенное для удовлетворенія школьно-учебныхъ интересовъ отдѣльныхъ нерусскихъ національностей. Съ развитіемъ самодѣятельной инициативы послѣднихъ въ дѣлѣ школьнаго обученія, съ сохраненіемъ ими правъ на первоначальное обученіе на материнскомъ языкѣ, вообще съ расширеніемъ правъ отдѣльныхъ національностей на ихъ культурное самоопредѣленіе всякую попытку централизаціи учебно-школьнаго издательства въ этой области слѣдуетъ признать безнадежной.

По Закону Божію довольно полно представлены всѣ отдѣлы: наглядныхъ пособій, учебниковъ и учебныхъ пособій, но всѣ эти изданія, кромѣ наглядныхъ пособій, едва ли могутъ имѣть широкое распространеніе, такъ какъ немногіе изъ нихъ допущены въ начальныя училища.

Слѣдуетъ отмѣтить отдѣлъ учебныхъ пособій, представляющій сравнительно новую попытку снабдить школу и законоучителя вспомогательными средствами при преподаваніи.

Въ отдѣлѣ *математики*, очень обширномъ количественно, встрѣчаются представители стараго, но пока еще не изжитаго направленія въ преподаваніи и новаго, опирающагося на новыя данныя и изслѣдованія экспериментальнаго метода и дидактическихъ опытовъ. Здѣсь мы встрѣчаемъ имена Гольденберга, Шохоръ-Троцкаго, Штеклина, оригинальныя и переводныя работы по ариѳметикѣ Д. Л. Волковскаго, Уэнтуорта и Рида, Феликса Мартеля, Бэра, Юнга, Бореля, Перри и, наконецъ, широко извѣстнаго творца экспериментальной дидактики Лая [1]).

Въ связи съ выдвигаемымъ теперь методомъ *сближенія* школьныхъ предметовъ *съ мѣстной жизнью и природой*, взаимодѣйствія школы съ жизнью, изданъ рядъ работъ подъ редакціей Е. А. Звягинцева („Живой счетъ"), Перри („Числа изъ жизни") и др. Наглядность обученія, которая теперь вводится особенно въ широкихъ размѣрахъ въ первоначальный кругъ обученія ариѳметикѣ, иллюстративные методы изученія чиселъ и рѣшенія задачъ тоже нашло себѣ мѣсто въ рядѣ изданій: „Наглядный ариѳметическій задачникъ" — Соколова, „Дѣтскій міръ въ числахъ" — Волковскаго, „Начальный задачникъ по ариѳметикѣ" — Иг-

[1]) Какъ книги, имѣющія уже только историко-библіографическое значеніе, можно назвать старую книжку Меморскаго: „Ариѳметика въ вопросахъ и отвѣтахъ" и „Ариѳметику" Толстого.

натьева, „Живой счетъ“—подъ ред. Звягинцева, „Живыя числа“—Лаврова, „Первоначальная ариѳметика“—Уэнтуорта и Рида и др. Издательство обратило также вниманіе и на удовлетвореніе спроса на методическія руководства и пособія по ариѳметикѣ, издавъ трудъ Лая „Руководство къ первоначальному обученію ариѳметикѣ“ (4-е изд.), Таннера, Фербера, Волковскаго, Мартеля („Пріемы быстраго счета“), Шохоръ-Троцкаго, Гольденберга.

По геометріи издано только 5 книгъ, въ томъ числѣ спеціально для начальной школы: Никитина „Первая ступень изъ геометріи“, Шохоръ-Троцкаго — „Геометрія на задачахъ“ и книга Юнга — „Первыя книжки по геометріи“. Нужно сказать, что этотъ отдѣлъ математики вообще у насъ очень бѣдно обставленъ, и до сихъ поръ начальная школа почти не знаетъ геометріи въ ея элементарной постановкѣ въ формѣ пропедевтическаго курса; еще до сихъ поръ преподаваніе ея многими педагогами мыслится, какъ особый добавочный отдѣлъ или предметъ къ 4-му году обученія.

Для *обученія взрослыхъ* изданы книги Гатлиха, Глаголева, Заборскаго и др. Значительное количество изданій предназначено и для дошкольнаго обученія и дѣтскихъ садовъ (Волковскаго, Соколова и др.). По отдѣлу нагляднаго обученія по ариѳметикѣ, кромѣ обычныхъ пособій (мѣръ, счетъ и т. п.), представляетъ интересъ изданіе „Ариѳметическихъ таблицъ“ къ книгамъ Мартеля: „Пріемы быстраго счета“ и „Быстрый счетъ“, „Мѣры времени“—Шорина, „Таблица для классныхъ упражненій въ изустныхъ вычисленіяхъ“—Шорохъ-Троцкаго.

По исторіи довольно обширную коллекцію (18 листовъ) для нагляднаго обученія даетъ „Русская исторія въ картинахъ“ подъ редакціей Исторической Комиссіи Учебнаго Отдѣла Об-ща Распространенія Техническихъ Знаній.

Изъ учебной литературы по исторіи болѣе полно исчерпанъ отдѣлъ высшей начальной школы въ работахъ Ананьина, Дудина, Стеблева и Толстова, Звягинцева, Веселовскаго и Уланова, Тулупова и Шестакова. Собственно для начальной школы дано 8 книжекъ, въ томъ числѣ: Алексѣева—„Разсказы изъ русской исторіи“, Тулупова и Шестакова—„Разсказы изъ русской исторіи“, Звягинцева и Бернашевскаго—„Вѣка и трудъ людей“, „Вѣка и люди“. Давыдкина и Селезнева—„Краткая русская исторія“. Особенностью этихъ изданій является болѣе тщательная разработка вопросовъ по изученію вопросовъ культуры и быта родной страны, подборъ рисунковъ и діаграммъ. Фирмой издана книга В. Я. Уланова—

„Опытъ методики исторіи въ начальной школѣ". Въ педагогической литературѣ это, кажется, былъ одинъ изъ первыхъ опытовъ методическаго руководства по исторіи для начальной школы.

По *географіи* есть дешевыя наглядныя пособія „По Россіи" (удостоены золотой медали на Московской фотографической выставкѣ 1908 г.), „Картины родины", „Четыре времени года", „Стѣнныя таблицы по географіи"; но въ этомъ направленіи сдѣлано фирмой пока сравнительно мало. Начальная школа болѣе полно и богато пользуется другими изданіями. То же можно сказать и про географическія учебныя книги. Ихъ издано фирмой И. Д. Сытина немного, притомъ большинство для школъ повышеннаго типа (Бернашевскаго, Гусакова и Наспмовича, Семенова и Воронова, Тулупова и Шестакова). Для начальной школы остается пока цѣнной прежняя книжка Львова „Первое знакомство съ географіей Россіи" (5-е изд.). Пособіемъ при изученіи исторіи и географіи Россіи является книжка Фалѣева: „Букварь законовѣдѣнія".

Большинство учебниковъ по *естествознанію* предназначено для учебныхъ заведеній повышеннаго типа, для начальной школы одно только изданіе: Трояновскаго „Природа и ея явленія" (3-е изд.) и методическое руководство къ ней: „Сто уроковъ по естествознанію въ начальной школѣ". Не забыты издательствомъ особенно за послѣднее время развившіеся запросы школы на книги по организаціи экскурсій въ природу: „Среди природы"—Воронкова, Коротнева, Огнева, Павлова, Лаврова, Левитскаго.

Разнообразный матеріалъ представленъ издательствомъ *по прикладнымъ, вспомогательнымъ* отдѣламъ школы: рисованію и ручному труду, полезнымъ занятіямъ и подвижнымъ играмъ. Школа найдетъ здѣсь книги для работъ изъ разноцвѣтной бумаги, лѣпки, по дереву, изъ папки. Вмѣстѣ съ прежними пособіями по рисованію стараго типа по клѣткамъ и др. есть отклики на новыя исканія по изученію искусства въ школѣ: Панова „Дитя-художникъ" (5-е изд.) и книга Кершенштейнера „Развитіе художественнаго творчества ребенка".

Удѣлено довольно большое мѣсто книгамъ, посвященнымъ *театру для дѣтей* въ школѣ и внѣ школы. Издано 23 пьесы для дѣтскаго театра, въ томъ числѣ Аникиной: „Воля желанная", 9 пьесъ Кл. Лукашевичъ, отдѣльный сборникъ ея пьесъ: „Театръ для дѣтей", Чехова, Н. В. — „Снѣжная Королева" и „Руководство по устройству дѣтскаго театра" — Ѳедорова-Давыдова. Девять брошюръ К. Лукашевичъ посвя-

щены устройству разнаго рода *школьныхъ праздниковъ,* преимущественно связанныхъ съ юбилейными событіями. Книжка Е. И. Смирнова: „Школьные праздники, елки, игры, живыя картины, литературные вечера“ (2-е изд.), даетъ практическія указанія и литературный матеріалъ для устройства школьныхъ развлеченій для дѣтей. Вообще для лицъ, интересующихся вопросомъ о способахъ и средствахъ заполнить дѣтскій школьный и внѣшкольный досугъ, изданія И. Д. Сытина даютъ обширный, хотя въ то же время довольно пестрый матеріалъ.

Послѣднюю обширную группу изданій, связанныхъ съ работой начальной школы, составляютъ книги *по педагогикѣ и народному образованію*—60 книгъ [1]). Въ области педагогики достаточно перечислить тѣхъ авторовъ, труды которыхъ изданы фирмой, чтобы судить о полнотѣ этого отдѣла. Бартрамъ, Бернашевскій, Вахтеровъ, Гартвигъ, Демковъ, Ермиловъ, Звягинцевъ, Кей, Лай, Лебедевъ, Острогорскій, Пеллико, Рыбаковъ, Трояновскій, Чеховъ и другіе. Правда, трудно намѣтить общее направленіе и найти объединяющій центръ работы издательства въ области педагогики, но не будетъ ошибочнымъ признать, что оно пытается выдѣлить нѣкоторыя новыя теченія педагогической мысли и слѣдить за новинками иностранной литературы [2]).

Нѣкоторую организаціонную роль среди народнаго учительства въ свое время сыграли изданія, касающіяся положенія народнаго учителя, пропагандирующія среди него идею профессіональнаго объединенія, пробужденія интереса къ самообразованію, къ школьной работѣ, къ внѣшкольному образованію [3]). Только за послѣдніе 2—3 года само учительство выступило на путь самостоятельной организованной печатной пропаганды путемъ книгъ, брошюръ и періодическихъ изданій вопро-

---

[1]) Въ настоящей статьѣ не указаны книги, предназначенныя для средней и высшей школы.

[2]) Таковы, напр., шесть выпусковъ: „Вопросы педагогической психологіи“ подъ редакціей Россолимо, Игнатьева и Бернштейна, посвященные работамъ Jean Demoor—„Ненормальныя дѣти и воспитаніе ихъ дома и въ школѣ“, Лая—„Экспериментальная педагогика“, Кетчера—„Пробужденіе полового сознанія“, Гаупта—„Психологія ребенка“, Strohmayer—„Лекціи по психологіи дѣтскаго возраста“, Оппенгейма—„Развитіе ребенка, наслѣдственность и среда“. Или—книга Кэй: „Вѣкъ дитяти“, Пуарсонъ—„Совмѣстное обученіе“ и др.

[3]) Васильевичъ—„Московскій съѣздъ представителей учительскихъ о-въ взаимопомощи“, „Германскій учительскій союзъ“, Звягинцевъ—„Учительскія библіотеки“, „Народная жизнь и школа“, „Вопросы и нужды учительства“ (4 выпуска), Мюнхъ—„Родители, учителя и школы нашего времени“, * * „Справочная книга учительскихъ обществъ взаимопомощи“, * * „Къ вопросу объ устройствѣ всероссійскаго учительскаго союза“, Тулупова и Шестакова—„Для Народнаго Учителя“ (4 выпуска).

совъ о положеніи народныхъ учителей. Фирма И. Д. Сытина своевременно шла навстрѣчу этому запросу; эту же задачу преслѣдуетъ педагогическій журналъ, издаваемый ею, „Для Народнаго Учителя“ подъ ред. Н. В. Тулупова.

Вся эта обширная и разнообразная учебная литература предназначалась для народной школы. Чтобы она была доступна для школы, не достаточно было одного широкаго распространенія ея. Въ дѣлѣ стройной организаціи сбыта книгъ не только въ центрахъ, но и въ болѣе глухихъ районахъ фирма И. Д. Сытина достигла сравнительно съ многими другими издательствами очень крупнаго успѣха. Необходимо было провести всѣ эти книги чрезъ одобренія и допущенія разныхъ учрежденій, цензирующихъ учебники, поступающіе въ школу. Въ педагогической и общественно-школьной средѣ довольно прочно установилось мнѣніе, что наиболѣе крупныя и мощныя издательства болѣе, чѣмъ мелкія, не говоря уже о многихъ отдѣльныхъ идейныхъ издателяхъ учебниковъ, легче и быстрѣе „умѣютъ“ достигать успѣха въ полученіи разнаго рода допущеній и одобреній своихъ книгъ. Такъ смотрѣли и на издательскую дѣятельность И. Д. Сытина. Фактическая обстановка условій допущенія изданій фирмы въ народныя школы представляется въ настоящее время въ слѣдующихъ цифрахъ.

Съ 1901 по 1916 г. Ученымъ Комитетомъ М. Н. Пр. одобрено было 1110 книгъ, изданныхъ И. Д. Сытинымъ. Изъ нихъ для начальныхъ 2-классныхъ и высшихъ училищъ 132 книги (12%) [1]). Съ 1887 г. изъ всѣхъ изданныхъ учебниковъ для начальныхъ училищъ допущено было около 60%, немного болѣе половины всѣхъ изданныхъ фирмой учебниковъ. Почти половина ихъ не была допущена въ школы [2]). Такимъ образомъ на многія изданія фирмы былъ наложенъ рѣшительный запретъ. Они не могли проникнуть въ школу. Только частныя лица и отдѣльныя семьи могли пріобрѣтать эти книги. Но этотъ рынокъ сбыта учебниковъ только, можетъ-быть, въ послѣдніе до войны годы сравнительно интенсивно возрастаетъ, создавая спросъ на нихъ не въ однихъ строго

[1]) 23—для класснаго чтенія (изъ 32, изданныхъ съ 1892 г.), 21 букварь (изъ 35, изданныхъ съ 1887 г.), по грамматикѣ, правописанію и чистописанію—18 (изъ 43, изданныхъ съ 1889 г.), по ариѳметикѣ 7 (изъ 28, изданныхъ съ 1890 г.), по исторіи 6 (всѣ изданія), по Закону Божію 3 (изъ 21), по географіи 8 (всѣ изданія), по естествознанію 7 (изъ 9), по геометріи 1 и по рукодѣлію—1. Въ училищныя библіотеки допущено 37 книгъ (изъ 39).

[2]) Для нуждъ начальнаго образованія другими вѣдомствами допущено было до 20 книгъ: въ томъ числѣ Св. Синодомъ—2, военнымъ вѣдомствомъ 11 для приготовительныхъ классовъ кадетскихъ корпусовъ и вѣдомствомъ Императр. Маріи—5.

школьныхъ кругахъ, но и внѣ школы, въ семьѣ, въ кружкахъ для самообразованія. Богатая силами и средствами фирма, конечно, могла бы быть болѣе „счастливой“ въ своихъ хлопотахъ о допущеніи книгъ. Количественное распредѣленіе недопущенныхъ въ школы учебниковъ по отдѣльнымъ предметамъ довольно случайно [1]). Изъ книгъ для учительскихъ библіотекъ народной школы недопущено 18 (до 32%). Судя по отдѣльнымъ рецензіямъ Ученаго Комитета, особыхъ привилегій въ допущеніи ихъ издательство не имѣло; не видно, чтобы Комитетъ былъ къ издательству Сытина менѣе суровъ, чѣмъ къ другимъ какимъ-либо фирмамъ. Не чувствовалось какого-либо особаго „пристрастія“ къ отдѣльнымъ авторамъ. Наоборотъ, полемическій тонъ нѣкоторыхъ рецензій изъ числа не опубликованныхъ въ „Журналѣ Министерства Нар. Просвѣщенія“ говорилъ о нѣкоторомъ, если не враждебномъ, то во всякомъ случаѣ не вполнѣ благопріятномъ, повышенномъ отношеніи къ фирмѣ. Такова, напр., въ отзывѣ объ одной книжкѣ по ариѳметикѣ, несомнѣнно, правильно оцѣнившемъ неудачно и спѣшно составленную книжку, характеристика „покладистыхъ издателей для малограмотныхъ произведеній“ (рецензія 1913 г.); или—полная ироніи къ „десяти составителямъ“ рецензія хрестоматіи „Изъ родной литературы“ (1910 г.); или—отзывъ о книгѣ „Новый ариѳметическій задачникъ“.

Интересенъ для характеристики работы фирмы по изданію учебниковъ для народной школы энергичный походъ противъ изданія ею классной книги для чтенія „Новь“. Начатый въ тѣсныхъ кружкахъ отдѣльныхъ группъ общественныхъ дѣятелей извѣстнаго направленія (напр., докладъ г. Мансурова въ моршанскомъ училищномъ совѣтѣ, заявленіе группы гласныхъ въ кирсановскомъ, Тамб. губ., земскомъ собраніи, въ бѣлогородской земск. управѣ, Курск. губ.), онъ былъ перенесенъ въ Государственный Совѣтъ въ формѣ „заявленія 32 членовъ Государственнаго Совѣта объ обращеніи къ министру народнаго просвѣщенія съ запросомъ по поводу допущенія къ классному употребленію въ начальныхъ училищахъ учебнаго руководства по русскому языку „Новь“ (кн. III) П. В. Тулупова и П. М. Шестакова“. Вопросу о „Нови“ было посвящено два засѣданія (6 марта и 24 апрѣля 1913 г.). Въ свое время пренія по этому вопросу были очень подробно изложены въ общей и

[1]) По Закону Божію не допущено 8 книгъ (до 66%), изъ букварей 8 (до 25%), изъ грамматикъ, книгъ по правописанію и чистописанію—31 (до 62%), изъ книгъ для чтенія—20 (до 46%), по ариѳметикѣ и геометріи—31 (до 77%), по географіи—6 (до 47%), по естествознанію—2 (до 22%), по рисованію—4 (всѣ), по пѣнію—1 (всѣ).

педагогической прессѣ, вплоть до воспроизведенія стенографическаго отчета о засѣданіяхъ, и стали достояніемъ широкой публики. Въ настоящей статьѣ важно отмѣтить лишь основные этапы этого въ свое время сильно нашумѣвшаго „дѣла“, освѣщающіе и характеризующіе общее положеніе вопроса о допущеніи книгъ въ народную школу.

Докладчикомъ по запросу былъ членъ Государ. Совѣта г. Андреевскій. Онъ находилъ книгу „Новь“ „не соотвѣтствующей цѣлямъ и задачамъ начальной школы“; она, по его словамъ, „въ высшей степени односторонне и тенденціозно излагаетъ прошлое нашего отечества и допускаетъ на своихъ страницахъ тенденціозное и отрицательное отношеніе къ войнѣ и военной доблести“. Подтверждая свою мысль цитатами изъ книги, онъ находитъ дѣйствія Ученаго Комитета М. Н. Пр., допустившаго книгу, неправильными „не только съ точки зрѣнія педагогической, но и возбуждающими сомнѣнія съ точки зрѣнія закономѣрности“. Какъ выходъ изъ этого положенія, г. Андреевскій предложилъ, ссылаясь на опытъ Японіи, „взять Министерству Народнаго Просвѣщенія дѣло снабженія школъ книгами въ свои руки“, „изъять книги изъ алчныхъ рукъ частныхъ предпринимателей“. Въ заключеніе своей рѣчи онъ такъ формулировалъ запросъ Министерству:

1) „Какія обстоятельства побудили Ученый Комитетъ Министерства Народнаго Просвѣщенія въ отступленіе отъ общихъ указаній закона относительно цѣлей начальнаго образованія допустить къ классному употребленію въ начальныхъ училищахъ учебное руководство по русскому языку „Новь“ (кн. III) Н. В. Тулупова и П. М. Шестакова, отличающееся тенденціознымъ подборомъ матеріала для чтенія и явно не соотвѣтствующее задачамъ начальной школы?

2) Предполагаетъ ли г. министръ народнаго просвѣщенія принять мѣры къ отмѣнѣ указаннаго распоряженія Ученаго Комитета, а также и къ тому, чтобы подобныя распоряженія не повторялись въ будущемъ?“

Выступилъ съ поддержкой этого запроса М. Я. Говоруха-Отрокъ. Д. И. Багалѣй, въ свою очередь, подробнымъ сопоставленіемъ представленныхъ г. Андреевскимъ выдержекъ изъ „Нови“ съ другими цитатами изъ нея доказываетъ полное отсутствіе въ ней тенденціозности; напротивъ, по его мнѣнію, „вовсе нельзя говорить, что авторы книги не старались внушить любви къ нашей Россіи“; книга заключаетъ въ себѣ „огромное количество художественныхъ отрывковъ изъ авторовъ перваго ранга—великихъ писателей русской земли“. Во многихъ статьяхъ книги „дана оцѣнка очень многихъ существенныхъ, свѣтлыхъ сторонъ

нашей исторіи и положительныя характеристики нашихъ историческихъ дѣятелей". Всѣ эти разсказы „написаны просто, безъ тенденціи", „могутъ имѣть морально-воспитательное дѣйствіе", „вызываютъ любовь къ православной вѣрѣ, къ государству, къ военной доблести, которая служитъ опорой государства, просвѣщенію народа и вообще къ нашему прошлому". Поэтому онъ предлагаетъ запросъ отклонить.

С. Ф. Ольденбургъ сталъ на болѣе общую точку зрѣнія, выясняя „истинное понятіе патріотизма", не боящагося смотрѣть открытыми глазами на отрицательныя явленія въ исторіи народа. Въ книгѣ „Новь" указаны вмѣстѣ съ ними и положительныя явленія въ русской исторіи. Не находитъ онъ основаній въ книгѣ для обвиненія составителей ея „въ антимилитаризмѣ". Настоящему запросу С. Ф. Ольденбургъ придаетъ большое значеніе, „ибо, какъ и всѣ, которые знаютъ положеніе нашихъ народныхъ школъ и нашихъ народныхъ библіотекъ, я не могу не сознавать, что сегодняшній запросъ въ Государственномъ Совѣтѣ, о которомъ уже давно знаетъ вся Россія, тяжко отзовется въ глухихъ окраинахъ. Мы знаемъ отлично, что запуганные инспектора народныхъ училищъ будутъ спѣшно изымать изъ библіотекъ различныя книги, которыя почему-либо имъ покажутся подозрительными. Мнѣ кажется, чтобы противодѣйствовать тому злу, которое уже сдѣлано внесеніемъ настоящаго запроса, есть только одинъ способъ—отклонить настоящій запросъ, что я и предлагаю сдѣлать".

Изъ сторонниковъ запроса князь Голицынъ-Муравлинъ полагалъ, что на основаніи одобренія книги „Новь" „работой Ученаго Комитета государственная школа не ограждается отъ проникновенія въ нее такихъ книгъ, которыя не соотвѣтствуютъ государственнымъ началамъ воспитанія". Если Ученый Комитетъ „по обилію занятій или по другимъ уважительнымъ причинамъ не въ состояніи справиться со своей задачей, то, вѣроятно, требуется его пересоздать"... „Намъ надо имѣть въ виду, что прежде, еще нѣсколько лѣтъ назадъ, при разсмотрѣніи книгъ, Ученый Комитетъ поступалъ, такъ сказать, трояко: книгу, признанную хорошей, онъ одобрялъ, книгу полезную, желательную, — рекомендовалъ, книгу, въ которой нѣтъ ничего дурного, — допускалъ. При такомъ порядкѣ мѣстное учебное начальство всегда могло себя оградить отъ послѣдствій какого-либо, скажемте, невниманія въ работахъ Ученаго Комитета". „Теперь порядокъ иной. Рекомендація исчезла, одобреніе исчезло, осталось одно допущеніе... Допускаются совершенно одинаково и полезныя и неполезныя книги, и тѣ книги, въ которыхъ нѣтъ ничего дурного, и

тѣ, въ которыхъ ничего хорошаго нѣтъ—совершенно одинаково". Князь считаетъ „весьма желательнымъ, чтобы Ученый Комитетъ вернулся къ прежней системѣ работы, а засимъ считалъ бы полезнымъ, чтобы учебное начальство на мѣстахъ вспомнило о пунктѣ 3 статьи 40 Устава учебныхъ заведеній", на основаніи которой попечительскимъ совѣтамъ при учебномъ округѣ „принадлежитъ разсмотрѣніе и оцѣнка достоинствъ учебныхъ руководствъ и опредѣленіе, какія изъ нихъ съ большей пользой могутъ быть употребляемы въ учебныхъ заведеніяхъ". Съ дурной книгой бороться труднѣе, чѣмъ съ дурнымъ преподавателемъ. Она „дѣйствуетъ въ десяткахъ тысячъ мѣстъ и въ особенности, когда на ней стоитъ штемпель допущенія, а иногда, что было прежде, одобренія, рекомендаціи Ученаго Комитета". М. М. Ковалевскій, подвергая тщательному разбору историческій отдѣлъ книги, тоже не находитъ въ ней „ни доказательствъ антимилитаризма, ни доказательствъ отсутствія уваженія къ народной гордости и къ патріотизму. Ничего этого нѣтъ, и чѣмъ скорѣе мы отклонимъ запросъ, тѣмъ будетъ лучше, хотя бы потому, что въ задачи высшаго законодательнаго учрежденія, разумѣется, не входитъ подготовленіе матеріала для „Сатирикона".

Г. Зубчаниновъ считаетъ, что появленіемъ книги „Новь" „всякій порывъ, всякое благородное влеченіе къ великому прошлому Россіи притупляется, понижается постепенно, незамѣтно, но неуклонно. Мы вырываемъ изъ молодой души лучшія ея чувства, мы вырываемъ изъ нея того ангела-хранителя, который ведетъ эту душу и дѣлаетъ изъ ея обладателя мужа-защитника родины. Мы опустошаемъ душу ребенка". В. І. Гурко къ авторамъ книги „Новь" никакого обвиненія не предъявляетъ, но онъ изумляется тому, что книга „Новь" „получила рекомендацію Министерства Народнаго Просвѣщенія". Признавая, что „въ научныхъ произведеніяхъ, кромѣ абсолютной и полной исчерпывающей правды, ничего помѣщаемо быть не можетъ", онъ смотритъ иначе, когда „мы имѣемъ въ виду извѣстный кругъ читателей съ недостаточно развитымъ умственнымъ горизонтомъ, для которыхъ извѣстнаго рода голые факты безъ соотвѣтственнаго ихъ освѣщенія и безъ надлежащаго ихъ пониманія производятъ совершенно иное впечатлѣніе, когда и сама правда превращается въ ложь". „Въ книгахъ, по его словамъ, иногда бываетъ настолько искусственный подборъ этой правды, что сумма ея превращается въ ложь".

За принятіе первой части запроса высказались 92 члена Совѣта и противъ—58. Была принята и вторая часть запроса.

Объясненія министра народнаго просвѣщенія были даны въ засѣданіи 24 апрѣля.

Въ своемъ объясненіи г. министръ прежде всего подчеркиваетъ разницу между двумя терминами „допущеніе“ и „одобреніе“ книги. Съ 1901 года Ученый Комитетъ даетъ положительные отзывы о книгѣ только въ видѣ „допущенія“, и „Новь“ была допущена, но не одобрена Комитетомъ. Затѣмъ онъ изложилъ порядокъ допущенія этой книги. По его словамъ, къ этому вопросу Ученый Комитетъ „долженъ былъ отнестись съ нѣкоторой осторожностью“, однако и при этомъ онъ нашелъ книгу, „соотвѣтствующей своей цѣли, не нашелъ въ ней тенденціозности“. По отзыву одного изъ рецензентовъ, „нельзя не отдать историческому отдѣлу книги полную справедливость въ томъ, что онъ дѣйствительно безъ всякой нежелательной тенденціи даетъ краткіе, но вполнѣ толковые и ясные очерки главнѣйшихъ событій русской исторіи, и даже такое царствованіе, какъ Іоанна Грознаго, изображено такъ, что полезной государственной дѣятельности царя отведено видное мѣсто“. Министръ отрицаетъ и возможность предположеній о незакономѣрности дѣйствій Министерства: „никто изъ тѣхъ, которые возражали противъ этой книги, не могъ привести доказательства, что Ученый Комитетъ, допуская эту книгу, обнаружилъ нѣкоторую партійность и нѣкоторое пристрастіе“. Было время, когда въ засѣданіи бюджетной комиссіи Госуд. Думы дѣлали упрекъ Ученому Комитету М-ва въ излишней строгости.

Касаясь второй части запроса, онъ говоритъ о томъ, что М-во не только „обязано ограждать школу отъ несоотвѣтствующихъ книгъ“, оно должно стремиться „къ облегченію проникновенія хорошихъ книгъ въ школы“. Но онъ опасается того, чтобы М-во рѣшилось взять на себя „изданіе общаго, единаго казеннаго учебника на всю Россію“. Если бы, допускаетъ онъ, Министерство издало такой учебникъ и привлекло къ работѣ надъ нимъ самыхъ талантливыхъ и авторитетныхъ сотрудниковъ, то могло случиться слѣдующее: „черезъ годъ или два появилась бы книга—плодъ свободнаго труда какого-нибудь автора данной спеціальности — и эта книга была бы признана лучше того казеннаго и единаго учебника, который былъ изданъ Министерствомъ; и тогда мы оказались бы, я опасаюсь, передъ слѣдующей дилеммой: или продолжать изданіе и распространеніе книги, которая, очевидно, хуже новой, и я не думаю, чтобы такая работа Министерства была бы особенно плодотворной, или, наоборотъ, допустить эту книгу, потому что она лучше, и тѣмъ самымъ уничтожилось бы то единство и то однообразіе,

къ которому мы стремились за годъ до этого". Заканчивая свое объясненіе, онъ заявилъ, что „книга „Новь" (третья часть) будетъ внесена на-дняхъ для новаго разсмотрѣнія въ Ученый Комитетъ, при чемъ онъ сохраняетъ за собой право не присоединяться къ тому взгляду, который былъ высказанъ раньше по поводу этой книги Ученымъ Комитетомъ и Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія".

Докладчикъ запроса г. Андреевскій, вновь поддерживая запросъ, напоминаетъ, что „учебныя руководства, примѣняемыя въ низшей и средней школѣ, въ настоящее время являются предметомъ торговли различныхъ предпринимателей, которые, издавая свои хрестоматіи, руководятся взглядами даннаго политическаго момента и, смотря по тому, какой товаръ въ спросѣ, издаютъ книги то поправѣй, то полѣвѣй", что „въ настоящую минуту Ученый Комитетъ Министерства Народнаго Просвѣщенія не одобряетъ и не рекомендуетъ, а только допускаетъ учебники, и благодаря такому пассивному отношенію проникаютъ и полезныя книги, и безполезныя, и книги, въ которыхъ нѣтъ ничего вреднаго, и книги, въ которыхъ нѣтъ ничего полезнаго". „Книга, по которой учатся милліоны будущихъ гражданъ, не можетъ и не должна быть только „допустимой". Она должна быть „превосходной", какъ съ точки зрѣнія педагогической, такъ и съ точки зрѣнія патріотической". Онъ предложилъ слѣдующій переходъ къ очереднымъ дѣламъ: „Выслушавъ объясненія министра народнаго просвѣщенія, Государственный Совѣтъ находитъ: 1) что Ученый Комитетъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, допустивъ къ классному употребленію въ начальныхъ училищахъ книгу, подобную хрестоматіи гг. Тулупова и Шестакова, „Новь" (ч. III), нарушилъ лежащую на немъ обязанность снабжать начальную школу такими учебными руководствами, которыя служили бы къ утвержденію въ народѣ религіозныхъ и нравственныхъ понятій, а равно любви къ родинѣ, и 2) что для удовлетворенія означенныхъ выше первостепенной важности потребностей Министерству Народнаго Просвѣщенія надлежитъ озаботиться снабженіемъ начальныхъ школъ однообразными учебниками для исключительнаго и обязательнаго класснаго употребленія,—и переходитъ къ очереднымъ дѣламъ".

Послѣ возраженія С. Ф. Ольденбурга, направленнаго противъ заключительныхъ словъ г. министра народнаго просвѣщенія о пересмотрѣ вновь вопроса о допущеніи „Нови" въ школы, былъ принятъ по предложенію Н. С. Таганцева *простой переходъ* къ очереднымъ дѣламъ. За принятіе его голосовало 59 членовъ Совѣта и противъ—57.

Авторы запроса, повидимому, достигли своей цѣли, но для всякаго непредубѣжденнаго наблюдателя было ясно, что запросъ 32 членовъ Совѣта ударилъ выше своей цѣли и невольно раскрылъ всю шаткость общаго положенія Ученаго Комитета и признаніе необходимости дѣйствительно подвести подъ него новый фундаментъ, реорганизовать его. Если не въ связи съ запросомъ, то вскорѣ послѣ него возникли слухи о преобразованіи комитета, и мысль объ этомъ и теперь еще нельзя считать окончательно похороненной.

Не успѣлъ еще заглохнуть шумъ, создавшійся около „Нови", какъ въ связи съ нимъ былъ поднятъ уже печатный походъ почти исключительно противъ изданія фирмой И. Д. Сытина учебниковъ для народной школы.

Въ 1913 г. вышло подъ редакціей В. М. Пуришкевича пресловутое изданіе Русскаго Народнаго Союза имени Михаила Архангела: „Школьная подготовка второй русской революціи"; въ ней былъ сдѣланъ, между прочимъ, разборъ изданныхъ Сытинымъ книгъ для класснаго чтенія: „Живой родникъ", „Слово", „Цвѣтничокъ", „Новь", „Міръ въ разсказахъ", „Букварь и первый курсъ внѣшкольнаго образованія", „Наша рѣчь", „Новая школа", „Новое слово", „Изъ родной литературы"— „книжонокъ съ гнилымъ содержаніемъ", какъ сочно характеризуютъ ихъ издатели книги, „гнойничковъ", которые, „въ концѣ-концовъ, сольются въ одинъ сплошной гигантскій, злокачественный нарывъ", который „лопнетъ съ трескомъ и шумомъ, при заревѣ пожаровъ, обагренный потоками невинной крови, подъ торжествующее завываніе и ревъ озвѣрѣвшей, преступной черни"... Подъ вліяніемъ этихъ книгъ для чтенія „вся огромная русская жизнь превратится въ одно сплошное зловонное гноище", въ которомъ „закопошатся человѣкообразные, съ ненасытной пастью гады, способные только слопать, сокрушить и уничтожить уцѣлѣвшіе отъ разгрома остатки". Однимъ словомъ, всѣ эти книжки подготовляютъ „разрушеніе Россіи" при участіи „іудомасонскихъ главарей".

Такова сущность этой книжки, предназначенной для того, чтобы страшно испугать русское общество и затѣмъ подготовить почву для той организаціи по изданію книгъ для класснаго чтенія, которая должна была возникнуть подъ фирмой тѣхъ же вдохновителей и авторовъ, но только съ другимъ, не менѣе патріотическимъ названіемъ („Филаретовское общество"). Фирма Сытина была поставлена „подъ подозрѣніе". Насколько сказалось это на коммерческомъ положеніи фирмы — сказать

трудно. Она въ 1913 г. была настолько прочна и устойчива, что за развитіе ея дальнѣйшей дѣятельности едва ли можно было опасаться.

Педагогическіе, земскіе и городскіе общественные круги, конечно, знали тотъ путь, какимъ шла фирма И. Д. Сытина по изданію книгъ для народной школы Работа ея не была подпольной, а шла открыто. Выше была отмѣчена попытка фирмы привлечь къ организаціи изданій для народной школы отдѣльныхъ общественныхъ дѣятелей и педагоговъ. Приглашеніе спеціалистовъ-педагоговъ и общественныхъ дѣятелей дало возможность издательству такъ во-время и разнообразно отозваться на запросы жизни. Участіе это носило характеръ личныхъ соглашеній фирмы съ отдѣльными лицами. Въ ней работали В. П. Вахтеровъ, Е. А. Звягинцевъ, П. В. Тулуповъ, П. В. Чеховъ. Нѣкоторое время принималъ участіе покойный А. А. Стаховичъ и др. Въ 1907—1908 гг. И. Д. Сытинъ задумалъ основать спеціальное общество для проведенія этой мысли въ жизнь. Общество предполагалось связать съ только что народившейся тогда „лигой образованія". Общество было названо „Школа и Знаніе".

Въ учредители общества вошли Макс. Макс. Ковалевскій, покойный писатель Алекс. Ив. Эртель, Варв. Алекс. Морозова, Влад. Ив. Ковалевскій и И. Д. Сытинъ.

Какъ изложено было въ объяснительной запискѣ, общество преслѣдовало двѣ основныя задачи: 1) лучшее качество и 2) дешевизну распространяемыхъ учебниковъ. Преслѣдуя эти двѣ задачи, общество имѣло ихъ разрѣшить: первую путемъ конкурсовъ, вторую — совершенной техникой и массовымъ производствомъ.

На конкурсы для рѣшенія указанныхъ выше задачъ предполагалось приглашать: ученыхъ педагоговъ и техниковъ, избранныхъ корпораціями, университетами, институтами и т. д. или учеными, педагогическими и техническими обществами, а также лицъ, избранныхъ земскими и городскими учрежденіями, лигой образованія, обществомъ народныхъ университетовъ, Императорскимъ Техническимъ, Императорскимъ вольно-экономическимъ и другими обществами (стр. 12 „Объяснительной записки общества Школа и Знаніе". Москва 1908 г.).

Цѣлью общества было дать народу лучшіе, доступные, дешевые учебники. Программа общества была чисто-просвѣтительная. Не преслѣдовалось никакихъ грубо-коммерческихъ цѣлей. Фактическая цѣль общества сводилась къ борьбѣ съ монополіей.

Все, казалось, благопріятствовало новому начинанію, но противъ него выступилъ г. Пуришкевичъ.

Онъ заявилъ въ Государственной Думѣ, что „революціонеръ Сытинъ“ создаетъ революціонное общество съ государственно-разрушительными цѣлями... Обществу не дали, конечно, сдѣлать ни шага. Часть членовъ новаго общества прислала заявленіе, что приступать къ работѣ считаетъ *несвоевременнымъ*... [1])

Пришлось поставить на новомъ, много обѣщавшемъ дѣлѣ крестъ и продолжить свою работу въ прежнемъ направленіи при участіи общественныхъ дѣятелей, сочувствовавшихъ изданію дешевыхъ и полезныхъ учебниковъ для народной школы. Работа спорилась, фирма продолжала свои школьныя изданія. Но въ это время уже началась открытая кампанія противъ фирмы, сначала въ нѣкоторыхъ земскихъ собраніяхъ и училищныхъ совѣтахъ (кажется, только въ трехъ) и затѣмъ въ Государственномъ Совѣтѣ. Сыгралъ свою роль и памфлетъ „Школьная подготовка второй русской революціи“, спугнувшій даже тѣхъ, кто ранѣе сочувствовалъ просвѣтительной работѣ фирмы.

Тогда-то возникла попытка И. Д. Сытина вновь, но уже съ другой стороны подойти къ разрѣшенію вопроса о формахъ широкаго распространенія учебной литературы въ школьной средѣ. Объ этой попыткѣ было много сообщеній въ періодической печати. Съ цѣлью болѣе объективной оцѣнки ея умѣстно остановиться на освѣщеніи этого вопроса въ газетѣ „Русскія Вѣдомости“ и затѣмъ на изложеніи его И. Д. Сытинымъ и товариществомъ. Въ „Русскихъ Вѣдомостяхъ“ была опубликована слѣдующая замѣтка: „Министерство Народнаго Просвѣщенія рѣшило взять въ свои руки изданіе учебниковъ. Какъ передаютъ въ министерствѣ, инициатива исходила отъ одной издательской фирмы. Министерство пошло навстрѣчу предложенію, мотивируя это тѣмъ, что оно „заинтересовано въ изданіи хорошихъ учебниковъ“. Для предварительнаго разсмотрѣнія подлежащихъ изданію учебниковъ образованъ издательскій комитетъ. Въ составъ комитета входятъ бар. Таубе, Радловъ, Семека. Авторамъ учебниковъ предложено представлять свои книги въ этотъ комитетъ. Комитетъ входитъ въ соглашеніе съ одной изъ московскихъ фирмъ, издающихъ учебники. По полученнымъ затѣмъ свѣдѣніямъ, эта фирма—книгоиздательство И. Д. Сытина“.

И. Д. Сытинъ, по его заявленію въ „Русскомъ Словѣ“, „рѣшилъ испытать новый путь: открыто толкнуться въ замкнутую дверь правительственнаго одобренія и спросить по существу, чего же, наконецъ, отъ учебниковъ хотятъ“.

[1]) См. „Русское Слово“, № 20, 1914 г., ст. И. Д. Сытина.

„Открытыми глазами рѣшилъ я,—пишетъ онъ далѣе,—посмотрѣть, можно ли при существующихъ условіяхъ продолжать дѣло проведенія въ школу дешеваго и полезнаго учебника, преслѣдуя тѣ же цѣли, которыя вызвали пять лѣтъ назадъ мой проектъ „Школы и Знанія“.

„Я самъ лично, независимо отъ „Т-ва И. Д. Сытина“, сдѣлалъ шагъ къ тому, чтобы увидѣть, можно ли получать на здоровый и полезный учебникъ открыто одобреніе, не ища помощи для полученія одобренія черезъ какія-либо заднія двери.

„Внѣ мысли о какихъ-нибудь гарантіяхъ и, тѣмъ паче, какой бы то ни было монополіи, я рѣшилъ сдѣлать попытку хоть нѣсколько перестраховать учебникъ отъ той полной неопредѣленности и беззащитности, въ которой онъ находится сейчасъ, разъ онъ не въ рукахъ „монополистовъ“.

„Дорожа нашимъ союзомъ со школой, я полагалъ возможнымъ призвать всѣхъ педагоговъ, обладающихъ опытомъ и знаніемъ, къ сотрудничеству съ нами на пользу школы, надѣясь, что ознакомленіе съ требованіями, предъявляемыми для „одобренія“, только поможетъ имъ въ ихъ работѣ, особенно живущимъ въ провинціи и не имѣющимъ „связей“ въ Петроградѣ.

„Монопольныхъ же авторовъ я надѣялся такимъ путемъ заставить удешевить свои изданія и облегчить бремя налога съ малоимущаго учащагося“. Такъ формулировалъ свои цѣли самъ издатель.

Правленіе Т-ва И. Д. Сытина, въ свою очередь, въ письмѣ въ „Русскія Вѣдомости“ отрицало проектъ монополизаціи изданія учебниковъ Министерствомъ по иниціативѣ фирмы, вступленіе въ составъ издательскаго комитета товарища министра нар. просв. бар. Таубе и самое существованіе такого комитета. Въ частности свое участіе въ новомъ проектѣ организаціи издательства учебниковъ для школы Товарищество И. Д. Сытина объясняло слѣдующимъ образомъ: „Въ силу закона при Министерствѣ Народнаго Просвѣщенія существуетъ „ученый комитетъ“. Черезъ этотъ комитетъ должны проходить учебники на предметъ ихъ „одобренія“. Часто Комитетъ отказываетъ въ одобреніи въ виду второстепенныхъ и незначительныхъ недостатковъ, которые охотно могутъ быть исправлены авторомъ безъ всякаго ущерба для достоинства и доброкачественности самаго учебника. Эти отказы въ одобреніи по случайнымъ и вполнѣ устранимымъ причинамъ тормозятъ развитіе педагогическаго дѣла и развитіе соревнованія въ области педагогическаго творчества, что въ конечномъ счетѣ ведетъ къ монополіи нѣкоторыхъ издатель-

скихъ фирмъ и отдѣльныхъ авторовъ, однажды попавшихъ въ колею „одобренія“ и застывшихъ на своихъ трафаретныхъ изданіяхъ, чуждыхъ новымъ требованіямъ и теченіямъ въ учебномъ дѣлѣ.

„Въ борьбѣ съ этимъ явленіемъ въ учебномъ дѣлѣ, съ этой истинной монополіей, которая отпугиваетъ многихъ педагоговъ, не рискующихъ вложить свой талантъ и трудъ въ созданіе новыхъ учебниковъ изъ боязни не добиться для нихъ офиціальнаго одобренія, Товарищество И. Д. Сытина рѣшило принять мѣры для своевременнаго ознакомленія съ требованіями Ученаго Комитета.

„Въ этихъ видахъ Товарищество обратилось къ нѣсколькимъ извѣстнымъ педагогамъ, зарекомендовавшимъ себя на учебной почвѣ и хорошо знакомыхъ съ требованіями Ученаго Комитета.

„И эта мѣра, имѣющая своей цѣлью борьбу съ существующей монополіей нѣкоторыхъ издательскихъ фирмъ и авторовъ рекомендованныхъ учебниковъ, по странной ироніи, благодаря искаженію факта, была принята какъ стремленіе Товарищества И. Д. Сытина къ установленію монополіи для его учебниковъ.

„Ни о какой „монополіи“, ни о какой „гарантіи“ со стороны Министерства Народнаго Просвѣщенія нѣтъ и рѣчи. Можно говорить противъ правильности требованій, которыя предъявляетъ „ученый комитетъ“, противъ роли, которую онъ играетъ, противъ самаго существованія Ученаго Комитета,—но до тѣхъ поръ, пока Ученый Комитетъ существуетъ, совершенно естественно желаніе со стороны всякаго издательства выяснять его требованія для себя и для авторовъ“.

Это объясненіе проливаетъ нѣкоторый свѣтъ и на то, что впослѣдствіи г. Радловъ, упоминаемый въ замѣткѣ „Русск. Вѣд.“, печатно призналъ, что онъ и г. Семека „дѣйствительно, вступили въ кооперацію съ фирмой И. Д. Сытина въ новомъ издательскомъ комитетѣ“.

Проектъ организаціи этой коопераціи, повидимому, дѣйствительно былъ, но фактически не состоялся и не вошелъ въ жизнь. Обѣ стороны во-время остановились... И, въ самомъ дѣлѣ, какими бы идейными соображеніями онъ ни диктовался, какъ бы ни казалось заманчивымъ обезпечить снабженіе народной школы хорошими учебниками безъ риска или провала въ ученыхъ комитетахъ, самая идея этой „коопераціи“ въ корнѣ могла разрушить принципъ свободной, хотя бы относительно, конкуренціи издательствъ въ дѣлѣ изданія книгъ. Все дѣло освобожденія учебниковъ отъ личнаго усмотрѣнія отдѣльныхъ рецензентовъ, какъ-никакъ, но могло монополизироваться. Проектированная мѣра не была

общей, объединяющей свободный книжный рынокъ борьбой съ ненормальными внѣшними условіями допущенія книгъ въ школы.

И если Т-во И. Д. Сытина вышло изъ всей этой „исторіи“, въ концѣ-концовъ, съ чистыми руками, если фирма во-время отказалась отъ нея, то это обстоятельство въ годовщину ея пятидесятилѣтняго существованія не лишаетъ ее права сохранить за собой имя фирмы, сдѣлавшей цѣнный вкладъ въ народно-учебную литературу: Т-во И. Д. Сытина не только выпустило массу дѣйствительно хорошихъ и дешевыхъ учебниковъ въ народно-учебную среду, не только умѣло распространяло эту литературу въ широкой массѣ населенія, но и пыталось придать этому дѣлу *организаціонный характеръ*, привлечь къ участію въ немъ лучшія педагогическія, общественныя силы, связать свою работу съ работой городской и земской Россіи.

И. Д. Сытинъ былъ правъ, когда въ 1914 году (25 января) писалъ, что его фирма добивалась „дешевизны и доступности книги при общественномъ довѣріи и поддержкѣ“. Надо пожелать, чтобы вѣрной этой цѣли она осталась и теперь.

Н. Гордонский

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

авторовъ, редакторовъ и переводчиковъ учебниковъ и учебныхъ пособій для народной школы въ изданіяхъ Т-ва И. Д. Сытина [1]).

Алексѣевъ, В., 2*, 4.
Алчевская, Х. Д., 2.
Ампелонскій, Г., 1.
Ананьинъ, В. И., 2*, 3, 4.
Андроновъ, А., 5.
Аникина, И. Е., 6.
Аѳонскій, А. І., 7.

Бартрамъ, Н. Д., ред., 7.
Бачинскій, А. І., пер., 3.
Баштанникъ, А., 2.
Баулина, А. Я., 6 (1912 г.).
Бедринскій, Д., 5*.
Бергъ—ф., Е., 6*.
Бернашевскій, А. Г., 3*, 4, 4*, 7*.
Бернштейнъ, А. Н., ред., 5, ред., 7.
Бобровъ, П., 1.
Боголюбскій, П., 1 (1891 г.).
Богомоловъ, П. Ф., 2*.
Бондаревъ, С. И., 7.
Борель, Э., 3.
Боринъ, Я., 6.
Борисовъ, Ѳ. И., ред., 3*, 4*.
Бородичъ, В., 2, 2*.
Брайковскій, А. А., 2.
Бродскій, А. Л., 4*.
Бронзовъ, В. А., 2.
Бронштейнъ, Н., 6.
Брусянинъ, В. В., 7.
Будановъ, В. П., 4.
Буренинъ, К.*.
Бурзе, Е., 5.
Бѣлоусенко, О., 2.
Бѣлохъ, П. И., 4.
Бэръ, И., 3, 4.
Бэтсъ, Д. 5.

Васильевъ, Г. М., 3*.
Ватагинъ, В., худ., 4.
Вахтеровъ, В. П., ред., 2, 2, 7.
Вахтеровы, В. и Э., 2.
Введенская, Н. Е., пер., 7*.
Величкина-Малютина, В. Н., 2.
Веселовскій, Ю., 4*.
Вейнбергъ, Л. О., 2.
Волковскій, Д. Л., 3, 7., пер., 7, ред., 7.
Волошукъ, свящ., 1 (1909 г.).
Воронецъ, И. А., 1 (1902 г.).
Воронковъ, Н., 2, 4.
Вороновъ, Н., 4*.
Воскобойниковъ, И. И., 2.

[1]) Цифры означаютъ участіе въ томъ или другомъ отдѣлѣ изданій: 1—Законъ Божій; 2—русскій и славянскій языкъ; 3—математика; 4—исторія, географія и естествознаніе; 5—рисованіе, пѣніе, домоводство, ручной трудъ; 6—полезныя занятія, подвижныя игры, школьные праздники, дѣтскій театръ, дѣтскій садъ; 7—педагогика и народное образованіе; *ред.*—редакція; *пер.*—переводъ; *худ.*—художники; *—коллективное сотрудничество; годъ въ скобкахъ—изданіе, вышедшее изъ продажи.

Воскобойниковы, П. и С., 2.
Воскресенская, Е. И., 7*, пер., 7.
Воскресенская, М. Н., 2*.
Воскресенскій, В. А., 2 ред.

Гартвигъ, А., 7.
Гатлихъ, А., 3, ред., 3.
Гауппъ, ред., 7.
Герве, Е. В., ред., 7.
Гершензонъ, М., 7.
Гирке, Г., 5*.
Глаголевъ, А. Н., 3.
Гогунцова-Лягарделль, З. В., 2.
Голиковъ, В. И., 4.
Гольденбергъ, А. И., 7.
Горбунова, М., 5.
Городецкій, Н. Н., ред., 4*, 2*
Грековъ, Ѳ. В., 2, 7.
Грудининъ, А. Ѳ., 2.
Гусаковъ, В. О., 4*.
Гусаковъ, В. О., 2*, 3.

Давидсонъ, А., 5*.
Давыдкинъ, М., 2*, 4.
Даниловъ, Ф. А., 7.
Данненбергъ, А. Р., 7.
Дворниковъ, П., 2*, 4*.
Делекторскій, В. Н., 1.
Демковъ, М. И., 7.
Demoor Jean., 7.
Деркачевъ, И. П., 2 (1892 г.).
Дмитріевъ, А. И., худ., 2.
Дмитріевъ, С. Н., 2*.
Дубенскій, Д., 4.
Дудинъ, В. О., 4*.
Дудышкина, А., 2, 7.
Дунинъ, А., 6.
Дучинскій, Н., 4.
Душечкинъ, Я. И., 2.
Дьяконовъ, П. И., ред., 7.

Егоровъ, Ф. И., 3*.
Ельманова, Е. А., 6*.
Ельцовъ, П. Н., 2*.
Ерлексовъ, С. А., 2*.
Ермиловъ, В. Е., 2, 4, 7.

Житковъ, Б. М., ред., 4, ред., 4*.

Заборскій, А. П., 2, 2*, 3, 4*.
Захаровъ, П. С., худ., 2*.
Звягинцевъ, Е. А., 3*, ред., 3, 4, 4*, 7, 7*.
Зевигъ, Л. Э., 7.
Зиновьева, М. Э., пер., 7.
Золотарева, Л. И., пер., 7.

Ивакина, А. Н., 2*.
Ивановъ, А. И., 2 (1889 г.).
Ивашинцева, М. И., худ., 2*.
Игнатьевъ, Е. И., 3, 6.
Игнатьевъ, В. Е., ред., 7.
Индриксонъ, Ф. Н., 3, 4.
Италинскій, А., 1, 7.

Іогихесъ, М. П., пер., 7.

Казанскій, И. П., 2*.
Казанцевъ, П. Н., 2 (1907 г.).
Канель, В. Я., 4.
Капелькинъ, В., 4.
Карась, Я., 4.
Касаткинъ, Н., 2, 2*, ред., 4*, 5.
Кашкаровъ, Д. Н., 4*.
Кайданова, О. В., 7.
Кемницъ, С. А., 6.
Кергомаръ, П., 6.

Кершенштейнеръ, Г., 5, 7.
Кетчеръ, Л. М., 7.
Кирилловъ, А. П., 3 (1890 г.).
Кирьяковъ, В. В., 7.
Кондратьевъ, И. К., 6.
Коптевъ, В., свящ., 2 (1907 г.).
Корбэ, Ѳ., 4 (1894 г.).
Корзуновъ, П. Т., 2.
Корольковъ, А. Е., 2*.
Коротневъ, Н. И., 4.
Костинъ, И. Т., 2, 7.
Койранскій, Г. А., пер., 7*.
Краснушкинъ, пер., 4*.
Крестовъ, В. К., 2*, ред., 2*, ред., 4*.
Кротковъ, К. А., 3*.
Крюковъ, Н. А., 6.
Кузьминъ, В. С., 2 (1909 г.).
Кулагинъ, Н. М., ред., 4.
Купріяновъ, В. Н., 3.
Кэй, Э., 7.

Лавровъ, Г. Д., 4.
Лавровъ, Н. И., 3, ред., 3, ред., 4*.
Ладыженскій, Л. Н., 7.
Лампрехтъ, К., ред., 5.
Лай, В. А., 7.
Лебедевъ, А. П., 2, 7.
Лебедевъ, Кл. В., худ., 1, худ., 4.
Левенштейнъ, Л. А., 5.
Левитинъ, С. А., пер., 5.
Левитскій, А. П., 4.
Литвиненко, К. А., 2.
Литвиненко, П. Е., 2.
Лопырева, М. П., 7*, 2*.
Лубенецъ, П. Г., 3 (1907 г.).
Лукашевичъ, К. В., 2, 6.
Львова, М. А., 1 (1904 г.).
Львовъ, В. Н., 4.
Львовъ, І., 2.
Любимовъ, Н. А., свящ., 1, ред., 1.

Мазовъ, Н., 6.
Макаровъ, Г., 2*, 3.
Малининъ, А., 3, 3*.
Мартель, Ф., 3, 7.
Масловъ, А., 5.
Меморскій, 3.
Миловидовъ, П. Н., 2 (1907 г.).
Мирова, М., 4.
Миролюбовъ, А. П., 1.
Миронова, А. Г., 2*.
Мироновъ, Н., 2.
Мироносицкій, П. П., 2, пер., 5, 7.
Мирскій, И., 3.
Михайловъ, И. Н., 4.
Моравовъ, А. В., худ., 4.
Моравскій, С. П., ред., 4.
Мориджи, 7.
Морозовъ, А. А., 2, 2*
Моррисонъ, Д., 4.
Мюнхъ, В., 7.

Назаровъ, М. И., 2*.
Назимовъ, С. И., 4*, 6*.
Насимовичъ, А., 2*, 4*.
Нечаевъ, А. П., пер., 4, ред., 4, 6*.
Нейваненко, С. Т., 7.
Никитинъ, А. И., 3.
Носовъ, П. Г., 1*.

Огневъ, И. Ф., 4.
Огневъ, С. И., 4.
Озаровская, О. Э., 7.
Оппенгеймъ, Н., 7.
Орловскій, С., 7.
Орловъ, В. П., 2, 2*.

Орловъ, Г. Н., 1, 2.
Островская, М. П., 2.
Острогорскій, В. П., 7, 7*.

Павловъ, А. П., 4.
Пановъ, В. Н., 2*, 5, 7*.
Певзнеръ, Р., пер., 7.
Пеллико, С., 7.
Перли, А. П., 2.
Петровъ, А. М., худ., 2*.
Петровъ, К. Ф., 2.
Петровъ, Н. Ф., худ., 4.
Перфильева, В. П., 2 (1904 г.).
Пластининъ, А. П., 7.
Побѣдинскій, И. П., 2.
Полозова, 2* (1892 г.).
Поммеръ, Л., 2*.
Поручиковъ, Д. В., 2 (1912 г.).
Поспѣловъ, Н. И., 4 (1900 г.).
Потоцкая, Л., 2*.
Преображенская, М., 2 (1888 г.).
Присманъ, И. М., пер., 7*.
Протопоповъ, И., діак., 1 (1893 г.).
Пуарсонъ, С., 7.
Пшеничниковъ, А., 1.

Рабиновичъ, С. А., пер., 7*.
Ревеліоти, В. Д., 4, (1907 г.).
Ридъ, Е. М., 3*.
Роговъ, Г., 7.
Розановъ, Д., 4.
Розановъ, Н., 1.
Россолимо, Г. И., ред., 7.
Ройтманъ, Д., пер., 4.
Рыбаковъ, А. С., 1*.
Рыбаковъ, Ѳ. Е., 7.

Салтыкова, М. Н., 7.
Сапожникова, Е. В., 5.
Сатаровъ, В. Н., 2, 3*, 4*, 5.
Сатаровы, А. и В., 2, 3.
Сахаровъ, И. П., 2, ред., 2, 3*, 4, 7.
Селезневъ, И., 2*, 3, 4*.
Селецкій, С., 5*.
Семеновъ, Г., 1.
Семеновъ, Д. Д., 7*.
Семеновъ, М. С., 2, 2*, ред., 2*, 4*.
Сенатовъ, В., 2*.
Симоновичъ, А. С., 6.
Симоновъ, А., 2*, 3.
Синицкій, Л. Д., пер., 7.
Сковорода, Е., 6.
Смирновъ, В. Ф., свящ., 1.
Смирновъ, В. Я., 7.
Смирновъ, Е. И., 3, 6.
Сабанѣевъ, Е. А., 5.
Соколовъ, А. Ф., ред., 4.
Соколовъ, Н. П., 2, 3*, 7*.
Соколовъ, Н. М., 3, 7*.
Соколовъ, Н. И., 2*.
Солерсъ, А. И., пер., 7.
Соловьева, Е. Е., 2, 2*, 7*.
Соловьева, П., 6.
Соловьевъ-Несмѣловъ, Н. А., 6.
Сольдинъ, А. А., ред., 4*.
Сосенковъ, И. М., 2 (1908 г.).
Спасскій, В. В., 2*.
Старосивильскій, С., 2.
Станчинскій, В. А., 4*.
Стеблевъ, А. П., ред., 2, 4*.
Стражевъ, В. И., 2*.
Ступина, Л. А., 2* (1909 г.).
Strohmayer., 7.

Таннери, Ж., 3.
Тернавцевъ, В. А., 2.
Тизенгаузенъ, Б., 7.

Тимонова, А. И., 2*.
Тихѣевы, Е. П. и Л. П., 2*, 7*.
Толстовъ, А. С., 2*, 4*.
Толстой, Л. Н., 2, 3.
Трошинскій, М. А., 2 (1913 г.).
Трушковская, В., 6*.
Трояновскій, И. И., 4, 7.
Тулуповъ, Н. В., 2, 2*, 4*, 7, 7*.
Тумимъ, Г. Г., 2, 6, 7*.

Улановъ, В., 4*, 7.
Ульяновъ, А., 6.
Успенскій, Н. Е., діак., 1 (1909 г.).
Успенскій, С., 1.
Устиновъ, 2* (1892 г.).
Ушаковъ, А. Н., 6 (1889 г.).
Уэнтуортъ, Г. А., 3*.

Фальборкъ, Г. А., 7.
Фалѣевъ, Н. П., 7.
Фиделли, Н., 6.
Филитисъ, Н. С., 6 (1909 г.).
Фокинъ, Н. М., худ., 4.

Хавкина, Л. Б., 7.

Цингеръ, А. В., 4.

Чаевъ, Н., 6.
Чарнолускій, В., 7.
Чернышовъ, Н., 2*, 3.
Чеховъ, Н. В., 6, ред., 6, 7.
Чижовъ, Е. И., ред., 4.
Чукаевъ, Н., 2*, 3.
Чумаченко, А., 6.

Шапиро, Э. А., пер., 7*.
Шапошниковъ, И. Н., 2.
Шахтуринъ, 2* (1892 г.).
Швецовъ, 4*.
Швецовъ, К. Н., 1*.
Шереметевскій, В. П., 7.
Шестаковъ, П. М., 2*., 4*, 7*.
Шоринъ, М. И. (Обуховъ, М. И.), 2, 3.
Шохоръ-Троцкій, С. И., 3, 7.
Штеклинъ, І., 3, 7.
Шубертъ, А., пер., 7.

Юнгъ, Г. Ч., 3*.
Юнгъ, У. Г., 3*.
Юрасовъ, пер., 7.
Юрьевъ, П. В., 2.

Якубовскій, Н., 5.
Яцко, И. В., 4*, 6*.

Ѳедоровъ, В., 5.
Ѳедоровъ-Давыдовъ, А., 6.
Ѳивейскій, М., 1.

Будущій историкъ Харькова отмѣтитъ, что не славился нашъ городъ красотою мѣстоположенія, не могъ похвалиться ни памятниками древности, ни произведеніями искусства, но зато чѣмъ онъ богатъ былъ — это общественнымъ духомъ!...“ Такъ говорилъ на юбилеѣ Харьковской Общественной библіотеки одинъ изъ мѣстныхъ гражданъ, и его слова даютъ вѣрную оцѣнку той крупной силѣ, которая, поддерживая частную иниціативу, создала въ Харьковѣ, особенно въ области народнаго образованія, рядъ учрежденій, сдѣлавшихся извѣстными на всю Россію.

Здѣсь — старѣйшая и наиболѣе выдающаяся изъ нынѣшнихъ воскресныхъ школъ, во главѣ которой стоитъ ея учредительница Х. Д. Алчевская, неутомимо работающая на благо просвѣщенія уже пятьдесятъ четыре года. Здѣсь — Общественная библіотека, едва насчитывающая тридцать лѣтъ, а по интенсивной дѣятельности далеко опередившая всѣ русскія библіотеки. Здѣсь — отлично поставленное Общество Грамотности, которое за свое почти полувѣковое существованіе широко развернуло разнообразныя просвѣтительныя учрежденія и, между прочимъ, создало одинъ изъ первыхъ по времени и крупнѣйшихъ Народныхъ домовъ. Здѣсь — Курсы для рабочихъ, Домъ рабочихъ и мн. др. Нельзя также обойти молчаніемъ Высшіе Женскіе курсы, созданные молодымъ еще Обществомъ Трудящихся женщинъ, и Женскій Медицинскій институтъ, созданный Медицинскимъ Обществомъ.

Для этихъ многочисленныхъ учрежденій харьковское общество всегда выдвигало цѣлую армію идейныхъ работниковъ, а многія изъ нихъ могли существовать и окрѣпнуть исключительно благодаря безвозмездному труду интеллигентной молодежи, которая съ увлеченіемъ несла свои силы на алтарь просвѣщенія. Создавалось даже нѣчто въ родѣ „школы общественныхъ дѣятелей". Когда возникало новое учрежденіе, то первыхъ сотрудниковъ старались вербовать изъ кружка Х. Д. Алчевской или другого сплоченнаго кружка: это была своего рода „марка" дѣятельности.

Руководителями молодежи были люди болѣе солиднаго возраста — профессора всѣхъ имѣвшихся въ городѣ высшихъ учебныхъ заведеній, лица свободныхъ профессій и т. д., несшіе на общественное дѣло свои досуги, свои большія знанія и опытъ, увлекавшіе за собою молодежь своимъ яркимъ примѣромъ, своей неутомимой энергіей, своимъ энтузіазмомъ и оптимизмомъ Въ ихъ числѣ были крупные представители науки, какъ академикъ Н. Н. Бекетовъ, акад. Д. Н. Овсянико-Куликовскій, профессора: А. Н. Стояновъ, В. Я. Данилевскій, Е. К. Рѣдинъ, В. Ѳ. Тимоѳеевъ, А. И. Красновъ и др. Они вносили въ просвѣтительную работу научное обоснованіе и научные методы и этому же учили молодежь, что составляло ихъ огромную заслугу. Укажу хотя бы такой примѣръ: въ прошломъ году, когда у насъ повсемѣстно широкой волной поднялся интересъ къ Народнымъ домамъ, вся Россія схватилась за брошюру профессора В. Я. Данилевскаго: „Народный домъ и его просвѣтительное значеніе", и 2-е изданіе ея разошлось въ нѣсколько мѣсяцевъ. А эта брошюра—докладъ, сдѣланный за 14 лѣтъ передъ тѣмъ въ Харьковскомъ Обществѣ Грамотности, гдѣ авторъ, извѣстный физіологъ, съ присущимъ ему талантомъ излагалъ научныя основы разумныхъ развлеченій, и въ свое время положенія этого доклада осуществлены были устройствомъ въ Харьковѣ Народнаго дома. Нѣкоторые изъ харьковскихъ ученыхъ, которые были лидерами общественной дѣятельности и піонерами новыхъ учрежденій, впослѣдствіи проявили себя, какъ видные государственные дѣятели, напр.: проф. Д. И. Багалѣй, проф. Е. Л. Зубашовъ, проф. И. А. Гредескулъ, Н. Н. Познанскій, Н. Н. Миклашевскій.

Харьковскія просвѣтительныя учрежденія пріобрѣли извѣстность своей постановкой дѣла; ихъ пріѣзжали изучать и осматривать, ихъ принимали за образецъ при организаціи аналогичныхъ начинаній въ другихъ мѣстахъ Россіи. Этимъ ихъ извѣстность не ограничивалась: ее

укрѣпили коллективные литературные труды харьковскихъ общественныхъ дѣятелей.

Первымъ изъ такихъ коллективныхъ трудовъ была книга „Что читать народу", созданная по иниціативѣ Х. Д. Алчевской и при ея ближайшемъ участіи кружкомъ учительницъ ея воскресной школы. Этотъ критическій указатель, вышедшій въ концѣ восьмидесятыхъ годовъ въ двухъ компактныхъ томахъ, сыгралъ огромную роль. То было время, когда на читателя изъ народа смотрѣли какъ на взрослаго ребенка, когда сложился нынѣ звучащій анахронизмомъ терминъ „Дѣтская и народная литература", когда считали нужнымъ писать для народа особыя книжки особымъ искусственнымъ языкомъ. Указатель намѣтилъ себѣ задачей отвѣтить на вопросъ, поставленный въ его заглавіи, и отвѣтъ былъ тотъ, что народъ тонко понимаетъ и цѣнитъ произведенія общей художественной литературы, а также научно-популярныя книжки, написанныя просто и понятно, безъ всякой „поддѣлки" подъ народный говоръ и дѣтскаго „сюсюканія", которое многими считалось необходимымъ элементомъ „народной" книжки. Для полученія этого отвѣта собранъ былъ обширнѣйшій матеріалъ, добытый путемъ *экспериментальнаго метода*. Каждая книга провѣрялась въ городской и въ сельской средѣ и изъ полученныхъ данныхъ дѣлалась сводка.

Въ настоящее время истина, что народу доступны такія же книги, какъ и „чистой публикѣ", вошла въ общественное сознаніе и въ доказательствахъ едва ли нуждается. Критическому указателю „Что читать народу", вызвавшему переломъ въ общественныхъ взглядахъ на этотъ вопросъ, исторія отведетъ почетное мѣсто. Однако, съ установленіемъ новой точки зрѣнія на литературу для народа, роль указателя „Что читать народу" не окончилась. Въ послѣдніе годы жизнь властно выдвинула на очередь вопросы книжнаго вліянія и связанную съ ними „индивидуализацію" чтенія. Чтобы выяснить, какія книги подходятъ для того или иного типа читателей, для города или села, для мужчинъ или женщинъ, для стариковъ или молодежи и т. д., примѣняется тотъ же экспериментальный методъ, которымъ составительницы „Указателя" пользовались для другой цѣли, и руководители чтенія, работники книжнаго и библіотечнаго дѣла и педагоги до сихъ поръ находятъ въ „Что читать народу" очень цѣнный матеріалъ.

Первые два тома „Что читать народу" изданы были на счетъ Х. Д. Алчевской, но ко времени составленія третьяго тома, въ началѣ девятисотыхъ годовъ, ея матеріальныя обстоятельства настолько измѣнились,

что она не могла взять на себя расходовъ по изданію. Въ Харьковѣ нѣтъ ни одной крупной издательской фирмы, и возможно, что вся обширная работа по третьему тому „Что читать народу“ осталась бы подъ спудомъ, если бы для нея не нашлось столичнаго издателя. Этимъ издателемъ явилось Т-во И. Д. Сытина, которое не только дало русскимъ читателямъ третій томъ Указателя, но вдобавокъ издало эту объемистую книгу очень дешево (1 р. 75 к.), вслѣдствіе чего она стала доступной для болѣе широкихъ круговъ.

Второй коллективный литературный трудъ также вышелъ изъ воскресной школы Х. Д. Алчевской. Почти одновременно въ воскресныхъ школахъ нѣсколькихъ городовъ возникла мысль о составленіи спеціальной книги для обученія взрослыхъ, такъ какъ во всѣхъ существовавшихъ классныхъ книгахъ для чтенія матеріалъ приноровленъ былъ къ уровню дѣтскаго пониманія. Кто изъ преподавателей не чувствовалъ неловкости, когда со взрослыми, усвоившими алфавитъ, приходилось читать: „Пѣтушокъ, пѣтушокъ, золотой гребешокъ“ или другія статейки изъ Ушинскаго, Баранова, Водовозова? И совершенно естественно, что за осуществленіе хрестоматіи для взрослыхъ взялась та же харьковская школа, которая доказала въ „Что читать народу“, что не дѣтская книжка нужна взрослому читателю, хотя бы и малограмотному.

Рѣшивъ взяться за этотъ трудъ, дѣятели школы Х. Д. Алчевской нашли необходимымъ, во-первыхъ, сдѣлать его коллективнымъ, а не поручать составленія книги какому-нибудь одному лицу, во-вторыхъ, привлечь къ нему участниковъ разныхъ воскресныхъ школъ и спеціалистовъ по разнымъ отраслямъ знанія. Х. Д. Алчевская была не только иниціаторомъ, но и душою дѣла. Со свойственнымъ ей даромъ объединять людей, она сплотила многолюдную „комиссію по составленію Книги взрослыхъ“, въ которую вошли, съ одной стороны, практики, преподавательницы и преподаватели воскресныхъ школъ, съ другой — люди со спеціальной научной подготовкой. Это сочетаніе обезпечивало будущей книгѣ и научность и въ то же время доступность изложенія. Въ одномъ человѣкѣ трудно встрѣтить и ученаго, и искуснаго популяризатора, и тонкаго педагога, но путемъ раздѣленія труда удавалось получить всѣ эти элементы. Ученые вырабатывали планъ дѣловыхъ статей и указывали источники, статьи составлялись лицами, опытными въ популяризаціи, затѣмъ читались и критиковались въ засѣданіяхъ комиссіи, а если возбуждали какія-либо сомнѣнія, то провѣрялись въ школѣ.

Взглядъ комиссіи на цѣль составляемой книги формулированъ былъ слѣдующимъ образомъ: „Общею ея цѣлью должно быть подготовленіе учащихся къ самостоятельному ученію по оставленіи школы, поэтому книга должна ввести ученика въ кругъ понятій, необходимыхъ для пониманія книгъ по возможности всѣхъ отраслей знанія. Подобная книга не можетъ заключать въ себѣ систематическаго курса ни одного изъ учебныхъ предметовъ, но она необходимо должна дать статьи, въ которыхъ были бы изложены основныя понятія о предметѣ, указана суть

Харьковская воскресная школа.

того, что надо знать начинающему читателю. Статьи эти должны возбудить интересъ къ предмету и любознательность учащихся. Другою цѣлью книги является нравственное развитіе учащихся". Хотя обѣ эти цѣли могли преслѣдоваться параллельно во всѣхъ отдѣлахъ книги, но для второй цѣли больше простора давали отдѣлы историческій, біографическій и особенно литературный, тогда какъ отдѣлы естественныхъ наукъ представляли обширное поле для сообщенія знаній. Комиссія признала желательнымъ ввести въ книгу слѣдующіе отдѣлы: религіозно-нравственный, церковно-славянскій, литературный, историческій, біографическій, затѣмъ—географію, зоологію, ботанику, физику, химію, технологію и азбуку законовѣдѣнія. Всѣ эти начатки знаній, конечно, должны были приспособляться къ тому ограниченному учебному времени, которымъ

располагаетъ воскресная школа. Книга разсчитана была на три года преподаванія, при чемъ для каждаго года давалось почти вдвое больше статей, чѣмъ можно прочитать за это время въ классѣ, для того, чтобы преподаватели имѣли просторъ выбора. По числу лѣтъ преподаванія книга распадалась на три части; въ первой—статьи должны были быть очень короткія, написанныя простымъ слогомъ, во второй—болѣе пространныя и въ третьей — онѣ могли уже доходить до четырехъ-пяти страницъ.

Кромѣ литературнаго отдѣла, для котораго выбирались законченные отрывки изъ художественныхъ произведеній, а по возможности и цѣлыя небольшія произведенія, всѣ статьи были написаны спеціально для „Книги взрослыхъ". Работа по составленію книги длилась шесть лѣтъ, съ 1893 по 1899 г., и это вполнѣ понятно при ея огромности и при томъ методѣ строгой фильтраціи и тщательной критики, который былъ принятъ комиссіей. Иная статья подвергалась исправленіямъ и измѣненіямъ и возвращалась въ комиссію 3—4 раза. Много предложенныхъ для книги статей и литературныхъ отрывковъ было забраковано, но вѣдь трудъ по ихъ разсмотрѣнію тоже потребовалъ большой затраты времени. Достаточно сказать, что для книги принято было 457 статей и отвергнуто 520, т.-е. разсмотрѣно и подвергнуто критикѣ было 977 статей.

Въ комиссіи состояло 84 члена, изъ которыхъ 46 лицъ принимали участіе въ составленіи статей. Кромѣ харьковскихъ авторовъ, было также нѣсколько иногороднихъ. Помимо общей комиссіи, гдѣ рѣшались принципіальные вопросы и окончательному разсмотрѣнію подвергался каждый уже готовый отдѣлъ книги, существовало пять подкомиссій по различнымъ отдѣламъ. Количество совмѣстной работы характеризуется слѣдующими цифровыми данными: всѣхъ засѣданій было 176, изъ нихъ 23 засѣданія общей комиссіи и 153—подкомиссій. Засѣданія происходили въ квартирѣ Х. Д. Алчевской, которая, предоставивъ свой гостепріимный кровъ для этой цѣли, много содѣйствовала успѣшности работъ. Предсѣдателемъ общей комиссіи и исторической подкомиссіи былъ проф. Д. И. Багалѣй, состоявшій въ то время также предсѣдателемъ издательскаго комитета Харьковскаго Общества Грамотности и предсѣдателемъ правленія Харьковской Общественной библіотеки, которая особенно много обязана была ему своимъ расцвѣтомъ. Предсѣдателями остальныхъ четырехъ подкомиссій состояли: Х. Д. Алчевская, проф. А. Н. Красновъ, проф. В. Я. Данилевскій и проф. А. И. Шимковъ.

Когда весь матеріалъ былъ проведенъ черезъ общую комиссію, книга подверглась еще просмотру редакціонной комиссіи изъ трехъ лицъ, которой пришлось согласовать статьи, написанныя различными авторами, опустить повторенія, заполнить пропуски, проредактировать статьи со стороны изложенія и размѣстить ихъ. Огромный трудъ выпалъ на долю секретаря всѣхъ засѣданій какъ общей комиссіи, такъ и подкомиссій, М. Н. Салтыковой (нынѣ Коневой). Она также входила въ составъ редакціонной комиссіи; ею же составлено руководство „О Книгѣ взрослыхъ", въ которомъ подробно говорится, какъ примѣнять „Книгу взрослыхъ" въ воскресной школѣ, дается перечень наглядныхъ пособій къ каждому отдѣлу, руководствъ для преподающихъ, книгъ для домашняго чтенія учащихся и въ отдѣльной главѣ приводится отчетъ о томъ, какъ составлялась „Книга взрослыхъ".

Если цифры могутъ дать понятіе о громадности работы по составленію „Книги взрослыхъ", то онѣ не въ силахъ передать того настроенія, которое одушевляло членовъ комиссіи, и о немъ мнѣ, какъ участницѣ этихъ работъ, хочется сказать нѣсколько словъ. Настроеніе было удивительно бодрое, и хотя составленіе книги затянулось дольше, чѣмъ ожидали, но на засѣданіяхъ не замѣчалось никакихъ признаковъ утомленія или охлажденія. Поддержанію этой бодрости, вѣроятно, немало способствовалъ энтузіазмъ самой Христины Даниловны и ея главныхъ сотрудниковъ, и, какъ всегда бываетъ при бодромъ настроеніи, работа спорилась. Отмѣчу еще одну черту: внимательное отношеніе къ товарищеской критикѣ, чуждое мелочнаго самолюбія. Я не помню, чтобы когда-либо авторъ отказался передѣлывать свою статью, сколько бы разъ это ни потребовалось, или обидѣлся, если его статья была отвергнута. И одинаково добродушно маститый профессоръ физики выслушивалъ отзывъ молодой учительницы, провѣрявшей въ школѣ его статью о свѣтѣ, которая оказалась слишкомъ сухой и трудной, и какая-нибудь скромная сотрудница, неудачно скомпилировавшая статью, выслушивала замѣчанія спеціалистовъ о научныхъ ошибкахъ въ ней.

Отношеніе другихъ харьковскихъ просвѣтительныхъ учрежденій къ комиссіи по составленію „Книги взрослыхъ" было наилучшее: она вездѣ встрѣчала готовность снабдить ее необходимыми указаніями, совѣтами, пособіями. Общественная библіотека безвозмездно предоставила въ ея распоряженіе источники для работъ и оттуда въ квартиру Х. Д. Алчевской на подводѣ привезено было нѣсколько сотъ книгъ.

Но вотъ, наконецъ, закончена была большая работа, имѣвшая общественное значеніе. Вѣдь книга для чтенія въ воскресной школѣ является какъ бы центромъ всего преподаванія, съ нею тѣсно связана сумма знаній, которыя желательно передать учащемуся, взглядовъ, которые желательно развить въ немъ, чувствъ, которыя желательно въ немъ пробудить. Въ силу этого первое появленіе книги, предназначенной для взрослыхъ учащихся, являлось своего рода событіемъ, и важно было, чтобы книга издана была хорошо, съ достаточнымъ числомъ рисунковъ, и чтобы цѣна ея была доступна.

Фирма И. Д. Сытина прекрасно исполнила эту задачу: книга была напечатана хорошимъ четкимъ шрифтомъ, съ массою рисунковъ. Но что особенно достойно вниманія, это—сочувственное отношеніе издательства къ учрежденію, изъ нѣдръ котораго вышла „Книга взрослыхъ", къ харьковской воскресной школѣ. И. Д. Сытинъ предоставилъ школѣ чрезвычайно льготныя условія: школа сама назначала продажную цѣну книги (конечно, самую доступную) и получала въ свою пользу всю прибыль отъ изданія, за вычетомъ лишь десяти процентовъ.

„Книга взрослыхъ" сразу получила широкое примѣненіе во всѣхъ школахъ (воскресныхъ, вечернихъ и др.), гдѣ обучаются взрослые. При тѣхъ ея достоинствахъ, которыя были отмѣчены критикою, неудивительно, что она уже выдержала много изданій (1-я часть—16, 2-я—11, 3-я—9) въ количествѣ не менѣе десяти тыс. экз. каждое. Доходъ школы отъ изданія „Книги взрослыхъ" по настоящее время выразился почтенной суммой — тридцать три тысячи рублей, часть которой, впрочемъ, истрачена была на экстренныя нужды школы. Но и оставшійся капиталъ настолько солиденъ, что обезпечиваетъ школѣ существованіе. Это дало возможность создать „Попечительный Комитетъ о нуждахъ Харьковской воскресной школы" и тѣмъ самымъ упрочить дѣло. Такимъ образомъ огромный трудъ, благодаря издательству И. Д. Сытина, претворился въ капиталъ, навсегда обезпечившій то просвѣтительное учрежденіе, гдѣ этотъ трудъ былъ созданъ.

Значеніе этого обезпеченія будетъ еще понятнѣе, если добавить, что въ харьковскихъ просвѣтительныхъ учрежденіяхъ масса энергіи уходитъ на изысканіе средствъ. Правда, многія изъ этихъ учрежденій обзавелись собственными домами, для постройки которыхъ путемъ настойчивыхъ усилій собраны были пожертвованія. Постройки велись хозяйственнымъ образомъ при непосредственномъ участіи общественныхъ дѣятелей. Зачастую рабочіе предлагали безвозмездно работать по празд-

никамъ на такихъ постройкахъ, чтобы съ своей стороны оказать поддержку просвѣтительнымъ учрежденіямъ, которыя обслуживали ихъ самихъ или ихъ дѣтей. Городское управленіе, по мѣрѣ средствъ, всегда назначаетъ субсидіи на просвѣтительныя цѣли. Жители тоже несутъ свою лепту, подчасъ весьма трогательную. Такъ, напротивъ одной изъ безплатныхъ читаленъ жилъ *неграмотный* сапожникъ, который каждый вечеръ приходилъ въ читальню и просиживалъ часами, глядя съ умиленіемъ, какъ другіе читаютъ. Въ своемъ завѣщаніи онъ отказалъ читальнѣ О-ва Грамотности принадлежавшій ему участокъ земли. Наслѣдники стали оспаривать завѣщаніе, но процессъ былъ выигранъ читальней во всѣхъ инстанціяхъ. И все-таки частныя пожертвованія лишь капля въ морѣ, а на текущія нужды во всѣхъ харьковскихъ просвѣтительныхъ учрежденіяхъ чувствуется недохватка и восполнять ее приходится сборами съ благотворительныхъ концертовъ, лекцій, вечеровъ и проч. Вотъ почему вдвойнѣ приходится порадоваться, когда какое-нибудь хорошее дѣло пріобрѣтаетъ постоянное обезпеченіе и перестаетъ зависѣть отъ случайныхъ ненадежныхъ поступленій.

Логической надстройкой „Книги взрослыхъ" явился третій большой коллективный трудъ харьковскихъ общественныхъ дѣятелей—„Народная энциклопедія научныхъ и прикладныхъ знаній". Если „Книга взрослыхъ", какъ уже упоминалось выше, предназначена была „подготовлять учащихся къ самостоятельному ученію", то „Народная энциклопедія" шла дальше: она являлась солиднымъ пособіемъ для самообразованія и давала въ интересномъ популярномъ изложеніи и притомъ въ строго-научномъ освѣщеніи, полный кругъ знанія, включая въ него какъ чистыя, такъ и прикладныя науки. Отъ обычнаго типа энциклопедій она должна была отличаться формой и расположеніемъ матеріала не по алфавиту, а по отдѣламъ; въ зависимости отъ этого и статьи предполагались болѣе или менѣе пространныя и законченныя.

Иниціаторомъ „Народной энциклопедіи" былъ одинъ изъ энергичныхъ участниковъ комиссіи по „Книгѣ взрослыхъ", проф. В. Я. Данилевскій, почетный членъ и въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ предсѣдатель Харьковскаго Общества Грамотности, одинъ изъ организаторовъ и первый директоръ Харьковскаго Женскаго Медицинскаго Института. Уже до этого онъ не разъ проявлялъ свою богатую иниціативу: по его замыслу устроена была первая безплатная народная библіотека-читальня Общества Грамотности, гдѣ онъ рядъ лѣтъ былъ предсѣдателемъ комитета; по его замыслу изъ кружка, работавшаго въ этой читальнѣ, выдѣ-

лился особый комитетъ сельскихъ библіотекъ, организовавшій въ Харьковской губерніи свыше четырехсотъ сельскихъ библіотекъ; наконецъ, В. Я. Данилевскому принадлежала идея устройства въ Харьковѣ Народнаго дома. Свой проектъ составленія „Народной энциклопедіи“ онъ внесъ въ то же Общество Грамотности, которое отнеслось къ нему весьма сочувственно. Образовалась при Обществѣ особая комиссія. Выработанъ былъ планъ и общіе принципы работы. Затѣмъ на очередь всталъ вопросъ о сотрудникахъ и издателѣ. Первоначально имѣлось въ виду составлять статьи безплатнымъ трудомъ, какъ и для „Книги взрослыхъ“, но здѣсь предстояла работа гораздо болѣе сложная, которая требовала спеціалистовъ и опытныхъ литераторовъ. Трудно было разсчитывать, чтобы всѣ необходимыя статьи нашли для себя авторовъ, которые согласились бы работать безвозмездно. Указывалось также, что многіе авторы, которыхъ желательно было бы привлечь,—профессіональные литературные работники, и было бы несправедливо требовать отъ нихъ безплатнаго сотрудничества въ изданіи, которое, какъ показалъ опытъ „Книги взрослыхъ“, можетъ приносить доходъ.

Во всякомъ случаѣ съ оплатою или безъ оплаты авторскаго труда, работы по „Народной энциклопедіи“ не могли начаться, пока не выяснится, кто и какъ будетъ ее издавать. Для такого монументальнаго труда требовались не только большія средства, которыми Общество Грамотности не располагало, но и хорошая организація распространенія книгъ.

Это было въ 1907 году. Я находилась въ то время въ Москвѣ и получила письмо отъ В. Я. Данилевскаго, въ которомъ онъ просилъ меня привлечь нѣкоторыхъ сотрудниковъ и „поискать“ издателя для „Народной энциклопедіи“. Мнѣ казалось естественнымъ, что нужно обратиться не къ кому иному, какъ къ издательству И. Д. Сытина, которое уже издало два коллективныхъ труда харьковскихъ общественныхъ дѣятелей. Хотя я сама нѣсколько лѣтъ уже сотрудничала въ фирмѣ Т-ва Сытина и была достаточно хорошо знакома съ Иваномъ Дмитріевичемъ, но прежде чѣмъ лично вступить въ переговоры по такому серьезному дѣлу, я просила общаго знакомаго, одного уважаемаго московскаго педагога, посвятить И. Д. въ сущность проекта „Народной энциклопедіи“. Когда я поѣхала къ нему, то ожидала, что придется встрѣтить колебанія, можетъ-быть, даже скептическое отношеніе. И велико было мое изумленіе: чуть ли не съ первыхъ словъ Иванъ Дмитріевичъ прервалъ меня и сказалъ: „Знаю, знаю, дѣло хорошее; напишите имъ, что я согласенъ“. Это согласіе И. Д. взять на себя изданіе, которое будетъ стоить болѣе ста

тысячъ рублей, привело меня въ такой восторгъ, что я тотчасъ же протелеграфировала радостное извѣстіе въ Харьковъ. Вскорѣ пріѣхалъ В. Я. Данилевскій заключить договоръ, который предоставлялъ Харьковскому Обществу Грамотности такъ же, какъ и воскресной школѣ, льготныя условія.

Началась работа, которая затянулась на 5—6 лѣтъ, такъ какъ „Народная энциклопедія“ составила 21 большую книгу. Въ Харьковѣ находилась комиссія по составленію „Н. э.“ и редакторы ея отдѣловъ. Общая редакція принадлежала В. Я. Данилевскому. Среди сотрудниковъ было много иногороднихъ. Коллективными силами снова созданъ былъ трудъ, имѣющій громадное просвѣтительное и общественное значеніе. Т-во И. Д. Сытина позаботилось о томъ, чтобы придать изданію привлекательную внѣшность; всѣ томы снабжены хорошими рисунками, а нѣкоторые (напр., по исторіи искусствъ) даже рисунками въ краскахъ. Рѣшено было послѣ выхода всей энциклопедіи выпустить еще сокращенное ея изданіе, и въ этомъ смыслѣ отъ имени Харьковскаго Общества Грамотности заключенъ новый договоръ. Однако, съ обоюднаго согласія сторонъ, эта работа отложена до окончанія войны.

Такое сложное дѣло, какъ составленіе многотомной „Народной энциклопедіи“, потребовало особой канцеляріи, которая устроена была при комиссіи. Расходы по ея содержанію ежемѣсячными взносами оплачивало Т-во И. Д. Сытина. Оно же присылало въ комиссію полистный гонораръ для распредѣленія между авторами и редакторами. Въ кассу комиссіи поступала также выручка отъ извѣстнаго числа экземпляровъ каждой книги „Народной энциклопедіи“, которое согласно договору, безвозмездно предоставлялось комиссіи. Въ результатѣ у нея составился фондъ, изъ котораго она оказывала поддержку другимъ учрежденіямъ Общества Грамотности: за ея счетъ проведено было электрическое освѣщеніе въ домѣ 2-й школы Общества, гдѣ происходятъ всѣ засѣданія и помѣщается правленіе О-ва Гр.; устроенъ передъ домомъ асфальтовый тротуаръ и желѣзная рѣшетка, вмѣсто стараго деревяннаго забора; тысячу рублей комиссія ассигновала на постройку дома для другой школы и, наконецъ, заимообразно дала средства комиссіи лѣтнихъ колоній О-ва Гр., которой не хватало денегъ, чтобы довести до конца постройку собственнаго дома. И вотъ послѣ перваго только изданія „Народной энциклопедіи“ мы видимъ то же явленіе, какъ и по отношенію къ „Книгѣ взрослыхъ“: общественный трудъ, претворившись въ капиталъ, вернулся на нужды общественнаго дѣла.

Три коллективныхъ труда харьковскихъ общественныхъ дѣятелей, изданныхъ И. Д. Сытинымъ, составили крупный вкладъ въ русскую литературу, который, благодаря его посредству, сдѣлался достояніемъ читающихъ массъ. Идейное отношеніе И. Д. къ этимъ трудамъ дало при его посредствѣ матеріальную поддержку учрежденіямъ общественно-просвѣтительнаго характера. И въ знаменательный день полувѣкового юбилея Ивана Дмитріевича, когда подводятся итоги его дѣятельности, изданіе имъ харьковскихъ коллективныхъ трудовъ должно быть признано одною изъ величайшихъ его заслугъ.

Л. Б. Хавкина

НАГЛЯДНЫЯ ПОСОБІЯ ВЪ ИЗДАНІИ Т-ВА И. Д. СЫТИНА.

I.

Еще такъ недавно наша начальная школа была лишена возможности пользоваться наглядными пособіями въ той мѣрѣ, какъ этого требуетъ научная педагогика, признающая за нагляднымъ методомъ одно изъ главныхъ условій успѣшности школьнаго преподаванія. Причиной этого было почти полное отсутствіе на книжномъ рынкѣ доступныхъ для начальной

школы пособій. Послѣднія, если и существовали въ продажѣ, то исключительно иностраннаго изданія, дорогія и предназначавшіяся, главнымъ образомъ, для средней школы. Завѣтъ великаго славянскаго педагога Яна Амоса Коменскаго — учить дѣтей согласно съ ихъ природой, учить наглядно и разумно, вызывая любовь къ знанію, самодѣятельность и пытливость мысли,—для начальной школы оставался лишь красивымъ афоризмомъ. Между тѣмъ народная школа болѣе всего нуждалась въ томъ, чтобы завѣтъ этотъ скорѣе воплотился въ жизнь. При незначительномъ срокѣ обученія, которымъ располагаетъ наша народная школа (3—4 года), въ ея распоряженіи очень немного времени, чтобы дать законченное начальное образованіе и оставить прочные слѣды въ духовномъ развитіи ребенка. Если принять во вниманіе число праздниковъ и продолжительность лѣтнихъ каникулъ, то все учебное время въ начальной школѣ у насъ надо считать отъ 18—24 мѣсяца, — срокъ крайне недостаточный даже при самыхъ малыхъ требованіяхъ. Эти особенности въ жизни народной школы давно заставляли обратить усиленное вниманіе на продуктивность преподаванія, и къ единственному когда-то орудію начальной школы — книгѣ присоединить еще и необходимыя наглядныя пособія—картины, приборы, карты и т. п. Все это должно было дать возможность легче, скорѣе усвоить прочитанное въ классѣ, расширить кругозоръ учащихся и развить въ нихъ болѣе сознательное отношеніе къ окружающему.

Такъ разсуждали теоретики. Дѣйствительность, однако, не отвѣчала ихъ пожеланіямъ. Отсутствіе пособій заставляло школу волей-неволей придерживаться старыхъ, схоластическихъ пріемовъ преподаванія. Теперь не то. Къ услугамъ начальной школы на рынкѣ значительное количество пособій, приноровленныхъ къ ея запросамъ и нуждамъ. Большую роль сыграли здѣсь земства и просвѣтительныя организаціи. Мастерскія учебныхъ пособій вятскаго и курскаго земствъ, петроградскій подвижной музей, мастерскія харьковскаго отдѣленія И. Р. Т. О. давно уже заслужили въ этомъ отношеніи широкую и почетную извѣстность, въ особенности же мастерскія вятскаго губернскаго земства. Изъ предпріятій частнаго характера фирмѣ Т-ва И. Д. Сытина, выпустившей за послѣднія 10—15 лѣтъ много цѣнныхъ въ педагогическомъ отношеніи пособій для нагляднаго преподаванія, принадлежитъ одно изъ первыхъ мѣстъ. И тутъ, какъ и вообще въ своей издательской дѣятельности, фирма стремилась итти навстрѣчу нуждамъ школы. Она пользовалась совѣтами и указаніями дѣятелей школы, живо прислушивалась къ постановленіямъ и пожеланіямъ съѣздовъ и совѣщаній по народному образованію, стараясь воплотить постановленія

ихъ въ жизнь, предоставляя свои матеріальныя и техническія средства дѣлу созданія новыхъ и новыхъ пособій. Всего до настоящаго времени фирмой выпущено до 50 пособій по предметамъ курса начальной школы, заключающихъ въ себѣ болѣе 400 отдѣльныхъ картинъ и таблицъ въ краскахъ, принадлежащихъ часто кисти извѣстныхъ художниковъ.

Первымъ по времени появленія въ свѣтъ (начало 90 годовъ) является альбомъ „Двунадесятые праздники и Воскресеніе Христово". Альбомъ содержитъ въ себѣ 13 картинъ въ краскахъ. На каждомъ листѣ, кромѣ картины, крупнымъ, четкимъ шрифтомъ напечатанъ соотвѣтствующій празднику тропарь и кондакъ, въ видѣ добавленія къ картинамъ помѣщенъ особый объяснительный текстъ. Цѣна всего альбома, заключеннаго въ папку, назначена 1 р. 20 к. Альбомъ этотъ въ настоящее время сдѣлался достояніемъ почти каждой школы, онъ включенъ въ списокъ необходимѣйшихъ наглядныхъ пособій для начальной школы, составленный подвижнымъ музеемъ И. Р. Т. О., а также въ списокъ наглядныхъ пособій, входящихъ въ составъ основной коллекціи школъ курскаго земства. Почти одновременно съ альбомомъ „Двунадесятые праздники" выпущено было фирмой и первое пособіе по географіи „Человѣческія расы" — большой листъ съ фигурами представителей монгольской, австралійской, негрской, американской и кавказской расъ. Фигуры исполнены въ краскахъ. Пособіе это получило также широкое распространеніе и знакомо большинству школъ. Оно также включено въ списокъ необходимѣйшихъ пособій для начальной школы подвижнымъ музеемъ И. Р. Т. О. и въ списки наглядныхъ пособій, составленные курскимъ и ярославскимъ земствами.

Немного позже (средина 90 годовъ) фирмой издано было второе пособіе по географіи — коллекція стѣнныхъ географическихъ таблицъ. Въ коллекцію вошло 20 картинъ, исполненныхъ въ краскахъ. Вотъ списокъ этихъ картинъ: Формы воды и суши. Тропическій лѣсъ. Жизнь моря. Сборъ чая. Египетъ. Сахарная плантація. Неаполь и Везувій. Сборъ кофе. Горы. Лапландцы. Ледникъ. Пустыня. Рѣки. На новыхъ мѣстахъ въ Америкѣ. Дюны. Африканское селеніе. Водопадъ. Степь въ Венгріи. Іерусалимъ. Дакоты.

Вначалѣ пособіе это предназначалось, главнымъ образомъ, въ школы для взрослыхъ, но затѣмъ скоро оно получило распространеніе и вообще въ начальныхъ школахъ, чему способствовала, между прочимъ, и баснословно дешевая цѣна—5 коп. за картину. Повидимому, здѣсь фирма побила рекордъ дешевизны.

Упомянутыя три учебныя пособія представляютъ собою первые шаги фирмы въ дѣлѣ изданія наглядныхъ пособій.

Переходя къ обзору дальнѣйшихъ пособій, необходимо прежде всего остановиться на интересномъ по замыслу художественномъ альбомѣ по русской исторіи — „Русская исторія въ картинахъ", подъ редакціей Исторической Комиссіи, состоящей при Учебномъ Отдѣлѣ Общества Распро-

Одна изъ картинъ серіи „Русская исторія въ картинахъ" въ сильно уменьшенномъ видѣ.

страненія Техническихъ Знаній. Задавшись цѣлью возможно шире популяризировать знаніе отечественной исторіи, Комиссія предприняла изданіе названной серіи картинъ, характеризующихъ главнѣйшіе моменты исторіи русскаго государства и общества, для чего воспользовалась снимками съ

Н. А. КАСАТКИНЪ

К. В. ЛЕБЕДЕВЪ.

Г. А. АЛЕКѢЕВЪ.

А. В. МОРАВОВЪ

П. П. ЗАЙЦЕВЪ.

лучшихъ образцовъ нашей исторической живописи, съ картинъ Семирадскаго, В. В. Верещагина, В. П. Верещагина, Прянишникова, Крамского, Рѣпина, Кившенко, Сурикова, Маковскаго, Ге, Перова, Мясоѣдова, Богданова-Бѣльскаго и другихъ извѣстнѣйшихъ русскихъ художниковъ. Нѣкоторыя же картины для названной серіи были написаны спеціально для нея академиками Н. А. Касаткинымъ и К. В. Лебедевымъ, а также художниками Некрасовымъ, Моравовымъ и другими. Все изданіе задумано и выполнено въ видѣ отдѣльныхъ большихъ листовъ (18) съ тремя-четырьмя картинами и соотвѣтствующимъ текстомъ на каждомъ изъ нихъ. Каждый отдѣльный листъ посвященъ тому или другому моменту нашей исторіи. Комиссіей весьма тщательно былъ произведенъ выборъ историческихъ моментовъ и эпохъ. Каждый листъ альбома представляетъ собой нѣчто крупное и имѣющее самостоятельное значеніе (напр., „Татарская неволя", „Смутное время", „Реформы Петра"). Всѣ картины, взятыя въ цѣломъ, даютъ болѣе или менѣе полное представленіе объ историческомъ развитіи русскаго государства и общества. Что касается подбора картинъ, то онъ производился не только съ цѣлью иллюстрировать намѣченный текстъ, но и познакомить круги читателей съ лучшими образцами русской исторической живописи (напр., „Запорожецъ" Рѣпина).

Текстъ, помѣщенный на картинахъ, имѣетъ своей задачей охарактеризовать сжато и ясно эпоху и обстановку, въ которой совершался иллюстрируемый историческій моментъ. Такимъ образомъ, текстъ какъ бы связываетъ всю серію листовъ въ одинъ конспективный курсъ русской исторіи, заполняя собою пробѣлы между отдѣльными листами, которые въ силу необходимости могутъ изображать лишь важнѣйшія вѣхи русскаго историческаго процесса. Ближайшее руководство изданіемъ картинъ принадлежало редактору текста С. П. Моравскому и завѣдующему художественной частью Н. А. Касаткину. Основной задачей всего изданія было дать пособія по русской исторіи, солидныя въ научномъ и художественномъ отношеніи и дешевыя по цѣнѣ (цѣна каждаго листа была назначена въ 20 коп.).

Появленіе „Русской исторіи въ картинахъ" было отмѣчено сочувственными отзывами въ общей и педагогической печати. Такъ, „Русскія Вѣдомости" писали:

„Мы съ особеннымъ удовольствіемъ отмѣчаемъ этотъ опытъ популяризаціи историческихъ свѣдѣній... Подобнаго рода трудъ только и могъ явиться плодомъ коллективной работы интеллигентныхъ силъ... Въ выборѣ сюжетовъ картинъ и исполненіи таковыхъ Комиссія руководилась тѣмъ взглядомъ, чтобы съ помощью картинъ не только фиксировался въ памяти извѣст-

ный историческій фактъ, но чтобы самыя картины по композиціи и выполненію давали художественное впечатлѣніе, представляя самостоятельный интересъ... Изданы картины безукоризненно, несмотря на обиліе и разнообразіе красочныхъ тоновъ, издатель успѣшно справился съ этой задачей".

Говоря о первыхъ шагахъ Т-ва по изданію наглядныхъ пособій, нельзя не упомянуть объ изданномъ имъ въ тотъ же періодъ времени подъ редакціей Н. А. Рубакина ботаническомъ атласѣ „Среди цвѣтовъ". Атласъ заключаетъ въ себѣ 50 раскрашенныхъ картинъ по ботаникѣ. Каждая картина снабжена текстомъ С. А. Порѣцкаго и указателемъ книгъ, статей и руководствъ для практическихъ занятій по ботаникѣ, составленнымъ А. В. Мезіеромъ.

Изданіе имѣло своей задачей помочь учителямъ въ дѣлѣ преподаванія, и учащимся—въ дѣлѣ изученія органографіи и систематики, главнымъ образомъ, высшихъ цвѣтковыхъ растеній. Цѣна всего атласа (3 руб.) должна быть признана также баснословно дешевой.

II.

Изданіе перечисленныхъ выше пособій относится къ первому періоду дѣятельности Т-ва по изданію наглядныхъ пособій. Значительно большая часть пособій выпущена Т-вомъ во второй періодъ, начало котораго относится къ 1903—4 году. Въ это время закончилась постройка новаго грандіознаго фабричнаго корпуса на Пятницкой улицѣ, обширныя помѣщенія котораго дали возможность Т-ву значительно расширить рисовальную школу. Руководителями школы были приглашены художники: академикъ Н. А. Касаткинъ, В. А. Моравовъ, въ то время только что начинавшій свою художественную карьеру, Г. Д. Алексѣевъ и А. С. Касаткинъ. Къ этому времени относится прежде всего появленіе на свѣтъ цѣлой серіи наглядныхъ стѣнныхъ таблицъ для первоначальнаго обученія, изданныхъ подъ редакціей Н. В. Тулупова: „Десять заповѣдей Закона Божія", „Заповѣди блаженства", „Коренныя слова на букву Ѣ", „Таблица умноженія", „Какъ нужно сидѣть во время письма", а также картинъ для бесѣдъ „Четыре времени года", работы художниковъ К. В. Лебедева и В. А. Моравова.

Стѣнныя таблицы, благодаря дешевизнѣ (10 к. листъ), быстро привились на книжномъ рынкѣ и до настоящаго времени выдержали рядъ изданій. Картины „Четыре времени года", рисующія русскую природу и крестьянскій трудъ по временамъ года, благодаря художественному исполненію и сравнительной дешевизнѣ (1 руб. за листъ, размѣромъ $24^1/_2 \times 17$ верш.), также скоро пріобрѣли популярность и значительный сбытъ. Въ журналѣ „Педагогическій Листокъ" находимъ слѣдующій отзывъ о нихъ: „Это

пособіе ставитъ своей задачей наглядно познакомить учащихся съ русской природой въ различные періоды года, а также съ главнѣйшими работами, промыслами и вообще занятіями русскаго крестьянства, наиболѣе характерными для каждаго періода года. Со стороны художественнаго исполненія картины эти должно признать рѣдкимъ по изяществу нагляднымъ пособіемъ русскаго производства: ландшафтъ красивъ, вѣренъ дѣйствительности и типиченъ; группы крестьянъ, занятыхъ тою или другой работой, жизненны,—въ позахъ, въ группировкѣ нѣтъ ничего искусственнаго, нѣтъ нисколько натянутости. Картины удовлетворяютъ и требованіямъ, предъявляемымъ къ такого рода пособіямъ педагогіей: художественное исполненіе изображаемыхъ моментовъ и явленій идетъ рука объ руку съ отчетливостью, ясностью и реальностью изображаемыхъ предметовъ. Картины „4 времени года“ должно отнести къ числу полезныхъ школьныхъ пособій: ими очень удобно пользоваться для предметныхъ бесѣдъ съ учениками, еще большее значеніе онѣ должны имѣть при чтеніи различныхъ отрывковъ изъ хрестоматій, касающихся крестьянской трудовой жизни. Эту жизнь картины иллюстрируютъ съ достаточной полнотой и наглядностью, чего нельзя сказать относительно иллюстрацій природы: русская природа въ нихъ представлена слабо; и это понятно, — главное вниманіе отведено не картинамъ природы, а иллюстраціямъ тѣхъ или иныхъ явленій трудовой жизни крестьянства. Такъ и должно смотрѣть на это пособіе. Добавимъ, что при первоначальномъ обученіи городскихъ дѣтей, большинство которыхъ не имѣетъ представленія о крестьянской жизни, картины гг. Л. и М. будутъ имѣть особую цѣнность“.

Впослѣдствіи къ этимъ картинамъ былъ изданъ особой книжкой пояснительный текстъ, содержащій въ себѣ вопросы и описаніе моментовъ, изображенныхъ на картинахъ.

Приблизительно къ этому же времени (1904 г.) относится изданіе зоологическаго альбома „Царство животныхъ“, подъ редакціей Н. В. Тулупова и Н. В. Чехова. Въ альбомъ вошло 12 большихъ классныхъ стѣнныхъ картинъ въ краскахъ съ объяснительнымъ текстомъ, руководящими указаніями для учащихъ, какъ вести по картинамъ наглядныя бесѣды, и спискомъ книгъ и статей, могущихъ служить ближайшимъ пособіемъ для бесѣдъ о животныхъ и ихъ жизни. Цѣна альбома баснословно дешевая: 1 руб. 50 к. за 12 большихъ картинъ въ краскахъ, размѣромъ $9^1/_2 \times 12$ верш.

Въ концѣ 1905 года во время московскихъ безпорядковъ новый фабричный корпусъ Т-ва на Пятницкой ул., какъ извѣстно, частью былъ разрушенъ, частью сгорѣлъ. Это обстоятельство на нѣкоторое время пріі-

остановило начатыя работы по изданію пособій. Перерывъ этотъ, однако, былъ непродолжителенъ: года черезъ два Т-во, оправившись отъ обрушившейся на него бѣды, съ новой, еще большей энергіей принялось развивать дѣло изданія пособій. Остановимся здѣсь на тѣхъ изъ нихъ, которыя по своимъ педагогическимъ и художественнымъ достоинствамъ заслуживаютъ особенное вниманіе.

Сюда относятся прежде всего альбомъ картинъ по священной исторіи Ветхаго завѣта, вышедшій подъ редакціей протоіерея Н. А. Любимова, по оригинальнымъ, спеціально для этого изданія исполненнымъ рисункамъ академикомъ К. В. Лебедевымъ. Альбомъ состоитъ изъ 5 выпусковъ по 12 картинъ въ каждомъ. Въ настоящее время подготовленъ къ печати аналогичный альбомъ картинъ и по священной исторіи Новаго завѣта, также принадлежащихъ кисти академика К. В. Лебедева.

Изданіе названныхъ альбомовъ предпринято съ цѣлью дать учащимся средней и низшей школы возможно полное наглядное пособіе при изученіи священной библейской исторіи.

Къ особенностямъ этого изданія относится прежде всего его полнота, не встрѣчавшаяся еще до сихъ поръ ни въ одномъ изъ русскихъ изданій: всѣ наиболѣе важные моменты изъ жизни избраннаго народа Божія въ Ветхомъ завѣтѣ и изъ жизни Спасителя въ новозавѣтное время иллюстрированы на картинахъ, расположенныхъ въ строго хронологическомъ порядкѣ, при чемъ подъ каждою картиной не только подписано ея названіе, но и указаны тѣ мѣста Библіи, въ которыхъ повѣствуется о данномъ событіи.

Благодаря этому, законоучитель можетъ съ помощью этихъ картинъ не только глубже запечатлѣвать въ памяти учащихся событія священной исторіи, но и возбуждать въ нихъ интересъ къ прочтенію подлинныхъ библейскихъ повѣствованій, а при повтореніи — по однѣмъ картинамъ воспроизвести весь пройденный курсъ.

При этомъ редакторъ задавался цѣлью дать на картинѣ не только изображеніе того или другого лица или событія, но и представить именно тотъ моментъ, которымъ наиболѣе характеризуется данное лицо или опредѣляется преобразовательное, мессіанское значеніе событія, или же, наконецъ, вообще выясняется его смыслъ.

Такъ, при изображеніи ветхозавѣтныхъ пророковъ на картинахъ изображены и тѣ мессіанскія событія, которыя были ими предсказаны: притчи Спасителя изображены такъ, что сразу дѣлается понятнымъ для зрителя и ихъ аллегорическое значеніе и т. п.

Далѣе, по Закону Божію въ изданіи Т-ва И. Д. Сытина имѣются слѣдующія пособія: „Наглядное пособіе при изученіи церковнаго богослуженія“, двѣ таблицы, исполненныя усовершенствованнымъ литографскимъ способомъ въ 9 красокъ. „Наглядныя изъясненія символическихъ обрядовъ и пѣснопѣній всенощнаго бдѣнія и божественной литургіи“, 16 картинъ академика К. В. Лебедева, исполненныхъ въ 12 красокъ. Таблицы составлены членомъ исполнительной комиссіи московскаго городского музея наглядныхъ учебныхъ пособій свящ. В. Ѳ. Смирновымъ. „Семь таинствъ святой православной Церкви, какъ установленія божественныя“. Пособіе состоитъ изъ 7 большихъ классныхъ таблицъ, исполненныхъ въ 12 красокъ съ картинъ академика К. В. Лебедева съ пояснительнымъ текстомъ, также подъ редакціей свящ. В. Ѳ. Смирнова.

III.

Довольно полно въ издательствѣ Т-ва представленъ отдѣлъ пособій по естествовѣдѣнію. Кромѣ упомянутыхъ уже выше пособій, здѣсь прежде всего необходимо отмѣтить ботаническій атласъ В. Ѳ. Капелькина, состоящій изъ 26 стѣнныхъ таблицъ, исполненныхъ въ краскахъ по оригиналамъ Н. Н. Львовой, съ объяснительнымъ текстомъ. Авторъ таблицъ имѣлъ въ виду пополнить у насъ пробѣлъ пособій по школьному преподаванію ботаники. Особенностью его труда является то, что онъ переноситъ въ школу не отдѣльное растеніе или его изображеніе, а растеніе во всей окружающей его обстановкѣ въ художественномъ изображеніи, такъ сказать, картину цѣлаго уголка природы. Такая картина сильнѣе дѣйствуетъ на воображеніе и вызываетъ близкое къ истинѣ представленіе дѣйствительности. Растеніе здѣсь является такимъ, какимъ видитъ его глазъ. Очень многіе учащіеся при видѣ, напр., пастушьей сумки, изображенной въ естественной обстановкѣ (на таблицѣ она изображена въ расщелинѣ каменной плиты), несомнѣнно, признаютъ въ ней своего стараго знакомаго, котораго они часто встрѣчали, но на котораго не обращали особаго вниманія. Между тѣмъ, какъ то же растеніе, изображенное отдѣльно въ увеличенномъ видѣ, никѣмъ не будетъ узнано. Точно такъ же и обратно: учащійся, познакомившійся съ растеніями лишь по увеличенному рисунку, не узнаетъ этого растенія, когда увидитъ его живымъ въ естественной обстановкѣ. Особенно важны такія таблицы для дѣтей въ большихъ городахъ, гдѣ многимъ не приходилось видѣть, какъ растутъ такія обыкновенныя растенія, какъ огурецъ или картофель. На каждой таблицѣ, кромѣ общаго наружнаго вида растенія, въ его обычной обстановкѣ, изобра-

жены отдѣльно въ увеличенномъ видѣ тѣ его части, которыя особенно интересны въ морфологическомъ или біологическомъ отношеніи. Всѣ таблицы оригинальны и нарисованы Н. Н. Львовой по эскизамъ, сдѣланнымъ ею съ натуры.

Далѣе слѣдуетъ упомянуть о „Картинахъ по зоологіи“ для нагляднаго обученія художника В. Ватагина. Картины изданы подъ редакціей комиссіи по устройству Учительскаго Дома Общества Взаимной Помощи при Московскомъ Учительскомъ Институтѣ. Художникъ В. Ватагинъ пользуется у насъ извѣстностью, какъ весьма талантливый изобразитель представителей царства животныхъ. Его кисти принадлежитъ рядъ картинъ по зоологіи Зоологическаго музея Московскаго университета. Картины альбома оригинальны по замыслу и исполненію: животныя, изображенныя на нихъ,—живыя существа, а не красивые манекены, какихъ привыкли видѣть мы на таблицахъ, предназначенныхъ для школьнаго пользованія.

Видное мѣсто среди пособій по естествовѣдѣнію занимаютъ таблицы по анатоміи человѣка, изданныя подъ редакціей доктора медицины В. Я. Канеля. Всѣхъ таблицъ 11. Онѣ разсчитаны, главнымъ образомъ, на начальную школу. Въ виду этого рисунки исполнены схематично, дабы при помощи ихъ учитель могъ дать учащимся лишь основныя понятія объ аппаратахъ и органахъ нашего тѣла и ихъ отправленіяхъ. Приложенный къ таблицамъ объяснительный текстъ предназначенъ для учителей, чтобы они легче могли разобраться въ таблицахъ. Въ отзывѣ объ этомъ пособіи, напечатанномъ въ журналѣ „Естествознаніе и географія“, дана слѣдующая характеристика его: „Таблицы исполнены хорошо, размѣръ рисунковъ вполнѣ достаточный. Объяснительный текстъ изложенъ въ очень простой, легко доступной формѣ. Можно быть увѣреннымъ, что, внимательно прочитавши его, учитель начальной школы въ состояніи будетъ дать своимъ ученикамъ много полезныхъ и интересныхъ знаній о тѣлѣ человѣка и происходящихъ въ немъ процессахъ“.

Подъ редакціей доктора В. Я. Канеля выпущена еще интересная таблица по гигіэнѣ—„Зубы и уходъ за ними“. Таблица и текстъ, выясняя въ общедоступной формѣ значеніе зубовъ въ интересахъ правильнаго питанія и сохраненія здоровья, даютъ полезныя указанія по уходу за зубами въ различные періоды. Исполненная въ краскахъ таблица размѣромъ $14^1/_2 \times 17$ верш. стоитъ всего 50 коп.

За самое послѣднее время въ изданіи Т-ва И. Д. Сытина вышли 23 стѣнныхъ таблицы по зоологіи, составленныя Я. Карасемъ подъ редакціей профессора Н. М. Кулагина и приватъ-доц. Б. М. Жидкова. Таблицы изобра-

жаютъ представителей всѣхъ отрядовъ млекопитающихъ, при чемъ животныя изображены въ ихъ естественной обстановкѣ и въ бытовыхъ сценахъ, характеризующихъ жизнь и нравы данныхъ представителей отрядовъ.

По отдѣлу географіи и отечествовѣдѣнію, кромѣ упомянутыхъ выше пособій, слѣдуетъ назвать еще стѣнныя картины въ краскахъ „По Россіи"— картины русской жизни и природы, составленныя кружкомъ учителей по оригиналамъ картинъ, писанныхъ извѣстными художниками и воспроизведенныхъ особымъ способомъ—многоцвѣтной автотипіей, передающей, какъ извѣстно, оригиналы въ совершенствѣ. Всего въ серію вошло 15 листовъ. Цѣна каждой картины 1 руб. Весьма цѣннымъ является также пособіе „Картины родины", составленное дѣйствительнымъ членомъ Императорскаго Географическаго Общества Д. Дубенскимъ. Пособіе это, состоящее изъ 4 картинъ, является существеннымъ дополненіемъ къ учебникамъ географіи и географическимъ картамъ, при чемъ вноситъ живой интересъ къ изученію родной земли.

Наконецъ по отдѣлу отечествовѣдѣнія Т-мъ издано еще 10 интересныхъ по замыслу и выполненію сравнительно-статистическихъ таблицъ К. М. Курдова.

Чтобы закончить обзоръ школьныхъ пособій, слѣдуетъ еще упомянуть объ изданныхъ Т-мъ географическихъ картахъ и атласѣ И. Н. Михайлова. Педагогической критикой изданія эти признаны, какъ наиболѣе отвѣчающія потребностямъ школы въ дѣлѣ преподаванія географіи и отечествовѣдѣнія.

IV.

Кромѣ наглядныхъ пособій для школы, Т-мъ за послѣднее время предпринято изданіе цѣлаго ряда пособій и для внѣшкольнаго преподаванія, главнымъ образомъ, по отдѣлу сельскаго хозяйства. Вопросъ о распространеніи сельско-хозяйственныхъ знаній среди крестьянскаго населенія находится у насъ въ такой стадіи, что необходимо внѣдрить въ населеніе самую мысль о существованіи такихъ знаній, о полезности ихъ пріобрѣтенія и примѣненія. Такимъ агитаціоннымъ средствомъ Т-во считало выпускъ особыхъ картинъ-плакатовъ въ краскахъ. До настоящаго времени подъ девизомъ „Нужно итти за наукой" выпущены слѣдующіе плакаты: „Какъ и какими сѣменами нужно сѣять", „Малоземельное крестьянство въ Даніи прежде и теперь", „Промышленный огородъ", „Льноводство", „О значеніи и способахъ задержанія снѣга на поляхъ", „Какъ обрабатывать землю", „Объ удобреніи почвы", „Жизнь растеній", „Сѣвооборотъ или чередованіе растеній", „Какъ строится глиносоломенная крыша", „Какъ

строится крыша изъ цементныхъ черепицъ". Къ изданію пособій для нуждъ внѣшкольнаго образованія Т-во только еще приступаетъ. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что и въ этой области оно скоро достигнетъ столь же значительныхъ результатовъ, какъ и въ изданіи пособій для школъ.

Празднованіе бывшихъ до настоящаго времени литературныхъ и историческихъ юбилеевъ отмѣчалось Т-мъ каждый разъ выпускомъ цѣлаго ряда портретовъ и картинъ, относящихся къ юбилею. Такъ, въ разное время имъ выпущены были по очень дешевой цѣнѣ портреты императора Александра II, писателей: Пушкина, Гоголя, Жуковскаго и Льва Толстого, картины къ юбилею великой реформы 1861 г., трехсотлѣтнему юбилею Дома Романовыхъ, столѣтію Отечественной войны и т. д. Юбилейные портреты и картины печатались и расходились въ сотняхъ тысячъ экземпляровъ, проникая въ самые отдаленные и темные уголки нашей родины.

Приведенный здѣсь обзоръ сытинскихъ наглядныхъ пособій можетъ служить лучшимъ показателемъ, какъ много въ этомъ отношеніи сдѣлано Т-мъ, какъ внимательно изучало оно потребности школы и народа и какъ чутко отзывалось на ихъ нужды. Будущій историкъ нашей школы отмѣтитъ крупныя заслуги фирмы и въ области наглядныхъ пособій, и здѣсь, какъ и въ книжномъ дѣлѣ, она всегда была доброй помощницей и вѣрнымъ другомъ школы и учителя въ ихъ просвѣтительной работѣ.

Лица, принимавшія участіе своими трудами въ отдѣлѣ наглядныхъ пособій Т-ва И. Д. Сытина:

Алексѣевъ, Г. Д.
Борисовъ, Ф. П.
Ватагинъ, В.
Городецкій, Н. Н.
Грековъ, Ф. В.
Гусевъ, Я. Г.
Данненбергъ, А. Р.
Дворниковъ, П. Ф.
Дмитріевъ, А. И.
Дубенскій, Дм.
Заборскій, А. П.
Индриксонъ, Ф. Н.
Канель, В. Я.
Капелькинъ, В. Ф.
Касаткинъ, Н. А.
Касаткинъ, А. С.
Корольковъ, А. Е.
Крестовъ, В. К.
Курдовъ, К. М.
Лавровъ, Н. И.
Лебедевъ, А. И.
Лебедевъ, К. В.
Львова, Н. Н.
Любимовъ, Н. А.
Мезіеръ, А. В.
Михайловъ, И. Н.
Моравовъ, В. А.
Моравскій, С. П.
Порѣцкій, С. А.
Петровъ, Н. Ф.
Рубакинъ, Н. А.
Сатаровъ, В. Н.
Семеновъ, М. С.
Смирновъ, В. Ф.
Сольдинъ, А. А.
Толстой, А. С.
Тулуповъ, Н. В.
Тумимъ, Г. Г.
Фокинъ, Н. М.
Шоринъ, М. И.
Шохоръ-Троцкій, С. И.
Чеховъ, Н. В.

И. К.

ДѢТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА И ИЗДАТЕЛЬСТВО Т-ва И. Д. СЫТИНА.

Наша дѣтская литература считаетъ уже болѣе ста лѣтъ своего существованія. Если при самомъ возникновеніи ея среди ея дѣятелей встрѣчаются такія выдающіяся имена, какъ имя Н. И. Новикова и Н. М. Карамзина, то затѣмъ для нея наступаетъ продолжительный періодъ упадка. Въ теченіе этого періода наша дѣтская литература питалась по преимуществу переводами и передѣлками иностранныхъ дѣтскихъ книгъ. Не только содержаніе, но и форма этихъ произведеній совершенно не соотвѣтствовали ни интересамъ ни вкусамъ русской читающей публики. Неудивительно, что критики первой половины XIX ст. или вовсе игнорируютъ дѣтскую литературу или относятся къ произведеніямъ ея совершенно отрицательно. Иногда это отрицательное отношеніе доходитъ до полнаго отрицанія и самой дѣтской литературы.

Изъ нашихъ критиковъ болѣе всего вниманія удѣлялъ дѣтской литературѣ В. Г. Бѣлинскій. По обязанности журнальнаго рецензента онъ просматривалъ и всѣ вновь выходящія книги, въ томъ числѣ и дѣтскія. „Бѣдныя дѣти,—восклицаетъ онъ въ одной изъ этихъ рецензій,—сохрани васъ Богъ отъ оспы, кори и сочиненій Беркена, Жанлисъ и Булы“.

Къ счастью, молитва эта, повидимому, была услышана, и имена этихъ писателей и писательницъ исчезли изъ русской дѣтской литературы, да и въ свое время они имѣли очень ограниченное распространеніе. Изъ біографій нашихъ писателей и другихъ выдающихся людей мы узнаемъ, что почти всѣ они въ дѣтствѣ воспитывались на произведеніяхъ общей литературы и остались совершенно чужды современной имъ дѣтской литературѣ.

Шестидесятые годы были временемъ особеннаго усиленія въ нашемъ обществѣ интереса къ педагогическимъ вопросамъ и дѣлу воспитанія дѣтей. Естественнымъ результатомъ этого было значительное развитіе дѣтской литературы. Правда, и теперь это была по преимуществу переводная литература, но въ ней уже выдвинулось нѣсколько новыхъ именъ, долгое время пользовавшихся широкою извѣстностью въ этой области. Таковы были имена: Разина, Чистякова, Фурмана, Ярцевой, Даля, Ростовской и нѣкоторыхъ другихъ.

Въ началѣ 60-хъ годовъ появился и первый обзоръ нашей дѣтской литературы, принадлежащій перу Толя. Въ критическомъ сборникѣ этого писателя разсмотрѣно бо́льшее число дѣтскихъ книгъ, имѣвшихся на рынкѣ въ 1861 г.; изъ числа разсмотрѣнныхъ не болѣе 12 названій, да и то въ другихъ лучшихъ изданіяхъ, существуютъ до сихъ поръ на книжномъ рынкѣ и упоминаются въ рекомендательныхъ каталогахъ.

Вообще же 60-ые годы были годами очень большого развитія дѣтской литературы. Появляются издательскія фирмы (Вольфа, Бетипажа, Колесова и Михина, Берента и др.), избравшія если не главной, то значительной отраслью своей дѣятельности изданіе дѣтскихъ книгъ. Цѣлый рядъ писателей и писательницъ посвящаютъ свой трудъ этой литературѣ, еще большее число переводчиковъ работаютъ надъ переводами иностранныхъ дѣтскихъ книгъ.

Вся эта литература теперь можетъ быть охарактеризована слѣдующими общими чертами, дающими о ней довольно полное представленіе.

Эта литература брала свое содержаніе, главнымъ образомъ, изъ иностранной жизни, и если въ нѣкоторыхъ книгахъ и встрѣчались русскія имена и фамиліи или названія русскихъ городовъ и губерній, то это былъ своеобразный маскарадъ: авторъ, передѣлывая иностранную повѣсть, переименовывалъ Франца и Берту въ Ваню и Варю, Мюллеровъ въ Мельниковыхъ и переносилъ мѣсто дѣйствія съ береговъ Рейна на берега Волги, но суть дѣла, характеры дѣйствующихъ лицъ и обстановка ихъ жизни оставались нѣмецкими или англійскими.

Второю отличительною чертою этой литературы было то, что она вся предназначалась или, вѣрнѣе, была пригодна только для дѣтей богатаго буржуазнаго класса, живущаго въ извѣстной культурной обстановкѣ. Обстановка, кругъ понятій и языкъ этой среды предполагались извѣстными читателямъ.

И при всемъ томъ эта литература носила еще явные слѣды сентиментально-поучительнаго направленія предыдущей литературной эпохи и преслѣдовала въ гораздо большей степени дидактическія, чѣмъ художественныя цѣли. Художественная сторона какъ самыхъ книгъ, такъ и приложенныхъ къ нимъ иллюстрацій была до послѣдней степени слаба, ни одного истиннаго художника слова не выдвинула за это время наша дѣтская литература. Не менѣе бѣдна и убога была и идейная сторона этихъ книжекъ: на ней чувствовалась тяжелая рука нѣмецкаго педагога, „человѣка въ футлярѣ" да еще нѣмецкомъ. Книга эта предназначалась, главнымъ образомъ, для воспитательныхъ цѣлей и должна была служить пособіемъ для гувернантокъ и гувернеровъ въ воспитаніи барскихъ дѣтей.

Сообразно съ средствами той публики, для которой предназначалась эта книга, она была несообразно дорога, а внѣшность ея, аляповатая, съ претензіей на роскошь, была подъ стиль такой же домашней обстановкѣ этой среды.

Семидесятые годы внесли мало измѣненій въ эту литературу съ внѣшней стороны, хотя въ эти годы господствовавшее тогда въ нашей литературѣ народническое направленіе стало оказывать замѣтное вліяніе на народную литературу.

А между тѣмъ запросъ на дѣтскую книгу ширился и углублялся. Нарождалась народная школа, и со стороны лучшихъ и идейныхъ руководителей ея все чаще и чаще, громче и громче раздавались голоса о полномъ отсутствіи у насъ дѣтской книги, пригодной для учениковъ начальной школы, дѣтей деревни или рабочаго класса городского населенія.

Параллельно съ этимъ по мѣрѣ развитія грамотности въ народѣ и роста читателя изъ народа и у него являлся спросъ на книгу для ребятъ. Сначала требовалась только красивая „Азбука", а затѣмъ стали требовать и другихъ книгъ, „сказочекъ", „забавныхъ" или „занятныхъ" для ребятъ книжечекъ.

Въ 80-хъ годахъ былъ цѣлый рядъ попытокъ удовлетворить эту новую потребность, но большинство изъ нихъ особеннаго успѣха не

имѣли. Отчасти это происходило оттого, что и авторы и издатели плохо знали тѣхъ читателей, которымъ предназначались ихъ сочиненія, но, главнымъ образомъ, оттого, что они не знали дорогъ къ этому читателю, не знали ни его вкусовъ, интересовъ, ни тѣхъ средствъ, которыми онъ могъ располагать для покупки книгъ.

Честь открытія пути для дѣтской книги въ народъ и въ народную школу принадлежитъ издательству И. Д. Сытина.

Къ началу восьмидесятыхъ годовъ среди народныхъ изданій этой фирмы были уже книжки для дѣтей и не только азбучки, но и сказки и разсказы съ раскрашенными картинками. Къ этому же времени относятся и первыя сношенія фирмы, собственно учредителя ея И. Д. Сытина, съ интеллигентными литературными кругами.

Интересъ къ народной школѣ и народной жизни, стремленіе послужить дѣлу народнаго просвѣщенія, заставили нѣкоторыхъ изъ представителей этихъ круговъ самихъ искать сближенія съ издателями народныхъ книгъ. И. Д. Сытинъ первый изъ этихъ издателей охотно пошелъ навстрѣчу этимъ исканіямъ.

По совѣту извѣстной въ Москвѣ дѣятельницы воскресныхъ школъ А. В. Погожевой, которую познакомилъ съ И. Д. Сытинымъ А. И. Эртель, фирмою было издано нѣсколько хорошихъ дѣтскихъ книгъ, по большей части переводныхъ, по цѣнѣ вполнѣ доступной для скромнаго бюджета тогдашней народной школы и читателя изъ народа. Къ этому же времени относится и изданіе книжекъ Бажиной С. („Вася газетчикъ", „Счастье" и др.), до сихъ поръ пользующихся широкимъ распространеніемъ и часто встрѣчающихся въ школьныхъ библіотекахъ. Успѣхъ этихъ первыхъ попытокъ заставилъ фирму обратить серьезное вниманіе на эту отрасль своего издательскаго дѣла и съ тѣхъ поръ она получаетъ все большее и большее значеніе среди изданій Т-ва И. Д. Сытина.

Къ 80-мъ же годамъ относится и возникновеніе издательства „Посредника" въ тѣсномъ сообществѣ съ фирмою И. Д. Сытина. „Посреднику" много лѣтъ принадлежало — привлеченіе сотрудниковъ и редактированіе изданій, а выполненіе ихъ и распространеніе, обезпечившее имъ широчайшую популярность, было всецѣло дѣломъ И. Д. Сытина. Большинство книгъ „Посредника", собственно, предназначалось для взрослаго читателя изъ народа, но простота ихъ языка и содержанія, художественность изложенія и темы значительной части первыхъ книжекъ „Посредника" дѣлали ихъ доступными и для дѣтей. Нѣтъ

ничего удивительнаго, что книжки эти тысячами и сотнями тысячъ пошли въ народную школу и въ огромномъ большинствѣ случаевъ составили тамъ первыя библіотечки для внѣкласснаго чтенія.

Забота объ устройствѣ школьныхъ библіотекъ стала одной изъ очередныхъ задачъ не только практическихъ дѣятелей въ области народнаго образованія, но и частныхъ кружковъ и лицъ, желавшихъ такъ

А. В. Погожева.

или иначе послужить дѣлу народнаго просвѣщенія. И когда потребовались новыя дешевыя изданія для этой цѣли, то опять-таки самымъ подходящимъ выполнителемъ этой уже спеціальной задачи явилась фирма Сытина. Къ ней обратились баронесса В. И. Икскуль и В. И. Вахтеровъ, когда они задумали изданіе дешевыхъ книгъ для народа (изд. „Правда"), къ ней же обращались и другія группы лицъ и отдѣльные писатели.

Все это побудило фирму учредить у себя особый отдѣлъ народно-школьныхъ и дѣтскихъ изданій и привлечь къ сотрудничеству по этому дѣлу спеціалистовъ. Сначала очень недолго этимъ отдѣломъ руководилъ В. П. Вахтеровъ, а съ 1899 г.—Н. В. Тулуповъ. Нѣсколько ранѣе передъ этимъ былъ открытъ особый отдѣлъ народно-школьныхъ библіотекъ, который бралъ на себя составленіе библіотекъ для школъ изъ лучшихъ изданій. Работа по удовлетворенію такихъ порученій скоро привела къ изданію особаго рекомендательнаго каталога, едва ли не перваго каталога этого рода, предназначеннаго для начальной школы.

Бѣдность дѣтской литературы книгами и по языку, и по содержанію, и по цѣнѣ, подходящими для народной школы, заставила фирму обратить особенное вниманіе на изданіе новыхъ дѣтскихъ книгъ какъ оригинальныхъ, такъ и переводныхъ. Не прошло и десяти лѣтъ, какъ дѣтскія книги изданія фирмы И. Д. Сытина стали играть болѣе чѣмъ замѣтную роль въ дѣтскихъ и школьныхъ библіотекахъ, а теперь можно сказать, что къ концу перваго десятилѣтія XX вѣка не было ни одной школьной библіотеки, которая не имѣла бы значительнаго числа изданій И. Д. Сытина.

Раньше всего появляются изданія народныхъ, а затѣмъ и художественныхъ сказокъ для дѣтей. Постепенно этотъ отдѣлъ обогащается и начинаетъ играть видную роль въ издательствѣ И. Д. Сытина. Въ 1911 г. издательствомъ даже былъ изданъ особый каталогъ сказокъ, подъ названіемъ „Книжный мірокъ“ съ статьею: „Въ царствѣ сказокъ. Сказка, какъ матеріалъ для дѣтскаго чтенія“.

Вопросъ о сказкахъ, какъ матеріалѣ для дѣтскаго чтенія, долгое время былъ спорнымъ вопросомъ, но, тѣмъ не менѣе, сказки завоевали себѣ прочное мѣсто въ дѣтской литературѣ. Многіе не только талантливые, но иногда прямо геніальные писатели избираютъ именно эту форму для передачи своихъ мыслей дѣтямъ. Развитіе интереса къ народу и всему національному заставило литературу обратиться къ народнымъ сказкамъ. Съ конца XVIII вѣка начинается изученіе этого вида народной поэзіи сначала на Западѣ, затѣмъ и у насъ. Поэты, художники, музыканты широко пользуются сказочными сюжетами, созданными народомъ, и „сказка“ въ той или другой формѣ становится общимъ достояніемъ всѣхъ возрастовъ. Но совершенно особое значеніе имѣютъ сказки для дѣтей. На это значеніе особенно ярко указалъ нашъ великій педагогъ К. Д. Ушинскій. Онъ говоритъ о великомъ національно воспитательномъ значеніи сказокъ своего народа, объ ихъ громадной

педагогической цѣнности. Указывая на то, что каждый сказочникъ разсказываетъ сказку по-своему и даже не всегда одинаково въ зависимости отъ состава своей аудиторіи, Ушинскій говоритъ, что и дѣтямъ надо давать сказки въ своемъ или во всякомъ случаѣ педагогически провѣренномъ переложеніи.

Самый полный сборникъ русскихъ народныхъ сказокъ принадлежитъ Аѳанасьеву, но это этнографическій матеріалъ, а не книга для дѣтскаго чтенія. Сборники сказокъ для дѣтей широко черпаютъ изъ него свой матеріалъ, но даютъ его въ иномъ порядкѣ и нѣсколько иномъ изложеніи. У издательства Сытина теперь имѣются слѣдующіе сборники русскихъ народныхъ сказокъ: Н. В. Тулуповъ. „Родныя сказки", съ оригинальными рисунками С. И. Ягужинскаго. Они же имѣются и въ 10 отдѣльныхъ выпускахъ. Корчевской. „Народныя русскія сказки для маленькихъ дѣтей". А. П. Шелгунова. „Русскія сказки". Два тома и въ 10 отдѣльныхъ выпускахъ. И. Ѳеоктистовъ. „Русскія народныя дѣтскія сказки" и его же: „Русскія народныя басни-сказки о звѣряхъ". Кл. Лукашевичъ. „Сказки родной Украйны" и ея же „Малороссійскія сказки".

С. И. Ягужинскій.

Кромѣ того, въ разныхъ видахъ, начиная отъ копеечныхъ листовокъ до богато иллюстрированныхъ лучшими художниками, имѣются отдѣльныя народныя сказки.

Отъ русскихъ народныхъ сказокъ естественъ переходъ къ народнымъ сказкамъ другихъ народовъ. Въ изданіяхъ Сытина мы имѣемъ нѣмецкія сказки изъ собранія братьевъ Гриммъ, норвежскія сказки, собранныя Асбьерсеномъ, румынскія, переведенныя Яцимирскимъ, старофранцузскія сказки, изъ извѣстнаго по всему міру сборника сказокъ Перро. Всѣ эти сказки, дополняя русскія, значительно расширяютъ горизонты затронутыхъ сказками вопросовъ и развиваютъ фантазію дѣтей и ихъ эстетическое чувство.

Изъ художественныхъ сказокъ, представляющихъ результатъ личнаго творчества, на первомъ мѣстѣ должны быть поставлены сказки Пушкина, это драгоцѣнное достояніе нашей дѣтской литературы. Сказки эти имѣются въ нѣсколькихъ изданіяхъ съ рисунками Н. Д. Бартрама, С. И. Ягужинскаго и др. Эти сказки—совершенно необходимый для каждаго русскаго ребенка литературный матеріалъ; важно, чтобы впечатлѣніе отъ перваго знакомства съ ними было особенно сильно и ярко. Изданія И. Д. Сытина вполнѣ отвѣчаютъ этому условію. За сказками Пушкина идутъ сказки В. А. Жуковскаго, а затѣмъ и цѣлаго ряда другихъ русскихъ писателей: Галиной, Засодимскаго, Ѳедорова-Давыдова, Смирнова, Бѣльскаго, П. Соловьевой и др. Еще богаче подборъ сказокъ переводныхъ съ разныхъ языковъ. Тутъ и царь сказочнаго міра Андерсенъ, сказки котораго по своей простотѣ и ясности могутъ соперничать съ лучшими народными сказками, сказки Музеуса, Нордау, Эвальда, Радьярда Киплинга, Сельмы Лагерлефъ и цѣлаго ряда другихъ писателей.

Современная практика дѣтскаго воспитанія выдвигаетъ важное значеніе разсказыванія для дѣтей. Лучше всего поддаются пересказу сказки, и вотъ для такой работы изданія Сытина даютъ особенно богатый матеріалъ. Разсказываніе должно сопровождаться, если это возможно, показываніемъ картинокъ—иллюстрацій къ тексту. Изданія Сытина въ этомъ отношеніи даютъ также весьма богатый матеріалъ и за послѣднее время очень высокаго художественнаго достоинства.

Въ области оригинальной дѣтской беллетристики къ концу XIX ст. у насъ господствовало народническое направленіе, выдвинувшее цѣлый рядъ писателей, различныхъ по своему таланту, но въ общемъ дополнявшихъ другъ друга въ изображеніи всѣхъ сторонъ народной жизни. Сочиненія многихъ изъ этихъ писателей получили широкое распространеніе въ изданіяхъ фирмы Т-ва И. Д. Сытина. Назовемъ: Алтаева, Алешина, Бѣлоусова, Бѣльскаго, Бекетову, Баранцевича, Вердеревскую, Дрожжина, Желиховскую, Засодимскаго, Лаврентьеву, Лиданову, Лукашевичъ, Соловьева-Несмѣлова, Шелгунову, Энгеля и др. Нѣкоторые изъ этихъ писателей, съ успѣхомъ выступавшіе и въ общей литературѣ, свои изданія для дѣтей печатали почти исключительно у Сытина, другіе, пріобрѣтшіе извѣстность, главнымъ образомъ, какъ дѣтскіе писатели, особенное распространеніе получили именно въ изданіяхъ той же фирмы И. Д. Сытина.

Книги писателей-народниковъ занимали и будутъ занимать въ дѣтской литературѣ особое мѣсто. Каждый ребенокъ, независимо отъ своего

положенія и обстановки, среди которой онъ живетъ, долженъ познакомиться по этой литературѣ съ народною жизнью и лучше всего, если онъ ознакомится съ нею черезъ народническую литературу, проникнутую любовью и глубокимъ интересомъ къ народной жизни; тогда литература эта будетъ для него одновременно и школою гуманности. Для дѣтей же деревни это какъ разъ та литература, которая, рисуя знакомую и близкую имъ жизнь, позволяетъ безъ труда сдѣлать первые шаги въ область книги, гдѣ также обязательно общепедагогическое правило: отъ близкаго и знакомаго къ болѣе далекому и незнакомому. Содержаніе народнической литературы—цѣнный образовательный матеріалъ, идеи ея—какъ разъ тѣ, которыя слѣдуетъ вводить въ дѣтское сознаніе и въ этомъ важное воспитательное значеніе этой литературы.

Дѣтская литература не должна и не можетъ имѣть цѣлью исключительно нравственное воздѣйствіе на дѣтей и ихъ эстетическое воспитаніе, она должна обогащать также ихъ умъ новыми знаніями. Вотъ почему съ самаго начала дѣятельности фирмы И. Д. Сытина въ дѣтской литературѣ рядомъ съ изданіями сказокъ, повѣстей и разсказовъ, т.-е. произведеніями художественной литературы или беллетристики, появляются и изданія научно-популярныхъ книгъ для дѣтей. Едва ли не первою попыткою издательства въ этой области было изданіе книги Реклю „Исторія горы". Затѣмъ слѣдуетъ цѣлый рядъ другихъ изданій. Научно-популярныя книги могутъ быть раздѣлены на двѣ неравныя группы: къ одной, меньшей, принадлежатъ книги, написанныя глубокими знатоками избраннаго предмета, талантливыми профессорами, выдающимися учеными, другая, большая,—книги популяризаторовъ, знакомящихся съ предметомъ часто случайно, спеціально для составленія данной книги. Фирма И. Д. Сытина особенно дорожила сочиненіями перваго рода, и въ ея изданіяхъ появились научно-популярныя книги такихъ выдающихся ученыхъ, какъ А. Н. Бекетовъ, М. И. Богдановъ, Д. Н. Кайгородовъ, А. А. Кизеветтеръ, Н. И. Сакулинъ и др. Но число такихъ авторовъ и книгъ неизбѣжно будетъ очень незначительно—слишкомъ рѣдко настоящіе ученые находятъ время и силы для работы въ области дѣтской и научно-популярной литературы. Для полноты научныхъ отдѣловъ приходится обращаться къ популяризаторамъ знанія. Но и среди этихъ послѣднихъ есть писатели болѣе и менѣе освѣдомленные въ избранной имъ области, а главное —болѣе и менѣе талантливые. Фирма И. Д. Сытина всегда предпочитала привлекать къ изданію такихъ писателей-популяризаторовъ, имена которыхъ уже пріобрѣли болѣе или менѣе ши-

рокую популярность; такъ, ею изданы многія сочиненія Дружбина (П. В. Филоновъ), Е. Чижова, А. П. Нечаева, талантливаго бытописателя природы А. Чеглока, С. Г. Григорьева, Е. Ефимовой, Берлинъ и др. Благодаря этому почти всѣ отдѣлы естествознанія, географіи и отечественной исторіи довольно полно представлены въ изданіяхъ И. Д. Сытина, и изъ нихъ однихъ можно составить школьную библіотеку, соотвѣтствующую современнымъ требованіямъ нашей народной школы.

Въ дѣтской литературѣ научно-популярнаго характера особенно цѣнными являются тѣ первоначальныя сочиненія, по которымъ дѣти начинаютъ знакомиться съ той или другой научной областью. Здѣсь особенно важно сразу заинтересовать ребенка, дать ему вполнѣ доступный и въ то же время настолько интересный матеріалъ, чтобы онъ самъ захотѣлъ знакомиться дальше съ данною областью. Издательство И. Д. Сытина обратило особенное вниманіе на такого рода сочиненія, и среди цѣлаго ряда болѣе или менѣе удачныхъ произведеній этого рода есть нѣсколько, дѣйствительно, выдающихся книжекъ; укажемъ на сочиненіе А. Бостромъ (гр. Толстая) „Какъ Юра знакомится съ жизнью животныхъ“, книжку Кайгородова „Съ дѣтьми о птицахъ“, Дицъ „Четыре времени года“ и др. Эти книги по естествознанію, географіи и исторіи надо читать и перечитывать.

Рядомъ съ оригинальными научно-популярными сочиненіями для дѣтей появляется и цѣлый рядъ переводныхъ, прекрасно дополняющихъ пробѣлы въ тѣхъ частяхъ, по которымъ не было соотвѣтствующихъ русскихъ книгъ. Среди этихъ сочиненій немало такихъ, которымъ суждено надолго занимать выдающееся мѣсто въ дѣтской литературѣ и не только русской, но и всемірной. Таково, напримѣръ, значеніе сочиненій П. Бера, Г. Вагнера, Сеттона Томпсона и другихъ.

Переводная дѣтская литература когда-то составляла почти все, что можно было предложить для чтенія русскимъ дѣтямъ. Это было въ 40—50-хъ годахъ прошлаго столѣтія. Съ тѣхъ поръ русская дѣтская литература получила широкое развитіе и обогатилась прекрасными книгами русскихъ писателей для дѣтей. Совершенно понятно, что съ нихъ должно начинаться знакомство дѣтей съ тѣмъ міромъ идей и съ тѣми сторонами жизни, которыя нашли свое отраженіе въ этой литературѣ. Но ограничиваться только русскими дѣтскими книгами не слѣдуетъ, да едва ли и возможно. Дѣтская литература другихъ народовъ, развиваясь параллельно съ русскою, дала цѣлый рядъ такихъ авторовъ и сочиненій, которые въ настоящее время составляютъ уже достояніе всего образо-

ваннаго міра. Знакомство съ этими сочиненіями почти такъ же обязательно для каждаго ребенка, какъ для каждаго интеллигентнаго взрослаго человѣка обязательно знакомство съ произведеніями Шекспира, Байрона, Шиллера, Гёте и др. всемірныхъ писателей.

Фирмой И. Д. Сытина изданъ цѣлый рядъ такихъ переводныхъ книгъ. Здѣсь на первомъ мѣстѣ надо поставить сказки Андерсена, имѣющіяся въ полномъ 4 т. изданіи въ переводѣ П. Вейнберга и отдѣльными выпусками. Многія сказки изданы, кромѣ того, въ листовкахъ, и это даетъ возможность педагогамъ и руководителямъ дѣтскаго чтенія располагать эти драгоцѣнныя сказки примѣнительно къ пониманію дѣтей различнаго возраста. То же самое можно сказать и про сказки бр. Гриммъ. Онѣ изданы въ трехъ сборникахъ, предназначенныхъ для дѣтей младшаго, средняго и старшаго возраста, и также имѣются изданія отдѣльныхъ наиболѣе популярныхъ сказокъ.

Избранными сказками изъ 1001 ночи и норвежскими сказками Асбьерсена заканчивается списокъ иностранныхъ сказокъ, ставшихъ достояніемъ дѣтей всего міра.

Изъ другихъ всемірныхъ дѣтскихъ книгъ назовемъ „Приключенія Донъ Кихота“ и „Путешествіе Гулливера“, разумѣется, въ сокращеніяхъ и передѣлкахъ для дѣтей. Можно относиться какъ угодно къ включенію этихъ совершенно не дѣтскихъ по своей идеѣ и въ полномъ видѣ книгъ въ число изданій для дѣтей, но нельзя отрицать факта, что передѣлки этихъ сочиненій для дѣтей существуютъ на всѣхъ европейскихъ языкахъ, и онѣ давно уже завоевали себѣ опредѣленное мѣсто и въ нашей дѣтской литературѣ. Передѣлки для дѣтей этихъ сочиненій имѣются и въ изд. И. Д. Сытина. Гораздо болѣе пригодною для дѣтей слѣдуетъ признать безсмертную книгу Д. Дефоэ „Робинзонъ Крузо“. Имѣется въ изданіяхъ И. Д. Сытина и болѣе чѣмъ столѣтняя книжка Гольдсмита „Викфильдскій священникъ“, едва ли не единственный образчикъ сентиментальной литературы XVIII в., дожившій до нашихъ дней, благодаря своей наивной искренности и интересному содержанію. Гораздо моложе извѣстное сочиненіе Генріетты Бичеръ-Стоу „Хижина дяди Тома“, тоже успѣвшая, однако, стать всемірной дѣтской книгой.

Рядомъ съ этими, безспорно, самыми популярными дѣтскими книжками становятся и нѣкоторыя сочиненія болѣе близкихъ къ нашему времени писателей, какъ-то: „Маленькій лордъ Фонтлерой“ Бернета; „Школьный годъ“ извѣстнаго итальянскаго писателя Амичиса; „Принцъ и нищій“ М. Твэна.

Но иностранная дѣтская литература имѣетъ не однихъ первоклассныхъ писателей, сочиненія которыхъ уже завоевали себѣ опредѣленное и почетное мѣсто въ дѣтской литературѣ. Такъ же, какъ и наша литература, она даетъ сочиненія, написанныя первоначально для взрослыхъ, но оказавшіяся затѣмъ, иногда при условіи нѣкоторой переработки, вполнѣ пригодными и интересными и для дѣтей. Такова судьба нѣкоторыхъ сочиненій Додэ, Диккенса, Ж. Зандъ, Лоти, Вальтера Скотта, Ф. Купера. Нѣкоторые же изъ этихъ писателей и сами пробовали свои силы въ дѣтской литературѣ (Додэ, Ж. Зандъ). Сочиненія всѣхъ этихъ и нѣкоторыхъ другихъ писателей, имѣющіяся въ изданіяхъ Т-ва И. Д. Сытина, значительно расширяютъ горизонтъ маленькихъ читателей, знакомя ихъ и съ жизнью другихъ народовъ, и съ новыми типами, и съ новымъ кругомъ міровыхъ идей.

Почти всѣ дѣти переживаютъ въ своей жизни эпоху увлеченій романтическими приключеніями. Нельзя не считаться съ этимъ явленіемъ и нельзя оставлять это стремленіе безъ удовлетворенія подходящею литературою, иначе дѣти сами будутъ искать ее и могутъ натолкнуться на совсѣмъ нежелательныя для нихъ произведенія въ родѣ Ната Пинкертона съ братьею. Удовлетворить же эту потребность дѣтской души можно отчасти при помощи сочиненій Вальтера Скотта и Ф. Купера, отчасти при помощи литературы фантастическихъ путешествій и приключеній Ж. Верна, Майнъ-Рида, Г. Эмара, Сальгари и др. Далеко не все среди произведеній этихъ писателей можетъ быть рекомендовано дѣтямъ, но среди этой литературы всегда можно сдѣлать приличный выборъ.

За послѣдніе годы въ западной литературѣ выдвинулось нѣсколько выдающихся дѣтскихъ писателей—и среди нихъ первое мѣсто принадлежитъ высоко талантливому Р. Киплингу. Рядомъ съ нимъ можетъ быть поставлена симпатичная по своему поэтическому таланту шведская писательница Сельма Лагерлефъ. Назовемъ еще Эвальда, Нордау, С. Томпсона (о которомъ уже упоминалось раньше) и др. Сочиненія всѣхъ этихъ и цѣлаго ряда другихъ писателей имѣются въ изданіяхъ И. Д. Сытина, и такимъ образомъ важный отдѣлъ дѣтской библіотеки, отдѣлъ переводной беллетристики, можетъ быть составленъ почти съ исчерпывающей полнотой изъ однихъ этихъ изданій. Цѣлый рядъ вопросовъ и сторонъ жизни можетъ быть освѣщенъ дѣтямъ при помощи книги только потому, что у насъ имѣется этотъ богатый подборъ дѣтскихъ книгъ иностранныхъ писателей. Что касается достоинства пере-

водовъ, то за нихъ въ достаточной мѣрѣ ручаются имена переводчиковъ, среди которыхъ встрѣчаются имена Марко-Вовчка, П. Вейнберга, Л. Хавкиной, Л. Шелгуновой, М. Ватсонъ, А. Погожевой, А. Яцимирскаго и др.

Послѣднее десятилѣтіе внесло въ нашу дѣтскую литературу большое оживленіе и обогатило ее цѣлымъ рядомъ весьма цѣнныхъ произведеній. Новѣйшія литературныя теченія стали проникать и въ эту область литературы. Писатели этихъ направленій, вырабатывая новыя литературныя формы, новые способы отраженія жизни въ литературѣ, естественно стремятся расширить кругъ своего вліянія и принимаются за подготовку для себя читателей среди подрастающаго поколѣнія. Это стремленіе охватываетъ понемногу не только писателей, но и художниковъ, которые за то же десятилѣтіе усиленно принимаются за иллюстрированіе дѣтской книги, понемногу создавая и у насъ довольно уже богатую литературу художественно иллюстрированныхъ дѣтскихъ изданій.

Худ. А. П. Комаровъ, иллюстрирующій дѣтскую литературу.

Замѣтную роль во всемъ этомъ движеніи играетъ и издательство Т-ва И. Д. Сытина.

Иллюстраціи всегда играли большую роль въ изданіяхъ для дѣтей И. Д. Сытина, и фирма также всегда стремилась къ улучшенію этой стороны своихъ изданій. Независимо отъ техническихъ усовершенствованій самыхъ способовъ воспроизведенія рисунковъ фирма старается привлечь къ этому дѣлу художниковъ, а съ начала 1900-хъ годовъ создаетъ при своей литографіи цѣлую школу рисованія, долгое время находившуюся подъ руководствомъ художника П. А. Касаткина. Рядомъ съ иллюстраціями черными появляются и цвѣтныя, имѣющія особенный успѣхъ у дѣтей и играющія, при условіи ихъ художественнаго исполненія, большую роль въ дѣлѣ воспитанія ихъ эстетическаго вкуса. Прежнія лубочныя иллюстраціи въ краскахъ дѣтскихъ книжекъ постепенно уступаютъ мѣсто сначала воспроизведенію иностранныхъ образцовъ этого

рода, а затѣмъ—оригинальнымъ произведеніямъ отечественныхъ художниковъ. Среди этихъ послѣднихъ нѣкоторые спеціализируются въ иллюстрированіи дѣтской книги и составляютъ себѣ въ этой области вполнѣ заслуженную извѣстность. Назовемъ тѣхъ изъ нихъ, которыхъ произведенія появлялись въ изданіяхъ И. Д. Сытина: это Г. Д. Алексѣевъ, Н. Д. Бартрамъ, С. И. Ягужинскій, А. В. Неручевъ, В. Н. Курдюмовъ, Б. В. Зворыкинъ, А. П. Апситъ, А. Н. Комаровъ, Н. И. Живаго, С. В. Малютинъ и др. Большинство изъ нихъ стало пользоваться для иллюстрированія дѣтской книги особою манерою, представляющей изъ себя подражаніе дѣтскому примитиву въ раскраскѣ, но съ сохраненіемъ очень четкаго и ярко-художественнаго рисунка. Такой способъ иллюстрированія можно признать вполнѣ подходящимъ для дѣтскаго пониманія. Постепенно иллюстраціи начинаютъ играть самостоятельную роль, а текстъ нерѣдко становится только объясненіемъ рисунковъ или, скорѣе, поводами къ созданію цѣлой болѣе или менѣе сложной художественной концепціи, имѣющей самостоятельную цѣнность. Картины въ такихъ изданіяхъ „говорятъ" дѣтямъ гораздо больше, чѣмъ даетъ текстъ.

Но, кромѣ этого чисто-художественнаго „чтенія", въ современной дѣтской литературѣ наблюдаются и литературныя теченія, являющіяся отраженіемъ такихъ же теченій въ общей литературѣ. Дать дѣтямъ не нравоучительную исторію, поддѣлывающуюся подъ ихъ пониманіе и языкъ, а дѣйствительно художественное, искреннее произведеніе, вылившееся изъ души писателя и составляющее какъ бы частицу этой души,—вотъ задача дѣтскихъ писателей этого направленія. Часть ихъ объединилась нѣсколько лѣтъ тому назадъ вокругъ дѣтскаго журнала „Тропинка", во главѣ котораго стала талантливая поэтесса П. С. Соловьева (Allegro) и Н. И. Манасеина. Лучшія произведенія, появившіяся въ этомъ журналѣ, вышли затѣмъ отдѣльными книжками и получили широкое распространеніе. Самый журналъ затѣмъ закрылся, а продолжалось только издательство отдѣльныхъ книжекъ. Съ 1913 года это издательство соединилось съ фирмою И. Д. Сытина, и такимъ образомъ фирма начинаетъ обслуживать и это молодое и яркое явленіе нашей современной дѣтской литературы. Въ этомъ изданіи, носящемъ общее названіе „изданія Тропинки", появились сочиненія П. С. Соловьевой, Н. И. Манасеиной, Ильиной-Пожаровской, Казьмина-Вьюгова, Н. А. Миронова, С. С. Кондорушкина и др. Рядомъ съ этимъ появляются въ изданіяхъ Сытина и сочиненія для дѣтей нѣкоторыхъ другихъ современныхъ поэтовъ и писателей, иногда обращающихся и къ дѣтской литературѣ, таковы книжки

С. Городецкаго, А. Блока, А. Коринѳскаго, Ив. Новикова, С. Орловскаго (С. Н. Шиль), С. Чернаго и др. Такимъ образомъ разныя направленія современной дѣтской литературы нашли себѣ отраженія въ изданіяхъ И. Д. Сытина и тѣмъ связываютъ это издательство съ современными литературными теченіями, помогая имъ проникать въ дѣтскую библіотеку. Хотя большинство этихъ произведеній и по языку и по изображаемой средѣ не совсѣмъ подходятъ для нашей народной школы, но такое расширеніе этого чтенія дѣло ближайшаго будущаго.

Одной изъ самыхъ старыхъ и твердо укоренившихся у насъ формъ распространенія дѣтской литературы является дѣтскій журналъ. Собственно, исторія нашей дѣтской литературы начинается съ „Дѣтскаго Чтенія"—дѣтскаго журнала конца XVIII в., издававшагося Н. Новиковымъ. Во всѣ послѣдующія времена всегда существовало нѣсколько дѣтскихъ журналовъ. Товарищество И. Д. Сытина дѣлало опытъ изданія такого журнала въ 900-хъ годахъ, когда было предпринято подъ редакціей Н. В. Тулупова изданіе „Другъ Дѣтей", а затѣмъ „Пчелка" для дѣтей младшаго возраста. И, несмотря на то, что журналы эти были прекрасно обставлены съ внѣшней стороны и отличались богатствомъ и разнообразіемъ содержанія, они большого успѣха не имѣли и были скоро прекращены. Перешедшій въ издательство нѣсколько позже журналъ „Мірокъ" хотя и издается до сихъ поръ, но замѣтной роли въ дѣтской литературѣ не играетъ. Такой неуспѣхъ дѣтскихъ журналовъ обусловливался вовсе не ихъ недостатками, а совершенно иными важными причинами, лежащими въ самой природѣ дѣтскихъ журналовъ.

И. Н. Павловъ, худож.-ксилографъ.

Современная критика дѣтской литературы высказываетъ очень серьезныя возраженія по поводу дѣтскихъ журналовъ, какъ таковыхъ. У дѣтей нѣтъ и не можетъ быть такихъ общественныхъ интересовъ современности, освѣщеніе которыхъ необходимо было бы давать имъ неме-

дленно, т.-е. каждый мѣсяцъ или каждую недѣлю. Дѣти съ этими вопросами и сторонами жизни знакомятся постепенно, по мѣрѣ роста ихъ сознанія и переходы отъ одной категоріи вопросовъ и явленій къ другой совершаются не мѣсяцами, а годами. Съ другой стороны, не педагогично давать дѣтямъ литературный матеріалъ кусочками и вперемежку съ другимъ, какъ это дѣлаетъ большинство журналовъ. Получается такое нежелательное явленіе, что дѣти, не дочитавъ, хотя и невольно, одной исторіи, переходятъ къ другой, третьей и т. д., а черезъ мѣсяцъ или двѣ недѣли возвращаются къ первой, потомъ второй. Такое чтеніе нельзя назвать иначе, какъ „безпорядочнымъ". А между тѣмъ въ журналахъ помѣщаются часто весьма цѣнныя произведенія, и законченный годъ журнала представляетъ изъ себя литературный сборникъ, которымъ возможно пользоваться уже иначе, т.-е. прочитывая одно сочиненіе послѣдовательно за другимъ.

Дѣтскіе журналы имѣютъ еще и другое значеніе—это поприще, гдѣ могутъ пробовать свои силы начинающіе писатели. Напечатать отдѣльной книжкой произведеніе начинающаго писателя часто бываетъ нѣсколько рискованно для издателя, редакторы же дѣтскихъ журналовъ стараются привлечь такихъ писателей. Вотъ почему, если журналъ издается фирмою, имѣющей свои изданія, лучшія произведенія, изъ помѣщенныхъ на страницахъ журнала, обыкновенно появляются затѣмъ въ отдѣльныхъ изданіяхъ. Журналы такимъ образомъ все-таки играютъ свою, хотя и временную роль, но они больше нужны авторамъ, издателямъ и критикамъ дѣтской литературы, чѣмъ юнымъ читателямъ.

Разнообразная и, какъ мы видѣли, очень цѣнная дѣятельность издательства Т-ва И. Д. Сытина въ дѣтской литературѣ создала богатый запасъ книгъ для юныхъ читателей. И фирма беретъ на себя помощь имъ и ихъ руководителямъ въ выборѣ книгъ. Дѣятельность этого рода началась въ концѣ 90-хъ годовъ. Кажется, около 1896 или 1898 г. при издательствѣ былъ открытъ отдѣлъ народно-школьныхъ библіотечекъ, для завѣдыванія которымъ былъ приглашенъ Н. В. Тулуповъ. Это было время интенсивной работы по улучшенію внутренней организаціи нашихъ школъ. Вопросъ о школьныхъ библіотекахъ сталъ однимъ изъ очередныхъ вопросовъ народнаго образованія. Дѣло это тогда очень было затруднено вслѣдствіе почти полнаго отсутствія рекомендательныхъ каталоговъ. Руководствоваться каталогами книгъ, допускаемыхъ Мин. Нар. Просв. для употребленія въ начальныхъ школахъ, было совершенно невозможно: каталогъ этотъ тогда отставалъ отъ книжнаго

рынка на семь лѣтъ и помѣщалъ или никуда негодныя книжки или вышедшія изъ продажи. Отдѣлъ народно-школьныхъ библіотекъ издательства Сытина выпустилъ въ свѣтъ одинъ изъ первыхъ рекомендательныхъ каталоговъ, предназначенный спеціально для народныхъ школъ. Въ соотвѣтствіи съ скромными средствами нашей народной школы въ каталогѣ были даны примѣрные списки библіотечекъ, начиная съ библіотекъ стоимостью въ 5 р. Отдѣлъ принималъ на себя и составленіе самыхъ библіотекъ, при чемъ вовсе не ограничивался изданіями И. Д. Сытина. Каталогъ этотъ имѣлъ нѣсколько изданій и въ свое время сыгралъ немаловажную роль въ дѣлѣ развитія школьныхъ библіотекъ. Лѣтъ черезъ десять это изданіе было повторяемо въ новой переработкѣ подъ редакціею Н. А. Малиновскаго. Новое время требовало уже иного состава библіотекъ и школы располагали большими средствами на это дѣло. Къ этому времени существовало уже немало рекомендательныхъ каталоговъ, но и списки Н. А. Малиновскаго среди нихъ были не лишними.

Независимо отъ этихъ чисто справочныхъ изданій фирмою было издано нѣсколько рекомендательныхъ каталоговъ другого типа—таковы „Спутникъ самообразованія" (Н. В. Чехова), „Школьная библіотека", каталогъ книгъ для дѣтей отъ 7 до 15 л. (составленъ кружкомъ учительницъ).

Рядомъ съ этимъ шло развитіе каталоговъ изданій И. Д. Сытина, которые понемногу изъ простого прейсъ-куранта превращались въ толково составленное иллюстрированное пособіе для выбора книгъ для дѣтей. Въ настоящее время такихъ каталоговъ, выходящихъ ежегодно, имѣется нѣсколько. Самый обширный изъ нихъ, „Книги для дѣтей и юношества", обычно имѣетъ довольно большое предисловіе педагогическаго характера, развивающее взглядъ издательства на дѣтское чтеніе и дѣтскую книгу. Далѣе дается списокъ книгъ, одобренныхъ Мин. Нар. Просв. за послѣднее (послѣ изданія предыдущаго каталога) время изъ числа изданій И. Д. Сытина. Указанія на такія одобренія, полученныя раньше, имѣются при каждой книгѣ въ самомъ каталогѣ. Книги въ каталогѣ расположены по возрастамъ. Въ каждомъ возрастѣ онѣ еще раздѣлены на цѣлый рядъ отдѣловъ. Каталогъ иллюстрированъ, и очень обильно, снимками въ уменьшенномъ видѣ съ обложекъ книгъ, на внѣшность которыхъ издательство всегда обращаетъ особенное вниманіе. Кромѣ полнаго заглавія и другихъ библіографическихъ свѣдѣній, о многихъ книгахъ сказано еще нѣсколько словъ; по большей части это выдержки изъ

отзывовъ педагогической критики. Иногда при книгахъ научно-популярнаго характера и сборникахъ приводится содержаніе книги. Все это дѣлаетъ этотъ каталогъ весьма цѣннымъ пособіемъ при выборѣ дѣтскихъ книгъ.

Кромѣ этого основного каталога, издавался и другой, носящій заглавіе „Что намъ читать?“ Сюда включались не всѣ изданія Сытина, а тѣ изъ нихъ, которыя издательство, на основаніи отзывовъ компетентныхъ лицъ и педагогической критики, считало самыми лучшими. Здѣсь книги расположены въ иномъ порядкѣ: серія изящныхъ елочныхъ книгъ, дѣтская библіотека, библіотека сказокъ, дѣтскій театръ, книжки для дѣтей младшаго возраста и т. д. О каждой книжкѣ сказано уже гораздо болѣе, чѣмъ въ общемъ каталогѣ. Иногда ей отводится цѣлая страница. Но, что всего важнѣе, вначалѣ помѣщены отдѣльные рисунки, взятые почти изъ каждой книги, съ одной стороны, въ видѣ образцовъ ея иллюстрацій, съ другой—для лучшаго нагляднаго ознакомленія съ ея содержаніемъ. Такой каталогъ вполнѣ пригоденъ и для самихъ дѣтей, онъ постепенно и наглядно пріучаетъ ихъ къ самостоятельному выбору книгъ.

Были затѣмъ еще отдѣльные каталоги „Книгъ-подарковъ“, „Каталогъ сказокъ“, „Новости дѣтской литературы“ и др.

Широкое распространеніе всѣхъ этихъ каталоговъ, разумѣется, много содѣйствовало распространенію хорошей дѣтской книги, особенно въ школьныхъ библіотекахъ. Но каталогъ все-таки даетъ голое заглавіе, снимокъ обложки, иногда нѣкоторый отзывъ о книгѣ. Серьезному руководителю дѣтскимъ чтеніемъ этого недостаточно: ему нужно имѣть въ рукахъ самую книгу и хотя бы бѣгло ознакомиться съ ея языкомъ, содержаніемъ и общимъ видомъ,—однимъ словомъ, надо просмотрѣть книгу для того, чтобы окончательно сдѣлать свой выборъ. Въ цѣляхъ предоставленія учителямъ, дѣятелямъ народнаго образованія и родителямъ возможности такого болѣе близкаго знакомства съ книгою издательство И. Д. Сытина охотно участвуетъ почти во всѣхъ выставкахъ по народному образованію или само устраивая на нихъ свой отдѣлъ или присылая въ распоряженіе устроителей достаточный запасъ своихъ изданій. Совершенно невозможно перечесть всѣ выставки, на которыхъ былъ отдѣлъ изданій Сытина. Впервые онъ появился еще въ 1882 г. на Политехнической выставкѣ, затѣмъ въ 1895 г. на выставкѣ при съѣздѣ дѣятелей по техническому и профессіональному образованію, замѣтную роль игралъ онъ на всероссійской выставкѣ въ Нижнемъ-Нов-

городѣ въ 1896 г., гдѣ издательство удостоилось одной изъ высшихъ наградъ. Укажемъ еще на выставку „Дѣтскій міръ“ (въ Петроградѣ), курскую и ярославскую выставку по народному образованію, выставку оборудованія школы и цѣлый рядъ другихъ. Почти при каждомъ съѣздѣ по народному образованію, на каждыхъ столичныхъ курсахъ была такая выставка. Но едва ли не самыми важными являются скромныя выставки, устраиваемыя земствами во время учительскихъ курсовъ и съѣздовъ не только въ губернскихъ, но часто въ самыхъ глухихъ уѣздныхъ городкахъ. Въ столицахъ для ознакомленія съ дѣтской книгой существуютъ и магазины и спеціально дѣтскія библіотеки, гдѣ желающіе могутъ ознакомиться съ книгами и сдѣлать свой выборъ; всего этого совершенно лишены учащіе глухой провинціи, настоящіе народные учителя и учительницы и для нихъ такія выставки являются единственнымъ средствомъ для ознакомленія съ книгою. И это знакомство становится для нихъ возможнымъ только благодаря такимъ выставкамъ.

Многолѣтняя дѣятельность издательства И. Д. Сытина въ области дѣтской литературы составляетъ важную страницу въ исторіи русскаго просвѣщенія. Изъ скромныхъ попытокъ дать дѣтямъ нѣсколько дешевыхъ книгъ выросло большое дѣло, къ которому издательство сумѣло привлечь и опытныхъ педагоговъ-руководителей и талантливыхъ писателей и художниковъ-иллюстраторовъ. Общими усиліями они создали тотъ цѣнный вкладъ въ дѣтскую литературу, который составляютъ всѣ изданныя И. Д. Сытинымъ дѣтскія книги. Издательство, постоянно заботясь объ улучшеніи внѣшности этихъ изданій, всегда одновременно старалось объ ихъ возможномъ удешевленіи, памятуя, что только при этомъ условіи книга можетъ дойти до дѣтей народа, учениковъ начальной школы, т.-е. тѣхъ, для кого такая книга особенно нужна и особенно дорога. Не меньшія усилія прилагало Товарищество И. Д. Сытина и къ широкому распространенію свѣдѣній о хорошихъ дѣтскихъ книгахъ и къ тому, чтобы народные учителя и работники въ области народнаго образованія могли ознакомиться съ такими книгами. И изданія для дѣтей Т-ва И. Д. Сытина давно пользуются широкою и вполнѣ справедливою извѣстностью, а само издательство заслужило глубокую благодарность общества за свою многолѣтнюю работу на пользу народнаго просвѣщенія.

А. В. Чеховъ.

Алфавитный списокъ

всѣхъ авторовъ, писавшихъ для дѣтей, сочиненія которыхъ вышли въ изданіяхъ Т-ва И. Д. СЫТИНА или были помѣщены въ дѣтскихъ журналахъ: „Другъ Дѣтей“, „Пчелка“ и „Мірокъ“.

Аверьяновъ, А.
Авилова, Л.
Аксаковъ, С.
Алексѣевъ, В.
Алешинъ, В.
Алтаевъ, А.
Алферовъ, А.
де-Амичисъ, Э.
Андерсенъ.
Аникина, А.
Анисимова, З.
Аншукова, Т.
Апаринъ, Г.
Аристонъ.
Армандъ, Л.
Арнольдъ, Ѳ.
Асбьерсенъ.
Ахрамовичъ, В.

Бажина, С.
Барабашинъ, И.
Барановъ, Е.
Батуевъ, А.
Бедринскій, Д.
Безобразова, М.
Безпятова, М.
Бекетова, Е.
Бекетовъ, А.
Беккеръ, С.
Бельше.
Бенъ-Гуръ.
Березовская, Л.
Беренъ, М.
Берлинъ, Я.
Бернашевскій, А.
Бернетъ, Ф.
Беттна, М.
Бичеръ-Стоу.
Блокъ, А.
Бобинъ, С.
Бова.
Богдановъ, М.
Богомоловъ, П.
Богуроли, А.
Боринъ, Я.
Бостромъ, А.
Брянцева, М.
Буланина, Е.
Булгакова, Е.
Булль, І.
Бунаковъ, П.
Бутинъ, В.

Бушневскій, Ѳ.
Бѣдный, Д.
Бѣлоусовъ, И.
Бѣлугинъ, Ф.
Бѣльскій, А.
Бѣляевская, О.
Бѣляевъ, С.
Бэръ, П.

Вагнеръ, Г.
Вадзинская, А.
Васильковская, М.
Васинъ, Н.
Васинъ, Я.
Вахтеровъ, В.
Вейнбаумъ, Э.
Вейнбергъ, П
Величкина, Н.
Величкина-Малютина, В.
Вентцель, С.
Вердеревская, С.
Вережниковъ, А.
Вериго, М.
Вернъ, Ж.
Верхоустинскій, Б.
Вовчокъ, М.
Волгарь, П.
Волчанецкая, Е.
Вольногорскій, П.
Вольстадъ, О.
Воскобойниковъ, И.
Вульфсонъ, Э.
Выставкина, Е.

Гавриловъ, Ѳ.
Галина, Г.
Галинскій, С.
Гаскъ, Л.
Гауфъ, В.
Гейерстамъ, Г.
Герасимовъ, А.
Гернгроссъ, В.
Герштекеръ, Ф.
Гиляровскій, В.
Гоголь, Н.
Горбунова, Л.
Городецкій, С.
Горожанкинъ, С.
Горскій, В.
Гославскій, Е.
Готвальтъ, В.
Гренъ, А.
Гретманъ, А.
Грибоѣдовъ, А.
Гриммъ, бр.
Грубе.
Гюго, В.

Данри.
Дефо, Д.
Джексонъ, М.
Диккенсъ, Ч.
Дилевская, Н.
Дитмаръ, Б.
Дицъ, Е.
Дмитріева, В.
Добрынинъ, Л.
Додэ, А.
Долгова, О.
Долгорукова, М.
Дрожжинъ, С.
Дружбинъ, П.
Дуровъ, В.
Дэвидсонъ, Э.
Дюма, А.
Дядя Лева.

Ельманова, Е.
Ельниковъ, Н.
Ермиловъ, В.
Есенинъ, С.
Ефимова, Е.

Желиховская, В.
Желиховская, Н.
Жерве, Н.
Жефруа, Ж.
Живаго, Н.
Жуковскій, В.

Забѣлло.
Загоскинъ, М.
Зандъ, Ж.
Засодимская, А.
Засодимскій, П.
Звягина, К.
Зиловъ, Л.
Золотницкій, Н.
Золя, Э.

Иванова, Г.
Ивановъ, Е.
Игнатьевъ, Н.
Измайловъ, А.
Ильина-Пожарская, Е.
Ильинскій, А.
Имшенецкій-Лукашевичъ, В.

Казанцевъ, И.
Казминъ-Вьюговъ, Н.
Кайгородовъ, Д.
Кайданова, О.
Камалянцъ, С.
Кандезъ, Э.
Капелькинъ, В.

Карабанова, З.
Карась, Я.
Кардо-Сысоева, Н.
Карменъ-Сильва.
Каринцевъ, Н.
Катаевъ, И.
Киплингъ, Р.
Кирьяковъ, В.
Киселевъ, А.
Кислинская, Э.
Кисъ-Кисъ.
Книжникова, В.
Ковендишъ, И.
Колобуховъ, А.
Коломбъ.
Кольцовъ, А.
Комарова, А.
Кондакова-Чукаева, С.
Кондурушкинъ, С.
Кониве, Ш.
Конопницкая, М
Коринѳскій, А.
Корчевская, О.
Коцюбинскій, М.
Крачковскій, Д.
Кречетовъ, Ю.
Критская, Н.
Кротковъ, П.
Круковскій, М.
Крыловъ, И.
Крымскій, А.
Кубанскій, Н.
Кудашева, Е.
Купринъ, А.
Курдовъ, К.

Лаврентьева, С.
Лавровъ, Г.

Лавровъ, Н.
Лагерлефъ, С.
Лазаревскій, Б.
Лампертъ, К.
Латри, А.
Лебедевъ, Н.
Лебедкина, М.
Левицкій, А.
Лезинъ, В.
Лезинъ, А.
Леммъ, В.
Ленинъ, В.
Лепешинская, А.
Лермонтовъ, М.
Ли, Б.
Лиданова, Л.
Липаевъ, И.
Ломакинъ, И
Ломброзо, П.
Лонгъ, В.
Лукашевичъ, К.
Луковатовъ, Л.
Львова, М.
Львовъ, В.

Мазовъ, Н.
Маевскій, Е.
Майнъ-Ридъ.
Максуель, М.
Малиновская, С.
Малышевъ, Н.
Маминъ-Сибирякъ, Д.
Манасеина, Н.
Марза, Ф.
Мауринъ, Е.
Мельгунова, Е.
Мельницкая, А.
Мердеръ, Н.
Миллсъ, Е.
Мироновъ, Н.
Мироносицкій, П.
Михаловскій, Д.
Михайловъ, М.
Мо.
Молотъ, С.
Морозова, К.
Морякъ-Скиталецъ.
Музеусъ.
Мюллеръ, М.
Мюссе, П.

Набоковъ, М.
Назаретскій, В.
Насвѣтова, Ю.
Насимовичъ, А.
Немировичъ-Данченко, Вас.
Несбитъ, Е.
Нечаевъ, А.
Нечаевъ, Е.
Никаноровъ-Коринскій, Н.
Никитинъ, И.
Николаева, А.
Никольскій, Н.
Никоновъ, Л.
Новиковъ, И.
Новицкая, В.
Новичъ, Н.
Новорусскій, М.
Нордау, М.
Нординъ Ф.

Огарковъ, В.
Ожешко, Э.
Орловская, Е.
Орловскій, С.
Орѣшникова, М.

Острогорскій, В.
Остроуховъ, И.

Паперъ, А.
Пассекъ, В.
Перро
Петровъ, М.
Пименова, Э.
Питъ-Кесли, В.
Піотровичъ.
Плаксинъ, С.
Погожева, А.
Пожарова, М.
Позняковъ, Н.
Поливановъ, В.
Полушина, О.
Помяловскій, Н
Поповъ, Х.
Поселянинъ, Е.
Потемкина, В.
Прокофьева, О.
Протопоповъ, С.
Пряслова, М.
Пуцило.
Пушкинъ, А.
Пущинская, Э.

Р—нъ, В.
Р—чъ, С.
Радичъ, В.
Раковъ, Д.
Рафаловичъ, С.
Реклю, Э.
Робертсъ, Ч.
Розина, К.
Ростовцевъ, М.
Рубакинъ, Н.
Руммель, Н.

Сабинина, М
Сандо.
Сатаровъ, В.
Свирскій, А.
Свободинъ, М.
де-Сегюръ,
Сеженская, М.
Семеновъ, С.
Сенкевичъ, Г.
Серафимовичъ, А.
Сервантэсъ, М.
Сергіевскій, Н.
Сиверковъ, А.
Сизова, А.
Скворцовъ, Н
Сковорода,Е.
Скопинъ, В.
Скоттъ, В.
Скубенко-Яблоновскій, Б.
Смирнова, Е.
Смирновъ, А.
Смирновъ, В.
Смирновъ, Е.
Сноо, Е.
Снѣгиревъ, Л.
Соболевъ, А.
Соболевъ, В.
Соколовъ, А.
Соляръ, А.
Сократова, Т.
Соловцова, А.
Соловьева, Е.
Соловьева, П.
Соловьевъ-Несмѣловъ, Н.
Спири, Г.
Столь, П.
Строевъ, В.
Судковскій, Р.

Сулейкинъ, Н.
Суриковъ, И.
Суріо, М.
Сухотинъ, П.
Сысоевъ, В.
Сѣверцевъ, Т.
Сѣверцовъ-Полиловъ, Г.
Сюэль, А.

Твенъ, М.
Терешкевичъ, А.
Термикеловъ, Н.
Тимковскій, Д.
Тимоѳеевъ, В.
Титовъ, А.
Тихоновъ, В.
Тихѣева, Е
Тихѣева, Л.
Ткачъ Основа.
Талмачева, М.
Толстой, Л.
Толычева, Т.
Томпсонъ Сэтонъ.
Торнеусъ, Е.
Троицкій, Д.
Трупчинскій, А.
Тулуповъ, Н.
Тумимъ, Г.
Тургеневъ, Н.
Туркинъ, Ѳ.

Уйдъ.
Ульрихъ, С.
Ульяновъ, А.
Уманецъ, Л.
Умановъ-Каплуновскій, В.
Умновъ, А.
Урсыновичъ, Е.
Успенскій, А
Уэльсъ, Г.

Фиделли, Н.
Филипповъ, С.
Фламмаріонъ, К.
Фольбаумъ, Н.
Фонвизинъ, Д.
Форшъ, О.

Хавкина, О,
Хатунскій, С.
Хитрово, Т.
Хмъ.
Холмогорскій, Ф.

Цурикова, В.

Чарская, Л.
Чеглокъ, А.
Черемина, Н.
Чериковеръ, С.
Черкизовъ, Л.
Черный, С.
Черскій, Л.
Чеховъ, Н.
Чечинъ, П.
Чижовъ, Е.
Чумаченко, А.
Чумина, О.
Чурилина, А.

Шанявская, К.
Шведеръ, Е.
Шевченко, Т.
Шейнисъ, А.
Шелгунова, Л.
Шереметевскій, П.

Шестаковъ, П.
Шехеразада.
Шкляръ, Н.
Шкулевъ, Ф.
Шмелевъ, И.
Шрейнеръ, О.
Штормъ.
Шубинскій.
Шуманъ, Б.

Щепкина-Куперникъ, Т.

Эвальдъ, К.
Экстерусь.
Экъ.
Элерсъ, О.
Эмаръ, Г.
Энбе.
Энгельмейеръ, А.
Эръ, А.

Юрьинъ, Н.
Юшкевичъ, С.

Ярославцевъ, В.
Яцимирскій, А.

Ѳедоровъ-Давыдовъ, А.
Ѳеоктистовъ, И.

НА ПУТИ КЪ НАРОДНОМУ БОГАТСТВУ.

Отдѣлъ промышленнаго образованія.

Моя встрѣча съ Иваномъ Дмитріевичемъ Сытинымъ произошла осенью 1910 года. Непосредственною цѣлью встрѣчи былъ вопросъ объ организаціи центральнаго книжнаго склада для земствъ,—вопросъ, интересовавшій въ то время земскую секцію XIII отдѣла М. О. Н. Р. Т. О. Иванъ Дмитріевичъ готовъ былъ оказать практическое содѣйствіе осуществленію склада. Въ порядкѣ бесѣды продвигаясь все ближе и ближе къ жизни народныхъ массъ, мы остановились, наконецъ, на современномъ экономическомъ состояніи Россіи и крестьянства въ частности. Вопросъ о способахъ развитія народнаго богатства весьма интересовалъ Ивана Дмитріевича, и онъ велъ бесѣду съ большимъ подъемомъ. Особенно прочувствованно онъ говорилъ о значеніи въ этомъ дѣлѣ печатнаго слова. И, мнѣ казалось, въ его словахъ выражалось признаніе неисполненнаго долга. Послѣ этой и ряда послѣдующихъ бесѣдъ возникъ въ дѣлѣ И. Д. Сытина отдѣлъ промышленнаго образованія. Какъ въ составленіи общей программы, такъ и въ развитіи деталей Иванъ Дмитріевичъ принималъ живѣйшее участіе.

Отдѣлъ промышленнаго образованія долженъ былъ представить всѣ отрасли народнаго хозяйства. И сообразно съ этимъ расчленился на два основные отдѣла: на сельско-хозяйственный и кустарно-ремесленный. Какъ въ томъ, такъ и другомъ отдѣлахъ первая очередь была предоставлена дешевымъ популярнымъ изданіямъ, предназначеннымъ для широкихъ

круговъ читателей. Лишь послѣ болѣе или менѣе полнаго удовлетворенія этой категоріи рѣшено было приступить къ изданію капитальныхъ сочиненій.

Сельское хозяйство. При составленіи плана изданій по сельскому хозяйству возникъ весьма важный вопросъ: въ какомъ видѣ должны быть предложены читателямъ наставленія по веденію сельскаго хозяйства: въ формѣ ли простыхъ „приказаній"—„дѣлай такъ, а почему не спрашивай—все равно не поймешь", или въ формѣ наставленій, разъясняющихъ читателямъ научныя основы сельскаго хозяйства.

Преимущество перваго способа состоитъ въ томъ, что при немъ можно весьма сократить объемъ книжки и, слѣдовательно, удешевить ее. Преимущество второго способа теоретически внѣ сомнѣнія, но при этомъ цѣна изданія возрастаетъ въ нѣсколько разъ. Отдѣлъ промышленнаго образованія избралъ второй способъ и принялъ слѣдующія основныя положенія. Въ каждомъ выпускѣ заключается краткое и популярное изложеніе основныхъ научныхъ положеній даннаго отдѣла сельско-хозяйственныхъ знаній и понятное каждому хозяину практическое руководство къ примѣненію ихъ на дѣлѣ.

Въ основу плана каждаго отдѣльнаго выпуска легло убѣжденіе, что всякое нововведеніе въ хозяйствѣ можетъ быть дѣйствительно плодотворнымъ, если оно вводится хозяиномъ сознательно. Поэтому указаніямъ, что надо дѣлать для поднятія той или иной отрасли хозяйства, предпосылается объясненіе, почему новые пріемы принесутъ пользу. Другой отправной точкой при выработкѣ этой серіи является сознаніе необходимости исходить изъ современнаго состоянія русской деревни и, предлагая и обосновывая тѣ или иныя улучшенія, имѣть въ виду въ качествѣ начальнаго пункта возможнаго развитія не современное сельское хозяйство вообще, а именно русское крестьянское хозяйство. Признано также необходимымъ приводить точныя цифровыя доказательства и расчеты стоимости и прибыльности предлагаемыхъ улучшеній въ условіяхъ русскаго крестьянскаго хозяйства и русскаго же рынка.

Для достиженія поставленныхъ задачъ Т-вомъ приглашены къ участію своимъ авторскимъ трудомъ практическіе работники — извѣстные агрономы, земскіе и правительственные, напр.: *Брунстъ, В. Э., Граціановъ, П. К., Зарѣцкій, В. В., Кирсановъ, Д. И., Ковальковскій, А. К., Колесниковъ, Г. И., Макаренко, Ю. Я., Панфиловъ, Е. И., Португаловъ, А. В., Скалозубовъ, Н. Л., Фохтъ, К. К.*, и друг.; по отдѣлу скотоводства: *Гуринъ, Г. И.*

Къ настоящему времени сельско-хозяйственный отдѣлъ насчитываетъ до 55 названій, освѣтившихъ всѣ отрасли сельскаго хозяйства.

Кромѣ книгъ по сельскому хозяйству, Т-во выпустило рядъ раскрашенныхъ стѣнныхъ картинъ по сельскому хозяйству.

Т-во И. Д. Сытина полагаетъ, что въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Россіи вопросъ о распространеніи сельско-хозяйственныхъ знаній среди крестьянскаго населенія находится на такой стадіи, что необходимо внѣдрить въ населеніе самую мысль о существованіи такихъ знаній, о полезности ихъ пріобрѣтенія и примѣненія. Такимъ агитаціоннымъ средствомъ Т-во считаетъ выпускъ плакатовъ.

По мысли Т-ва, плакаты эти должны быть кратки и ясны по изложенію, наглядны и художественны по изображенію и дешевы по цѣнѣ. Плакаты должны предшествовать всякой брошюрѣ. Будучи помѣщаемы въ ожидальняхъ больницъ и земскихъ управъ, въ волостныхъ и сельскихъ правленіяхъ, сельскихъ школахъ и, наконецъ, крестьянскихъ избахъ, они должны будутъ постоянно и настойчиво внушать крестьянину необходимость учиться сельскому хозяйству.

Редакторъ отдѣла промышлен. образованія П. Е. Юницкій.

Изданы слѣдующія картины:

1. „Смотрите, куда привела насъ наука“. Малоземельное крестьянство въ Даніи прежде и теперь. 2. „Ленъ и его обработка“. 3. „Какъ и какими сѣменами нужно сѣять“. 4. „Промышленный огородъ“. 5. „О значеніи и способахъ задержанія снѣга на поляхъ“. 6. „Какъ удобрять землю“.

Кустарно-ремесленный отдѣлъ. Вопросъ о ремесленномъ образованіи распадается по содержанію на двѣ части: на обученіе дѣтей и подростковъ, съ одной стороны, и обученіе взрослыхъ, съ другой. По отношенію къ первымъ наиболѣе цѣлесообразно методическое обученіе

въ ремесленныхъ учебныхъ заведеніяхъ, ко вторымъ—обученіе показательное. Обѣ категоріи одинаково нуждаются въ соотвѣтствующихъ руководствахъ, разнящихся, однако, между собою какъ въ способѣ и характерѣ изложенія, такъ и въ цѣли. Если для первой категоріи типъ методическаго руководства по ремеслу является уже установившимся, то типъ надлежащаго руководства для кустаря, наоборотъ, до сихъ поръ не опредѣлился. Въ этой области Т-ву И. Д. Сытина самому пришлось создавать характеръ руководства, и въ основу его оно положило слѣдующія соображенія. Какъ уже было отмѣчено выше, обученіе взрослаго населенія должно носить показательный характеръ. Здѣсь, помимо общихъ свѣдѣній по ремеслу, необходимо: а) въ доступной формѣ научное обоснованіе пріемовъ ремесла и научное знакомство съ матеріалами для обработки; б) сообщеніе всего, что способствуетъ дальнѣйшему развитію самого работающаго: развитіе вкуса путемъ иллюстрацій художественныхъ образцовъ, указаніе на новые способы обработки — съ рисунками, поскольку возможно въ масштабѣ, новыхъ орудій и приспособленій; в) сообщеніе всего, что способствуетъ развитію сбыта издѣлій и, слѣдовательно, улучшенію матеріальнаго положенія кустаря; напримѣръ, указаніе на рынки закупки сырья и сбыта готовыхъ издѣлій, на наиболѣе выгодные способы пріобрѣтенія лучшаго инструмента и машинъ; г) краткія наставленія о томъ, какъ вести учетъ работы, т.-е. краткія свѣдѣнія по бухгалтеріи ремесла; д) указаніе органовъ правительственныхъ и общественныхъ, которые оказываютъ матеріальное содѣйствіе развитію кустарныхъ промысловъ и способовъ обращенія къ нимъ, и, наконецъ, е) усиленно твердить объ этикѣ ремесла, постоянно напоминая кустарю, что онъ долженъ оставить русскую привычку „кое-какъ", „авось, сойдетъ" и т. п., что только при условіи самаго тщательнаго исполненія и честности въ смыслѣ матеріала его издѣлія займутъ на рынкѣ то мѣсто, которое имъ по праву принадлежитъ, и будутъ вознаграждать его трудъ выше, чѣмъ въ настоящее время. Руководства богато иллюстрированы, при чемъ должное вниманіе отдано именно графическому изображенію способовъ производства.

Отдѣлъ промышленнаго образованія началъ свою работу по данному отдѣлу съ изданій руководства для кустарей-промышленниковъ, считая, что въ этомъ существуетъ наибольшая потребность. Здѣсь отдѣлъ столкнулся съ большими затрудненіями, такъ какъ весьма нелегко найти авторовъ, практически знающихъ ремесло. Но все же отдѣлъ имѣетъ нѣсколько цѣнныхъ изданій, напр.: *Минаевъ, В. И.*, и *Орловъ, Н. Н.*, инжен.-

технологи. „Крашеніе льняныхъ, пеньковыхъ, бумажныхъ и шерстяныхъ пряжъ въ прочные цвѣта". Руководство для кустарей съ подробн. рецептами краш. и образц. крашеной пряжи. Ц. 50 к. *Поварнинъ, Г. Г.*, и *Парамоновъ*. „Выдѣлка кожъ-мостовья". Ц. 30 к. *Левинскій, И. В.* „Улучшенный ручной ткацкій станокъ". Ц. 30 к. *Благонравовъ, М. Ѳ.* „Руководство по сапожно-башмачному ремеслу". Ц. 50 к. *Его же*. „Руководство по чемоданному дѣлу". Ц. 50 коп. *Киселевъ, В. С.* „Краски, масла и лаки". Краткія свѣдѣнія объ ихъ приготовленіи, свойствахъ, изслѣдованіи и примѣненіи въ малярномъ дѣлѣ. Ц. 50 коп. *Петровъ, Е. П.* „Руководство по плетенію изъ прутьевъ". Ц. 50 коп. *Скворцовъ, В. П.* „Паяніе, луженіе и окрашиваніе металловъ". Ц. 80 коп.

Кромѣ того, готовится къ печати цѣлый рядъ руководствъ по кустарнымъ промысламъ:

Захаровъ. „Руководство по щеточному производству". *Боруцкій, В. В.*, и *Бартрамъ, Н. Д.* „Руководство по игрушечному промыслу. Токарная, рѣзная и столярная игрушка". *Ихъ же*. „Игрушка лѣпная изъ папье-маше". *Ихъ же*. „Куклы и раскрашиваніе игрушекъ. Механическая игрушка". *Овешковъ, Ив. Ив.* „Русская плоская рѣзьба по дереву". Руководство. *Бартрамъ, Н. Д., Овешковъ, И. И., Мартыновъ, И. Ал.* „Скульптурная рѣзьба по дереву". Руководство для рѣзчиковъ, лѣпщиковъ и пр.

Монографіи по кустарнымъ промысламъ и промышленному образованію. Т-во И. Д. Сытина не считало бы свою задачу по отношенію къ русскому кустарю, какъ творцу-художнику и производителю, исполненной, если бы отказалось отъ мысли ознакомить широкіе круги русскаго интеллигентнаго общества съ его творчествомъ, съ его издѣліями и съ той тяжелой обстановкой, въ которой онъ трудится. Поэтому параллельно съ руководствами для кустаря Т-во предполагаетъ издать рядъ монографій, посредствомъ которыхъ имѣетъ съ виду привлечь вниманіе русскаго общества къ неисчерпаемымъ сокровищамъ русскаго народнаго творчества и тѣмъ самымъ расширить рынокъ сбыта кустарныхъ издѣлій.

Среди монографій и руководствъ отдано особое мѣсто *производству игрушки*, имѣющей столь серьезное воспитательное и экономическое значеніе и, къ сожалѣнію, до сихъ поръ не пользующейся должнымъ вниманіемъ общества.

Изъ этой области до сихъ поръ издано: *Бартрамъ, Н. Д.* „Игрушка радость дѣтей. Родителямъ и дѣтямъ объ игрушкѣ". Худ. *Бартрамъ, Н. Д., Оршанскій, П. Г., Мировичъ, В. Г., Боруцкій, В. И.* „Игрушка, ея исторія и значеніе". Исторія игрушечнаго производства въ Россіи и

за границей. Игрушка, какъ ручной трудъ. Воспитательное значеніе игрушки. Экономическое значеніе игрушечнаго промысла въ Россіи. *Соболевъ, Н. Н.* „Набойки въ Россіи. Исторія и способъ работы". Ц. 75 к.

Готовятся и находятся въ печати: худ. *Бартрамъ, Н. Д.*, и *Боруцкій, В. И.* „Какъ дѣлаютъ игрушки". Вліяніе исторіи и природы на развитіе игрушечнаго дѣла въ Россіи. Художественно-историческій очеркъ развитія игрушечнаго дѣла въ Россіи. *Полѣнова, Н. В.* „Абрамцево и его значеніе въ русскомъ искусствѣ и кустарномъ дѣлѣ". *Шамбинаго, С. К.*, прив.-доц. „Народное творчество въ сокровищницахъ Москвы". *Яновичъ, Д. Т.* „Эволюція русскаго орнамента по народнымъ работамъ (шитье, обработка дерева, береста, мѣхъ)". *Соболевъ, Н. Н.* „Русская народная рѣзьба по дереву".

Подъемъ народнаго благосостоянія обосновывается не только количествомъ сельско-хозяйственныхъ и ремесленныхъ знаній. Необходима еще солидарность въ работѣ, кооперація. Поэтому Т-во И. Д. Сытина выпустило цѣльный циклъ брошюръ подъ общимъ названіемъ: „Общими силами". Основная мысль этого цикла состоитъ въ томъ, чтобы указать: какимъ образомъ воплощаемое въ жизнь знаніе каждаго отдѣльнаго человѣка можетъ пріобрѣсти удесятеренную силу въ единеніи съ другими.

Великая война фактически пріостановила развитіе отдѣла, но по существу дала ему новые импульсы и новыя заданія. Родина вынуждена послѣ войны напрячь все свое вниманіе на развитіе своей промышленности и созданіе новыхъ отраслей народнаго труда. Потребуется соотвѣтствующая литература. И нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что свой долгъ предъ обновленною страною Т-во И. Д. Сытина исполнитъ до конца.

П. Юшкевичъ

„ВОКРУГЪ СВѢТА“.

Журналъ „Вокругъ Свѣта“ является самымъ старшимъ по времени періодическимъ изданіемъ въ издательской фирмѣ, созданной И. Д. Сытинымъ. Изданіе журнала перешло въ руки Ивана Дмитріевича 22 іюня 1891 года отъ первыхъ издателей, братьевъ М. А. и Е. А. Вернеръ, основавшихъ его въ 1885 году. Такимъ образомъ въ годъ 50-лѣтія трудовой и издательской дѣятельности Ивана Дмитріевича журналъ „Вокругъ Свѣта“ могъ бы праздновать 25-лѣтнюю годовщину своего существованія въ фирмѣ Т-ва И. Д. Сытина.

„Вокругъ Свѣта“, какъ журналъ путешествій, приключеній и научно-популярный по преимуществу, всегда предназначался для широкаго круга юношества, столь жадно стремящагося къ увлекательному чтенію. „Вокругъ Свѣта“, такимъ образомъ, за долгіе годы своего существованія, неуклонно обслуживалъ неистребимую потребность въ этого рода чтеніи русской молодежи всѣхъ поколѣній.

Иванъ Дмитріевичъ удѣлялъ своему первому періодическому изданію много заботъ и вниманія, желая поставить его на прочную основу и дать ему широкое распространеніе. Онъ пригласилъ редактировать журналъ Е. Н. Киселева, принималъ горячее участіе въ выборѣ иностранныхъ авторовъ для приложенія къ журналу, а также привлекалъ сотрудниковъ къ работѣ въ самомъ журналѣ.

Журналъ „Вокругъ Свѣта“, съ переходомъ въ опытныя и дѣловыя издательскія руки, сразу оживился и тиражъ его поднялся. Въ первые же годы изданія „Вокругъ Свѣта“ къ участію въ немъ были привлечены Иваномъ Дмитріевичемъ многіе извѣстные русскіе писатели, какъ, напр.: Н. Н. Каразинъ, В. И. Немировичъ, К. М. Станюковичъ, Н. И. Потапенко, Д. Н. Маминъ-Сибирякъ и другіе, а изъ среды художниковъ, съ картинъ которыхъ давались олеографическія репродукціи въ качествѣ премій къ „Вокругъ Свѣта“—Лагоріо, Клеверъ, Лебедевъ, Кондратенко, Богдановъ-Бѣльскій и др.

Какъ уже упоминалось выше, изданіе журнала перешло въ руки И. Д. Сытина 22 іюня 1891 г. Отвѣтственнымъ редакторомъ его оставался первое время М. А. Вернеръ, затѣмъ И. Д. Сытинъ подписывалъ журналъ временно за редактора, пока таковымъ не былъ утвержденъ Е. Н. Киселевъ. Подписная цѣна на журналъ была 4 руб.

Принявъ журналъ со второго полугодія 1891 года всего съ 4.500 подписчиками, И. Д. Сытину удалось въ слѣдующемъ же 1892 подписномъ году привлечь 12.000 подписчиковъ.

Благодаря аккуратному выходу журнала, его интересному содержанію и умѣлому выбору приложеній, журналъ „Вокругъ Свѣта“ годъ отъ году сталъ привлекать все большее и большее количество подписчиковъ. Такъ, въ 1893 году журналъ имѣлъ 15.000 подписчиковъ, а уже въ 1895 и 1896 гг. количество подписчиковъ возросло до 37.000 человѣкъ. Въ теченіе этихъ двухъ лѣтъ было дано въ качествѣ приложенія собраніе сочиненій Майнъ-Рида. Въ 1897 и 1898 гг. число подписчиковъ достигло уже 42.000. Приложеніями этихъ двухъ подписныхъ годовъ явились сочиненія кумира юношества всѣхъ странъ, знаменитаго фантаста Жюля Верна.

Журналъ „Вокругъ Свѣта“ постепенно сдѣлался излюбленнымъ періодическимъ изданіемъ русскаго юношества. Его можно было встрѣтить въ любой столичной или провинціальной библіотекѣ, въ любой семьѣ, гдѣ была читающая молодежь.

Съ теченіемъ времени къ этой небольшой подписной платѣ—4 руб., за которую подписчики получали 50 №№ иллюстрированнаго журнала и 12 ежемѣсячныхъ книжекъ литературныхъ приложеній, состоявшихъ изъ отдѣльныхъ произведеній излюбленныхъ иностранныхъ авторовъ,—былъ прибавленъ 1 рубль, за который, въ видѣ отдѣльной художественной преміи, ежегодно выдавались подписчикамъ прекрасно исполненныя репродукціи-олеографіи съ извѣстныхъ картинъ художниковъ, имена ко-

торыхъ перечислены выше. Въ тѣ годы подобныя преміи пользовались исключительнымъ успѣхомъ и подписчики, въ особенности провинціальные, охотно украшали ими свои гостиныя. Такимъ образомъ журналъ „Вокругъ Свѣта“ цѣлый рядъ лѣтъ популяризировалъ въ русской семьѣ лучшіе образцы русской пейзажной и исторической живописи.

Въ выборѣ картинъ для репродукціи олеографическимъ способомъ Иванъ Дмитріевичъ принималъ всегда самое заботливое участіе, учитывая и интересъ сюжета и мастерство исполненія. Вообще первыя 10—15 лѣтъ изданія „Вокругъ Свѣта“, когда издательское дѣло И. Д. еще не было столь разнообразно, сложно, многосторонне и грандіозно, какъ позже и въ особенности теперь, Иванъ Дмитріевичъ удѣлялъ много заботъ и вниманія этому своему первому по времени періодическому изданію, пока оно не окрѣпло совершенно и не пріобрѣло полной устойчивости и опредѣленной физіономіи. Но надо отдать справедливость Ивану Дмитріевичу, какъ издателю, что, разъ выбравъ ближайшаго руководителя-редактора, онъ предоставлялъ ему полную свободу дѣйствій въ выборѣ литературнаго матеріала и веденіи вообще редакціонной стороны дѣла.

Въ августѣ 1901 г. редактированіе журнала перешло отъ Е. Н. Киселева къ новому редактору—Е. Н. Поливановой, которая начала вести журналъ со всѣми его приложеніями со 2-го полугодія.

Журналъ не измѣнилъ ни своей внѣшности ни своей программы и продолжалъ сохранять свою прочно установившуюся физіономію журнала приключеній на сушѣ и на морѣ. Въ этомъ подписномъ году подписчикамъ, какъ и прежде, было дано при журналѣ 12 книгъ литературныхъ приложеній, заключавшихъ въ себѣ полный переводъ высокогуманнаго сочиненія американской писательницы Бичеръ-Стоу — „Хижина дяди Тома“ (2 кн.), романъ А. Дюма „Двадцать лѣтъ спустя“ (4 кн.), романы Жюля Верна „Завѣщаніе чудака“ и „Рѣка Орноко“ (4 кн.) и романъ В. Гюго „Ганъ Исландецъ“ (2 кн.).

Скромная подписная цѣна на журналъ не позволяла еще въ то время давать болѣе или менѣе полныхъ собраній сочиненій излюбленныхъ авторовъ, и потому эти приложенія носили смѣшанный характеръ: давались обыкновенно отдѣльныя выдающіяся произведенія того или иного писателя.

Но уже въ слѣдующемъ 1902 подписномъ году количество листовъ литературныхъ приложеній было увеличено, и подписчики получили 24 книги приложеній, заключавшихъ собранія сочиненій Н. В. Гоголя,

В. А. Жуковскаго и М. Н. Загоскина, иллюстрированныя художниками Аѳанасьевымъ, Богатовымъ, Ивановымъ, Лебедевымъ, Навозовымъ, Ягужинскимъ и Пичугинымъ. Кромѣ того, подписчики получили сборникъ очаровательныхъ „Восточныхъ сказокъ“ В. М. Дорошевича.

Этотъ годъ прошелъ въ смыслѣ подписки особенно блестяще, благодаря обилію и содержательности приложеній.

Было бы долго перечислять хронологически годъ за годомъ названія всѣхъ приложеній, дававшихся къ журналу. Достаточно упомянуть, что въ послѣдующіе годы давались наиболѣе популярныя произведенія Виктора Гюго, Вальтеръ Скотта, Конанъ Дойля, Александра Дюма, а въ 1905 г., кромѣ обычныхъ 24 кн. литературныхъ приложеній, подписчикамъ была выдана извѣстная книга-сокровищница „Мысли мудрыхъ людей“, собранныя гр. Л. Н. Толстымъ.

Съ 1908 г. по настоящее время, т.-е. въ теченіе десяти лѣтъ, журналъ редактируетъ Вл. А. Поповъ. Какъ и въ былые годы, „Вокругъ Свѣта“ является журналомъ путешествій, приключеній и научно-популярнымъ, предназначеннымъ, главнымъ образомъ, для пользованія широкихъ круговъ русской молодежи и публики, ищущей интереснаго, занимательнаго чтенія и, на ряду съ этимъ, популяризаціи научныхъ свѣдѣній изъ самыхъ разнообразныхъ областей знанія, главнымъ же образомъ естествознанія, но программа его за эти годы значительно расширилась. Кромѣ беллетристики на географической или этнографической канвѣ и путешествій, въ журналѣ „Вокругъ Свѣта“за послѣднія 10 лѣтъ велись слѣдующіе отдѣлы: Преданія и легенды разныхъ народовъ.—Научныя экспедиціи и географическія открытія.—Біографіи знаменитыхъ путешественниковъ и изслѣдователей. — Образовательныя экскурсіи по Россіи и за границей.—Изъ великой книги природы.—Природа въ комнатѣ.—Звѣздное небо и его чудеса. — Научныя открытія и техническія изобрѣтенія.—Грандіозные проекты и сооруженія.—Современное воздухоплаваніе.—Катастрофы въ воздухѣ и драмы на морѣ. Необычайныя охоты на сушѣ и на морѣ. — Люди науки, искусства и литературы.—Историческій калейдоскопъ (крупныя историческія годовщины).—Современный спортъ. — Уголокъ филателиста. — Научныя развлеченія и отвѣты и т. д.

До 1912 г. основная подписная цѣна на журналъ оставалась прежняя—4 р. въ годъ съ 24 книгами литературныхъ приложеній и 1 р. за особую премію. Въ теченіе этихъ пяти лѣтъ были даны собранія сочиненій слѣдующихъ авторовъ: Эдгара Поэ, Камилла Фламмаріона,

Герберта Уэльса, Редьярда Киплинга, Эмиліо Сальгари, Эрнеста Сетона-Томпсона, Сельмы Лагерлефъ, Джерома-Джерома, полное иллюстрированное собраніе сочиненій И. С. Никитина, а въ качествѣ рублевой преміи— прекрасныя изданія большого формата „Міръ животныхъ въ фотографіяхъ съ натуры", съ текстомъ англійскаго натуралиста Чарльза Корнишъ (2 тома), однотомное изданіе такого же типа: „Чудеса міра въ фотографіяхъ съ натуры", съ подробнымъ описаніемъ ихъ. Кромѣ того, въ 1910 г. былъ данъ самоучитель и хрестоматія международнаго языка „Эсперанто".

Съ 1911 г., на ряду съ прочими литературными приложеніями, стали выходить ежемѣсячные иллюстрированные сборники подъ названіемъ „На Сушѣ и на Морѣ" по типу англійскихъ и американскихъ „магазиновъ", ежемѣсячныхъ иллюстрированныхъ журналовъ, пользующихся большой популярностью во всѣхъ странахъ, говорящихъ на англійскомъ языкѣ. Сборники эти были посвящены спеціально путешествіямъ, приключеніямъ и фантастикѣ, и понравились читателямъ журнала.

1913 г. былъ исключительнымъ въ исторіи „Вокругъ Свѣта". Дѣло въ томъ, что въ лицѣ Ивана Дмитріевича ему первому, какъ частному издателю, посчастливилось получить право на изданіе полнаго собранія сочиненій Льва Николаевича Толстого, до того времени издававшихся, какъ извѣстно, гр. С. А. Толстой. И вотъ „Вокругъ Свѣта", по иниціативѣ И. Д., выпала счастливая доля послужить тѣмъ русломъ, по которому сочиненія великаго мірового писателя потекли въ широкую читательскую массу, тѣмъ болѣе широкую, что подписная цѣна „Вокругъ Свѣта" съ 36 книгами полнаго собранія сочиненій Л. Н. Толстого въ 1913 г. была объявлена вполнѣ доступная—12 руб. съ пересылкой.

Этотъ издательскій шагъ Ивана Дмитріевича, несомнѣнно, былъ однимъ изъ самыхъ широкихъ, однимъ изъ самыхъ идейныхъ и красивыхъ, и огромное число русскихъ людей сказали въ то время передовому и смѣлому издателю „Вокругъ Свѣта" искреннее русское спасибо за то, что Сытинъ сумѣлъ приблизить Толстого къ читательской массѣ, выпустивъ его сочиненія по столь недорогой расцѣнкѣ.

Послѣ этого года журналъ „Вокругъ Свѣта" вошелъ, такъ сказать, въ „большое плаваніе", такъ какъ при повысившейся подписной цѣнѣ онъ могъ выпускать съ этихъ поръ полныя, а не сокращенныя, какъ прежде, собранія сочиненій крупнѣйшихъ европейскихъ писателей.

И дѣйствительно, въ слѣдующемъ же 1914 г. мы видимъ, что въ качествѣ главнаго литературнаго приложенія въ журналу „Вокругъ Свѣта“ фигурируетъ полное собраніе сочиненій Генрика Сенкевича, вышедшее въ 36 книгахъ увеличеннаго формата и изданное по типу предшествующаго изданія сочиненій Л. Н. Толстого. На ряду съ этимъ, въ этомъ году дается 12 выпусковъ иллюстрированнаго сочиненія знаменитаго географа Элизе Реклю—„Земля“ („La terre“) въ переводѣ и подъ редакціей члена географическаго института имени Э. Реклю—Н. К. Лебедева, 12 кн. иллюстрированнаго ежемѣсячника „На Сушѣ и на Морѣ“ и 12 №№ ежемѣсячнаго изданія „Вѣстникъ спорта и туризма“.

Въ виду обилія и разнообразія приложеній въ этомъ году было рѣшено раздѣлить ихъ на абонементы съ тѣмъ, чтобы подписчики могли по своему желанію выбирать то или иное изъ нихъ, при чемъ общая подписная сумма вмѣстѣ съ самимъ журналомъ все-таки не превышала 14 рублей.

Надобно замѣтить, что, прежде чѣмъ приступать къ изданію сочиненій Г. Сенкевича, Иванъ Дмитріевичъ счелъ необходимымъ лично снестись съ знаменитымъ польскимъ писателемъ по этому поводу. Для этого онъ предложилъ редактору журнала, В. А. Попову, съѣздить въ Варшаву, гдѣ въ то время жилъ Сенкевичъ, съ тѣмъ, чтобы лично просить у него разрѣшенія на новый переводъ его произведеній и изданіе ихъ въ качествѣ приложенія къ „Вокругъ Свѣта“. Сенкевичъ былъ очень тронутъ предупредительностью и вниманіемъ, проявленнымъ къ нему со стороны крупнѣйшаго русскаго книгоиздательства, тѣмъ болѣе, что ему было предложено 12.000 франковъ на нужды благотворительныхъ или просвѣтительныхъ учрежденій его имени. И. Д. въ это же время былъ въ Варшавѣ и предполагалъ самъ видѣться съ Сенкевичемъ, но внезапное нездоровье не позволило ему тогда осуществить это желаніе.

Въ 1915 г. „Вокругъ Свѣта“ опять далъ крупнаго писателя—полное собраніе (въ 36 кн.) сочиненій Виктора Гюго, въ которое вошли также и его избранныя поэтическія произведенія. Кромѣ того, было дано собраніе сочиненій американскаго писателя Бретъ Гарта въ 12 книгахъ и 12 вып. сочиненія Элизе Реклю—„Народы и страны Западной Европы“ (Франція, Великобританія, Бельгія, Германія, Австро-Венгрія, Италія, Швейцарія, Испанія, Португалія, Греція, европ. Турція, Болгарія, Румынія, Сербія, Черногорія, Албанія, Голландія, Данія, Швеція и Норвегія). Это цѣнное приложеніе, подобно „Землѣ“, вышло прекрасно и обильно иллюстрированнымъ, въ переводѣ и подъ редакціей и съ до-

полненіями Н. К. Лебедева. Наконецъ, ежемѣсячникъ „На Сушѣ и на Морѣ“, въ виду начавшейся великой европейской войны, по желанію Ивана Дмитріевича, былъ превращенъ въ ежемѣсячникъ подъ названіемъ „Міровая война“, 12 книжекъ котораго были посвящены исключительно очеркамъ, разсказамъ и иллюстраціямъ, изображающимъ наиболѣе выдающіеся моменты этой величайшей кровавой эпопеи.

Въ 1916 г. представилось возможнымъ, съ точки зрѣнія Ивана Дмитріевича, вернуться къ повторенію, но, на этотъ разъ, уже въ видѣ полнаго собранія сочиненій излюбленнаго юношествомъ автора-приключенца Майнъ-Рида, тѣмъ болѣе, что со времени перваго выхода лишь нѣкоторыхъ его романовъ протекло уже много лѣтъ, и то молодое поколѣніе, которое читало „Вокругъ Свѣта“ и этого писателя когда-то, выросло и стало само уже „дѣлать жизнь“. Ежемѣсячникъ „На Сушѣ и на Морѣ“ былъ въ этомъ году возстановленъ подъ названіемъ „Журнала Приключеній“, а образовательнымъ приложеніемъ явилось осуществленное впервые въ Россіи, малоизвѣстное, но весьма цѣнное сочиненіе Жюля Верна— „Завоеваніе Земли“,—популярная иллюстрированная исторія великихъ географическихъ открытій и путешествій съ древнѣйшихъ временъ до нашихъ дней, въ переводѣ съ французскаго подъ редакціей и съ дополненіями Н. К. Лебедева. Кромѣ этого, въ 1916 году на страницахъ журнала печатался систематическій курсъ англійскаго языка (въ 50-ти урокахъ), составленный г-жами А. Frey и Н. Жуковской.

Наконецъ, въ послѣдній, 1916, отчетный подписной годъ „Вокругъ Свѣта“ выступилъ вновь подъ флагомъ чистаго приключенства, такъ какъ въ этомъ году, по желанію Ивана Дмитріевича, главнымъ литературнымъ приложеніемъ журнала явилось полное иллюстрированное собраніе сочиненій знаменитаго короля фантастики, кумира юношества обоихъ полушарій Жюля Верна. Рѣшеніе дать именно этого автора диктовалось тѣмъ соображеніемъ, что, несмотря на популярность Жюля Верна, въ Россіи все-таки до сихъ поръ не было еще издано дѣйствительно полнаго собранія его сочиненій, между тѣмъ спросъ на нихъ со стороны молодежи, да и многихъ взрослыхъ любителей фантастической и приключенской литературы,—постоянный. Настоящее изданіе должно явиться дѣйствительно полнымъ, такъ какъ въ него войдутъ, кромѣ всѣхъ романовъ, выпущенныхъ при жизни Жюля Верна, также и всѣ его посмертныя произведенія, изъ которыхъ нѣкоторыя не появлялись еще ни въ одномъ русскомъ собраніи его сочиненій. Въ виду большого количества ихъ, доходящихъ до 90 романовъ, это изданіе

рѣшено выпускать серіями по 30 и болѣе романовъ въ каждой, давая по одной серіи въ годъ.

Иванъ Дмитріевичъ не ошибся, выбравъ именно Жюля Верна, такъ какъ подписка на журналъ „Вокругъ Свѣта“ въ текущемъ году замѣтно поднялась. Кромѣ „Журнала Приключеній“, являющагося теперь уже постояннымъ придаткомъ „Вокругъ Свѣта“ и расширяющаго его рамки, такъ какъ въ немъ печатаются крупныя новинки корифеевъ приключенской литературы (Конанъ Дойля, Джека-Лондона, Райдера Хаггарда, Чарльза Робертса, Б. Стивенсона, Макса Пимбертона и др.), которыя по своему объему не могутъ найти себѣ мѣста на страницахъ „Вокругъ Свѣта“ въ текущемъ году подписчики получатъ 12 выпусковъ иллюстрированнаго руководства общественнаго и практическаго самовоспитанія молодежи по англійской системѣ „скаутингъ“ сэра Роберта Баденъ Поуэля въ переработкѣ Вл. Попова и В. С. Преображенскаго примѣнительно къ условіямъ русской жизни и природы. Давая это приложеніе, редакція журнала исходила изъ той мысли, что въ переживаемыя нами тяжелыя годины великой міровой войны, когда большая часть взрослаго мужского населенія рѣшаетъ судьбы родины на поляхъ брани или занята лихорадочной дѣятельностью для дѣла побѣды въ тылу, юная молодежь, строительница жизни ближайшаго будущаго, почти что предоставлена самой себѣ. А между тѣмъ, ей надо вырасти здоровой, бодрой, сильной, смѣлой и дисциплинированной, такъ какъ на ея долю выпадетъ въ ближайшемъ будущемъ великая работа по обновленію нашей родины, потрясенной до основанія великой міровой катастрофой. Система общественнаго и практическаго самовоспитанія Баденъ Поуэля, объединившая въ скаутскія организаціи болѣе полумилліона молодежи въ Англіи и ея колоніяхъ и захватившая молодежь Франціи, Бельгіи, Италіи, Швеціи, Румыніи, Японіи и другихъ странъ, идетъ навстрѣчу рѣшенію этой важной задачи, тѣмъ болѣе, что система эта воплощена въ чрезвычайно привлекательныя для юношества формы.

Заканчивая этотъ краткій обзоръ существованія журнала „Вокругъ Свѣта“ на протяженіи тридцати трехъ лѣтъ со дня его основанія братьями Вернеръ и двадцатипятилѣтняго существованія въ издательской фирмѣ Т-ва И. Д. Сытина, хочется сказать, что это первое періодическое изданіе, взятое въ руки Иваномъ Дмитріевичемъ, обязано своею стойкостью, своимъ широкимъ распространеніемъ и солиднымъ издательскимъ розмахомъ въ огромной мѣрѣ Ивану Дмитріевичу. Конечно, Иванъ

Дмитріевичъ, этотъ „большой корабль" русскаго издательскаго дѣла, за послѣдніе годы часто уходитъ въ „большія плаванія" и ему не всегда бываетъ досугъ удѣлять вниманіе своему первому „періодическому дѣтищу"—„Вокругъ Свѣта", да къ тому же и дѣтище это уже выросло и окрѣпло, но все же его судьба никогда не перестаетъ его интересовать, какъ не можетъ перестать интересовать отца судьба его первенца.

Редакторъ журнала „Вокругъ Свѣта" В. А. Поповъ.

„ИСКРЫ“.

Среди многочисленныхъ иллюстрированныхъ изданій Товарищества И. Д. Сытина журналъ „Искры“ является первымъ *самостоятельнымъ* иллюстрированнымъ журналомъ Товарищества. Тогда какъ другія изданія, какъ, напримѣръ, „Вокругъ Свѣта“, пріобрѣтались Товариществомъ, такъ сказать, въ готовомъ видѣ, у ихъ прежнихъ собственниковъ и издателей, журналъ „Искры“ появился какъ свое собственное изданіе, съ заранѣе задуманнымъ планомъ и опредѣленными задачами.

Первоначально журналъ долженъ былъ удовлетворять широкія массы читателей, какъ дешевый литературно-художественный и иллюстраціонный органъ, въ которомъ ощущалась насущная потребность, тѣмъ болѣе, что въ это время въ Москвѣ не было ни одного подобнаго изданія.

И дѣйствительно, въ теченіе двухъ лѣтъ (1901—1903 гг.) журналъ „Искры“ выходитъ маленькимъ журналомъ (въ половинномъ размѣрѣ нынѣшняго формата) съ обильнымъ и самымъ разнообразнымъ содержаніемъ, богато иллюстрированнымъ. Въ немъ печатались разсказы и повѣсти, стихотворенія, сценки, маленькіе фельетоны, путешествія, статьи, критическіе очерки, замѣтки и хроника театра, музыки, спорта и проч. Къ журналу прилагались исполненные въ краскахъ портреты нашихъ классиковъ, современныхъ писателей и общественныхъ дѣятелей, художественныя картины и ноты.

Словомъ, журналъ давалъ ту духовную пищу, въ которой нуждался читатель. Онъ наглядно изображалъ въ рисункахъ переживаемыя событія, волновавшія въ это время общество, и, понятно, сразу завоевалъ себѣ популярность. Уже въ первые годы своего изданія журналъ печатался въ количествѣ 30.000 экземпляровъ, что по тому времени считалось крупнымъ успѣхомъ.

Однако этотъ типъ и характеръ журнала, предназначеннаго для „семейнаго чтенія“, пришлось измѣнить, такъ какъ издававшіяся еженедѣльно при „Русскомъ Словѣ“ воскресныя прибавленія зачастую своимъ злободневнымъ иллюстраціоннымъ матеріаломъ повторяли то же самое, что уже было напечатано въ журналѣ.

Замѣнивъ собою эти воскресныя прибавленія, уже съ 1903 г. журналъ „Искры“ выходитъ еженедѣльно при газетѣ „Русское Слово“, и эта фраза до сихъ поръ значится подъ заголовкомъ журнала. Одновременно былъ измѣненъ и форматъ журнала, который приближалъ его

къ типу подобныхъ заграничныхъ иллюстраціонныхъ органовъ. Это давало возможность развернуть иллюстрацію во всю ширь, помѣщать рисунки въ большихъ размѣрахъ съ сохраненіемъ мельчайшихъ деталей каждаго изображаемаго событія или лица. Преимущество отдавалось фотографіи, какъ подлинному документу, запечатлѣвающему событіе или лицо такъ, какъ оно есть и какъ о немъ говоритъ печатное слово газеты. Журналъ „Искры" являлся „иллюстраціоннымъ откликомъ" того, что печаталось въ газетѣ „Русское Слово", и, понятно, содержаніе его было самое разнообразное. Все-таки журналъ интересовался, главнымъ образомъ, русской жизнью, иллюстрируя исключительно событія, происшедшія въ Россіи, и лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда событія иностранной жизни дѣйствительно привлекали всеобщее вниманіе, въ журналѣ отводилось имъ мѣсто. Этимъ достигались двѣ задачи— популяризація иллюстрацій на мѣстахъ во всѣхъ уголкахъ нашей необъятной родины и закрѣпленіе за иллюстраціей права, какимъ пользуется и какое имѣетъ печатное слово. Съ достиженіемъ этихъ задачъ, журналъ „Искры" долженъ стать тѣмъ журналомъ, въ которомъ давно нуждается Россія и который имѣетъ каждое западное государство, какъ, напримѣръ, Франція, „L'Illustration", Англія „The Illustrated London News" и „The Graphic", Италія „Illustratione Italiana" и т. д.

Россія же такъ велика, ея жизнь такъ разнообразна и событія такъ многочисленны, что не только одному большому иллюстраціонному журналу найдется мѣсто въ ней, а нѣсколькимъ, если только читатель привыкнетъ къ иллюстраціи, какъ онъ привыкъ къ газетѣ.

Это стремленіе журнала „Искры" популяризировать свою русскую иллюстрацію было подмѣчено нашимъ великимъ писателемъ, и покойный Левъ Николаевичъ Толстой очень любилъ этотъ журналъ и посылалъ отцовскіе совѣты вести его именно въ этомъ чисто русскомъ духѣ, чтобы развить любовь къ родинѣ, ея жизни, ея дѣятелямъ и работникамъ.

Чтобы приблизиться къ типу иностранныхъ большихъ журналовъ, журналъ „Искры" посвятилъ нѣсколько номеровъ красочнымъ рисункамъ и въ первый разъ въ Россіи красочнымъ фотографіямъ. Эти номера по своему художественному исполненію совершенно не отличались отъ такихъ иллюстрацій въ иностранныхъ журналахъ и въ жизни журнала „Искры" оставили яркій слѣдъ. Конечно, война помѣшала журналу развиваться дальше въ томъ же духѣ, но это еще не значитъ, что онъ отказался отъ этой цѣли.

Въ теченіе своего 16-лѣтняго существованія журналъ „Искры“ далъ нѣсколько спеціальныхъ номеровъ, посвященныхъ нашимъ писателямъ или крупнымъ историческимъ событіямъ, какъ, напримѣръ, „Пушкинскій“ номеръ, „Тургеневскій“, „Гоголевскій“, „Чеховскій“, „Юбилейный номеръ освобожденія крестьянъ“ и т. д. Особенно интересны номера, посвященные „Движенію 1905 года“, представляющіе теперь цѣнную историческую рѣдкость.

Быстро откликаясь на всѣ событія и отражая въ себѣ переживанія общества, журналъ съ каждымъ годомъ пріобрѣталъ все большую популярность, а вмѣстѣ съ ней росъ и его тиражъ, доходящій теперь до 100.000 экземпляровъ. Этотъ постепенный ростъ лучше всего доказываетъ, что журналъ идетъ по вѣрному направленію, пробивая себѣ путь къ достиженію своей задачи—стать большимъ иллюстраціоннымъ настольнымъ органомъ въ каждой семьѣ.

Конечно, и въ этомъ дѣлѣ, какъ во всѣхъ дѣлахъ Товарищества, лично И. Д. Сытинъ игралъ самую видную роль и какъ отецъ „Искры“ по мысли котораго этотъ журналъ и появился въ свѣтъ, и какъ его вдохновитель.

Онъ не останавливался ни передъ какими затратами, съ которыми обыкновенно сопряжены такія дешевыя неоправдывающія себя изданія, только ради того, чтобы достигнуть намѣченныхъ задачъ. И только благодаря лично ему, его поддержкѣ, журналъ могъ часто выходить въ дорогомъ праздничномъ уборѣ, не окупая затраченныхъ на него средствъ. Каждый такой номеръ былъ просто праздничнымъ подаркомъ читателю.

Вотъ почему съ одной стороны сочувственное отношеніе читателей, а съ другой—щедрая поддержка И. Д. Сытина даетъ возможность журналу бодро смотрѣть на свое будущее и смѣло продолжать свою работу, стремясь къ намѣченной цѣли.

Сытинское изданіе

„Сытинское“ изданіе вѣдь это — нарицательное названіе. И вмѣстѣ съ тѣмъ это — *рекомендація*, рекомендація съ идейно-общественной точки зрѣнія.

„Сытинское“ изданіе это — изданіе общественно-полезное, а иногда даже общественно-необходимое: вотъ рекомендація, которая въ немъ содержится.

Но для его характеристики этого мало, ибо въ его общественной полезности есть свой собственный оттѣнокъ, свое собственное мѣсто.

Было у насъ въ теченіе долгаго времени нарицательнымъ названіемъ „павленковское“ изданіе, и тоже было высокой рекомендаціей съ идейно-общественной точки зрѣнія. Но въ другомъ смыслѣ, чѣмъ изданіе „сытинское“.

„Павленковское“ изданіе это было изданіе для интеллигенціи, въ курсѣ интеллигентской жизни, въ руслѣ интеллигентскихъ умственныхъ теченій.

Изданіе „сытинское“ это изданіе для народа,—это изданіе гораздо болѣе широкое, *народное*.

„Павленковское“ изданіе было въ ростъ интеллигенціи, поэтому оно шло поверхъ народа. Изданіе „сытинское“ — какъ разъ въ ростъ народу, какъ разъ въ мѣру его идейныхъ потребностей, и оно идетъ прямо въ народъ.

И какъ характерно оно началось — это „сытинское“ изданіе. Вѣдь оно началось, какъ изданіе „Посредника“, а изданіе „Посредника“, въ свою очередь, идейно исходило отъ того, кто является, съ одной стороны, высочайшей высотой, а съ другой стороны, глубочайшей глубиной всего русскаго народа: оно исходило отъ Льва Николаевича Толстого.

Тотъ, кто своей головой уходилъ въ самую высь всей нашей умственной и нравственной жизни,—тотъ, кто своими корнями крѣпко сидѣлъ въ самой толщѣ народнаго духа, — покойный Левъ Николаевичъ Толстой, въ своихъ исканіяхъ блага народу, выдвинулъ идею: пора уже вывести народъ изъ его умственной неподвижности,—пора дать народу лучшую умственную пищу, исходящую отъ тѣхъ, кто ее можетъ пред-

ложить народу,—но надо дать ее сначала въ привычной народу формѣ, въ формѣ лубочной литературы.

Это была идея: не слащаво или снисходительно поучать народъ, а дать ему то, до чего онъ уже доросъ, чего ему уже недостаетъ и что онъ самъ, еще не умѣя сказать, но уже требуетъ.

И дѣятели „Посредника“ блестяще выполнили эту задачу; на нашемъ книжномъ рынкѣ появились сытинскія „листовки“ изданій „Посредника“, и онѣ проложили себѣ путь къ народу, и народъ ихъ въ полной мѣрѣ оцѣнилъ. Своимъ новымъ содержаніемъ онѣ убили самую ту лубочную литературу, внѣшней формѣ которой онѣ сперва подражали. Онѣ научили народъ обращать вниманіе не на форму, а на содержаніе,—онѣ сдвинули умственные запросы народа съ мертвой точки,—онѣ проложили прямой и непосредственный путь отъ тѣхъ, кто можетъ удовлетворять народные запросы,—къ самому народу.

Но была во всемъ этомъ дѣлѣ большая заслуга и еще у одного человѣка: у Ивана Дмитріевича Сытина. Безъ его участія это дѣло, можетъ-быть, и не удалось бы, по крайней мѣрѣ, не удалось бы такъ быстро и такъ блестяще.

Ибо мало одной идеи, нужно еще практическое ея осуществленіе,—а для практическаго осуществленія нужно *умѣнье*, — и не простое умѣнье, а умѣнье, которое само насквозь прониклось бы идеей.

У И. Д. Сытина оказалось какъ-разъ такое умѣнье, проникнутое идеей. Онъ взялся за изданія „Посредника“ не какъ ремесленникъ,—не потому, что у него была типографія и книжная торговля, а потому, что онъ тоже, оцѣнивъ *идею* Толстого, оцѣнилъ ее съ жизненной, практической стороны, ибо онъ самъ былъ человѣкъ изъ народа, онъ ощущалъ потребности народа, онъ чуялъ, что время приспѣло, и что то, что задумалъ „Посредникъ“, имѣло всѣ шансы на успѣхъ.

Въ лицѣ И. Д. Сытина идея Толстого нашла всецѣло преданнаго ей и практически вполнѣ опытнаго исполнителя, отъ того и успѣхъ идеи былъ такой быстрый, блестящій и рѣшительный.

Теперь уже самое это дѣло Посредника — „историческій“ фактъ. Оно сыграло свою роль, оно убило лубочную литературу и отошло въ исторію. „Посредникъ“, правда, продолжаетъ жить и работать, но онъ обратился къ другимъ задачамъ,—онъ не остался на этой особой стезѣ—издательства того, что нужно *народу* для удовлетворенія его широкихъ умственныхъ потребностей.

Но на этой стезѣ остался И. Д. Сытинъ, и онъ остается на ней и донынѣ.

„Сытинское“ изданіе и донынѣ, по своему внутреннему характеру, есть изданіе для *народа*,—не для интеллигенціи, а для народа. И если оно существенно измѣнилось, и внутренне и внѣшне, по сравненію съ своимъ первоначальнымъ видомъ,—если теперь это уже не „листовка“, а книга, часто книга многотомная, такъ это потому, что самъ русскій народъ страшно выросъ въ умственномъ отношеніи; чрезвычайно повысились его умственные запросы, и тѣмъ, что его удовлетворяло во времена „Посредника“, теперь его уже не удовлетворишь. Въ своемъ умственномъ развитіи народъ опирается теперь на школу, опирается на жизнь. А эта жизнь съ 1905—06 гг. дала крутой подъемъ вверхъ, разбудила народную душу, стала заравнивать самую умственную пропасть между народомъ и интеллигенціей.

Художникъ Л. О. Пастернакъ.
Художественныя иллюстраціи Л. О. украшаютъ собой произведенія Л. Н. Толстого въ изданіи Т-ва И. Д. Сытина.

И Иванъ Дмитріевичъ Сытинъ, со своей издательской дѣятельностью, идетъ вслѣдъ за народомъ. Онъ попрежнему чуетъ, что надо народу, онъ неизмѣнно предлагаетъ народу нужную ему умственную пищу, онъ расширяетъ и увеличиваетъ свое издательское дѣло, но и твердо держитъ его первоначальную линію, исходящую еще отъ Толстого: давать народу только хорошее, достойное, доброкачественное.

Поэтому „сытинское“ изданіе—не „ходкій товаръ“, не книжное „чего изволите“ или „все, что хотите“, а это: „то, что вамъ нужно“,—нужно для вашего правильнаго умственнаго роста и развитія.

Конечно, „сытинское“ изданіе имѣетъ и другое, всегда присущее ему свойство: оно на полкахъ не залежится, оно непремѣнно найдетъ своего читателя, оно построено на коммерческихъ, а не на благотвори-

тельныхъ началахъ. Но вѣдь это и вполнѣ правильно. Народъ вовсе не нуждается въ благотворительности. Онъ всегда щедро оплатитъ всякую правильную и полезную для него дѣятельность. Надо только, чтобы она была, дѣйствительно, правильной и полезной.

„Сытинское“ изданіе это — нарицательное названіе. Но вмѣстѣ съ тѣмъ это и рекомендація—рекомендація даже съ двухъ сторонъ: идейно-общественной и практически-дѣловой.

„Сытинское“ изданіе это—глубоко *жизненное* изданіе; это—изданіе, которое какъ разъ въ ростъ широкимъ народнымъ потребностямъ, но потребностямъ правильнымъ,—не для извращеннаго вкуса, не для праздной прихоти, а для умственнаго роста и развитія.

И это „сытинское“ изданіе отъ *Сытина;* отъ того человѣка, который самъ изъ народа, понимаетъ народъ, желаетъ добра народу и умѣетъ дѣлать дѣло, полезное народу. Сытинъ это—человѣкъ большихъ практическихъ способностей, острой смѣтки, широкаго организаціоннаго умѣнья, но и большого чутья къ идеѣ, воплощающей въ себѣ нужное народу въ книжномъ дѣлѣ.

И вотъ, этотъ человѣкъ проработалъ на народной нивѣ 50 лѣтъ, онъ создалъ огромное, полезное народу дѣло. Такихъ людей надо цѣнить, уважать и благодарить за ихъ дѣятельность.

Говорятъ, что у русскихъ людей мало практическихъ, дѣловыхъ способностей,—что русскій человѣкъ ничего не умѣетъ,—что все у него изъ рукъ валится,—что всякій „иностранецъ“ и „инородецъ“ всегда обгонитъ его на всѣхъ поприщахъ жизни. И дѣлаютъ отсюда всякіе дальнѣйшіе выводы, и переносятъ ихъ въ государственную жизнь,—выводы, въ сущности, глубоко оскорбительные для насъ самихъ, — тягостные для тѣхъ, кто съ ними живетъ.

А между тѣмъ какъ все это глубоко несправедливо, и какое блестящее всему этому опроверженіе—такіе люди, какъ Иванъ Дмитріевичъ Сытинъ...

Нѣтъ, для русской энергіи, для русской дѣятельности нужны не „огражденія“ и „ограниченія“, а нуженъ законный просторъ, нужна свобода, твердо обезпеченная правомъ. Когда эта свобода будетъ въ наличности, тогда и русская дѣятельность развернется во всю,—она будетъ передъ нами не отдѣльными оазисами, а сплошными полями — на всѣхъ поприщахъ жизни. Сытины это—только предтечи будущаго размаха русской энергіи, но предтечи, ясно показывающіе и ея силу, и ея умѣлость, и ея доброкачественность.

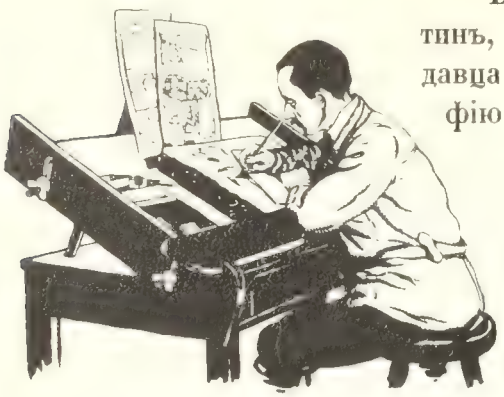
Н. Троевъ

Первая литографія И. Д. Сытина на Воронухиной горѣ. *Автотрафура Ивана Павлова*

МАСТЕРСКІЯ Т-ВА И ИХЪ РАЗВИТІЕ.

Всѣ мастерскія типо-литографіи Т-ва И. Д. Сытина представляютъ въ настоящее время рядъ огромныхъ учрежденій, въ которыхъ работаетъ свыше 2000 человѣкъ. Создано это все въ теченіе небольшого ряда лѣтъ несокрушимой энергіей учредителя Т-ва —Ивана Дмитріевича Сытина, вѣчно кипящаго въ дѣлѣ, интересующагося и вникающаго не только въ разнообразнѣйшіе вопросы, детали и мелочи техники производства, но даже и въ каждую деталь и мелочь любой машины, сумѣвшаго своимъ примѣромъ, своей любовью къ творимому имъ зажечь такой же любовью и интересомъ къ дѣлу всѣхъ своихъ сотрудниковъ, слѣдствіемъ чего и явилось то, что изъ первоначальной ячейки—маленькой литографіи—развилось огромное предпріятіе.

Исторія же развитія такова.



Хромолитографъ-рисовальщикъ за работой.

Въ 1876 году Иванъ Дмитріевичъ Сытинъ, еще находясь на службѣ у книгопродавца П. Н. Шарапова, открылъ литографію на Воронухиной горѣ, близъ Дорогомилова, подъ фирмой Шарапова. Литографія состояла изъ одной машины и печатала народныя картины.

Въ 1878 г. литографія перешла въ собственность Ивана Дмитріевича и продолжала печатать народныя картины для Шарапова.

Въ 1879 г. литографія была переведена на Пятницкую улицу въ купленный для этой цѣли домъ, существующій и понынѣ недалеко отъ главной типографіи Т-ва, но не принадлежащій въ настоящее время Т-ву. Иванъ Дмитріевичъ въ этотъ промежутокъ времени, желая дать народу лучшую картину, собралъ у себя лучшихъ мастеровъ, заказывалъ хорошіе оригиналы картинъ, тщательно самъ слѣдилъ за исполненіемъ, благодаря чему картины очень выиграли въ красочности, и сбытъ ихъ сталъ неуклонно расти.

Съ переводомъ литографіи куплена еще одна литографская машина.

Въ 1883 году Иванъ Дмитріевичъ основалъ Т-во на вѣрѣ, при чемъ открыта была собственная торговля и куплены 2 типографскихъ и 1 литографская машины.

Въ 1885 г. Иванъ Дмитріевичъ предпринялъ изданіе календарей, для чего купилъ типографію Орлова съ 5-ю типографскими машинами, шрифтомъ и инвентаремъ. Въ это же время типографія стала печатать улучшенную народную литературу въ изданіи „Посредника". Помѣщеніе типографіи съ увеличеніемъ работы вскорѣ оказалось тѣснымъ, и въ 1889 году въ купленномъ владѣ-

Литографскій ручной станокъ.

Первая типо-литографія И. Д. Сытина на Пятницкой.

ніи на Валовой улицѣ во дворѣ было выстроено по проекту архитектора Воскресенскаго двухъэтажное зданіе для типо-литографіи, имѣвшее 54 арш. въ длину и 22 арш. въ ширину. Въ нижнемъ этажѣ предполагалось расположить типографскія и литографскія машины, а въ верхнемъ—всѣ вспомогательныя мастерскія.

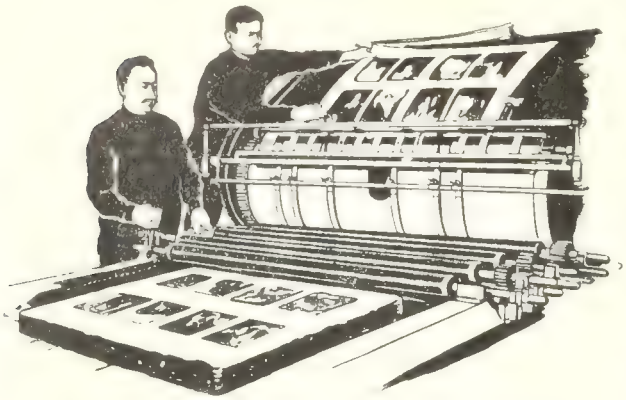
Въ 1890 году состоялся переходъ въ новое помѣщеніе, при чемъ вновь поставлено новыхъ типографскихъ машинъ 3 и литографскихъ 2.

Въ 1891 г. купленъ издающійся и теперь Т-мъ журналъ „Вокругъ Свѣта“ вмѣстѣ съ типографіей, состоящей изъ 2-хъ типографскихъ машинъ.

Въ виду все возраставшаго количества изданій, печатавшихся типографіей (въ это время печаталось большое количество различныхъ книгъ, какъ-то: духовнаго содержанія, беллетристики, учебниковъ, календарей, книгъ для самообразованія и проч.), новое помѣщеніе становилось все тѣснѣе и тѣснѣе, чему еще способствовало и расширеніе предпріятія покупкой литографіи В. В. Васильева съ 2-мя машинами и инвентаремъ, съ основаніемъ же Иваномъ Дмитріевичемъ въ 1893 году Высочайше утвержденнаго Т-ва съ основнымъ капиталомъ въ 350.000 р. было рѣшено перестроить всю типо-литографію.

Въ 1896 году построенъ новый 4-этажный корпусъ, а на существующій корпусъ наложенъ 3-й этажъ. Расширеніе помѣщенія дало возможность увеличить типографію покупкой нѣсколькихъ новыхъ иллюстраціоннаго типа машинъ для печатанія въ краскахъ. Печатающійся

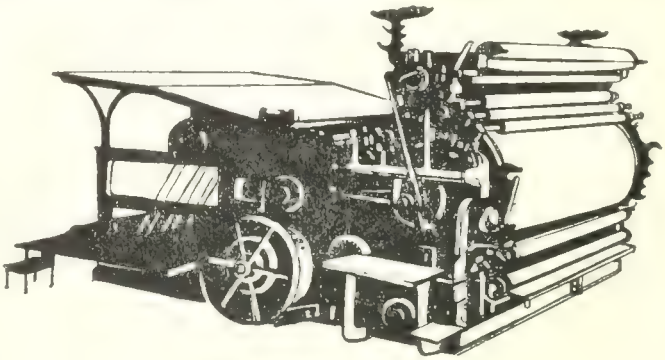
Типо-литографія Т-ва И. Д. Сытина на Валовой, построенная по проекту архитектора Воскресенскаго.



Часть литографской скоропечатной машины.

въ Т-вѣ календарь получилъ широкое распространеніе, поэтому Иванъ Дмитріевичъ купилъ для усиленія производства календаря первую двухкрасочную ротаціонную машину разныхъ форматовъ (такого типа машина была первой въ Россіи). На первыхъ порахъ машина взяла много заботъ и труда, пока не привыкли и не научились на ней работать, а затѣмъ дѣло наладилось и получилась возможность выпустить на рынокъ большое количество календаря. Вскорѣ была пріобрѣтена еще ротаціонная машина для печатанія настольнаго Всеобщаго Русскаго Календаря. Дѣла Т-ва съ каждымъ годомъ неуклонно росли и предпріятіе быстро развивалось.

Въ 1903 году къ Т-ву присоединилась типо-литографія А. В. Васильева съ 12 типографскими и 6 литографскими машинами. Самъ Васильевъ вошелъ въ Т-во въ качествѣ руководителя технической и хозяйственной части. Эту типо-литографію рѣшено было временно оставить въ арендуемомъ помѣщеніи на Петровкѣ, въ д. Обидиной, а также немедленно приступить къ расширенію типографіи на Пятницкой ул., для чего былъ пріобрѣтенъ рядъ смежныхъ владѣній и построенъ, по проекту архитектора А. Э. Эрихсона, огромный 4-этажный корпусъ, оконченный постройкой въ началѣ 1904 года. Въ это новое помѣщеніе были переведены всѣ печатныя машины изъ стараго зданія, которое, въ свою очередь, было превращено во вспомогательныя мастерскія и кладовыя для готоваго товара. Въ новый же корпусъ были перевезены и всѣ машины типо-литографіи А. В. Васильева, а также вновь пріобрѣтенныя четыре ротаціонныя



Литографская ротаціонная машина.

Сидящие слева направо: Г. Н. [illegible]; [illegible]; [illegible]; А. Б. [illegible]; В. Н. Мельников; Э. Н. [illegible]; Н. С. [illegible]; [illegible]; [illegible]; [illegible]; Д. И. [illegible]; [illegible]. Стоящие слева направо: [illegible]; А. Соловьев; Л. А. Матвеев; [illegible]; [illegible]; [illegible]; [illegible]; Л. Н. Раков; [illegible]; Г. Г. [illegible].

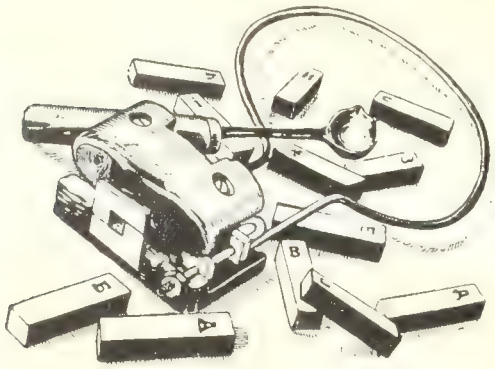
книжныя машины большого формата (одна въ 2 краски) и нѣсколько машинъ для плоскаго печатанія.

Въ этомъ же 1904 г. къ Т-ву перешла литографія М. Т. Соловьева съ 13-ю литографскими машинами и инвентаремъ. М. Т. Соловьевъ вошелъ въ Т-во руководителемъ литографской и художественной части.

Авто-гравюра Ивана Павлова

Главный корпусъ типо-литографіи Т-ва И. Д. Сытина на Пятницкой въ настоящее время. Построенъ по проекту архитектора А. Э. Эрихсона.

Послѣ перехода мастерскихъ Т-ва въ новое помѣщеніе онѣ были великолѣпно оборудованы въ техническомъ отношеніи. Такъ, была расширена словолитня, куплено большое количество новыхъ шрифтовъ, а старые выведены изъ строя. Весь иллюстраціонный отдѣлъ и оригиналы рисунковъ были пересмотрѣны и передѣланы заново, для чего были привлечены лучшія художественныя силы. Благодаря всему этому прежде всего улучшилась и развилась дѣтская литература, во

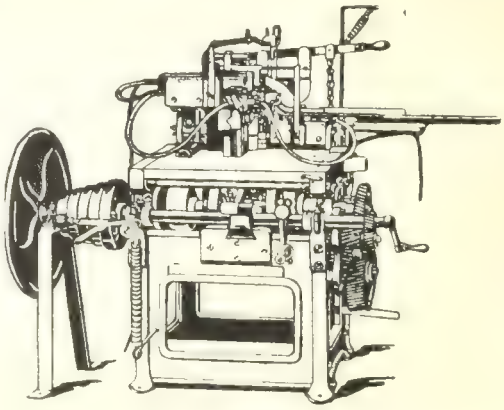


Словолитная ручная форма и матрицы.

главѣ дѣла стали спеціалисты и энергичные работники. Все это способствовало еще большему расцвѣту производительности Т-ва.

Въ 1905 году Т-во постигло большое несчастье. Въ ночь на 12 декабря пожаромъ было уничтожено все наборное отдѣленіе, переплетное, почти вся литографія и въ значительной степени попорчена типографія. Половина главнаго корпуса представляла изъ себя груду развалинъ. Производство пріостановилось. Но, благодаря кипучей энергіи Ивана Дмитріевича, не опустившаго рукъ въ тяжелую годину для любимаго имъ дѣла, и общимъ усиліямъ сотрудниковъ, къ веснѣ 1906 года вся типографія была возстановлена, поставлено нѣсколько новыхъ литографскихъ машинъ и дѣятельность мастерскихъ возстановилась, хотя и въ гораздо меньшемъ объемѣ.

Въ періодъ времени съ 1907 по 1912 годъ мастерскія были не только возстановлены въ полномъ прежнемъ ихъ объемѣ, но далеко переросли его. Поставлено было, помимо имѣвшихся 6 ротаціонныхъ, до 15-ти типографскихъ машинъ, изъ коихъ 3 машины американской системы Милле и 2 такихъ же машины англійскихъ, остальныя же бо̀льшаго формата для печатанія иллюстраціонныхъ работъ, затѣмъ 5 ротаціонныхъ литографскихъ и до 10 обыкновенныхъ литографскихъ машинъ большого формата для обыкновеннаго печатанія. Для расширенія самыхъ мастерскихъ былъ построенъ 5-этажный съ подваломъ корпусъ по Валовой ул. и большія кладовыя для готоваго товара и бумаги во дворѣ. Весь товаръ изъ стараго фабричнаго зданія былъ перенесенъ въ эти спеціальныя кладовыя, а зданія стараго корпуса по тщательной ремонтировкѣ превращены въ типографію. Въ этотъ же періодъ времени пріобрѣтено большое количество разныхъ вспомога-



Часть словолитной машины.

И. И. СЛУЖИВОВЪ

С. В. СМИРНОВЪ.

А. А. ЛЕОНОВЪ.

А. С. КАСАТКИНЪ

С. М. МАКСИМОВЪ.

Е. Ѳ. ЕФИМОВЪ.

С. Н. ТРОФИМОВЪ.

Ю. К. ЛАУБЕРТЪ.

С. П. ФРОЛОВЪ.

Ѳ. Ѳ. СИВОЛАПОВЪ.

А. П. ЛЕСНОВЪ.

Завѣдующіе отдѣленіями главной типо-литографіи Т-ва И. Д. Сытина на Пятницкой.

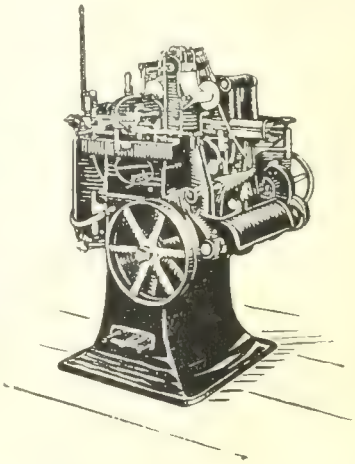
тельныхъ машинъ и перегруппировано для большей продуктивности работы самое расположеніе мастерскихъ.

Въ 1913 году къ Т-ву перешла фирма „Торговый домъ Е. И. Коноваловой“, производящая, главнымъ образомъ, народный товаръ и дѣтскія книжки съ цвѣтными рисунками. Фирма была пріобрѣтена цѣликомъ, съ типографіей, имѣвшей 6 типографскихъ и 9 литографскихъ машинъ, со всѣмъ инвентаремъ, рисунками и товаромъ.

Наборщикъ за работой.

Въ томъ же 1913 году Иванъ Дмитріевичъ, проѣздомъ черезъ Берлинъ, въ одной изъ крупныхъ типографій замѣтилъ журналъ, печатавшійся на новой машинѣ по способу профессора Мертенса (такъ называемому *меццо-тинто*). Особенность этого способа печати состоитъ въ томъ, что работы, исполненныя имъ, даютъ большую сочность, красочность и богатый переходъ тоновъ и тѣней, а также при исполненіи отпадаетъ большая часть манипуляцій, предшествующихъ самой печати (напр., совершенно отсутствуетъ такъ называемая приправка), и время подготовки къ печати уменьшается чуть ли не въ десять разъ.

Наборщикъ за наборной машиной „Типографъ“.

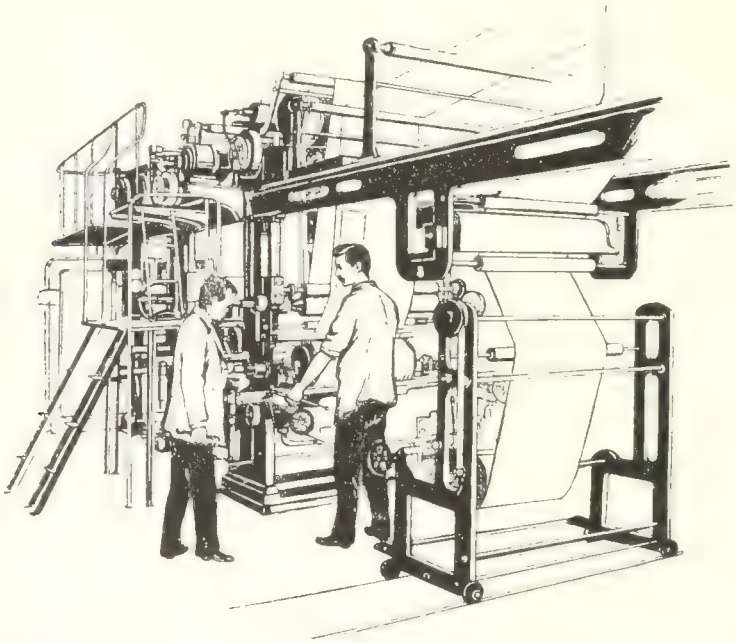


Отливной аппаратъ машины „Монотипъ“.

Всѣ эти особенности и совершенства новой печати меццо-тинто такъ

Завѣдующіе отдѣленіями главной типо литографіи Т-ва И. Д. Сытина на Пятницкой.

подкупили Ивана Дмитріевича, что онъ, вызвавъ къ себѣ одного изъ техниковъ Т-ва, повелъ переговоры о покупкѣ машины для новой печати. Въ 1914 году, почти передъ войной, машина эта была поставлена и пущена въ ходъ. Въ настоящее время на ней печатается журналъ „Искры". Однако въ виду условій военнаго времени и невозможности получить мѣдныя пластины, а часто и краски, необходимыя для печати, новое печатанье не доведено до совершенства.



Часть ротаціонной машины „глубокаго печатанія" (меццо-тинто).

Въ 1914 году къ Т-ву перешла типо-литографія Кудинова съ 3 типографскими и 5 литографскими машинами.

Въ настоящее время главныя мастерскія Т-ва состоятъ изъ 3-хъ корпусовъ, расположенныхъ на Пятницкой и Валовой ул. на участкѣ земли въ 2.250 кв. саж.

Главный корпусъ расположенъ на Пятницкой ул. и имѣетъ 4 этажа. Длина его 146 арш. при 26-арш. ширинѣ. Выстроенъ въ 1903 году по проекту архитектора Эрихсона. Въ основаніе постройки была поставлена задача получить помѣщенія съ большимъ количествомъ свѣта и воздуха при совершенно прямыхъ линіяхъ. Имѣлось въ виду получить зданіе простое, вмѣ-

Зданіе типографіи Т-ва на Валовой улицѣ, надстроенное въ 1896 году.

стительное, удобное въ гигіэническомъ отношеніи, а также красивое и по внѣшности, что и было достигнуто.

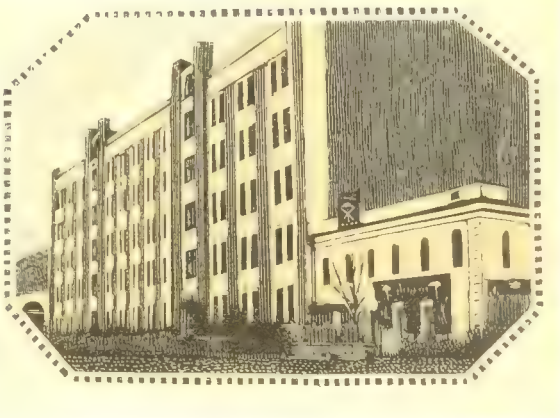
Главный корпусъ книгоиздательства раздѣленъ центральной лѣстницей на 2 половины и имѣетъ въ 4-хъ этажахъ 8 правильныхъ четырехугольныхъ обширныхъ залъ.

Въ первомъ залѣ 1-го этажа собрано 23 машины большого формата для плоской печати, главнымъ образомъ, для иллюстраціонныхъ и красочныхъ работъ. Во второмъ залѣ расположены 9 ротаціонныхъ большихъ машинъ для книжнаго печатанія.

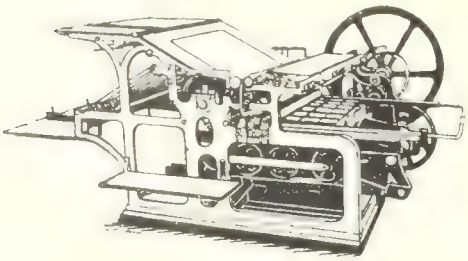
Два зала второго этажа заняты литографскими машинами, изъ коихъ 5 литографскихъ ротаціонныхъ для печати съ цинка. Въ литографіи нынѣ печатаются карты, учебныя пособія, календари, дѣтскія книжки и народныя картины.

1-й залъ 3 этажа занятъ книжнымъ наборнымъ отдѣленіемъ и здѣсь же кладовая шрифта. 2-й залъ занятъ кабинетами директоровъ, конторой, справочной библіотекой всѣхъ изданій Т-ва, помѣщеніемъ редакціи изданій Т-ва и художественной школой.

Первый залъ четвертаго этажа занятъ литографской рисовальной и переводной, кабинетами редакторовъ календаря и журнала „Вокругъ Свѣта“ и наборными календарей и журналовъ. 2-й залъ занятъ наборными машинами, словолитней, корректорской, небольшой набор-



Новое зданіе мастерскихъ Т-ва по Валовой улицѣ, построенное по плану архитектора Эрихсона въ 1912 году.



Типографская машина „плоская“.

ной для подготовки къ печати стереотиповъ и отдѣленіемъ мелкихъ типографскихъ машинъ и американокъ для печатанія обложекъ и вкладокъ для разныхъ книгъ.

Такое соединеніе печати мелкихъ работъ рядомъ съ наборнымъ отдѣленіемъ признано практичнымъ, въ виду особаго вниманія къ такимъ работамъ и необходимости частой правки и замѣны шрифтовъ.

Чердачное помѣщеніе главнаго корпуса имѣетъ окна на крышу, сдѣлано оно теплымъ и несгораемымъ. Здѣсь помѣщаются два отдѣла цинкографіи для черныхъ клише и трехцвѣтнаго печатанія, а также складъ готовыхъ клише.

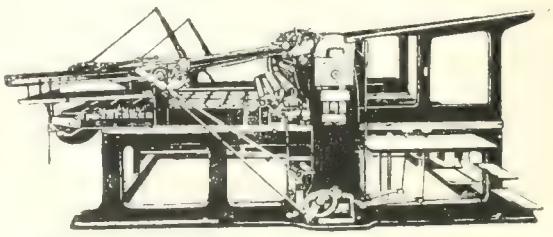
Второй корпусъ мастерскихъ, такъ называемый старый корпусъ, находится во дворѣ и имѣетъ въ длину 102 арш. и 22 арш. въ ширину. Одна половина корпуса въ три этажа, а другая поздней стройки въ 4 этажа. Построенъ онъ въ 1890 году по проекту архитектора Воскресенскаго. Каждый этажъ дѣлится на три отдѣленія.

Въ одномъ изъ отдѣленій перваго этажа помѣщаются четыре ротаціонныя машины для печатанія календаря и народныхъ книгъ. Въ двухъ остальныхъ отдѣленіяхъ этого этажа находятся 26 типографскихъ машинъ средняго формата для печатанія книгъ.

Весь второй этажъ занятъ отдѣленіемъ гальванопластики и стереотипной съ большимъ количествомъ прессовъ и мелкихъ станковъ для отдѣлки стереотиповъ.

Третій этажъ занятъ складомъ картинъ, отдѣленіемъ сушки и отдѣлки готоваго литографскаго товара, рѣзки картинъ и большимъ отдѣленіемъ для лакированія готовыхъ картинъ.

4-й полуэтажъ занятъ отдѣленіемъ наклейки, высѣчки и упаковки календарныхъ стѣнокъ. Здѣсь же имѣется отдѣленіе для выполненія стѣнокъ болѣе художественнаго типа по спеціальнымъ рисункамъ — трафаретамъ.



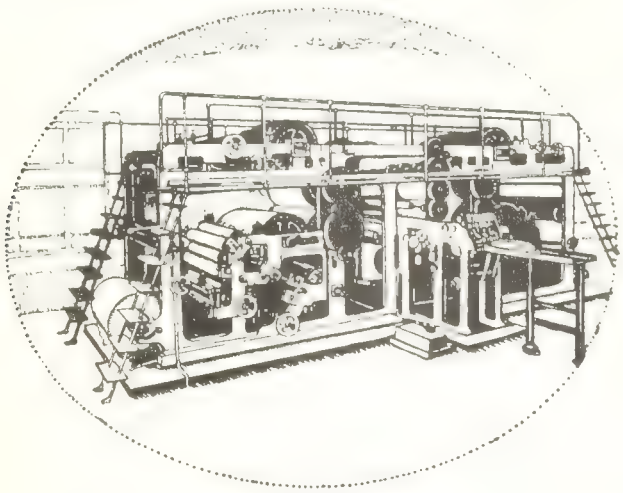
Типографская машина для цвѣтной печати.

Третій корпусъ выходитъ фасадомъ на Валовую улицу и имѣетъ

5 этажей и подвалъ, цѣликомъ находящійся въ землѣ. Длиной корпусъ по улицѣ 78 арш., а шириной 21 арш. Построенъ въ 1912 году по проекту архитектора Эрихсона.

Корпусъ этотъ по внѣшнему виду сходенъ съ главнымъ корпусомъ на Пятницкой. Каждый этажъ третьяго корпуса раздѣленъ на три отдѣленія.

Одно изъ отдѣленій перваго этажа занято пріемнымъ покоемъ, другое— большой ротаціонной машиной для печатанія календаря и журнала „Искры" по новому способу печати „меццо-тинто" (печать изъ глубины), третье отдѣленіе занято упаковочной готоваго товара. Послѣднее отдѣленіе



Ротаціонная машина.

непосредственно связано съ кладовыми готоваго товара и соединено подъемной машиной съ переплетными мастерскими.

2-й этажъ корпуса занятъ одной небольшой машиной для плоской печати „меццо-тинто" и вспомогательными мастерскими для приготовленія валовъ для этой печати, какъ-то: шлифовальное отдѣленіе для шлифованія валовъ, фотографическое, копировальное и правильное отдѣленія.

3, 4 и 5 этажи заняты переплетными мастерскими съ большимъ количествомъ вспомогательныхъ машинъ: рѣзальныхъ, фальцовальныхъ, сшивальныхъ, профировальныхъ, нумеровальныхъ, золотарныхъ и проч.

Чердачное помѣщеніе, свѣтлое и несгораемое, отведено подъ складъ клише и текста для переплетной.

При мастерскихъ имѣется въ отдѣльномъ помѣщеніи подъ дворомъ паровая и электрическая станція съ тремя котлами большой мощности съ паровой турбиной въ 300 силъ и паровой машиной въ 100 силъ.

Въ виду недостаточной мощности собственной станціи, мастерскія снабжаются электрическимъ токомъ отъ станціи Общества 1886 года, такъ какъ потребность въ двигательной силѣ достигла въ настоящее время на фабрикѣ до 800 силъ.

Кромѣ указанныхъ зданій, имѣется еще 2-этажное зданіе для механической и столярной мастерскихъ.

1 этажъ занимаетъ слесарная мастерская съ токарными, строгальными, сверлильными и зуборѣзальными машинами для ремонта печатныхъ машинъ своими силами.

Второй этажъ занимаетъ столярная мастерская съ механическими станками для распила и строганія лѣсного матеріала.

При механической мастерской имѣется кузница съ небольшимъ паровымъ молотомъ и ацетилено-водороднымъ сварочнымъ аппаратомъ для быстрой сварки поломанныхъ машинныхъ частей.

На задней границѣ владѣнія Т-ва, прилегающей къ сосѣднему владѣнію, находится четырехъэтажное съ подваломъ, свѣтлое, сухое зданіе для склада готоваго товара и бумаги, соединенное, какъ это и было указано выше, съ товарной упаковочной.

Кромѣ того, это зданіе соединено подземнымъ тоннелемъ со всѣми мастерскими, при чемъ тоннель подходитъ къ подъемнымъ машинамъ, благодаря чему получается связь всѣхъ этажей мастерскихъ съ кладовыми.

Подъ дворомъ типографіи имѣется обширное подвальное помѣщеніе для склада литографскихъ камней съ рисунками. Камней здѣсь находится до 18.000 штукъ.

Во дворѣ типо-литографіи имѣется еще жилой трехъэтажный домъ для сторожей, дворниковъ, квартиръ завѣдующаго хозяйствомъ и фабричнаго фельдшера, деревянный домъ съ квартирой техническаго директора Т-ва, всегда живущаго при типографіи, и, наконецъ нѣсколько навѣсовъ и мелкихъ складовъ для различныхъ матеріаловъ.

Два года тому назадъ недалеко отъ владѣнія типографіи были куплены Т-мъ два владѣнія съ небольшими домами особняками. Эти владѣнія были соединены въ одно, получилась площадь до 800 кв. саженъ, на которой устроены большіе навѣсы для храненія бумаги въ каткахъ для рота-

ціонныхъ машинъ, тутъ же—кладовая для готоваго къ продажѣ календаря, конюшня, конный дворъ и гаражъ для автомобилей съ жильемъ для возчиковъ, шофферовъ и рабочихъ.

До войны въ главныхъ мастерскихъ Т-ва было занято до 1.700 рабочихъ.

Машинъ разныхъ въ главныхъ мастерскихъ въ настоящее время имѣется:

a) Типографскихъ для плоской печати:

1) Ротаціонныхъ	14
2) Большихъ иллюстраціонныхъ	24
3) Среднихъ	19
4) Малыхъ	11
5) Американокъ	7
6) Типографскихъ станковъ	14

b) Литографскихъ:

1) Ротаціонныхъ съ цинка	5
2) Большихъ плоскихъ	15
3) Среднихъ	2
4) Малыхъ	12
5) Литографскихъ станковъ	29

c) Машинъ наборныхъ:

1) „Монотипъ“	6 съ 4-я отливн. машинами.
2) „Типографъ“	6

d) Машинъ словолитни:

1) Комплектныхъ	5
2) Ручныхъ	3

e) Разныхъ машинъ:

1) Фальцовальныхъ	24
2) Рѣзальныхъ	25
3) Швейныхъ	28
4) Высѣкальныхъ	8
5) Золотарныхъ паровыхъ прессовъ	3
6) Золотарныхъ ручныхъ прессовъ	10

f) И разныхъ вспомогательныхъ станковъ парового движенія до 70 шт.

Количество отпечатковъ, получаемыхъ типографіей ежегодно, равняется 175.000.000, литографіей—6.000.000.

Мастерскія Т-ва только по книгоиздательству и литографіи расходуютъ ежегодно до 350.000 пудовъ бумаги.

Всего товара производилось въ послѣдніе годы на сумму до 4.000.000 руб. ежегодно.

Кромѣ главныхъ описанныхъ нами мастерскихъ, Т-во имѣетъ еще на Андроньевкѣ въ заарендованномъ помѣщеніи литографію, принадлежавшую фирмѣ Е. И. Коноваловой, съ 15-ю средними литографскими машинами для печатанія народныхъ картинъ и дешевыхъ дѣтскихъ книжекъ. Типографія же и переплетная фирмы Е. И. Коноваловой съ Андроньевки были перенесены на Пятницкую ул. и соединены съ главными мастерскими, а освободившееся помѣщеніе занято болѣе старыми и мелкими, но однородными литографскими машинами съ цѣлью выработки одного сорта товара, чѣмъ достигнута значительная экономія въ расходахъ по производству.

Въ настоящее время въ Андроньевскомъ отдѣленіи Т-ва занято до 150 человѣкъ.

Т-во имѣетъ также переплетныя мастерскія при московской губернской тюрьмѣ. Помѣщеніе мастерскихъ было выстроено администраціей тюрьмы, а техническое оборудованіе, согласно требованіямъ новѣйшей техники переплетнаго ремесла, устроено Т-вомъ И. Д. Сытина. Работаетъ здѣсь до 300 человѣкъ арестантовъ.

Помимо главныхъ и побочныхъ мастерскихъ, Т-ву принадлежитъ также одна изъ самыхъ большихъ въ Москвѣ газетныхъ типографій, въ которой печатается „Русское Слово". Исторія этой типографіи такова. Газета начала свое существованіе въ 1897 году, когда въ декабрѣ мѣсяцѣ былъ отпечатанъ пробный листъ ея въ типографіи на Пятницкой ул. и разосланъ въ видѣ рекламы разнымъ лицамъ.

1 января 1895 года вышелъ 1-й номеръ газеты подъ редакціей А. А. Александрова; издателями газеты были: И. Д. Сытинъ, М. Т. Соловьевъ, А. А. Александровъ, Ѳ. Н. Плевако и другіе. Газета печаталась въ университетской типографіи на плоскихъ машинахъ.

28 августа 1897 года газета перешла въ собственность Ивана Дмитріевича Сытина и продолжала печататься въ университетской типографіи.

Въ декабрѣ 1897 года для газеты въ д. Титова, на Старой площади, устраивается собственная типографія съ одной ротаціонной машиной завода Кенигъ и Бауэръ (теперь она находится въ типографіи на Пятницкой).

12 января 1901 года типографія „Русскаго Слова" переводится на Петровку, въ домъ С. И. Грачева (бывшее помѣщеніе типографіи Левенсонъ).

8 іюля 1904 года типографія переведена была въ домъ Обидиной— въ бывшее помѣщеніе типографіи А. В. Васильева. Здѣсь были поставлены: машина „Викторія", пріобрѣтенная изъ типографіи А. В. Васильева, и машина Альберта (Франкенталь). Первая изъ нихъ, „Викторія", впослѣдствіи была продана Францу Марку, вторая (Альбертъ) переведена на Пятницкую въ типографію. Здѣсь же были поставлены 1 ротаціонная машина Кенигъ и Бауэръ и 1 ротаціонная машина Маринони—шириною полотна $24^1/_2$ верш. Эта послѣдняя машина въ 1911 году была продана И. И. Флоръ.

1 мая 1905 года типографія были переведена на Тверскую, въ домъ Товарищества И. Д. Сытина (бывш. Лукутиной), въ спеціально выстроенное для типографіи помѣщеніе.

Здѣсь имѣлись слѣдующія ротаціонныя машины:

1 Кенигъ и Бауэръ шир. $15^1/_8$ верш.

1 Викторія.

1 Кенигъ и Бауэръ $24^1/_2$ верш.

2 Маринони $24^1/_2$ верш.

Въ 1906 году пріобрѣтены отъ И. И. Флоръ 5 наборныхъ машинъ „Типографъ".

Въ 1908 году куплено у него же:

2 наборныя машины „Типографъ" и 1 ротаціонная машина „Аугсбургъ" въ 2 роля, шир. $24^1/_2$ верш.

Въ этомъ же году пріобрѣтены 2 наборныя машины „Линотипъ".

Въ 1909 году пріобрѣтены 2 наборныя машины „Линотипъ".

Въ 1910 году пріобрѣтены 2 наборныя машины „Линотипъ" и

1 ротаціонная машина „Аугсбургъ" въ 2 роля, шир. $24^1/_2$ верш.

Въ 1911 году пріобрѣтены 2 ротаціонныя машины „Аугсбургъ" въ 2 роля, шир. $24^1/_2$ верш., 2 наборныя машины „Линотипъ" и 1 стереотипный аппаратъ.

Въ 1913 году пріобрѣтены:

1 ротаціонная машина „Аугсбургъ" въ 2 роля, шир. $24^1/_2$ верш.

1 „ „ „Аугсбургъ" въ 4 роля, шир. $24^1/_2$ верш.

2 наборныя машины „Линотипъ" и

1 стереотипный аппаратъ.

Въ 1915 году пріобрѣтены 1 ротаціонная машина „Альбертъ и К°" и 1 наборная машина „Линотипъ".

Въ настоящее время въ типографіи газеты „Русское Слово" находятся:

1 однорольная ротаціонная машина завода Маринони.

1 „ „ „ „ Кенигъ и Бауэръ.

1 однорольная ротаціонная машина завода Кенигъ и Бауэръ.
1 „ „ „ „ Альбертъ и К°.
6 двухрольныхъ „ „ „ Аугсбургъ.
7 наборныхъ машинъ „Типографъ“.
11 наборныхъ машинъ „Линотипъ“.
2 стереотипныхъ аппарата.
1 стереотипный аппаратъ для отдѣлки стереотипа.

Служащихъ и рабочихъ въ типографіи „Русскаго Слова“ 1.200 человѣкъ.

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ШКОЛА ПРИ ГЛАВНОЙ ТИПО-ЛИТОГРАФІИ Т-ВА И. Д. СЫТИНА.

При настоящемъ очеркѣ технической стороны Т-ва не лишнимъ будетъ остановиться на краткомъ обзорѣ развитія и дѣятельности художественной школы при типо-литографіи. Въ 1903 году Т-мъ И. Д. Сытина была учреждена школа техническаго рисованія и литографскаго дѣла. Задачей организаціи такого учрежденія было имѣть постоянный притокъ свѣжихъ, грамотныхъ въ художественномъ отношеніи, молодыхъ тружениковъ на поприщѣ литографскаго производства. Основной задачей школы было обратить главное вниманіе на обученіе литографскому искусству и потребному для него техническому рисованію. Такая система преподаванія неуклонно проводилась до 1905 года. Когда же послѣ пожара школа, раньше другихъ отдѣленій фабрики, возобновила свои функціи, то цѣли обученія литографіи временно отошли на второй планъ. Такъ какъ всѣ клише типографіи были уничтожены пожаромъ, то на школу и было возложено въ первую очередь заняться возстановленіемъ необходимыхъ для самыхъ ходовыхъ изданій (буквари, учебники, стѣнныя школьныя пособія и дѣтскія книги) старыхъ рисунковъ, поправкою фотографій, сохранившихся отпечатковъ съ погибшихъ клише, а также изготовленіемъ новыхъ оригиналовъ обложекъ, иллюстрацій, заставокъ, алфавитовъ заглавныхъ буквъ и цѣлыхъ комплектовъ титульнаго шрифта. Въ это тяжелое время школѣ некогда было продолжать достиженіе основной цѣли. Съ этого момента учебныя занятія школы начинаютъ сильно видоизмѣняться, приспособляясь болѣе къ художественно-графическому творчеству. Первоначальныя задачи школы—имѣть только лишь хромолитографовъ—значительно расширились; на ряду съ ними въ настоящее время выходятъ

изъ нея и художники-графики, назначеніемъ которыхъ служитъ создавать на бумагѣ оригиналы-эскизы. Первый выпускной годъ (1908 г.) далъ ихъ немного. Но увеличивающаяся потребность издательства въ болѣе полномъ художественномъ украшеніи своихъ изданій заставляетъ школу выпускать художниковъ-графиковъ все больше и больше. Понятно, что и методъ преподаванія чистаго рисованія съ натуры и сообщеніе прочихъ вспомогательныхъ

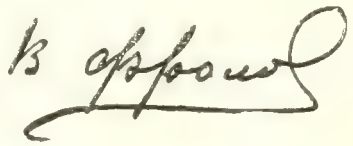
Классъ рисованія за урокомъ. *Рис. ученика В. Баюскина.*

для художника познаній, какъ анатомія, перспектива и изученіе законовъ сочетанія цвѣтовъ, улучшились настолько, что школа посылаетъ своихъ учениковъ въ московское училище живописи, ваянія и зодчества за полученіемъ высшаго художественнаго образованія. Въ настоящее время школа рисованія обслуживаетъ многія отдѣленія фабрики, поставляя туда самостоятельныхъ спеціалистовъ-мастеровъ съ болѣе или менѣе художественной подготовкою. Школа иллюстрируетъ буквари, всевозможные учебники и

учебныя пособія, включительно до самыхъ сложныхъ и хорошо исполненныхъ литографій, настольные и отрывные календари, беллетристическія изданія дѣтской литературы.

Школа цѣлыми серіями изготовляетъ обложки различныхъ юбилейныхъ изданій и изданій „народныхъ", заставки къ подписнымъ изданіямъ: „Великая реформа", „Отечественная война", „Три вѣка" и проч., плакаты по сельскому хозяйству, журналамъ и т. п.

При пріемѣ въ школу отдается преимущество дѣтямъ служащихъ и рабочихъ въ Т-вѣ, а также жителямъ селъ и деревень. Для поступленія требуется окончаніе начальной школы. Общее образованіе пополняется на вечернихъ классахъ, которые ведетъ воспитатель школы. Курсъ пятилѣтній. Полное содержаніе учащихся за счетъ Т-ва.



ПРИВѢТСТВІЯ

С. ВАРШАВСКІЙ.

Привѣтъ отъ защитника!

Сергѣй Варшавскій

Я. БОРИСОВЪ.

Для потомства важны не личныя качества и свойства человѣка, которыя умираютъ вмѣстѣ съ нимъ, а тѣ дѣла и поступки, которые переживаютъ человѣка и отражаются въ жизни грядущихъ поколѣній. Честь и слава дѣятелямъ, заслуги которыхъ будутъ отмѣчены на святѣй скрижалѣ добрыхъ дѣлъ.

Яковъ Борисовъ.

Док. мед. А. БОГАЕВСКІЙ.

Сердечно привѣтствую уважаемаго И. Д. Сытина съ пятидесятилѣтіемъ его издательской дѣятельности, какъ одинъ изъ многочисленныхъ читателей его изданій.

А. Богаевскій.

* * *

А. ВЕРНЕРЪ.

Глубокоуважаемый Иванъ Дмитріевичъ! Примите мои поздравленія по случаю 50-лѣтія Вашей столь плодотворной и столь полезной дѣятельности. Вы—человѣкъ, который, съ тѣхъ поръ, какъ существуетъ Россія, сдѣлалъ, можетъ-быть, больше, чѣмъ кто-либо для воспитанія и просвѣщенія русскаго народа. Вы научили читать и любить чтеніе милліоны русскихъ людей и Вы удовлетворяли въ продолженіе 50-ти лѣтъ ихъ духовную жажду. Вы создали также обширную аудиторію „Русское Слово", въ которомъ милліоны людей всѣхъ классовъ общества получаютъ ежедневныя свѣдѣнія и мысли. Въ продолженіе восьми лѣтъ я могу слѣдить и опредѣлять, какое значеніе имѣетъ Ваша газета за границей, какимъ почетомъ окружено Ваше имя среди англійскихъ и французскихъ издателей. Пусть Ваша дѣятельность во главѣ Вашего обширнаго предпріятія длится еще годы и годы на пользу русскаго народа и русской литературы.

А. Вернеръ.

А. ВИШНЯКОВЪ.

Глубокъ цѣню многоуважаемаго Ивана Дмитріевича какъ неутомимаго, неукраснимаго работника въ дѣлѣ распространенія народнаго образованія. Дай Богъ ему силъ, здоровья и энергіи продолжать его многополезную дѣятельность въ этомъ направленіи на долгіе годы.

Алексѣй Вишняко

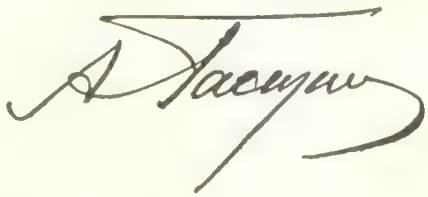
А. ГАЛУНОВЪ.

Глубокоуважаемый
Иванъ Дмитріевичъ!

Пятьдесятъ слишкомъ лѣтъ тому назадъ Вашъ покорный слуга—тогда еще простой крестьянскій мальчикъ — по полотну строившейся Курской дороги пѣшкомъ прибылъ въ первопрестольную столицу и поступилъ въ наборщики типографіи Каткова. Печатное и издательское дѣло въ Москвѣ было еще въ очень и очень скромныхъ размѣрахъ. Скоропечатныя газетныя машины давали лишь 2.400 оттисковъ въ часъ.

Эти воспоминанія невольно возникаютъ въ день славнаго юбилея Вашей издательской дѣятельности. Какъ живой свидѣтель и непосредственный участникъ колоссальнаго развитія типографскаго и издательскаго дѣла въ Россіи, я съ восторгомъ могу отмѣтить значеніе для этого развитія Вашего яркаго дарованія и безпримѣрной энергіи. Какъ издатель Вы пріобрѣли міровую извѣстность. Организованныя и руководимыя Вами громадныя предпріятія едва успѣваютъ удовлетворять безконечныя требованія на Ваши многочисленныя изданія, въ большинствѣ возникшія по Вашей иниціативѣ.

Съ чувствомъ умиленія и искренней благодарности за все, что Вами сдѣлано для грамотной Россіи, привѣтствую Васъ въ день пятидесятилѣтія неутомимой Вашей дѣятельности и отъ души желаю ея продолженія на многіе годы



А. ГРУЗИНСКІЙ.

Нельзя не признать выдающимся
дѣятельности И. Д. Сытина; нѣтъ
лица Книжнаго просвѣщенія въ послѣднее
50 лѣтъ не могутъ обойти его имени.
Считаю очень удачной мысль объ учрежденіи
„Дома Книги“

А. Е. Грузинскій

А. ЕРАНЦЕВЪ.

Отъ имени Севастопольскаго Городского Управленія сердечно привѣтствую Ивана Дмитріевича Сытина по случаю исполнившагося 50-тилѣтія его плодотворной дѣятельности на пользу русскаго просвѣщенія.

Севастопольскій Городской Голова А. Ѳ. Еранцевъ.

А. КОНОВАЛОВЪ.

Дорогой Иванъ Дмитріевичъ!

Широка и необъятно-велика наша родная Русь! Нужны были, поистинѣ, богатырскія силы, великія силы, идущія изъ нѣдръ здоровой родной земли, чтобы Русь, проснувшись, оглядѣлась и познала себя самое, увидѣла свое могучее грядущее и постигла свои огромныя задачи, свое большое значеніе...

Тщетно думали реформаторы нашей великой Россіи, что весь яркій свѣтъ добра и знанія къ намъ придетъ только съ Запада.

Нѣтъ... Руси нужны были свои силы, свои носители свѣта и просвѣщенія, свои вѣстники свѣтлаго грядущаго, вышедшіе изъ глубины народныхъ массъ и любящіе свою великую родину.

Однимъ изъ немногихъ такихъ богатырей, таящихъ въ груди силу неизмѣримую, были Вы, дорогой Иванъ Дмитріевичъ.

Великій символъ въ той датѣ, къ которой пріурочено выраженіе Вамъ всеобщаго „спасибо“ за все огромное дѣло, которое совершили Вы.

День освобожденія крестьянъ можетъ быть поставленъ рядомъ съ днемъ начала освобожденія духа и разума народа.

Вы были піонеромъ осуществленія завѣтнѣйшей мечты лучшихъ людей Россіи,—мечты разбудить могучій народъ къ плодотворной и разумной работѣ.

Надо было быть титаномъ духа и терпѣнія, чтобы заставить не только читать, но и научить читать, ибо слѣпые всегда встрѣчали отрицаніемъ тѣхъ, кто несъ имъ прозрѣніе.

Вы сумѣли внушить вѣру, а въ вѣрѣ—сила и побѣда.

И Вы побѣдили. Оглянитесь съ той вершины, на которую Вы неустанно всходили въ теченіе пятидесяти лѣтъ, и Вы увидите необъятное пространство, запруженное арміей грамотныхъ людей. Все это мобилизовано Вами и въ этомъ—величайшая побѣда, какую можетъ одержать человѣкъ.

Начиная съ темнаго офени и кончая образованнѣйшими людьми литературы, науки и искусства, всѣмъ Вы сумѣли сказать новое, бодрящее и вдохновляющее слово, всѣхъ Вы сумѣли объединить въ единомъ стремленіи зажечь огнемъ творчества и любви къ дѣлу.

И вмѣстѣ со мною многіе на Руси земной поклонъ шлютъ Вамъ, могучій богатырь книжнаго дѣла, любимый родиною сынъ, краса и гордость матери Россіи.

А. А. Коноваловъ

Л. ЛИДАНОВА.

За широкий просторный путь
дѣтской книги — теплое спасибо
многоуважаемому Ивану
Дмитриевичу Сытину.

Л. Лиданова

М. МАКАРЕВСКІЙ.

Тотъ, кто пережилъ съ Иваномъ Дмитріевичемъ погромъ 1905 г., кто видѣлъ сытинскую фабрику на Пятницкой тогда и теперь, тотъ съ радостью воскликнетъ:

„И подъ пепломъ ты лежала полоненною
И изъ пепла ты возстала неизмѣнною!“

А кто наблюдалъ, какими гигантскими размахами послѣ 1905 года развивалось и до какихъ размѣровъ развилось Товарищество И. Д. Сытина, кто знаетъ, что это дѣло ума и энергіи его, Ивана Дмитріевича, тотъ смѣло скажетъ: да, И. Д. Сытинъ—это русскій богатырь духовныхъ силъ, котораго не побѣдить никакими погромами!

Мих. Макаревскій

Д. МАКОВСКІЙ.

Созданіе „Дома книги“ явится достойнѣйшимъ памятникомъ той культурной работы, которую въ теченіе полувѣка выполнялъ Иванъ Дмитріевичъ Сытинъ.

Неустанная энергія юбиляра вызываетъ чувства живѣйшаго восхищенія и въ средѣ его собратьевъ по издательскому дѣлу, которые въ достигнутыхъ имъ успѣхахъ черпаютъ силу и бодрость для дальнѣйшей работы на трудной издательской нивѣ.

Л. ОГОРОДНИКОВЪ.

Достоуважаемый
Иванъ Дмитріевичъ!

Практика всѣхъ прежнихъ войнъ и настоящей великой снова указываетъ, что двѣ трети успѣха войны зависятъ отъ состоянія духа бойца, его бодрости, моральной силы.

Казалось бы, что вышеуказанное установившееся мнѣніе о значеніи духа войскъ для побѣды должно сильно поколебаться въ переживаемую войну народовъ,—войну техники въ буквальномъ смыслѣ этого слова, но мы знаемъ, что и сами нѣмцы, у которыхъ техника поставлена образцово и выше всѣхъ изъ воюющихъ народовъ (по крайней мѣрѣ, это было въ первый годъ войны), и тѣ (нѣмцы) не ей—техникѣ—придаютъ первенствующее значеніе для побѣды, а тому же состоянію духа арміи. Еще въ первый годъ войны нѣмцы говорили, что побѣдитъ въ этой міровой войнѣ тотъ, у кого духъ бодръ, закаленъ и выдержитъ до конца войны; техника является лишь только вспомогательнымъ средствомъ, вѣдь воюютъ не мертвыя силы, бездушныя машины, — воюетъ живой человѣкъ—и „война есть прежде всего борьба духа“.

„Побѣждаетъ лишь тотъ, кто твердо рѣшилъ побѣдить, и пострадаетъ въ борьбѣ тотъ, кто раньше признаетъ себя побѣжденнымъ“. Конечно, одного только воодушевленія безъ матеріальнаго обезпеченія бойца въ смыслѣ средствъ обороны тоже мало, здѣсь одно другое дополняетъ, одно безъ другого не можетъ быть и довести войну до столь необходимой и скорѣйшей побѣды возможно только при гармоническомъ сочетаніи этихъ двухъ основныхъ условій побѣды.

Въ смыслѣ техническаго оборудованія и для нашей дѣйствующей арміи уже много сдѣлано и больше того еще дѣлается.

Въ дѣлѣ же воспитанія духа самихъ войскъ, въ поддержаніи бодрости въ настроеніи всего русскаго общества для перенесенія тяготъ войны,—вообще для поддержанія духовныхъ и моральныхъ силъ русскаго народа какъ въ дѣйствующей арміи, такъ и въ тылу ея, въ цѣляхъ влить „душу живу“ въ великое святое дѣло защиты своей Родины,—вся эта тяжелая работа естественно легла и ложится, главнѣйшимъ образомъ, на нашу печать.

Вотъ въ этомъ-то послѣднемъ смыслѣ для нашей столь желанной скорѣйшей побѣды Вы, Глубокоуважаемый Иванъ Дмитріевичъ, сдѣлали безконечно много для Родины, которая по достоинству цѣнитъ Васъ

и должна оцѣнить особенно въ день 50-лѣтія Вашей кипучей общественной и государственной работы.

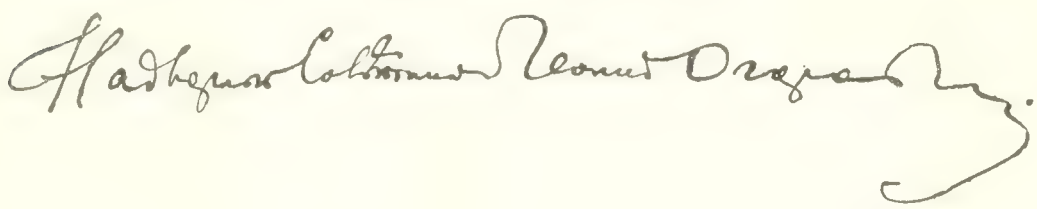
Сдѣлали Вы много и лично для нашего героя воина, удешевивъ книгу и издавъ спеціально для нижнихъ чиновъ книгу популярнымъ и доступнымъ для него слогомъ.

Просматривая здѣсь уже въ дѣйствующей арміи каталоги солдатскихъ библіотекъ, я невольно сразу же натолкнулся на цѣлый рядъ солдатскихъ книжекъ, изданныхъ Вами уже во время войны, рекомендованныхъ высшимъ военнымъ начальствомъ; изданы даже альбомы Сытина изъ жизни настоящей войны.

Да дастъ Вамъ Господь Богъ силъ и здоровья и еще на многіе и многіе годы съ такой же поражающей Вашей энергіей какъ Вамъ, Глубокоуважаемый Иванъ Дмитріевичъ, такъ и всѣмъ Вашимъ сотрудникамъ продолжать столь полезную работу на благо нашей Родины и для скорѣйшаго достиженія побѣды надъ коварнымъ и сильнымъ пока еще врагомъ.

Просили передать Вамъ такія же пожеланія и благодарность всѣ мои сослуживцы, читатели „Русскаго Слова“.

Главный врачъ 510-го полев. подв. госпиталя



* * *

Глубокоуважаемый
Иванъ Дмитріевичъ!

Вы всѣмъ своимъ существомъ полвѣка любили правду, стремились къ добру, и Вы теперь не можете сомнѣваться въ своемъ безсмертіи. Радуюсь Вамъ и за Васъ и желаю Вамъ душевнаго спокойствія для Вашей полезной работы.

Крестьянинъ-самоучка Нижегородской губерніи, Сергачскаго уѣзда,
Петръ Николаевичъ Сафроновъ.

С. САЗОНОВЪ. В. ВЕРХОВСКІЙ.

Начавши съ малаго, создать громадное издательство, — для этого мало обладать исключительной энергіей, надо кромѣ того пламенѣть неостывающей любовью къ книгѣ, къ дѣлу просвѣщенія.

С. Сазоновъ
В. Верховскій

А. СКУГАРЕВСКІЙ.

Считаю себя въ правѣ привѣтствовать Васъ въ знаменательный день исполнившагося пятидесятилѣтія Вашей плодотворной дѣятельности на пользу просвѣщенія русскаго народа.

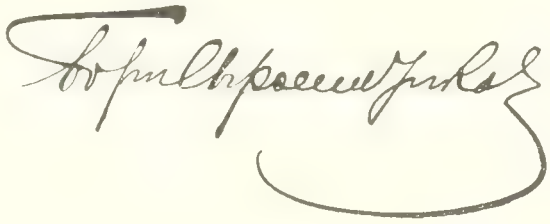
Занимаясь всю жизнь военнымъ дѣломъ, мнѣ особенно пріятно принести Вамъ благодарность, къ которой, надѣюсь, присоединятся тысячи военныхъ, за Ваше прекрасное изданіе „Военная энциклопедія".

Дай Богъ Вамъ на много лѣтъ сохранить силы и здоровье, чтобы такъ же плодотворно служить Родинѣ, какъ Вы служили ей до сихъ поръ.

Примите увѣреніе въ моемъ глубокомъ къ Вамъ уваженіи.

Б. СЫРОМЯТНИКОВЪ.

И. Д. Сытин — это пионер грядущей русской Америки, это — яркая иллюстрация той скрытой в массах русского народа творческой производительной силы, которая, как культурной силой, призвана возродить великую Россию.



К. ТРЕНЕВЪ.

Случайно грамотный мальчикъ, давно, съ голоду по книгѣ, растерзавшій въ клочки свою библіотеку — „Родное Слово“ и рукописный „Сонъ Пресвятыя Богородицы“, я тосковалъ по книжкѣ острой тоской.

Однажды къ намъ въ землянку, затерянную въ балкѣ среди безлюдной степи, какимъ-то чудомъ зашелъ коробейникъ съ книжками, на которыхъ было имя—„И. Д. Сытина“.

Считая по пальцамъ свѣтлые дни своего темнаго безрадостнаго дѣтства, я включаю туда и этотъ день.

Въ благодарность за это желаю И. Д. Сытину высшей награды: чтобы имя его стало такимъ же символомъ свѣта и высокой радости для родившаго насъ съ нимъ крестьянина, какимъ было оно для меня въ убогую пору моего дѣтства.

К. Треневъ.

А. ФОРТУНАТОВЪ.

Давно тревожитъ меня одна мысль: нельзя ли какъ-нибудь помочь тому, чтобы наши книгоиздательства принялись за опубликованіе (въ цѣломъ составѣ или въ извлеченіяхъ) многочисленныхъ студенческихъ письменныхъ работъ, исполняемыхъ въ разныхъ учебныхъ заведеніяхъ. Какъ-то стыдно стоять около этого обильнаго источника творческой мысли и ничего не дѣлать для того, чтобы этотъ источникъ былъ доступенъ возможно бо̀льшему кругу людей.

Алексѣй Фортунатовъ

Э. ШИДЛОВСКІЙ.

Когда нормы права бываютъ призваны способствовать дѣятельности человѣка исключительнаго своей одаренностью въ пониманіи важнѣйшихъ двигателей жизни, тогда изъ просто полезныхъ онѣ дѣлаются прекрасными.

Эд. Шидловскій

М. ЭРТЕЛЬ.

Сердечно привѣтствую глубокоуважаемаго юбиляра, на долю котораго выпало рѣдкое счастье видѣть исполненною свою завѣтную мечту, на осуществленіе которой положено столько непреклонной энергіи, горячей любви, огромной инициативы и блестящаго организаторскаго таланта: едва ли есть теперь такой уголокъ въ Россіи, гдѣ бы не нашлось хорошей, нужной и полезной книги изданія И. Д. Сытина!

М. Эртель

ЛИЦА, ПРИНЯВШІЯ УЧАСТІЕ ВЪ НАСТОЯЩЕМЪ СБОРНИКѢ.

Аджемовъ, М., членъ Гос. Думы.
Алексѣевъ, Г., художникъ.
Алчевская, Х., дѣятельница по народному образованію.
Ананьинъ, В., педагогъ.
Балтрушайтисъ, Ю., поэтъ.
Батюшковъ, Д. писатель, общ. дѣят.
Бернацкій, М., профессоръ.
Бехтеревъ, В., академикъ.
Бирюковъ, П., писатель.
Благовъ, Ѳ., редакторъ газеты „Русское Слово".
Богаевскій, А., докт.-медицины.
Богатовъ, Н., художникъ.
Богдановъ-Бѣльскій, Н., художникъ.
Бодуэнъ-де-Куртенэ, И., профессоръ.
Борисовъ, Я., членъ 1-й Гос. Думы.
Брянскій, В., тов. моск. гор. головы.
Будищевъ, А., писатель (†).
Бунинъ, И., академикъ.
Бурышкинъ, П., общественный дѣятель.
Бьеркенгеймъ, Г., представитель финляндской писчебумажной промышленности.
Бѣлоусовъ, И., поэтъ.
Бѣльскій, Л., педагогъ.
Варапаевъ, Д., художникъ.
Варшавскій, С., прис. повѣр.
Василевскій-Буква, И., писатель.
Васнецовъ, Ап., академикъ.
Васнецовъ, В., профессоръ.
Вахтерова, Э., дѣятельница по народному образованію.
Вахтеровъ, В., педагогъ.
Венгеровъ, С., профессоръ.
Вернеръ, А., журналистъ.
Верховскій, В., химикъ.
Веселовскій, Б., публицистъ.
Вишняковъ, А., финансовый и общественный дѣятель.
Вольфъ, Л., книгоиздатель.
Воробьевъ, В., докторъ, приватъ-доцентъ.
Востряковъ, Б., торгово-пром. и обществ. дѣятель.
Второвъ, Н., финансовый и общественный дѣятель.
Галуновъ, А., типографскій дѣятель.
Гальберштадтъ, Л., журналистъ.
Гаушъ, А., художникъ.

Гермашевъ, М., художникъ.
Гиляровскій, Вл., журналистъ.
Гиляровскій, Вас., докт.-медицины.
Глоба, Н., дир. Имп. Строг. Уч.
Гольденштейнъ, Ю.
Гольдштейнъ, І., профессоръ.
Городецкій, Н., педагогъ.
Горькій М., писатель.
Грабарь, И., художникъ.
Грековъ, Ѳ., педагогъ.
Гредескулъ, Н., профессоръ.
Грузинскій, А., педагогъ, обществ. дѣятель.
Гуринъ, Г., профессоръ.
Гусевъ, А., редакторъ календарнаго отдѣла Т-ва И. Д. Сытина.
Гусевъ, С., редакторъ календарнаго отдѣла Т-ва И. Д. Сытина.
Довнаръ - Запольскій, М., профессоръ.
Долгова, Е., писательница.
Долговъ, С., финансовый дѣятель.
Дорошевичъ, В., писатель.
Дрожжинъ, С., народный поэтъ.
Дучинскій, Н., педагогъ.
Еранцевъ, А., севастоп. городской голова.
Желѣзновъ, В., профессоръ.
Живаго, Н., художница.
Жилкинъ, И., журналистъ.
Заборскій, А., педагогъ.
Игельстромъ, А., журналистъ.
Игнатьевъ, В., докторъ медицины, общ. дѣятель.
Икскуль, В., барон., общественная дѣятельница.
Іорданскій, Н., педагогъ.
Кааранъ, А., журналистъ.
Калмыкова, А., общ. дѣятельница.
Карабчевскій, Н., присяж. повѣр.
Карташевъ, А., профессоръ.
Касаткинъ, А., художникъ.
Касаткинъ, Н., художникъ.
Кашкинъ, Н., профессоръ консерваторіи.
Кедровъ, І., священникъ.
Ковалевскій, Е., чл. Гос. Думы.
Кони, А., сенаторъ.
Коноваловъ, А. А., книжный дѣятель.
Коноваловъ, А. И., чл. Гос. Думы.
Коршъ, Ф., директоръ театра.
Кошелевъ, Н., профессоръ.
Кропоткинъ, А., кн., общ. дѣятель.
Крыловъ, А.
Купринъ, А., писатель.
Левенсонъ, А., типографскій дѣятель.
Левинскій, В., общественный дѣятель.
Ледницкій, А., прис. повѣр., общественный дѣятель.
Лиданова, Л., писательница.
Лидовъ, П., прис. повѣренный.
Лукашевичъ, Кл., писательница.
Львова, М., кн., писательница.
Львовъ, Г., кн., Главноуполномоч. Всерос. Земск. Союза.
Любченко, Д., педагогъ.
Мазингъ, К., педагогъ, обществ. дѣятель.
Макаревскій, М., прис. повѣр.
Маклаковъ, В., членъ Гос. Думы.
Маковскій, Д., типографскій дѣятель.
Макушинъ, П., общ. дѣятель, учредитель Томскаго народнаго университета.

Малютинъ, С., художникъ.
Маттернъ, Э., мировой судья., общественный дѣятель.
Мережковскій, Д., писатель.
Миловидовъ, В., торг.-пром. дѣятель.
Михаилъ, епископъ (†).
Моравовъ, А., художникъ.
Насимовичъ, А., педагогъ.
Немировичъ-Данченко, Вас., писатель.
Нестеровъ, М., художникъ.
Нечаевъ, А., профессоръ.
Никольскій, В., журналистъ.
Новиковъ, М., членъ Гос. Думы.
Овсянико-Куликовскій, Д., професс.
Огородниковъ, Л., военный врачъ.
Ольденбургъ, С., академикъ.
Павельевъ, А., секретарь правленія Т-ва И. Д. Сытина.
Павловъ, И., художникъ.
Пастернакъ, Л., академикъ.
Петровъ, Г., писатель.
Пименова, Э., писательница.
Половцовъ, В., профессоръ.
Полѣновъ, В., профессоръ живописи.
Поповъ, Вас., торгово-промышленный дѣятель.
Поповъ, Вл., редакторъ журнала „Вокругъ Свѣта".
Пузыревскій, Г., членъ моск. гор. управы.
Ремизовъ, А., писатель.
Рерихъ, Н., академикъ.
Ростовцевъ, М., профессоръ.
Рубакинъ, Н., писатель.
Сафроновъ, П., крестьянинъ.
Семеновъ, М., педагогъ.
Сергѣенко, П., писатель.
Скугаревскій, А., ген., военный писатель.
Смирновъ, Е., педагогъ.
Соболевъ, Н., художникъ.
Созоновъ, С., профессоръ.
Соколинскій, А., журналистъ.
Соловьевъ, М., директоръ правленія Т-ва И. Д. Сытина.
Струве, Ю., писательница.
Суриковъ, В., художникъ (†).
Сыромятниковъ, Б., профессоръ, общ. дѣятель.
Телешовъ, Н., писатель.
Тесленко, Н., пр. пов., членъ 2-й и 3-й Гос Думы, обществ. дѣятель.
Тихомирова, Е., дѣятельница по народн. образов., ред.-изд. жур. „Юная Россія".
Толстой, Илья, гр., писатель.
Треневъ, К., писатель.
Трифонъ, епископъ.
Троцкій, И., журналистъ.
Трояновскій, И., педагогъ.
Тулуповъ, Н., педагогъ, общ. дѣят.
Урусовъ, Л., членъ моск. гор. упр.
Флоръ, И., торгово-промышленный дѣятель.
Фортунатовъ, А., профессоръ.
Хавкина, Л., писательница, дѣятельница по народ. образов.
Хржановскій-Поршневъ.,
Челноковъ, М., моск. гор. голова и главноуполном. Всерос. Союза городовъ.
Чертковъ, В., писатель, общ. дѣят.
Чефрановъ, С., педагогъ.
Чеховъ, Н., педагогъ.

Шидловскій, Э., нотаріусъ.
Шиль, С., писательница, дѣятельн. по народ. образованію.
Шохоръ-Троцкій, С., педагогъ.
Щепкина-Куперникъ, Т., писательн.
Щепкинъ, М., обществ. дѣятель.
Щукинъ, С., торгово-промышленный дѣятель, коллекціонеръ.
Эртель, Е., общественная дѣятельница.
Эртель, М., общественная дѣятельница.
Юницкій, П., членъ 2-й Государ. Думы.
Юонъ, К., художникъ.
Ягужинскій, С., художникъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

И. Д. Сытинъ. Г. Петровъ 3
Изъ пережитаго. Автобіографическіе наброски юбиляра 11
А. М. Горькій 29
«Мечта» И. Д. Сытина. А. Румановъ 33
Самъ свой предокъ. Вас. Немировичъ-Данченко 39
Дѣятельность И. Д. Сытина въ оцѣнкѣ русскаго общества. Н. Тулуповъ . . . 42
И. Д. Сытинъ и народный учитель. М. Семеновъ 53
Автографы . . . . . 59—106

ВОСПОМИНАНІЯ.

О томъ, какъ И. Д. Сытинъ издалъ иллюстрацію къ «Сну Макара» В. Г. Короленко. Д. Батюшковъ 109
И. Д. Сытинъ и дѣло «Посредника». П. Бирюковъ 113
И. Д. Сытинъ. Бар. В. Икскуль 120
Страница изъ исторіи преобразованія лубочныхъ книгъ. С. Ольденбургъ . . 132

КНИГА.

Книжная лавка на Спасскомъ мосту въ началѣ XVII вѣка. Ап. Васнецовъ . . 143
Лубочныя книги. Н. Чеховъ 149
Русскія лубочныя картины въ ихъ просвѣтительномъ значеніи для народа за послѣднее 75-лѣтіе нашей жизни. А. Калмыкова 163
Всенародная книга. Б. Сыромятниковъ 203
Книга. Ю. Струве 241
Культурное книгоиздательство. М. Ростовцевъ 243
Нѣсколько словъ о книгѣ въ Россіи. С. Шохоръ-Троцкій 245
Въ защиту книги. В. Вахтеровъ 247
Правовое положеніе издательскаго дѣла въ Россіи. С. Варшавскій 262
Автографы . . . . . 303—330

ДОМЪ КНИГИ.

Домъ книги 333
«Домъ книги». Г. Петровъ 336
Автографы . . . . . 338—360

Т-во И. Д. СЫТИНА.

Стр.

Т-во И. Д. Сытина. Историческій очеркъ. 363
«Русское Слово». В. Дорошевичъ 393
Народное издательство, интеллигенція и И. Д. Сытинъ. Л. Гальберштадтъ. . 423
Календарь. А. Гусевъ. 435
Читатель календаря. С. Гусевъ. 443
Учебная литература въ изданіи И. Д. Сытина. И. Гордансгій. 461
Харьковскіе коллективные труды въ изданіи Т-ва И. Д. Сытина. Л. Хавкина. . 493
Наглядныя пособія въ изданіи Т-ва И. Д. Сытина. И. К. 505
Дѣтская литература и издательство Т-ва И. Д. Сытина. Н. Чеховъ. 517
На пути къ народному богатству. Отдѣлъ промышленнаго образованія. И. Юницкій. 543
«Вокругъ Свѣта». Вл. Поповъ. 549
Журналъ «Искры» 560
Сытинское изданіе. Н. Гредескулъ. 561
Мастерскія Товарищества и ихъ развитіе. В. Фроловъ. 565
Художественная школа при главной типо-литографіи Т-ва И. Д. Сытина 582

ПРИВѢТСТВІЯ.

Автографы . . . . . 587—603

РИСУНКИ, ПОМѢЩЕННЫЕ НА ОТДѢЛЬНЫХЪ ЛИСТАХЪ.

Газета въ деревнѣ . . . . . Н. Богданова-Бѣльскаго.
Устный счетъ . . . . . Его же.
Книжная лавка . . . . . В. Васнецова.
Рябинки (этюдъ) . . . . . И. Грабаря.
Иллюминовщица . . . . . И. Касаткина.
Офеня въ деревнѣ . . . . . И. Кошелева.
Горница . . . . . С. Малютина.
Первопечатникъ . . . . . А. Моравова.
Въ скитахъ . . . . . М. Нестерова.
За книгой . . . . . А. Пастернакъ.
Деревня . . . . . Н. Рериха.
Утро въ Гороховцѣ . . . . . Н. Соболева.
Московскій уголокъ . . . . . В. Сурикова.
Ростовская ярмарка . . . . . К. Юонъ.

JUN 16 1971

Z
368
S9P6

Polvieka dlia knigi (1866-1916)

PLEASE DO NOT REMOVE
CARDS OR SLIPS FROM THIS POCKET

UNIVERSITY OF TORONTO LIBRARY